АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том II

АШХАБАД
1953

ЮТАКЭ
1947

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под редакцией начальника ЮТАКЭ профессора
М. Е. МАССОНА

Том II

Издательство Академии наук Туркменской ССР
Ашхабад — 1951

ТРУДЫ ЮТАКЭ

Второй том Трудов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, отражающий результаты второго сезона полевых работ за 1947 год, был смонтирован в 1948 году. Опубликование его, как и других работ ЮТАКЭ, несколько задержалось в связи с постигшим Ашхабад стихийным бедствием — землетрясением 6 октября 1948 года.

ПОСВЯЩАЕТСЯ XXV-ЛЕТИЮ
ТУРКМЕНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

М. Е. МАССОН

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ЮТАКЭ) 1947 г.

Основной проблемой Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции на втором году оставалось, согласно «Положению об ЮТАКЭ», участие в разрешении вопросов по установлению периодизации истории Туркменистана за все эпохи деятельности здесь человеческого общества с уделением особого внимания некоторым из них, в частности, парфянскому государству арсакидов. Вместе с тем, опираясь на накопленный опыт и полученные в 1946 г. результаты в части создания подлинной уточненной хронологической шкалы для ряда групп археологических памятников, в соответствии с поставленной целью постепенного историко-археологического охвата всей территории Южного Туркменистана, в 1947 г. была значительно расширена площадь, подвергавшаяся изучению как стационарными, так и маршрутными отрядами.

Состав участников полевых работ в 1947 г. был следующий: начальник ЮТАКЭ — профессор, доктор археологии М. Е. Массон (Ташкент); его заместитель по научной части — кандидат наук, доцент-архитектор Г. А. Пугаченкова (Ташкент); ученый секретарь и заместитель начальника ЮТАКЭ по административно-организационной части Д. М. Овезов (Ашхабад); профессор, доктор исторических наук — археолог А. П. Окладников (Ленинград); кандидаты наук: археолог С. А. Вязигин (Ашхабад); археолог-искусствовед М. И. Вязьмитина (Киев); историк-этнограф В. Г. Мошкова (Ташкент); искусствовед Л. И. Рempель (Самарканд); археолог-краевед С. А. Ершов (Ашхабад); археологи-аспиранты Среднеазиатского государственного университета: З. А. Альхамова, Е. А. Давидович, В. А. Левина, Б. А. Литвинский (Ташкент); геолог-консультант В. И. Шумов (Ашхабад); архитекторы: Е. С. Александрова и Б. В. Дмитровский (Ташкент); старший коллектор-художник В. Д. Запорожская (Ленинград); коллекторов-студентов археологического отделения САГУ — 12 (Х. Алпысбаев, Д. Ахраров, В. Массон, М. Мерщиев, Н. Немцева, О. Обельченко, З. Оралова, Е. Салтовская, К. Суворов, Ф. Хайбулина, Н. Юшко, Т. Якушева) и археологического отделения ЛГУ — 1 (А. Столляр); технического персонала, не считая землекопов, — 12. Итого 42 человека.

В течение полевого сезона, длившегося с 1 сентября до 25 ноября, экспедиция имела три лагеря (№ 1 — в Багире; № 2 — в Анау и № 3 — на городище древнего Мерва) и работала в составе следующих отрядов:

Рис. 1. Коллектив научных работников ЮТАКЭ 1947 г.

I отряд стационарный — по изучению городища «Старая Ниса». Начальник отряда С. А. Ершов; при нем два коллектора. Для изучения квадратного зала с четырехлопастными колоннами была создана особая группа из двух археологов и двух коллекторов. Начальник группы — археолог Е. А. Давидович.

II отряд стационарный — по изучению городища «Новая Ниса». Начальник отряда М. И. Вязьмитина; коллекторов трое.

V отряд маршрутный, этнографо-археологический — по изучению райсна Така-Языра-Дуруна. Начальник отряда В. Г. Мошкова. Археологическую группу составляли: археолог Б. А. Литвинский, один коллектор и один шофер.

VI отряд стационарный — по изучению городища Анау. Начальник отряда В. А. Левина; коллекторов трое.

VII отряд архитектурный. Начальник отряда Г. А. Пугаченкова; архитекторов двое; коллектор один.

VIII отряд стационарный — по изучению пригородной части городищ Старого Мерва. Начальник отряда З. А. Альхамова; коллектор один.

IX отряд маршрутный — по изучению памятников «каменного века» в Южной Туркмении. Начальник отряда — профессор А. П. Окладников; коллекторов двое; шофер один.

X отряд маршрутный (совместно с VII) — по изучению Дахистана. Начальник отряда — профессор М. Е. Массон; архитектор Г. А. Пугаченкова; коллектор один; шофер один.

XI отряд маршрутный (совместно с VII) — по обследованию маршрута Исидора Харакского. Начальник отряда — профессор М. Е. Массон; архитектор Г. А. Пугаченкова; этнограф Д. М. Овезов; археолог Е. А. Давидович; коллектор один и шофер один.

Общее количество привлекавшихся к раскопкам землекопов выражается цифрой около 2000 рабочих человеко-дней. Вынуто земли около 1600 кб м. Маршрутами покрыто несколько менее 4000 км.

В результате проведенных исследований удалось собрать весьма многочисленный, разнообразный и многозначимый вещевой материал; получить массу интересных наблюдений; установить большое количество новых фактов, начиная от ранних этапов истории развития первобытного общества на территории Туркмении и кончая прошлым туркмен за время, непосредственно предшествовавшее завоеванию страны царскими войсками; пересмотреть ряд прежних научных представлений, внести в них коррективы; отвергнуть многие старые определения, как несостоятельные; по-новому подойти к трактовке многих явлений, впервые осветить некоторые отдельные эпохи истории Южной Туркмении и наметить новую схему ее периодизации на основании документальных историко-археологических данных.

Для освещения наиболее ранних этапов в истории человеческого общества на территории не только Южного Туркменистана, но и всей советской Средней Азии и даже отчасти сопредельных стран, Ирана и Афганистана, много дали работы IX отряда, обследовавшего некоторые районы Красноводского полуострова и хребта Большие Балханы. Вопреки ошибочным определениям П. И. Борисковским и А. А. Марущенко ряда памятников, считавшихся ими за верхне-палео-

литические, при осмотре на месте самих культурных слоев и в них in situ каменных орудий оказалось, что они в действительности относятся к более позднему времени, а именно к раннему неолиту. Зато впервые для Туркменской ССР удалось обнаружить несколько пунктов с изделиями подлинного мустье (Каскыр-булак; колодцы Джанурча), а в одном случае (неподалеку от ст. ж. д. Янгаджа), повидимому, близких к ранне-мустьерским памятникам. Таким образом, в 1947 г. бесспорно установлено наличие весьма раннего заселения районов Прикаспия в пору палеолита.

Исключительно яркий и целостный материал времени эпипалеолита дали раскопки восточной части грота Дам-Дам-чашме, комплекс памятников которого, сопровождаемый раковинами Cardium edule и dentalium (обычными в ранних эпипалеолитических культурах Средиземноморья) может быть отнесен к азильскому времени. Этим новым открытием территория Туркменской ССР включается в обширный круг южных микролитических культур юга России, Западной Европы, Африки и т. д.

Неожиданный и принципиально очень важный материал дало изучение на месте древних культурных слоев у Кизыл-Лая и Куба-Сенгира, где каменные орудия верхне-палеолитического облика оказались вместе с фрагментами черной керамики плохого обжига и даже лежащими над ними, чем впервые наглядно демонстрируется наличие на территории Туркмении глубоких пережитков палеолитического времени в пору неолита. В Куба-Сенгире, кроме того, на изолированном скалистом останце была обнаружена целая «ювелирная мастерская» неолитического человека, где изготовлялись некогда бусины из раковин Cardium edule в виде кружков и овалов со следами малиново-красной окраски охрой, а также из известняка в виде массивных кружочков. Они были встречены в большом числе в двух раскопанных ямах-хранилищах, где располагались как бы нанизанными на нити. На полу валялись сотни обломков бусин, отходы производства их, миниатюрные пластинки и острия-проколки, представлявшие собой несомненные инструменты «ювелира». Обнаружение этой мастерской — одно из самых сенсационных открытий 1947 г. для эпохи неолита во всем СССР. Сами бусы имеют аналогии с раковинными деньгами Океании, вампуму североамериканских индейцев, серовскими бусами Прибайкалья и бусами из Мариупольского могильника юга России. Вместе с тем, находки у Кизыл-Лая и Куба-Сенгира дают комплексы наиболее раннего неолита Туркмении, в которых можно усматривать пережиточные следы традиций тарденуазского времени.

Памятники собственно неолита были встречены в нескольких пунктах: пещеры Кайлю, Джебела, грот Дам-Дам-чешме. В последнем обнаружена также черная керамика хорошего лощения, сделанная на гончарном кругу. В местах находок палеолитических и мезолитических изделий впервые в Туркмении встречены и определены кусочки скорлупы от яиц страусов.

Так, в результате исследований 1947 г., наконец, выявлены отчетливые контуры древнейших культур Прикаспийских районов Туркменской ССР, весьма разнообразных, сложных, с рядом пережиточных явлений. Этим положена прочная база для освобождения от анахронизмом живущих кое-где примитивных и устаревших представлений, уна-

следованных от западноевропейских и американских специалистов (Р. Пампелли, Р. Шмидт и др.), признававших здесь наличие только одного неолита, за который к тому же ошибочно принималась культура нижних слоев северного кургана Анау, относящаяся к энеолиту.

Одной из очередных задач ЮТАКЭ намечен критический пересмотр вообще всего того, что сделано в части изучения так называемых «культур Анау», получивших широкую популярность благодаря работам американской экспедиции Пампелли в начале нынешнего столетия. Хотя датировки участников этой экспедиции давно уже вызвали решительные возражения со стороны многих советских ученых, как слишком застаривающие время сложения ранних культур, встреченных на двух буграх близ развалин городища Анау под Ашхабадом, тем не менее тенденции к заглублению их во времени продолжают оставаться в научном обиходе. Проводившиеся в Туркмении местными археологами последние два десятка лет археологические изыскания в этом направлении шли по линии дальнейшего раздробления первых четырех культур Анау, установленных американской экспедицией, с доведением их (в основном по поверхностным наблюдениям в разных пунктах Южного Туркменистана, без производства раскопок) до двенадцати якобы последовательных стадий. Двенадцатая стадия, соответствующая четвертой культуре Пампелли, признавалась при этом ашхабадскими археологами синхронной эпохе мидян и ахеменидов (А. А. Марущенко, Историческая справка, Архитектурные памятники Туркмении, Москва — Ашхабад, 1939, стр. 101).

Хотя в 1947 г. в составе ЮТАКЭ не было отряда, который бы специально занимался буграми Анау с применением новой методики раскопочных работ, тем не менее проведение сплошного комплексного изучения Южной Туркмении в археологическом отношении само собой приводило к соприкосновению с проблемой культур Анау. При изучении городища Анау попутно были просмотрены обрезы траншей и раскопов, заложенных в 1885 г. А. В. Комаровым и в 1904 г. Р. Пампелли на северном кургане, причем сотрудниками ЮТАКЭ был собран небезинтересный вещевой материал и сделан ряд новых наблюдений. В частности, в нижних слоях с так называемой первой культурой Анау установлено наличие полуобожженных продолговатых кирпичей, размером 28×19×8,5 см³, принадлежавших видимо очагу. В верхних слоях, относимых ко второй культуре Анау, отмечены кладки комнатных стен, толщиной в среднем несколько более 22 см, сложенных из сырцовых продолговатых кирпичей, размерами 35,5×22×9 см и 37×22×7 или 10 см. В обрезе северного шурфа Р. Пампелли ближе к раскопу А. В. Комарова прослежена на протяжении свыше 2 м стена комнаты, облицованная сплошь фрагментами толстостенных корчаг-хумов (1,5—3 см), обращенными наружу своей выгнутой стороной. Вставка в середине большого куска от бока крупного хума, вследствие крутой изогнутости поверхности фрагмента, создает впечатление как бы нарочито намеченной здесь ниши.

В траншее А. В. Комарова был найден округлый каменный предмет, представлявший собой слегка уплощенную гальку с просверленным сквозным отверстием ближе к одному краю, благодаря чему в целом получалось впечатление «гири». Вторая такая «гиря» исключи-

тельно крупных размеров была обнаружена в одном дворе селения Анау, где использовалась в настоящее время в качестве прикола для подвязывания к ней ослов. Аналогичные каменные «гири» до полуметра в длину и свыше 30 см в высоту встречены были нами и на городище Намазгар-депе. По мнению А. П. Окладникова, эти своеобразные «гири» могли служить раскачивавшимися отвесами маятников каких-то механизмов, может быть, даже ирригационного характера.

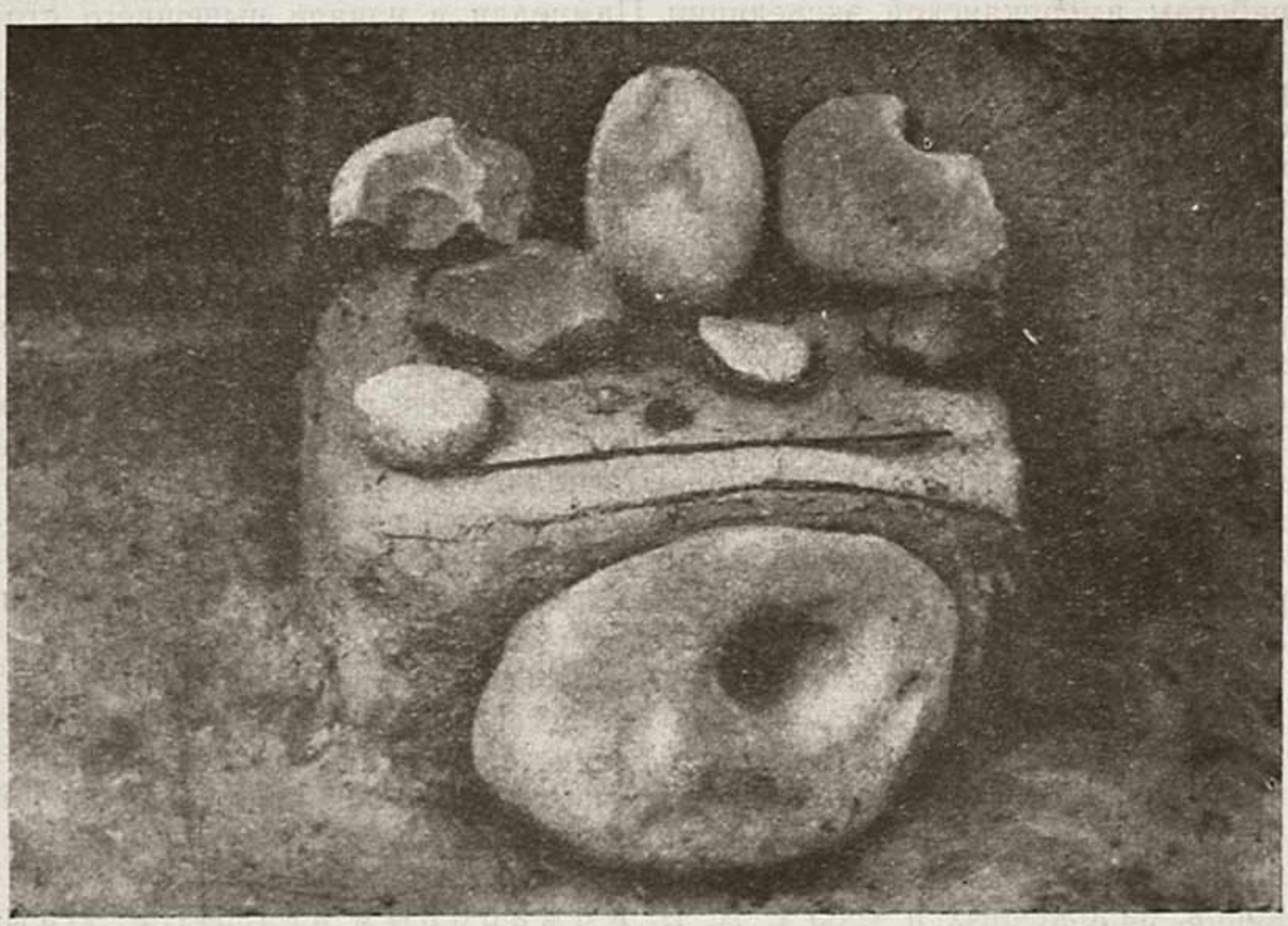


Рис. 2. Каменные предметы с городища Анау.

В 1947 г. впервые был подвергнут обследованию вал, тянущийся примерно в широтном направлении от шлейфа южного кургана к городищу Анау на протяжении 400 м. Произведенными археологическими разрезами установлено его искусственное происхождение, причем в его толще встречены в небольшом количестве фрагменты керамической утвари не позднее парфянского времени. Вместе с тем, выяснено отсутствие каких бы то ни было следов глинобитной кладки, по которым можно было бы признать этот вал за остатки относящейся к городищу внешней стены. Повидимому, сохранившийся в современном рельефе местности отрезок представляет собой часть вала, принадлежавшего примитивной системе лиманного орошения, некогда широко распространенного в Южной Туркмении.

Разведка южного кургана показала, что примыкающий к нему с северной стороны шлейф представляет собой платформу правильной прямоугольной формы явно искусственного и отчасти насыпного происхождения, о чем свидетельствуют наблюдения над содержимым ее куль-

турного слоя с обильными остатками предметов четвертой культуры Анау. В числе новых находок здесь оказалась, между прочим, круглая пуговица из белого камня. Заложенный в одной из бывших здесь траншей небольшой шурф дал обильный керамический материал без всякой росписи, среди которого очень характерны крынки с высокими вытянутыми вверх стенками и со скошенным дном.

Как выяснилось, в пору бытования этой культуры обжиты были не только сам южный бугор и платформа его шлейфа, но также прилежащая территория, в частности, с восточной стороны, где в 150 м от бугра вскопанный трактористами небольшой бугорок вскрыл культурный слой, содержавший в себе характерные предметы тонкостенной керамики (например, пиалы с изломанным профилем), небольшие плоские каменные зернотерки, маленькую двустороннюю квадратную каменную ступочку. Отдельные фрагменты керамики четвертой культуры Анау встречены были на поверхности, прилежащей к южному кургану и в других местах. Из металлических предметов на южном кургане в отвале Пампелли поднята тяжелая несомкнутая бронзовая вытянутая втулка. Культура Анау IV признана относящейся к VI-III вв. до н. э.

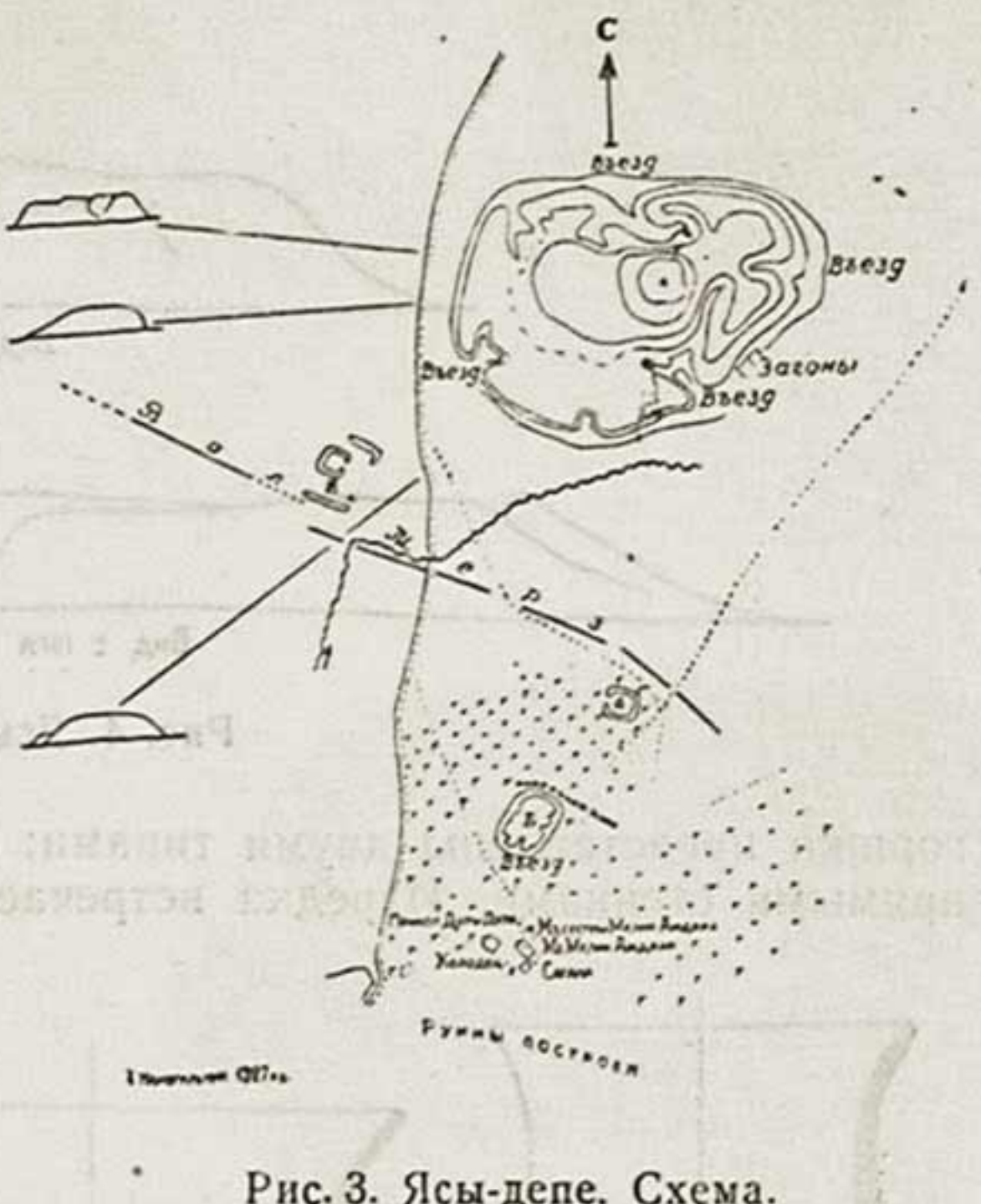
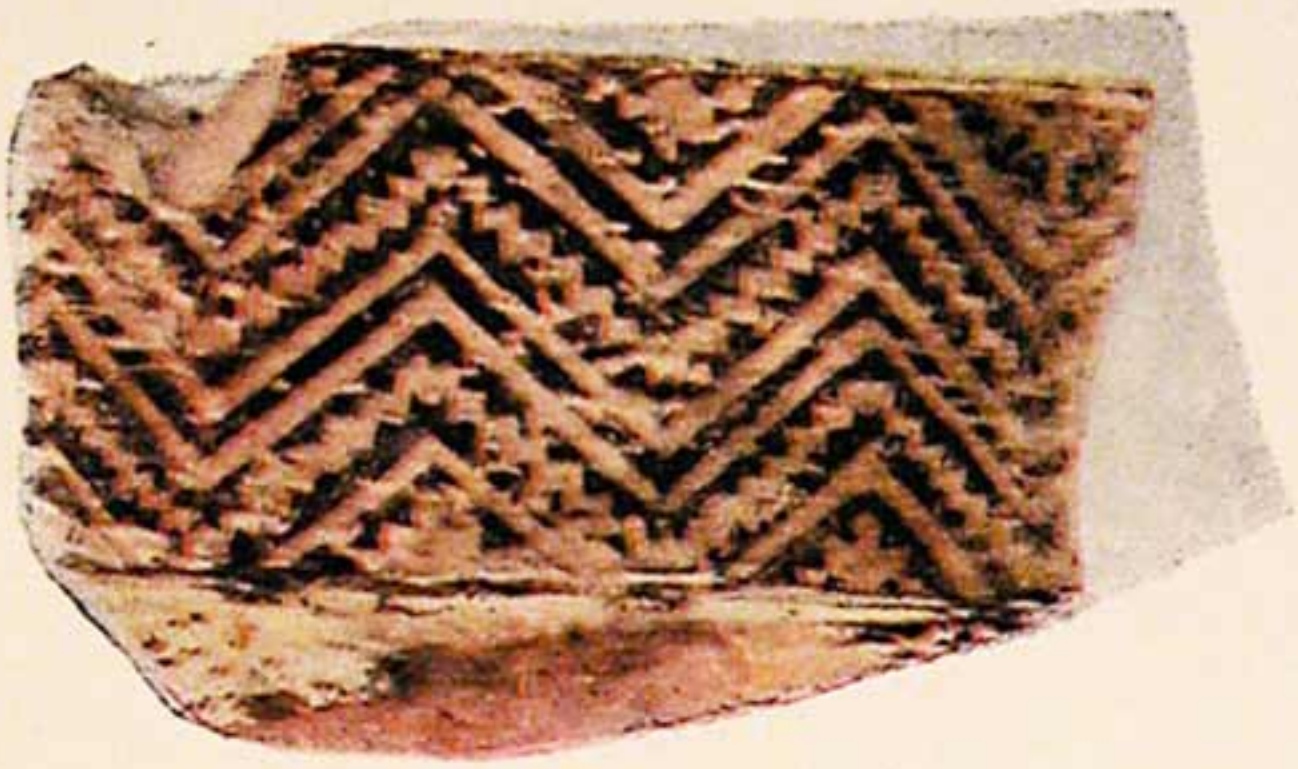


Рис. 3. Ясы-депе. Схема.

С объектами, близкими культурам Анау с южного бугра, пришлось непосредственно столкнуться при работах XI отряда, изучавшего маршрут Исидора Харакского. Среди них особый интерес представляет Ясы или Улуг-депе («великое тепе») в 5 км к югу от Душака. Гигантский бугор, до 30 м высотой, в центральной части имеет площадь около 13 га, т. е. больше акрополя античного Термеза (см. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Труды АН УзССР, серия 1, вып. 2, Ташкент, 1941, стр. 38). Культурная толща в несколько десятков метров содержит в себе обильный археологический материал, в верхних слоях близкий к таковому же третьей культуры Анау.

В основном это керамика из хорошо отмученной глины, преимущественно кремового или красноватого, реже серого цвета. Встречаются фрагменты, крытые ангобом или с лощеной поверхностью. В подавляющем большинстве случаев сосуды сделаны на гончарном кругу. Основные типы составляют чаши, кувшинчики, бокаловидные сосуды и крупные толстостенные горшки. Чаши почти круглой формы или же с надломленными коническими стенками; дно, как правило, плоское; венчики прямые, отогнуты наружу и внутрь, иногда с утолщением к краю. Кувшинчики с плоским дном и слегка отогнутым наружу вен-



чиком. Бокаловидной формы сосуды имеют плоское дно и прямые или как бы надломленные у дна стенки. Наконец, крупные толстостенные

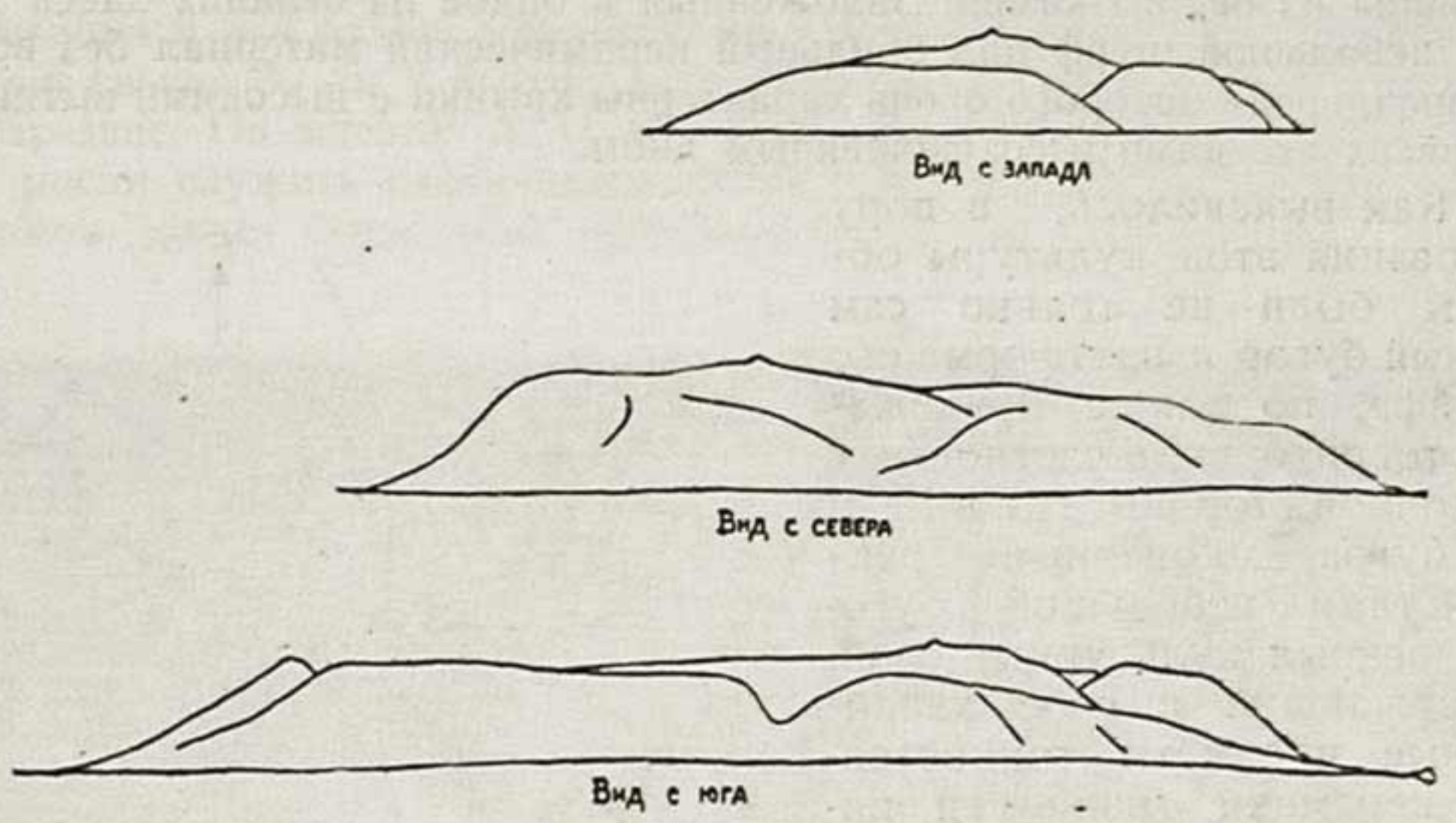


Рис. 4. Ясы-депе.

горшки представлены двумя типами: сферические и с плоским дном и прямыми стенками. Изредка встречается расписная керамика. Роспись

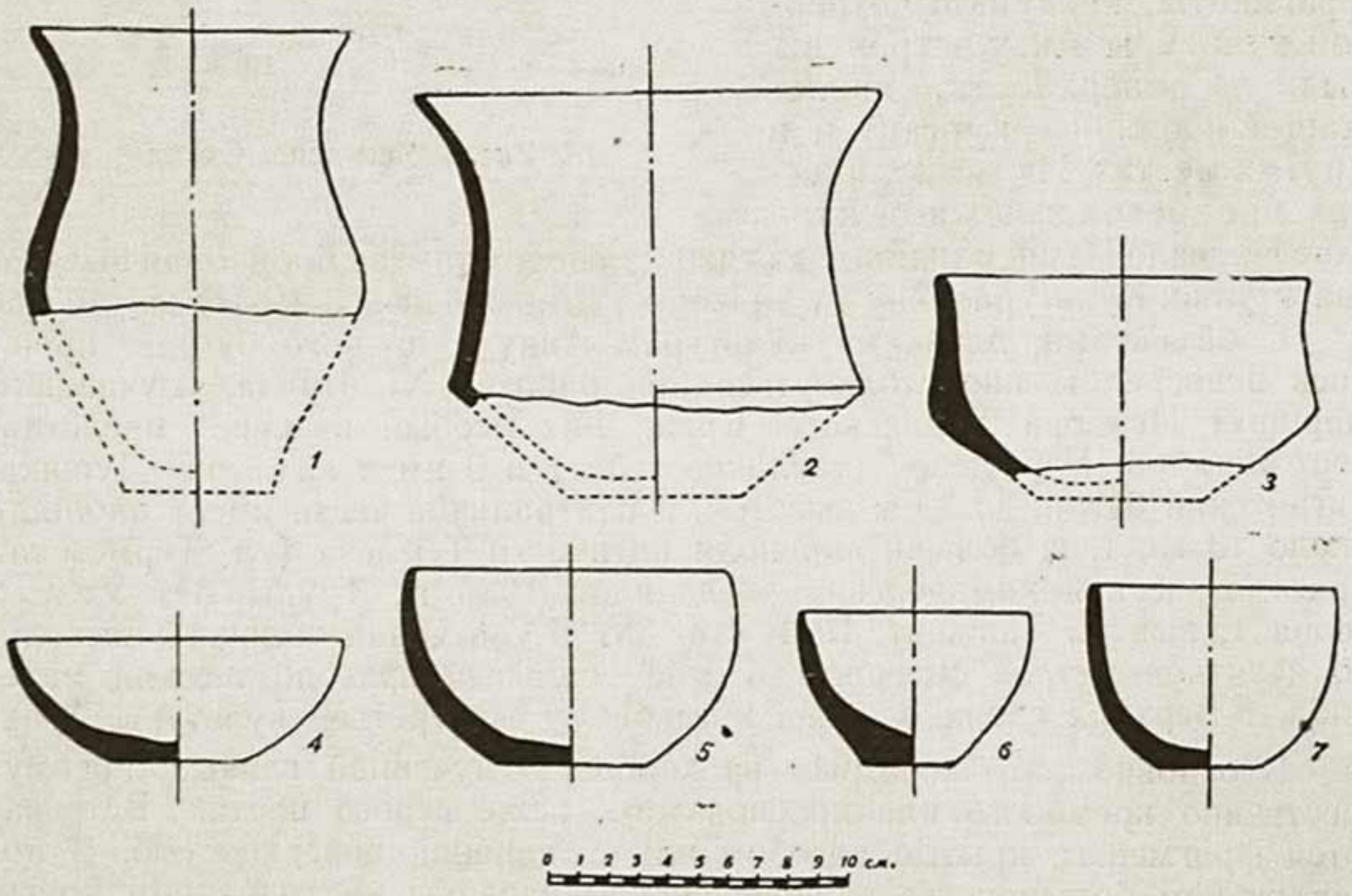


Рис. 5. Керамика Ясы-депе.

выполнена коричневой краской разных оттенков: фисташково-зеленоватого, красноватого, почти черного. Среди мотивов орнамента различаются: ромбовидный (со вписанными в ромбах уступчатыми фигура-

ми), сетчатый зигзагообразный, горизонтальных или вертикальных полос, звездочек, располагающихся в шахматном порядке. Среди прочих объектов отрядом собраны: алебастровая пуговица и кремневый наконечник стрелы.

Исключительно изобильны находки каменных изделий в виде зернотерок, ступок, продолговатых галек до полуметра в длину, с проточенным по окружности желобком посередине, целая коллекция кото-

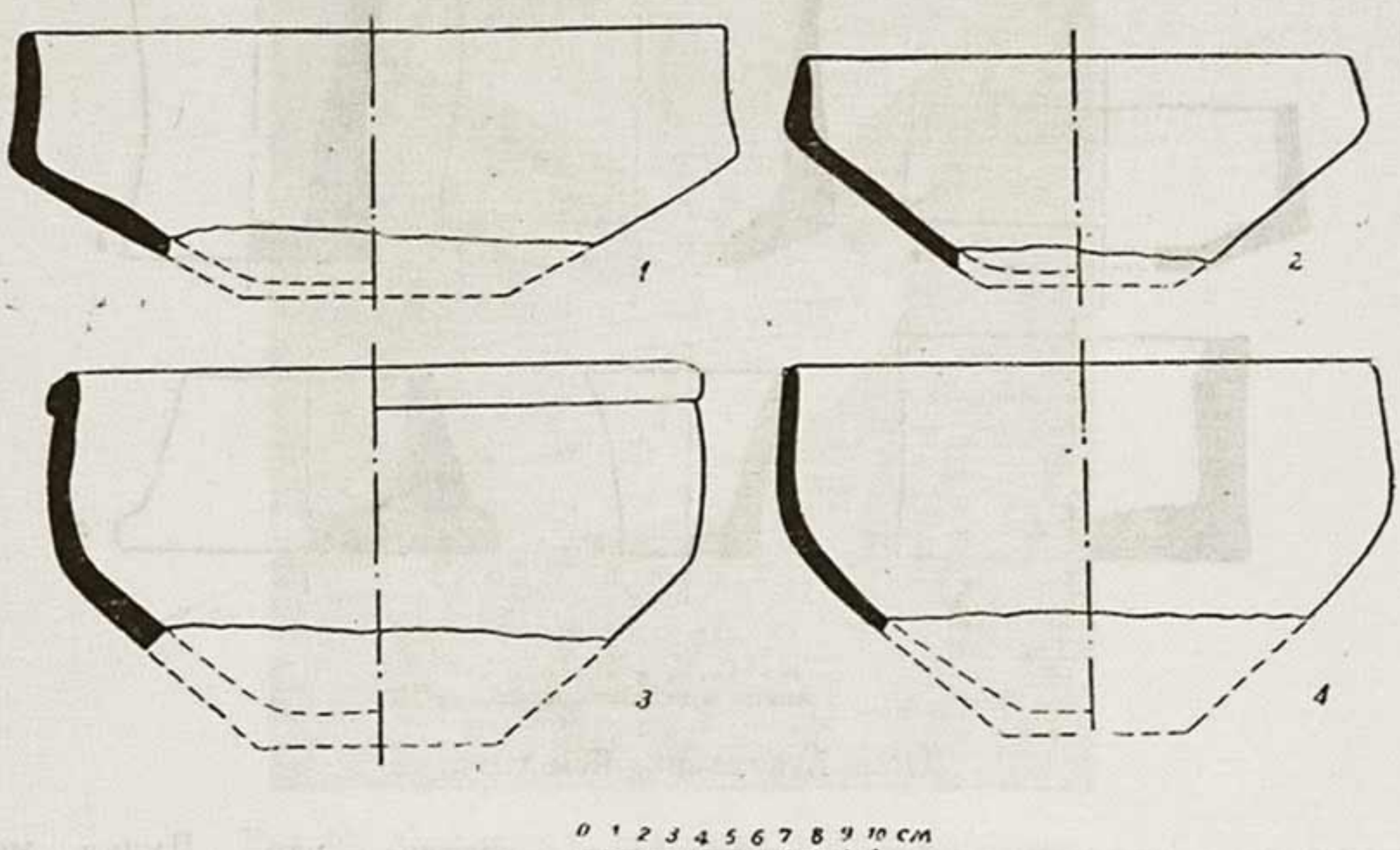


Рис. 6. Керамика Ясы-депе.

рых сконцентрирована близ мазара Малик Аждар. Особенно привлекательны по своей внешности изящные изделия из алебастрового камня. Из собранных металлических объектов интересны бронзовый втульчатый, двухлопастный наконечник стрелы и фрагменты медных и железных изделий. Особого упоминания заслуживает терракотовая фигурка женщины с признаками стеатопигии.

Ясы-депе — целиком памятник родового общества от расцвета до разложения включительно. Культурные толщи колоссального бугра накоплены на протяжении многих столетий несколькими поколениями обитателей этого значительного населенного пункта. По соседству, к югу и к западу от него, близ проходящего здесь вала «мерз» в нескольких местах и в значительно меньшем количестве встречается керамика времени сложения феодального уклада VI—VII вв. Установленное ЮТАКЭ положение, по которому Нисайя Авесты находилась в округе Андхой-Меймене (средневековая область Гузган), в сопоставлении с археолого-топографическими данными района современного Душака позволяет теперь отнести последний к области Ваекерете, упоминаемой в Авесте в перечне сотворенных Ахурамаздой областей и в описании последовательных переходов народа под водительством Джемшида, после Нисайи и тотчас за областью Харою (нынешний

округ Герата). В соответствующем месте текста Ваекерета рекомендуется как дурная, несовершенная земля, где лежит Дуяка, Дузак или Душак, т. е. место ада, вероятно, в связи с тем, что по учению Авесты Ангра Майниу принес этой земле зло от Хнатаити (по другому чтению Пайрики), демонического женского божества, несущего смерть. В

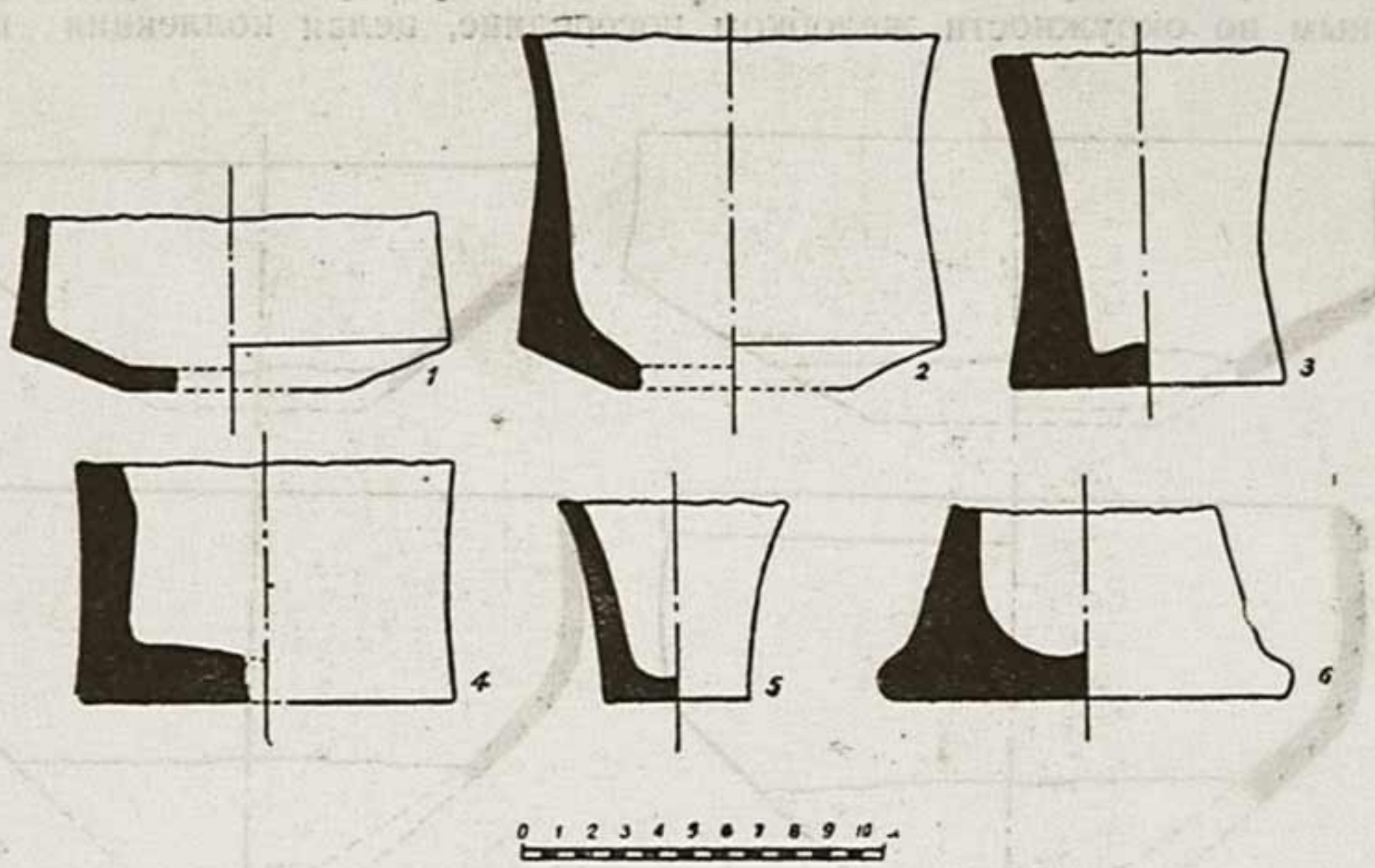


Рис. 7. Керамика Ясы-депе.

прошлом столетии была высказана мысль, что Дуяка может быть был главным городом области Ваекерета. В свете современных археологических наблюдений становится очень вероятным, что Ясы-депе является остатком былого Дуяка, что в современном названии близлежащего Душака с одноименной железнодорожной станцией преемственно дошел до наших дней один из древних терминов местной топонимики и что во встречающихся на Ясы-депе женских фигурках может быть следует видеть изображение Хнатаити-Пайрики, местный матриархальный народный культ которой оказался в свое время исключительно живучим и, видимо, выдержал конкуренцию со слагавшимся на территории Средней Азии зороастризмом в его изначальной форме.

Близкий по типу, эпохиально синхронный, но еще более значительный по размерам памятник представляет собой Намазга — или Намазгар-депе, в 5 км юго-западнее Каахка (впервые обследованный в 1926 г. Д. Д. Букиничем). С неоформленным периметром огромный бугор, образовавшийся за счет веками наживавшихся отложений, Намазгар-депе занимает площадь свыше 50 га. Состав археологических находок из его верхних культурных слоев очень близок по своему содержанию с комплексами предметов третьей культуры Анау, хотя как и комплекс объектов с Ясы-депе имеет свою специфику. Керамика из мелко отмученной глины, по преимуществу кремового, реже красного и розового, изредка серого цвета. Сосуды, даже при значительных диаметрах, сделаны на гончарном кругу и профили их отличаются чрезвы-

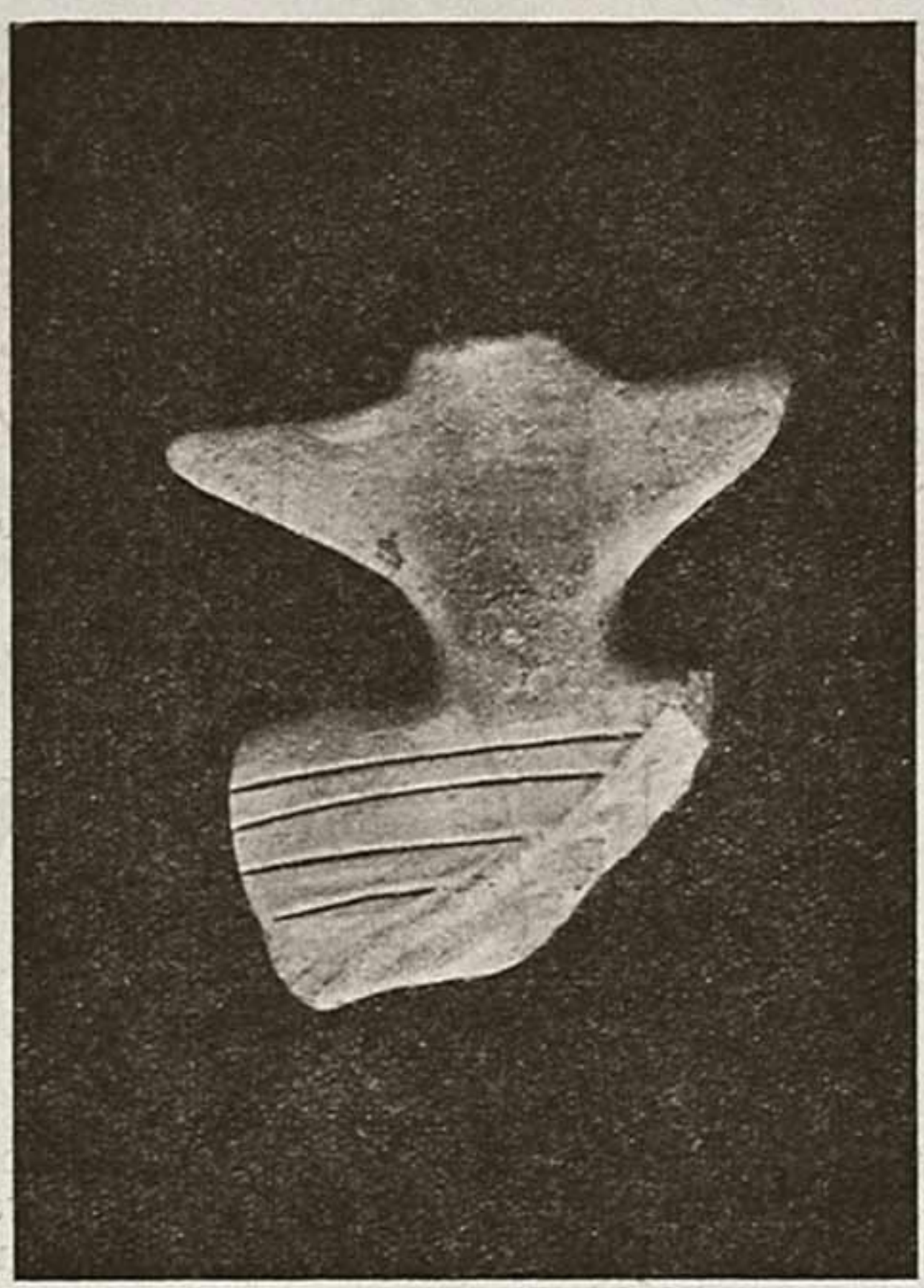


Рис. 10. Архаическая статуэтка с Намазгар-депе.

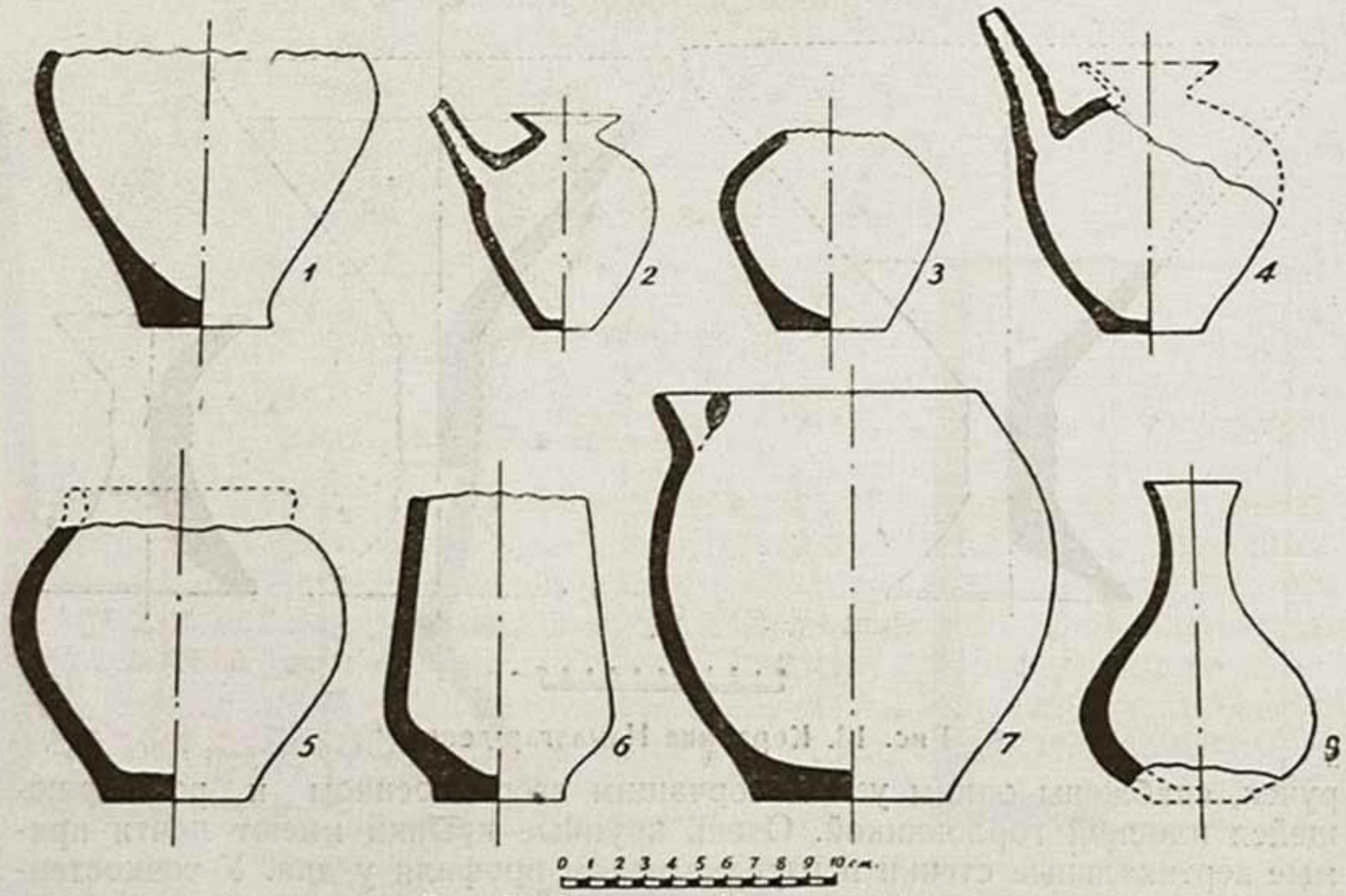


Рис. 11. Керамика Намазгар-депе.

чайной плавностью. Наиболее распространенные типы керамической утвари составляют вазообразные бокалы на ножке, раструбообразные бокалы, чайникообразные сосудики, крынки с прямыми стенками, тонко-

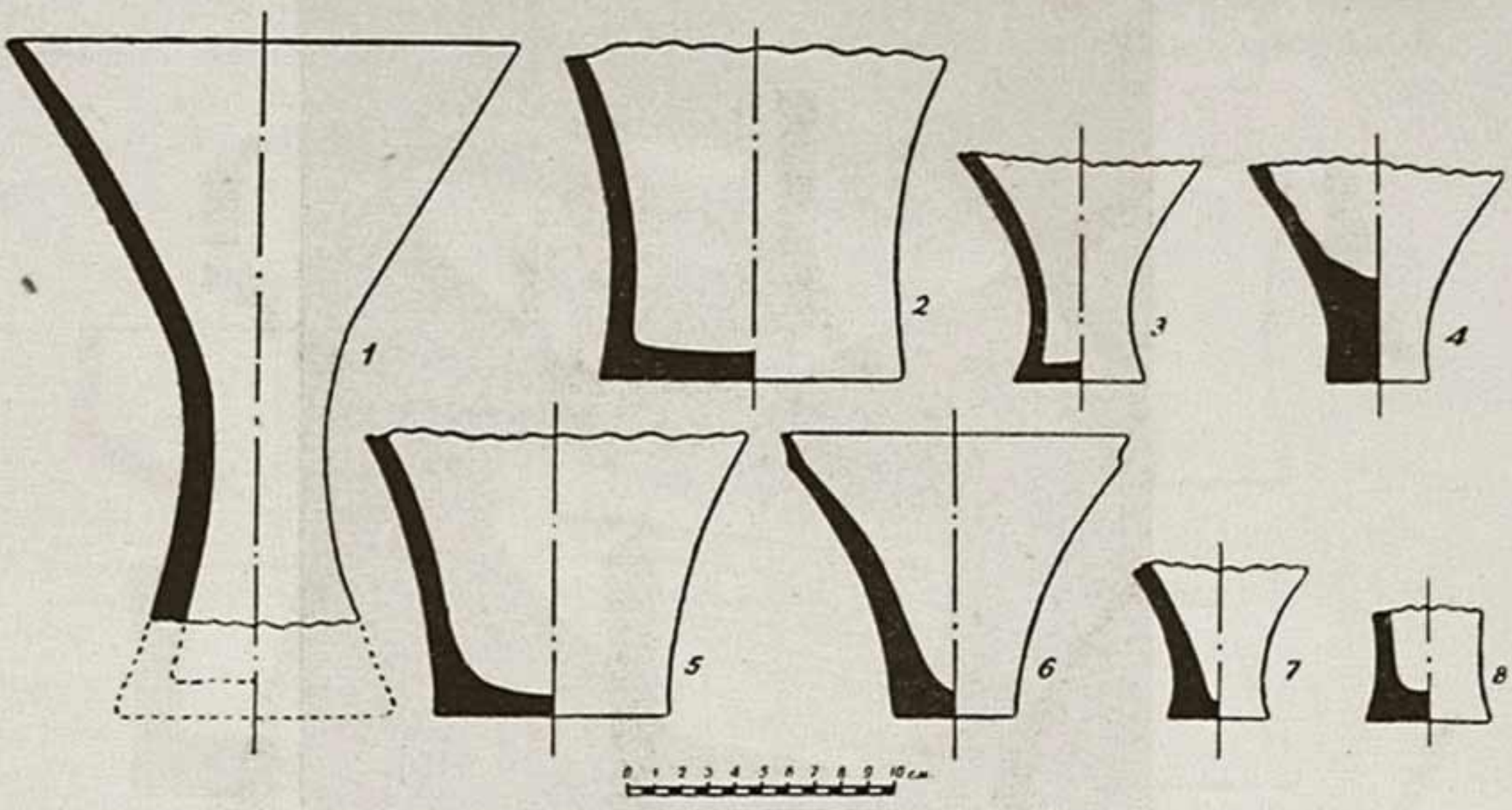


Рис. 12. Керамика Намазгар-депе.

стенные горшочки и ситочки. Первые имеют нередко поперечно гофрированную ножку с расширяющимся книзу полым подставом. У упомянутых бокалов резервуар доходит до самого плоского дна ножки. Напоминающие «чайники» небольшие округлые сосудики, при отсутствии

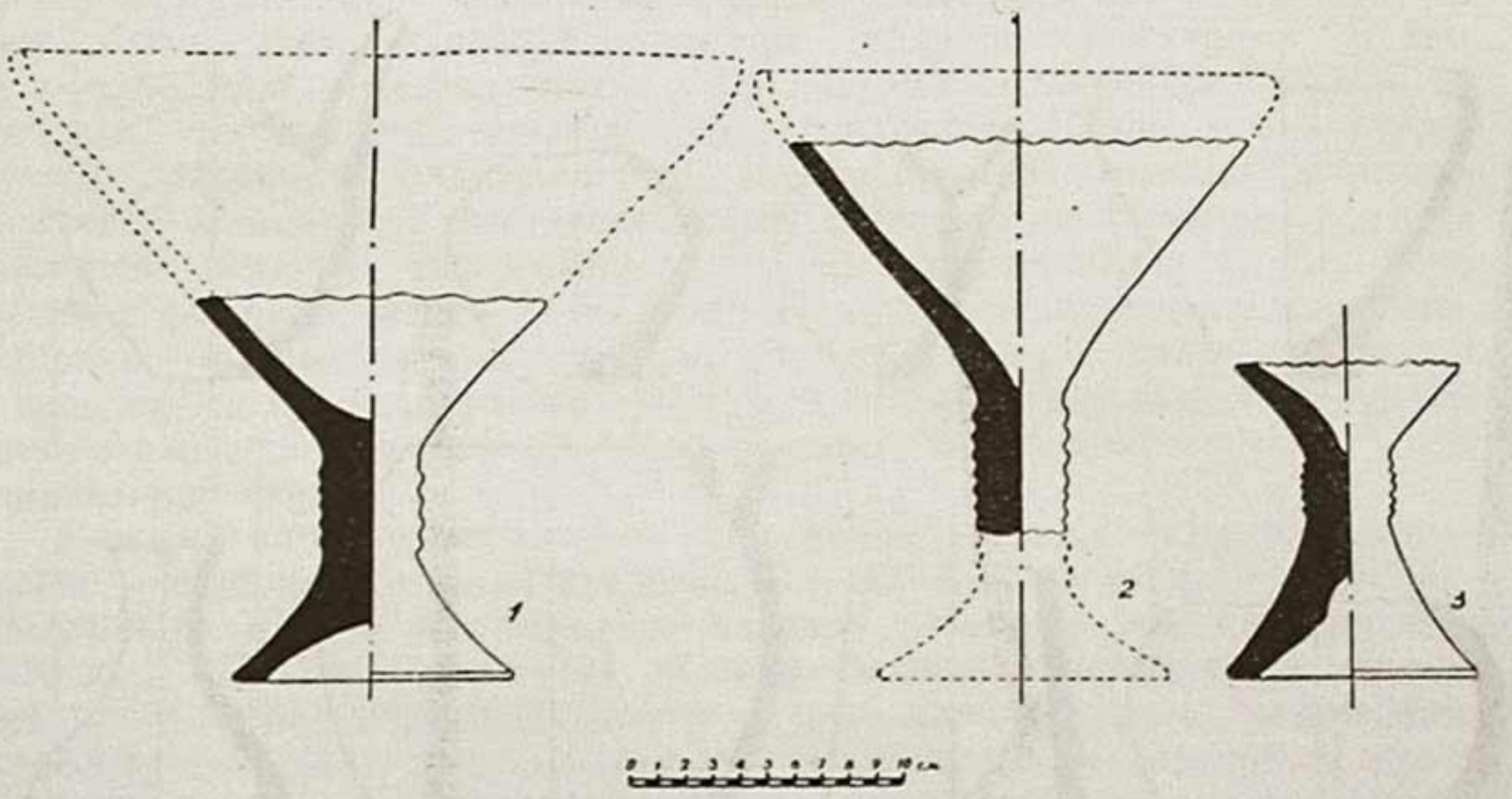


Рис. 13. Керамика Намазгар-депе.

ручек, снабжены одним узким торчащим вверх носиком и расширяющейся плоской горловинкой. Очень крупные крынки имеют почти прямые вертикальные стенки и изредка излом профиля у дна. У тонкостенных горшочков широкая горловинка оканчивается прямым отогнутым вен-

чиком. Кувшинчики характеризуются выпуклым туловом и узкой горловиной. У глиняных «ситочек»-цедилок отверстия квадратной формы оттиснуты еще в сырой глине.

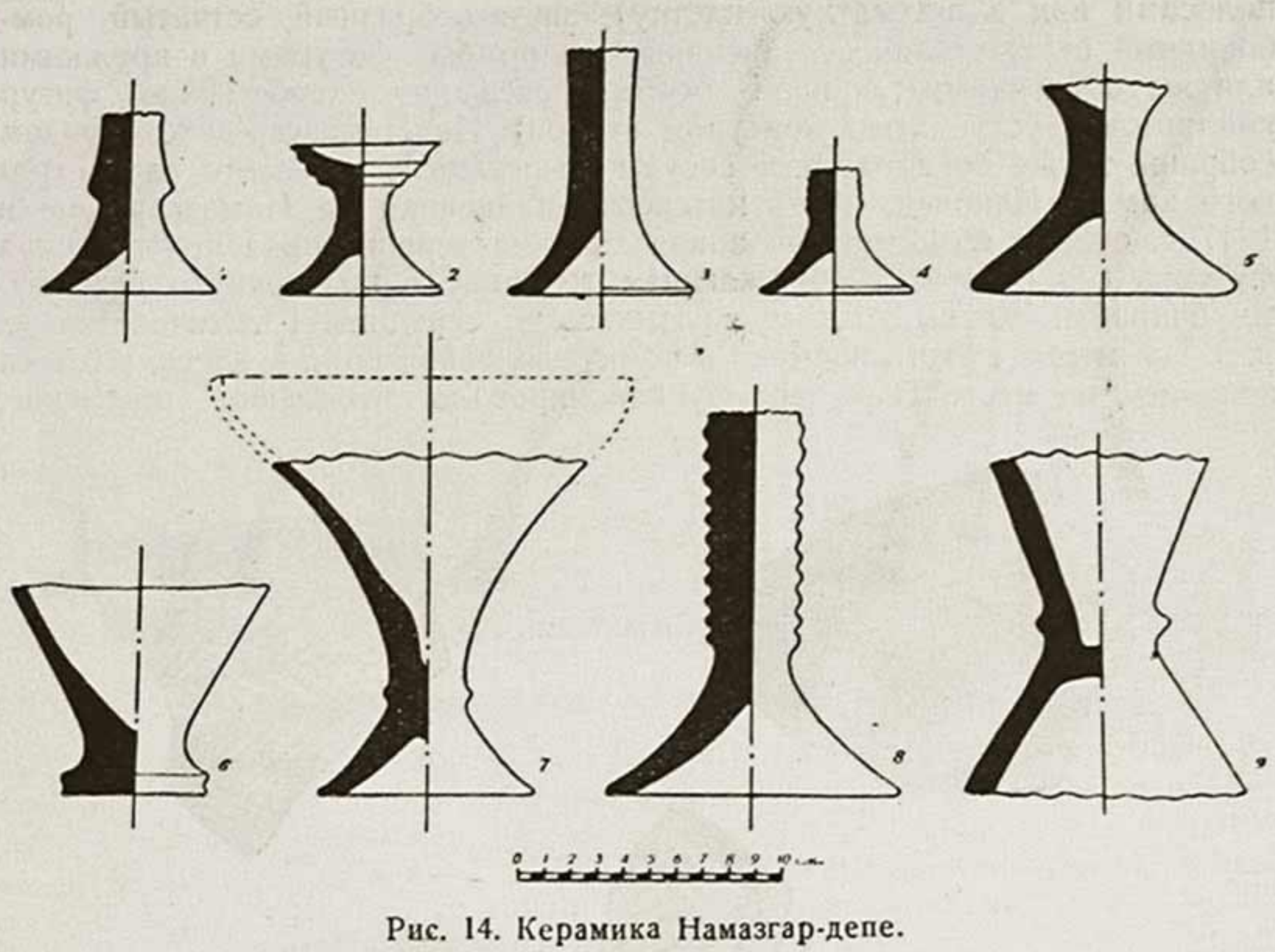


Рис. 14. Керамика Намазгар-депе.

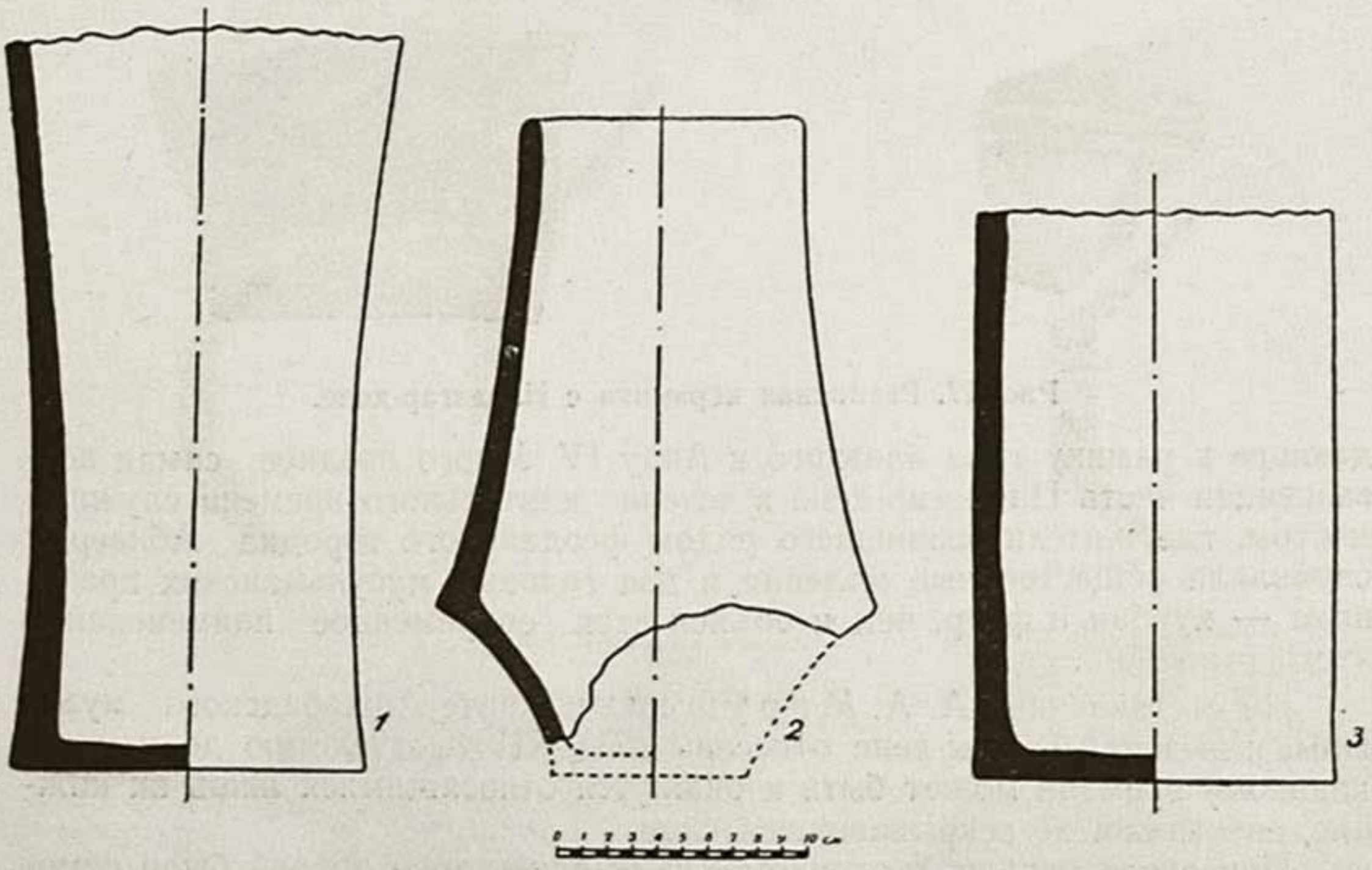
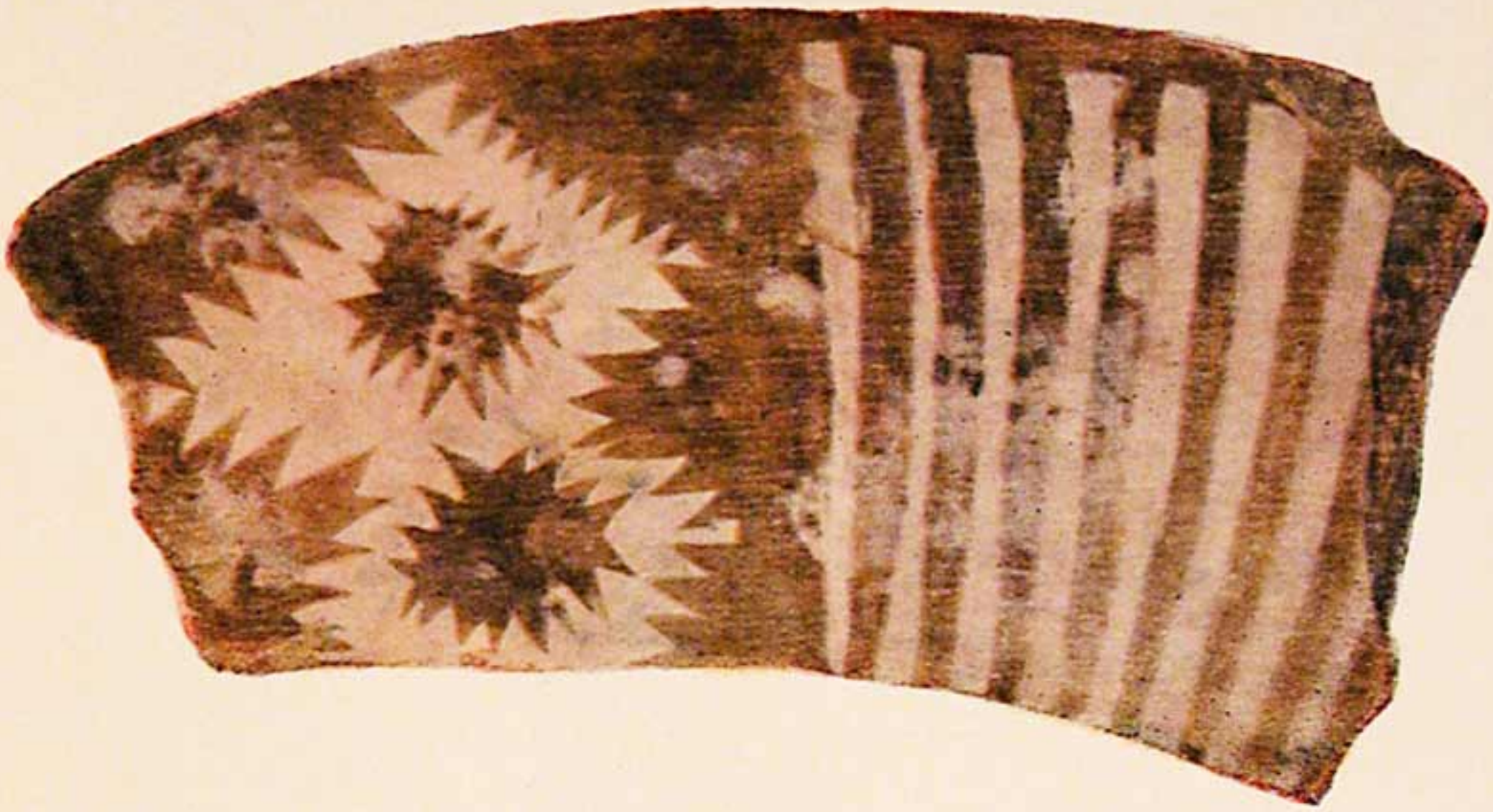
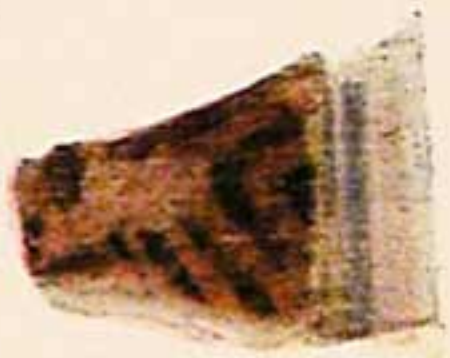
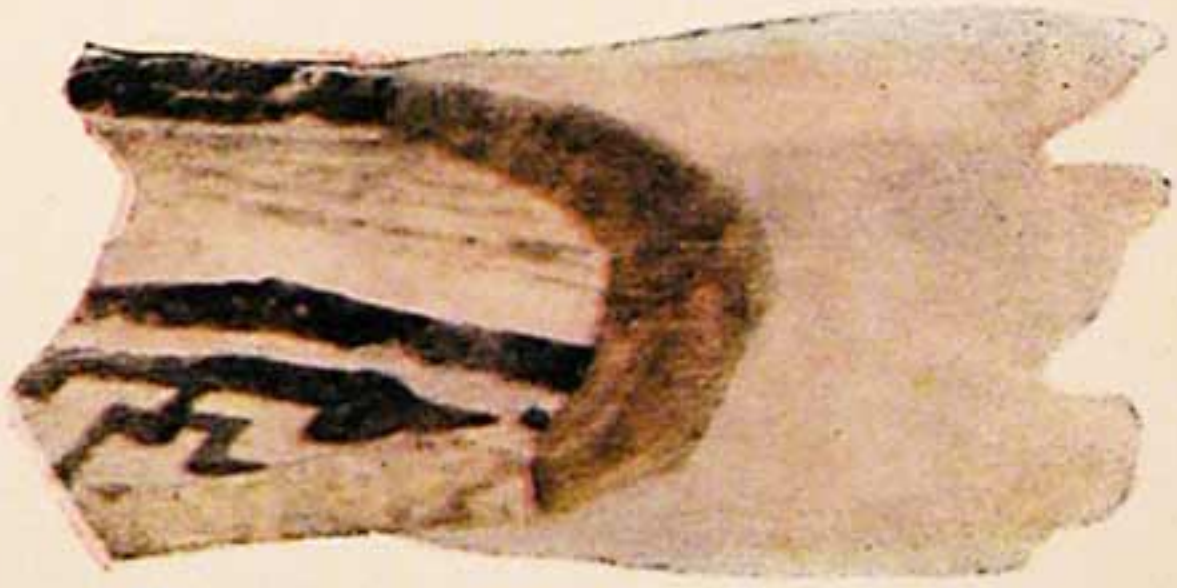


Рис. 15. Керамика Намазгар-депе.







Расписная керамика встречается в значительных количествах. Роспись выполнена коричневой, красной и коричневато-зеленой красками различных оттенков. Мотивы орнамента: штриховой (параллельными полосами или в шахматную клетку), зигзагообразный, сетчатый, ромбовидный (в сочетании с вписанными в ромбы фигурами и кружками или же с ёлочками); в виде особых звездочек (собственно фигур квадратов с уступчатым контуром сторон). На Намазгар-депе отрядом собраны также бокаловидные сосуды, вырезанные из белого алебастрового камня. Наконец, очень интересна найденная на Намазгар-депе в 1947 г. сильно геометризированная плоская терракотовая человеческая фигурка без головы, изображающая женщину с подчеркнуто развитыми бедрами. Жизнь здесь прекратилась до середины I тысячелетия до н. э. Примерно с этого времени и до первых веков до н. э. здесь, в 0,5 км западнее, на месте Тюре-депе функционировало небольшое поселение,

Рис. 17. Расписная керамика с Намазгар-депе.

дающее керамику типа близкого к Анау IV. Много позднее самая возвышенная часть Намазгар-депе в течение длительного времени служила местом, где жители возникшего рядом феодального городка Абиверда справляли общественные моления в два годовых мусульманских праздника — курбан и фитр, чем и объясняется современное наименование этого городища.

На составленной А. А. Марущенко карте Ашхабадского музея Намазгар-депе и Ясы-депе отнесены к IV—III тысячелетию до н. э., к каковому времени может быть и окажутся относящимися лишь их нижние, еще никем не вскрывавшиеся слои.

При обследовании X отрядом Кизыл-Атрекского района были осмотрены остатки нескольких поселений родового общества древнего

Дахистана. Одно из них, связанное с депе близ Мадау, имеет крупный бугор до 2 ¼ га, к которому примыкает с юга полумесяцем возвышенный шлейф с мощными культурными отложениями, площадью свыше 6 га. Некогда обжитая территория поселения была еще больших размеров, так как с юго-западной стороны, метрах в двухстах от бугра тянутся значительные площади, поверхности которых густо покрыты фрагментами керамики. Среди последней резко преобладают предметы из серой глины; из красной глины изготовлены преимущественно хумы и другие крупные сосуды; встречаются объекты, черепок которых имеет розоватый и кремовый цвета. Часть мелкой утвари изготовлена без гончарного круга. Наиболее типичными предметами являются мелкие чашки с плоским дном, а также вазочкообразная утварь в виде овальных плосковатых «блюдечек», поставленных на три конусообразные ножки. Последние, иногда находившиеся до сих пор в Туркмении отломанными от самих предметов, ошибочно признавались за ручки. В нескольких пунктах были найдены керамические и металлические шлаки, кусочки медных или бронзовых изделий, заготовки для пряслиц, выточенных из черепков керамической утвари, каменные терки, примитивные каменные орудия, изготовлявшиеся путем скола поверхностных плоскостей галек. Последние напоминают таковые же орудия из культурных слоев тепе первых веков до и после н. э. кушано-кангюйского времени в долине Зерафшана. Характерно отсутствие железных предметов и железных шлаков. Мощные культурные слои говорят о длительности обитания этого поселения (условно обозначенного порядковым шифром как $Д_7$), принадлежавшего, судя по археологическому комплексу, оседлым пастухам-земледельцам конца бронзовой эпохи, возможно предкам кочевников-дахов.

На 28 км по дороге от Кизыл-Атрека на «Мешхед-и-Мисриан» было впервые обнаружено Тангсикыльджа, крупное поселение родового общества без гигантского нажитого тепе, но раскинувшееся на вытянутой с В на З площади чуть ли не в 50 га. Ближе к западной части на ней имеется заметное возвышение с примыкающим к нему полукольцом как бы оплывшей крепостной ограды (150 х 140 шагов). Вся поверхность поселения, обозначенная условным порядковым шифром $Д_1$, густо усеяна черепками керамики преимущественно красного цвета, но попадается также темнокоричневого, серо-стального, серо-зеленого, красновато-желтого и розоватого цветов. Керамическая утварь, сделанная в основном на гончарном кругу, преимущественно плоскодонная. С комплексом $Д_7$ ее сближают вазочкообразные трехножки, широкие носики-сливники, круглые ручки. Из более или менее цельных или дающих восстанавливаемую форму найдены два кувшинчика и одно полуовальное ситочко-цедилка [а может быть маленькая курильница] с большим количеством дырочек. В разных пунктах встречены керамические и железные шлаки, кусочки меди, в изобилии заготовки плоских керамических пряслиц, один осколок лазурита и бусина из этого самоцвета.

Аналогичный археологический комплекс был собран на месте еще одного архаического типа поселения ($Д_2$), обнаруженного в 6 км севернее $Д_1$. Значительно меньших размеров, оно также не имеет большого тепе, но в его микрорельефе ясно читаются остатки укрепления в виде возвышенного бугорка с примыкающим к нему валом оплывшей стены, замыкавшей небольшую площадь.

Более поздние по времени, чем Д7 у Мадау-депе, эти два поселения относятся уже к поре постепенного распространения употребления железа и дальнейшего развития скотоводческого хозяйства в сторону большего перехода к кочевничеству. Есть все основания считать, что перед нами налицо поселения тех полуоседлых кочевников-дахов, о которых упоминают классические авторы, которые составляли во второй половине первого тысячелетия до н. э. основной массив населения здешних мест

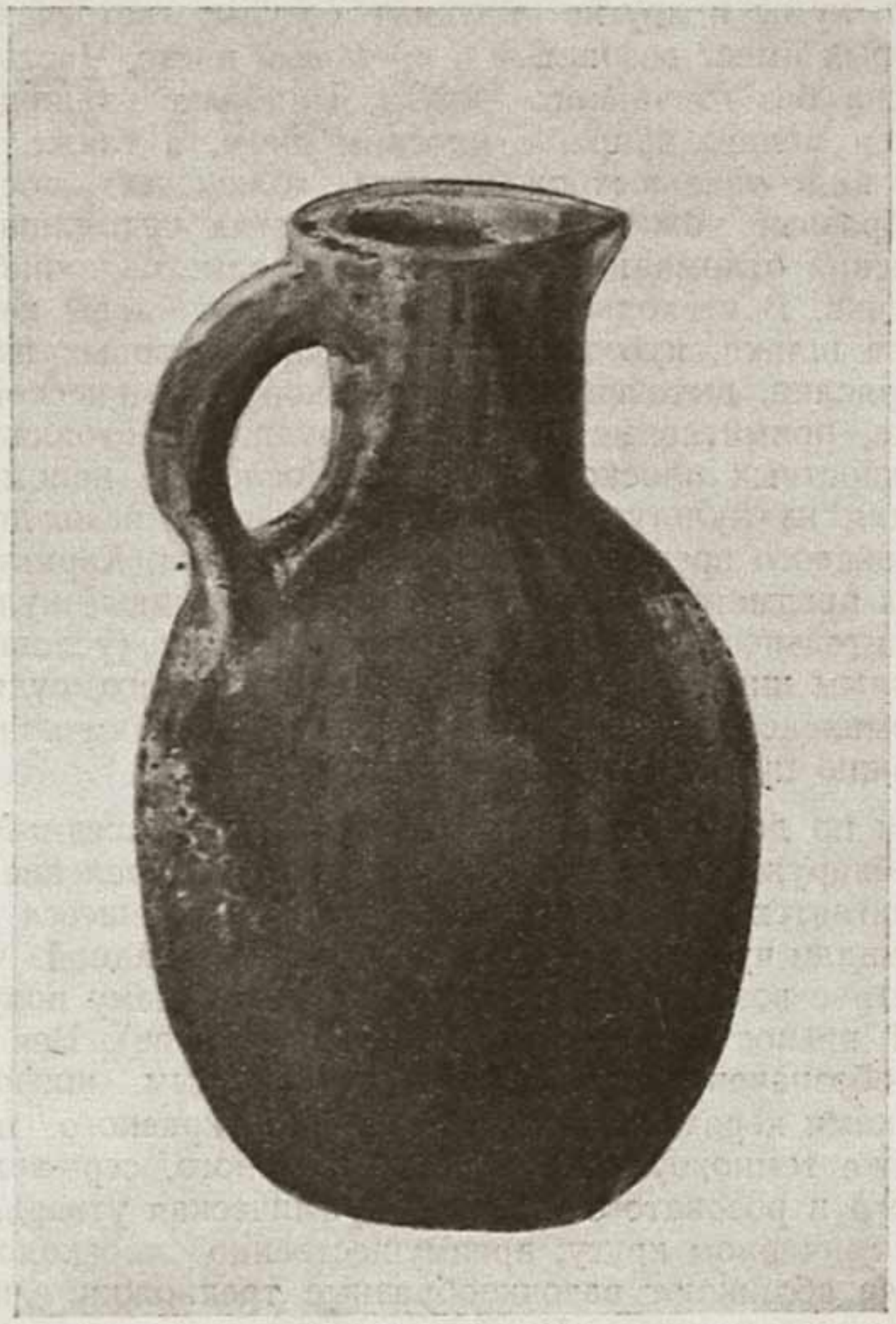


Рис. 18. Архаическое поселение Д-1. Сосуд красного лощения.

и которые дали затем наименование самой стране Дахистан, перешедшее даже в средневековую топонимику. Вместе с тем, можно допускать синхронность этих дахских культур Кизыл-Атрекского района с третьей и четвертой культурами Анау северных предгорий Копет-Дага.

Это особенно убедительно проступает в свете полевых исследований ЮТАКЭ одновременно на пространстве от Багира до Байрам-Али. Выявленные на городищах Старой и Новой Нисы и отчасти на Гяуркале в Старом Мерве комплексы археологических объектов арсакидского

времени в целом не были встречены ни на одном из многочисленных пунктов, обследованных XI отрядом по маршруту Исидора Харакского. Если следовать более или менее общепринятым датировкам культур Анау южного кургана (с конца III тысячелетия до середины I тысячелетия до н. э.), мы оказываемся перед странным явлением, когда на большом протяжении от Нисы до долины Мургаба, несмотря на обилие весьма значительных городищ и древних поселений, как бы нет ни одного памятника, приходящегося на вторую половину I тысячелетия до н. э. Между тем, дорожник Исидора и другие источники указывают на наличие тут около начала н. э. нескольких городов-полисов через определенные отрезки пути, а также поселений (κωμη, vicus), которые могли быть использованы торговыми караванами в качестве мест остановок (σταθμος).

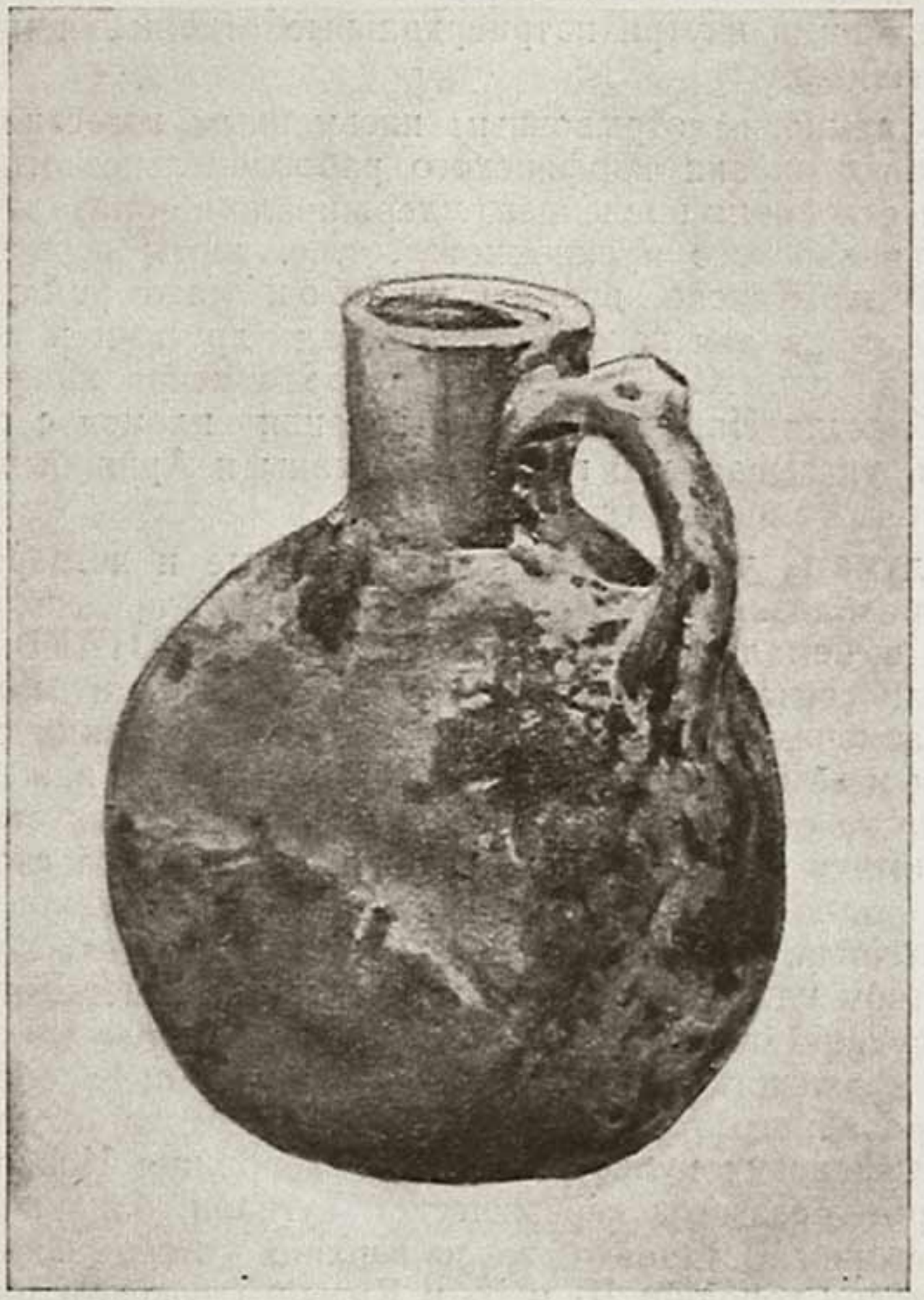


Рис. 19. Архаическое поселение Д-1. Сосуд красного лощения.

Комплекс объектов парфянского времени, выявленный в Нисе, по своему облику и содержанию связан с эллинизированной верхушкой тогдашнего городского общества. Для городища Старая Ниса — своеобразного укрепленного династического заповедника — это дворцовые и культовые сооружения филэллинствующих царей с соответствую-

щим инвентарем; для городища Новой Нисы — это, если не считать унаследованной от прошлого «варварской» конфигурации основного ядра города, пока преимущественно данные раскопок некрополя зажиточных горожан. Совершенно очевидно, что получаемый здесь археологический материал в своей совокупности априорно будет отличаться от комплексов, которые должны дать места обитаний тех собственно парнско-парфянских скотоводческих племен, которые к моменту появления на арене мировой истории жили родоплеменным укладом, ткали, по Плинию, ковры, окрашиваемые особым, отличным от других способом, разводили прославленных в древности коней, поставляли великолепный контингент кавалерии парфянскому войску и служили опорой династии Арсакидов, не терявшей в течение нескольких столетий связи со своими племенами, консервативно сохранявшими внутри патриархальные отношения и прочную родовую организацию.

Судя по немногим отрывочным письменным известиям, население северо-восточных окраин парфянского рабовладельческого государства до конца существования последнего удерживало в образе жизни и в нравах «много варварского и скифского», т. е. черты первобытно-общинного строя. В этом в свое время Страбон даже усматривал «благоприятные условия для преобладания над другими и для успехов в войне» (Страбон, XI, 9). Тот же автор отмечал наличие в северо-восточных областях Парфии сосуществования племен с разным бытовым укладом, указывая, что горы Маргианы и Арии были заняты народом, живущим в шалашах.

Можно думать, что третья, промежуточные и четвертая культуры Анау, а также близкие к ним комплексы Намазгар-депе, Ясы-депе и ряда других в немалом числе обследованных ЮТАКЭ синхронных пунктов были связаны с различными родственными массагето-дахо-парнскими племенами. Разница встречающихся на таких объектах типов керамики и ее орнаментики в основном, как нам кажется, должна быть отнесена не столько за счет различных временных стадий, как это предлагал считать А. А. Марущенко, сколько за счет известных локальных и родоплеменных особенностей. В верхних слоях эти пункты содержат материал, отражающий быт предков основной массы жившего скотоводством населения северных предгорий Копет-Дага эпохи Парфянского государства. Это косвенно подтверждается тем фактом, что, несмотря на долженствовавшую быть разницу общего облика инвентаря эллинизированного города и местного сельского поселения, среди находок в парфянских культурных слоях городища Новая Ниса встречены некоторые предметы керамической утвари, близкие по форме, а иногда и идентичные таковым же из верхних слоев южного кургана Анау и с дахских городищ $Д_1$ и $Д_2$ в Кизыл-Атрекском районе. В частности, среди парфянских находок Нисы встречаются вазочкообразные трехножки, вытянутые крынкообразные сосуды с подкошенным дном, вазочкообразные бокалы, чашечки с надломленным профилем стенок и плоским дном, небольшие крынки и др. Этим устанавливается наличие преемственности в развитии местных культур времени родового и рабовладельческого обществ.

Гипотеза о новом истолковании третьей и четвертой культуры Анау выдвигается пока в порядке постановки вопроса, как расшифро-

вывающая, кто же такие были остававшиеся до сих пор неизвестными их создатели и логично заполняющая необъяснимый археологический хиатус в истории материальной культуры Южной Туркмении для многовекового отрезка времени, предшествующего периоду парфянского владычества. Она не только при этом сдвигает в сторону замоложения датировки самого южного кургана Анау и близких к нему памятников, но может заставить пересмотреть установившееся в западноевропейской науке представление о древности культур Тепе-Хисар у

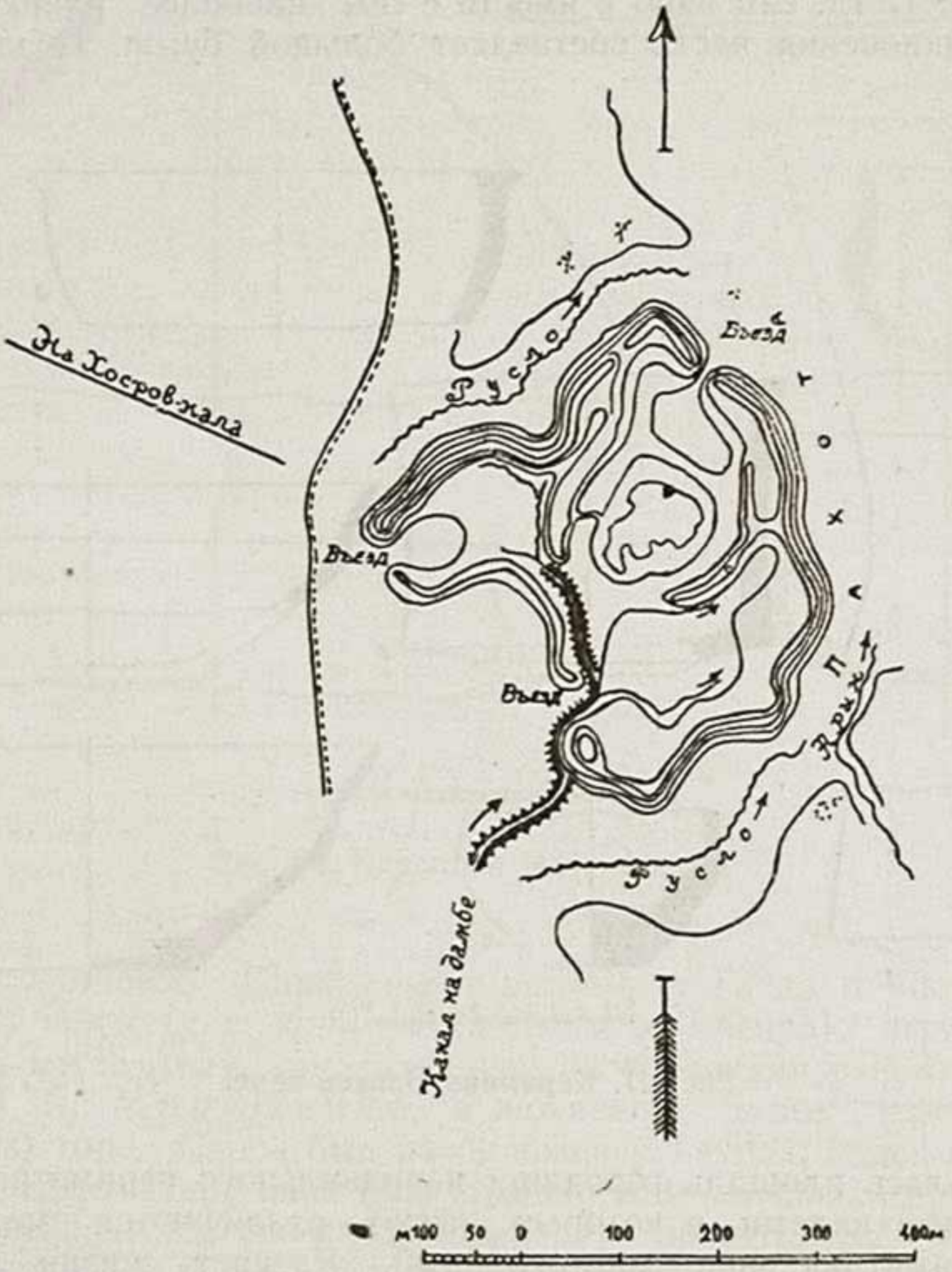


Рис. 20. Элькен-депе. Схема.

Дамгана, Тепе-Сиалк у Кашана и Тюренг-тепе близ Астрабада. При положительном разрешении это может повлечь за собой в дальнейшем пересмотр датировок культур нижних слоев Суз и других древних пунктов стран Среднего и Переднего Востока, определяемых во времени «по традиции», путем сопоставления с культурами, которые сами еще не имеют прочно установленных дат. В результате этого оказываются многовековые лакуны в истории материальной культуры ряда стран, в

том числе даже Греции. Примерно одновременная гибель таких значительных населенных пунктов, как Намазгар-депе, Ясы-депе, Алтын-депе и др., вызвана была несомненно крупными явлениями социального порядка в процессе формирования здесь рабовладельческого общества.

Не все городища и поселения, подвергавшиеся предварительной разведке в 1947 г., могут быть в настоящий момент сколько-нибудь уточненно датированы, и до производства раскопок было бы преждевременно давать их характеристики и определения. В частности, это относится к крупным остаткам поселения, именуемым теперь Элькен-депе. Последнее находится в 2 км к ЮВ от Каушута и занимает до 12 га. Его ядро и вместе с тем наиболее раннюю во времени возникновения часть составляет большой бугор. Позднее вокруг

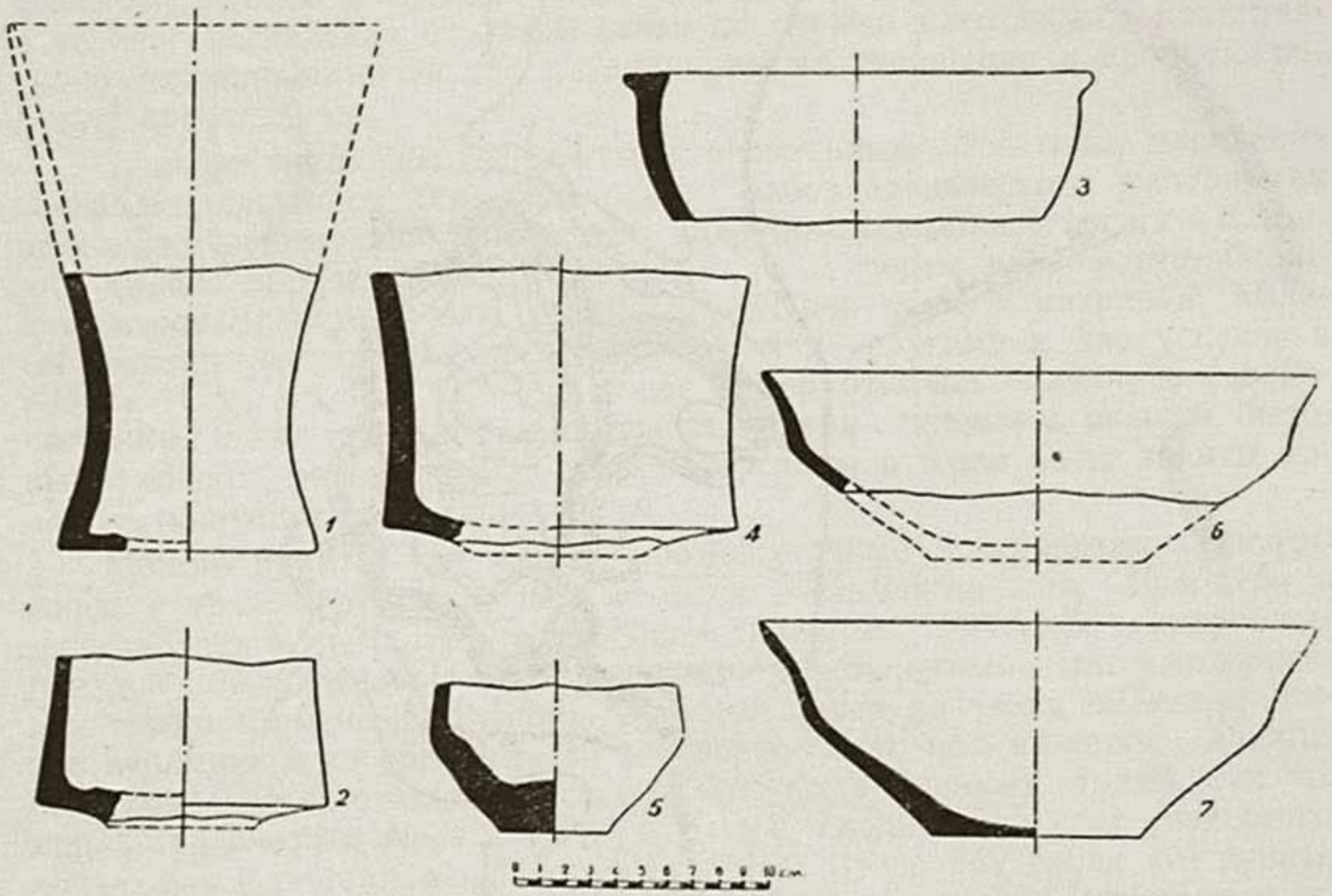


Рис. 21. Керамика Элькен-депе.

него сложилась площадь городища неправильного периметра, окруженная мощными валами, в которых легко различаются места былых въездов. Памятник явно многослойный. Расцвет жизни падает, по-видимому, на I-ое тысячелетие до н. э. В собранной на городище керамике есть ряд фрагментов, по типу своему могущих быть сближенными с предметами парфянского времени, но более огрубленных по форме и технике производства. Судя по самому позднему подъемному материалу, часть площади Элькен-депе в последний раз была обжита более или менее продолжительно в раннюю пору сложения феодальных отношений до арабского завоевания.

Все же при указанном выше понимании данных археологических наблюдений, проектируя на них сведения Исидора Харакского, который в своем дорожнике «Парфянские стоянки (или станции)», указы-

вает в некоторых случаях расстояния между отдельными пунктами в схойнах, соответствующих у него примерно 5 км каждая, представляется возможным сделать ряд обоснованных отождествлений.

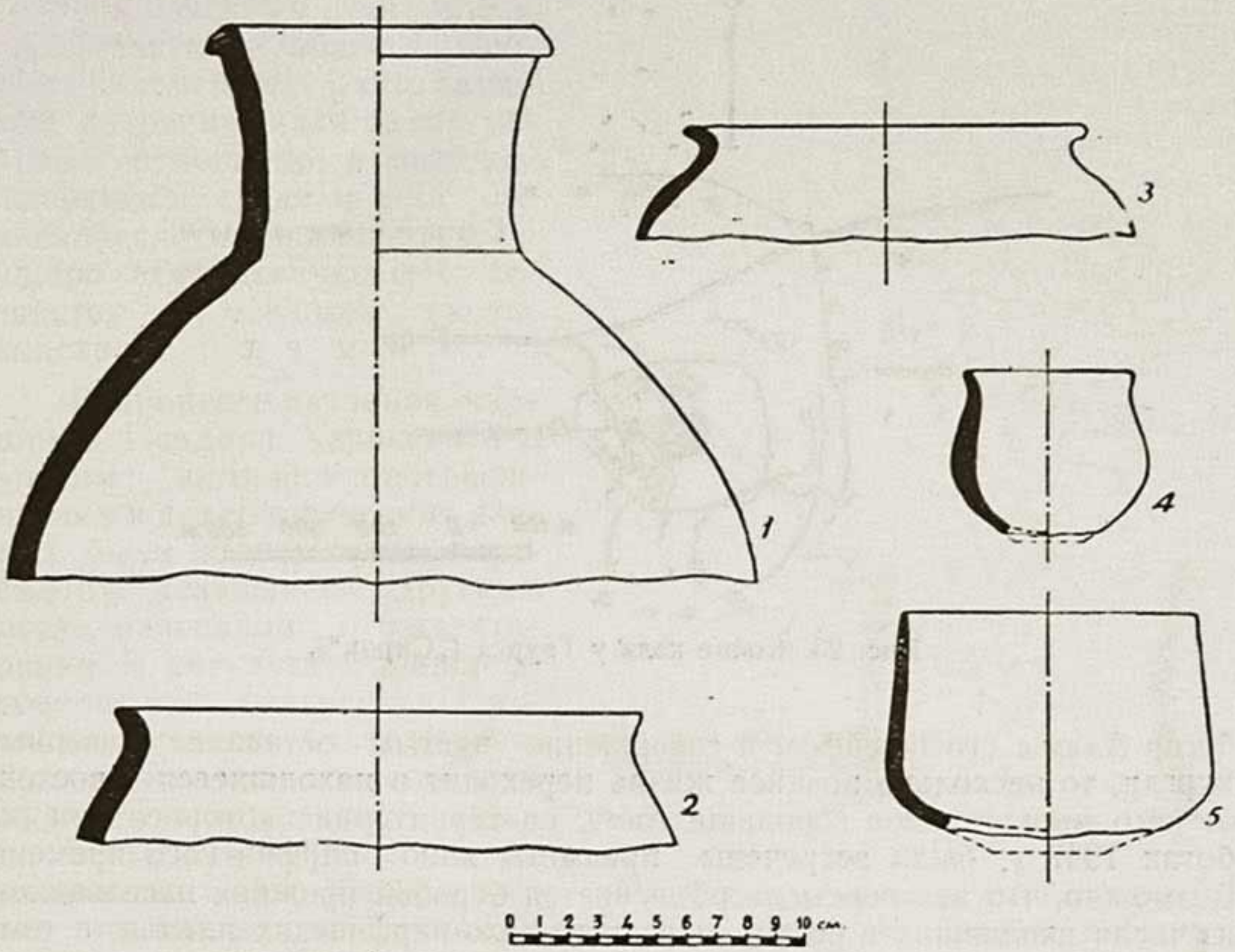


Рис. 22. Керамика Элькен-депе.

Город собственно Парфиены, именуемый Гатар и упомянутый в 6 схойнах от Нисы (т. е. примерно в 30 км от Багира), находился несомненно на месте Анау, как правильно на основании расстояния предположил А. А. Марущенко, а лежавший далее через 6 схойн (около 36 км) город Сирок был расположен у Гяурса. Здесь поблизости кончались пределы Парфиены (как недавно еще кончались пределы Ахала), и дальнейший торгово-караванный путь пролегал на протяжении 27 схойн (около 135 км) по области Апаварктикена. Упомянутому в ней городу Апаварктика, название которого по прошествии веков трансформировалось в наименование средневекового города Абиверда или Баверда (ныне городище Пештак близ Каахка), соответствует быть может, описываемое ниже городище Койне-Каахка. Упомянутый же «потом», т. е. дальше к востоку на торговом пути, город Рагав или Рагау пока обоснованному отождествлению не поддается, хотя искать его следует, видимо, в районе Душака.

На протяжении почти пятивекового существования государства Арсакидов эти города «варварского типа», возникшие, как поселения родов, занимавшихся земледелием и скотоводством, не остава-

лись неизменными. В частности, если сравнительно незадолго до сложения Парфянского государства по преимуществу был обжит южный

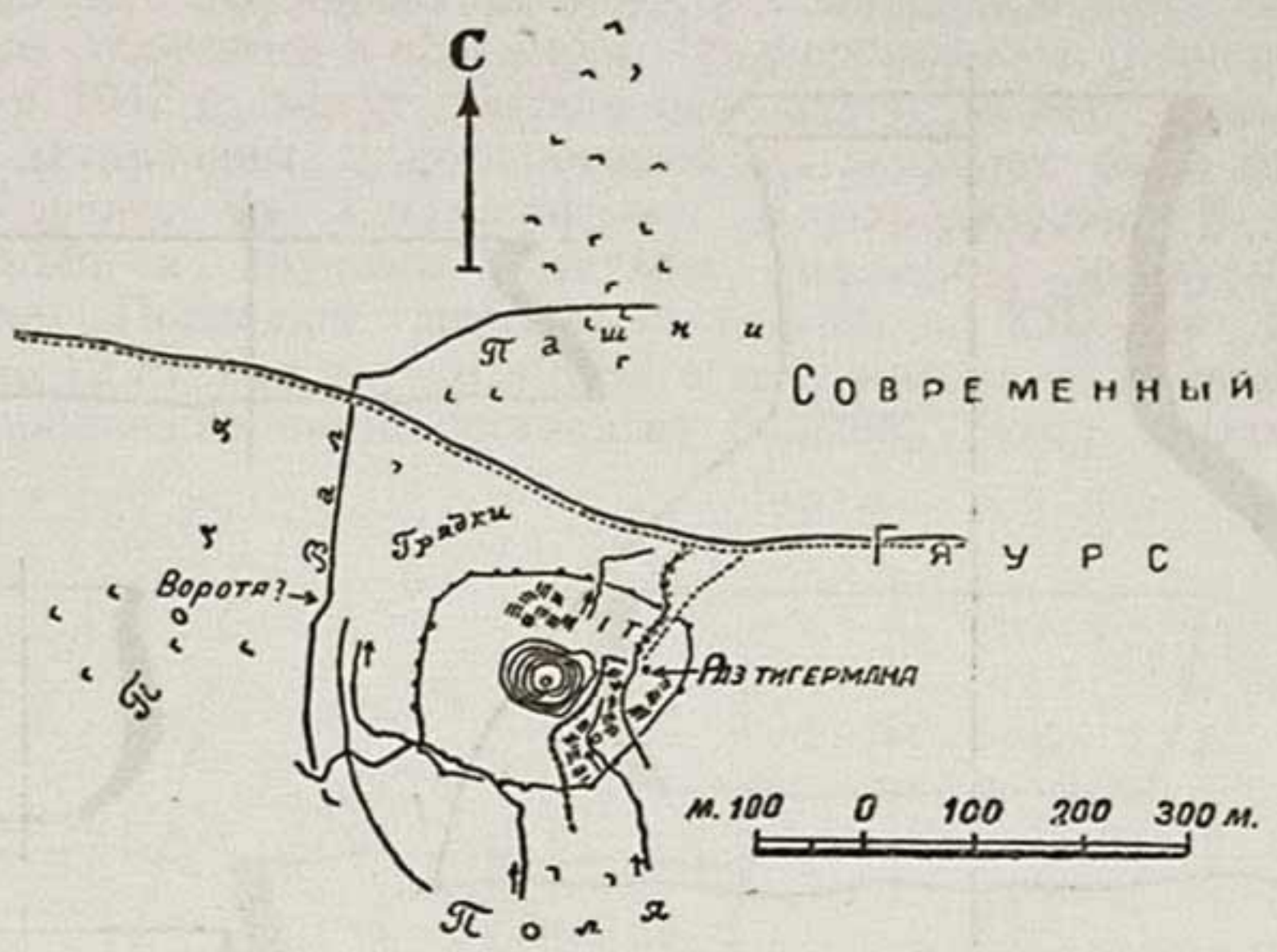


Рис. 23. Койне-кала у Гяурса („Сирок").

бугор Анау с его шлейфом и совершенно пустым оставался северный курган, то несколько позднее жизнь переходит в находящееся к востоку от него многогранное городище Анау, на территории которого при работах 1947 г. были встречены предметы явно парфянского времени. Возможно, что эта перемена объясняется борьбой прежних насельников, из числа входивших в состав массагето-дахо-парфянских племен, с теми родами парнов, которые по одному из известий письменных источников вторглись в Парфиену вместе с Арсаком, заняли затем здесь господствующее положение и даже постепенно потеснили кое-кого из сво-

Силуэт калы с Ю-З

Рис. 24. Койне-кала у Гяурса.

их соперников. Позднее тут же расположилось средневековое поселение. Повидимому, аналогичную судьбу имел Сирок, сложившийся, по нашему мнению, на месте Койне-кала близ Гяурса, более или менее одновременно с городищем Анау.

Сокращение же жизни на обследованных ЮТАКЭ парфянских городищах и частичное или полное оставление их жителями произошло,

хотя и не совсем одновременно, но эпохиально приходится на период кризиса в Иране и южной части Средней Азии рабовладельческого общества (со 2-й четверти III до начала VI в.), повлекшего за собой в северных, пограничных со среднеазиатскими степными пространствами, областях Парфии дальнейшее разложение еще сохранявшихся здесь родовых отношений в парнско-парфянской среде и рост кочевнического скотоводства в ущерб земледельческому хозяйству и оседлому скотоводству.

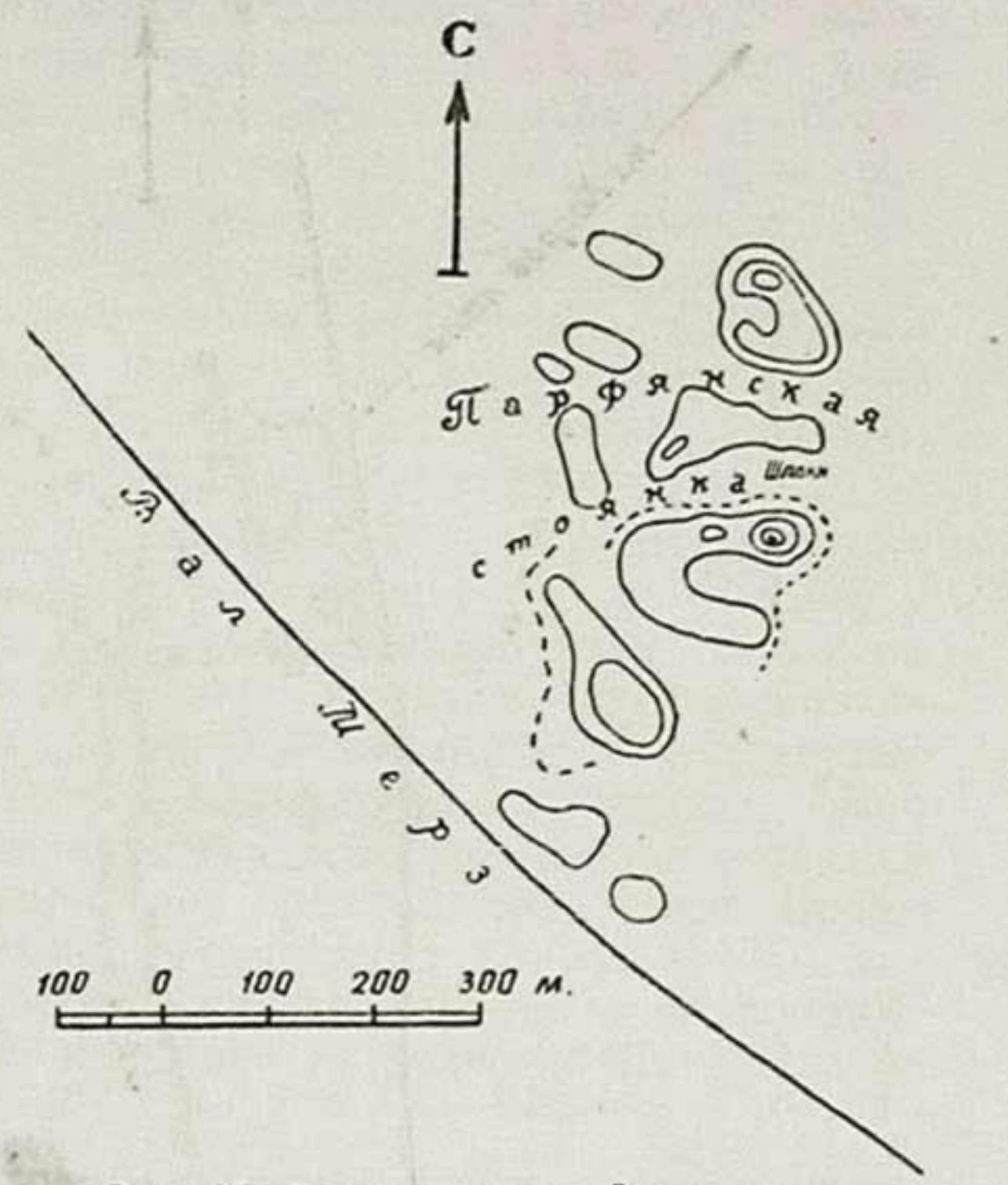


Рис 25. Едиджа-депе в 9 км к северу от Душака.

В процессе изучения маршрута Исидора Харакского с учетом историко-топографических и археологических данных были подвергнуты пересмотру делавшиеся другими исследователями отождествления. В результате пришлось совершенно отвергнуть высказывавшееся утверждение, будто остаткам основанного Тиридатом парфянского города Дара (Дарой) соответствуют развалины Койне Баверд южнее станции ж. д. Каахка В основе это насыпное тепе — платформа для укрепленной усадьбы времени предшествующего арабскому завоеванию, и на нем нет никаких признаков более древнего обитания. Здесь, судя по относительно небольшим размерам, не мог быть даже «домусульманский Абиверд», как это предполагал А. А. Семенов. Ошибочно было бы искать Дару и у выхода долины Дерейум в пределах СССР, как это отмечено на экспонировавшейся в Ашхабадском музее исторической карте, составленной А. А. Марущенко. Дошедшее до нас описание Дары, приведенное у Помпея Трога, показывает, что город этот был основан на горе Запаортене и так окружен со всех сторон скалами, что для охраны его не нужно защитников. Вместе с тем, там была плодородная почва, обилие ручьев, годных для орошения, и лесов, изобилующих охотничьей дичью. Все это заставляет признавать, что местоположение парфянской Дары следует искать в пределах Персии, причем одним из самых вероятных претендентов может считаться значительная горная крепость Келати-Надири, окруженная со всех сторон отвесными скалами от 200 до 300 м высоты, только с двумя проездами внутрь и словно бы созданная самой природой служить неприступной твердыней. Как известно, Надир-шах хотел именно здесь создать безопасное хранилище для сокровищ, вывезенных из Индии, и велел обтесать скалы с наружной и внутренней стороны.

Помещение города Рагау на место Серахса, как это показано на упоминавшейся исторической карте Ашхабадского музея, едва ли мо-

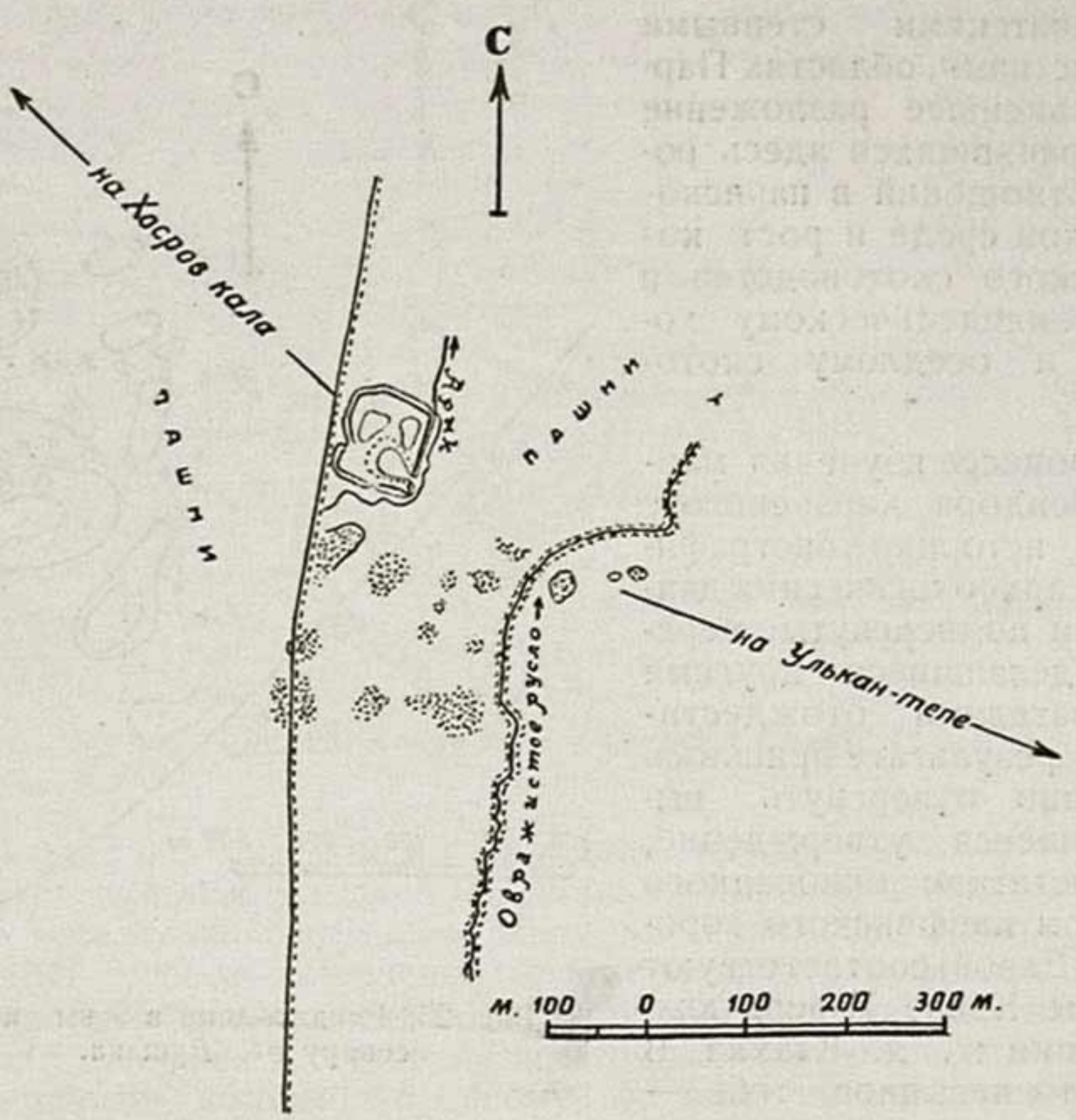


Рис. 26. „Парфянская стоянка" у Каушута.

жет быть оправдано. По данным маршрута Исидора Харакского, этот город находился на пути из Апаварктики (Абиверда) в Антиохию Маргианскую (Мерв). Между тем, Серахс находится в стороне от прямой, легко проходимой для верблюжьего транспорта дороги. При заезде в него путь непроизводительно удлинялся бы на одну треть и не менее чем на три-четыре дня. Кроме того, путь по Апаварктике показан в 27 схойн (т. е. около 135 км) и по Маргиане в 30 схойн (т. е. около 150 км). Если учесть при этом, что отрезок пути по Парфиене, равный 25 схойнам (т. е. около 125 км), оканчивался за Гяурсом, то путь из Антиохии едва укладывается в приводимые Исидором расстояния. Наконец, Рагау входил в состав области Апаварктикена (Абиверда), тогда как Серахс всегда был главным и самым крупным городом особого округа на среднем течении Теджена, и между ним и Абивердом в средние века лежал еще самостоятельный округ Хаверан.

Археологические раскопки, связанные с разрешением проблемы парфянской культуры, проводились в 1947 г. на городищах Старая Ниса и Новая Ниса.

На первом, в соответствии с поставленной задачей, окончательно был разрешен вопрос о здании, остатки нижних частей стен которого были встречены ашхабадскими археологами еще при работах в тридцатых годах в верхнем культурном слое, датированном ими III—VII вв. и определенном, как относящийся к «сасанидскому» времени. Результатом этих исследований тогда же явился хранящийся в Институте истории ТФАН проект графической реконструкции первоначального вида фасада и плана здания, в котором указывалось шестнадцать одинаковых комнат, расположенных по обе стороны центрального коридора. По другому варианту допускалось наличие всего восьми комнат, причем на том основании, что в них не был установлен уровень пола, считалось, будто здание не было завершено строительством. Сделанным определениям придавалась большая принципиальная важность, а на полученных данных базировались предлагавшиеся датировки археологических объектов других пунктов.

Исследования 1947 г. выявили, что здесь было всего шесть разделенных проходом помещений: по три примыкающих друг к другу у каждой стороны. Было установлено наличие в помещениях полов на разных уровнях и следы обитания в виде остатков настилавшихся на пол плетеных цыновок (буйра) и бытовой керамики. Подвергнутые раскопу мнимые «сасанидские» сырцовые кирпичи, из которых были выведены стены, оказались содержащими в себе фрагменты керамики XI—XII вв., встречающейся на территории средневековой Нисы. Время сооружения и обитания окончательно раскопанных в 1947 г. помещений датируется теперь обнаруженными в забутовке и на полу фрагментами разнообразной средневековой керамики не ранее конца XIII и не позднее середины XIV в.

Раскопка нижележащих остатков крупного квадратного помещения парфянского времени, считавшегося ашхабадскими археологами построенной в III в. до н. э. усыпальницей первых арсакидов и якобы являвшегося, как специальное здание погребального культа, прообразом средневековых мусульманских центрических мавзолеев, дала в 1947 г. ряд новых наблюдений, уточняющих представление о его назначении, конструкциях, истории. Помещение, раскопанное на 5/8 своей площади, оказалось имеющим в стороне не 16 м, как предполагали ашхабадские археологи, а 20 м. Изменение ориентации входов в разные периоды его существования (закладки центрального и северного бокового прохода в первоначальном парадном фасе, выходившем на площадь двора) не дает оснований приписывать помещению культовое назначение. Общий же облик его говорит за то, что оно представляет собой квадратный дворцовый зал, поставленный на сплошной платформе, сложенной на высоту в среднем до 2,5 м из парфянского сырцового кирпича. Самые ранние архитектурные остатки, встреченные в засыпке под полами (терракотовые зубцы, фрагменты черепицы и лекальных кирпичей), по определению Г. А. Пугаченковой., восходят к II в. до н. э. и принадлежат помещению, возможно располагавшемуся на этом же месте или вблизи него. В позднейших кладках встречаются лекальные жженые кирпичи от более древних стволов колонн, имевших диаметр 90 см. Для последующей истории зала установлено несколько этапов его существования, запечатленных отчасти пятью смазками полов на разных уровнях и разными штукатурками.

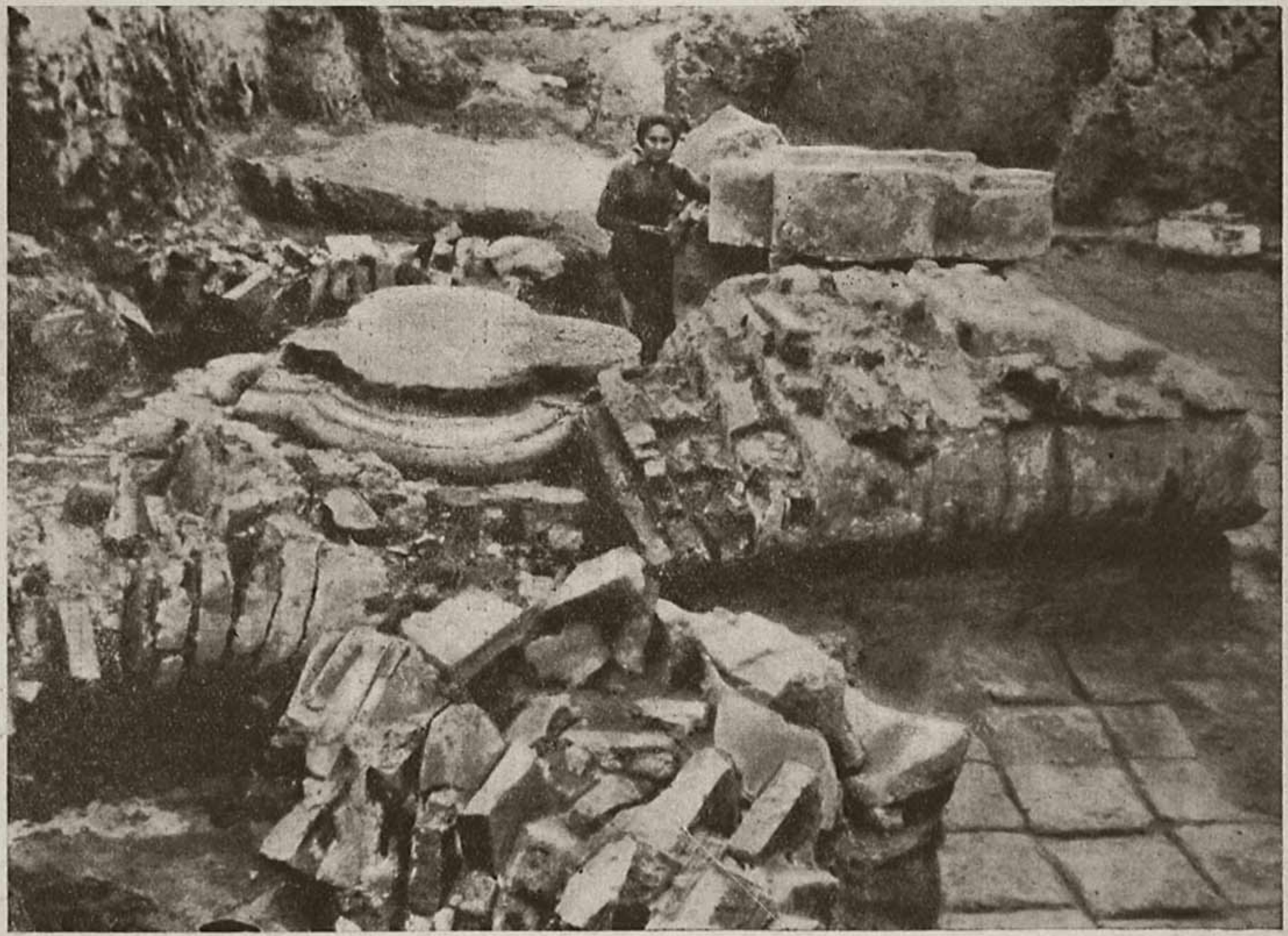


Рис. 27. Старая Ниса. Квадратный зал. Завал от 4-лопастной колонны.

Установлено, что две небольшие комнаты, находящиеся по сторонам от прохода с восточной стороны зала и определявшиеся А. А. Марущенко, как погребальные наусы первых арсакидов III в. до н. э., на самом деле являются позднейшими пристройками, появившимися уже в первых веках нашей эры. На их назначение служить как бы своего рода кордегардиями для стражи намекает самое расположение по сторонам от прохода и находка на полу одной из двух комнат железных черешковых трехлопастных наконечников парфянских стрел позднего типа [II—III вв.].

На полу главного зала обнаружены фрагменты глиняной раскрашенной скульптуры в виде кусков одежд и части крупной ноги со ступней от статуи, изображавшей человека, сидящего с вытянутой вперед правой ногой, т. е. в позе, принятой при изображении на реверсе парфянских драхм основателя династии Арсакидов. Обнаружение вместе с фрагментами одежд мелких золотых чешуек намекает, что статуя возможно была не только раскрашена разными красками, но еще и покрыта позолотой. У одной из стен обнаружена крупная глиняная маска лица несколько больше натуральной величины, схематически передающая обобщенный мужской облик.

Рис. 28. Глиняная маска из Старой Нисы.

Раскопки 1947 г. позволили не только уточнить историю сооружения, ремонтов и переделок зала, но дали материал для выполнения графической реконструкции вида интерьера последнего периода его существования в конце II — начале III в. н. э. Установлено также несколько этапов в истории зала после его заброса со второй четверти III в. н. э., в частности, отмечены признаки его искусственного разрушения, должно быть ради получения строительного материала в виде жженого кирпича и леса с деревянного перекрытия.

Раскопки на городище Новая Ниса велись в основном в северной части, близ городской стены, на площади, занятой некрополем парфянской знати, культурный слой которого ашхабадскими археологами раньше датировался I в. до н. э. Произведенное последовательное вскрытие мощной толщи культурных отложений до глубины 9 м на площади 70 м² установило весьма сложную стратиграфию, а в нижних своих ярусах проходило в парфянских слоях трех периодов. К раннему из них, относящемуся ко II в. до н. э., принадлежат остатки сооружения, стены которого были покрыты красной штукатуркой и оформлены полуколонками с интересными керамическими плитками-капителя-

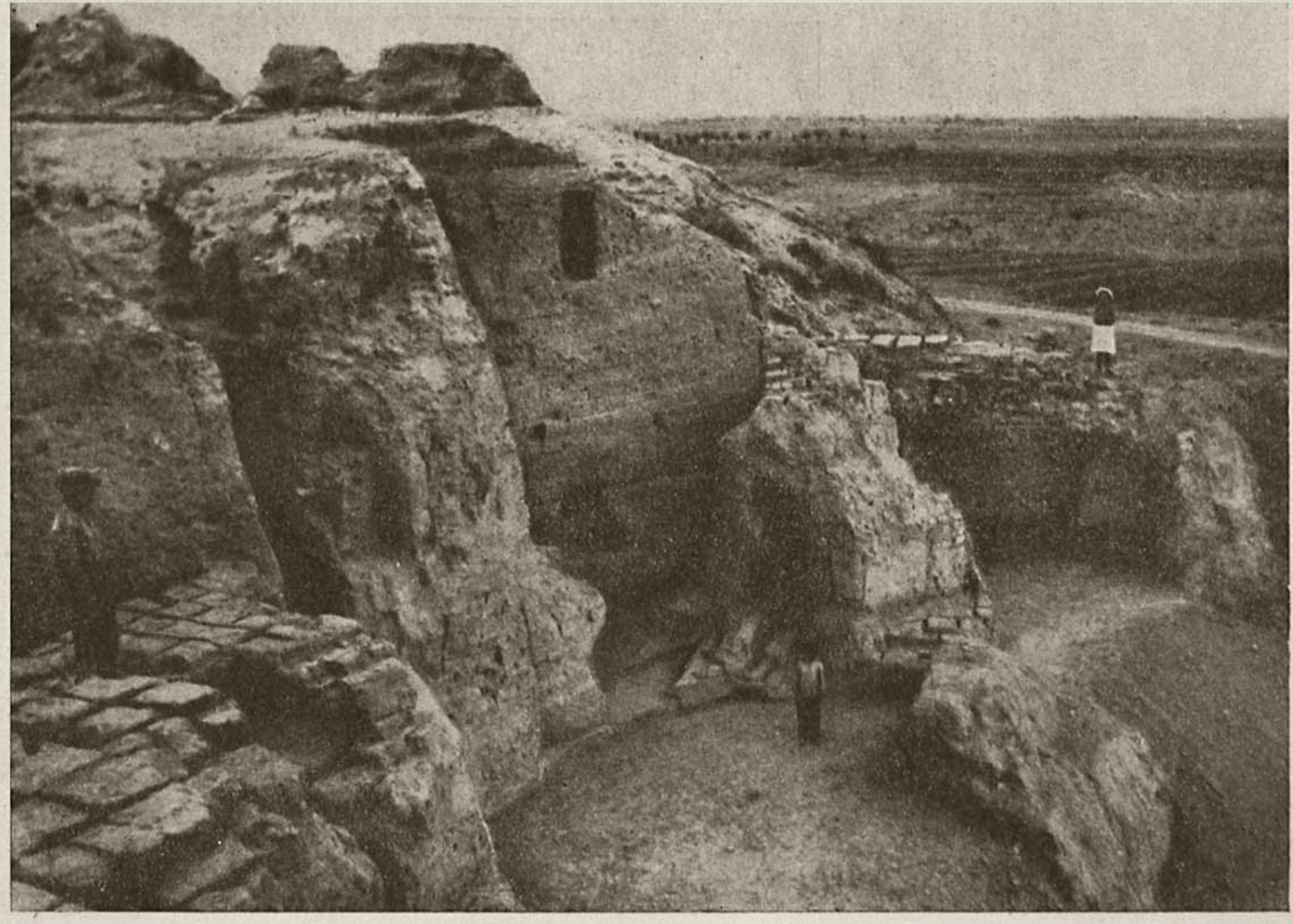


Рис. 29. Новая Ниса. Вид на раскоп Н-1 в северо-восточной части цитадели.

ми праионического типа. Последних всего обнаружено здесь пять штук. Самая стена, имевшая ступенчатый стереобат, у раскопанного угла сохранилась на высоту до 5 м при ширине 2 м и, видимо, принадлежала какому-то значительному по размерам зданию, обращенному фасадом на юг и связанному с погребальными культами. Позднее к нему впритык было пристроено здание с черной штукатуркой и розовым полом. В третий период, датируемый медной монетой Орода I, т. е. I в. до н. э., здесь появились погребения в перекрытых сводами «отрезками» камерах (от одной отходит как бы низкий крытый коридор-лаз

Рис. 30. Вид сверху на погребальную камеру парфянского некрополя.

или удлиненная ниша), причем стены и пол покрывались красной штукатуркой. На полу одной из камер, прорезанной в средние века ямой бадраба, вместе с разрозненными костями человеческого скелета были встречены золотые крученые ниточки, каменная розовая бусина и мелкие металлические поделки. Под камерой и коридором обнаружено какое-то помещение, которое в 1947 г. расчистить не удалось.

Выше находятся более поздние парфянские погребальные продолговатые камеры, может быть II—III вв. н. э., размещающиеся по обе стороны башни в городской стене. Они перекрыты также сводами «отрезками», но в отличие от упомянутых выше камер имеют выстилку пола из крупных продолговатых, тонкоплиточных кирпичей плохого обжига. В одной из этих камер обнаружен в полу небольшой продолговатый тайничок с покрытыми красной краской стенками.

В обрезах раскопов прослеживается продолжение погребальных сооружений всех периодов в южном направлении, где производство дальнейших раскопок может вскрыть менее разрушенные и потревоженные погребения, что позволит точнее определить самый ритуал.

При изучении остальной площади городища Новая Ниса, где, между прочим, было заложено пять стратиграфических шурфов, в трех пунктах на территории крепости удалось впервые установить наличие обнаженных парфянских слоев, опознанных по содержащимся в них фрагментам керамической домашней утвари.

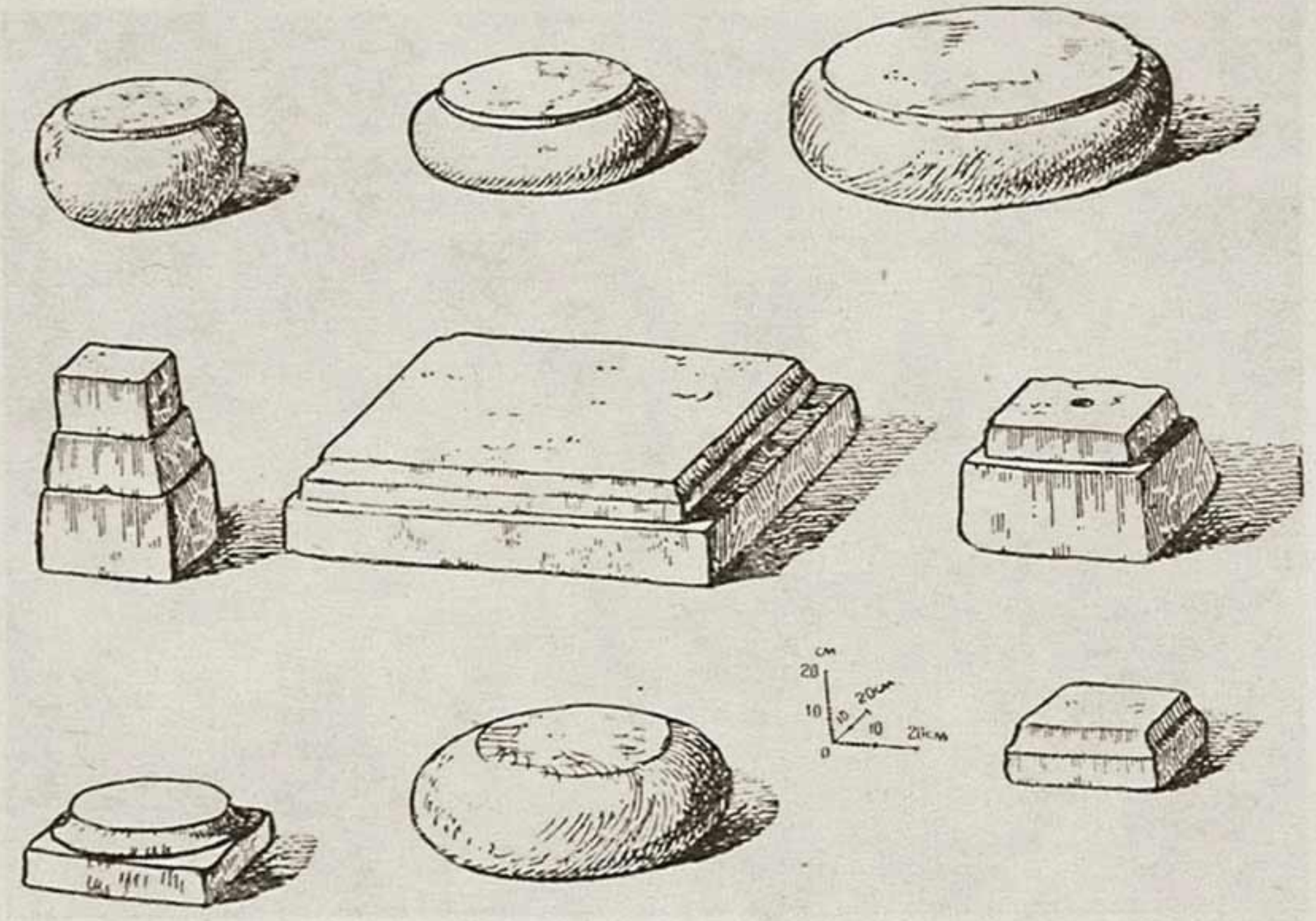


Рис 31. Парфянские базы Нисы.

Работы 1947 г. подтвердили в основном правильность разработанной ЮТАКЭ в 1946 г. периодизации истории Парфии, позволили внести большую детализацию в понимание ее отдельных моментов и дали с обоих городищ Нисы в общей сложности уже неплохой комплекс предметов парфянского времени, который может быть отчасти сближен с аналогичным археологическим материалом городища Гяур-кала в развалинах Старого Мерва.

Последний был конечным пунктом отряда по изучению маршрута Исидора Харакского и, кроме того, он изучался специальным историко-топографическим стационарным отряда. При этом выяснено, что, наряду с некоторыми аналогиями в комплексах археологических предметов из Нисы и Мерва кушано-парфянского времени, наблюдаются значительные отличия. Не похожи археологические материалы из античного Мерва и на синхронные им «кушанские» комплексы из Южного Узбекистана

и Таджикистана. В частности, это особенно наглядно прослеживается на терракотовой скульптуре. В то время как на городищах Нисы до сих пор не отмечено совершенно находок мелкой терракотовой скульптуры, изображающих людей и божества местного пантеона, которыми так изобилуют городища Бактрианы и Согдианы, в Старом Мерве они совершенно не представляют редкости как объекты широкого народного обихода, и некоторое количество их было собрано сотрудниками ЮТАКЭ. Вместе с тем, если в кушанской коропластике был широко распространен образ богини-девы Анахит, то в Мерве пользовался особой популярностью образ женской башни с зеркалом в руке. Керамика Мерва имеет характерный желтоватый черепок и специфические формы [например, уплощенные и витые ручки, рельефные а не плоские донца и пр.]. Все это заставило пересмотреть вопрос о северо-восточных границах парфянского государства.

По литературной традиции принято считать, что границей Парфии служила некогда Аму-Дарья, причем, по предположению В. В. Бартольда, она вероятно даже проходила близ Чарджоу (История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 8). Поводом к приведенному высказыванию В. В. Бартольда послужила одна фраза Истории Старшего дома Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.), что Аньси «лежит по реке Гуй Шуй». Если это и было когда-нибудь так, то на протяжении очень короткого отрезка времени в период крушения греко-бактрийского царства или временного ослабления распавшегося на пять владений государства юэчжей. Вообще же за весь освещенный письменными источниками исторический период район Амуля-Чарджоу всегда экономически, культурно и политически больше был связан с Бухарой, чем с отделенным от него песками Мервом.

Автор Истории Старшего дома Хань в своей передаче сведений о Парфии (или Аньси), как это ясно видно по контексту, в основном пользовался отчетом Чжан Цяня (130—120 гг. до н. э.), где в соответствующем месте текста о парфянах говорится лишь, что по реке Гуй Шуй (т. е. Аму-Дарье) живут купцы (читай «парфянские»), которые и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям, даже за несколько тысяч ли. Между тем, купцы того или иного народа могут проживать далеко за пределами своего государства. В частности, это вполне приложимо к парфянским купцам, державшим в своих руках в то время международную торговлю шелком между Китаем и странами греко-римского мира. Наличие их на берегах Аму-Дарьи во II в. до н. э. отнюдь не дает достаточного повода считать, что они обязательно жили тогда внутри государственных границ Парфии. Наоборот, есть основания полагать, что северо-восточные границы Парфии обычно не проходили восточнее Мервского оазиса, и сама Маргиана часто являлась пограничной с соседними владениями, сперва с Греко-Бактрией, затем с государством кушан. Уже в середине II в. до н. э. при Митридате I парфяне отняли у Евкратида две его западные провинции-сатрапии Аспиону и Туриву.

От второй половины того же столетия до нас дошли монеты парфянского чекана, содержащие в своих легендах упоминание Маргианы и выпущенные, по мнению нумизматов и историков, в связи с новым завоеванием их у восточных соседей тохаров. Как в находящейся на далекой окраине пограничной области, в Маргиане при Ороде I было устро-

ено на поселение в качестве колонистов около 10 000 римских солдат, взятых в плен после разгрома в 59 г. до н. э. армии Красса. По данным упоминавшейся истории Старшего дома Хань, восточная граница Парфии проходила смежно с Угэшаньли, т. е. с областью Кандагара, а северная соприкасалась с государством Кангюй, в состав которого входили в то время Бухарское и Хорезмское владения. Такое же положение оставалось и позднее, и нельзя, как это делает ряд исследователей, из слов Тацита (XI, 8), что соперник Готарза в борьбе за парфянский престол Вардан I (41—45), сняв осаду Селевкии, разбил лагерь «на полях Бактрии», делать вывод о завоевании им при этом области Балха. Это совершенно невозможно, поскольку в ту пору государство кушан, в состав коренных владений которого входила Бактрия, переживало расцвет своего могущества. По имевшимся в распоряжении Птоломея (II в. н. э.) данным, Бактрия граничила тогда на западе с Маргианой, без указания, кому собственно подчинялась эта последняя. По данным же истории Младшего дома Хань, Мерв (Мулу) находился на восточных пределах Парфии-Аньси и был известен под наименованием «Малой Парфии» (Малого Аньси), вероятно, в связи с тем, что эта область составляла тогда одно из тех небольших владений с самостоятельными правителями из династии Арсакидов, на которые распалась Парфия в середине I в. н. э. Может быть, это мервское владение имеется в виду, когда в китайской хронике сообщается, что создатель крупного кушанского государства Кадфиз I покорил Аньси, после чего ему оказалось подчиненным и владение Гаофу, считавшееся тогда в какой-то зависимости от этого Аньси. Как известно, коренные земли парфянской державы никогда не были покорены юэчжами.

Надо думать, что географическое положение Маргианы между Парфией и приамударьинскими областями Бактрии и возможное вхождение долины Мургаба в течение некоторого времени в состав государства «Великих кушан», наряду с прочими факторами этнического и социального порядка, оказали влияние на дальнейшее развитие в ту пору в Мервском оазисе своего облика местной культуры, отличной от такового же области Нисы и Тохаристана. Для особого положения Маргианы показательно, что в первое время после сложения государства Сасанидов в ней до конца III в. н. э. выпускалась своя монета, отличная от общегосударственного чекана, причем пехлевийские легенды начинаются в правом нижнем углу, как на монетах кушан с чекана Канишки, а в одном случае имя Шапура I приведено по-гречески — Шоборо.

Для времени Сасанидов по линии ЮТАКЭ в 1947 г. получен ряд новых наблюдений и собран значительный вещевой материал. Последнего очень мало встречено на территории Нисы, и это лишний раз подтверждает, что упомянутый город, тесно связанный с предшествующей свергнутой династией, долгое время находился в запустении, почему в его культурной толще сохранились до нас значительные остатки от парфянской эпохи, причем стены некоторых сооружений уцелели иногда до высоты 2—5 м.

Зато маршрутный проезд от Нисы до Мерва дал возможность ознакомиться с рядом памятников сасанидского времени, меньшая часть которых относится к периоду кризиса рабовладельческого общества (со 2-й четверти III в. до начала VI в.), а основная масса приходится, повидимому, на первый период зарождения феодализма (с начала

VI до середины VII в.). В основном это руины стоявших некогда на насыпных земляных платформах укрепленных замков-усадеб, сохранившихся обычно в виде оплывших «столового» типа тепе, часто с крутыми скатами и с остатками полукольцом окружавшего их поселения.

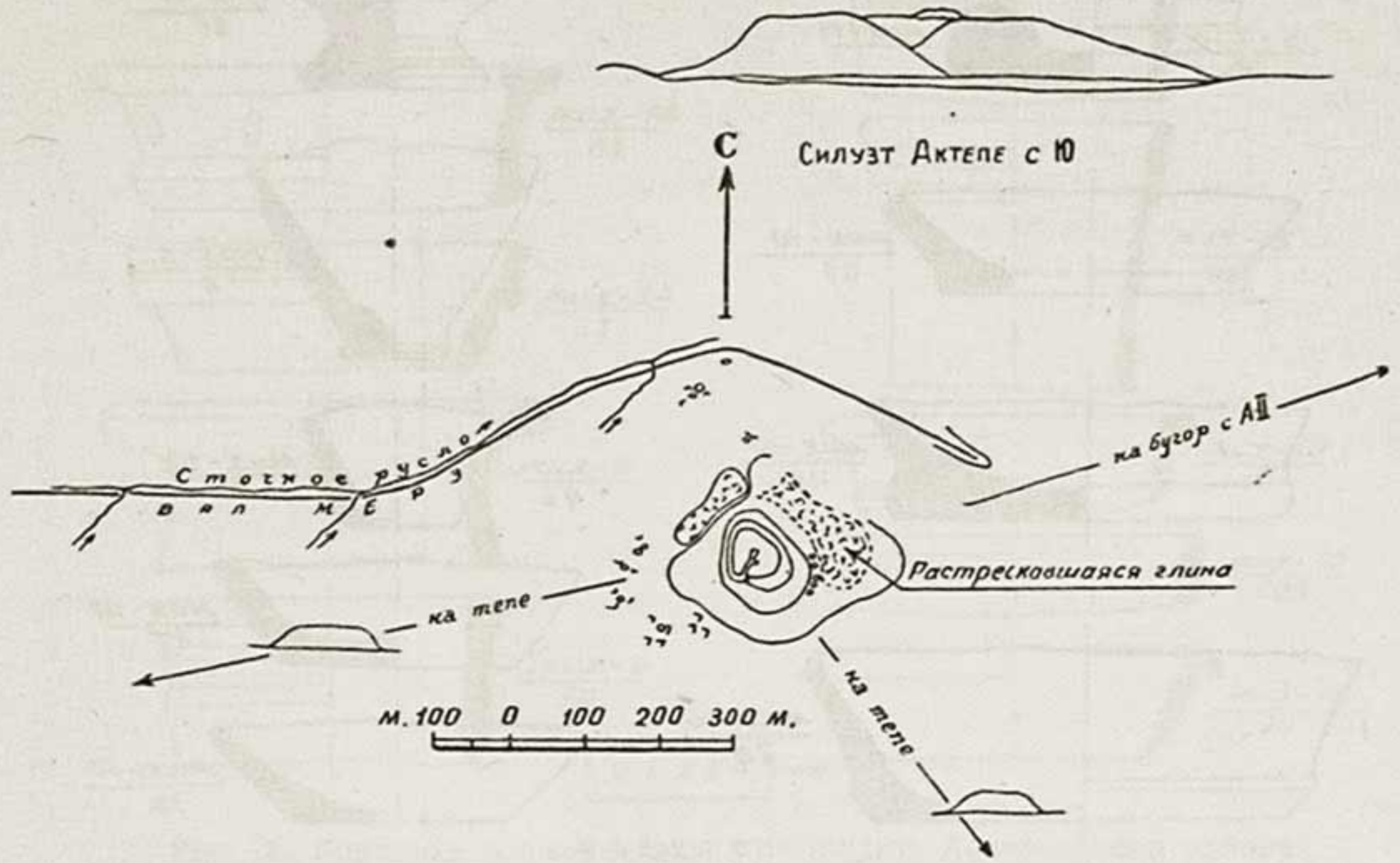


Рис. 32. Ак-депе в 3 км к северо-западу от Артыка.

Одиннадцатым отрядом было встречено очень много таких тепе, из которых обследовано около десятка. Кроме того, несколько подобных тепе было обследовано пятым отрядом в Бахарденском районе. Некоторые из платформ тепе в своем периметре представляли неправильный пятиугольник или шестиугольник, не всегда сразу воспринимаемый при осмотре, благодаря размывам склонов, но точно устанавливаемый при снятии планов, как например, Дазлы-хан депе в 5 км к западу от Артыка или бугор у городища Пештак, до сих пор никак не датировавшийся. Примером спаренных тепе этого времени могут служить усеянные на поверхности мелкой галькой Коша-депе, лежащие в 4 км к югу от ст. ж. д. Коушут и расположенные шагах в 70 друг от друга. Все памятники этого времени изобилуют фрагментами неглазу-

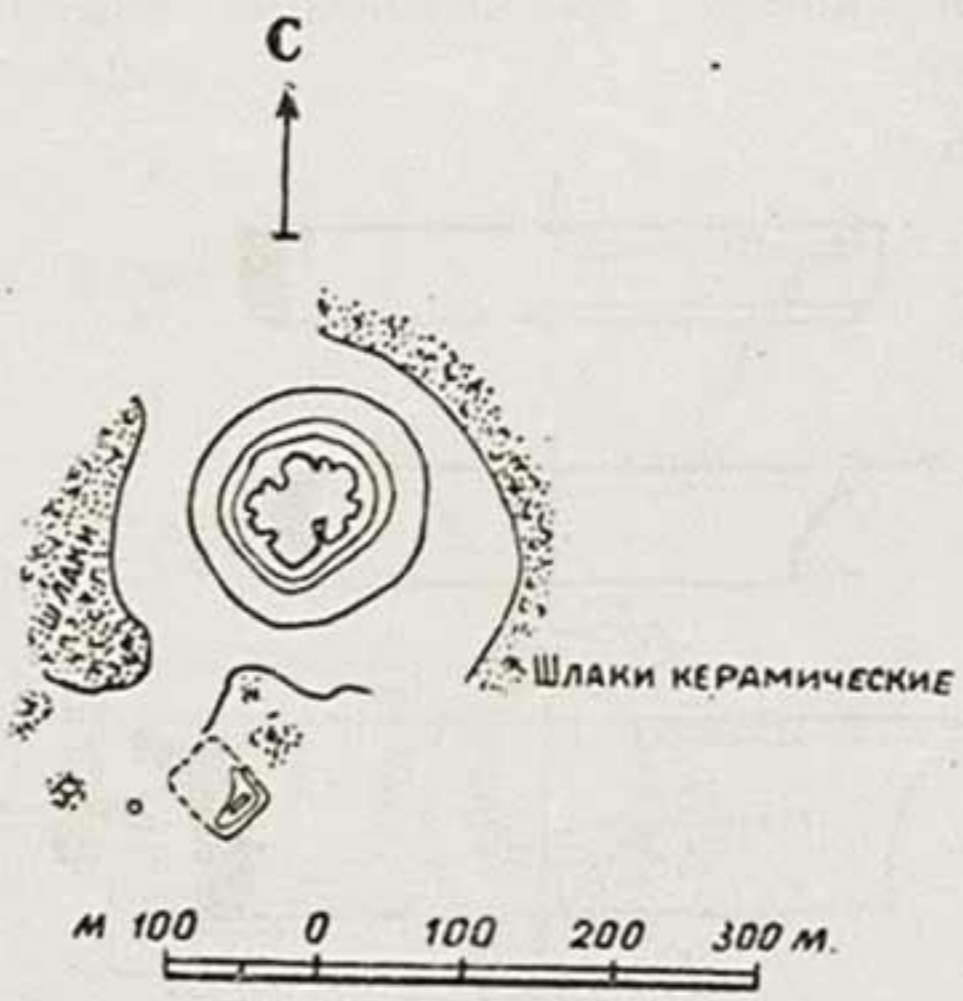


Рис. 33. Дазлы-хан депе в 5 км к западу от Артыка.

рованной и неокрашенной керамики, огрубленной по сравнению с парфянской, с уплощенными ручками, часто рифлеными, с утолщенным

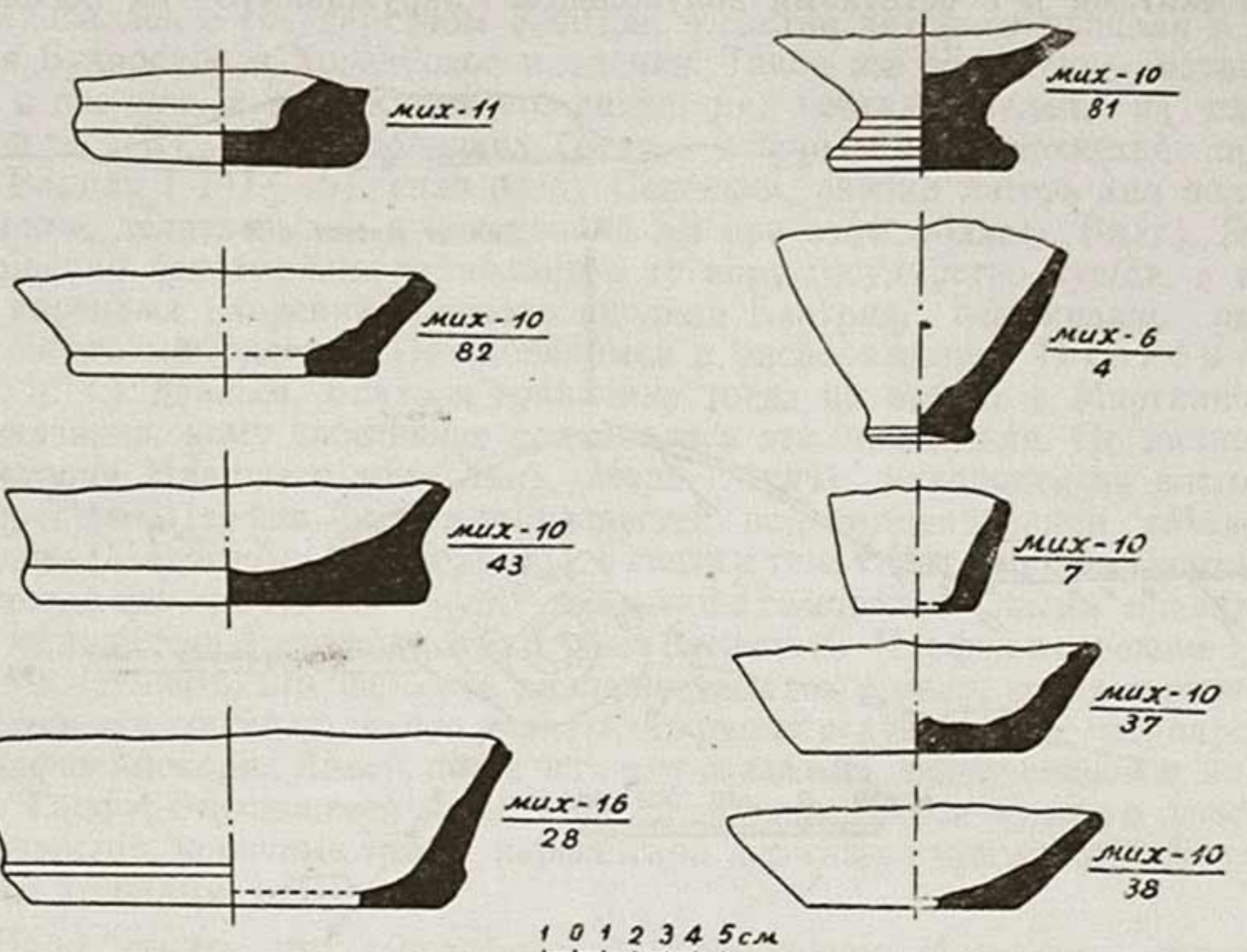


Рис. 34. Керамика раннефеодальных городищ и тепе Абивердского района.

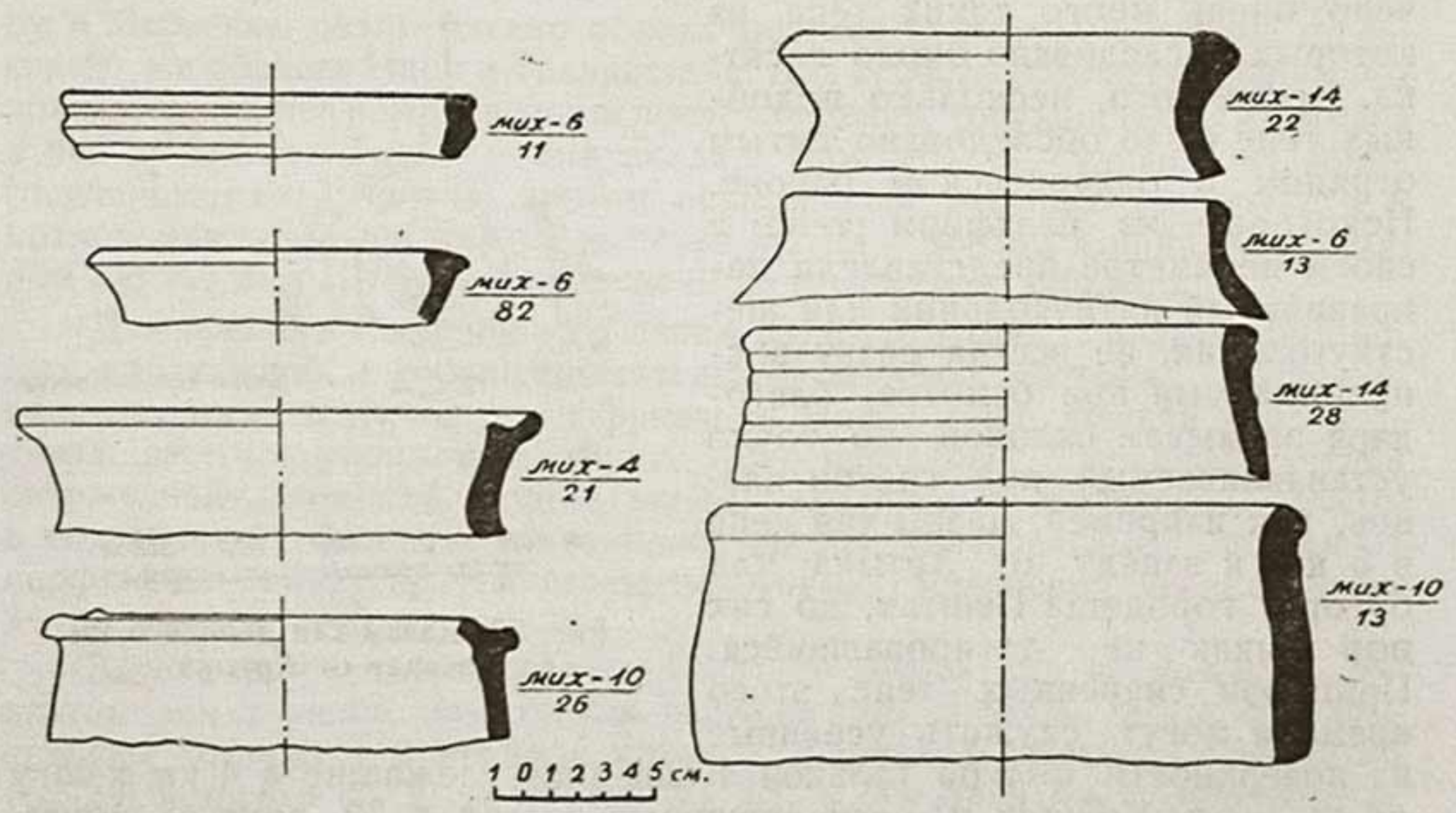


Рис. 35. Керамика раннефеодальных городищ Абивердского района.

поддоном, с очень разнообразными фигурными сечениями закраин и в некоторых случаях с процарапанным линейным орнаментом, сделанным гребенкой-чикычем. Из других характерных объектов следует отметить керамические шлаки, указывающие на домашнее производ-

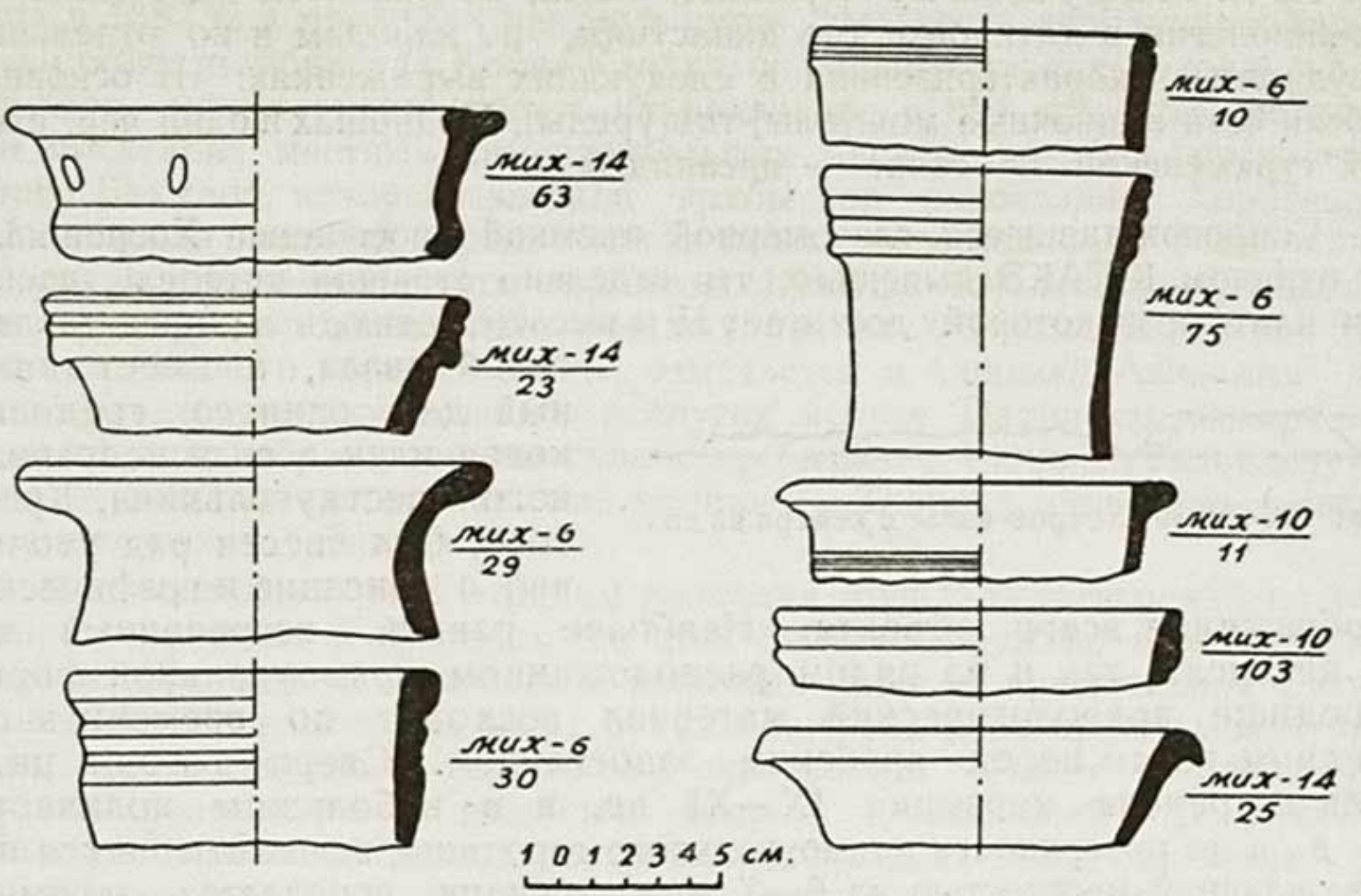


Рис. 36. Керамика раннефеодальных городищ Абивердского района.

ство глиняной утвари; небольшие каменные жернова; маленькие каменные ступочки; мелкие каменные оселки; биконические пряслица; кусочки меди и железа; бусинки из сердолика.

Одним из интереснейших объектов того же времени является городище Хосров-кала, в 2 км от ст. ж. д. Каушут, на которое уже в 80-х годах обратил внимание А. В. Комаров, не давший ему датировки, но считавший его, наряду с городищем Пештак, „особенно замечательным". В 1928 г. этот памятник был обследован членами Хаверанской археологической экспедиции Т. Г. Мачневым и О. Л. Орестовым, результатом чего явилось опубликованное краткое и неточное его описание, с приложением сильно искажающего действительность схематического плана. От каких бы то ни было определений исследователи воздержались. Позднее

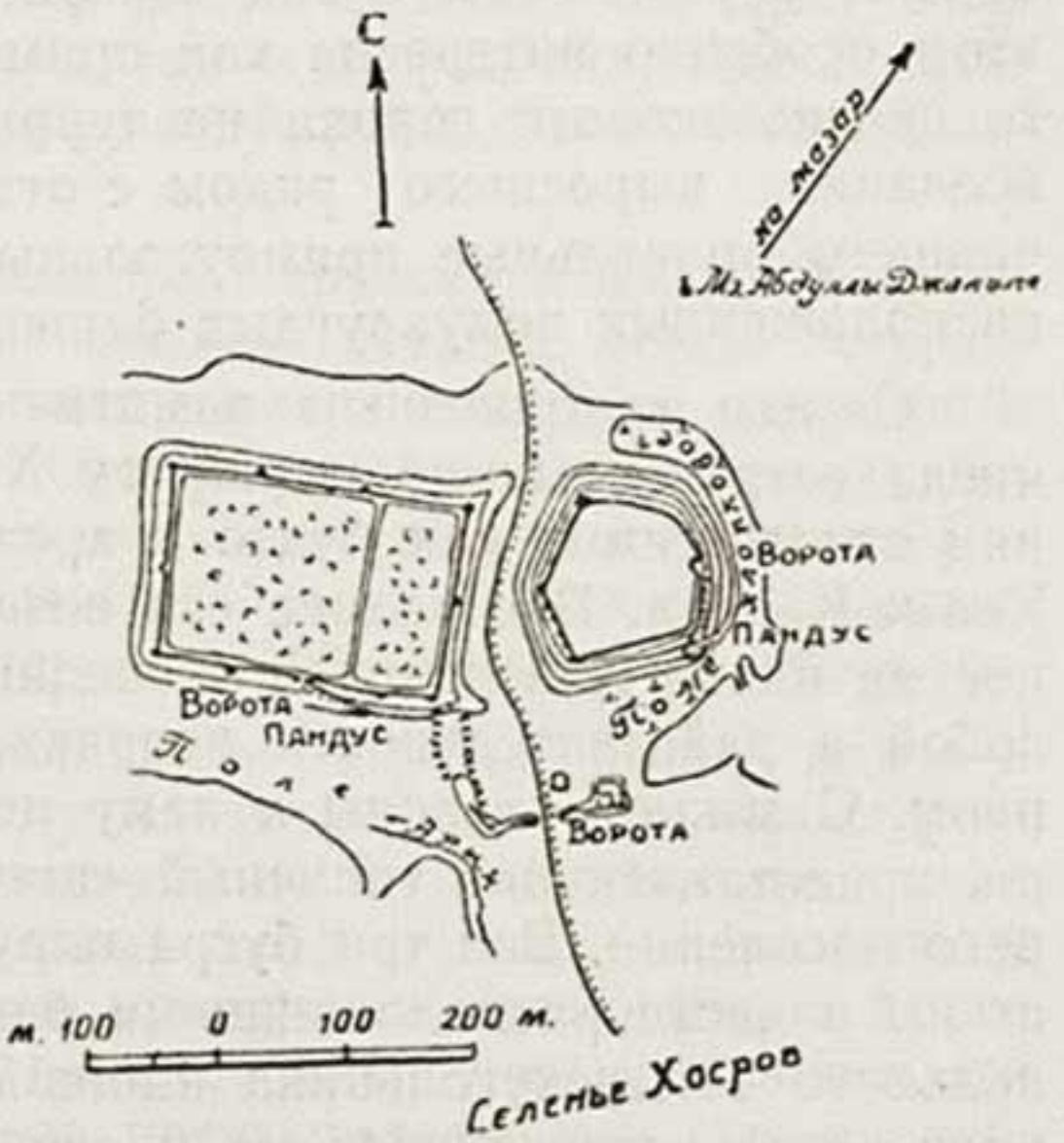


Рис. 37. Хосров-кала. План.

Хосров-калу изучали А. А. Марущенко и С. А. Ершов, пришедшие к заключению, что она представляет собой руины существовавшего в парфянское время города Апаварктика. Коллекция собранных на городище фрагментов археологической керамики в составленной А. А. Марущенко музейной описи, по принятой им смешанной терминологии в датировке (по династиям, по народам и по отдельным государям), охарактеризована в следующих выражениях: «В основном узбеки есть одиночные монг[олы]-тим[уриды], Надиршах и один чер. степной туркменский. В основе — арсакиды».

Сопровождавшееся глазомерной съемкой посещение Хосров-калы XI отрядом ЮТАКЭ выяснило, что отдельно стоящая цитадель, насыпная платформа которой достигает 15 м высоты, отнюдь не представляет собой овала, а имеет типичный для раннего средневековья план в виде неправильного шестиугольника. Кроме того, был внесен ряд уточнений в описание и графическое отображение всего объекта. Наиболее ранний, встреченный как на цитадели, так и на рядом расположенном прямоугольной формы городище археологический материал восходит по времени к последним векам перед арабским завоеванием. Сверх того, в цитадели встречена керамика IX—XI вв. и в небольшом количестве XV в., а на поверхности прямоугольного городища, возвышающегося над окружающей местностью на 6—7 м, в изобилии попадается керамика XVIII—XIX вв. Таким образом, нет никаких оснований для отождествления Хосров-калы с парфянской Апаварктикой, что было основано на неверном представлении об овальном плане цитадели и неправильных датировках хранящегося в Ашхабадском музее подъемного материала с этого памятника. Весьма возможно, что не случайно этот памятник носит имя одного из сасанидских государей, которые были весьма озабочены укреплением своих северо-восточных границ. Хосров-кала при этом особенно интересна как пример сложения одного из типов раннего средневекового города на территории Туркмении до арабского завоевания, выросшего рядом с отделенной от него цитаделью и получившего правильные прямоугольные очертания с малым числом редко расположенных полукруглых башен.

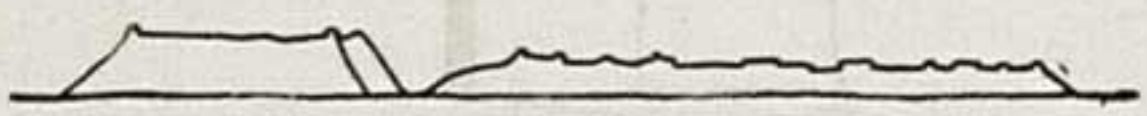


Рис. 38. Силуэт Хосров-калы с севера на юг.

Самым грандиозным памятником рассматриваемого периода из числа встреченных по маршруту XI отряда, а по времени возникновения относящимся как будто к арсакидской эпохе, является городище Койне-Каахка. В середине его возвышается тепе, ошибочно отображенное на плане Хаверанской экспедиции в виде овала и представляющее собой в действительности неправильный восьмиугольник, окруженный рвом. С южной стороны к нему подходят два меньших размеров бугра, представляющие типичный «шлейф», образованный остатками внешнего поселения. Все три бугра окружены земляным валом от оплывшей стены с часто расположенными башнями, охватывающей в виде неправильного четырехугольника площадь примерно в 35 га. Подавляющее количество встреченного на поверхности Койне-Каахка археологического материала принадлежит раннему средневековью и восходит к послед-

ним векам до арабского завоевания. Лишь кое-где в ограниченном количестве попадаются черепки XV и XVI вв. Археологическим материалом очень красноречиво определяется период наиболее интенсивного функционирования этой крепостной твердыни, на время восстановленной из руин, согласно письменным источникам, по распоряжению Тимура в 1382 г. в продолжение двух суток. Из всех городищ на территории области Абиверда Койне-Каахка, по нашему мнению, наряду с Хосров-кала может претендовать на признание в ней остатков резиденции последних местных самостоятельных наследственных правителей и того Бахмана, которого застали арабы при завоевании Хорасана в VII в., когда главный город области лежал неподалеку, в 7 км западнее, на месте современного городища Пештак. Аналогичное положение, при котором резиденция местных правителей находилась неподалеку от главного города страны, отмечается в Средней Азии для периода раннего средневековья и в других местах. Например, самаркандские ихшиды избрали местом своего пребывания Ривдад (Талибарзу) в 6 км от Самарканда, а шашские мелики — Тарбенд, примерно в таком же расстоянии от Ташкента.

При обследовании X отрядом развалин Мешхеди-Месториан на территории городища в пределах его стен было обнаружено некоторое количество фрагментов керамики и глиняная плоская примитивная фигурка женщины с воздетыми вверх руками, которая явно принадлежит времени, предшествующему арабскому завоеванию. Таким образом, во-первых, положительно решается вопрос, вызывавший у В. В. Бартольда сомнение, был ли построенный арабами рабат на месте «домусульманского Дахистана» (История орошения Туркестана, стр. 33), где резидировали местные наследственные князьки из династии Сул, а во-вторых, встреченные здесь тонкостенные плоские красные чашки с двумя изломами в профиле, близкие парфянской керамике из Нисы, как бы подтверждают своим наличием средневековое предание, что Дахистан был основан еще при арсакидах. В таком случае, показание Хамдаллаха Казвини, будто его построил сасанидский царь Кувад (488—531) следует, вероятно, понимать в том смысле, что при этом государе Дахистан, находившийся перед тем в запустении, был восстановлен подобно тому, как при отце Кувада, Фирузе, была восстановлена Ниса.

В процессе изучения маршрута Исидора Харакского ЮТАКЭ пришлось столкнуться с длинными валами, напоминающими собой оплывшие земляные районные стены и именуемыми местным термином «мерз», что значит вал, тянущийся подобно железнодорожному полотну. Эти валы известны с перерывом от района Меана до района Бабадурмаса на протяжении около 200 км. Некоторые из них еще не нанесены на карту, а специально мерз никем никогда в целом не изучался.

Одиннадцатый отряд наблюдал отдельные отрезки таких валов в ряде пунктов: в 3 км севернее Артыка у Ак-депе, где вал прослежен был тянущимся в широтном направлении с В на З от упомянутых точек на 1,5 км; в 8,5 км к ЮВ от Кюрен-кала близ дороги у Кара-депе, у которого он прослеживался в восточном направлении километров около 5; в 11 км западнее Душака у Едиджа-депе, где он проходит в том же направлении, причем само Едиджа-депе представляет, как выяснилось, расположенные к северу от вала остатки парно-парфянского неукреп-

ленного поселения — стоянки V — IV вв. до н. э.; наконец, в 5 км южнее Душака, несколько южнее упоминавшегося выше Ясы-депе.

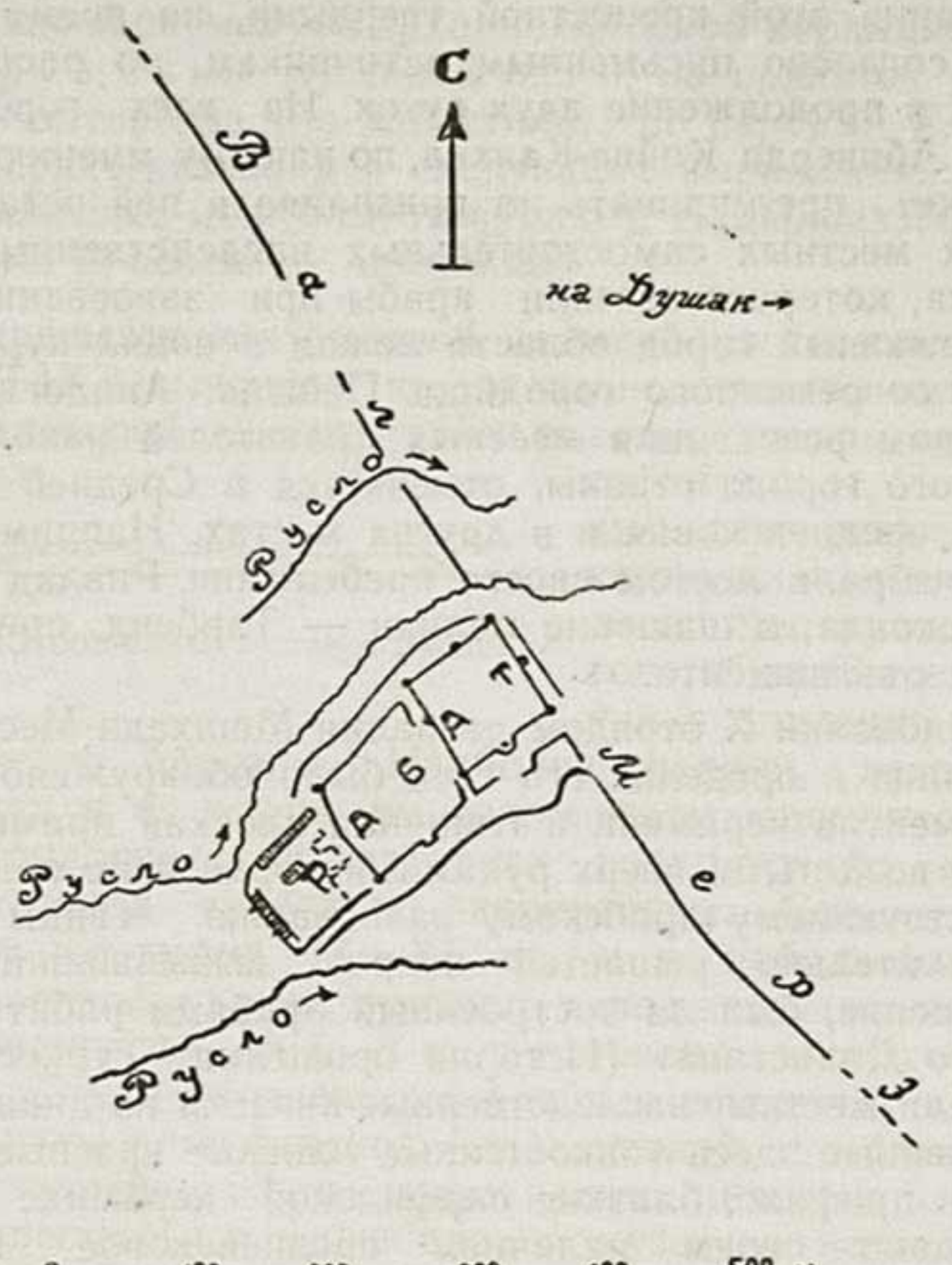


Рис. 39. Рабат у вала Мерз

Высота мерза в разных местах колеблется от одного до двух метров, а ширина в основе достигает в осматривавшихся нами пунктах 25 м. Наиболее сложный профиль зарегестрирован к западу от Душака, где по обе стороны мерза у его подошвы отмечаются приподнятые, тянущиеся на всем протяжении небольшие валики. В восточной части мерзы тянутся вдоль Копет-Дага, а в западной, начиная примерно от меридиана Каушута и до меридиана Бабадурмаса, отступают далеко в северном направлении, везде охватывая полосу могущей быть орошенной или использованной под хорошее пастбище земли. Характерно, что внутри огражденной этими валами территории в изобилии встречаются руины средневековых городов, феодальных замков-усадеб и остатки архаических поселений, тогда как севернее их обычно начинаются пространства песчаной пустыни или солончаков, городищ совсем нет, а прочие археологические памятники попадаются лишь изредка. Связь мерзов с культурной полосой Этека несомненна, но назначение и время их устройства еще не установлено. У местного населения в районе Душака на этот предмет нам пришлось слышать легенду, связывающую появление про-

ходящего там мерза с подвигами некоего богатыря Мелик Аджара, сына Мелик Арыса. Согласно этой легенде, Мелик Аджар, приняв ислам с приходом в Хорасан арабов, много сражался на их стороне против неверных, убил даже своего отца, когда тот отказался принять мусульманство, и, наконец, сам был тяжело ранен в стычке с врагами у горного источника Чешме Ходжа-баба. С трудом двинулся он с поля битвы домой, а чтобы за ним не оставался кровавый след, он набрал в полу халата песку, которым и засыпал струей лившуюся из раны на землю кровь. От ее потери он умер, а его последний путь оказался отмеченным огромным валом мерз, так как Мелик Аджар был очень крупного роста, до двадцати кулочей, почему связанное с ним намогильное сооружение, находящееся близ Ясы-депе, отличается гипертрофированными размерами.

Возможно, что мерз принадлежит к категории тех обычных в Средней Азии районных стен, которые некогда возводились здесь для ограждения культурных земель от набегов кочевников, хотя в письменных источниках упоминаний об окружении ими земель Хаверана и Абиверда пока не встречено. Известно, что в середине V в. с этой целью сасанидский Иран возвел цепь укреплений в Дербендском проходе на Кавказе и построил от самого Каспийского моря по правому берегу Гюргена для ограждения его долины огромную стену, остатки которой в виде вала известны теперь под названием Кизыл-алан. Позднее, во второй половине VI в., в конце правления Хосрова Ануширвана (531—579), была заново отстроена Дербендская стена и из-за невозможности удержать долину Гюргена была возведена вторая стена южнее первой между Мазандераном и Джурджаном. Возможно, что со временем сасанидов следует связывать и создание мерзов, причем отмеченный для района от Бабадурмаса до Каушута факт наличия здесь двух рядов валов, из которых один отходит от другого в нескольких местах на 20 км, может быть объяснен разновременностью постройки, как это имело место в Джурджане или Гюргене. Если валы прослеживаются теперь в виде отдельных кусков, это не говорит за то, что они и прежде не представляли собой непрерывной линии. Как показало исследование ЮТАКЭ 1946 г., огромная стена, возведенная в III в. до н. э. по распоряжению Антиоха вокруг Мервского оазиса на протяжении до 250 стадий, уцелела в настоящее время лишь на некоторых участках, причем не представляется никакой возможности проследить ее остатки в интервалах между сохранившимися отрезками.

С другой стороны, принимая во внимание широкое распространение в древности на территории Южного Туркменистана лиманного орошения, можно допустить, что отдельные отрезки мерзов составляли часть развитой системы этого способа ирригации. Окончательно вопрос о назначении и времени появления мерзов можно будет разрешить лишь при проведении стоящего в плане ЮТАКЭ специального сплошного изучения пока еще загадочных валов, как это было частично осуществлено в 1947 г. работами VIII отряда ЮТАКЭ в части вала Гилякин Чильбурдж в старом Мерве.

На нем в двух местах были произведены раскопки, установившие, что он был сложен из пахсы, толщина которой первоначально достигала 6—7 м, а в настоящее время вал в оплыве имеет максимум до 3 м высоты и свыше 20 м ширины. Восьмому отряду удалось уточнить, что в СЗ части вал проходит почти на полкилометра западнее, чем это

отмечено на плане, приложенном к труду В. А. Жуковского. Археолого-топографическое исследование руин Старого Мерва показало, что керамика парфяно-кушанского времени встречается как раз примерно в пределах вала Гилякин Чильбурдж, который охватывает площадь почти в 40 км² и возник как внешняя стена обжитой территории вокруг основного ядра города, когда таковым являлось древнейшее городище Гяур-кала. Была ли она отстроена еще в пору рабовладельческого общества при парфянах, что более, чем вероятно, прямых данных в 1947 г. не обнаружено. О существовании же этой стены и даже о ремонте ее в сасанидское время свидетельствует ряд сделанных наблюдений: распространение керамики III—VII вв. на самом валу и внутри окруженной им площади; скопление в одном пункте у места бывших ворот свыше 130 ядер из обожженной глины серо-зеленого цвета; заделки отдельных поврежденных участков сырцовым кирпичом (39×39×9 см), каковым были отремонтированы и местами облицованы при крупных фортификационных работах стены Гяур-калы, в основном сложенные из парфянского типа кирпича (42×42×12—14 см). Средневековое предание, приводимое автором X в. Ибн-ал-Факихом, связывало сооружение стены вокруг Мерва с именем некоей правительницы по имени Хумай, дочери Ардешира, сына Исфендиара. Таким образом, из всего вышеизложенного вытекает полная несостоятельность высказываний А. А. Марущенко, будто вал Чильбурдж следует признавать «ранне-исламским».

Для последующих периодов раннего средневековья от VII в. до первой четверти XI в., разными отрядами ЮТАКЭ сделан ряд существенных наблюдений и выяснено немало новых фактов.

К IX в. отмечается восстановление хозяйства страны, пришедшей в упадок в первое время после арабского завоевания; развитие городов, падение значимости районных стен и переход их роли оборонительных сооружений к рабатам, которые усиленно возводятся по границе культурных земель со степью. Из появившихся в эту пору рабатов ЮТАКЭ были обследованы Дахистан (Месториан), Парау или Парав (Фарав или в европейском чтении Фераве), Куфен (ныне Чугундор-баба). Все они связываются арабскими авторами со строительной деятельностью Абдаллаха ибн Тахира (830—844), хотя возникновение первого из них относили также к правлению халифа Мехди (775—785).

В Месториане нами был снят план его шахристана, причем выяснено, что замок прежних местных династов, повидимому, был расположен в его юго-восточном углу, обладал очень мощного профиля толстыми стенами и занимал площадь примерно в 6 га. Установлены места всех трех ворот, упоминаемых письменными источниками второй половины X в. в стене рабата Дахистан, разрушенной к этому времени, как и во многих других городах, по распоряжению саманидского правительства. Подобранные в ряде пунктов пресноводные ракушки *Melanopsis praemorsa* показывают, что Дахистан на протяжении какого-то времени получал в достаточном количестве проточную воду, чем как бы подтверждается сообщение Макдиси, которому местные жители в свое время рассказывали, что «их река идет от Туса», т. е. что рабат снабжался тогда водой из Атрека.

Руины городища Парау, современное название которого возможно одного корня с названием народа, именуемого греко-римскими автора-

ми парнами, были посещены сперва десятым, а потом и пятым отрядом ЮТАКЭ, причем с него М. Е. Массоном был снят план, дополненный затем Б. А. Литвинским. Структура городища оказалась очень сложной, и только снятие его плана и сбор подъемного материала с различных площадей городища позволили разобраться в туманном описании, «рабата Фераве» Макдиси, упоминающего «три стены, одна рядом с другой», причем вокруг одной из них ров. Построенный в начале тридцатых годов IX в. в конце правления халифа Мамуна

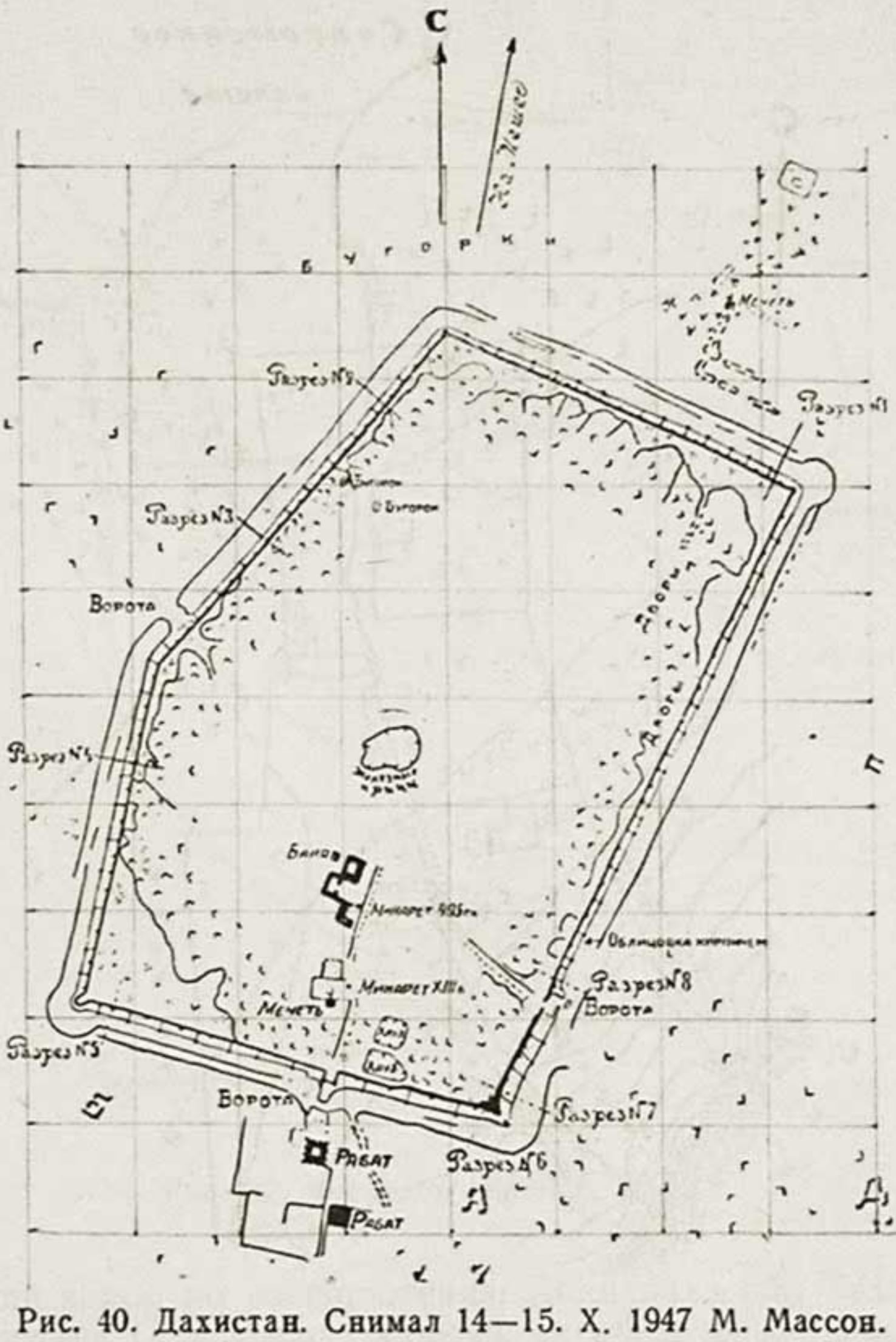


Рис. 40. Дахистан. Снимал 14—15. X. 1947 М. Массон.

рабат Фарау представляет собой четырехугольное в плане укрепление примерно около 9 га площадью, причем его внешние стены имели угловые башни и промежуточные бурджи, а с западной стороны были устроены укрепленные добавочными коленчатыми выступами стены ворота, выходившие на дорогу в сторону Дахистана. Вторые ворота, ведшие в сторону Нисы, находились в восточном фасе у северо-восточного угла. Юго-восточный угол опирался на мощное укрепление, от которого теперь сохранился продолговатый бугор. Начало кяриза,

питавшего гарнизон водой, было расположено в 700 м у самого подножия скал, к каковым от крепости были протянуты по обе стороны кяриза две стены с башнями, отстоящие друг от друга примерно на 200 м. В двух местах образованного ими «коридора» отмечены следы поперечных стен. Начавшее в X в. складываться под стенами рабата поселение в основном занимало площадь к востоку от этого укрепления, причем часть территории от ЮВ угла рабата и южнее затем была обнесена новой добавочной стеной. Внутри нее встречается керамика IX—

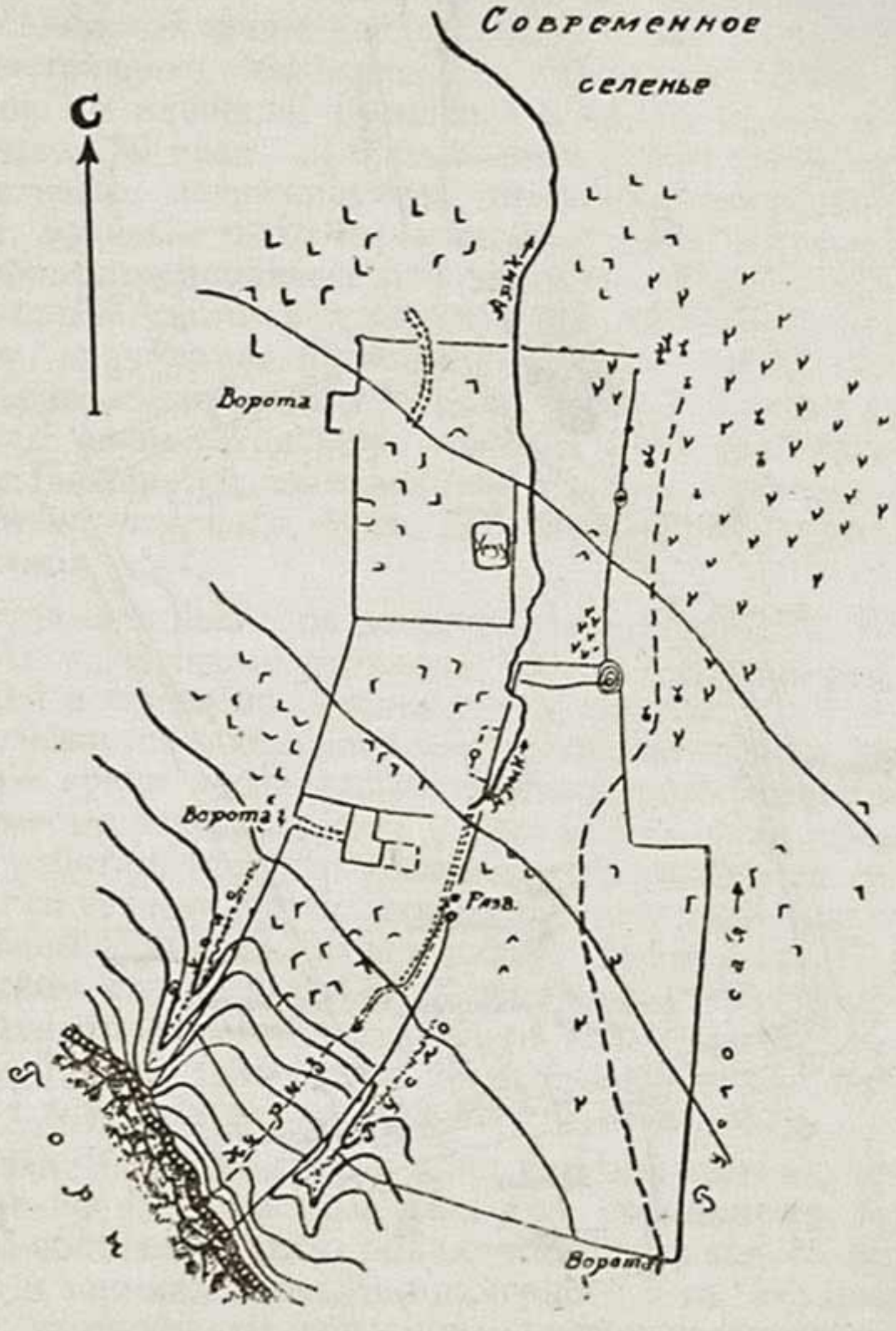


Рис. 41. Ферава. План.

X вв. и более позднего времени, а также керамические шлаки предметы печного оборудования (штыри, сипоя) и керамические бусы, указывающие на местное производство глиняной утвари. Часть поселения, возможно, более поздняя по времени возникновения и занимавшая площади к северу и востоку от основной части рабата, не была обнесена стенами и занята в настоящее время строениями и функционирующим уже не одно столетие мусульманским кладбищем. На последнем теперь

расположено несколько поздних купольных мавзолеев, а в некоторых местах при рытье могильных ям из земли выкапываются средневековые железные крицы и керамические шлаки.

Обследование городища Чугундор-баба или Куфена, сопровождавшееся снятием плана, привело к ряду уточнений в описании самого объекта, его понимании, а сбор археологического материала позволил дать датировки некоторым этапам жизни этого населенного пункта.

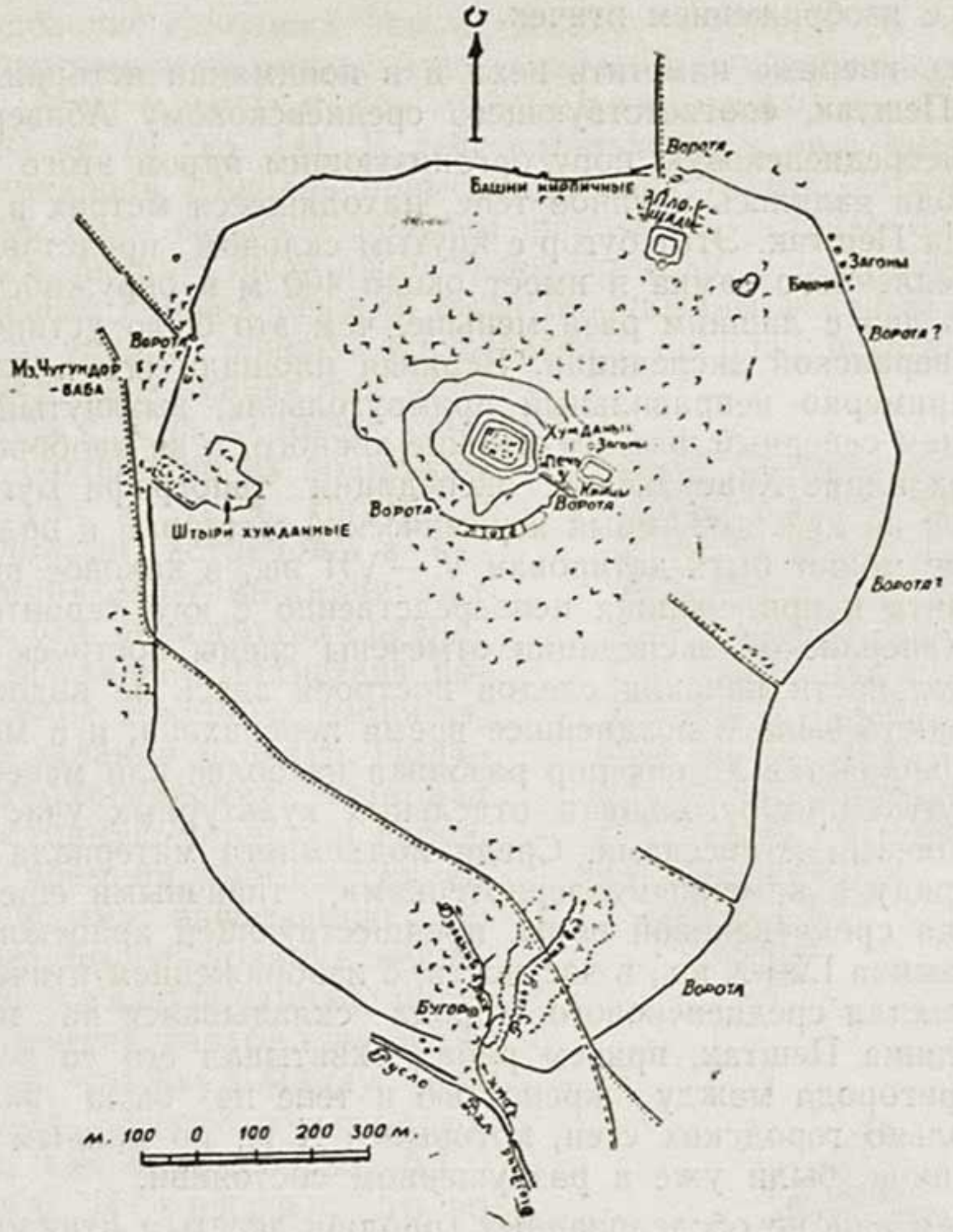


Рис. 42. Чугундор (Куфен). План.

При основании здесь, по распоряжению Абдаллаха ибн Тахира, рабата в первой половине IX в. было, видимо, использовано раннесредневековое тепе, причем устроенная на нем прямоугольная в плане цитадель имела облицовку, а возможно частично и сложена из жженого кирпича. Кроме того, тепе обнесли небольшим кольцом наружной стены с внешней стороны рва. Сложившееся подле рабата поселение вскоре же было окружено стеной, остатки которой легко прослеживаются на всем протяжении около 6 км и сохранились иногда на высоту до 2—2,5 м, а не 0,5 м, как они описывались членами Хаверанской экспедиции. С южной стороны городища установлены остатки того крытого канала с

пресной водой, который упоминается Макдиси под названием «подземного» (т. е. скрытно текущего) и который теперь представляется в виде весьма заметного длинного вала с пропущенным вдоль него руслом позднейшего арыка. К наиболее ранним сделанным на городище находкам относится терракотовый сапожок. Внутри внешней городской стены отмечены в нескольких местах шлаки кирпичеобжигательных заводиков, утварь керамических печей, а в двух — железные крицы. В изобилии представлена керамика IX—X вв., в частности глазурованная, типа ишкорной, с изображением птичек.

Удалось впервые наметить вехи и в понимании истории сложения городища Пештак, соответствующего средневековому Абиверду.

В раннесредневековую пору организующим ядром этого будущего нового города являлось крупное тепе, находящееся метрах в 400 к СВ от городища Пештак. Этот бугор с крутым склоном представляет платформу укрепленного замка и имеет около 400 м в окружности основания, т. е. в два с лишним раза меньше, чем это было установлено работами Хаверанской экспедиции. Верхняя площадь его в плане представляет примерно неправильный прямоугольник, вытянутый с севера на юг, причем северный фас его меньше южного, а не наоборот, как это показано на плане Хаверанской экспедиции топографа Бугро 1929 г. Встреченный на ней подъемный керамический материал в подавляющем большинстве может быть датирован V — VII вв., в каковое время была как-то обжита и прилежащая непосредственно с юга территория, где на плане Хаверанской экспедиции отмечены следы построек и водоем. В действительности никаких следов построек здесь не видно, так как вся поверхность была в позднейшее время перепахана, и в микрорельефе четко сохраняется до сих пор разбивка на более или менее правильные вытянутые прямоугольники отдельных культурных участков, бывших под бахчами и посевами. Среди подъемного материала тут попадаются, наряду с каменными зернотерками, типичными еще для раннего периода средневековой поры, предшествующей арабскому завоеванию, керамика IX—X вв., в частности, с изображением птичек. В основном шахристан средневекового города складывался на месте крепости городища Пештак, причем рабад охватывал его со всех сторон, но часть пригорода между крепостью и тепе не была включена во внешнее кольцо городских стен, которые в X в., по данным письменных источников, были уже в разрушенном состоянии.

Из никем еще не обследованных городищ десятым отрядом в 44 км к северу от Кизыл-Атрека установлены руины крупного средневекового поселения, носящие теперь наименование Илянлы (т. е. Змеиное). В нем оказалась квадратная в плане крепость, площадью свыше 1,5 га, со стенами, угловыми башнями и бурджами, сложенными из пахсы. Внутри крепостной ограды возвышаются на прямоугольной платформе развалины дворца. С СВ к крепости примыкает огороженная стеной площадь несколько более одного гектара. Некогда наиболее плотно обжитая часть поселения тянется от крепости в ЮЗ и Ю направлении почти на полукилометр, причем поверхность густо покрыта жженым кирпичом, среди которого в большом числе попадаются кирпичные «бантики», употреблявшиеся в качестве архитектурной декорации. В нескольких местах были встречены остатки древних кирпичеобжигательных печей, керамических хумданов, брак стеклодувного производ-

ства, металлические шлаки и небольшие ладошкообразные железные крицы. Подъемный материал в основном датируется временем с IX—X и до XIV вв., причем среди него оказалась неглазурованная терракотовая фигурка барана и в изобилии каспийские раковины. Совершенно несомненно, что это городище представляет остатки крупного средневекового селения Дахистана, вероятно, одного из упомянутых в трудах Самани и Якута: Хибрасана (Хабратан) или Хабарта, Харратир или Фаргуль.

Обследование городища Мадау, соответствующего по своему положению средневековому городу Ахур, показало ошибочность определения его А. А. Марущенко как «неукрепленного» (Туркменоведение, 1930, № 12 стр. 14). В действительности у него имеется цитадель, занимающая площадь примерно в один гектар, окруженная широким рвом, ныне частично занятым пашней, а частично озерком. Стены цитадели, видимо, были двойной конструкции, а ее угловые башни и промежуточные бурджи некогда были облицованы жженым кирпичом. Кроме того, удалось обнаружить и заснять на план остатки внешних стен, причем окруженная ими площадь города с С на Ю имеет свыше 1 км. Появление их возможно относится уже к XI в. Внутри и за ее пределами встречены в нескольких пунктах руины кирпичных заводиков. Как и на других средневековых городищах Дахистана поражает обилие жженого кирпича, кирпичных шлаков и брака. Подъемный археологический материал дал тонкостенную черную и серую керамику времени, предшествующего арабскому завоеванию, но преобладает более поздняя неглазурованная и глазурованная керамика. Все вместе взятое говорит в пользу того, что Ахур-Мадау если и не был главным городом Дахистана, как о том писал Абу Абдаллах Испахани, то во всяком случае к X в. не был уже и селением, а вполне сформировавшимся городом, как его рекомендовал и Макдиси.

Рис. 43. Фрагмент керамики IX—X вв. из Мерва.

Глубокие шурфы, заложенные на городище Анау, показали, что бывший тут средневековый городок особенно интенсивно жил в IX—X вв., к каковому времени относится, между прочим, глазурованная керамика с характерным изображением птичек.

Из других обследованных городищ удалось выяснить принадлеж-

ность к ранней поре средневековья Париз-депе, к ЮЗ от Безмеина, и Кодж-депе. Последнее, видимо, является одним из тех рабатов-селений, которые, по Макдиси, были обязаны своим возникновением деятельности Абу-л-Касима ал Микали.

В части понимания исторической топографии Мерва этого периода выяснено, что в IX в. западный пригород Мерва был густо заселен, и он приобретает тогда особое значение. Однако собственно городом продолжали считать Гяур-калу, именуя ее «старым городом». А так как в пределах городской стены никакой другой крепости не существовало, то, упоминая «крепость», авторы X в. имели в виду Эрке-депе, частично занятое тогда бахчами.

Не менее красноречивы оказались сделанные ЮТАКЭ историко-археологические наблюдения для поры феодализма времени его расцвета, со второй трети XI в. и до начала XVI столетия.

Для первого периода, продолжающегося почти до конца XII в. и иногда называвшегося «сельджукским», по той роли, какую играли тогда сельджуки-огузы, соединявшие кочевое хозяйство с элементами оседлости, земледелия и даже городской жизни, особенно характерным моментом, ярко запечатленным в памятниках материальной культуры является дальнейший рост городов. Многие из них достигают максимальных размеров.

Прежде всего это относится к Мерву, бывшему резиденцией нескольких сельджукских султанов, где первую хутбу с именем Дауда Джагри бека стали читать с 1036 г. Если в последней четверти XI в. при Маликшахе (1072—1092) вывели стены Султан-калы, а в СВ углу ее устроили треугольную в плане цитадель (Шахрияр-арк), то первыми была окружена только наиболее густо заселенная центральная часть города. Разрушение ворот и городских стен в процессе феодальной борьбы (начиная с 1093 и 1095 гг.), не сказывалось на росте самого города, и его пригород-рабад, как показали историко-топографические наблюдения VIII отряда, вопреки прежним представлениям, выходит за пределы внешней стены Гилякин-Чильбурдж. Остатки былых сооружений на берегу канала Маджана пересекают этот вал и прослеживаются далеко на север в виде ряда холмов. К северу и к западу от территории, обнесенной некогда стеной, были прослежены семь старых русел каналов, вдоль которых встречается археологический материал XI в. Можно с уверенностью говорить, что Гилякин-Чильбурдж не имел тогда оборонного значения и не определял собой границ рабада.

Дахистан, отошедший к сельджукидам в 1035 г. и еще в 1161 г., когда он подвергся сильному разгрому со стороны гузов, имевший своего полунезависимого владетеля (Айтака), на протяжении второй половины XI и первой половины XII вв. разросся в значительный город. Его главная часть в виде неправильного пятиугольника, площадью около 60 га, была превращена в сильную крепость, имевшую широкий ров и обнесенную двойным рядом стен, из которых внешняя была несколько ниже внутренней. В обеих имелись башни, чередовавшиеся в шахматном порядке. Все пространство между стенами было разбито короткими поперечными стенками на отдельные отсеки, числом около 70, которые в значительной мере усиливали обороноспособность города. Кроме того, стены башен были облицованы жженым кирпичом.

Остатки обширного рабада примыкают к крепости с запада, юга и юго-востока и особенно далеко прослеживаются в последнем направлении, причем отдельные развалины былых сооружений отстоят от обнесенной стеной части города на расстояние до 3 км. Прорезывающие территорию рабада русла каналов наглядно свидетельствуют о наличии достаточного количества проточной воды, что вполне согласуется с косвенными намеками на нее в сообщении автора XII в. Ахмеда Туси о распространении в Дахистане заболеваний от проникавшей в организм ришты.

Археологически очень четко вырисовывается расцвет в эту пору дахистанского городка Ахура, о котором, по письменным источникам, известно лишь, что из него был родом один факих, слушавший лекции в Дахистане (намек на наличие в последнем медресе) и скончавшийся в Мерве весной 1153 г. В подъемном материале со всей площади городища Мадау резко преобладает керамика XI—XII вв., на которой встречаются нередко изображения птиц. Среди сделанных здесь X отрядом находок имеются, между прочим, фрагменты разноцветной стеклянной утвари, глиняных «симобкузача», массивный бронзовый пест от ступки, такой же крючок с цепью для подвески лампиона, терракотовая фигурка лошади с отставленным хвостом и др.

Изучение V отрядом руин Шехр-Ислама (т. е. средневекового Така и Языра) выявило, что находившийся здесь город в XI—XII вв. очень разросся и имел обширный рабад, все три наметившиеся площади которого уже были обжиты в это время. Сделанные в этом же направлении в 1946 г. наблюдения на городище Нисы в 1947 г. были подтверждены рядом вновь установленных фактов, согласно которым былой шахристан превращается в сильную крепость, отмечается широкое развитие ремесленного производства и торговли и расширение территории, занимавшейся пригородными усадьбами. Среди сделанных в 1947 г. на Нисе находок особенно интересны керамические комплексы XI в. и комплекс утвари XII в. с дорогой, художественной, голубой поливы чашей из кашина.

К этой эпохе должно быть отнесено и возведение заново стен Абиверда, крепость которого, имеющая площадь около 5 га получила фортификационные сооружения, по типу несколько напоминающие таковые же Дахистана. Здесь имелись тогда высокая стена с угловыми башнями и промежуточными бурджами, широкая берма между нею и глубоким рвом, кое-где разделенная на отсеки короткими поперечными стенками. Ров сейчас также разбит на отсеки перегораживающими его поперечными стенками, но кажется это нововведение значительно более позднего времени. В получившуюся крепость вели только одни ворота, обращенные внутрь собственно города или шахристана, размеры которого может быть и не совпадают с четыреугольной территорией, охватываемой ныне сохранившимися остатками поздней дувальной стены. Обширный рабад примыкал к шахристану в основном с ЮВ и Ю, ЮЗ и З сторон, хотя отчасти была обжита и площадь, примыкавшая к его северо-восточному фасу.

Следующий период в истории Южной Туркмении, падающий примерно на вторую половину XII в. и обнимающий первые десятилетия

XIII в. до монгольского завоевания, выступает теперь как заключающий в себе два этапа. Первый из них у современных ему историков именовался эпохой «гузской смуты», начало которой они относили примерно как раз к середине XII столетия, а продолжительность исчисляли приблизительно в три десятилетия. Второй — внешне был ознаменован постепенным упрочением власти хорезмшахов в Хорасане и явился эпохой, когда, в отличие от предыдущей, разрушительные последствия внутренней и внешней феодальной борьбы в общем не превалировали над созидательным трудом, поднявшим на некоторое время городскую жизнь в ряде пунктов до известного благосостояния.

«Гузская смута» особенно тяжело отразилась на областях Мерва и Гургана. Мерв подвергался основательному трехдневному разгрому со стороны гузов уже в 1153 г. Ближайшие последующие годы были мало благоприятны для его возобновления, и только после установления владычества хорезмшахов, особенно с подчинением его в 1193 г. Текешу, создались условия для некоторого развития города. Основываясь главным образом на панегирическом описании Мерва Якутом и приводимых мусульманскими авторами огромных цифрах перебитых в нем монголами жителей, некоторые исследователи преувеличивали степень процветания, достигнутого городом к моменту завоевания Средней Азии Чингиз-ханом. В. А. Жуковский писал, что к этому времени даже «забыт был раззор гузов». В. В. Бартольд, отдавая должное Мерву, бывшему в начале XIII в. «одним из крупных умственных центров», считал, однако, что приводимые восточными историками огромные цифры жертв монгольского завоевания все чрезмерно преувеличены, так как город, по его мнению, занимал пространство всего около 4 кв. верст, а городище Гяур-кала было якобы окончательно покинуто жителями еще в XII в. («К истории орошения Туркестана». 1914, стр. 51).

Как установлено работами VIII отряда ЮТАКЭ, Мерв в эпоху «гузской смуты» пришел в большой упадок и, по данным археолого-топографического наблюдения, после того не только приостановился рост города на запад и на север, но даже самая площадь, которую он занимал в пору нового «расцвета» при хорезмшахах, заметно сократилась по сравнению с той, которая была у него в первой половине XII в. Однако в первые два десятилетия XIII в. жизнь концентрировалась не только, как думал В. В. Бартольд, «в квадрате городища Султан-кала». Густо обжита была и прилежащая территория северного обвода, в связи с чем тогда производился установленный археологическими наблюдениями капитальный ремонт его стен. Территорию южного обвода занимало попрежнему кладбище. Следы жизни прослеживаются в С-З части городища Гяур-кала и на холмах, расположенных на севере между двумя стенами мервских городищ. Остальная часть былого обширного рабада, в том числе и крупные кварталы керамистов к западу от «Султан-кала», находилась в заброшенном состоянии, и печальный вид руин былых строений не позволял, конечно, мервцам забыть, чем был их город до поры «гузской смуты».

Несколько иная обстановка сложилась в Дахистане, где в начале второй половины XII в. у власти находился гузский владетель Ихтияр-ад-дин Айтак, не чувствовавший, однако, прочности своего положения и,

видимо, понимавший мощность Хорезма, а также вероятную успешность его экспансии в сторону Хорасана, в связи с чем он счел выгодным для себя признать хорезмшаха Иль-Арслана (1156—1172) своим покровителем. Поражение, понесенное Айтаком в борьбе с его политическим противником, Ягмур-ханом в 1161 г., вынудило первого бежать в Хорезм, а гузы двинулись на юг и «рассеяли жителей Гургана». Вскоре после их ухода Айтак восстановил свою власть, и в Дахистане хутба снова читалась с его именем и именем Иль-Арслана, но ненадолго. В середине 60-х годов в столкновении сюзерена со своим вассалом Айтак потерял Дахистан, где был поставлен хорезмский наместник. Последующие события, при которых Дахистан захватывался иногда тем или иным претендентом на хорезмский престол (Султан-шахом, Текешем), проходили для города, повидимому, более или менее безболезненно, стены его не разрушались, и к моменту монгольского завоевания верхушка тамошнего общества пользовалась относительным благополучием. Среди

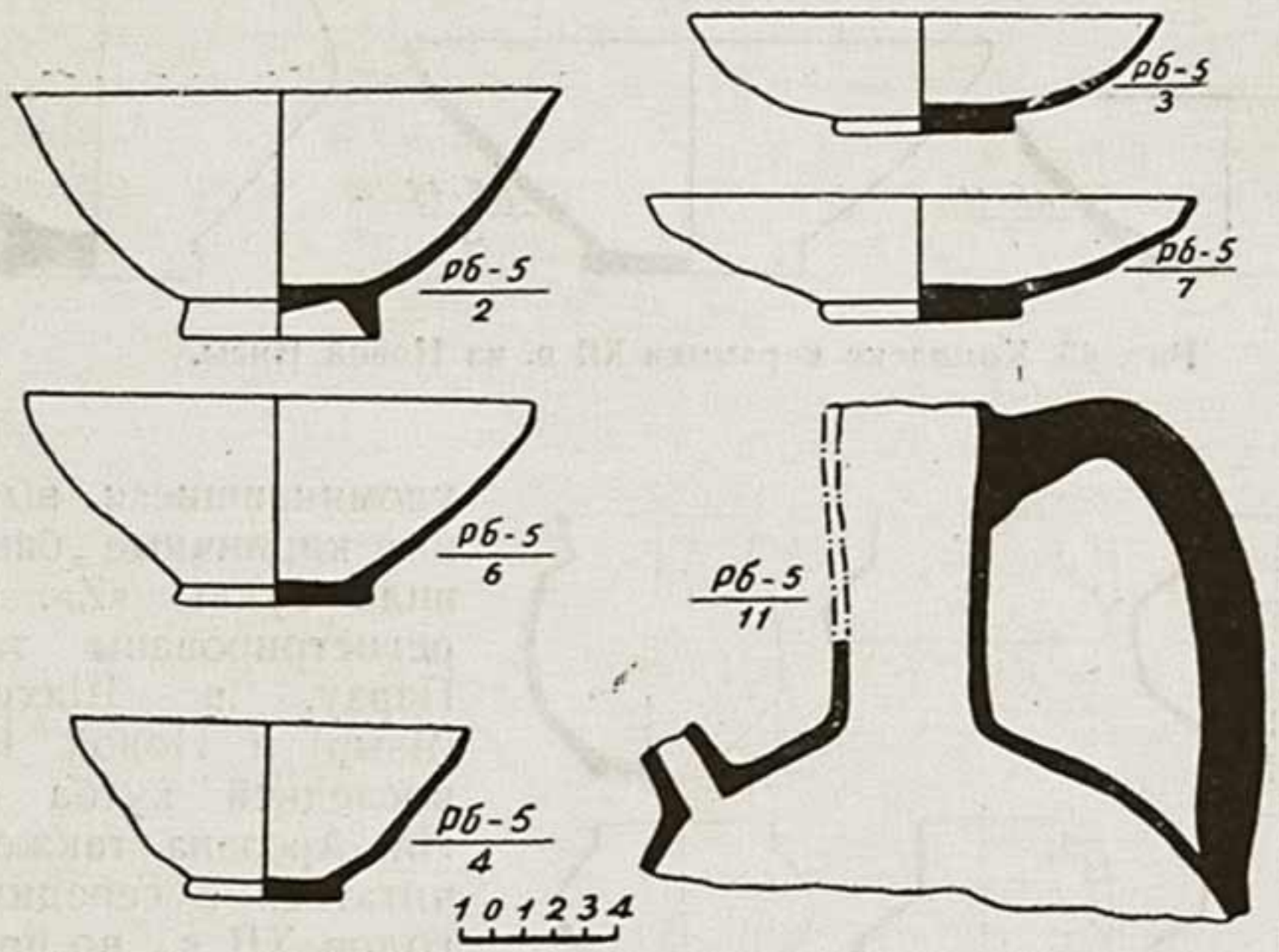


Рис. 44. Комплекс керамики XII—начала XIII вв. из Новой Нисы.

собранного на городище X отрядом археологического материала встречена роскошная керамика типа рейской люстровой утвари XII—XIII вв. и медные монеты, чеканенные с именем последнего хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220). В его правление в Дахистане была отстроена парадная мечеть, в архитектурной отделке сохранившихся устоев которой использованы, между прочим, типичные для этого времени резные кирпичные «бантики» без глазури, вырезанные на торцах терракотовых плиточек в виде буквы «Z», с добавленными сверху и снизу уголками. С этой же порой, по данным историко-архитектурного изучения, связывается теперь появление и некоторых других зданий, остатки которых сохранились на площади городища Месториан, а также капитальный ремонт и пристройки к главному зданию на территории расположенного неподалеку кладбища Машад.

Известный подъем строительной деятельности за время правления хорезмшахов отмечен ЮТАКЭ и в других былых населенных пунктах Дахистана: городищах Мадау и Илянлы, где среди груд развалин зданий из жженого кирпича в значительных количествах попадаются

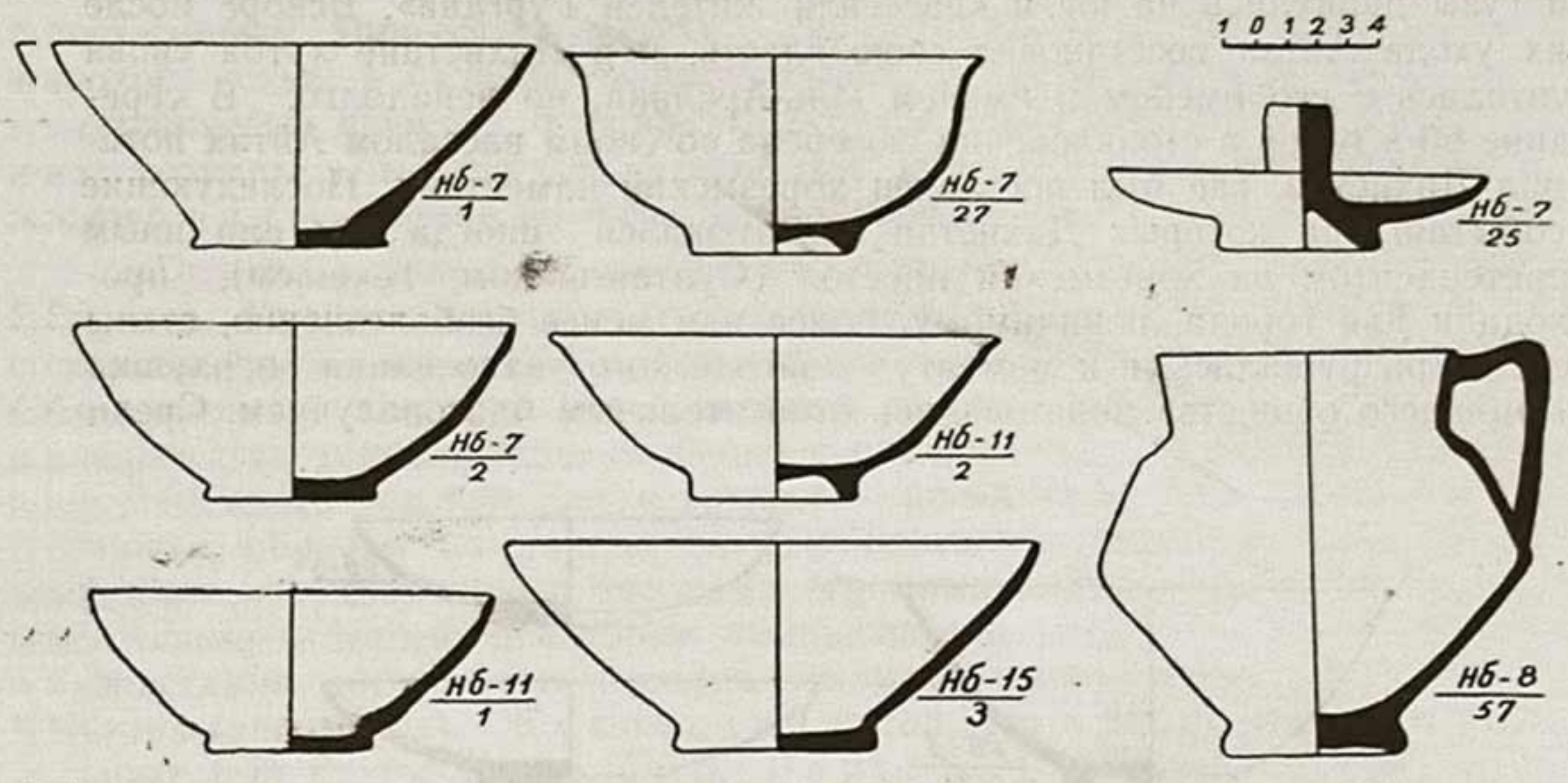


Рис. 45. Комплекс керамики XII в. из Новой Нисы.

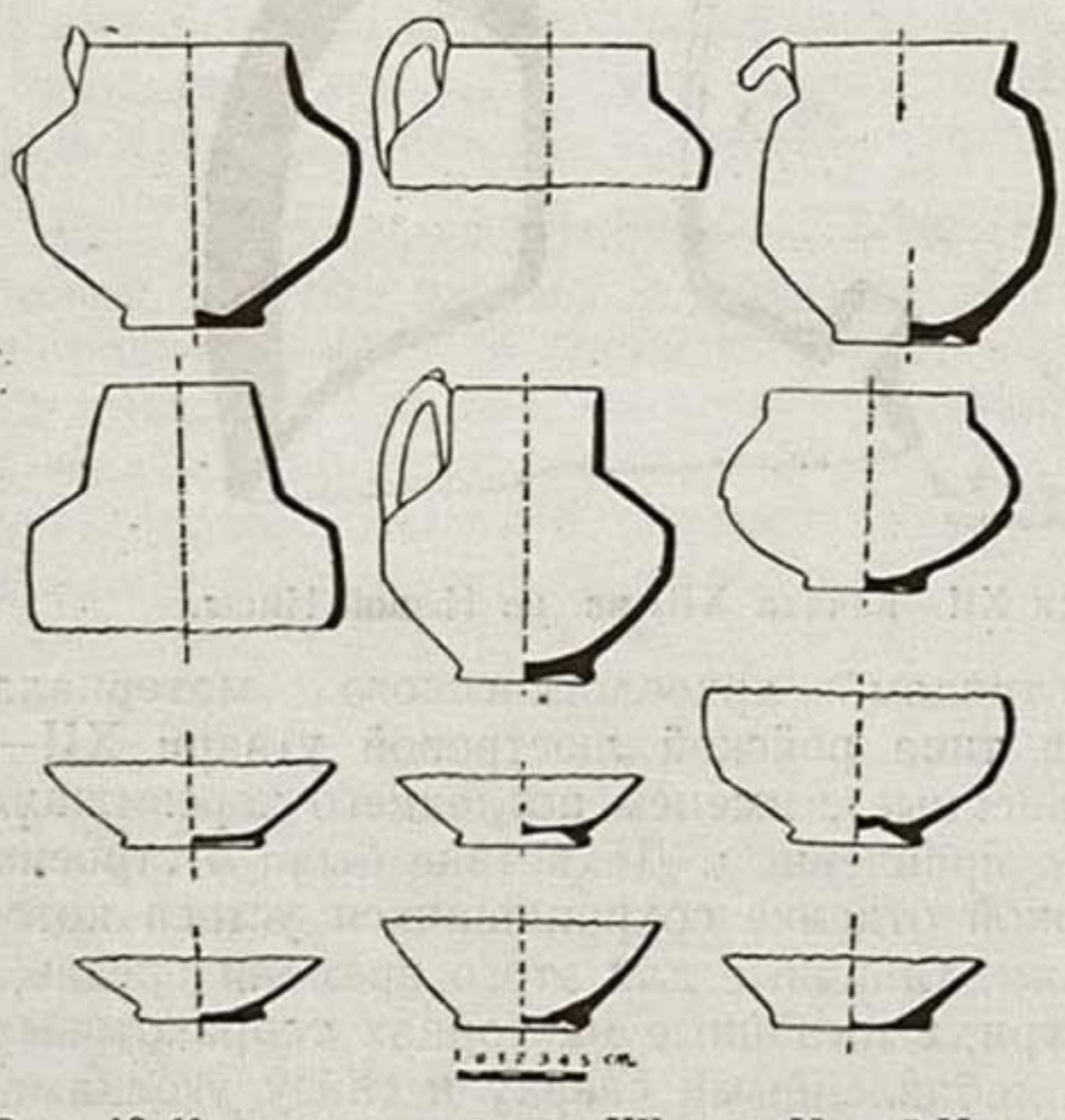


Рис. 46. Комплекс керамики XII в. из Новой Нисы.

упоминавшиеся выше резные кирпичные „бантики" в виде буквы «Z». Они зарегистрированы также в Парау, в Шахр-Исламе (Языр) и Новой Нисе. В последней хутба на имя Иль-Арслана также начала читаться с середины 60-х годов XII в., но прочно овладеть Нисой не удавалось даже Текешу. В этом успел только хорезмшах Мухаммед, отдавший после захвата Нисы в 1202 г. распоряжение о разрушении стен ее сильной крепости. Это мероприятие до самого появления здесь монгольских войск не сказывалось особенно заметно на развитии города, как это снова было подтверждено в 1947 г. рядом находок на городище Ниса богатых комплексов археологических объектов конца XII — начала XIII вв.

Период монгольского владычества освещается исследованными ЮТАКЭ археологическими памятниками, сделанными на них наблюдениями и полученными вещевыми материалами, как распадающийся на три этапа.

Первый из них охватывает время затянувшегося на многие годы завоевания страны монголами, следы которого археологически прослеживаются повсюду на территории Южного Туркменистана, хотя не все его области пострадали в равной мере. Тяжелее всего произведенное завоевателями опустошение сказалось на Мерве, в истории которого почти два века, последовавшие после разгрома его монголами и до восстановительных мероприятий Шахруха в 1410 г., В. А. Жуковский именовал „безжизненной порой" (у В. А. Жуковского, В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского указан 1409 г., но приказ о восстановлении Мерва был отдан 15 зулькада 812 г. х., что соответствует 21 марта 1410 г.). Исходя из показаний Ибн Батуты, что в бытность его в Средней Азии в 30-х годах XIV в. „Мерв, как и Балх, лежал в развалинах" и из свидетельства Хамдаллаха Казвини, писавшего в 1339 г., что „теперь этот город разрушен", все европейские исследователи, занимавшиеся до сих пор прошлым этого города, склонялись к точке зрения, высказанной В. А. Жуковским. Это как бы находило подтверждение в словах описывавших деяния Шахруха придворных тимуридских историков XV в., из которых Хафизи Абру выспренно отмечал, что в Мерве с момента его разрушения монголами и до 1410 г. „ни для какого путника не было тени..." а „у жителей не было соседа..."

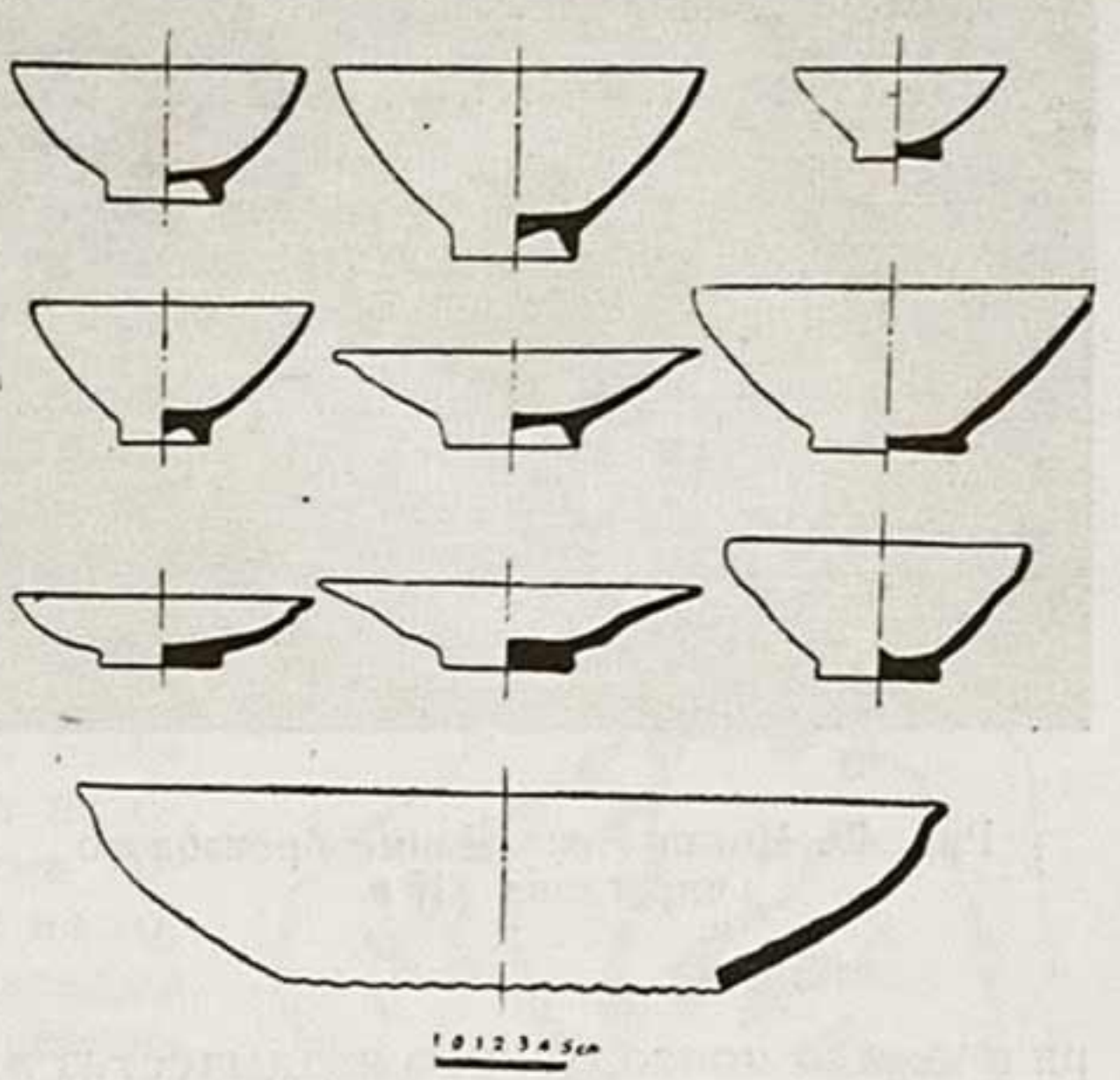


Рис. 47. Комплекс керамики XII—начала XIII вв. из Новой Нисы.

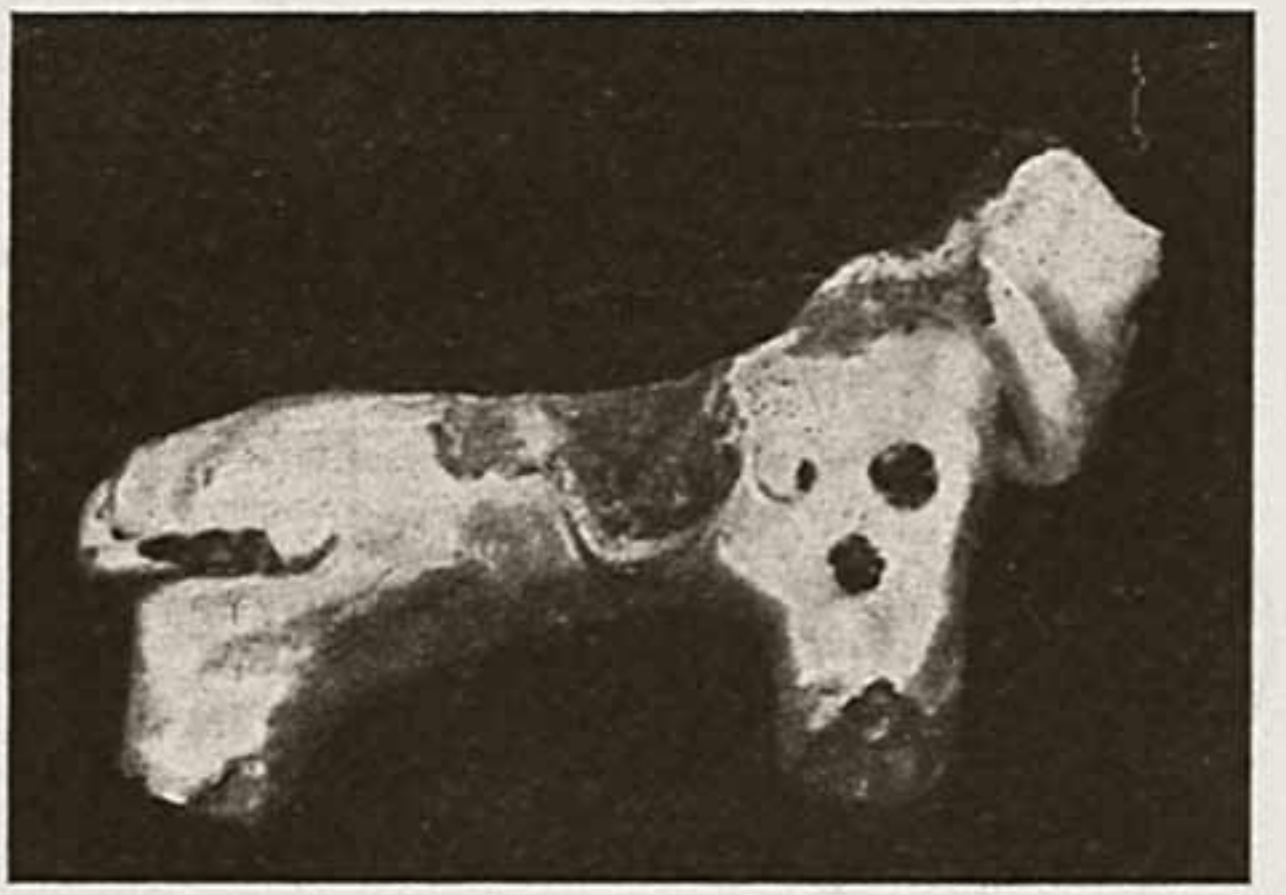


Рис. 48. Новая Ниса. Поливная фигурка лошадки XII в.

Археолого-топографическое изучение 1947 г. всей площади развалин Старого Мерва выявило на территории городища Султан-кала наличие характерной для первой половины XIV в. глазурованной керамики, у которой по голубому фону нанесены фиолетово-черной краской орнаменты и изображения, в частности, рыб, нарисованных на дне чашек. Вместе с этой керамикой встречаются фрагменты великолепной расписной утвари типа „миная" и китайского селадона, каковые предметы могли быть по своей дороговизне только в быту у представителей зажиточной части городского населения. Исходя из сказанного, а также из установленного факта распространения остатков археологического инвентаря периода монгольского владычества на относительно небольшой для Мерва площади, следует признать, что находящиеся в научном обиходе представления о полном замирании города со второй четверти XIII в. до начала XIV в. не вполне соответствуют действительности и что в конце XIII в. и в первой половине XIV в. некоторая часть его обширной территории была уже как-то обжита, насколько это было возможно без крупных работ по возобновлению большой плотины на Мургабе. Площадь разновременных многовековых руин, разумеется, по своим размерам на много превосходила вновь как-то отстроенную и заселенную часть, почему в целом Мерв производил тогда впечатление развалины. Тимуридские же историки, по понятным соображениям, допускали в восхвалении строительной деятельности Шахруха известное преувеличение того состояния, в каком якобы находился Мерв до начала восстановления „Султанбендской" плотины, равно как и после окончания этих работ, затеянных по распоряжению четвертого сына Тимура.

Рис. 49. Новая Ниса. Донце бронзового чирагдона XII в.

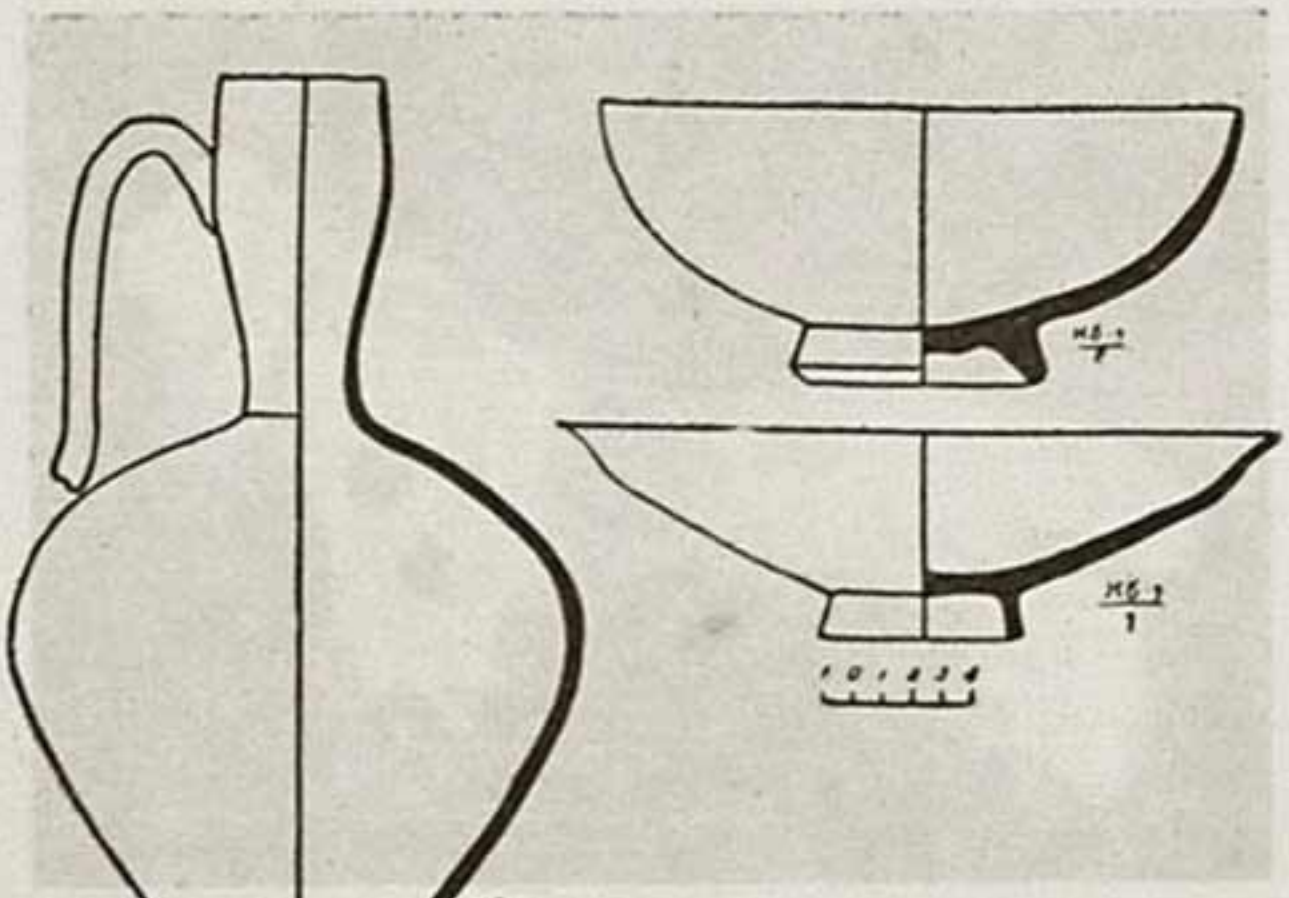


Рис. 50. Комплекс керамики XIV в. из Новой Нисы.

Устанавливаемое теперь некоторое возрождение Мерва XIII—XIV вв. началось еще на втором этапе периода монгольского владычества, характеризующемся медленным изживанием, до начала XIV в. включительно, многообразных последствий вторжения монгол и завоевания ими страны, а завершилось уже на третьем этапе, падающем в основном на первую и вторую четверть XIV столетия. Этот последний этап для Южного Туркменистана явился эпохой активной политической борьбы против монгольского владычества, нового экономического подъема страны, как результат торжества прогрессивных антимонгольских тенденций и дальнейшего, как-то прерванного монголами, процесса развития народов на базе местных культурных традиций.

Для Нисы наличие в ее развитии за XIII—XIV вв. трех приведенных этапов было документально обосновано работами ЮТАКЭ 1946 г. В 1947 г. правильность высказанного положения оказалась справедливой и для ряда других изучавшихся районов. Так, работами X отряда установлено, что для Дахистана конец XIII—первая половина XIV вв. были и временем последнего за всю историю его существования подъема городской жизни, несмотря даже на то, что на смену владычества Хулагидов в середине XIV в. пришло временное подчинение Золотой Орде в пору правления там Джанибека (1340—1357). Верхний культурный слой городища Месториан содержит как раз керамику указанного времени. Среди нее встречаются фрагменты дорогой кашиной посуды местного изготовления (в том числе голубой с черной или черной и синей подглазурной росписью так называемого типа „Султанабад“ и близкой к ней белой с такой же росписью и обильной эпиграфикой плавным почерком насх). Немало попадается местной же „люстровой“ керамики золотистого и красного люстра, а иногда золотистого с синим или красным, причем преобладают растительный орнамент и эпиграфические мотивы, а в одном случае было встречено изображение человеческого лица. Реже находятся фрагменты керамики типа „миная“ с росписью на белом или голубом фоне голубой, синей и красной краской, а поверх — глазурь с белыми и красными ангобными пятнышками. Кроме этой роскошной художественной домашней утвари, в нескольких пунктах встречены разных размеров голубые глазурованные шестигранные плитки, голубые же восьмилучевые звезды и соответствующие им белые «кресты» от панелей парадных помещений, а также фрагменты штампованных терракотовых плиток голубой поливы.

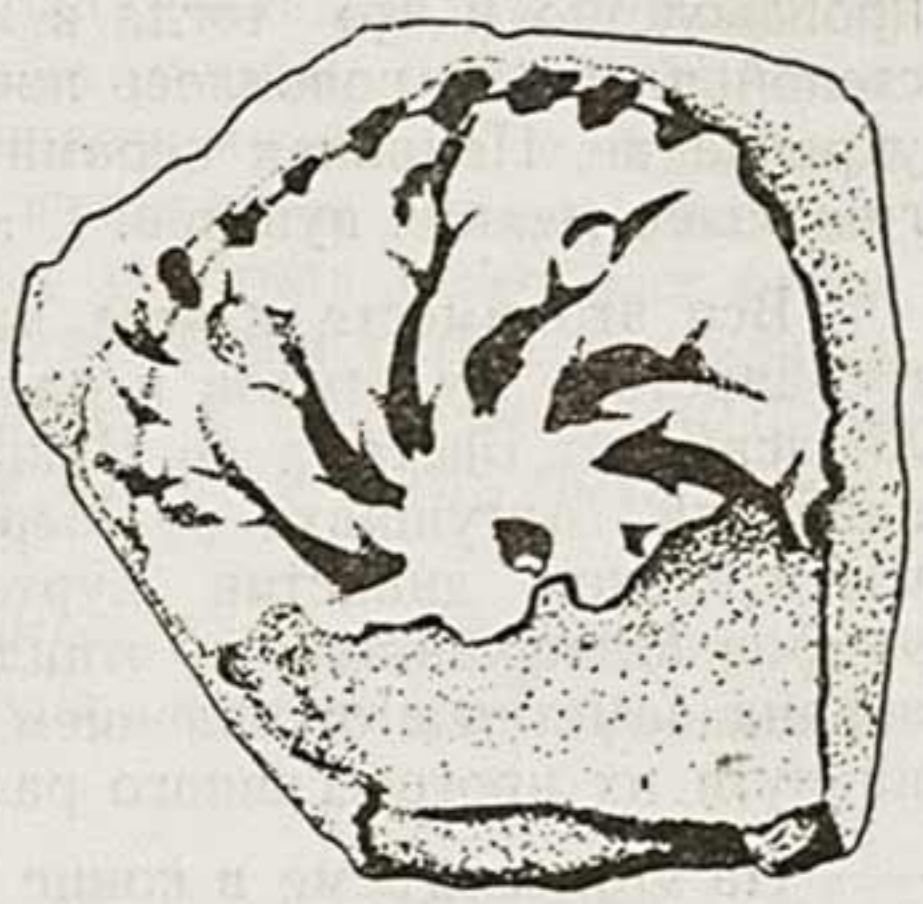


Рис. 51. Новая Ниса. Дно блюда XIV в.

Аналогичный материал собран был и на городище былого Ахура. Среди подъемного сбора из Парау преобладает археологический материал XIII—XIV вв. Рекогносцировка V отряда по Бахарденскому району

показала, что для большинства обследованных средневековых городищ отчасти второй, а в основном третий этапы этого периода были временем достаточно интенсивной городской жизни, а для Шехр-Ислама или Языра — известного расцвета. На последнем, между прочим, было обнаружено целое скопление резных терракотовых плит голубой поливы, предназначавшихся служить архитектурной облицовкой. Сопровождавшееся раскопкой изучение крепостной стены выявило, что она в течение этой эпохи находилась в разрушенном состоянии, но все заложенные на площади городища шурфы дали неплохие археологические комплексы конца XIII — начала XIV вв. Небезинтересно, что, судя по археологическим данным, в XIV в. на территории Анау ощущается даже большее оживление, чем в XI—XII вв.

На городище Пештак археологические наблюдения показали, что в XIV в. была обжита его крепость, что в Абиверде в ту пору существовало свое развитое керамическое, а, повидимому, и железоделательное производство и что тогда в 200 м к ЮЗ от обнесенной позднейшей стеной площади появилось почти квадратное в плане отдельно стоящее укрепление. Поливная керамика XIV в. встречена была и в ряде других более мелких пунктов.

Все это вместе взятое дает основание считать, что пора распада государства Хулагидов и одновременно появления в западной части Хорасана от Бистама до Нишапура независимых сербедаров, сложения владения Аргуншаха от Мерва до Нисы, правления в юго-западной части членов династии куртов, хозяйничанья в южном Тохаристане эмиров Мавераннахра и отпадения Хорезма от Золотой Орды ознаменована заметным оживлением всех областей Южного Туркменистана на пути их прогрессивного развития.

На этом подъеме в конце XIV в. их застали завоевательные походы Тимура, в результате которых они вошли в состав его среднеазиатского государства и которые определили собой наступление продолжавшегося с конца XIV — до начала XV в. включительно последнего периода времени расцвета феодализма. На протяжении всего этого периода, в котором легко расчленяются три этапа (вхождение в состав государства Тимура; время первенствующего положения Хорасана в государстве наследников Тимура; и примерно с середины XV в. до 1507 г. время почти полного обособления Гератского владения от Мавераннахра), политическая ситуация более или менее благоприятствовала дальнейшему экономическому развитию страны. Тимур при завоевании Хорасана в начале 80-х годов не только подновил укрепления Койне Каахка, создав из него опорный пункт в борьбе с владетелем Келата, но отдал распоряжение вывести из Мургаба для орошения земель округа Меручака и Пенджде двенадцать каналов, что и было выполнено. При Тимуридах и позднее принимались меры к поднятию благосостояния городов и областей. Так, как упоминалось выше, весной 1410 г. Шахрухом было издано распоряжение о восстановлении Султанбендской плотины на Мургабе, причем решено было центр города распланировать километрах в полутора южнее старого. Здесь была обведена крепостной стеной квадратная площадь примерно в 36 га, и в 1418 г. «новый город» (ныне Абдуллахан-кала) был уже заселен, хотя к этому времени не

успели еще выполнить всего намеченного к осуществлению строительного плана в смысле возведения мечетей, медресе, ханака, каравансараев, бань и базаров и некоторые из них еще ждали своего завершения. Как впервые установлено ЮТАКЭ, новый город Шахруха не сосредоточил в себе всех жителей Мерва, и часть их продолжала обитать в течение XV в. на территории Султан-калы, где жизнь, однако, далеко не «била ключом».

И после Тимура правительство затевало иногда крупные ирригационные работы. Так, по свидетельству Исфизари, в правление Султана Хусейна были проведены каналы по бесплодным до того пустынным площадям округа Меручак и Пенде до Мерва (около 180 км) и от Мерва до Серахса (около 150 км), причем эти полосы якобы были засеяны и заселены так, что слились в одну. Показание историка далеко не соответствует действительности, и, видимо, от намечавшегося проекта до его полного осуществления было несомненно очень далеко. При проезде через пустыню между Серахсом и Мары X отрядом в нескольких местах осматривались следы некогда существовавших здесь каналов, обеспечивавших водой кое-какие населенные пункты, остатки которых наблюдаются со стороны Серахса. Повидимому, в XV в. тут была сделана попытка возобновить старую ирригационную сеть, о чем свидетельствовали встречавшиеся на отдельных участках некоторых русел фрагменты керамики XV в. Но наблюдения показали также, что наиболее отдаленные от Серахса части их русел в свое время не были докопаны и снивелированы, так что по ним даже не могла быть пропущена вода.

Но как бы то ни было, во многих пунктах Южного Туркменистана археологические наблюдения отмечают следы интенсивной городской жизни на протяжении всего XV в. В дополнение к выявленным в 1946 г. фактам такого порядка на „Новой Нисе“ при работах 1947 г. с территории установленного на этом городище богатого квартала времени Тимуридов удалось получить прекрасный комплекс великолепной художественной кашинной посуды второй половины XV—начала XVI вв. На городище Анау в нескольких местах зарегистрированы при закладке шурфов значительные слои с археологическим материалом XV в., достигающие мощности 2—2,5 м. Этим доказывается густая застройка в ту пору площади анауской крепости, хотя ее стены уже не возобновлялись, а в южной части их остатки даже оказались уничтоженными для возведения в середине XV столетия знаменитой мечети-мавзолея с изображением пары драконов на портале.

Рис. 52. Новая Ниса. Блюдо XV—начала XVI вв. Роспись синяя, фон белый.

В заброшенном до того рабате Куфен, в южной его части, у ввода магистрального канала XI отрядом обнаружены фрагменты керамики XIV–XV вв., свидетельствующие о существовании тогда здесь жизни.

Рис. 53. Анау. Фрагмент фарфоровой чашки из шурфа № 3.

Рис. 54. Анау. Неполивной сосуд XV в. из шурфа № 1.

Городище у Дуруна, которое А. А Марущенко считал не старше XVI столетия и которое, вопреки его мнению, как удалось доказать, соответствует средневековому Дуруну, дает весьма обильный материал XV в., что является показателем его расцвета. И наоборот, на городище Шехр Ислам, опять же вопреки предположениям А. А. Марущенко, таковой материал отсутствует, и это в свою очередь выявляет не отмеченный письменными источниками факт, что средневековый Языр к XV в. пустеет, уступив свою роль центра области Дуруну.

В этом отношении разительный факт установлен ЮТАКЭ также в отношении области Дахистана: ни на одном из его обследованных средневековых городищ не обнаружено сколько-нибудь заметных признаков обитания в XV в. Содержимое верхних культурных слоев резко обрывается на памятниках предшествующего периода. Между тем, нет никаких известий, чтобы Тимур или его наследники подвергали эту область опустошению. При них в Дахистане имели свой родной юрт проживавшие здесь уже в XIV в. туркмены, возглавлявшиеся в период смут 1409—1410 гг. своим старшиной-калантаром Тимур-саларом. При управлявшем Персией втором сыне Тимура, Омаршейхе, в Дахистане был свой собственный сборщик податей. Шахрух отдавал доходы с этой области в распоряжение своего сына Байсункара. Но при всем том, как теперь выясняется, жизнь в его главном городе, в былых селениях и городках к XV в. прекратилась Подати, очевидно, поступали в казну Тимуридов в основном с кочевого туркменского населения, которое и много позднее считало эту местность благодатной,

откуда одно из ее современных названий – „Мяст-деуран“, в смысле благодатный округ. Причину запустения местное население пытается объяснить легендарными преданиями туркмен о нашествии калмыков, которые будто бы с помощью гокленов уничтожили на Атреке свинцовую плотину, поднимавшую воду в якобы питавший Дахистан канал. Впервые калмыки появились в Джурджане на грани XVI и XVII вв. а позднее до середины XVII столетия совершали набеги на пограничные персидские земли. Возможно, что калмыки действительно разрушили некую плотину какого-то канала на Атреке и тем нарушили водоснабжение одного из населенных пунктов, может быть, упоминаемого Хамдаллахом Казвини в XIV в. селения Мухаммедабад, лежавшего примерно в 40 км от Дахистана в сторону Джурджана. Но если бы замирание района зависело только от разрушения плотины, таковая, конечно, была бы восстановлена в XV в. Повидимому, прекращение городской жизни в Дахистане обусловлено было факторами геологического характера. Связано ли это с поднятиями суши неотектонического порядка за последние столетия или возобновление головных частей ирригационной си-

Город Анау.

стемы было осложнено карстовыми явлениями, предстоит решить при дальнейших исследованиях.

По теме изучения южно-туркменистанских городов и поселений XVIII—XIX вв. специальная работа была проведена VI отрядом ЮТАКЭ на городище Анау (Энеу), которое исследовалось под углом зрения историко-топографическим и историко-архитектурным. Удалось зафиксировать на плане общую планировку городка, занимавшего вытянутую с С на Ю площадь, причем выяснились все его главные уличные артерии, шедшие в продольном направлении. Начинаясь от крепости, наиболее заселенные кварталы тянулись к югу от мечети, которая находилась на территории современного аула и вблизи места которой отмечается наибольшая застройка и наименьшие размеры былых усадебных участков. Детально поднят план былой площади базара, а также обмерено большое число развалин домов, жилых башен-дингов и усадеб. На южной и западной окраинах города установлено наличие производственных кварталов, преимущественно кирпичных и керамических. Изучение жилищ выявило ряд интересных локальных особенностей в местной туркменской архитектуре энеулинцев конца XVIII — первой половины XIX в. С развалинами туркменских и, повидимому, отчасти курдских жилищ того же времени на территории развалин Абиверда ознакомился XI отряд ЮТАКЭ. Изучение всех такого рода объектов проходило с привлечением данных этнографического порядка.

Вообще в 1947 г. более широко, чем в первый сезон полевой деятельности экспедиции был проведен сбор историко-этнографических материалов, привлекавшихся для углубленного познания обследуемых памятников материальной культуры. В. Г. Мошкова занималась этим в связи с изучением городищ Шехр-Ислама-Языра и Дуруна, собрав интересные сведения о племени языр и их потомков — карадашлы, проживающих в Бахарденском районе. Положено было начало сбору изображений туркменских тагма, некогда появившихся на архитектурных памятниках в качестве напоминания об их былых посетителях, что может дать новые указания по далеко еще не выясненной истории расселения отдельных туркменских племен. Д. М. Овезовым записано со слов местного населения несколько интересных вариантов легенд, связанных с изучавшимися городищами, мазарами и архитектурными памятниками, в частности о могиле Малик Аждара близ Ясы-депе у Душака, о мазаре «Сундукли-аулия» близ Пештака у Каахка и о мечети Анау.

Последняя составляла главный объект в тематике архитектурного отряда, причем обследование ее проводилось совместно с Управлением по делам архитектуры при Совете Министров Туркменской ССР. На памятнике производились детальные обмеры; выяснялись его конструкции, история сооружения и существования, а также изучались архитектурные декорации. Исследование сопровождалось заложением нескольких археологических шурфов, разбором надписей на наружных и внутренних частях, зарисовками и фотофиксацией. Подробное всестороннее изучение мечети Анау дало хороший материал для составления намеченной планом коллективной монографии, которая явится первым трудом такого рода об архитектурных памятниках Туркмении. Проделан-

ная по линии ЮТАКЭ в этом отношении работа оказалась очень своевременной, поскольку сама мечеть вскоре же до основания оказалась разрушенной при катастрофическом землетрясении 6 октября 1948 г.

Архитектурный отряд, кроме того, занимался проблемой парфянской архитектуры, причем Г. А. Пугаченковой дана была графическая реставрация интерьера раскапывавшегося на городище Старая Ниса дворцового квадратного зала с четырехлопастными колоннами. Немало было сделано и по изучению феодальных архитектурных памятников Южного Туркменистана. Так, впервые подверглись историко-архитектурному изучению на месте с производством обмеров и изготовлением чертежей интереснейшие памятники Мешеда и Месториана в Кизыл-Атрекском районе, из которых некоторые до сих пор не были даже вообще в научном обиходе. В процессе их обследования М. Е. Массону удалось разобрать дату на более старом минарете Месториана, время сооружения которого местными археологами определялось в пределах трех веков (X—XII) и который теперь впервые точно датируется самым началом XII в., а именно 495 г. х., т. е. 1101/2 г. н. э. Среди руин примыкавшей к нему мечети обнаружен резной штук, близкий к таковому же из Денданканской мечети, имеющей, судя по разобранной нами в 1945 г. остаткам надписи, близкую дату сооружения — 49? г. х. На портале другой мечети, Месториана начала XIII в. обнаружены две надписи, упоминающие имена ее строителей-архитекторов, видимо, отца и сына: Абу-л Хусейн бен Мухаммед-ан-Нака и Мухаммед бен-ал Хусейн ан-Нака.

Также впервые историко-архитектурному изучению подверглись руины весьма примечательного мавзолея «Ярты-гумбез», который расположен в 7 км к ЮВ от Серахса и который местные археологи считали «недостроенным» и относящимся по времени к концу XII — началу XIII вв. Как выяснилось, в действительности этот памятник теперь представляет собой руину некогда законченного сооружением здания, причем наружная кирпичная надпись на нем содержит дату — джумади-ал-ахир 491 г., т. е. май (или первые три дня июня) 1098 г. н. э., разбор каковой позволяет теперь относить Ярты-гумбез к самому концу XI столетия.

Обследование остатков уцелевшего устоя кирпичного портала на территории средневекового Абиверда, вопреки прежним представлениям, по которым он считался, после работ Хаверанской экспедиции, принадлежащим мавзолею, выяснило, что он принадлежал зданию мечети, а анализ сохранившихся в надписи слов титулатуры позволил датировать время сооружения последней первой половиной XII в. Историко-архитектурный анализ полуразрушенного теперь мавзолея Чугундор-баба дал основание относить его не к памятникам XIII в., как это делалось до сих пор, а к сооружениям XII в., причем впервые удалось установить, что прозвище «Чугундор-баба» (Отец свеклы) дано якобы эмиру Мусаиб Казы, одному из первых воителей и распространителей ислама в Хорасане. Его соратником в этом был будто бы сын местного легендарного богатыря, принявшего от арабов ислам, Мелик Аждара.

Внутри знаменитого мавзолея Султан Санджара в старом Мерве удалось более точно разобрать имя его строителя-архитектора, каковым до сих пор считался, по чтению В. Л. Вяткина, «Мухаммед, сын

Атсыза», тогда как в надписи под куполом упоминается еще и нисба ас-Серахси. К памятникам XII в. следует относить также здание мечети Парау-биби близ Кизыл-Арвата.

В Серахсе при обследовании мавзолея Абу-л Фазла впервые была разобрана надпись на пристроенном к основному зданию портале, в которой упомянуто, что «окончание здания» имело место в 828 г. х., т. е. 1425 г. и что, следовательно, окончательное оформление памятника в том виде, как он примерно дошел до нас, относится ко времени царствования Шахруха.

На городище Анау подробно была изучена, с производством частичной расчистки ступенчатого спуска и самого резервуара, городская цистерна-сардоба, причем временем ее сооружения установлено было XV столетие. Наконец, в Бахарденском районе V отрядом изучались развалины здания «Кизыл-имам» и выяснено, что это не мечеть, как считали прежде, а мавзолей, который, по историко-архитектурным данным, может быть датирован XVI в. Из числа более поздних памятников были обследованы мавзолеи на городище Фарау. На городище Новая Ниса II отрядом производилась частичная расчистка остатков привратных сооружений крепости, причем здесь и на городище Анау было обнаружено несколько крупных и толстых жерновоподобных плит, употреблявшихся как бы в виде «заслонок», закрывавших проходы в городских стенах, где они вручную и двигались в промежуточном узком проходе, специально устроенном между стенами.

Массовый охват ряда средневековых памятников зодчества позволил наметить специфические черты в части планировки, композиции и декора для своей архитектурной школы, сложившейся в областях, ныне входящих в состав Туркменистана. Наконец, искусствовед Л. И. Ремпель работал над новой темой — «Архитектурный орнамент на памятниках Южного Туркменистана XI—XII вв.», продолжая, кроме того, заниматься проблемой местных памятников древней скульптуры.

В процессе стационарных и маршрутных исследовательских работ ЮТАКЭ удалось собрать большой вещевой материал, среди которого кое-что заслуживает быть отмеченным особо. Для парфянского времени — это: сбор с территории крепости и пригорода Нисы целой коллекции каменных типично парфянских профилированных баз, из которых некоторые имеют около метра в диаметре или свыше метра в стороне квадратного основания; также упомянутые находки в квадратном дворцовом зале на Старой Нисе глиняной маски мужского лица и части правой, отставленной вперед ноги от сидячей мужской статуи, больше нормального человеческого роста; наконец, мелкие золотые объекты в виде золотых чешуек, пластинок, бусинок, найденных при раскопке на месте погребальных камер парфянской знати на городище Новая Ниса.

Рис. 56. Новая Ниса. Золотая рыбка, найденная при расчистке городских ворот.

Из золотых предметов наиболее интересным является полая небольшая (меньше 2 см в длину) фигурка рыбки, которая была обнаружена при расчистке ворот на том же городище. Как известно, изображение рыбы встречается и на объектах парфянской нумизматики в чекане Фраата IV (38/7—3/2 гг. до н. э.) и Готарза (40/41—51 г. н. э.). Небольшая стеклянная рыбка, найденная при земляных работах в связи с сооружением гидростанции в селении Багир, была зарегистрирована на руках у одной из работниц сотрудниками ЮТАКЭ, изучавшими пригород Нисы.

В разных пунктах от Дахистана до Мерва, за исключением Нисы, за один сезон полевых работ удалось собрать до десятка фигурок древней терракотовой скульптуры, в то время как в Ашхабадском музее краеведения за все годы его существования собрано всего около полутора десятков подобных объектов.

В ауле Багир удалось зарегистрировать в числе местных монетных находок золотой византийский солид константинопольского чекана с именем Гонория, получившим в 395 г. в управление западную половину Римской империи. Тип A и R монеты подобен солидам Феодосия II (408—450), причем монета выбита в последней трети правления Гонория, окончившемся в 423 г., так как в легенде упомянуто, что чекан имел место по истечении срока двадцатилетних обетов, когда государем уже были произнесены новые обеты на третье десятилетие его правления, начинавшееся с 415 г. До сих пор это первый случай обнаружения в Средней Азии солидов Гонория. Монета при содействии ЮТАКЭ попала в Ашхабадский музей краеведения.

Начальнику экспедиции удалось отметить факт широкого распространения культа находившегося под седлом халифа Али легендарного коня Дульдуля на пространстве от Багира до Душака, где близ мазара Мелик Аждара показывается каменный прикол для него (Дуль-дуль козиги). На территории средневековой Нисы установлено наличие трех пунктов со «следом» этого коня (Дуль-дуль атанынг изи). Четвертый «след» указывают на скале по верховой дороге в Фирюзу, за урочищем Шогай. «Следы» представляют грубо высеченный на необделанной каменной плите замкнутый или чуть разомкнутый овал иногда с поперечной черточкой, как бы имитирующей «стрелку» копыта. Самый популярный в Багире «след» находится в Дашкале на частном дворе и еще недавно пользовался определенным почитанием, так как считалось, что обнесение или проведение вокруг него семь раз подряд больных жеребят исцеляет их от недугов. В некоторых случаях к камню прибегают даже при лечении болезней людей. Один пункт с почитанием Дуль-дуля зарегистрирован также к югу от Анау. Весьма вероятно, что в почитании Дуль-дуля можно видеть пережитки древнего местного культа коня, в связи с издревле выведенной здесь изумительной породой аргамаков, обеспечивших славу парфянской кавалерии.

Из отдельных объектов следует упомянуть о находке на Новой Нисе фрагмента средневекового гадательного прибора, изготовленного из створки крупной морской раковины с Индийского океана, перламутровая внутренняя сторона которой вся покрыта в несколько рядов вырезанными арабскими текстами, в том числе с упоминанием имен

двенадцати имамов и изречениями из корана, а в середине цифрами, размещенными в «магическом квадрате».

Рис. 57. Часть гадательного круга с арабскими надписями из Нисы.

Крупным достижением работ 1947 г. явился сбор значительных комплексов керамики времени родового общества из ряда районов, получение в Новой Нисе недостававших в 1946 г. керамических комплексов XI в., а также подобных же комплексов из Старого Мерва, обнаруженных при раскопке двух керамических печей X—XI вв. и одного керамического отвала. Очень хорошие по полноте и разнообразию комплексы керамики XIII—XIV вв. дали раскопочные работы на Анау и сбор подъемного материала из Месториана. Последний оказался важным еще в том смысле, что заключал в себе большое число брака кашинной утвари, фигурирующей в литературе под названием „Султанабад“ и „Рей“, что наглядно демонстрирует несостоятельность принятой в заграничной буржуазной и отчасти в советской науке терминологии и показывает на местное изготовление этих групп дорогой утвари. Нельзя не упомянуть также установления нескольких типов кашиной керамики типа „грен-де-ри“ XII—XIII вв., причем просвечивают белым и синим не только точки, но и более сложные контуры цветочного орна-

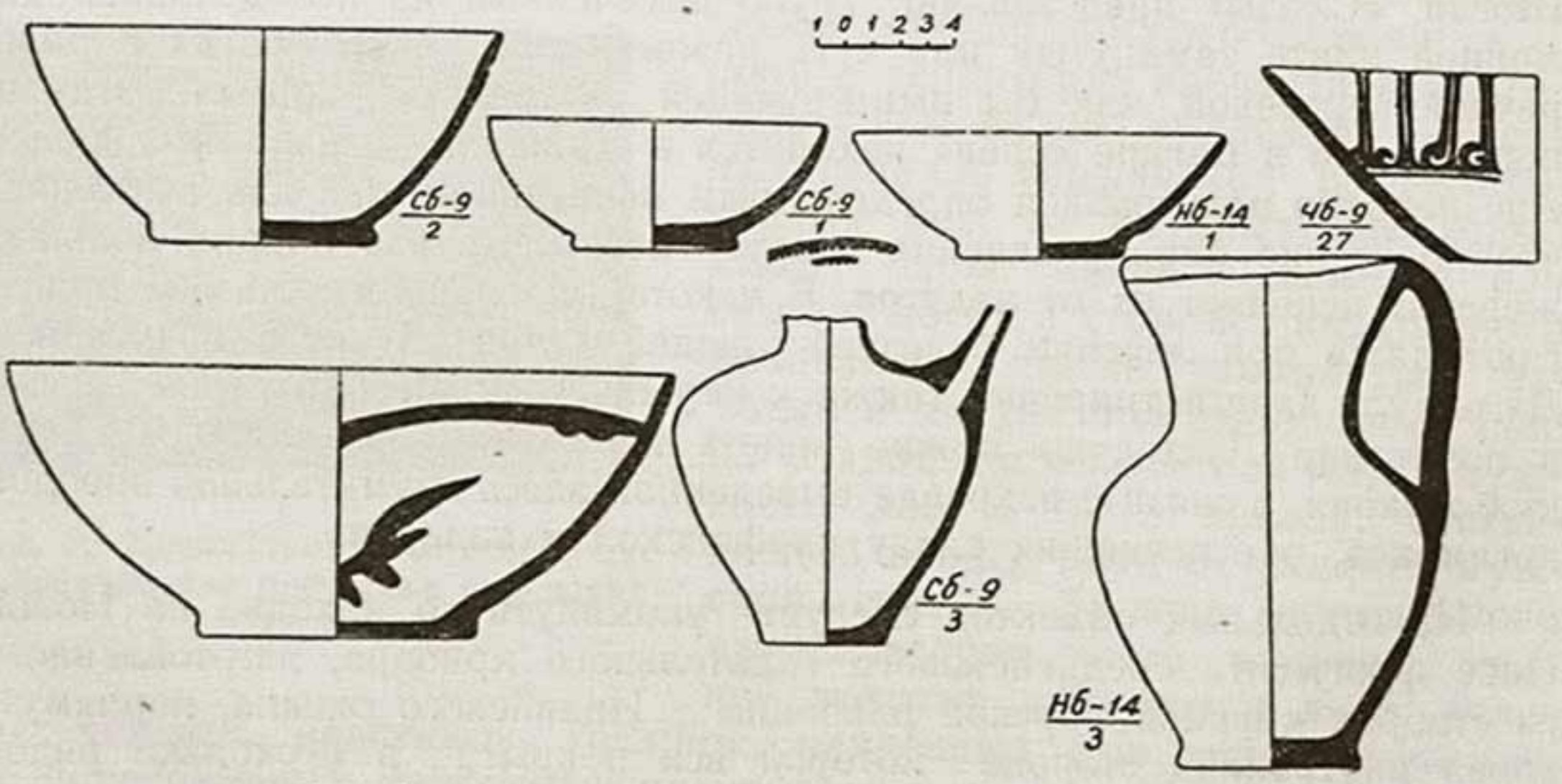


Рис. 58. Комплекс керамики XI в. из Новой Нисы.

мента. Поскольку эта техника в фарфоровых изделиях Китая встречается впервые на несколько столетий позднее, можно допустить, что там появление фарфоровых сосудов типа „грен-де-ри" произошло в результате ознакомления с аналогичной кашинной продукцией Средней Азии. Наконец, в 1947 г. основной раскоп, расчистки бадрабов и стратиграфические шурфы на городище Новая Ниса дали великолепную коллекцию первоклассных предметов керамики второй половины XV — начала XVI вв., а археолого-топографическое изучение городища Шехр-Ислама привело к обнаружению впервые для территории Южной Туркмении резных глазурованных голубых и синевато-зеленых терракотовых плиток от архитектурной облицовки XIV в., столь типичных для Мавераннара этого времени. Они лишний раз подчеркивают подмеченную ЮТАКЭ большую общность в былом развитии материальной культуры Хорасана со странами современных Узбекской и Таджикской ССР нежели с областями Персии.

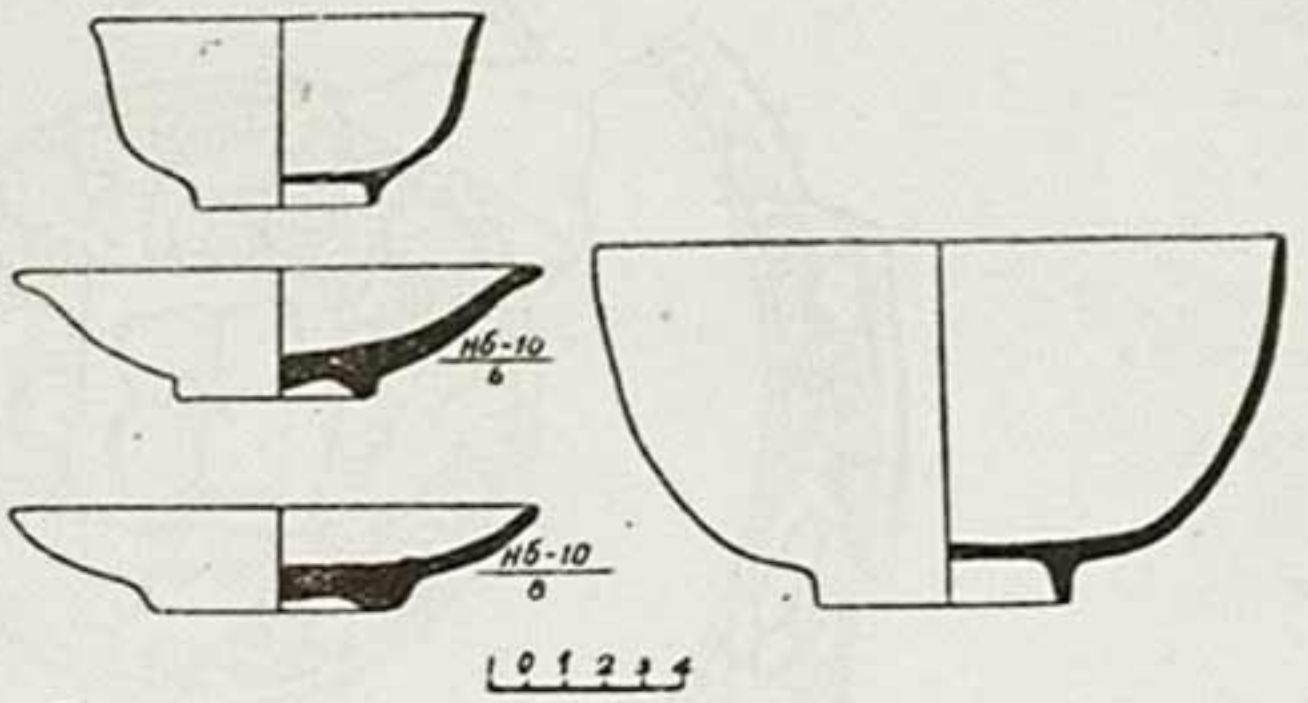


Рис. 60. Керамика конца XV—начала XVI вв.

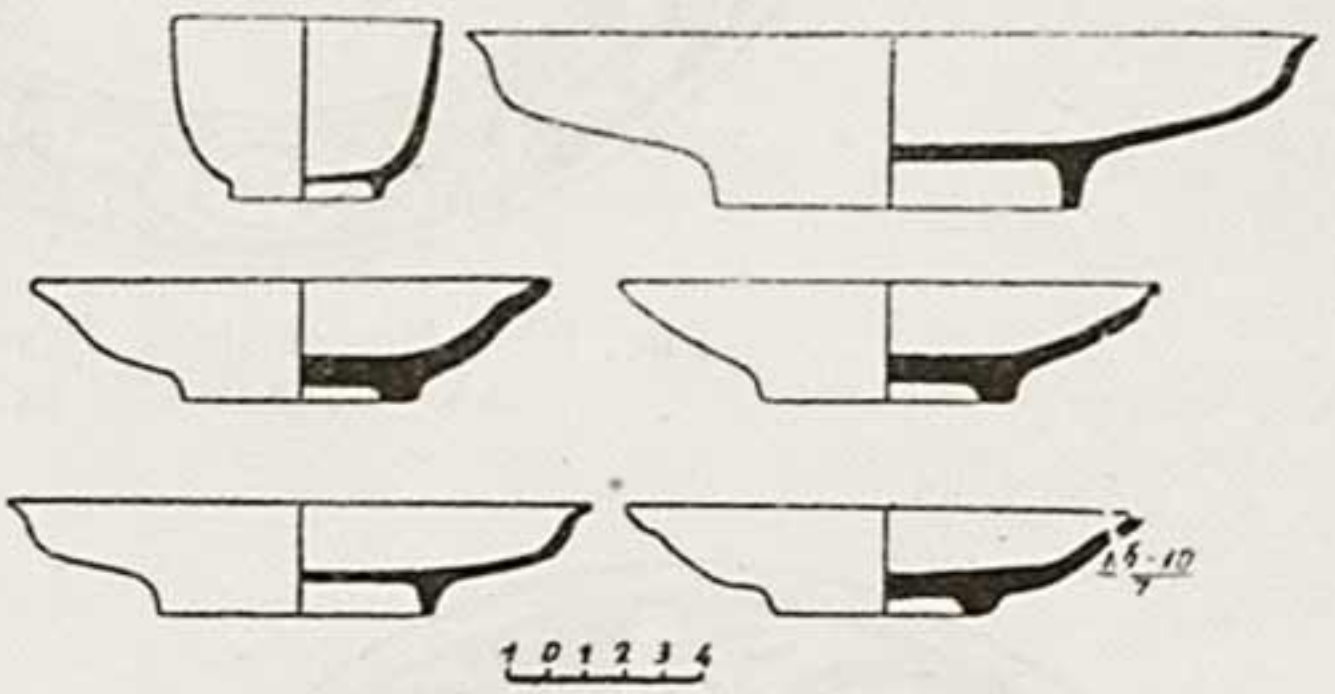


Рис. 61. Керамика конца XV—начала XVI вв.

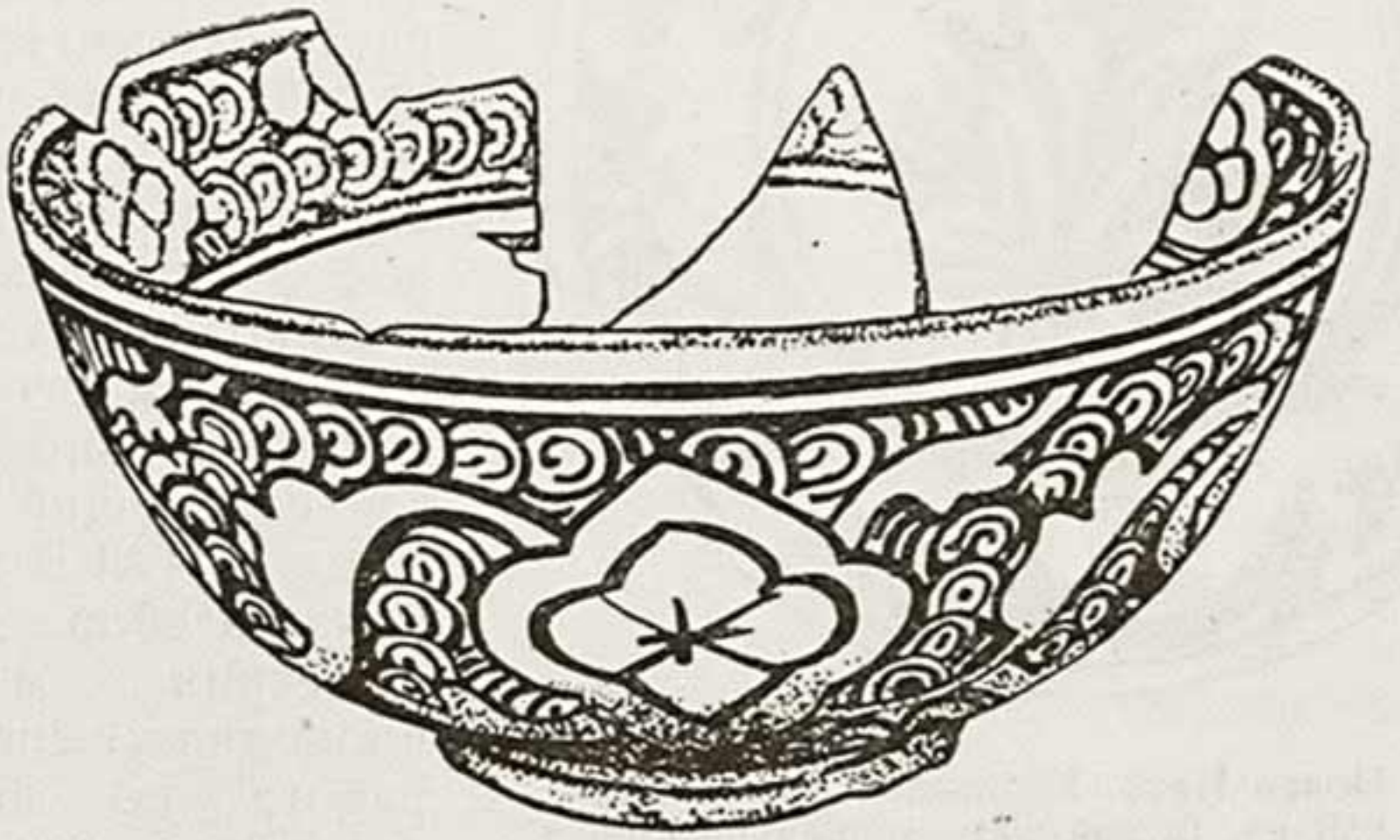


Рис. 62а. Новая Ниса. Чаша конца XV—начала XVI вв.

Отчеты начальников отрядов, дневники старших научных сотрудников, тетради поквадратных описей, сотни регистрационных карточек

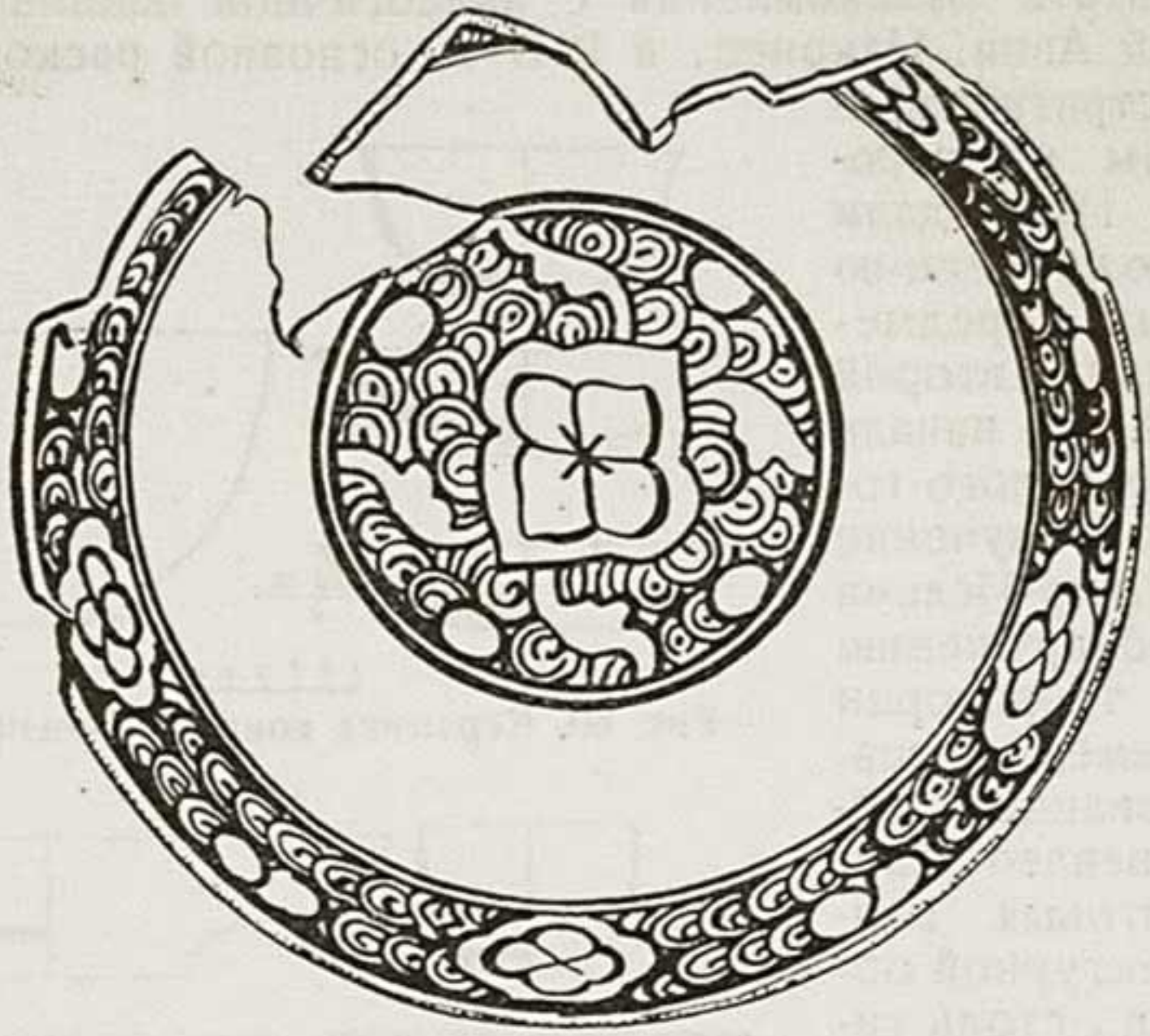


Рис. 62б. Новая Ниса. Чаша конца XV—начала XVI вв.

Рис. 63 Новая Ниса. Кашинное блюдо XV—начала XVI вв. Белый фон, черная роспись.

и профилей на отдельные объекты, сводные таблицы по разным группам керамики, многие десятки археологических разрезов и разверток раскопов, археолого-топографических планов, историко-архитектурных чертежей, альбомы графических и акварельных рисунков, многочисленные фотографии составляют количественно большой и многообразный документальный материал, слагающий научный архив ЮТАКЭ за 1947 г. В части сбора иконографических материалов проводилась специальная работа по выявлению старинных зарисовок и фотографий памятников старины на территории Южного Туркменистана. В результате по «Меш-

хеди-Мисриану» удалось составить монографический альбом, в который вошли снимки рисунков, сделанных с его архитектурных памятников в 1875 г. поручиком Шетихиным, фотоотпечатки с негативов 80-х годов XIX столетия А. В. Комарова, комплект фото 1902 г. инженера Б. Н. Касталь́ского и ряд снимков последующих лет. Разысканы и перефотографированы редкие снимки 70-х и 80-х годов прошлого столетия с памятников Меана, бековской калы Керков, первоначального вида Кизыл-Арвата в год его основания и ряд других, представляющих немалый исторический интерес. Наконец, в результате камеральной обработки полученных наблюдений и собранных материалов написан ряд статей для очередного II тома Трудов ЮТАКЭ и параллельно проводилась солидная подготовка к полевым работам 1948 г.

Помимо большого числа новых установленных фактов, наблюдений и собранных вещевых материалов, которые дают богатый вклад в музейные хранилища Туркменской ССР, к числу принципиально важных достижений ЮТАКЭ 1947 г. следует отнести:

1. Документальное установление в Южном Туркменистане единой линии развития человеческого общества, проходящей здесь через все стадии, начиная с палеолита, впервые для всей территории Туркменской ССР обнаруженного ЮТАКЭ в отчетном году.

2. Наглядное установление по памятникам материальной культуры пережитков палеолита в неолите, неолита в «бронзе» и «железе», «бронзы» в «железе».

3. Пересмотр прежних представлений о времени бытования поздних культур типа Анау и установление сосуществования в парфянское время различных по своему облику культур в эллинизированных городах (Ниса, Мерв), с одной стороны, и в сельских поселениях парнско-парфянских племен — с другой.

4. Уточнение на основании сопоставления письменных источников и археологических материалов о парфянской культуре, полученных на территории ТССР, с учетом данных, выясненных советской наукой для древней истории других среднеазиатских республик первой, предложенной нами еще в 1946 г. периодизации по истории Парфии с выделением в ней 4 крупных периодов, а внутри последних по нескольку этапов.

5. Выявление, по данным археологического наблюдения, нескольких отдельных историко-культурных провинций на территории Южной Туркмении, четко прослеживаемых по комплексам инвентаря разных эпох на протяжении свыше двух тысяч лет и совпадающих с древними областями: Маргиана, Апаварктикена, Парфиена, Дахистан.

6. Внесение совершенно новых представлений в понимание таких эпох в истории Туркмении, как кризис рабовладельческого общества, время расцвета феодализма (со второй четверти XI в. до начала XVI в. включительно), и, в частности, его III период — с момента монгольского нашествия до вхождения в состав государства Тимура, чем ЮТАКЭ вносит свою лепту в разработку вопросов по периодизации истории Туркменистана за феодальную пору.

7. Проведение работ по обследованию поселений и старинных жилищ оседлых туркмен XVIII—XIX вв., по сбору туркменских тагма, по порайонному изучению погребений у различных групп и племен туркмен.

как подготовка к раскопкам могильных курганов, оставленных их предками и другими кочевыми народностями на территории Южного Туркменистана, чем ЮТАКЭ принимает посильное участие в разрешении сложной проблемы этногенеза туркмен.

8. Участие в разрешении таких прикладных для археологии задач, как изучение цистерн-сардоба, колебание уровня Каспийского моря за период обитания человеческого общества на территории Южного Туркменистана и причин обезводнения былого Дахистана к северу от Кизыл-Атрека, в чем советская археология кооперируется для комплексного разрешения этих проблем с представителями иных дисциплин, занимающихся, между прочим, вопросами неотектонического порядка.

Всем кратко перечисленным не исчерпывается практическая деятельность ЮТАКЭ, которая провела в Ашхабаде при Туркменском филиале Академии наук СССР научную конференцию с рядом сообщений на трех публичных заседаниях. Со специальными докладами члены экспедиции выступили также в Ашхабаде на объединенном заседании Союза советских архитекторов и Союза советских художников Туркменской ССР, а в районах — перед партийным и советским активом. В стационарных лагерях (Багир, Анау и Старый Мерв) проводились организованные экскурсии по раскопочным площадкам, а также по полевым археологическим музеям. Старшие научные сотрудники ЮТАКЭ давали консультации в пределах своей компетенции различным учреждениям и отдельным работникам.

Полученными достижениями ЮТАКЭ обязана не только окрепнувшему и увеличившемуся числом дружному коллективу своих работников, но также проявлению искреннего интереса и заботы со стороны Президиума ТФАН в лице академика Д. В. Наливкина и его заместителя И. В. Старостина. Самая возможность проведения крупных историко-археологических работ предопределена положением науки в стране Советов и тем вниманием, которое проявляется к ЮТАКЭ со стороны партии и правительства Туркменской ССР. Все это вдохновляет участников ЮТАКЭ на дальнейшее проведение работ начатого большого научно-исследовательского мероприятия и на преодоление всех предстоящих впереди трудностей во имя нашей передовой советской науки и во славу нашей Родины.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРАСНОВОДСКОГО ПОЛУОСТРОВА

(Отчет о полевых исследованиях в 1947 г.)

Прикаспийские районы Туркмении давно уже известны находками различных каменных изделий древнего облика. Заслуживает быть особо отмеченным уже тот замечательный факт, что первые сведения о находках изделий из камня древних форм в прикаспийской части Туркмении и соседних с ней районов Казахстана относятся еще к середине прошлого века. В Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР среди прочих археологических коллекций из Средней Азии хранятся кремневые ножевидные пластины, выкопанные из земли в форте Александровском, на Мангишлаке, которые доставил в Петербург в 1864 г. А. Гебель[1]). Самая длинная из них имеет 19,4 см[2]).

В 1916 г. каменные изделия — отщепы, ножевидные пластины были найдены В. Н. Андрусовым в Джебеле, Гезли-Ата, а также у колодца Кош-Аба по дороге Хива — Красноводск[3]). На Мангишлаке он обнаружил также вместе с превосходными ножевидными пластинами большой кремневый наконечник типа, известного по находкам в Анау из южного кургана[4]).

После Октябрьской революции вместе с небывалым ростом научных исследований в Туркмении возрастает интерес и к этим находкам. Они привлекают внимание ряда исследователей, в том числе геологов и специалистов-археологов, в частности — А. А. Марущенко.

Наиболее обширные и ценные материалы, относящиеся к памятникам каменного века, в прикаспийских районах Туркмении собраны были в последнее время (1942—1943 гг.) в результате тщательных поисков геологами В. В. Шумовым, Н. П. Лупповым и их сотрудниками в районе Красноводского полуострова. Как геологи-специалисты, эти исследователи, естественно, уделили особое внимание вопросу о геологических условиях, с которыми связаны здесь находки древних каменных изделий. Особенно интересен в этом отношении поставленный В. В. Шумовым вопрос о связи наиболее древних памятников Прикаспия с определенными высотными уровнями и раннехвалынским береговым валом древнекаспийского бассейна.

Часть этих сборов была затем обработана и опубликована П. И. Борисковским, пришедшим к общему выводу о том, что здесь отсутствуют мустьерские вещевые комплексы, но имеются изделия верхнепалеолитического типа, характерные для средиземноморской или

каспийской провинции. «В комплексах, — писал П. И. Борисковский, — отсутствуют неолитические формы и типичные тарденуазские микролиты — сегменты, треугольники, трапеции»[5]).

Учитывая выдающуюся ценность этих памятников Прикаспия, являющихся по всем признакам древнейшими следами деятельности человека в Туркмении, значение которых выходит далеко за пределы местных научных интересов, Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция под руководством М. Е. Массона включила изучение их в план своих работ.

Образованный с этой целью IX отряд ЮТАКЭ состоял из автора данного отчета, В. Д. Запорожской, А. Д. Столяра, шофера Н. Тамбулиди и одного рабочего.

Отряд прибыл из Ашхабада в г. Красноводск 10 октября 1947 г. и в тот же день начал свои полевые исследования. Первые находки были сделаны в районе бухты Соймонова, в 2 км к западу от Красноводска, где вблизи базы Заготживсырья в небольшой бухточке обнаружено два пункта со следами деятельности древних обитателей Прикаспия.

Пункт 1. На правой стороне ущелья у небольшого отвесного выступа скалы на террасовидной площадке, покрытой мелкой остроугольной щебенкой и такими же более крупными обломками скалы. Щебенка сверху покрыта характерным пустынным загаром, местами глянцево-черного цвета. Между щебнем на гладкой поверхности площадки у скалы встречены в небольшом количестве мелкие фрагменты керамики красно-бурого цвета с редкой примесью дробленого кварца. Там же оказались три отщепа, изготовленных из кремнистой породы красно-бурого цвета.

Пункт 2. В середине той же лощины и точно так же на поверхности террасы, высотой около 10—12 м над уровнем моря, встречено несколько кремневых отщепов и камни со слабыми следами обработки. Терраса, с которой связаны эти находки, сложена внизу желто-зелеными песчанисто-глинистыми отложениями, выше залегают валуны и щебенка с большим количеством морских раковин (*Cardium edule*). Замечательно, что сейчас здесь нет ни капли пресной воды, но поблизости есть пещерка в виде неглубокой ниши со следами хорошо выраженной сталагмитовой корочки, свидетельствующей, что в ней когда-то сочилась вода и мог быть источник, которым, вероятно, и пользовались древние обитатели пунктов 1 и 2.

11. X

От Красноводска до Каскыр-Балака (Волчий Ключ)

Родник, по которому названа эта местность, расположенная высоко над долиной, где лежит г. Красноводск, находится в довольно глубоком овраге, прорезающем крутой уступ плато (чинк). В уступе плато резко выделяются верхние горизонтальные пласты более плотной скалистой породы и относительно пологие рыхлые склоны; горизонтальный пласт твердой породы образует в ряде мест сильно выступающие карнизы и даже навесы, недостаточные, однако, для использования их человеком

по своим размерам и высоте. Овраг выходит своим устьем в обширное понижение, напоминающее озеро, залив или огромную речную долину. Здесь он заполнен галечно-щебенчатыми отложениями и валунами (вернее слегка окатанными потоком глыбами камня). На поверхности его хорошо видны более древние площадки и молодые, прорезающие их «блуждающие» русла, заполненные свежими выносами из оврага в период дождей.

Самый «родник» представляет собой неглубокие ямы (от 2,2 до 4 м), заполненные на дне солоноватой и мутной водой. Ямы расположены на восточной стороне оврага в относительно рыхлых пластах белого мелоподобного известняка. Они находятся вблизи устья оврага. Около них, по обе стороны оврага, и рассеяны обработанные руками человека кремни.

Изредка кремни обнаруживаются здесь и в самой долине оврага, на высоких древних площадках. Таков «пункт первый» В. В. Шумова, где нами найдено не более 2—3 невыразительных отщепов.

В несколько иных условиях находится другое местонахождение. Оно расположено прямо против ям с водой на террасовидной широкой площадке, где стояла в 1942—43 гг. палатка геологов. Высота этой площадки перед тальвегом оврага не превышает 0,5—0,8 м. В различных местах здесь неоднократно встречались отдельные кремни и целые группы таких находок, в том числе в одном месте ряд довольно крупных нуклевидных желваков кремня со следами предварительной оттески их с поверхности. Есть и особые скопления мельчайших отщепов — чешуек. Заложенный здесь шурф дал следующую картину: под верхним слоем желтой супеси, рыхлой и пылеватой, на глубине 20—25 см от поверхности встречены были отдельные обработанные кремни.

В отличие от поверхностных находок кремни эти не покрыты густой патиной; цвет их желтоватый, очень близко напоминающий расцветку кремня из мезолитических слоев грота Катта-Курган в Узбекистане. Среди них оказалась и одна типичная ножевидная пластина правильной призматической формы. С этим пунктом, повидимому, связана и находка настоящей трапеции раннетарденуазского типа, обнаруженной В. В. Шумовым. Больше всего новых находок сделано на склонах чинка по бортам оврага, в приустьевой его части, которые образуют характерные террасовидные площадки.

Все эти находки точно так же рассеяны единицами или небольшими гнездами прямо на размытой и выветрившейся поверхности склона, и только лишь на поверхности, а глубже они здесь не встречаются.

Мысовидный выступ правого борта оврага, постепенно снижаясь, переходит в обширную террасовидную площадку, усыпанную мелкой щебенкой. Высота последней над тальвегом оврага в приустьевой части равна 1—0,8 м. В этом месте, на высоте 0,6 м над тальвегом, на склоне площадки был поднят мустьерский остроконечник крупного размера и классической формы. Несколько ниже этого остроконечника, уже на самом дне оврага, среди щебенки — в 1,5 м от первого орудия, оказался второй остроконечник, меньшего размера. По другую сторону этого мыска, на расстоянии 2—2,5 м от первых двух остроконечников, в ложбине был найден небольшой нуклеус — диск мустьерского типа.

Общий характер наслоений в шурфе оказался здесь таким:

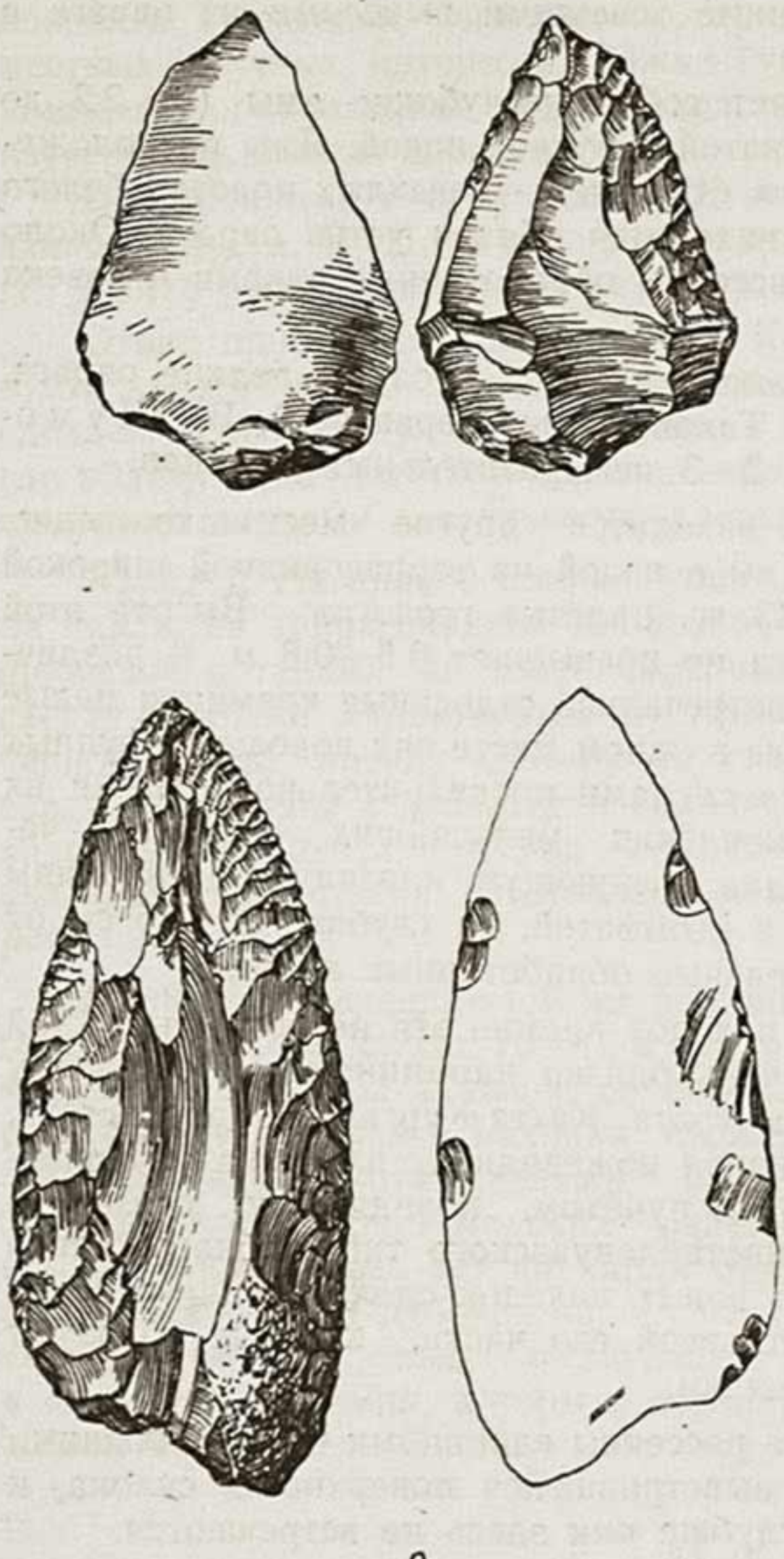
1) желтоватая пылеватая супесь. Мощность 0,5—10 см;

2) супесь с большим количеством мелкой щебенки. Мощность 25 см;

3) тонкий слой сильно выветрившейся желтовато-бурой глины. Мощность 10—15 см;

4) плотная комковато-пластинчатая глина, пронизанная кристаллами гипса 20 см;

5) плотная желтоватая глина, лишенная посторонних включений 40 см.



2

Рис. 1. Каскыр-Булак. Мустьерские наконечники.

Культурных остатков в разрезе не установлено. Особо должны быть отмечены находки отдельных кремней над скалистым карнизом чинка, где, однако, в массе гальки акчагыльского (?) вала встречается много естественно расколотых галек кремня, которые могут ввести своими раковистыми изломами в заблуждение, но при внимательном рассмотрении выделяются общей грубостью и аморфностью.

В 0,5 км к востоку от колодцев, на самом краю чинка, между уступом скалистого карниза и акчагыльским (?) валом в небольшой котловине на ее размытом дне встречен изолированный пункт с находками. Это были отщепы, нуклеусы призматического типа и другие кремневые изделия.

Поблизости, но уже внизу, на уровне нижних стоянок Каскыр-Булака, вблизи устья самого большого, и, несомненно, очень древнего оврага, разделенного вверху на две ветви, на поверхности сильно размытой гривки-останца, рассеченной малыми овражками, собраны обработанные кремни. Последние оказались в обычных условиях, прямо на поверхности извилистой вершины останца.

К востоку от колодцев, на сильно размытом останце склона плато, сложенном вверху из желтой, а внизу из зеленой глины, снова обнаружено

много обработанного кремня. Замечательно при этом, что кремни находились, как и всюду в других пунктах, только лишь на верхней части останца, на слое желтой, а не зеленой глины. Среди обработанных кремней здесь имеются угловой резец, нуклеус, похожий на мустьерский.

В общем же устанавливается, что район колодца Каскыр-Булак был излюбленным местом, где тысячелетиями, с мустьерского времени и до конца палеолита или даже раннего неолита, появлялись люди каменного века. Его в этом отношении следует поставить в один ряд с Кизыл-Лаем.

При этом более поздние находки, повидимому, тяготеют ко дну оврага, или вернее, к площадке над тальвегом (трапеция); тогда как мустьерские и вообще древние кремни встречаются лишь на склонах чинка, по бортам оврага.

13. X.

Вернувшись в Красноводск, осмотрели пещеры в западном склоне или, вернее, обрыве горы, возвышающейся над Красноводском со стороны Ашхабада. Пещеры эти — естественные по происхождению углубления типа щелей, связанные с размыванием чинковых масс. Затем они были увеличены взрывами при добывании породы для нужд строительства. Внутренность пещер заполнена значительными массами эолового песка, навеянного сверху в виде остроребристого вала. Исследовать их внутренность поэтому не удалось.

14. X.

Поездка в Кизыл-Лай

Обширная впадина Кизыл-Лайской депрессии окаймлена с запада и востока крутым уступом чинка. На СЗ конце ее, однако, открывается устье большого, грандиозного по ширине и длине, сая «Акпар», или, как говорят местные казахи, «Ходжа Непес». Склоны чинка здесь размыты и как бы прорваны овражной сетью: на карте хорошо видны все эти бесчисленные ложбины и холмы. Последние находятся на высокой террасе, расположенной над низменностью депрессии. С этой террасой, вернее с ее краем, и связаны, главным образом, археологические находки. Они встречаются преимущественно на длинных и узких грядах-останцах размытого края террасы, на мысах между устьями отдельных оврагов. Часть местонахождений связана с ровной песчаной поверхностью площадок в глубине террасы вдоль бортов отдельных оврагов. В наиболее возвышенных местах, где поверхность террас изобилует щебенкой, кремни лежат прямо среди щебенки. В пониженных местах они обнаруживаются в котловинах выдувания, на раздутом ветром песке.

В обнажениях вдоль узких русел оврагов хорошо видны отложения террасы. Она сложена в основании зеленоватыми и желтыми глинисты-

ми толщами. В самом верху последних местами обнаруживается галечник или пласт конгломерата. На размытой глинистой поверхности террасы и склонов чинка довольно часто обнаруживается скорлупа яиц страуса (совершенно такая же, как в долине Селенги).

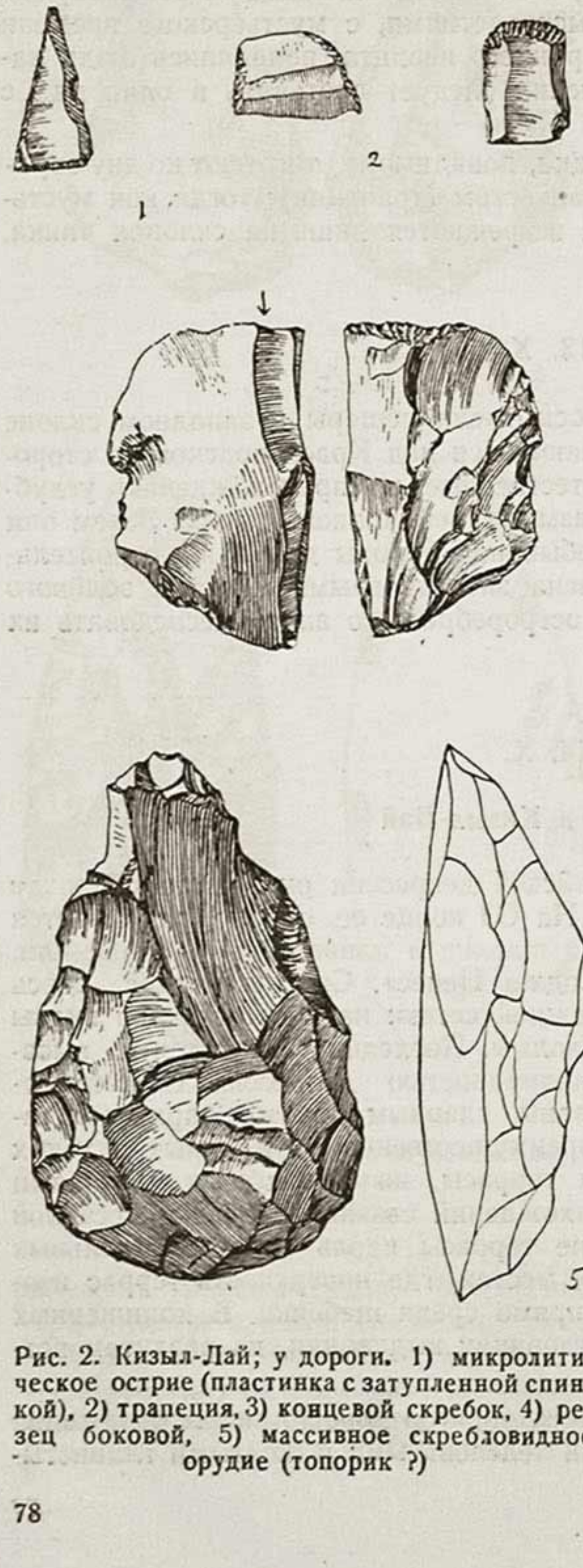


Рис. 2. Кизыл-Лай; у дороги. 1) микролитическое острие (пластинка с затупленной спинкой), 2) трапеция, 3) концевой скребок, 4) резец боковой, 5) массивное скребловидное орудие (топорик ?)

В целом, местонахождения культурных остатков, несомненно, связаны с общим характером всей этой местности, определившим их особую концентрацию.

Первое обстоятельство, которое должно быть учтено,—наличие сая Акпар и разветвленной сети малых оврагов.

Второе обстоятельство—соседство с обрывом плато. Наличие сая, по которому, вероятно, в древности текла пригодная для питья пресная вода, само по себе привлекало сюда древних охотников и собирателей.

Кроме того, к воде должны были стекаться и звери и птицы пустыни. Охота на них облегчалась наличием колоссальных по протяжению обрывов, очень удобных для облавных охот.

Не случайно, что и сейчас в Кизыл-Лае вдоль обрыва видны искусственно нагроможденные камни, обращенные к плато. Это были, должно быть, охотничьи загородки, за которыми скрывались охотники на джейранов и прочую степную дичь.

Вода и удобство охоты, очевидно, и привлекали сюда людей в древности. Само собой разумеется, однако, что бродячие охотники степей и пустынь не могли оставить после себя сколько-нибудь многочисленных и обильных следов. Поэтому здесь не имеется настоящих поселений, в полном смысле этого слова,

а только отдельные пятна находок в наиболее удобных местах, нередко, очевидно, последовательно наслаивавшиеся друг на друга.

Таким пунктом является и замечательное местонахождение, обнаруженное нами в том месте, где дорога из Красноводска в Сульмен

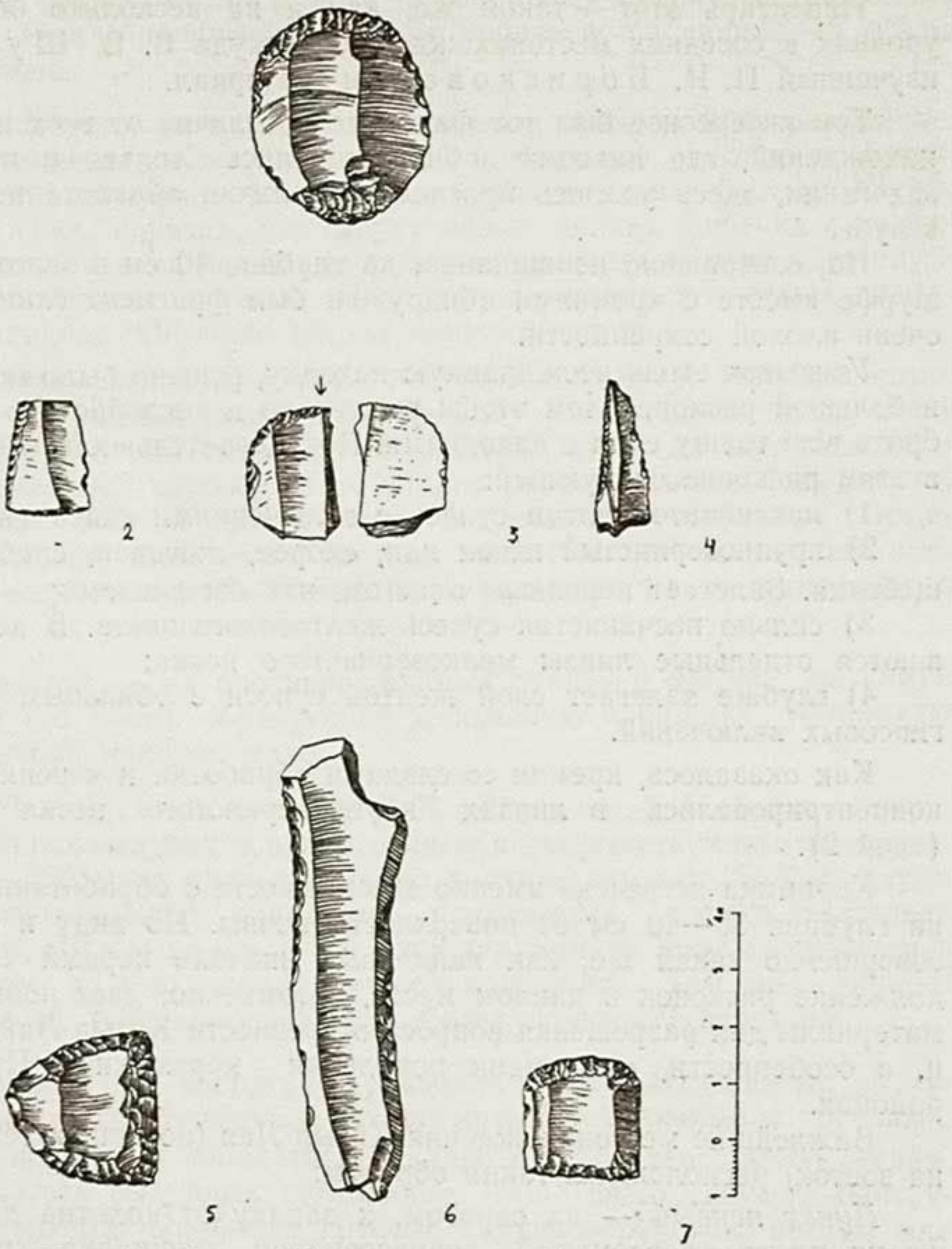


Рис. 3. Кизыл-Лай; у дороги; 1) скребок, 2, 4) пластинка с затупленной спинкой (острие); 3) резец угловой; 5) скребок; 6) пластина с ретушью; 7) концевой скребок.

поднимается в гору — к Сульмену. Дорога прорезает здесь сначала пологий террасовидный уступ, возвышающийся над дном депрессии в данном месте не более, чем на 1—1,5 м. В этом месте и ниже на самом полотне дороги и по обеим сторонам его собрано много разнообразных

каменных изделий. В том числе были: крупное, тщательно оббитое изделие, внешне напоминающее «ручное рубило», но служившее, повидимому, топором или «скреблом», скребловидное изделие из плотной гальки, ряд скребков (в том числе концевых, и скребок в форме правильного треугольника), пластинки с затупленной спинкой, а также резцы бокового типа.

Инвентарь этот — такой же, как и на несколько более высоких уровнях в соседних местонахождениях, откуда В. В. Шумов собрал изученный П. И. Борисковским материал.

Тем интереснее был тот факт, что в отличие от всех прочих местонахождений, где находки обнаруживались только в поверхностном залегании, здесь удалось проследить наличие обработанного кремня и вглубь.

Но, совершенно неожиданно, на глубине 40 см в заложенном здесь шурфе вместе с кремнями обнаружен был фрагмент глиняного сосуда очень плохой сохранности.

Учитывая столь неожиданную находку, решено было заложить здесь небольшой раскоп, с тем чтобы тщательно и послойно (по 10 см) разобрать всю толщу слоя с находками. Последовательность наслоений была в этом раскопке следующей:

1) красновато-желтая супесь с включениями гипса (кусочками);

2) крупнозернистый песок или, скорее, гипсовая, слабо окатанная, щебенка. Залегает неровным пластом, как бы линзами;

3) сильно песчанистая супесь желтоватого цвета. В ней обнаруживаются отдельные линзы мелкозернистого песка;

4) глубже залегает слой желтой супеси с обильным содержанием гипсовых включений.

Как оказалось, кремни со следами обработки и черепки гуще всего концентрировались в линзах крупнозернистого песка и около них (слой 2).

Керамика встречена именно здесь, вместе с обработанным кремнем, на глубине 30—40 см от поверхности почвы. По виду и составу она совершенно такая же, как найденный вначале первый черепок. Продолжение раскопок в данном месте, несомненно, даст новые и важные материалы для разрешения вопроса о древности Кизыл-Лайских находок и, в особенности, о времени появления керамики в Прикаспийских районах.

Важнейшие местонахождения Кизыл-Лая (по направлению с запада на восток) расположены таким образом:

Пункт первый — за оврагом, к западу от полотна дороги у подножия плато на размытой террасовидной площадке, где встречена скорлупа яиц страуса. На размытой поверхности площадки собраны гальки — нуклеусы, обработанные лишь отчасти, с одной поверхности, а также отщепы и пластины.

Пункт второй — на узкой глинистой гряде, ориентированной с СВС на ЮЗЮ вдоль дороги:

а) вверху, на самой высокой точке площадки;

б) внизу, на нижнем террасовидном уступе, возвышающемся на 1 см над дном депрессии. Здесь, как уже отмечалось выше, находки

встречаются особенно часто у самой дороги и на ее полотне, где и заложен был описанный выше шурф. Находки тянутся тут на 100 м вниз от шурфа к середине котловины и на 50—60 м к В.

Пункт третий — на вершине и по склонам большой высокой гряды (высота ее 20—25 м над дном депрессии). Вся гряда покрыта эоловым песком и котловинами выдувания. Кремни особенно густо лежали на южном конце гряды, а также и по ее западному склону, обращенному к депрессии. Они обнаружены здесь на уровне всего лишь 5—6 м над дном котловины.

Пункт четвертый находится на соседнем с пунктом 3 бугре-останце. Находки концентрируются на песчано-щебенчатой вершине бугра, имеющей вид площадки, размером, приблизительно, 5×8 м. Шурф, заложенный здесь, показал, что сверху лежит мелкая щебенка с находками. Глубже — супесь без каких-либо находок; находки не идут глубже 5 см от поверхности почвы. Под супесью залегает плотный глинистый слой с гипсом. Он тоже не дал никаких находок.

Пункт пятый расположен ниже 4-го, на том же бугре. Находки встречены прямо на рыхлой поверхности почвы. Заложенный здесь шурф снова показал, что они встречаются только лишь на поверхности и не распространяются глубже 10 см от поверхности почвы. Так, сверху, в слое рыхлой желтой супеси еще встречаются отдельные отщепы, но глубже, где идет более плотная глинистая масса, находки прекращаются, если не считать отдельных галечек, не носящих следов использования их человеком.

Пункт шестой — на противоположном пункту 5 холме; на самой возвышенной его части, образующей небольшую площадку, усыпанную мелкой щебенкой, находок мало.

Пункт седьмой (11—12 по схеме В. В. Шумова). Находки обнаружены на песчаных выдувах и прилегающем к ним участке с эоловыми песками, в 200—250 м от края депрессии в глубь террасы, между двумя оврагами. Находок мало: они были, повидимому, весьма тщательно выбраны В. В. Шумовым и его сотрудниками на этом важнейшем и самом богатом, по его словам, местонахождении. Там же собраны черепки красной (средневековой или более поздней?) керамики.

Пункт восьмой — к востоку от предшествующего. В сущности, он является продолжением последнего, так как кремни, единичные и группами, продолжают все время попадаться и далее в глубь террасы по пескам, особенно в малых выдувных котловинах. Чаще всего кремни обнаруживаются в местах, покрытых грубым крупнозернистым песком или даже щебенкой. Следуя вверх вдоль русла сая, в 1—1,5 км от края депрессии, мы обнаружили на СЗ стороне сая, здесь уже очень узкого, такырообразную котловину, площадью около гектара. В середине последней имеются следы стойбища скотоводов, а по краям, и особенно вдоль СВ края, найдено довольно много обработанного кремня, хотя и мало выразительного (отщепы, ножевидные пластины). Нет никакого сомнения, что аналогичные находки будут обнаружены и в других пунктах по соседству с описанными.

16. X. Работы в Сульмене

Обширная котловина Сульмен, расположенная в 120 км к СЗ от Красноводска, представляет собою чашевидную глубокую впадину, почти правильной, овальной формы, окруженную песчаными возвышенностями. К СВ от нее видны сильно размытые возвышенности и русло оврага с обрывистым карнизом вдоль его борта. К СЗ возвышаются также сильно размытые скалистые останцы. На дне котловины выступает пласт твердого песчаника, а также имеются песчаные холмы. В центре котловины находятся колодцы с хорошей водой, постройки колхоза. Несколько в стороне, на особой возвышенности, расположено кладбище с каменными надгробиями и мазар, внутри расписанный различными рисунками; на стенах его есть очень интересные резные рисунки лошадей и всадников. Вокруг и на склонах песчаных холмов разбросаны казахские юрты. Культурные остатки каменного века обнаружены в двух пунктах.

Пункт первый — на южной стороне котловины, на самом гребне склона плато при спуске с него вниз по обе стороны дороги и на самом ее полотне. Находки связаны с большой ложбиной, выдувной котловиной и рассеяны на ее дне вблизи небольших бугров с камнями и щебенкой. Расстояние этого пункта от колодцев не более 250 м. Среди находок есть срединный резец, скребки хорошей работы, пластинки и сравнительно многочисленные отщепы. Наиболее насыщенное кремнем место по площади равно примерно 100 м²; но вообще кремни рассеяны на значительно более обширной площади — не менее 2—3 га. Никаких следов очага или кострищ не обнаружено.

Пункт второй. В 60—80 м к северу от возвышенности, где стоит мазар, на противоположной ему стороне сухого русла, имеется террасовидная площадка, высотою около 1—1,5 м над дном сухого русла и 2 м над наиболее низким участком Сульменской котловины.

В этом месте, особенно вдоль самого края террасы встречаются отдельные отщепы и обработанные кремни. Ближе к колодцам зарегистрировано много черепков; в том числе поднято днище одного сосуда архаического вида (приостренное). Находки встречаются изредка и далее к востоку по песчаным котловинам, на соседних буграх.

Следует особо отметить, что вдоль края этой террасы есть хорошие обрывы, но обнажений культурного слоя не видно, все находки имеют поверхностный характер.

Колодцы Усак находятся в понижении, сходном с Сульменской котловиной, вблизи крутого склона плато в ответвлении широкой долины, окаймленной склонами возвышенности.

Пункт первый. В 50—100 м к ЮЗ от колодцев тянется песчано-галечная гряда, место, где, очевидно, из-за его близости к колодцам постоянно живут (останавливаются) в своих юртах казахи. На ее поверхности во многих местах встречаются обработанные кремни.

Пункт второй. Усак. К югу от колодцев и песчаной гряды имеется вторая боковая долина, сливающаяся в устье с основным понижением

Усак. Вверху она представляет собою озеровидное расширение, окруженное террасовидным уступом, высотою около 1,5 и 2 м над дном котловины.

Выше уступ переходит в песчаный бугор. У дороги он слегка понижается и покрыт здесь мелкой, как бы отсортированной щебенкой. Над ней, и особенно густо, у самой дороги и древнего сухого русла повсюду встречаются обработанные кремни. Это были пластины, небольшие по размеру отщепы и два фрагмента, двусторонне обработанных ретушью, типично неолитических или эпохи бронзы каменных изделий — обломки вкладышей или наконечников стрел.

Стоянка эта расположена тоже у древнего русла и относительно далеко от колодцев — в 1—1,5 км к югу от них. Древние охотники, должно быть, тяготели в своих остановках именно к таким, ныне сухим, руслам бременных потоков или ручьев.

Пункт третий (*верхний*). Над колодцами Усак, на вершине плато, тянется древний галечный вал, изобилующий кремневой галькой. Здесь поднят один крупный обломок скорлупы яйца страуса и собраны типичные «эолиты»-гальки со следами раскола от действия естественных причин. Среди этого подъемного материала, однако, оказались и несомненно обработанные рукой человека кремни-заготовки.

Вернувшись из поездки к колодцам Усак, мы направились обратно, но уже не старым путем, а новым — мимо вершины сая Акпар прямо к к. Джанурпа. Вследствие этого пришлось пожертвовать поездкой в Такырную балку, представлявшую меньший интерес по характеру распространения находок.

17. X. Сай Джанурпа

Сай Джанурпа начинается далеко в глубине плато и плавно опускается вниз. Поэтому его долина вполне доступна для проезда на автомашине. Русло сая ровное и широкое, долина его в средней части не уже 150—200 м. По бокам ее в ряде мест превосходно выражен террасовидный уступ. Все это наглядно свидетельствует о глубокой древности сая. На одном из таких уступов, самом широком и обширном по площади, расположено старинное кладбище. Против кладбища в русле сая находятся колодцы, в том числе ряд совершенно сухих, засыпанных землей.

Вообще же по саю Джанурпа несомненно в древности протекала небольшая речка или ручей, с чем, вероятно, связана и его водоносность в настоящее время, т. е. наличие колодцев на его дне.

Террасовидный уступ с кладбищем помещается в том месте, где сходятся ответвления двух главных ветвей ущелья. Площадка террасы постепенно переходит в ряд невысоких грядок-мысков, повышающихся по направлению к соседней возвышенности.

Культурные остатки концентрируются здесь в двух главных местонахождениях.

Пункт первый — у кладбища, главным образом к югу от него, на пониженной части террасы, покрытой мелкой щебенкой. Высота террасы над уровнем дна сая здесь равна 2—3 м. Кремень в этом месте — позднего типа, почти совершенно непокрытый патиной. Около самого кладбища, слегка к северу от него, на поверхности размытых мысков, встречены нуклевидные изделия.

Пункт второй — на значительно большей высоте, чем пункт 1, находки рассеяны на размытых длинных грядах, высота которых над дном сая не менее 6—8 м. Кремни, найденные здесь, рассеяны гнездами. Среди них имеются вещи архаического облика, в том числе скребло, напоминающее мустьерское. Совершенно таково же расположение и бесспорно мустьерских находок в Каскыр-Булаке на размытых длинных грядах вдоль главного русла сая.

Мустьерский по облику кремень сосредоточен был на правой стороне второго сухого ручья (если итти вверх по долине Джанурпа от кладбища) прямо против самой верхней группы ям-колодцев.

Кремни, обработанные человеком, встречаются довольно густо, на полого поднимающейся вверх вдоль сухого русла древнего ручейка возвышенности.

Среди них собраны нами следующие предметы: дисковидный нуклеус, пластины, скребловидные изделия и некоторое количество отщепов. Изделия эти все небольшого размера, должно быть по той причине, что здесь нет больших галек кремня.

Пункт третий находится на противоположной, левой стороне долины сая против кладбища, чуть выше впадения в нее другой, западной, боковой ветви ущелья, тоже довольно широкой и разветвленной. Находки собраны на такой же, как и первая, терраске вдоль русла сая, но только лишь более узкой. Здесь собраны немногочисленные кремни позднего облика (мезолит или неолит?). Есть здесь и естественно расколотые гальки.

18. X. Джанурпа. Район столового останца

Вблизи устья сая Джанурпа обработанные кремни встречены в трех местах.

Пункт первый (*а*) — около обрыва акчагыльских известняков к СВ от останца на одном ограниченном по площади участке, в виде изолированного пятна. Все это — исключительно только одни отщепы и заготовки. Ни одного законченного орудия здесь не оказалось. Находки обнаружены на размытой глинистой поверхности почвы, вместе с мелкой щебенкой, в 20 м от подножия обрыва.

Пункт второй (б) находится прямо против столового останца, к В от него (слегка южнее). Кремней там встречено очень немного. Замечательной особенностью этого местонахождения является наличие выходов вертикальных пластов кремнистого сланца или известняка, дающего под влиянием естественных причин очень похожие на следы искусственного раскалывания поверхности с раковистым, нередко, изломом, что может ввести в заблуждение неопытного собирателя.

Пункт третий находится к ЮВ от останца в 1—1,5 км в следующей долине-сае с довольно широким дном и пологими склонами, образующими местами террасовидные уступы. Русло сая узкое, извилистое.

В данном местонахождении собраны единичные отщепы позднего облика, темножелтого цвета, без патины на поверхности.

19. X. Бухта Соймонова

К западу от Красноводска обследована песчано-галечная терраса вдоль берега моря, примыкающая к скалистому обрыву возвышенности Куба-Даг. На ней кремней не найдено. Обнаружена только керамика, в том числе — довольно архаического облика, с примесью дробленого камня.

Но уже на самой возвышенности, там где заканчивается скалистый обрыв и переходит в низину, у обрыва, в борту ложбины, оказалась одна ножевидная пластина правильной формы, светложелтого цвета. Более ничего здесь, однако, не встречено.

20. X.

По дороге из Уфра в Кайлю в скалистых обрывах, вдоль берега Каспия, имеются остатки больших, но сильно пострадавших от времени скалистых навесов. Они имеют вид широких дугообразных ниш, впадины которых соответствуют, повидимому, изгибам известняковых пластов. Навесы эти расположены в 2 яруса. Внутри одного заложен шурф, глубиною 50 см, на дне которого обнаружены мелкие древесные угольки. Глубже шурфовка не производилась, но при дальнейших работах она, несомненно, желательна в более значительных масштабах.

21. X.

На 24-м километре от Красноводска к востоку, вблизи ст. Кайлю, у подножия Куба-Дага над морем, узкой полосой берега и железнодорожной насыпью, подобно мысу, возвышается скала из более плотного, чем господствующие над ней рыхлые толщи красного цвета, желтоватого известняка. Утес этот в результате выветривания и, очевидно, — в более древнее время — от прямого действия морских волн, пронизан бесчисленными пустотами-пещерками различной глубины и размера, придающими ему причудливую форму. У подножия утеса имеется древняя морская терраса (высота около 8—10 м над уровнем моря), которая сложена морской галькой. Наверху скалы есть довольно обширная скалистая площадка, усыпанная тонким слоем щебня.

Массив скалы со стороны моря рассечен двумя глубокими и довольно широкими вертикальными трещинами-щелями на три части или отдельные выступа. В западной трети утеса уцелела часть древнего скального навеса, разрушенного вследствие выветривания в остальных его частях. Однако и там хорошо видны его остатки в виде наклонного карниза и огромных глыб, обвалившихся сверху в процессе разрушения массива скалы.

В этой трети утеса имеется также и небольшая пещера, соответственно направлению щели (вертикальной), уходящая в глубь скалы. Пещера-навес имеет высокий, почти куполовидный потолок и уходит в глубь скалы на 3—4 м узким и низким щелевидным ходом.

На поверхности террасы, у самого навеса, были встречены отдельные отщепы из белого, сильно патинированного кремня, который, должно быть, долго лежал на открытом воздухе и подвергался непосредственному воздействию атмосферных агентов. Есть там также и фрагменты грубой лепной керамики, в том числе один, как будто со следами росписи. Отщепы встречены также и непосредственно у навеса в слое желтоватой супеси с галькой, в бортах выемок каменоломни. Там же оказался один призматический нуклеус.

В самой пещере сверху есть следы недавнего пребывания людей: овечий помет, лежавший тонким слоем, кусок ремня, обломок бутылочного стекла.

В пещере заложена траншея с целью получить представление о характере отложений внутри грота. В траншее на глубине 0,7 м встречена керамика черного цвета, грубой выделки, кремневые отщепы позднего облика, кости джейрана (?) и обломок метаподии крупного травоядного животного.

Тут же найдена галечка-курант со следами длительного употребления. Выше, на глубине 35—40 см от поверхности, встречаются довольно густые скопления костей рыб, в том числе, повидимому, стерляди. Этот памятник должен быть, очевидно, отнесен к неолитическому времени.

Мыс Куба-Сенгир. Возвышенность мыса Куба-Сенгир, одного из наиболее величественных и монументальных скалистых образований вдоль этой части Каспийского побережья, круто обрывается к морю колоссальным уступом. Мыс имеет со стороны морского побережья вид гигантской пирамиды. Вершина ее увенчана плотными слоистыми известняками; ниже по склону выступают более рыхлые красноцветные отложения и, наконец, желтовато-серые известняки.

У основания скалистой толщи мыса хорошо прослеживается окаймляющий его уступ древней террасы, кое-где усыпанной глыбами камня. Высота террасы около 20 м.

На этой террасе, у самого ее края, уцелел один изолированный останец скалы, состоящей из желтовато-серого (покрытого пустынным загаром) известняка. Площадка этого уединенного скалистого «островка» не превосходит по своим размерам 20—25 м². Верхний уровень этого «островка» соответствует уровню 20 м террасы; края его крутые, обрывистые. Ниже прослеживается постепенное понижение склона высокой террасы пока, наконец, он не переходит плавно и незаметно в более низкую террасу, отделенную от низкого морского побережья нашего времени довольно крутым уступом. На последней террасе, разрезанной выемкой железной дороги, находится туркменское кладбище с «фертообразными» намогильниками из известняка.

В районе мыса нами обследован ряд местонахождений каменных изделий. Особенно густо последние прослежены на высокой древней террасе, но есть они и на более низкой террасе, на территории кладбища и в ближайшем соседстве с ним.

Всего выявлено пять отдельных мест концентрации находок — местонахождений каменных изделий.

Первое местонахождение найдено к востоку от скалистого останца, в 1,5—2 км от него, при повороте мыса к СВ, прямо против казармы железнодорожных рабочих. Находки собраны были в большом количестве на рассеченной эрозией в виде продольных грядок поверхности древней высокой террасы. В том числе имеются хорошие пластинки, скребки, нуклеусы и много отщепов.

Второе местонахождение оказалось на скалистом останце.

Третье местонахождение обнаружено несколько выше останца и далее от него к западу, у котлована, вырытого, вероятно, при строительных железнодорожных работах.

Четвертое местонахождение имеется сразу же под скалистым останцом на склоне древней террасы (20 м). Находки встречались гнездами и поодиночке на обширном пространстве. Кроме кремней, здесь обнаружены черепки грубой керамики.

Пятое местонахождение оказалось на низкой террасе, у самого кладбища и на кладбище. Находки залегали прямо на поверхности вместе со щебенкой и морскими раковинами, происходящими из песка, слагающего террасу.

Наибольший интерес из всех отмеченных местонахождений представляет второе, т. е. скалистый останец.

На площадке последнего сверху лежала такая же, как и везде в окрестностях, мелкая щебенка. Она находилась, однако, не в песке, как внизу, на нижней террасе, а в слое пылеватой тонкой супеси. Еще глубже местами встречался крупнозернистый морской песок или гравий, заполнявший карманообразные впадины на неровной скалистой поверхности останца.

Вверху песок этот был обогащен глинистым материалом. Глубже местами залегал гипс в виде рыхлой ноздреватой массы. Цвет гипса желтовато-белый, кое-где красный. Под гипсом находился, обычно, массив скалы.

Подъемный материал, обнаруженный на поверхности останца, тогда же был полностью собран со всей площади. Он представлен мелкими отщепами и ножевидными пластинами, сильно патинированными. Вместе с кремнями на поверхности останца посчастливилось найти и маленькую овальную бусину из раковины с просверленным в ней отверстием. Такие же бусины были нами найдены до этого в Кизыл-Лае. При более детальном изучении места, где оказалась бусина, обнаружена более мелкая бусинка иного типа, в виде массивного, правильной круглой формы, кружочка.

При последующей тщательной зачистке и раскопке площадки скалистого останца выяснилось, что в основании раскопанной площадки залегает неровная и щелеватая скальная поверхность. Местами она была покрыта массой гипса. Между гипсовыми «глыбами» имелись щели и карманы, заполненные валунами и морским крупнозернистым песком с примесью гальки.

Выше залегала рыхлая светложелтая супесь, местами настолько обогащенная глинистым материалом, что ее скорее следует назвать суглинком. В ряде случаев она имела не желтый, а розовато-красный, охристый цвет. Это и был культурный слой, с которым связаны все

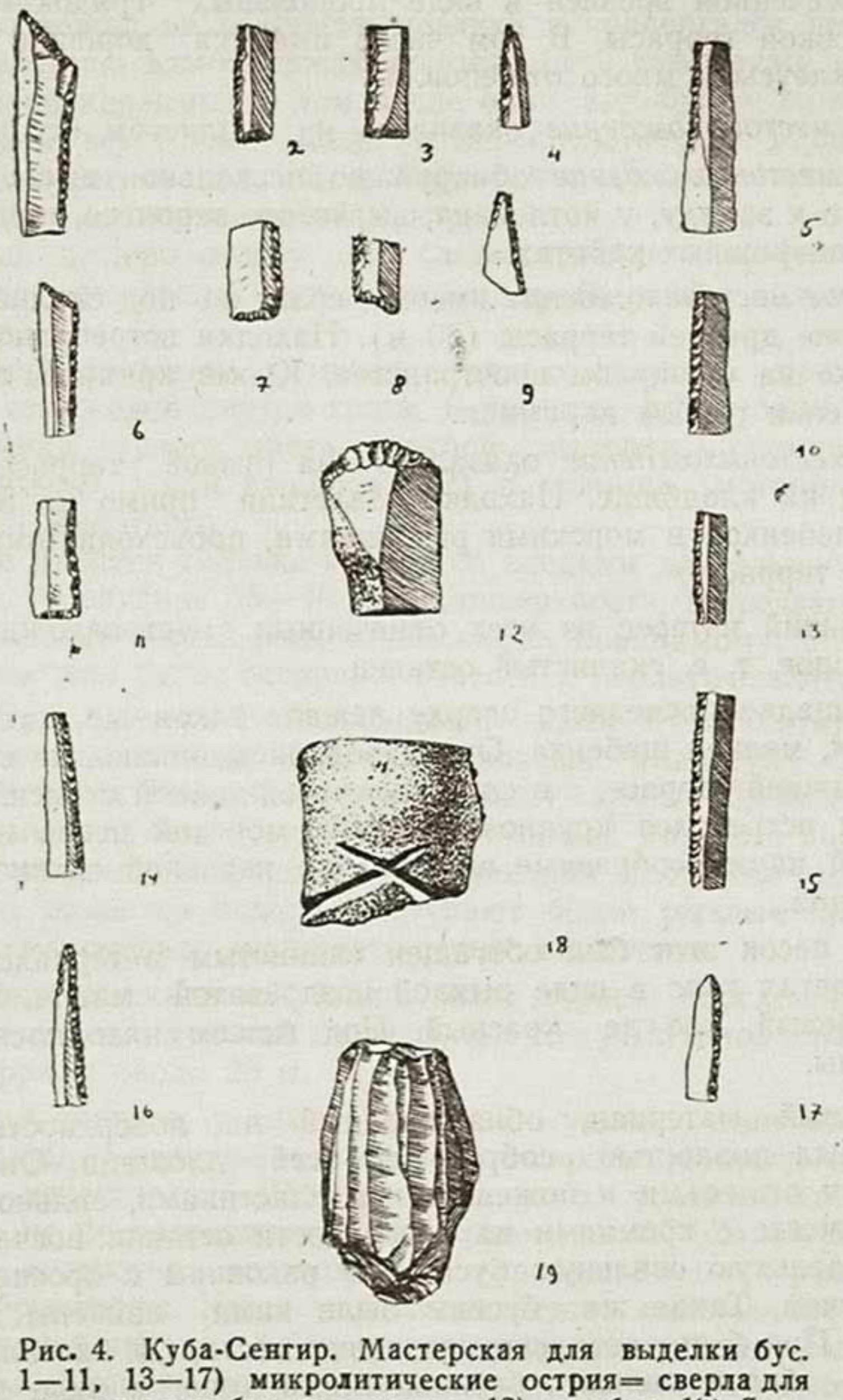


Рис. 4. Куба-Сенгир. Мастерская для выделки бус. 1—11, 13—17) микролитические острия= сверла для изготовления бус из раковин, 12) скребок, 18) Джебел, пещера—фрагмент щитка черепахи с нарезками, 19) нуклеус призматический.

находки. Верхняя поверхность его была ровной, нижняя же оказалась, напротив, неровной, с карманами-углублениями. Из последних один представлял собой настоящую яму овальных в плане очертаний. Как оказалось, западная ее стенка представляла собою вертикальный уступ скалы и круто обрывалась вниз, ко дну ямы.

Яма эта могла быть устроена на месте естественного углубления в скале, или вернее уступа скалы с западной стороны. В восточной же ее части она была, должно быть, намеренно расширена и расчищена, ибо гипсовая масса оказалась здесь сильно поврежденной.

Вверху, в яме, изредка встречались отщепы на глубине 25—30 см и еще глубже; на глубине 40 см от поверхности снова густо залегали отщепы, все одной и той же расцветки. Там же, одним скоплением, лежали нуклеусы, скребки, ножевидные пластины, а также много обломков острий с затупленной спинкой. Вместе с ними изредка встречались раковинные бусы, подвески.

Но больше всего таких бус встречено было при углублении раскопа ко дну ямы. Там они лежали густым скоплением, часто так, что одна бусина налегала широкой стороной на другую, почти совпадая отверстиями. В скоплении больших раковинных бус оказались и две малых бусины в виде массивных кружочков. Тут же встречены обломки раковин без отверстий (кв. Е — 4 и Е — 5). С другой стороны ямы, северной, зарегистрировано наличие обломков раковин не овальной или круглой формы, а неправильных очертаний, но с дырами на одном их конце. И на этом квадрате точно так же над скоплением раковинных бус лежали кремневые отщепы и пластины.

На глубине 40 см от поверхности на данном квадрате, *in situ,* вместе с кремнем и раковинными бусами, найден был в безукоризненных стратиграфических условиях один черепок черного глиняного сосуда плохой сохранности и по виду совершенно такой же, как в шурфе в Кизыл-Лае и в гроте Кайлю, где черепок оказался на глубине 70 см.

Черепок этот лежал в горизонтальном положении. Над ним располагались кремневые отщепы и пластинки, рядом находились раковинные бусы, а глубже снова шел обычный для данной ямы материал: пластинки с затупленной спинкой, ножевидные пластины, бусы из раковин.

Второе углубление или, вернее, небольшая карманообразная западина в скале, находилась рядом с первым, всего лишь на расстоянии 50 см от его края. Оно было не столь глубоко и расплывчато в своих очертаниях. Пятно это состояло как бы из нескольких отдельных углублений, слившихся вместе краями. В каждом из таких малых чашевидных углублений было много раковинных бус, в том числе окрашенных охрой-кровавиком в малиново-красный цвет. Охристую расцветку можно было наблюдать в самом заполнении таких карманов.

Кремня в этом втором углублении найдено значительно меньше, чем в первом. Наиболее интенсивно окрашенные охрой бусы находились в самом основании, на дне углубления. Здесь они располагались совершенно определенным образом: группами, рядом друг с другом и одна над другой.

При зачистке первого углубления выяснилась характерная особенность ее заполнения.

К уступу скалы, образовавшему крутую стенку, с западной стороны ямы наклонно примыкали небольшие плитки известняка. Одна из них, размером 20×15 см, была, повидимому, обожжена, так как в отличие от других имела белый цвет и рыхлую поверхность. Вторая такая плитка лежала у ее нижнего конца в горизонтальном положении, перекрывая собою плотный суглинок с беловатыми включениями частиц

известняка. Цвет суглинка был желтовато-розовый. Плитка эта находилась на глубине 40 см от верха ямы и на высоте 30 см от ее дна.

Верхние плиты, находившиеся в наклонном положении, очевидно, оползли с бокового ограждения ямы. Оттуда же сползла, несомненно, и горизонтальная плита, вероятно, входившая в состав очажного сооружения типа заслона.

При углублении раскопа до дна ямы выяснилось, что именно здесь и находилась основная масса раковинных бус. Они почти сплошь покрывали дно ямы тонким слоем, залегая под плотным розоватым суглинком и в самой нижней его части. Кремня на дне ямы очень мало; он, как уже отмечалось, сосредоточен был преимущественно на глубине 40 см в средней части ямы, т. е. под отмеченными плитами известняка и на их уровне. Вместе с бусами встречались преимущественно обломки пластинок с затупленной спинкой.

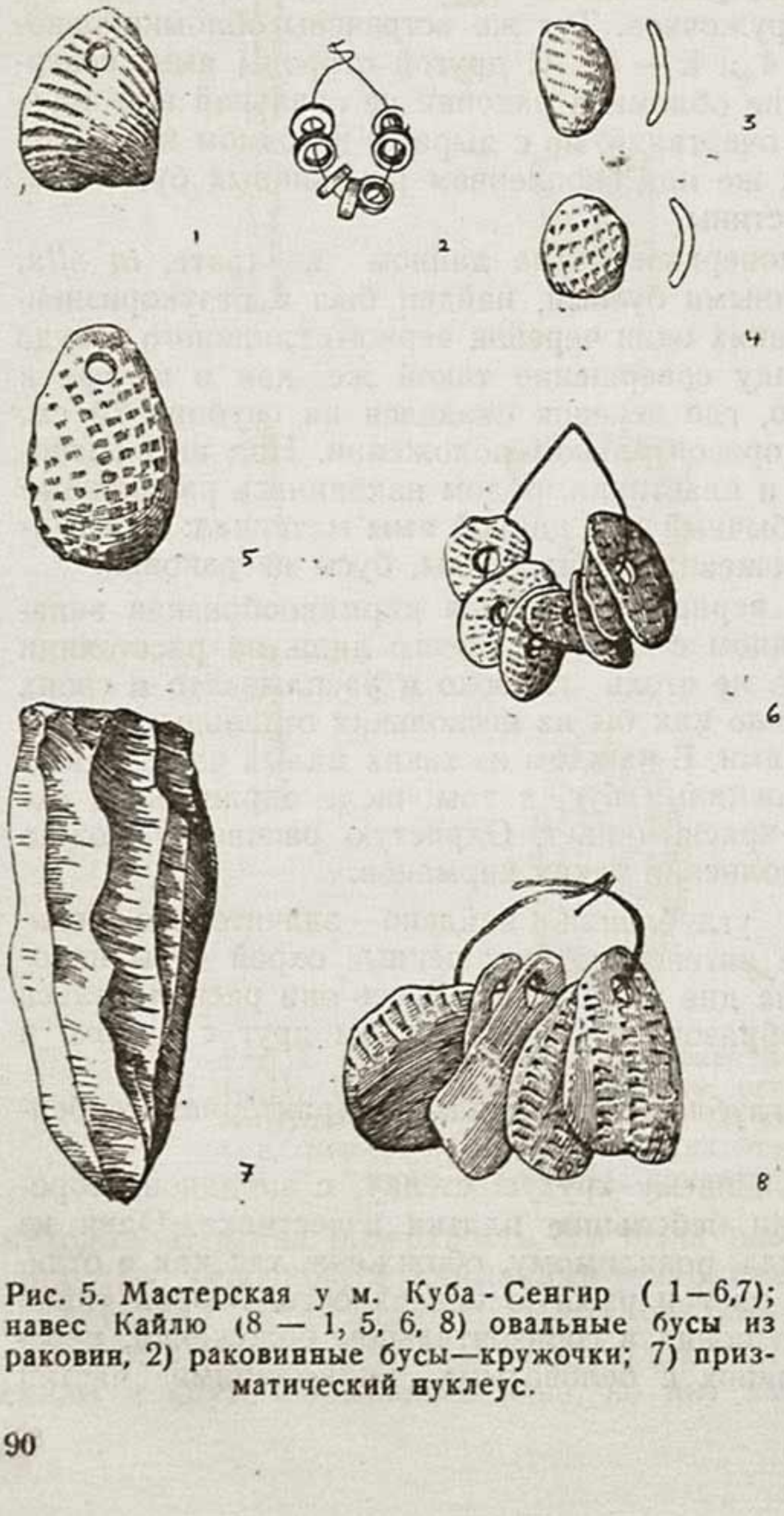


Рис. 5. Мастерская у м. Куба-Сенгир (1—6,7); навес Кайлю (8 — 1, 5, 6, 8) овальные бусы из раковин, 2) раковинные бусы—кружочки; 7) призматический нуклеус.

Особенно густое скопление раковинных бус оказалось вдоль отвесной стенки ямы, у подножия уступа известнякового массива. Бусы располагались тут в виде сплошной узкой полосы вдоль наиболее глубокой части пола западины, т. е. в направлении с ЮВ на СВ. Скопление бус начиналось на ЮВ большим количеством мелких рассеянных бусинок из раковин, имевших овальную форму и отверстие на одном из концов овала. Этих бусинок оказалось тут более 30. За тем шли более крупные овальные бусы, хорошо отделанные, а также несколько более мелких, расположенных в большинстве случаев плашмя. За ними была прослежена великолепно сохранившая свое первоначальное расположение прядь бус второго типа в виде массивных маленьких кружочков бе-

лого цвета. Около этой пряди находилось еще 5—6 больших овальных бус, стоявших на ребре. Далее за ними тянулась рассыпанная прядь более мелких округленных раковинных бус-пластинок овальной и круглой формы, лежавших плашмя. Сбоку от них еще уцелела малая прядь тех же самых бус, но уже поставленных на ребро (6 шт). В стороне от них уцелело две малых и одна очень крупная бусина, находившаяся в наклонном положении.

После небольшого перерыва снова обнаружена была одна большая бусина и рассыпанная прядь более мелких бус. В 5 см выше их лежали 3 малых бусы 2-го типа и 2 больших, нависавших сверху над отмеченной выше прядью, обе — вверх блестящей наружной поверхностью. Рядом с ними, но уже на самом дне ямы, на плотном и очень твердом беловатом суглинке, под которым находилась морская галька, лежало изолированное скопление раковинных больших бус. Скопление это начиналось совершенно отчетливо сохранившейся прядью овальных бус, лежавших на ребре и плотно прижатых друг к другу широкими поверхностями (7 шт.). Все эти бусы были обращены блестящей поверхностью в одну сторону.

Затем обнаружено рядом с ними еще две небольших крупных бусины с отверстиями в центре и целый пласт из лежавших друг на друге плашмя крупных бусин, имевших в общем вид своего рода «чешуи», так как соседние бусы взаимно перекрывали друг друга краями. Все бусины из этого скопления были интенсивно окрашены охрой в красный, или, вернее, темномалиновый цвет с вишневым оттенком. Охра покрывала бусы снаружи тонким красочным слоем.

Отдельно лежали рядом две бусины. Особое скопление более мелких бус залегало в 15—20 см в сторону от только что описанного скопления, около восточной стены ямы. Но здесь уже такого определенного и четкого порядка в их расположении установить не удалось. Все эти бусы лежали плашмя на пространстве 10×20 см и тоже оказались с внешней стороны густо окрашенными охрой.

Общее впечатление от бус, обнаруженных при расчистке ямы, таково, что верхние из них как будто оплыли сверху в процессе постепенного заплывания ямы, но отчасти сохранили при этом тот порядок, в котором находились прежде.

Порядок этот лучше всего наблюдался в самых маленьких бусах второго типа, полностью сохранивших свое расположение прядями.

Верхние бусины могли также свалиться с крутого уступа, будучи еще нанизанными на нить. За это говорит наличие их на всех уровнях ямы: от самого верха до дна. На дне же ямы они могли лежать запрятанными или положенными с самого начала в том порядке, в каком были оставлены древними хозяевами.

Дальнейшая расчистка бус в процессе снятия верхней части всего их скопления дала еще ряд интересных наблюдений, уточняющих и детализирующих общую картину.

Как оказалось, под первой прядкой бус второго типа уцелела вторая такая же, но расположенная не прямо под ней, а несколько сбоку от нее, и изогнутая в одно колено. Она является, повидимому, прямым продолжением первой прядки, но провисшей глубже в землю на 2—4 см и состоявшей из 32 бусинок.

В изолированной группе раковинных бус на кв. С — 3 мелкие бусины из раковин стояли вертикально, т. е. на ребре, и образовывали превосходно выраженную прядь бусин, как будто бы еще нанизанных на нить.

Все эти бусины располагались по одной линии; почти у всех отверстия приходились вверху и только у трех бусин они помещались снизу, что можно объяснить скручиванием всей пряди вокруг общей продольной оси.

В дальнейшем этот простой и естественный порядок расположения бус был несколько затемнен и спутан, так как бусины лежали там плашмя и на большом пространстве, не прижатые тесно друг к другу боковыми плоскостями.

Но, тем не менее, и здесь хорошо было видно, что бусы следуют друг за другом в одном направлении — по одной прямой линии. В конце пряди располагались уже не мелкие бусы, а более крупные куски раковин, остроугольные, а не округлые. Это — настоящие бусины-заготовки, но с отверстиями. Однако даже и эти последние все же составляли часть общей пряди, будучи, видимо, нанизаны на конец одной общей нити.

Все бусины данного скопления лежали непосредственно на сцементированном гипсовыми включениями плотном суглинке (не супеси), который покрывал морскую гальку. Они, следовательно, находились на самом дне углубления. Всего лишь в 2,5 см от них шла вглубь уже чистая, ничем не сцементированная морская галька с примесью крупнозернистого песка.

Еще глубже, по широкой трещине, обнаружились крупные валуны, великолепно окатанные морем. Размер их равен 30×25, 25×20 см. Характерно, что валуны эти имели одну сторону выпуклую, а другую плоскую и именно последней, плоской стороной они были обращены вверх, а вупуклой — вниз. Отсюда следует предположение, не были ли они намеренно уложены человеком так, чтобы выровнять дно углубления и тем самым образовать его ровный пол.

Нельзя не отметить также и некоторых частных деталей, выявленных при окончательной расчистке западной крутой стенки западины. Как оказалось, непосредственно под поперечными плитами, лежавшими вверху, и под мелкими плитками, свалившимися сверху, снова были встречены в непосредственном соседстве со скальной поверхностью относительно крупные отщепы из кремня. Отщепы эти, как уже отмечалось выше, должны были скорее всего попасть сюда сверху, с уступа, на котором производилась работа. Обожженные же плиты, под которыми они лежали, могли быть остатками очага, возле которого велась обработка кремня у края самой ямы.

Рядом с отщепами здесь лежал и единственный, но очень характерный по следам употребления и форме, отжимник в виде грушевидной галечки с выщербленными при ударах или нажиме на твердый кремень концами.

Вместе с кремнями, носящими признаки искусственной обработки, здесь же обнаружено несколько мелких раковинных бусин. Часть их находилась между плитами и скальной поверхностью — стенкой ямы; часть прямо под плитами.

В общем, следует сделать вывод, что находки связаны были с естественным углублением, огражденным с запада скалистой стенкой-уступом. Дно углубления было дополнительно расчищено и расширено человеком. Оно имело вид овальной впадины. Сверху яму могла перекрывать крыша типа навеса, более или менее обширного. Сбоку, за шалашом или на уступе его углубления, мог помещаться очаг и место, где обрабатывался кремень.

Это было, таким образом, временное убежище небольшого размера, где выделывались бусы из морских раковин. Там, на дне углубления, они и лежали в момент раскопок.

Часть же бусин лежала, видимо, на уступе, где был очажок, и оттуда сплыла вместе с кремнем в глубь западины.

Работы на 40-м и 41-м км. На 40-м и 41-м км от Красноводска к Ашхабаду в обширной прибрежной низине параллельными рядами тянутся древние останцы размыва, расположенные по краям обширной древней долины-сая, уходящего далеко в глубину страны. Это была как бы целая широкая река, но только лишь заполненная не водой, а галькой, блестевшей под солнцем.

Останцы имеют вид пирамидальных возвышений с узкой площадкой наверху и довольно крутыми склонами. Вверху на них видна щебенка и галечник. Глубже прослеживается слой зеленоватой глины без гальки. Высота останцов над уровнем древней долины равна 4—5 м.

Находки концентрируются непосредственно у подножия останцов, но не на площадках их. Они есть и на небольших террасовидных уступах размытого основания останцов, слегка перекрытого галькой.

В гальке здесь вообще очень много кремневых голышей, в том числе расщепленных под влиянием естественных причин. Все эти желваки имеют неправильную форму, фасетки их грубые.

Всего отмечено 4 пункта с находками, но все эти пункты расположены невдалеке от линии железной дороги, главным образом, в 50—100 м к северу от нее. Их нет совершенно к югу от полотна железной дороги, где кончается 6—8-й м террасы и начинается более низкая песчаная равнина.

Следует особо отметить, что на поверхности останцов виден довольно значительный покровный пласт загипсованной глины, одевающий их своего рода плащом.

В подъемном материале с этого местонахождения преобладают слегка оббитые желваки и пластинчатые сколы с уцелевшей на них желвачной коркой. Здесь, должно быть, производилась первичная отборка и черновая обработка кремневого материала, который и уносился затем в другие места. В числе кремней, собранных здесь, поэтому, почти совершенно отсутствуют законченные изделия. Это связано несомненно с бесспорным изобилием сырого кремня, что, по словам В. В. Шумова, характерно и для района колодца Янгаджа, находящегося вблизи этих мест, но не посещенного нами из-за недостатка времени.

Кремень с 40-го и 41-го км разделяется по своему характеру на две группы:

а) более древняя группа: кремень темносерый с особыми пятнами белого цвета. Есть дисковидные нуклеусы, весьма архаические по типу отщепы и грубое скребло мустьерского типа;

б) более поздняя группа: кремень светлых тонов, слабо или вовсе не покрытый патиной. Есть пластинки узкие и тонкие, правильных призматических форм. Имеются призматические нуклеусы.

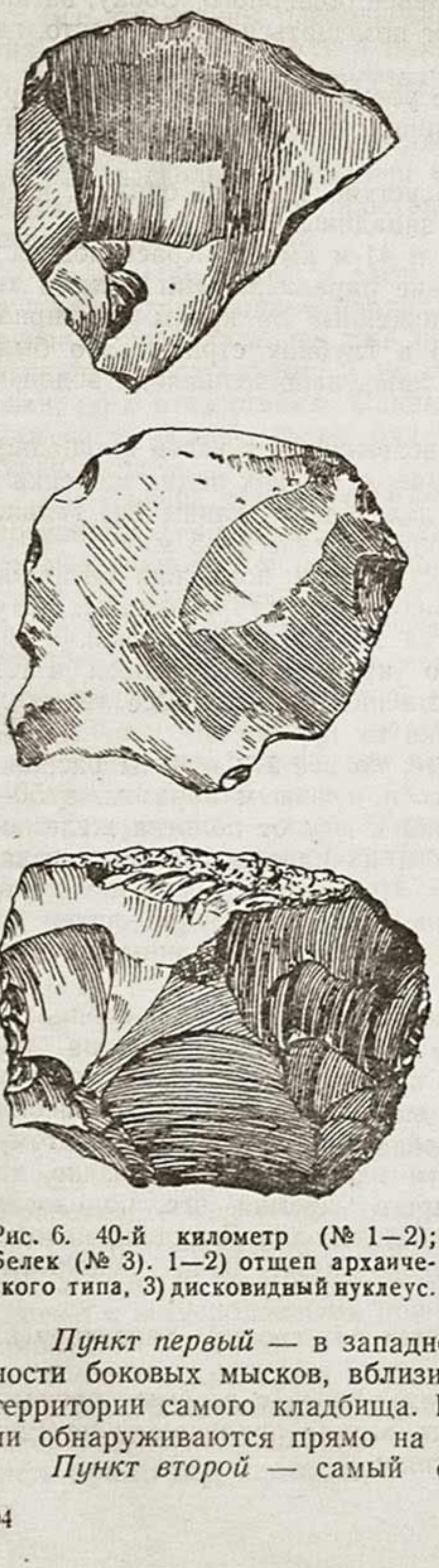


Рис. 6. 40-й километр (№ 1—2); Белек (№ 3). 1—2) отщеп архаического типа, 3) дисковидный нуклеус.

23—24.X.

Колодцы Куртки, в 3—4 км к северу от м. Кара-Тенгир. Колодцы находятся в приустьевой части обширной, хотя и довольно узкой сухой, долины, с хорошо выраженным руслом и террасовидными уступами вблизи устья и далее в глубь плато. Археологические находки в районе колодцев Куртки связаны преимущественно с ее приустьевой частью, т. е. с имеющимися здесь террасовидными уступами и плечиками-мысами, которыми возвышенность обрамляет место выхода древней долины на низину.

Высота этих мысов над уровнем дна долины около 10 м. Находки, как и всюду в других местах, обнаруживаются прямо на голой поверхности пустынной степи, покрытой щебнем—выносом из долины и сносом с ее склонов,—частично же являющимся результатом своеобразного „обогащения“ щебенкой вследствие вымывания дождями и развевания ветром глинисто-песчаной толщи.

Исключение составляет пункт с находками у мусульманского кладбища, где кремни были выброшены из земли при рытье могил и находились, следовательно, сначала в глубине, в песчано-глинистой почве правого мыска долины. Возможно, что здесь был и культурный слой.

Общее расположение отдельных пунктов с находками каменных изделий в районе колодцев Куртки (находящихся в низине, на дне долины) таково:

Пункт первый — в западной приустьевой части долины, на поверхности боковых мысков, вблизи кладбища и, как уже говорилось, на территории самого кладбища. На боковых мысках обработанные кремни обнаруживаются прямо на щебенчатой поверхности возвышенности.

Пункт второй — самый отдаленный от устья долины, выше ко-

лодцев, на террасовидной возвышенности, имеющей вид широкой площадки, между главным руслом и первым от устья боковым ответвлением долины.

Пункт третий — на пологого опускающемся вниз склоне возвышенности с восточной стороны долины; но уже в области приустьевой части равнины. Обработанные человеком кремни гуще всего рассеяны на узкой террасовидной площадке, прилегающей к полосе эолового песка и заросшей яркозелеными свежими кустами солянки.

Пункт четвертый находится к северу от третьего пункта, на возвышающемся над ним пологом склоне долины. Находки редки и немногочисленны.

Пункт пятый—рядом с пунктом четвертым, к западу от него, но уже в ложбине.

На 55-м км у моста перед древним каспийским валом обнаружено несколько отщепов. Находки встречены на поверхности невысокой террасы (5—6 м над прикаспийской низиной). Судя по расцветке кремня и отсутствию патины, находки эти поздние (неолитические).

Рис. 7. Куртки 1, 2, 4, 6,) скребки, 3—5) нуклевидные орудия.

К востоку от ст. Белек, где к линии железной дороги подходит на 88-м км тянущаяся от г. Красноводска цепь скалистых возвышенностей с круто опрокинутыми слоями, у начала большой котловины Белека, в которой геологами из экспедиции Н. П. Луппова были собраны отдельные кремни, у пещерок в скале нами также поднят один дисковидный нуклеус из хорошего по качеству кремня.

К югу от скал, где имеется древний галечный вал, на поверхности последнего собрано несколько отщепов. Отщепы собраны в том месте, где вал прорезается выемкой железной дороги, на самом валу и на прилегающей к нему террасовидной площадке. Отщепы эти почти не покрыты патиной и, следовательно, не могут быть очень древними. Возраст их, скорее всего, неолитический или эпохи бронзы.

На 89-м км вдоль линии железной дороги, к югу от ее полотна, на останце размытой древней террасы в виде овальной гряды, возвышающейся над окружающей сырой засоленной равниной, собраны об-

работанные кремни и керамика, но последняя — позднего типа (средневековая?). Обращает внимание тот факт, что здесь абсолютно преобладает уже не светлосерый кремень, как это было раньше, а очень характерный кремень густого черного цвета.

На 90-ом км вдоль линии железной дороги в тех же самых условиях встречены аналогичные по общему облику и составу находки.

25.X. Джебел

К востоку от ст. Джебел к Прикаспийской низменности круто обрывается северный склон хребта Большие Балханы, выступающего здесь в виде колоссального мыса. Склоны последнего издали имеют со всех трех сторон вид почти отвесных уступов и образуют против Джебела каньонообразную впадину, у подножия которой видны массивные глыбы известняка, остатки обвалившихся навесов и гротов, образование которых зависит от характера и чередования слоистых толщ хребта (чередование рыхлых и плотных ярусов).

Один небольшой сравнительно грот уцелел лучше остальных. Очертания его в плане почти прямоугольные, потолок плоский, опускающийся в глубь грота ступенчатыми уступами-плитками, выступающими одна над другой.

Вглубь грот суживается и разветвляется на две небольших боковых ветви. Ветви эти соответствуют трещинам, уходящим далеко в глубь известнякового массива, где они образуют особые небольшие помещения-камеры. На стенах этих расщелин видны отложения известковых натеков. Такая же сталагмитовая корочка имеется и в других, более мелких расщелинах. Она свидетельствует о том, что тут раньше сочилась вода, хотя сейчас ни одной капли воды в гроте нет.

К ЮЗ грот открывается в виде широкой ниши с округлым сводом. Наибольшая высота ниши снаружи в средней части ее 10 м, далее потолок грота, как сказано, снижается. У входа лежат большие глыбы камня, упавшие с разрушенного временем края навеса, прежде значительно дальше выступавшего наружу.

Наибольшая ширина ниши у входа — 9 м; глубина (длина ее) до разветвления равна 7,5 м, ширина на месте разветвления — 4 м. Длина (глубина) одной ветви — 4 м, второй — 1,2 м.

Пол грота начинается от завала у входа и полого поднимается в глубь грота, но подъем этот очень незначительный. На поверхности грота имеются следы недавнего пребывания людей; в том числе осколки бутылочного стекла, свежие кости животных и фрагменты глиняных сосудов XIX — XX вв. Тут же, на поверхности грота, впрочем, видна кое-где и более ранняя, грубая керамика. У западной же стены грота встречены черепки и еще более грубой глиняной посуды.

Три небольших и неглубоких шурфа (0,5×0,5 м) показали, что в глубине грота на его поверхности зольный слой очень плотен и как будто сцементирован известковым натеком. У входа такая корка исчезает целиком.

Вглубь, ниже корки, залегает рыхлая масса культурного слоя, совершенно сухого сверху. Она состоит преимущественно из золы и мельчайших угольков. В шурфе № 1, на глубине 30—40 см от поверхности, встречена одна хорошей формы ножевидная пластинка.

В шурфе № 2, на глубине 40 см, найден типичный скребок «высокой формы», отщепы и мелкие косточки.

В шурфе № 3, на глубине 25 см, обнаружены жженые кости от панцыря черепахи с глубокими, очевидно, орнаментальными нарезками по краю.

Учитывая эти находки, свидетельствующие о заселении грота в прошлом людьми, пользовавшимися каменными орудиями, углубление шурфов прекратили и вновь засыпали их землей.

В 1,5 км к западу от Джебела, рядом с железной дорогой, на заново развеваемых песках, у края небольшого такыра в дюнных котловинах встречены каменная терка, несколько отщепов, грубые черепки глиняного сосуда.

К СВ от Джебела, в 1—1,5 км по дороге к пещере, у кладбища, на останце террасы поднята одна ножевидная пластина. Более там ничего не оказалось, несмотря на тщательные поиски.

Грот Дам-Дам-Чешме. Ущелье Дам-Дам-Чешме находится в южных склонах гор Большие Балханы, обращенных к Каспийскому морю и приморской низменности. Склоны эти рассечены рядом ущелий, в том числе глубоких и длинных.

То ущелье, с которым связана пещера, короткое и неглубокое; рядом с В находится второе более длинное ущелье, сначала широкое и просторное, а затем резко суживающееся, в виде каньона. В нем тоже имеется пещера.

Третья пещера находится к З от грота Дам-Дам-Чешме. Образование всех этих гротов связано с наличием здесь в основании мощной толщи Балханских гор свиты плотных слоистых известняков, образующих своего рода массивную плиту, над которой и ниже ее помещаются более рыхлые слои, сильнее подвергающиеся выветриванию. Далеко выдавшиеся вперед выступы этой «плиты», однако, под своей тяжестью обрушиваются и падают вниз, нагромождаясь огромными блоками по большей части прямоугольной формы.

С таким выступом, замыкающим короткое ущелье Дам-Дам-Чешме (длина ущелья 300 м), и связана пещера Дам-Дам-Чешме, которая представляет собою обширное углубление в отвесной северной стене ущелья. Издали пещера кажется небольшой и неглубокой дугообразной нишей. Это объясняется тем, что северный конец ущелья и бока его завалены глыбами обвалившихся участков скалистой «плиты». Высота завала у самого входа в пещеру равна 2—2,5 м.

Высота дугообразной ниши пещеры достигает 10—12 м; вглубь потолок ее снижается, но не круто, а плавно рядом уступов. В самом конце пещера переходит в низкую щель, высотою до 60—80 см, и там с ее внутренней стены постоянно сочится вода, образующая в специально выкопанной яме озерко чистой прозрачной воды — источник жизни для всего окрестного населения. Отсюда берут воду соседние туркмены и сюда же пригоняют они на водопой свой скот: верблюдов, коз и овец.

Пол пещеры ровный, почти горизонтальный, а в середине даже с легким понижением к северной стене, где и находятся две ямы — одна сухая, вторая с водой. Сухая яма обложена камнями, хворостом и приспособлена для ловли куропаток.

С целью получить полное представление о характере культурных отложений грота и, тем самым, отправную базу для раскопок грота,

рядом с тем шурфом, из которого В. В. Шумов извлек нуклевидное изделие, нами была заложена поперечная траншея, шириною 1 м и длиною 10 м.

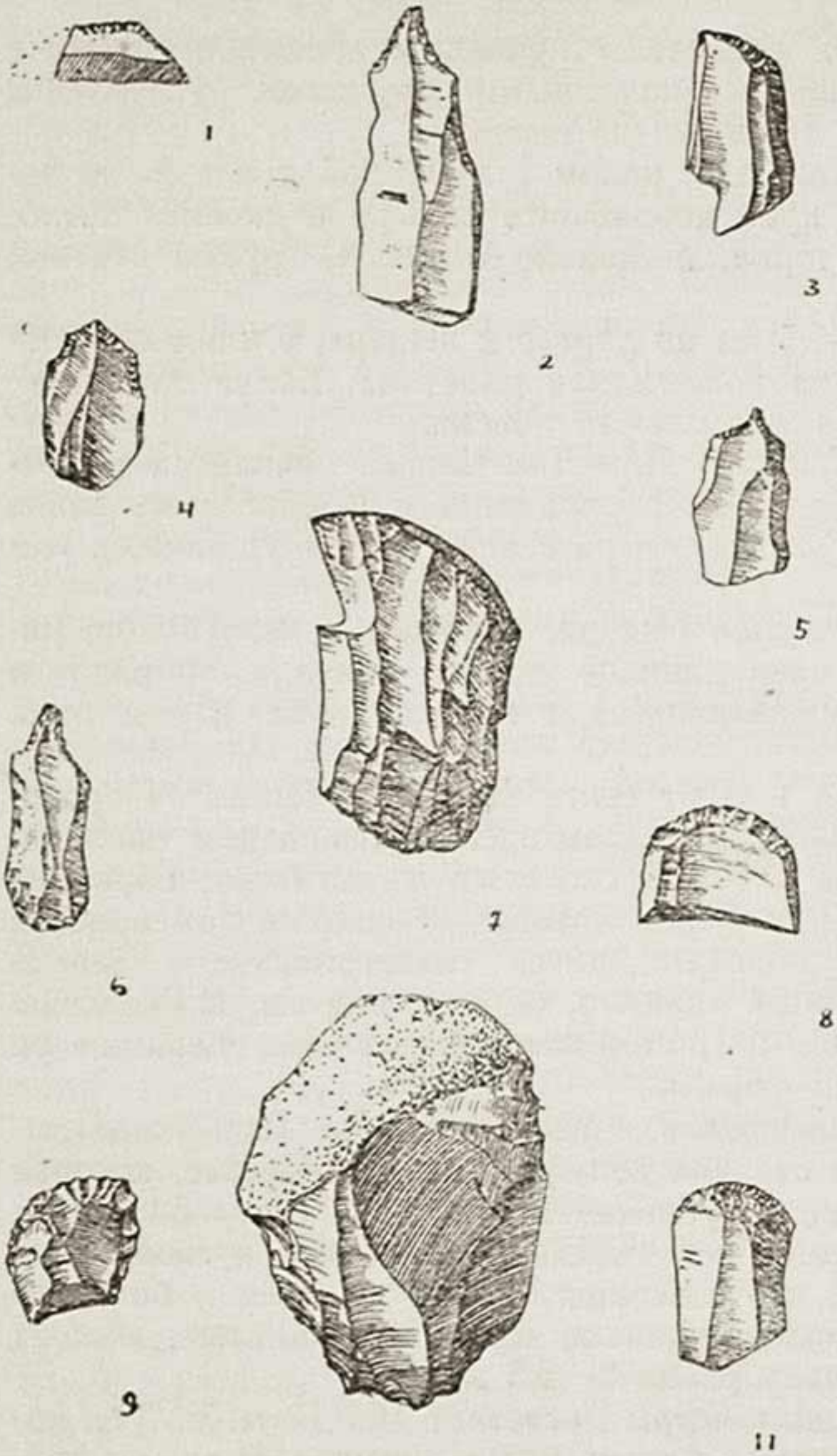


Рис. 8. Дам-Дам-Чешме; микролитический слой
1) сегментовидное изделие, 2, 4—6) проколки,
3) скошенное острие, 8, 9, 11) скребки,
7, 10) нуклевидные орудия.

В траншее вскрыты следующие отложения:

Первый слой — пылеватая супесь с камнями. В ней часто встречается бутылочное стекло, современная керамика. Это слой выветрившегося навоза, смешанного с пещерным суглинком и пылью, 10 см.

Второй слой интенсивно черного цвета, изобилует древесным углем и золой. В нем много жженых плиток известняка. В сущности, — это сплошная углисто-зольная масса. Мощность его 50 см. В нем изредка встречаются кости животных в мелких обломках, кремень (отщепы, одна пластинка).

Третий слой коричневато-бурого цвета. Отделен от вышележащего углистой очажной прослойкой мощностью 5 см. В слое этом, вместе с обломками костей найдена, серая и черная лощеная керамика типа Ак-тепе. Мощность слоя 20 см.

Четвертый слой представляет собою уже не углистую массу, как слой третий, а супесь, изобилующую щебенкой. Цвет его, поэтому, не черный, а желтовато-серый. Щебенки больше в верхней части слоя чем в нижней. В нем довольно много отщепов кремневых, костей животных (мелкие обломки). Кости все густо облеплены суглинисто-известковой корочкой. В четвертом слое часто встречается черная лощеная керамика высокого качества. Вместе с ней обнаружен один кремневый наконечник стрелы с овальным насадом,

такой же, как известный наконечник из Анау III. Мощность слоя — 15—20 см.

Пятый слой отделен от четвертого углистой прослойкой. На уровне основания слоя прослеживаются тонкие и сильно разрушенные от времени плиты скального завала, расположенные наклонно. В связи с ними проходит очень ясно выраженная очажная прослойка на протяжении 2 м в длину (вдоль траншеи). В ней много мелких кусочков докрасна обожженных костей животных, кремни. Большая часть последних обнаружена именно здесь. Основная масса слоя — щебенка в супеси. Количество щебня заметно увеличивается вниз по склону, т. е. к выходу из грота. Мощность — 35 см.

Шестой слой залегает в глинистой супеси, очень тонкой, как бы отмученной. Скорее это даже не супесь, а суглинок светложелтого цвета. В нем проходит слой древнего огнища — без угля, отличающийся только лишь наличием мельчайших жженых косточек и более темным, слегка красноватым оттенком. Крупного щебня в слое вообще нет.

Глубже у стены грота прослежен пласт зеленой плотной глины. Как оказалось, пласт этот связан с одним из первоначальных этапов истории грота. Он является остатком иловато-глинистых отложений водного бассейна, стоявшего когда-то в пещере. В нем медленно осаждались минеральные частицы, наслаивавшиеся в течение длительного времени. Такая же картина наблюдалась и в Тешик-Таше, где, впрочем, было несколько стерильных иловатых прослоек, но небольшой мощности.

Затем произошел размыв илистого слоя, и он был срезан наискось, уцелев только лишь у задней стены грота. Сверху на него свалились плиты известняка со свода, которые и легли по готовому откосу наклонно. Толщина их не более 20—25 см. К этому завалу примыкает масса супеси и щебенки, заполняющая горизонтальным слоем пещеру, начиная со слоя шестого (глубже, как уже указывалось выше, раскоп продолжен не был).

По окончании работ в поперечной траншее заложен был небольшой пробный раскоп и в восточной части грота, где шурф В. В. Шумова не дал находок, нами при тщательном осмотре пола грота обнаружено несколько мелких отщепов и одна превосходная пластинчатая проколка с клювовидным острием.

Раскоп показал, что здесь имеется чрезвычайно интересное скопление культурных остатков, залегавших, как это ни странно на первый взгляд, начиная сразу же с поверхности.

Находки, т. е. изделия из камня и обломки костей, связаны были с древним очажным слоем красновато-бурого цвета, находившимся в рассыпчато-пылеватой супеси желтого цвета. Слой этот был, несомненно, обнажен от покрывавших его некогда с поверхности отложений. Он лучше сохранился в восточной повышенной части грота и хуже в средней его части.

Слой с находками подстилается разрушенными с поверхности плитками камня. Кремни залегают в нем отдельными гнездами-скоплениями и рассеяны на отдельных уровнях на глубине 0,3—0,25 м.

Замечательно при этом, что в самом огнище кремня почти нет; он залегает или под огнищем, или над ним. Вместе с кремнями найдены обломки раковин и морских лилий (?), а также один человеческий зуб.

Есть жженые косточки. Из костей животных встречены зубы и обломки челюстей джейрана.

Инвентарь очень выразителен и ярок: сегменты крупные и мелкие, концевые скребки, пластинки с затупленной спинкой и т. д., а также нуклеусы и нуклевидные орудия.

1 2 3 4 5 6 7 8 9

Рис. 9. Дам-Дам-Чешме. Микролитические изделия. 1, 3) пластины с выемками; 2) скошенное острие; 4, 5, 6, 8) сегментовидные изделия; 7, 9) концевые скребки.

Особо следует отметить, что внизу, под гротом, на террасовидной площадке у русла сая собраны обработанные кремни, керамика, в том числе глазурованная, нуклеус, два фрагмента каменного сосуда позднего типа.

В заключение следует отметить несколько пунктов, расположенных по дороге из Небит-Дага в Ашхабад.

За станцией Бала-Ишем, при повороте на объездную дорогу, по такыру вблизи останцов, поднята оббитая галечка из белого халцедона. Находка эта интересна тем, что в отличие от кремня, халцедон — материал здесь исключительно редкий.

У Кизыл-Арвата, в 15—16 км по дороге на Кара-Кала, имеется по расспросным данным пещера.

У селения Кодж в 36 км к ЮВ от Кизыл-Арвата и в 3 км к западу от названного селения (тоже по словам местных жителей) есть огромная пещера, куда может поместиться „700 баранов“. Из-за недостатка времени пещеры обследованы не были.

ВЫВОДЫ

Таким образом, как видно из приведенных выше данных, во время полевых работ осенью 1947 г. IX отрядом были осмотрены важней-

шие местонахождения каменных орудий, обнаруженные предшествующими исследованиями и открыт ряд новых пунктов, в том числе пещерных (Кайлю, Джебел).

Собран обширный и разнообразный материал, сильно расширяющий наши представления не только об этих памятниках, но и о всей вообще древнейшей истории Туркменистана и соседних с ним областей.

Особенно важно то обстоятельство, что, кроме следов древних временных стойбищ, на раздутой ветром поверхности, здесь, кроме грота Дам-Дам-Чешме, зарегистрированы культурные отложения *in situ* еще в четырех местах: Кизыл-Лае, Куба-Сенгире, Джебеле и Кайлю, причем в Куба-Сенгире оказался единственный в своем роде бытовой комплекс, с неожиданной яркостью осветивший не только общий уровень материальной культуры, но и быт оставивших его людей.

Новые материалы при этом не только существенно дополняют ранее выявленную картину, но и показывают ее во многом по-новому, в ином, чем прежде, более богатом, а вместе с тем и сложном виде.

Оставляя детальное описание и анализ находок до того времени, когда в ходе дальнейших полевых работ будут получены новые, более обширные данные, и, таким образом, выяснен ряд пока еще недостаточно ясных вопросов, нельзя, однако, не сделать некоторых общих выводов, вытекающих из наличного в настоящее время материала и фактов.

Первый вывод сводится к тому, что в прикаспийских районах Туркмении имеются следы человека очень отдаленного времени, не только верхнего, но и среднего палеолита. Прекрасные наконечники из Кас-кыр-Булака по своему характеру могут быть отнесены к классическим образцам технического мастерства людей мустьерского времени — не позже развитого мустье. К мустьерскому времени следует также отнести некоторые изделия из Джанурпа.

Очень интересны архаические отщепы, скребло и дисковидные нуклеусы, найденные на 40—41-м км по дороге из Красноводска в Ашхабад.

Таким образом, новые находки свидетельствуют, что, во всяком случае, уже в мустьерское время, т. е. в середине ледниковой эпохи, человек появился не только в горных областях Средней Азии, у нынешних Термеза и Самарканда, но и далеко от них, в пределах самой великой аллювиальной равнины Средней Азии, у древних берегов Каспийского моря.

В связи с этим особый интерес представляет впервые поднятый В. В. Шумовым вопрос о взаимоотношении древних поселений в Прикаспии с древними береговыми валами и террасами — вопрос, по-видимому, далеко не столь простой и легкий для разрешения, как это может показаться на первый взгляд.

Разрешение его в ходе совместной работы археологов и геологов, в сотрудничестве с представителями других родственных дисциплин, должно, во-первых, обеспечить геологическую датировку археологических находок в Прикаспии и увереннее поставить их в связь с аналогичными находками в других областях. С другой стороны, эти исследования могут содействовать более полному пониманию и всей четвертичной истории Средней Азии, в особенности Прикаспия.

Второй общий вопрос, встающий в связи с работами 1947 г., о памятниках верхнего палеолита в прикаспийских районах Туркмении. Как показывает ближайшее знакомство с теми памятниками, которые были ранее отнесены по сборам В. В. Шумова, П. И. Борисковским к верхнему палеолиту, в частности с Кизыл-Лаем, эта датировка нуждается в пересмотре.

Наиболее близки к верхнепалеолитическим, в собственном смысле этого слова, новые находки — из окрестностей колодца Куртки, где оказались крупные кремневые нуклеусы, с которых снимались большие и широкие пластины, не столь правильные как узкие пластинки более позднего времени. Там же были собраны кремневые скребки более архаического облика, чем изделия такого рода, обычные для поздних поселений, с «микролитоидным» по характеру инвентарем.

К следующему культурному этапу следует с полной уверенностью отнести яркий и выразительный комплекс находок, обнаруженных в восточной половине грота Дам-Дам-Чешме. Там оказались связанные с древним очажным пятном многочисленные кремневые отщепы, призматические нуклеусы, весьма совершенной формы; ножевидные пластины, правильной огранки; нуклевидные изделия, изящные проколки, скребки концевого типа, миниатюрные дисковидные скребочки, пластинки с затупленной (стесанной) спинкой. Определяющее значение для датировки этого комплекса имеют крупные сегменты, изготовленные из сечений кремневых пластин и оформленные характерной затупливающей ретушью вдоль выпуклого края. Судя по крупным размерам сегментов, наличию нуклевидных орудий и отсутствию типично тарденуазских форм мелких каменных изделий (трапеций, пластинок со струганной спинкой), находки эти должны быть отнесены к сравнительно раннему времени, не позже среднекапсийских или, в крайнем случае, позднекапсийских памятников Средиземноморья, азильских — в Западной Европе и на юге СССР.

Не меньший интерес представляют и, далее, те памятники, которые стали известны сначала по прежним сборам В. В. Шумова из Кизыл-Лая и других мест. Для определения возраста этих памятников решающее значение имеют наши находки в Кизыл-Лае у места, где полотно грунтовой дороги поднимается по склонам чинка к Сульмену, и мастерская у мыса Куба-Сенгир. В Кизыл-Лае под поверхностными находками каменных изделий, таких же, как в ряде других местонахождений Кизыл-Лая, на глубине 40 см вместе с ножевидными пластинами и отщепами оказались, как уже отмечалось выше, фрагменты грубой черной керамики. Особенно интересны находки у мыса Куба-Сенгир. На изолированном скалистом выступе у подножия колоссального обрыва плато оказалось древнее углубление, сплошь заполненное супесью, насыщенной культурными остатками. Последним присущ своеобразный и характерный состав, свидетельствующий, что здесь имеются следы не обычной стоянки, а мастерской особого рода для выделки украшений из морских раковин.

Основную массу находок составляют овальные бусины из раковин *Didachna sp.* с грубо просверленным биконическим отверстием на одном конце. Рядом с ними встречаются еще не просверленные бусины-заготовки и настоящие полуфабрикаты в виде остроугольных кусков раздробленных раковин. На самом дне углубления такие бусы лежали

почти сплошным слоем, группируясь так, будто они первоначально были нанизаны на какую-то нить в определенном порядке — одна за другой.

На многих бусах здесь очень ясно была видна в момент раскопок интенсивная окраска красной минеральной краской-кровавиком. Охрой окрашена была в той или иной степени и вся масса заполнения этой ямы.

Особо выделяются небольшие бусы, имеющие вид правильных толстых кружков белого цвета с отверстием в центре. Такие бусы широко распространены в древних культурах (Мариупольский могильник на юге СССР, серовские могильники Прибайкалья).

Каменные изделия представлены преимущественно фрагментами острий, изготовленных из пластинок с затупленной спинкой, найденными в большом количестве. Кроме того, найдено несколько кусков кремня, ножевидные пластины, нуклеусы и скребки. Состав изделий из камня вполне соответствует, таким образом, назначению мастерской. Обилие узких кремневых острий показывает, что они служили главными инструментами для изготовления бус из раковин; ими, очевидно, делали отверстия для нанизывания или пришивания бус. Скребки могли применяться для различных вспомогательных операций. Куски же кремня, нуклеусы и ножевидные пластины были исходным сырьем для изготовления кремневых острий.

У подножия скалистого обрыва мыса Куба-Сенгир находилось, следовательно, место работы мастера каменного века, занятого изготовлением бус из морских раковин; здесь была настоящая «ювелирная мастерская» глубочайшей древности.

Наличие такой мастерской — единственного в своем роде памятника для этих культур — бросает яркий свет не только на технику и материальную культуру, но и на эстетические вкусы и межплеменные отношения того отдаленного времени. Несомненная специализация в массовом изготовлении бус двух главных категорий, пользовавшихся, очевидно, большим спросом не только в Прикаспии, но и далеко от морских берегов, косвенно свидетельствует о зарождении каких-то широких межплеменных связей, хотя бы и этапных по характеру, но во всяком случае по своему масштабу выходивших далеко за узкие пределы какой-либо родовой общины.

Черты прогрессивного развития культуры отражены здесь и фактом раннего появления керамики.

Последняя имеет решающее значение для датировки всего комплекса находок. Это — обломки совершенно такого же, как и в Кизыл-Лае глиняного сосуда черного цвета. Значение такой грубой и чрезвычайно несовершенной по ее техническим качествам, на первый взгляд, очень невыразительной керамики для истории Средней Азии очень велико. Бесспорная связь ее с архаическим каменным инвентарем в Кизыл- Лае и в мастерской у мыса Куба-Сенгир показывает, что она несравненно старше самой древней в Средней Азии расписной керамики типа Анау I, сопровождаемой качественно иным по характеру каменным инвентарем.

Как для Кизыл-Лая, так и для мастерской на мысе Куба-Сенгир одинаково характерны микролитические по типу изделия, в особенности концевые скребки, исключительно правильных форм нуклеусы с узки-

ми фасетками и острия типа пластинок с затупленной спинкой, генетически восходящих к ориньякским остриям граветт.

Сочетание этих изделий с грубой и технически несовершенной черной керамикой показывает, что в виде последней перед нами, очевидно, древнейшая керамика Средней Азии и соседних с ней стран, хронологически и по характеру близкая к керамике позднейших капсийских поселений. Та же древняя культура бродячих охотников — собирателей степей и пустынь юга, с которой она связана, является подлинной основой, на которой с течением времени возникают высокие земледельческие культуры позднего неолита и ранней бронзы с крашеной керамикой.

Ранне-неолитические памятники Прикаспия, следовательно, снова указывают на различие основных путей и темпов вызревания неолита в разных странах Старого света, на своеобразие конкретно-исторического развития на юге — с одной стороны, и на севере — с другой.

К последующему времени в области Прикаспия могут быть отнесены находки в гроте Кайлю, а также, вероятно, в верхних слоях пещеры у Джебела и на одной стоянке вблизи колодца Усок, повидимому, синхроничные культурам Анау I и II, но отличающиеся от них отсутствием крашеной керамики и земледелия, чуждого этой пустынной и суровой области.

Наиболее же определенная хронологическая связь с земледельческими поселениями вдоль Копет-Дага устанавливается для верхних слоев грота Дам-Дам-Чешме, где вместе с обычным для культуры Анау листовидным наконечником стрелы обнаружены фрагменты темносерой лощеной керамики, аналогичной керамике холма Ак-тепе вблизи Ашхабада, находящего близкие аналогии в кругу древних памятников Ирана и Передней Азии.

Таковы в общих чертах основные результаты предварительных работ 1947 г. по изучению древнейших археологических памятников Прикаспия. Дальнейшие, более детальные и широкие по масштабам исследования древнейших археологических памятников Туркменской ССР несомненно принесут новые открытия и факты фундаментальной важности для понимания прошлого не одной только Туркмении, но значительно более широкой территории, с которой она была связана различными историческими узами на протяжении тысячелетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коллекция № 54 Музея антропологии и этнографии АН СССР.
2. Уваров А. С., Археология России, Каменный период, 1. М. 1881, стр. 383.
3. Коллекция № 2610 Музея антропологии и этнографии АН СССР.
4. R. Pumpelly, Explorations in Turkestan, Expedition of 1904, Prehistoric Civilisations of Anau, Washington, 1908, pl. 44, fig. 9, p. 166, fig, 384.
5. Борисковский П. И., К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана, Тезисы доклада на 5-й научно-исследовательской конференции АГПИ, Труды Ашхабадского государственного педагогического института им. М. Горького, вып. 1, 1947. Борисковский П. И., Палеолитические местонахождения в Туркмении, Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, вып. XVIII, 1947.

С. А. ЕРШОВ

ПОЛЕВОЙ ОТЧЕТ О РАСКОПОЧНЫХ РАБОТАХ ОТРЯДА № 1 ЮТАКЭ НА КРЕПОСТИ СТАРАЯ НИСА В 1947 г.

В плане работ I отряда в 1947 г. стояло:

1) закончить изучение верхнего, так называемого «Сасанидского» здания (по датировке производителей работ 30-х годов);

2) произвести расчистку со снятием до кирпичной вымостки пола здания № 1 (ранее именовавшегося «Мавзолеем») на площади, вскрытой раскопками в 1946 г. и частично в 1947 г. Здесь же, в восточной части, произвести шурфовку до материка;

3) выяснить характер и устройство предполагавшейся при работах 30-х годов платформы с внешней юго-восточной стороны здания № 1 (раскоп № 3).

Для осуществления поставленных задач отряд был разбит на две группы, из которых одна в составе археологов Е. А. Давидович, Б. А. Литвинского при двух коллекторах производила работы по окончанию изучения мнимого «сасанидского» здания и производству дальнейшего раскопа здания № 1, а другая во главе с начальником отряда С. А. Ершовым при двух коллекторах Ф. Хабибулиной и Т. Якушевой занималась выяснением характера и устройства «платформы».

Перед началом земляных работ обе площадки предварительно были сфотографированы, разбиты на квадраты (разм. 2×2 м) и прониве-лированы. На новой площадке № 3—4 дополнительно было разбито 8 квадратов, что составляло общую площадь, намеченную под раскопки, в 192 м². Нивелировочные данные раскопа № 3 были увязаны с основным репером раскопа № 2, 1946 г.

Работы на площадке № 3, начатые 10.IX и прерванные 16.X вследствие болезни начальника отряда, до конца доведены не были. Всего было затрачено 32 рабочих дня, из коих 8 дней ушло на относку земли от раскопок прежних лет (1934—1935 гг.). В общем на раскопку и расчистку площадки № 3 ушло 2690 человеко-часов. За это время рабочими было вынесено земли от раскопок 1934—1935 гг. — 58,7 м³ и вновь вынуто 136,6 м³, а всего 195,3 м³.

Раскопками 1947 г. установлено, что прилегающая к юго-восточной части здания № 1 территория оказалась не открытой платформой, как это предполагалось ранее, но занятой какими-то постройками. Пока на вскрытом участке не было обнаружено ни одного помещения, которое замыкалось бы четырьмя стенами. По своему устройству все эти постройки скорее напоминают собой какую-то сложную систему входов и выходов, возможно с длинными коридорами.

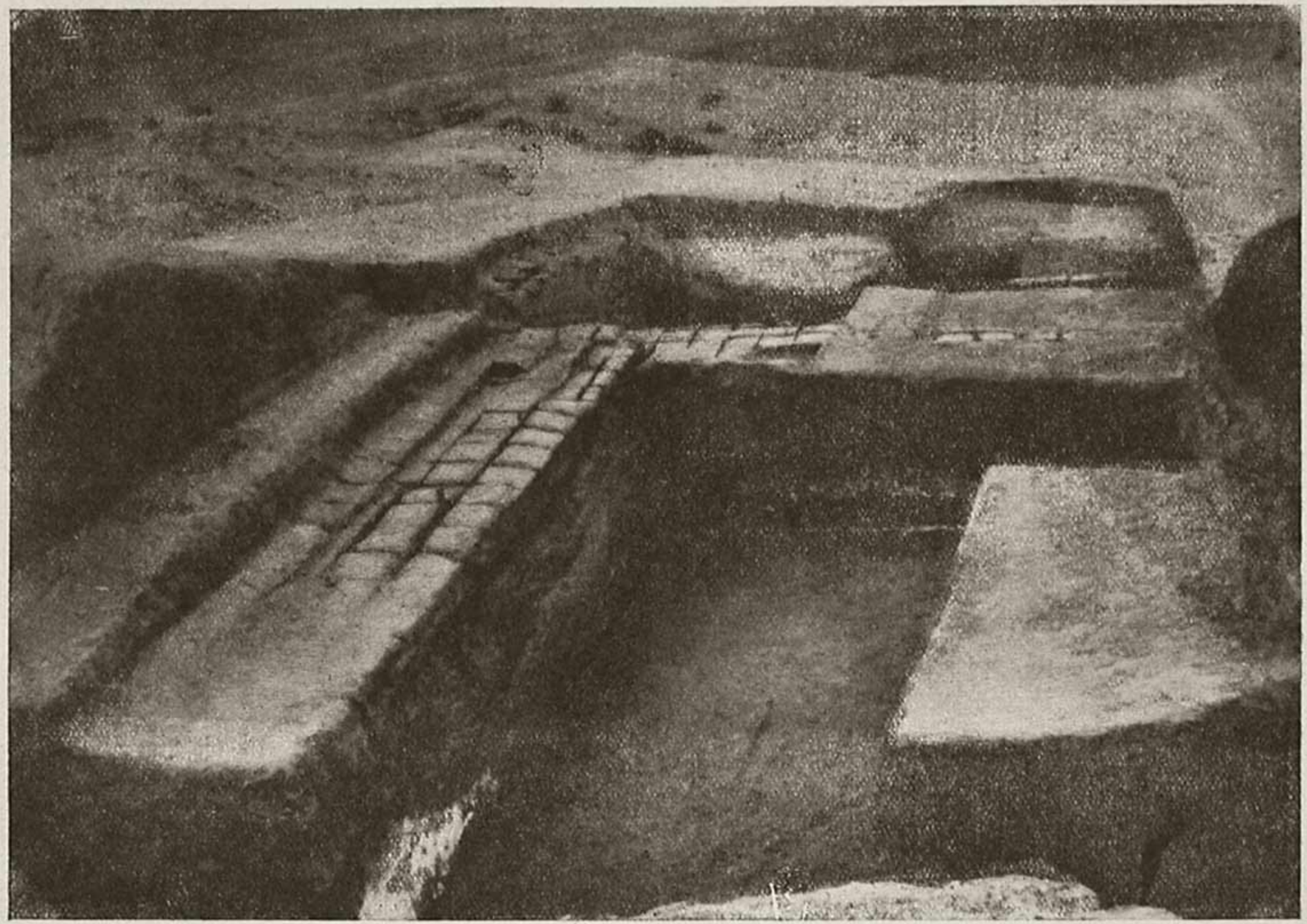


Рис. 1. Старая Ниса. Раскоп № 3.

От юго-восточной стены здания № 1 постройки эти начинаются в 10, 75 м и тянутся на юго-восток к древнему хаузу (водоему) и на юго-запад параллельно юго-восточной стене здания № 1.

Назначение обнаруженных сооружений осталось пока невыясненным.

Извлеченные при раскопках предметы составляют в основном неполивную красноглиняную тонкостенную (очень мало) и толстостенную керамику, обломки жженого кирпича, фрагменты черепицы, единичные фрагменты листов аканта и «метоп». Из числа находок особо выделяются фрагменты алебастровых плиток, из которых некоторые имеют следы красной раскраски с позолотой. Фрагментарность состояния этих плиток не дает возможности определить их назначение, но факт наличия на них позолоты говорит за то, что позолота, очевидно, широко применялась в архитектурном оформлении стен.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ 1947 г. НА ПЛОЩАДИ КВАДРАТНОГО ЗАЛА СТАРОЙ НИСЫ

Археологическое изучение Старой Нисы с постановкой раскопочных работ, в частности, на площади, занятой квадратным залом, начаты были в 1930 г. под руководством А. А. Марущенко, выделившим уже в результате работ этого года два культурных слоя, из которых верхний был датирован «сасанидской эпохой» [III—VII вв.], а нижний, представлявший собой развалины колонного зала, — «парфянской эпохой».

Дополнительное вскрытие производилось в 1931 г., но было прекращено из-за недостатка рабочей силы. Задачей археологического изучения в 1934 г., по словам А. А. Марущенко, было «установить план парфяно-сасанидских зданий, открытых в 1930—31 гг.», причем к концу осеннего полевого сезона и было «закончено выяснение плана зданий»[1]).

Основные итоги относительно устройства, датировки и назначения парфянского зала содержатся в статьях производителей работ А. А. Марущенко и С. А. Ершова, более подробные сведения — в газетных статьях[2]) и в работах других авторов, пользовавшихся рукописями или устными сообщениями производителей работ.

Суммированные краткие данные из этих статей позволили представить устройство парфянского зала в следующем виде: это было квадратное здание со стороной по внутреннему периметру в 16,8 м, а по внешнему в 28,4 м (т. е. толщиной стен около 6 м), с четырьмя четырехлопастными колоннами в центре (из которых были частично вскрыты две, а две реконструированы по симметрии) и полуколоннами в количестве шести вдоль каждой стены (из этих полуколонн частично или полностью были обнаружены три по восточной стене, пять по южной и лишь одна по западной, на основе чего и была дана общая реконструкция для всех стен). Над уровнем полуколонн проходила галерея. Входы располагались с западной (три) и с восточной (один) сторон, причем здесь же с восточной стороны были три небольшие комнатки, сделанные в толще стены. Стояло здание на трехметровом цоколе.

Назначение здания А. А. Марущенко определил в одной из своих обзорных статей, предложив считать его «наусом» — родовой усыпальницей Арсакидов[3]).

Как мавзолей, он фигурирует на чертежах, хранящихся в архиве Института истории, языка и литературы ТФАН, а в работе Г. П. Горшкова («Землетрясения Туркмении», М.—Л., 1947), пользовавшегося рукописью А. А. Марущенко, собственно погребальными камерами названы маленькие комнатки в толще восточной стены, что в устных сообщениях подчеркивал и С. А. Ершов.

Датировка квадратного зала определялась в пределах III в. до н. э. — III в. н. э.[4]), причем найденные там фрагменты статуй сближались с монетными портретами Фриапата и Фраата I (1-я пол. I в. до н. э.[5]).

Кроме такого формального и очень краткого описания устройства здания и его датировки, никаких сведений относительно истории сооружения, перестроек, ремонтов и разрушения, тем более отчетливой периодизации (хотя время функционирования его определялось пятью столетиями) в опубликованных статьях не оказалось, если не считать установившегося мнения, повторенного С. А. Ершовым еще в 1946 г.[6]), о том, что постройка эта погибла от землетрясения.

Поэтому по плану работ ЮТАКЭ в отношении квадратного зала предстояло решить следующие основные задачи:

1. Выяснить историю сооружения и дальнейшего существования здания за время его функционирования.
2. Установить причину его гибели и историю его разрушения.
3. Датировать периоды его функционирования и разрушения.
4. Уточнить и проверить путем вскрытия новых частей здания его план (поскольку план, представленный в результате работ 1930—1934 гг., во многом являлся еще плодом предположительной реконструкции).

Кое-что в этом направлении было сделано уже в 1946 г. (см. статью начальника I отряда С. А. Ершова «Отчет о раскопках, проведенных в 1946 г. на крепости «Старая Ниса»). В частности, обнажение части западной и северной стен уточнило план зала и его размеры, а расчистка одного раскрепованного пилястра с внешней стороны здания позволила С. А. Ершову заключить, что основное разрушение этой части постройки произошло уже во времена после арабского завоевания. Но решение всех остальных задач было перенесено на 1947 г.

Раскопки квадратного зала в отчетном году осуществлялись группой в составе ее начальника — археолога Е. А. Давидович, археолога Б. А. Литвинского и коллекторов В. М. Массона и Н. Б. Немцевой. Группа организационно входила в состав I отряда по изучению Старой Нисы в целом, возглавлявшегося С. А. Ершовым. Научное руководство осуществлял М. Е. Массон[7]).

Выемка земли производилась по квадратам (2×2 м²) и ярусам (50 см). В процессе работ младшие сотрудники вели поквадратную опись, а старшие — дневники раскопа. Общая площадь раскопа 1947 г. (132 м²) составляет немного менее половины всей площади квадратного зала. Выемка земли, начатая с разного уровня, везде была произведена до верхнего ряда кирпичной кладки платформы, сквозь которую до ее основания были заложены также два контрольных шурфа. Кроме того, небольшие зачистки сделаны в маленьких помещениях с восточной стороны квадратного зала, вскрытых до уровня несколько выше их полов, работами 1930—1934 гг.

Описание квадратного зала

Платформа. Шурфы № 1 и № 2 (см. планы на рис. 10—11 и профиль на рис. 13) вскрыли мощную платформу, сложенную из сырцо-

вого парфянского кирпича (обычного, уже не раз упоминавшегося размера[8]). Над естественным грунтом материка находилась прослойка 15—18 см толщины, большой плотности, с известковой слоистостью, утрамбованная, несомненно с применением воды. Уже над этим в шурфе № 1 возвышалось 12 рядов кирпича, общей мощностью около 2,20 м, а в шурфе № 2—14 рядов кирпича, мощностью около 2,50 м. Таким образом, с очень небольшим наклоном с запада на восток (30 см на протяжении 7—8 м), платформа оформляла всю площадь квадратного зала (а не только пространство под стенами, — рис. 11), выходя даже за пределы самих стен, как показывает контрольный шурф А. А. Марущенко, заложенный снаружи около среднего входа западной стены зала[9]).

Вместе с тем общий рельеф городища Старой Нисы не позволяет видеть в этой платформе террасообразное сооружение, долженствовавшее возвышаться над естественным уровнем поверхности. Скорее всего, эта платформа явилась результатом необходимости создать для монументального сооружения ровную и прочную площадку на местности, явно сильно покатой с запада на восток. Для этого произвели в склоне выемку (треугольного профиля) земли и на полученной более или менее горизонтальной плоскости вывели кирпичную площадку до уровня, близкого к высшей точке ската с западной стороны. С западной стороны эта платформа кажется поэтому заглубленным фундаментом, так как она опущена ниже уровня естественной поверхности, а с восточной она, наоборот, возвышается и над поверхностью и даже над нижними постройками, производя впечатление искусственной террасы. Таким образом, платформа, по крайней мере на участке квадратного зала, показывает вынужденное сочетание возвышенной террасы и заглубленного основания.

Сырцовый кирпич платформы уложен без всякой заливки вертикальных швов. А так как верхний ряд кирпича к тому же не давал ровной горизонтальной площадки, являлась необходимость сделать под полы плотное основание, которое представляет собой слой (18—22 см) плотно утрамбованной глины. На нее уже наводились тонкие смазки полов.

Полы. На всей площади раскопа над слоем утрамбовки вскрыты пять смазок полов, различающихся толщиной, цветом и составом глины. «Полы» великолепно отслаивались один от другого целыми пластами.

Первый, самый нижний пол, лежащий непосредственно на утрамбовке, был сделан из однородной чистой глины без всякой примеси каких-либо посторонних частиц.

Второй пол — желтоватого, более светлого, чем первый, цвета и с примесью большого количества довольно крупно размолотого самана. Неодинаковый на разных участках, он является, однако, самым толстым из всех пяти полов.

Третий пол значительно тоньше второго, тоже желтоватого оттенка и с примесью самана, однако, значительно мельче размолотого. Толщина пола тоже несколько варьирует.

Четвертый пол резко отличается от всех предыдущих большой плотностью и зеленоватым оттенком глины. Примесь самана незначительна.

Пятый, верхний пол сделан из плотной, однородной глины серовато-желтого оттенка и без примеси самана.

Общая толщина всех полов — 12—15 см.

Наличие пяти хорошо сохранившихся полов (только в некоторых местах искусственно поврежденных при перестройках или разрушении отдельных частей здания) говорит о том, что наведение каждой новой обмазки было вызвано не столько порчей самого пола, сколько какими-то другими ремонтными работами.

Наличие пяти полов сразу говорит поэтому, по крайней мере, о пяти последовательных этапах жизни здания, и проецирование на них всех остальных ремонтов и перестроек дает своеобразную стратиграфию истории зала.

Стенные штукатурки и дверные проемы. Мощные стены квадратного зала, сложенные из того же квадратного сырцового кирпича, с внутренней стороны несут на себе три слоя различных штукатурок. Нижний слой сделан из глины желтовато-песчаного цвета с примесью большого количества самана. Его кое-где покрывает тонкий слой алебастровой смазки, над которой наведена еще одна штукатурка из глины зеленоватого оттенка (напоминающего цвет четвертого пола) с примесью самана.

Нижняя, глиняная штукатурка, естественно, соответствует нижнему же полу времени первоначального сооружения постройки. Самая верхняя штукатурка зеленоватой глины с саманом соответствует одному из поздних этапов, связанных с ремонтными работами и перестройками, и, в частности, с закладкой входов, обнаруженных в западной стене зала работами 1930—1934 гг. Из этих трех входов южный функционировал все время, пока существовало здание, что следует не столько даже из отсутствия там кирпичной закладки, сколько из наличия в проходе всех трех штукатурок. Два другие входа — средний и северный (а не все три, как отметил С. А. Ершов) были заложены квадратными кирпичами парфянского времени, причем северный — узкий (1,25 м) — целиком, заподлицо со стеной, а средний — широкий (2,90 м) — лишь частично, так что с внутренней стороны зала оставалась ниша, глубиной 80—85 см. Особенности устройства этого среднего входа, отличающегося, как выяснилось в 1947 г., от двух крайних — узких наличием вертикальных устоев (как в северо-западном углу зала), определило также и план ниши с ровной задней стенкой и уступчатыми в плане боковыми (см. рис. 7 и 10).

Так как и первая глиняная и вторая алебастровая штукатурки, покрывая стены зала, заворачивают во все три прохода, а третья из зеленоватой глины, наоборот, идет только над упомянутыми закладками двух входов, ясно, что закладки эти были сделаны после этапа белой штукатурки, но до наведения последней глиняной, т. е. перестройки с закладкой входов завершились именно этой последней штукатуркой стен.

Таким образом, взаимная связь ремонтных закладок и стенных штукатурок указывает, по крайней мере, на два периода, а их отношение к полам выясняется посредством увязки с полуколоннами и четырехлопастными столбами.

Пристенные полуколонны. Стены квадратного зала оформлены по-

луколоннами, которые по материалу, их слагающему, могут быть разбиты на две группы.

Полуколонны первой группы целиком сложены из жженого кирпича и состоят из двух частей: футляра из кусков жженого кирпича на алебастровом растворе и вставленного в него столба, диаметром 44 см, сложенного из четырех лекальных кирпичей в каждом ряду, с радиально направленными по постелям кладки швами, также залитыми алебастром. В некоторых случаях, однако, столб выложен вперевязку со своим футляром. Лекальные кирпичи его несколько варьируют в размерах (хорды дуг чаще 25—26 см, но иногда 29 см; радиусы—17—19 см). Этот столб с футляром встраивался в толщу сырцовой стены так, что торцовые стенки футляра приходились вровень с вертикальной плоскостью стены, почему из уровня последней выдавались именно только полуколонны (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Полуколонна западной стены.

В отношении кирпичных полуколонн Г. А. Пугаченкова уже высказала мысль, что они вделывались в толщу уже возведенных стен, так как алебастровая обмазка их нахлестывается на эти стены.

Эта особенность заделки полуколонн может говорить лишь о технической разновременности выведения стен и полуколонн, когда полуколонна вставлялась в уже готовом виде в оставленное для нее гнездо.

Вскрытое в 1947 г. в северной стене зала гнездо, из которого полностью был выбран кирпич полуколонны вместе с ее футляром, пролило дополнительный свет на этот вопрос, утвердив, что полуколонны не только и не просто вставлялись в уже готовую стену, а вделывались в следующем, более позднем строительном периоде.

Это, во-первых, следует из того, что гнезда для них не оставлялись в толще стены во время ее возведения, а специально вырубались в ней, что уже само по себе говорит о разновременности стен и полуколонн.

Рис. 2. Западная стена с полуколоннами.

Упомянутое гнездо представляет собой полуовал в полметра глубины и в метр ширины, и именно только следствием позднейшей врубки явилось то обстоятельство, что границу гнезда слагают разной величины фрагменты сырцового кирпича с лекальным краем, чего не получилось бы в том случае, если бы гнездо оставлялось во время кладки стены. Неправильное очертание вырубленного гнезда, вместе с тем, заставляет предположить, что футляр полуколонны вместе со столбом выкладывался и заливался алебастром прямо в гнезде, иначе очень трудно было бы точно подогнать футляр к неправильному очертанию гнезда или имело бы смысл то и другое делать геометрически правильных форм.

Второй момент, также подтверждающий позднейшее происхождение полуколонн — это близость их по стилю, материалу и техническому выполнению четырехлопастным столбам, что указывает на одновременность их появления в квадратном зале, а четырехлопастные столбы (о чем будет сказано ниже) были выстроены много позже выведения самих стен здания.

Полуколонны второй группы отличаются от первой только тем, что внутри футляра ствол не кирпичный, а глиняный. Вскрытая в 1946 г. такая глиняная полуколонна позволяет предположить, что некоторые полуколонны, обнаженные в 1930—1934 гг. и сохранившие только свой кирпичный футляр, имели такие же глиняные стволы.

Так как футляр и базы у обеих групп полуколонн были одни и те же, естественно возникает предположение, что глиняные стволы появились лишь вследствие ремонта, после того как часть кирпичных стволов полуколонн по каким-то причинам разрушилась и их пришлось полностью выбрать из футляра.

Это подтверждается соотношением двух разных по материалу полуколонн со стенными штукатурками. Кирпичные полуколонны покрыты и алебастровой штукатуркой и штукатуркой зеленоватой глины с саманом, а глиняные — только последней, зеленоватой штукатуркой. Уже одно это говорит, с одной стороны, за принадлежность их разным периодам, а с другой, — за одновременность глиняных полуколонн и уже упомянутой закладки двух входов. Первоначальные кирпичные полуколонны при этом соответствуют времени, когда стены полностью или скорее частично были покрыты алебастром и все три входа еще функционировали.

Рис. 3. Фрагмент терракотового аканта из раскопа.

Капители полуколонн оформлялись листьями аканта, причем в каждом из двух периодов существования самих полуколонн аканты делались из разного материала. Несомненно, глиняным полуколоннам более позднего периода соответствуют находимые при рас-

копках фрагменты акантов из необожженной глины (фрагменты, найденные в 1947 г., сохранили даже остатки окраски в голубой, зеленый и малиновый цвета). Более раннему периоду кирпичных полуколонн принадлежат еще чаще встречающиеся терракотовые аканты.

Как уже выше отмечалось, кирпичные полуколонны и, следовательно, терракотовые аканты по времени их появления в квадратном зале соответствуют четырехлопастным столбам, из которых юго-восточный сохранился на высоту 2,8 м, юго-западный оставил в хорошей сохранности свою базу и крупный завал из частей ствола, два же северных, вскрытие которых производилось в 1947 г., полностью отсутствовали, будучи разобраны. Это позволило установить устройство их фундаментов-оснований и время их появления относительно описанных выше пяти полов.

Базы всех четырех столбов покоились на основании, сверху залитом алебастром и представляющем в плане примерно квадратную площадку, со стороной около 2,80 м и с выступами (по всем четырем сторонам), длиной 60—70 см в среднем, неправильной формы, но в целом придающими основанию крестовидное очертание. Выступы эти (см. рис. 10) несомненно делались для того, чтобы при наименьшей затрате материала и рабочей силы с достаточным эффектом расширить площадь опоры.

Шурф, заложенный в 1946 г. около юго-восточного четырехлопастного столба и описанный Г. А. Пугаченковой, показал, что основание его складывалось из разного обожженного кирпича и просто кирпичных фрагментов[10]), что позволило автору сделать заключение о вторичном использовании материалов каких-то старых, разрушившихся к этому времени зданий. Расчистка в 1947 г. основания разобранного северо-западного столба уточнила его устройство.

Кирпич, складывающий это основание, был почти полностью извлечен во время разрушения здания вместе с самим столбом, так что обнажились алебастровые стенки и дно котлована основания. Внутренность этого котлована, залитого алебастром, заполнялась описанной выше кладкой из разного обожженного кирпича, и сверху все опять заливалось алебастром. Полы третий, четвертый и пятый перекрывали верхний алебастровый уровень основания, а первые два пола примыкали к нему. Такую картину удалось наблюдать около всех четырех оснований рассматриваемых столбов.

Уже одно это говорит о позднем происхождении четырехлопастных столбов, выведенных не одновременно с первыми полами и стенами здания, а встроенных много позже. Так как пол времени четырехлопастных столбов должен был, естественно, перекрывать неровную поверхность основания, примыкая к плинту базы, — напрашивается вывод, что столбы должны были быть встроены уже после второго пола, который поэтому не перекрывает его основания, а лишь примыкает к нему. Именно после встройки четырехлопастных столбов был наведен уже третий пол, перекрывший основание и примкнувший к плинту.

Это заключение подтверждается и самим устройством котлована основания северо-западного четырехлопастного столба, все особенности которого свидетельствуют, что для него была выкопана яма сквозь первые два пола, слой утрамбовки и частично верхний ряд кирпича платформы здания. Во-первых, он не имеет ровного горизонтального нижнего уровня,

естественного в том случае, если бы место для основания оставлялось и оно выкладывалось одновременно с платформой и утрамбовкой. В действительности же котлован то входит в кирпич на часть его толщины, то идет над кирпичом, проходя только сквозь утрамбовку.

Во-вторых, оси квадрата основания не совпадают точно с направлением кладки сырцового кирпича платформы здания, так что основание столба кое-где прорезает кирпич, оставляя от него части не больше трети и неправильной конфигурации. Такие кусочки могли остаться по сторонам котлована основания только в том случае, если котлованчик вырывался после завершения кладки платформы.

В-третьих, алебастр, которым был залит котлован для основания, затек кое-где с утолщением на второй пол, что подтверждает существование последнего в момент сооружения четырехлопастных столбов.

Если же четырехлопастные столбы выведены позже сооружения самого здания лишь после периода существования, соответствующего первым двум полам — встает вопрос о том, что было на их месте в этот ранний период. Нельзя допустить полного отсутствия каких-либо устоев, без которых невозможно перекрытие пролетов 20 м. Но были ли это деревянные столбы или другие кирпичные колонны, едва ли может быть достоверно установлено. Возможно, именно этим первоначальным кирпичным устоям принадлежали какие-то из разнообразных по размерам лекальных кирпичей, использованных для выкладки пристенных полуколонн и четырехлопастных стволов, поскольку у последних также отмечаются варьирующие в размерах лекальные кирпичи, что заметил М. Е. Массон (обычные размеры их хорд — 47 см, но у некоторых — 55 см и даже 58 см). На это же может намекать использование для четырехлопастных столбов и для пристенных полуколонн большого количества просто битого обожженного кирпича. Но все это остается пока в области чистых допущений, так как и лекальные кирпичи и битые куски могли принадлежать, как это и предположила раньше Г. А. Пугаченкова, остаткам какого-то другого здания.

Не может быть пока решен и другой, связанный с этим, вопрос о причинах, вызвавших такую серьезную перестройку: разрушились ли первоначальные устои, почему требовалась их замена, или устройство массивных четырехлопастных столбов было вызвано просто стремлением придать залу более торжественно-монументальный вид. Последнее предположение кажется даже более вероятным, так как одновременно наново были выведены чисто декоративные по своему назначению пристенные кирпичные полуколонны.

Установление точного соотношения четырехлопастных столбов и обмазок полов позволяет составить, путем всех других выявленных связей отдельных ремонтов и перестроек, общую их условно-стратиграфическую последовательность, опрокинутую на реальную стратиграфию отмеченных полов здания.

Закладки двух входов западной стены и ремонтные глиняные пристенные полуколонны были сделаны в один период, но следующий после кирпичных полуколонн и четырехлопастных столбов, т. е. после третьего пола, во время, соответствующее четвертому или пятому полам. Но так как верхняя штукатурка зеленоватой глины с саманом, перекрывающая и закладки и глиняные полуколонны, т. е. завершающая этот большой ремонт, по составу и цвету очень близка именно четверто-

му полу также из зеленоватой глины, — естественно поставить их в прямую связь и считать, что упомянутые переделки и ремонт после этапа третьего пола завершились выведением четвертого. Таким образом, именно этап четвертого пола связан с крупными перестройками квадратного зала. Пятый, последний, пол увязывается лишь с частичным ремонтом и подправками, не вносящими ничего нового, о чем ниже.

Появление алебастровой побелки над первой глиняной штукатуркой с саманом логичнее всего отнести не к первому, а именно ко второму периоду самых больших перестроек, когда в уже существующем здании были выведены новые четырехлопастные столбы и встроены пристенные полуколонны. Побелка алебастром как нельзя лучше отвечала общей парадности вновь отделанного помещения, что требовалось даже простой необходимостью единообразия, так как пристенные полуколонны были покрыты именно алебастровой побелкой с самого начала. Не исключена, однако, возможность, что алебастровая побелка появилась в первый период и настолько хорошо сохранилась, что после перестроек второго периода ее не пришлось полностью подновлять, что, однако, менее вероятно, тем более, что первое предположение подтверждается еще и штукатурками нижеописываемых комнаток.

Пристройки. Среди других помещений, планировочно связанных с квадратным залом, обращает внимание группа маленьких комнаток с восточной его стороны в виде центрального проходного «вестибюля»

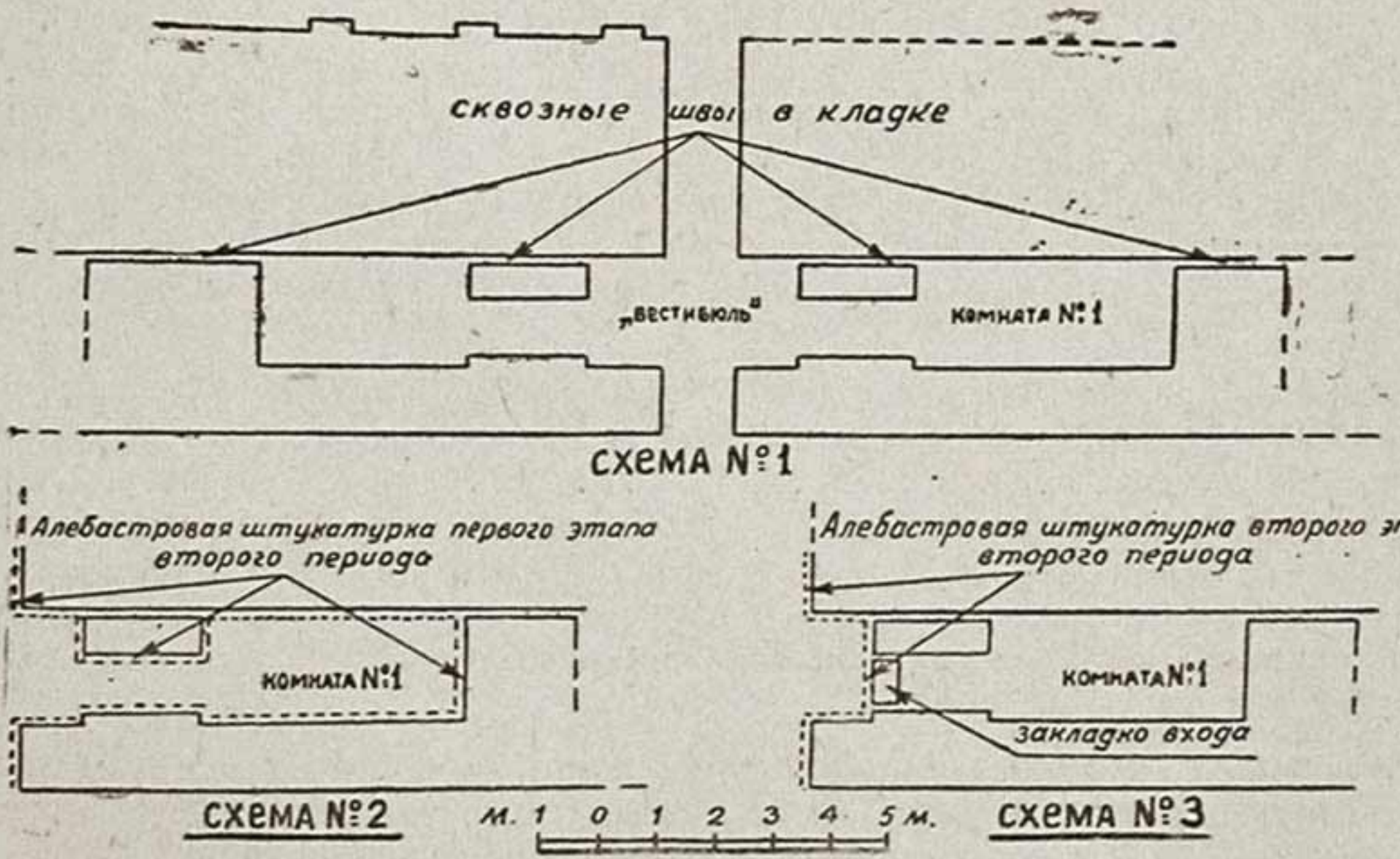


Рис. 4. Пристройки к зданию с четырехлопастными колоннами.

(как условно обозначено нами среднее помещение, в которое выводил входной проем восточной стены зала) и двух прямоугольных комнаток по бокам его, к северу и югу. Из двух чертежей А. А. Марущенко, хранящихся в архиве Института истории, языка и литературы ТФАН, а также из некоторых описаний следует, что комнатки эти были сделаны прямо в толще стены квадратного зала и даже упоминается их назначение, как собственно погребальных камер[11]).

Осмотр и небольшая зачистка «вестибюля» и одной из комнат (см. рис. 4, схема № 1, комната № 1) открыли совершенно иную картину. Прежде всего оказалось, что комнаты расположены не в толще стены квадратного зала, а примыкают к ней совершенно самостоятельно. Поэтому толщину восточной стены нужно считать не в 6—7 м, как следовало из упомянутых чертежей и приводимых в описаниях цифровых данных, а лишь в 3,70 м. Это как нельзя лучше согласуется с толщиной противоположной, западной стены в 3,90—4,00 м и северной стены, примыкающей к так называемому красному коридору, толщина которой также близка 4 м[12]).

Выяснилось это в результате того, что между стенами комнаток и восточной стеной квадратного зала на всех участках удалось расчистить сквозной шов (рис. 4, схема № 1). Отсутствие перевязки по всем рядам между этими двумя стенами (при системе кладки с обязательной перевязкой по вертикали) и заставило решить, что комнатки были именно пристроены. Но сразу возник вопрос, были ли они пристроены с самого начала (и тогда отсутствие перевязки явилось бы просто строительной особенностью) или это относится уже к числу ремонтно-перестроечных работ другого периода и этапа. Для решения этого вопроса и была произведена зачистка в «вестибюле» и комнате № 1.

При зачистке обнаружилось, что алебастровая штукатурка квадратного зала непосредственно продолжается в «вестибюле» и покрывает стены комнаток, т. е. ко второму периоду, во всяком случае эти пристройки уже существовали (рис. 4, схема № 2). При вскрытии в вестибюле затем выяснилось, что там вместо ожидаемых пяти полов, как внутри квадратного зала, оказалось лишь три пола, общей толщиной 7—8 см. Так как проход в восточной стене из квадратного зала в «вестибюль» не был заложен и функционировал поэтому до конца существования здания, три пола «вестибюля», естественно, приравниваются к трем последним полам квадратного зала, т. е. к полам третьему — пятому.

Таким образом, уже одно соотношение полов квадратного зала и «вестибюля» говорит за то, что последний мог быть пристроен не раньше времени третьего пола квадратного зала, т. е. именно во второй период общих больших перестроек. А это — при наличии в комнатках уже упомянутой белой штукатурки — может служить подтверждением высказанного выше предположения о том, что и внутри квадратного зала она появилась (или была подновлена) также во второй период, соответствующий там третьему полу.

Уровень фундамента-платформы на площади построек в целом выше соответствующего уровня внутри квадратного зала, а уровень внутри комнатки № 1 в свою очередь выше уровня «вестибюля» на толщину одного парфянского кирпича.

Зачистка внутри комнаты № 1 показала, что там над кирпичами платформы не был выведен под пол плотный слой утрамбовки, как внутри квадратного зала, почему и прием кладки (по крайней мере в верхнем ряду кирпича) был иной: широкие швы не оставлялись, как на площади зала, пустыми, а плотно забивались глиной с саманом. Верхний ряд кирпича «фундамент» в комнате № 1, возвышающий ее над уровнем вестибюля, уходит под стены комнаты, что является лишним

подтверждением самостоятельности выведения последних и, тем самым, разновременности их со стенами собственно квадратного зала.

Над верхним рядом кирпича, в комнате № 1, оказался только один пол, к которому хорошо сохранилась выкружка стенной алебастровой штукатурки. Над этим полом был плотный завал сырцового кирпича, с куском жженого кирпича и даже фрагментом «метопы». В этом же завале прямо над полом, среди кусков плотно слежавшегося сырцового кирпича, было обнаружено 8 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, из которых четыре оказались достаточно хорошей сохранности (они несколько варьируют в размерах и очертаниях лопастей то почти прямых, то несколько округлых. См. рис. 8).

Так как этот пол (при наличии в комнате упомянутой алебастровой штукатурки) должен был соответствовать первому полу «вестибюля» или третьему полу квадратного зала естественно получается, что комнатка должна была быть пристроена вместе с «вестибюлем», с которым она составляет одно целое. Но ко времени, соответствующему второму и третьему полам вестибюля (или четвертому и пятому) квадратного зала, комната № 1 уже не функционировала.

И действительно, есть данные, позволяющие говорить об ее закладке, от которой, правда, сохранился только один ряд кирпича в проходе комнаты, со стороны вестибюля, покрытый алебастровой штукатуркой (см. рис. 4, схема № 3). Все выше этого вскрыто раскопами до работ ЮТАКЭ. Это не могла быть сплошная закладка всей комнаты, так как над ее полом находился упомянутый выше завал кусков сырцового и жженого кирпича. Это не мог быть порожек из одного ряда кирпича, так как в этом случае его отштукатурили бы алебастром также и изнутри комнаты, поскольку остальные стены комнаты были белые. Комната была именно заложена тонкой перегородкой, которая потом могла упасть или быть разобранной. Закладка была совершена, вероятно, в том же втором периоде, так как для третьего характерна не алебастровая, а глиняная с саманом зеленоватая штукатурка[13]).

Причина закладки комнатки в момент, когда здание в целом еще функционировало и впоследствии подвергалось переделкам и неоднократным ремонтам, не может лежать в ее разрушении, а лишь в каких-то частичных изменениях функций квадратного зала, сделавших ненужным недавно и для совершенно определенной цели пристроенное помещение. Это, конечно, стоит в непосредственной связи со всеми последующими обедняющими зал перестройками третьего периода.

Цветная роспись стен. Фрагменты стенных штукатурок из глины с саманом, с росписью поверх цветными красками, встречались во время раскопа в довольно больших количествах. Основную группу росписи при этом образовывали цвета бордовый, черный и белый, значительно меньше — зеленый и голубой.

Все фрагменты могут быть разбиты по крайней мере на три группы, отвечающие трем ремонтам настенных росписей. Первая группа фрагментов — не самая многочисленная — показывает штукатурку из глины с саманом, покрытую белым алебастром в качестве грунта, поверх которого сплошная окраска желтовато-песочным цветом. На последний, уже как на фон, черным наведен орнамент. Один из фрагментов показывает нанесенную черными узкими полосами сетку вытянутых ромбов, внутри которых заключены черные же, но сплошь закра-

шенные ромбы меньших размеров. Другой фрагмент дает только сплошь закрашенное поле (в сохранившейся части 13 см ширины), примыкающее к тому же желтовато-песочному фону, но рисунок здесь не реконструируется.

Большинство обнаруженных росписей составляют вторую группу с самым простым орнаментом из горизонтальных полос. В этом случае сочетаются три цвета: черный, белый и бордовый, причем белый цвет дает общий алебастровый грунт, на который сверху нанесены два другие цвета: бордовый и черный.

Сопоставление чередования цветов на фрагментах разной сохранности позволяет заключить, что рисунок представлял две горизонтальные узкие полосы, шириной 1,3—1,5 см каждая, выведенные белым и черным цветом посреди достаточно широкого поля стены или карниза, сплошь закрашенного бордовым (полоса черного цвета наносилась уже на бордовый цвет). Аналогично оформлен один маленький фрагмент уголка не то от горизонтальной декоративной полочки, не то от архивольта арки (как будто чувствуется небольшая кривизна), по лицевому краю которого последовательно накрашена белая полоса (цвет основы), шириной 0,8 см, черная полоса (нанесена после всех на бордовый цвет), шириной 0,6—0,7 см, и основная бордовая гладь стены или карниза.

К этой же группе относится орнамент, дающий последовательность бордового, черного и опять бордового цветов на белом грунте, причем средняя черная полоса шириной 2,8 см.

Можно было бы предположить, что обе эти группы росписей были сделаны одновременно и лишь украшали разные участки стен квадратного зала; однако, наличие нескольких фрагментов, в которых последовательно наслоились обе цветовые гаммы, говорит об их разновременности. Например, один фрагмент содержит обычный для второй группы росписей рисунок: две полосы — черную и белую, шириной по 1,5 см, и бордовое широкое поле, наложенное на белый алебастровый грунт. Но под этим белым алебастровым грунтом еще два слоя: слой желтовато-песочный, наведенный в свою очередь опять на белый алебастровый.

Таким образом, получается четыре слоя раскраски: белый, желтовато-песочный, белый и черный с бордовым, из которых два нижние соответствуют первой группе, а два верхние — второй.

Третью группу росписей показывают фрагменты с таким же орнаментом цветных полос, как у второй группы, но грунт не белый алебастровый, а оранжевый. Кроме того, оттенок бордового цвета также несколько отличается от такового же второй группы.

Мелкие фрагменты с раскраской на белой алебастровой основе встречались во всех полах, особенно с третьего и четвертого полов, что уже само по себе говорит об их раннем происхождении со времени первого периода квадратного зала, к которому должна относиться первая группа росписей. Впоследствии, скорее всего во втором периоде, в связи с общими перестройками и ремонтом, вновь расписали какие-то части стен, изменив даже цветовую гамму и, вероятно, рисунок. Для этого в некоторых местах новую роспись произвели прямо по старой после предварительной загрунтовки белым алебастром; в других, более, видимо, разрушенных местах старую роспись замазали новой штукатур-

кой глины с саманом (почему один фрагмент росписи первой группы сохранился не на своей штукатурке, а в виде отпечатка на обмазке). Поверх этой обмазки произвели вторую роспись.

Многие фрагменты второй группы росписи в свою очередь сохранили следы замазки их глиной с саманом, следовательно, и они пришли в негодность на определенном этапе. Очень вероятным поэтому кажется, что третья группа росписей появилась именно в третий период в связи с соответствующими перестройками и ремонтами. Однако в этом случае произвели, вероятно, не полную перекраску, а лишь подновили роспись в тех местах, где она наиболее разрушилась, но цветами иных оттенков и на новом оранжевом грунте. Росписи третьей группы встречены были пока лишь над полами, уже в завале здания, что тоже говорит об их позднейшем происхождении. Наличие же фрагментов росписей первых двух групп говорит за то, что, кроме отмеченных трех основательных перекрасок стен квадратного зала, при каждом ремонте, во всяком случае, имело место частичное подновление и подправка тех участков стенных росписей, которые оказывались в плохом состоянии. Поэтому, сбитые или упавшие, они во время наведения пола и могли оказаться в составе его глины. Больше всего, однако, всяких видов росписей оказалось, естественно, над полами, в нижнем слое завала, что при наличии достаточно хорошо сохранившихся штукатурок нижних частей стен примерно на 2,5—3 м, но при полном отсутствии на них следов росписей, само по себе говорит, что последними были украшены верхние части стен здания.

Из числа росписей стенных штукатурок, которые не представляется пока возможным уверенно приурочить к какому-либо определенному периоду существования квадратного зала, нужно упомянуть фрагмент с изображением волнистой ленты, нанесенной белой краской поверх бордового фона. Этот способ отличен от подачи белого цвета во второй группе росписей, где белые полосы просто оставлялись в грунте после окраски всего остального пространства в бордовый или черный цвета. Нанесение белого цвета поверх бордового с одинаковым вероятием можно отнести и ко второму периоду со второй группой росписей, когда этим способом могли украсить особые участки стены, и к какому-либо последующему мелкому и крупному ремонтному этапу. В последнем случае нанесение белого орнамента поверх бордового, (а не оставление его, как обычно, в белом алебастровом грунте) было бы даже более понятно.

Два других фрагмента оформляли какие-то уголки, дающие совсем новые цвета: на первом сохранилась зеленая полоска, на втором — голубая. Так как такие же цвета были зафиксированы на фрагментах терракотовых и глиняных акантов от капителей полуколонн, можно предположить, что такие тона в росписи некоторых частей стен употреблялись уже со второго периода и во всяком случае обязательно наличествовали в третьем.

К третьему периоду относится также глиняная колонна, обнаруженная еще в 1946 г., лежащая около северной стены, покрытая несколькими слоями алебастра разного качества. В 1947 г. были обнаружены отдельные фрагменты этого алебастрового покрытия со следами росписей полосами в тех же тонах, что и соответствующие стенные росписи.

И, наконец, к третьему же периоду должны быть приурочены многочисленные, обычно мелкие фрагменты статуй, находимые и во время работ прошлых лет в разных местах, даже вне квадратного зала, и в 1947 г., когда были обнаружены части одежд статуи, фрагменты волос и бороды, а в северо-восточном углу раскопа—глиняная „маска" и два фрагмента ноги статуи. Последние представляли собой часть голени мужчины больше натуральных размеров и отдельную часть ступни без носка. Нога была сделана из зеленой глины на основе каркаса из дерева и твердых глиняных кубиков и параллелепипедов. Поверх зеленой глины был наведен ровный слой из тонкой желтоватой

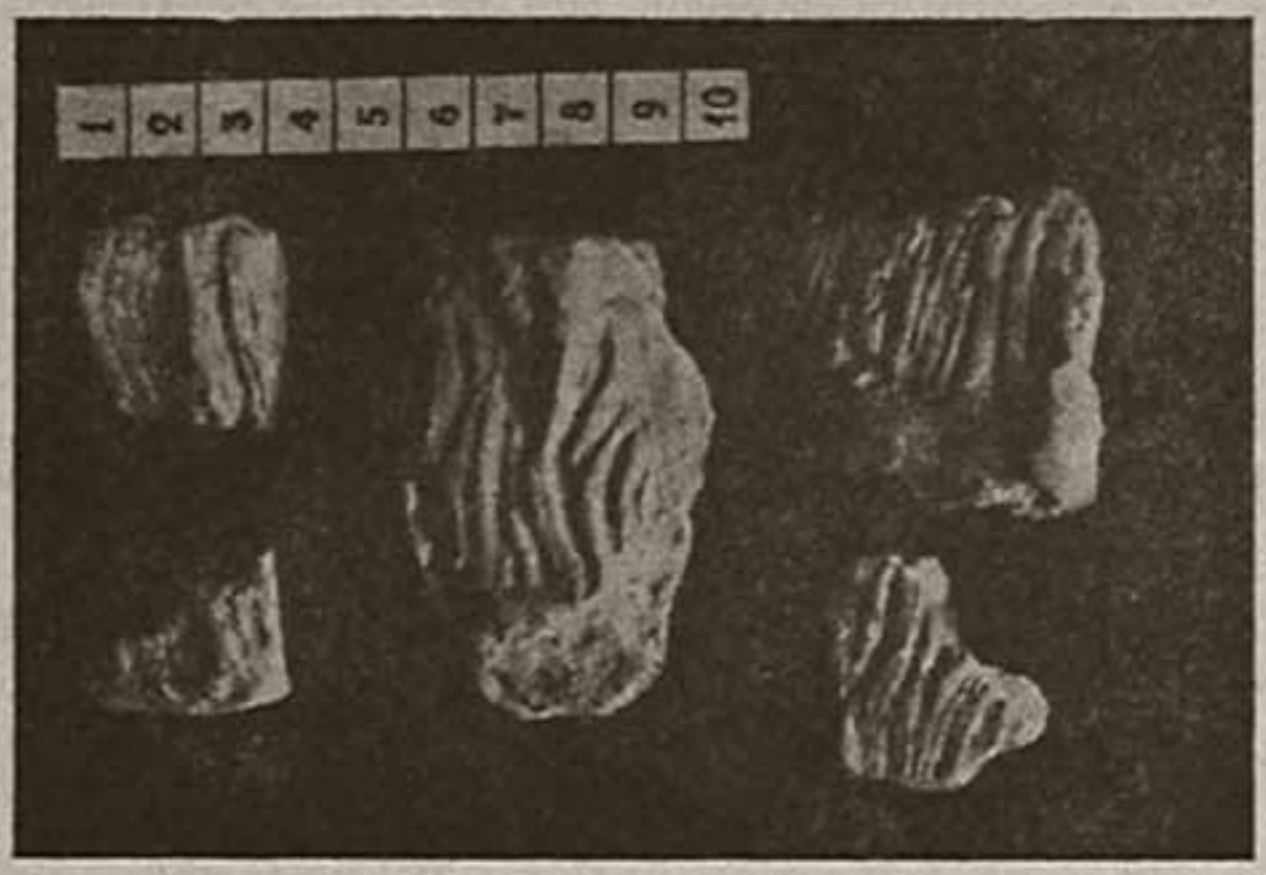


Рис. 5. Фрагменты глиняной скульптуры со следами окраски.

глины, в свою очередь расписанной тремя цветами: малиновым.

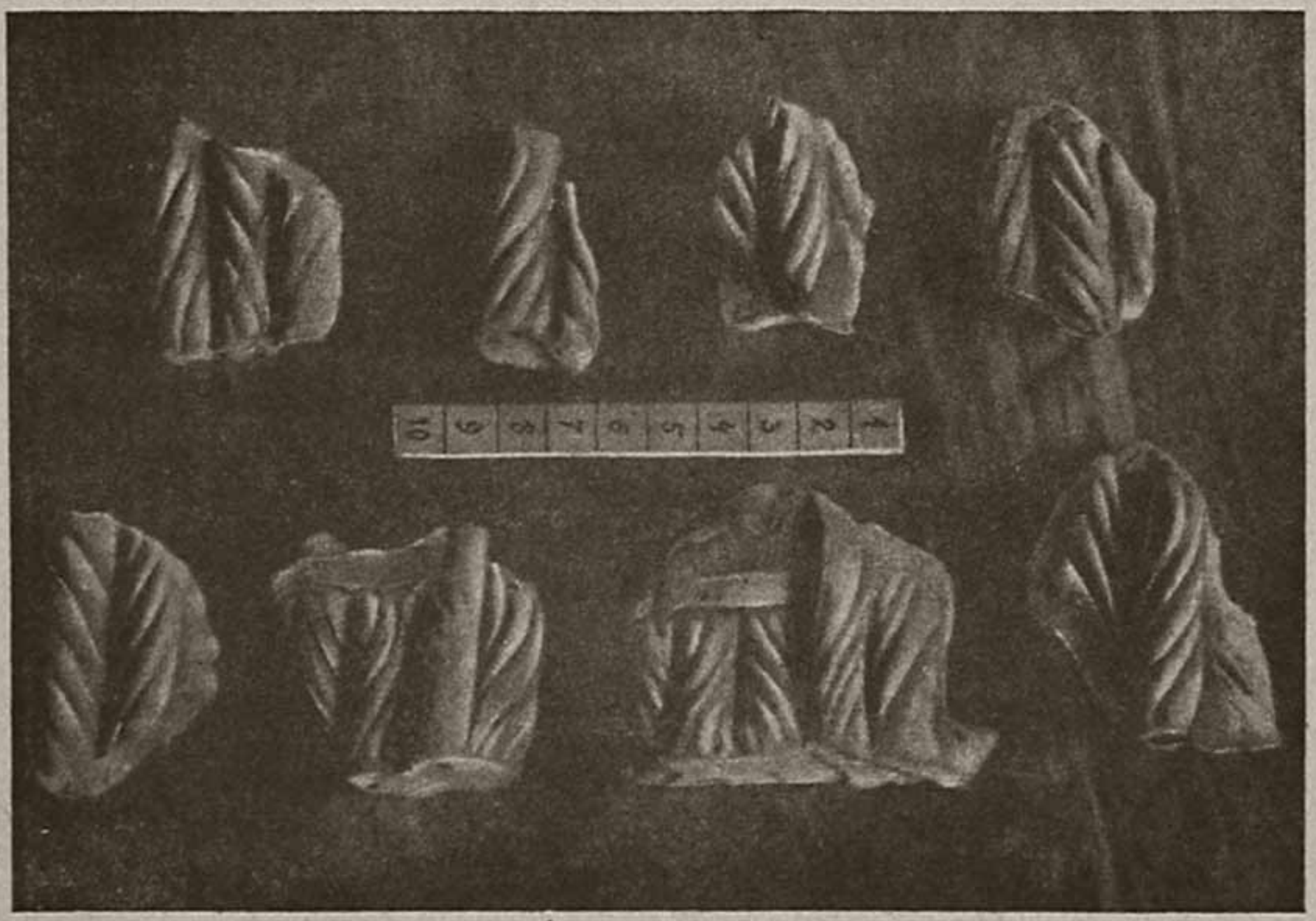


Рис. 6. Фрагменты глиняных скульптурных деталей со следами окраски.

голубым и черным, причем малиновый цвет покрывает всю голень, а два другие нанесены впереди вертикальными полосами, что в це-

лом показывает одеяние, отличное от уже известного традиционно-парфянского с поперечными складками низко опущенных штанов. На ступне сохранилась рельефная лента с бантом-пряжкой от обуви. Высокий подъем ступни говорит как будто о сидячей, с несколько вытянутыми ногами фигуре или о стоячей,—но с отставленной одной ногой и переносом всей тяжести тела на другую. «Маска» представляет собою голову мужчины, сделанную из плотной зеленой глины с несколько уплощенным, как бы раздвинутым в ширину лицом и вогнутой неровной задней поверхностью. «Маска» и нога отреставрированы М. Е. Массоном.

Многочисленные мелкие золотые чешуйки, обнаруженные в 1947 г. на той же площади, что и в 1946 г., близ среднего входа западной стены (см. рис. 10), при наличии здесь же (и в самой нише заложенного среднего входа) большого количества мелких фрагментов статуи, преимущественно в виде деталей одежд, могут быть поэтому увязаны именно с одеянием статуи.

История квадратного зала за время его функционирования

Рассмотрение всех конструктивных и декоративных частей, слагающих квадратный зал, и выявление их относительной последовательности, опрокинутой на реальную стратиграфию пяти его полов, позволило в существовании этого сооружения только за время его функционирования выделить три периода с несколькими внутренними этапами.

Первый период соответствует двум нижним полам квадратного зала. Это период первоначального сооружения постройки со стенами (судя по западной, северной и восточной), толщиной в среднем около четырех метров, оштукатуренными внутри, в нижних частях глиной с саманом. Верхние части стен были покрыты росписью по дошедшим фрагментам песочным и черным цветами, причем песочный цвет — близкий цвету простой штукатурки нижних частей стен, являлся основным фоном, черным же цветом был выполнен геометрический орнамент.

Парадные входы располагались в западной стене, причем средний широкий был выполнен, подобно углам зала (судя по северо-западному), высокими уступчатыми в плане устоями. Входной проем восточной стены выводил, вероятно, на открытую террасу. Перекрытие, несомненно, покоилось на внутренних устоях, которым, может быть, принадлежали некоторые лекальные кирпичи, нашедшие затем употребление при перестройках следующего периода.

Первый период заключает по крайней мере два этапа. На втором этапе, соответствующем второму полу, производился какой-то частичный ремонт здания. Следами этого является, во-первых, сама смазка второго пола, а во-вторых, явное подновление стенных росписей на тех отдельных участках, где она пришла в плохое состояние. Коренных переделок или крупного ремонта на втором этапе не отмечается.

Второй период соответствует третьему полу квадратного зала и характеризуется крупными перестройками с общей направленностью придать зданию наиболее величественный и парадный облик. Для этой цели в стены встраиваются кирпичные полуколонны, стволы и базы которых покрываются алебастровой штукатуркой, а капители с использованием терракотовых акантов, вероятно, в этот период уже окрашиваются в цветные тона. Поэтому их уровень (до конца ствола высота

полуколонн была 2,90 м) вероятнее всего является границей расписной верхней и неукрашенной нижней части стен, которые в этот период также подвергаются серьезной декоративной переделке. Нижние части стен, подобно полуколоннам, покрываются в некоторых местах алебастровой штукатуркой (или, что менее вероятно, сохраняют ее от первого периода), а верхние — вновь расписываются новыми рисунками и тонами, среди которых ведущими являются бордовый, черный и белый всегда на белом грунте-основании. На некоторых участках новая роспись наводится прямо на старую, на других, худшей сохранности — на добавочную глиняную штукатурку.

Вместо старых, непарадных, а может быть и недостаточно прочных устоев, наново выводятся четырехлопастные столбы. Фундаменты для этих столбов с большой площадью опоры опускаются сквозь старые полы и даже частично в верхний ряд кирпича-сырца платформы и складываются из обломков и целых жженых кирпичей каких-то других разобранных сооружений. Наличие среди лекальных кирпичей полуколонн и четырехлопастных столбов довольно значительных вариантов размеров также говорит о хотя бы частичном использовании старых разобранных стволов колонн.

В этот-то период с восточной стороны к квадратному залу пристраивается группа маленьких помещений, состоящих из проходного «вестибюля» и расположенных по его сторонам продолговатых комнат, стены которых также штукатурятся белым алебастром.

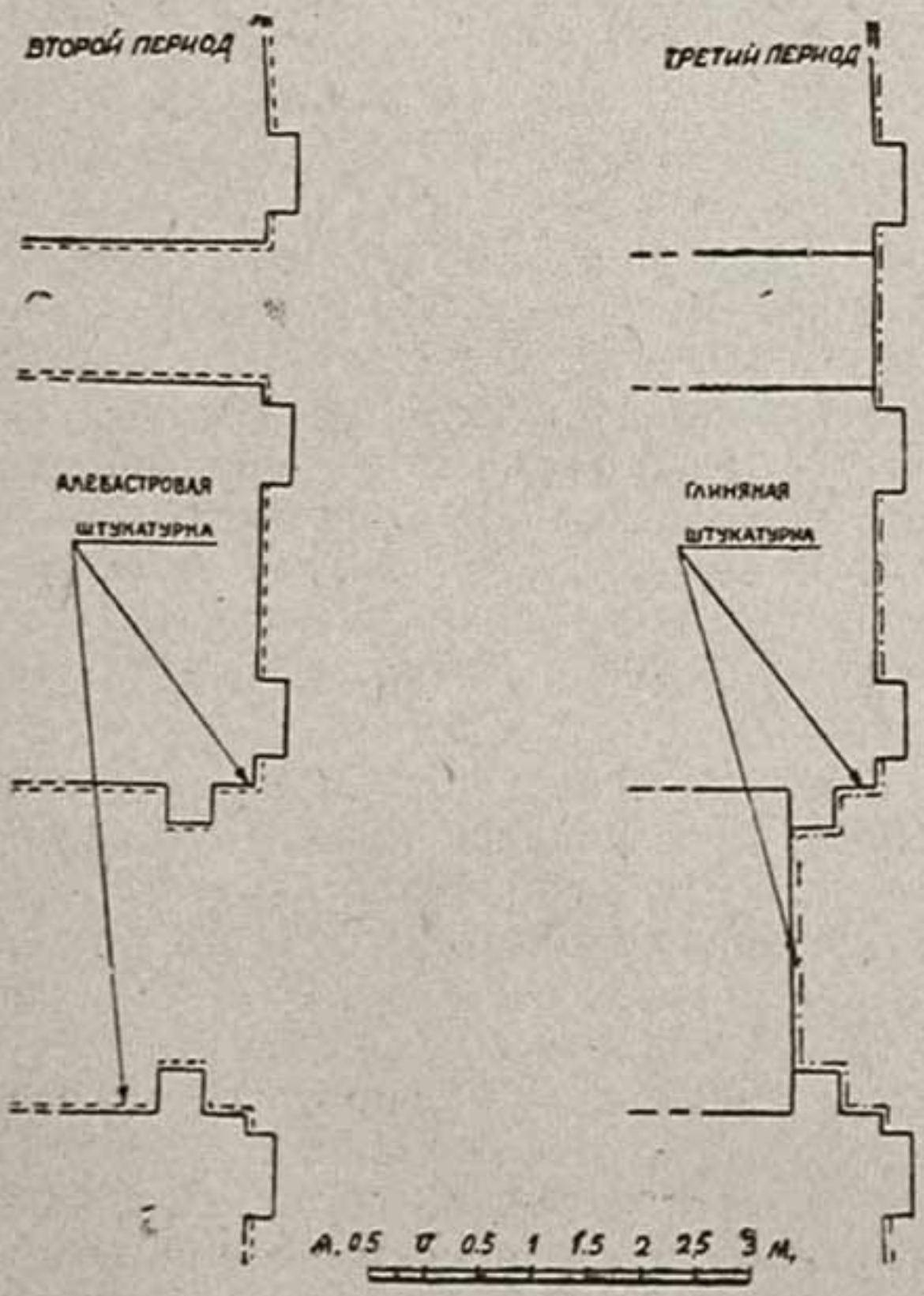


Рис. 7. Схема соотношений штукатурок и проходов западной стены здания с четырехлопастными колоннами.

Второй период, при наличии одного пола, все же показывает два этапа: первый этап с отмеченными перестройками и крупными ремонтными работами, и второй этап, когда зал уже не выполняет в полном объеме своих парадных функций, вызвавших упомянутые перестройки первого этапа, и даже приходит в некоторое запустение. На втором этапе закладывается по крайней мере одна комнатка недавно сделанных восточных пристроек; начинают разрушаться, несмотря на неоднократные ремонты (о чем говорят три слоя алебастровой штукатурки), кирпичные полуколонны, стволы которых частично, вероятно, даже выпадают из своих футляров, значительно разрушаются и росписи верхних частей стен.

Третий период соответствует двум верхним полам квадратного зала и характе-

ризуется крупными перестройками, резко, однако, по своему смыслу и назначению, отличающимися от перестроек второго периода. Они являются дальнейшим развитием наметившегося еще на втором этапе второго периода обеднения сооружения и отражающем вообще отношение династии к своему заповедному „куруку", как характеризовал в целом Старую Нису М. Е. Массон.

На первом этапе этого периода совершенно закладываются два входа в западной стене, причем в среднем «оставляется» неглубокая ниша с уступчатыми в плане боковыми стенками. Взамен выпавших и частично выбранных разрушенных полуколонн в их кирпичные футляры вделываются глиняные стволы, и соответственно терракотовые акан-

ты капителей частично заменяются глиняными же, причем те и другие в этот период расписаны цветными красками с употреблением голубых и зеленых тонов. Стены вновь отделываются в нижних частях глиняной штукатуркой зеленоватого оттенка с саманом, а в верхних (по обнаруженным пока фрагментам) — в старом колорите и орнаменте подновляются или даже выполняются заново на некоторых участках настенные цветные росписи.

К третьему периоду относится глиняная колонна невыясненного назначения, вскрытая в 1946 г., а также глиняная «маска» и все прочие фрагменты статуй.

Местонахождение большого количества фрагментов последних на площади около ниши заложенного среднего входа и в самой нише позволяет предположить, что она, возможно, служила в третьем периоде местом для статуи, с одеждой которой связаны тут же в большом количестве встреченные золотые чушуйки.

Украшала ли статуя (или статуи?) квадратный зал во втором периоде — археологически пока не выяснено, хотя ничего невероятного в этом нет, учитывая общую парадность в этот период всей постройки.

Раскопками 1946—1947 гг. значительно уточнены размеры всего квадратного зала. Но так как ни одна из четырех стен его не обнажена полностью, всегда возможны коррективы в пределах нескольких десятков сантиметров. Однако при всем том, длина стен внутри равняется не 16,8 м, как это считалось в результате работ 1930—1934 гг., а близка 20 м. Точно так же и толщина стен доходит до 4 м.

Относительно же высоты стен можно предположить, что они должны были быть более чем в два раза выше того уровня, на котором сейчас остановилось их разрушение. Это заключение базируется на наличии внутри зала огромного завала, высотой в среднем 3 м, в основном состоящего (на всей огромной площади 400 м²) из материала разруше-

ния именно сырцовых стен.

Раскопки 1947 г. не дали находок, могущих датировать время существования здания за отдельные периоды, поэтому установление во времени каждого периода пока должно базироваться на результатах архитектурно-искусствоведческого анализа отдельных объектов, связанных с квадратным залом.

Последний, третий период существования здания может быть датирован фрагментами статуи, которую Л. И. Рempель, судя по изображению глаза с радужной оболочкой и зрачком и характеру трактовки волос, отнес ко времени не ранее II в. н. э., а В. Блаватский в рецензии на работу Л. И. Рempеля подчеркнул, что «античные

прототипы» для этой статуи могут быть найдены уже в I в. н. э. Таким образом, третий период ориентировочно может быть помещен в пределах первых двух веков нашей эры.

К этому же третьему периоду относятся и упомянутые выше железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. Они оказались в раннем завале над полом и относятся, следовательно, к первому периоду разрушения квадратного зала. По сообщению А. А. Марущенко, две железные трехлопастные черешковые стрелки были обнаружены им в той же комнатке воткнутыми в стенку в полуметре от пола. По всей вероятности, к концу существования квадратного зала закладка комнатки была, может быть, частично разобрана или упала сама, в результате чего там и могли потом в завале оказаться наконечники стрел, которые, если не уточняют дату рассматриваемого периода, никак ей не противоречат.

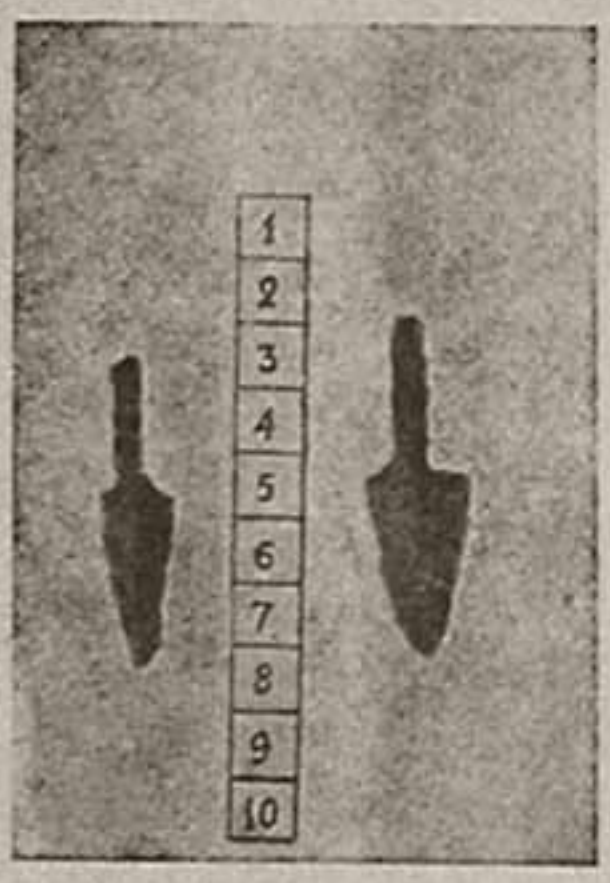


Рис. 8. Трехгранные железные наконечники стрел с пола восточных пристроек квадратного зала.

Появившиеся еще в конце II в. до н. э., такой формы и размеров железные стрелки наибольшее распространение получили именно в первые два века нашей эры, а уже с III—IV вв. н. э. их размер увеличивается и форма несколько меняется[14]), причем Средняя Азия не является в этом отношении исключением[15]).

Возможно, третий период с его перестройками, явно свидетельствующими, как уже отмечалось, о новом отношении к этому зданию, о ненужности и невозможности поддержать его в прежнем парадном виде, как-то может быть сопоставлен с отмеченным В. В. Бартольдом ослаблением связей между арсакидской династией (по мере продвижения ее на запад с соответствующим перенесением столиц) и восточными областями государства, так что в середине I в. н. э. Гиркания даже отделилась в результате восстания[16]). Может быть, область собственно Парфии в это время также приобрела известную самостоятельность. А так как к этому времени Ниса уже не являлась местом погребения арсакидских царей, она могла оказаться на попечении не собственно арсакидской династии, а лишь местных владетелей области. Тогда все упомянутые перестройки третьего периода следовало бы, вероятно, отнести или к концу I в. н. э. или лучше к первой половине II в. н. э.

Второй период датируют пристенные кирпичные полуколонны и четырехлопастные столбы, которые Г. А. Пугаченкова отнесла к I—II вв. н. э. — времени антиэллинской реакции, нашедшей себе выражение не только в архитектуре, но, как отметил М. Е. Массон, и в ряде других проявлений, начиная с государственной политики. Поэтому все перестройки второго периода, направленные на то, чтобы украсить и сделать парадным сооружение, отвечающее (и по местоположению в одной из коренных областей, откуда начало расти парфянское государство, и по принадлежности куруку с первыми захоронениями арсакидских царей) новым патриотическим настроениям, как нельзя лучше соответствуют антиэллинской политике и, несомненно,

непосредственно с ней связаны. Учитывая все сказанное, сами перестройки с выведением четырехлопастных столбов следует отнести к началу нашей эры.

Более всего затруднительна датировка первого периода и времени сооружения квадратного зала, так как пока нет для этого никаких прямых данных. Можно только предполагать, что сооружение зала таких крупных размеров (около 20 м в стороне), с массивными и высокими стенами, с дорогостоящими деревянными в основном перекрытиями и т. д. могли иметь место скорее всего в пору более или менее благополучного внешнего и внутреннего состояния парфянского государства. А так как, с одной стороны, перестройки следующего второго периода были произведены, вероятно, в начале I в. н. э., а в самом здании, с другой стороны, нашли вторичное употребление (как это показала Г. А. Пугаченкова) некоторые элементы архитектурного декора с уже разрушившегося здания II в. до н. э., время сооружения квадратного зала вернее всего отнести к I в. до н. э., ближе к его середине. Весьма возможно, что эта постройка возникла в тот же период, что и некрополь знати с монетой Орода I (56—37 гг. до н. э.) на Новой Нисе — период небывалого блеска и больших военно-политических успехов арсакидской династии (по общей периодизации истории Нисы М. Е. Массона это второй период).

Уже упомянутый вывод Г. А. Пугаченковой о том, что аканты, терракотовые «метопы» и зубцы в квадратном зале нашли лишь вторичное употребление в части двух последних подтвердили раскопки 1947 г., когда близ западной стены под всеми полами, в плотном утрамбованном слое над кирпичной платформой были обнаружены фрагмент «метопы» почти целый зубец, а также фрагмент черепицы (рис. 9). Обнаружение их под полами, т. е. в первом периоде, затем «метопы» в кладке футляра полуколонны, т. е. во втором периоде, а также в завалах, начиная с нижних слоев, говорит, как будто, о том, что эти элементы архитектурного декора украшали какую-то постройку, связанную с квадратным залом до конца существования последнего и лишь ломавшиеся детали периодически попадали поэтому в кладки каких-либо перестроек. Исключение в этом отношении как будто составляют терракотовые аканты, отнесенные в одну группу с «метопами» и «зубцами», датируемую II в. до н. э.

Рис. 9. Фрагменты терракотовых зубцов из раскопа.

По периодизации 1947 г. истории квадратного зала, терракотовые аканты принадлежат второму периоду. Видимо, они не оказались достаточно прочными и часть их сломалась, если уже в следующем, третьем периоде для некоторых пристенных полуколонн они были заменены глиняными. Поэтому кажется маловероятным, что здесь, в квадратном зале, они получили лишь вторичное употребление, сохранившись на протяжении около трех веков (со II в. до н. э. до I—II вв. н. э.).

История разрушения квадратного зала

Первый период. Этот период разрушения квадратного зала характеризуется интенсивным вмешательством человека. На обоих этапах естественные причины играли лишь второстепенную роль.

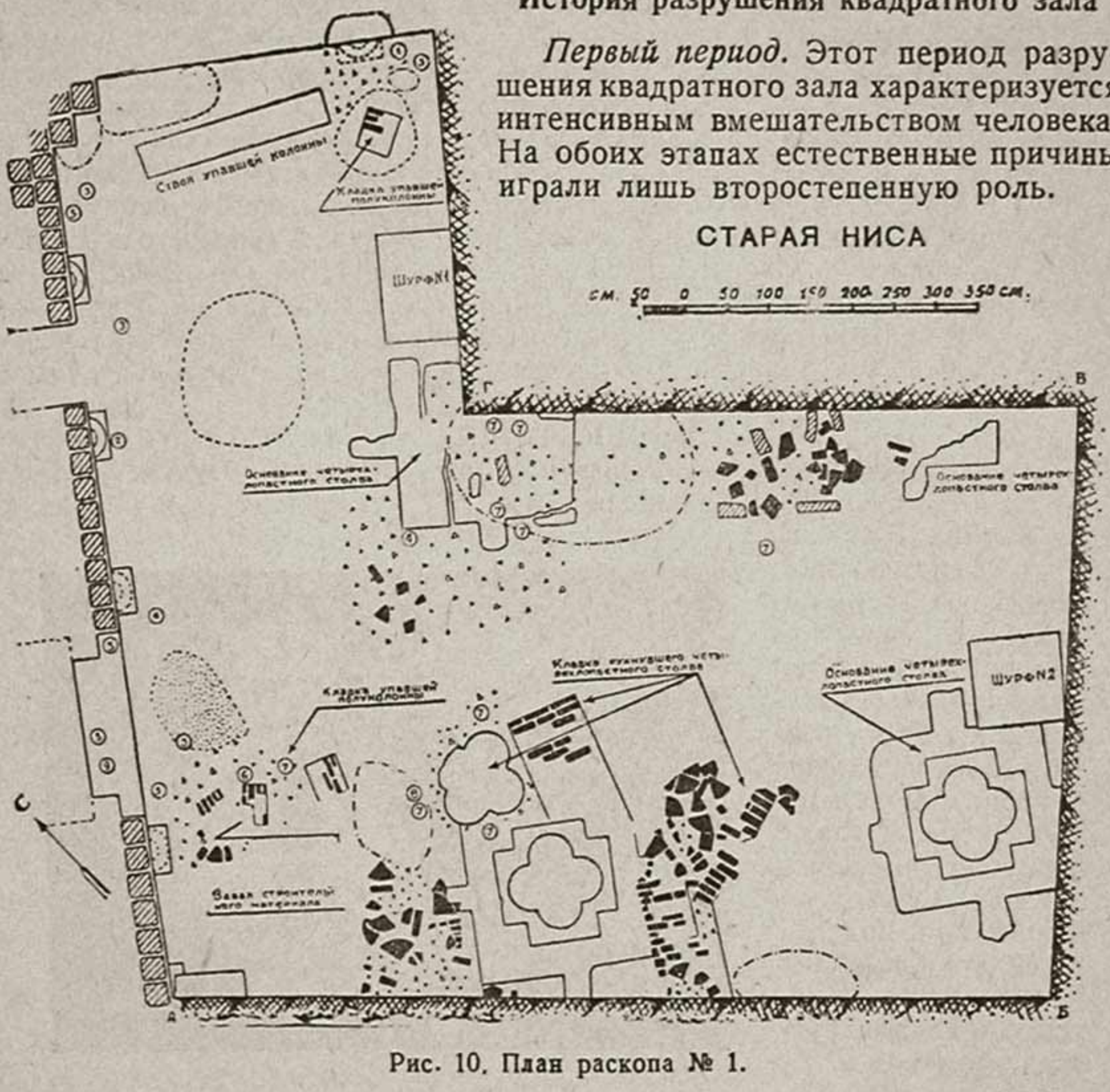


Рис. 10. План раскопа № 1.

① — Голова статуи.
② — Фрагмент „метопы".
③ — Фрагменты статуй и рельефных облицовок.
④ — Фрагменты зубцов.
⑤ — Фрагменты терракотового аканта.
⑥ — Фрагменты акантов из глины.
⑦ — Фрагмент железного штыря.
⑧ — Наконечник копья.
⑨ — Железный гвоздик.
— Мелкие куски алебастра и жженых кирпичей.
— Площадь с фрагментами цветной штукатурки.
— Площадь с многочисленными кусками дерева.
— Жженый кирпич.
— Фрагменты алебастровой облицовки базы четырехлопастной колонны.

Первый этап этого периода разрушения явился простым следствием того, что здание больше не поддерживалось и не ремонтировалось, а возможно, даже деревянные части его перекрытия в какой-то степени были разобраны на другие нужды. Свидетельством этого являются натечные слои, в большом количестве скопившиеся на полу здания, особенно близ стен (см. рис. 12). Иногда в состав таких слоев в большом количестве включена зола, придающая всему слою оттенок чисто зольного натека. Процесс этот продолжался достаточно долго.

Второй этап характеризуется интенсивным вмешательством человека, разбирающего и растаскивающего все наиболее ценное в этой постройке: жженый кирпич, железные и деревянные части и т. д. или просто производящего разрушения. Второй этап оставил весьма яркие следы этой деятельности человека (рис. 10). Во-первых, начисто был выбран жженый кирпич двух северных четырехлопастных столбов. У них разобрали не только стволы и базы, но даже разворотили с той же целью фундаменты столбов. В результате этого от четырехлопастного северо-западного столба остался только залитый алебастром «резервуар» фундамента, засыпанный мелкими кусками алебастра и меньше — осколками жженого кирпича с единственно уцелевшими и сохранившими кладку крестовидными отступами, да большой завал тех же материалов разрушения вокруг фундамента в виде слоя мелких кусков алебастра и жженого кирпича.

Завал около северо-восточного столба несколько более крупный: лучше сохранился сам фундамент столба, остались алебастровые валы базы, фрагменты и даже целые экземпляры жженого кирпича.

Полы и частично плотный утрамбованный слой под ними около этих двух четырехлопастных столбов вследствие полной выборки всего кирпича оказались во многих местах сильно поврежденными (рис. 10).

Совершенно другую и весьма эффектную картину дает завал около юго-западного четырехлопастного столба, который (как и юго-восточный) не разобрали полностью на кирпич. Оба южных столба сохранили свои фундаменты и базы, а юго-восточный еще и часть вертикального ствола. Неразобранные же части юго-западного столба огромными фрагментами то в виде сдвинутого со своего места и лежащего на натечных слоях горизонтального пласта четырехлопастного ствола, то в виде отдельных его лопастей, оторванных от остального тела, или просто больших вывороченных кусков лежат с северной и восточной стороны оставшейся на своем месте базы. С западной же стороны — завал более мелкого состава: из отдельных целых и фрагментированных жженых, большей частью лекальных кирпичей, из небольших кирпичных сколов и кусков алебастра от промазки — прямых свидетелей искусственного разрушения.

Не меньше пострадали пристенные полуколонны из числа кирпичных, сохранившихся на третьем этапе. Часть их была начисто выбрана даже вместе с футляром, ярким примером чего является вскрытое гнездо такой полуколонны в северной стене, где она вместе с футляром, сохранила только небольшой фрагмент ствола и завал из мелких кусков жженого кирпича и, главным образом, алебастра. К тому же здесь, как и при разработке северных четырехлопастных стволов, на некотором участке были нарушены полы здания.

Свидетельством разбора уже деревянных частей здания, в частности, и, главным образом, кровли являются железные штыри и гвозди

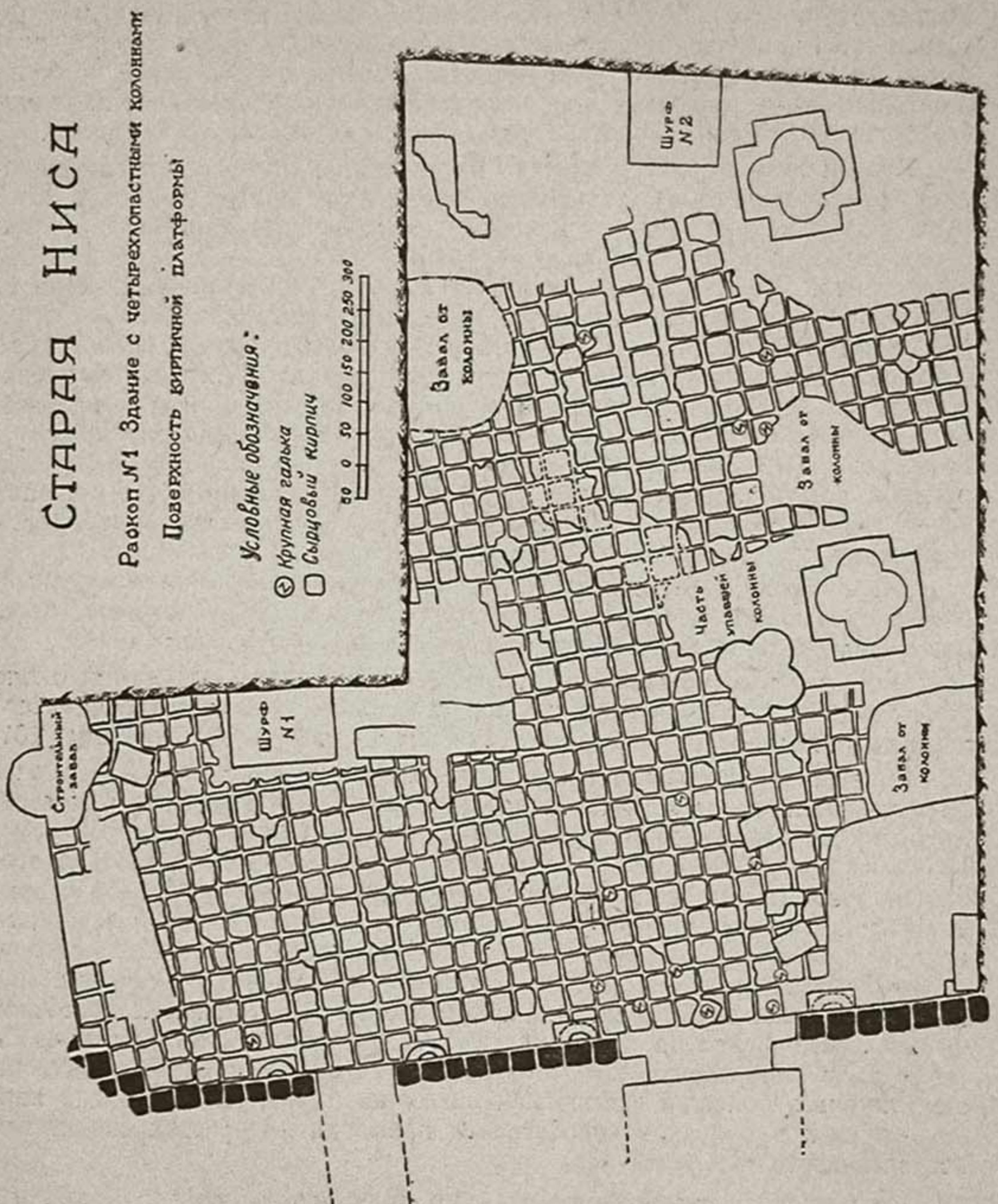


Рис. 11.

разных размеров, а также многочисленные мелкие кусочки дерева над колоннами в завалах строительного мусора, а чаще лишь гнезда от небольшого диаметра деревянных частей перекрытия, начисто съеденных термитами. Повидимому, при разрушении людьми потолка в первый

период запустения Нисы после падения Арсакидского государства наиболее крупный и лучшей сохранности лес был изъят отсюда и использован в других местах на разные хозяйственные надобности. А на месте, на поверхности завала строительного мусора, в VIII — X ярусах, оставались лежать на открытом воздухе упавшие при разламывании кровли мелкие деревянные остатки или просто менее пригодные для нового практического употребления деревянные части постройки.

При этом изъятии наиболее ценных строительных материалов производились, конечно, и простые разрушения. В частности, были разбиты и раскиданы статуи, фрагменты которых встречены поэтому в самых неожиданных местах, на большой площади внутри зала и даже вне его.

Картина первых двух этапов разрушения квадратного зала опровергает упоминавшийся выше и прочно установившийся взгляд на то, что причиной гибели постройки явилось землетрясение. Вся картина

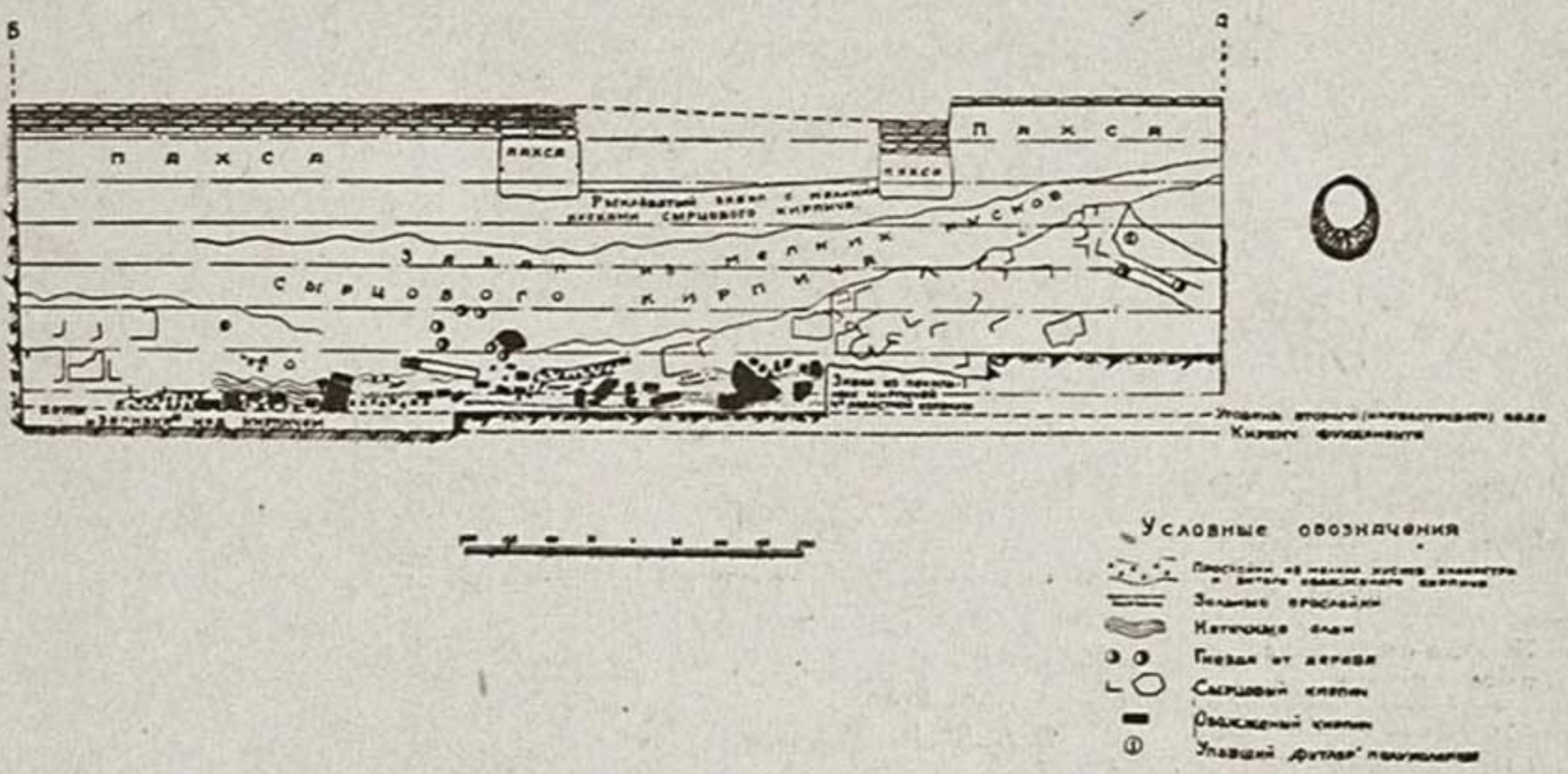


Рис. 12. Профиль юго-западной стенки раскопа C_1.

завала строительного материала красноречиво говорит об его искусственном происхождении. И если часть обрушений произошла естественным путем, то наличие ниже расположенных натечных слоев и искусственного мелкого завала строительного мусора говорит о том, что это могло иметь место значительно позже. Таким образом, если землетрясение и сыграло какую-то роль в разрушении здания, то отнюдь не было первоначальной причиной его гибели, лишь в дальнейшем ускорив начатое человеком. Причину начала запустения постройки нужно искать поэтому в политической и экономической обстановке, и в этой же связи очень вероятной кажется высказанная М. Е. Массоном мысль, что причиной запустения Старой Нисы в целом явился приход к власти Сасанидов (которые, естественно, не позволили поддерживать курук свергнутой династии) и начавшийся уже с III в. н. э. кризис рабовладельческой формации.

Второй период. Этот второй очень длительный во времени период разрушения здания в основном связан уже с естественными причинами. Оставшаяся без перекрытия сырцовая постройка под влиянием просто климатического фактора должна была медленно разрушаться, и здесь ускорителями могли быть и были частые в Южной Туркмении разной силы сейсмические толчки.

Профили раскопа квадратного зала 1946—1947 гг. (рис. 12, 13 и 18) свидетельствуют о несомненных, достаточно четко также и по структуре различающихся трех слоях завала, показывающих три этапа разрушения постройки во втором периоде.

Завал первого этапа почти сплошь состоит из больших фрагментов кирпича-сырца, и даже целых кирпичей, и в силу этого не обладает большой плотностью. Направление его резко наклонное от стен зала и даже не доходит до его средней центральной части. И структура и наклон

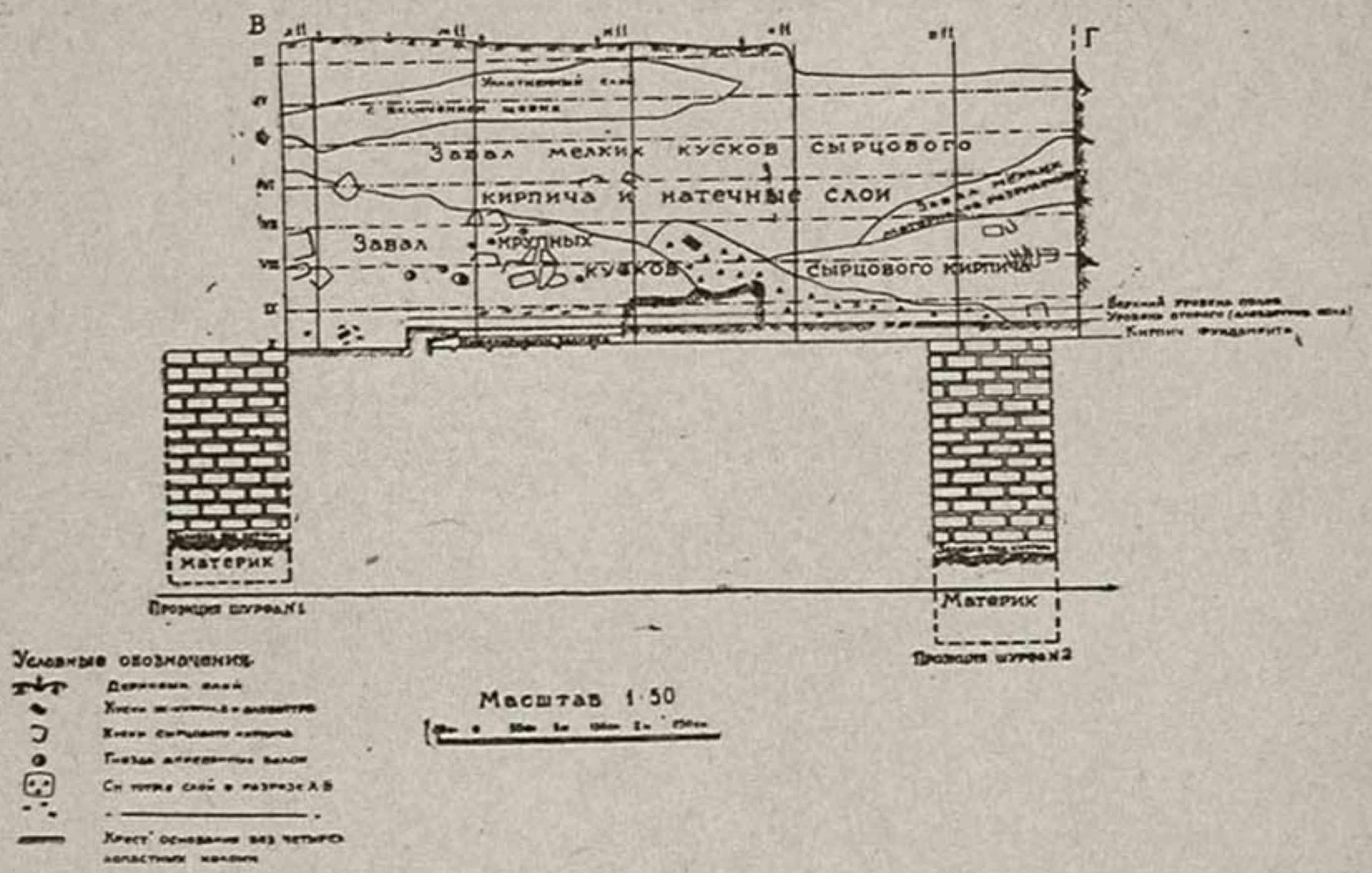


Рис. 13. Развертка.

завала говорят о резком и единовременном разрушении, когда сразу обвалились большие участки стен из сырца, красноречивым свидетелем чего является также наклонно в этом завале лежащий фрагмент футляра одной из полуколонн, сломавшийся и упавший во время этого обрушения (рис. 2). Очень вероятно, этот завал своим происхождением обязан страшному хорасанскому землетрясению 454 г., с которым М. Е. Массон предположительно связал отрыв от основной кладки и отход наружу четырех уступчатых пилонов, пристроенных к главному фасаду квадратного зала. Несомненная связь этого этапа разрушения с экстраординарными причинами, скорее всего сейсмического порядка, и возможность видеть в этом завале следствие именно упомянутого землетрясения V в. н. э. подтверждается и керамикой этого

слоя очень, правда, фрагментированной, но относящейся ко времени до VII—VIII вв. Это преимущественно мелкие фрагменты тонкостенных чаш с прямым или отогнутым наружу венчиком (из тонко отмученной глины, ровного светлокирпичного обжига) или такие же чаши из серой глины с черным ангобом; мелкие фрагменты кувшинов и горшков, более толстостенные, обычно покрытые белым или кремоватым ангобом, а иногда даже, подобно хуму из хозяйственных помещений Старой Нисы, выкопанному в 1946 г., — двумя слоями ангоба: сначала жидким черным (который с просвечивающим слегка кирпично-красным телом сосуда дает коричневатый оттенок), а сверху — белым. Донья сосудов плоско срезанные. Некоторые фрагменты несут следы лощения. Керамика эта по местонахождению ее должна принадлежать времени, предшествующему этому обрушению, тем более, что она в основном подстилает слой обрушения или находится в его нижних частях.

Завал второго этапа второго периода отличается от первого, только что описанного, структурой и происхождением (рис. 12, 13, 18). Прежде всего он характеризуется большой плотностью, на некоторых участках столь значительной, что постепенное с участием воды сложение этого слоя завала не вызывает сомнения. Слой этот состоит уже в основном из мелких материалов разрушения и более или менее мелких кусков кирпича-сырца с редким включением фрагментов жженого кирпича и больших кусков сырцового.

И направление завала (более ровное и пологое, плавно понижающееся к центру от стен) и структура его говорят о постепенном естественном ежегодном оплыве стен здания.

Верхняя хронологическая граница этого этапа падает уже на время после арабского завоевания, поскольку третий слой на третьем этапе этого периода совпадает со временем, предшествующим монгольскому завоеванию, и эпохой монгольского владычества.

Верхний крупный слой третьего этапа завала, рыхлый в целом, несколько более уплотнен в центральной части в силу естественного стока туда по наклону от стен ежегодных осадков. Он заключает мелкие материалы разрушения с кусками (обычно мелкими) сырцового кирпича. Прослеженный на площади комнат верхнего здания, он дал в основном керамику голубой и зеленой поливы XII—XIII вв. и даже несколько фрагментов XIV в. Верхний уровень этого завала, также наклонный от стен к центру, обрисовывается высотами, на которых возводилось рассматриваемое ниже средневековое здание.

Снаружи квадратного зала разрушение шло своими, видимо, путями, но так как там вскрытие произведено было еще до работ ЮТАКЭ, полную картину представить невозможно. Можно только отметить, что с западной стороны завал пространства между уступчатыми пилонами начался уже несколько веков спустя после арабского завоевания, так как в 1946 г. при зачистке около еще не вскрытого пилона, близко над уровнем поверхности времени функционирования постройки, был обнаружен поливной фрагмент керамики XII—XIII вв.

Подтверждением длительности первых двух периодов разрушения и запустения квадратного зала являются найденные в центре зала на глубине IX яруса панцыри нескольких черепах (Testudo Horsfieldi). Совершенно целые, крупных размеров, они принадлежали взрослым особям, умершим в норах, куда они заползли на спячку несколько сто-

летий назад. Большая глубина залегания днищ этих нор от современного уровня поверхности показывает, что эти рептилии бродили по заброшенному пустырю Старой Нисы в пору, когда накопившиеся в квадратном зале культурные отложения были значительно меньшей мощности и их верхний уровень не превышал того, на котором затем было выведено второе шестикомнатное сооружение.

Третий период выявляет пока два этапа. Первый этап падает на время сооружения и функционирования на площади квадратного зала верхнего шестикомнатного здания XIV в. (описание его устройства и датировка приводятся ниже), которое довольно скоро, в пределах того же XIV в. было заброшено.

Второй, очень длительный этап, соответствует разрушению этого верхнего здания и дальнейшему оплыву его стен и стен квадратного зала до современного состояния и уровня поверхности.

О продолжительности нового запустения городища после XIV в. наглядно свидетельствуют попадающиеся на разных глубинах разновременные «столовые» и «детские» камеры крупного туранского копра (Homalocopris tmolus), опускающего «детские» помещения на глубину 0,7—1,5 м отчасти «священного скарабея» (Scarabaeus sacer) и других навозников, а также следы колоний земляных пчел. Залегание камер этих насекомых, определенных М. Е. Массоном на разных, иногда значительных, глубинах, — показатель, по его мнению, постепенного повышения уровня поверхности в основном за счет процесса оплыва стен, находившихся здесь в состоянии руин строений.

Наличие во всех завалах и оплывах (особенно последнего периода) фрагментов керамики, остатков костриков с костями животных или просто многочисленных разбросанных на большой площади костей говорит за то, что Старая Ниса, и, в частности, разрушающийся квадратный зал все время посещались людьми, может быть, пастухами, находившими себе здесь временное убежище.

Постройки времени монгольского владычества на Старой Нисе

Первые раскопки на месте, где было обнаружено так называемое «сасанидское здание», начались в том же 1930 г. археологической секцией Туркменкульта под руководством А. А. Марущенко, который, уже в результате работ этого года, выделил два упомянутых культурных слоя, причем верхнее здание из сырцового кирпича было отнесено, как указывалось выше, к «сасанидской эпохе» (III—VII вв.). Небольшие дополнительные работы проводились здесь еще в 1931 г.[17]).

В 1934 г. одной из основных задач, по словам А. А. Марущенко, являлось установление плана парфяно-сасанидских зданий, открытых в 1930—31 гг., что и было выполнено в процессе работ этого года[18]), причем коридорная система и узкие комнаты верхнего (т. е. так называемого «сасанидского») — сопоставлялись тогда с планами доисторического здания на вершине холма Ак-тепе близ Ашхабада и согдийского замка на горе Муг[19]).

Более четкое описание плана приведено в «Туркменской искре» № 261/3009 от 12 ноября 1934 г.: «в результате двухмесячных работ нынешнего года (сентябрь — октябрь) вскрыто два культурных слоя, общей глубиной до 7 м, причем были обнаружены развалины двух стоя-

щих одно на другом зданий. Верхнее из них имеет вид коридора, с каждой стороны которого расположено по 8 комнат. Вход в здание сделан с северной стороны. Здание относится к сасанидской эпохе». Именно такой план изображен и на чертеже А. А. Марущенко, хранящемся в архиве Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР. Этот чертеж, несомненно, представляет реконструкцию, так как только комнаты № 1—5 (считая с юга на север) восточного крыла и южная часть коридора между комнатами № 2—4 могли быть установлены в результате работ 1930—1934 гг., поскольку на этой площади производилась шурфовка. Поэтому комнаты (№ 1—2 и № 4—5) западного крыла могли быть реконструированы по аналогии; источник же появления на реконструкции трех пар северных комнат (№ 6—8) по опубликованным материалам вообще установить не удалось. Несомненно, что число комнат верхнего здания[16] является следствием простого домысла.

В 1946 г. во время работ ЮТАКЭ вскрыта была одна комната верхнего здания обозначенная на нашем плане как «комната A_1» и соответствующая, по плану А. А. Марущенко, комнате № 4 западного крыла комплекса. К северу от этой комнаты «A_1» никаких связанных с этим комплексом других помещений не обнаружено. Это поставило под сомнение достоверность всех остальных комнат (№ 5—8) северной половины комплекса. Кроме того, оставался открытым вопрос назначения коридора, так как ни северная, ни южная границы его не были засечены раскопками прошлых лет.

Поэтому для окончательного выяснения плана этого здания в 1947 г. необходимо было установить, во-первых, его северную и южную границу и, во-вторых, назначение и устройство промежуточного коридора: было ли это крытое замкнутое помещение, как следовало из плана реконструкции А. А. Марущенко, или просто проход между самостоятельными группами комнат.

Раскопки начали проводить сразу на двух участках: на площади комнаты «B_1» и в проходе между комнатами «B_1» и «В» и на невскрытой еще части комнаты «А» с последующим выходом к северу от нее (рис. 14).

В результате было установлено, что с северной стороны комнаты «А» и «A_1» (соответствующие комнатам № 4 по плану А. А. Марущенко) являются крайними. В 1947 г. никаких других помещений к северу от комнаты «A_1» не оказалось, так же как в 1946 г. к северу от комнаты «A_1», а открытый северо-западный угол этой комнаты показал, что ни продольные, ни поперечные стены ее никуда здесь не продолжались. Дверной проем в продольной северной стене ее, вскрытый в 1947 г., выводил, следовательно, не в следующее помещение, а наружу.

Так как комнаты «А» — «A_1» оказались крайними с северной стороны, между ними следовало ожидать стену, замыкающую «коридор», если бы таковая имелась. Поскольку какие бы то ни было следы наличия кирпичной кладки и пахсового основания здесь и несколько далее к северу отсутствовали, приходится считать, что пространство между двумя группами помещений было не крытым коридором, а простым проходом — «двориком».

С южной стороны удалось зафиксировать наличие комнаты «B_1», от которой сохранилась полностью лишь северная и восточная стена,

а южная, главным образом, только в той части, которая проходила над разрушившейся в верхних частях парфянской стеной нижнего здания. Восточная половина этой южной стены была полностью размыта. Возможно, в этой части (по аналогии с комнатой «А») в длинной стене

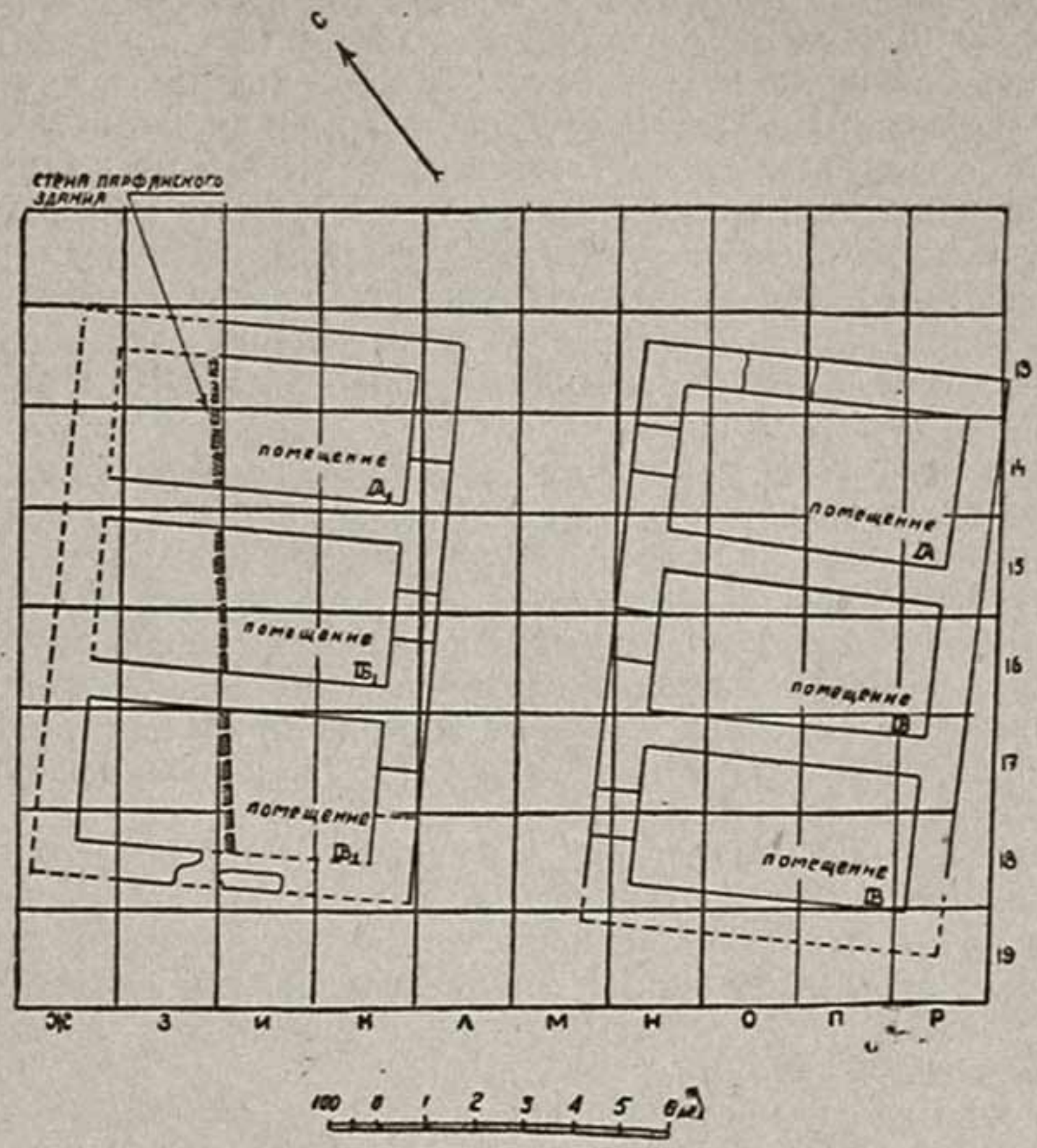


Рис. 14 План здания монгольской эпохи.

находился проход, что способствовало ее разрушению. А так как нижний уровень кирпичной кладки (о чем будет сказано особо) в этих помещениях «В» — «$В_1$» находился высоко — естественно, что в одной части эта кладка оказалась полностью размытой.

В противоположной комнате «В», вскрытой еще в 1930 г., тоже сохранилась только западная, северная и частично восточная стена. Южная, вероятно, была целиком смыта.

Вскрытая комната «$В_1$», соответствующая помещению № 2, по плану А. А. Марущенко, оказалась крайней с южной стороны. Отсутствие поэтому здесь стены, замыкающей «коридор», лишний раз подтвердило, что это просто проходной дворик.

Результаты работ ЮТАКЭ 1947 г. и произведенные замеры позволяют представить себе план комплекса в следующем виде.

Он состоит всего из шести комнат, длиной внутри 2,90—3 м, расположенных по три с западной и восточной стороны открытого прохода. Проход этот, шириной 3,50—3,70 м, слегка расширяется к северу. Все шесть комнат имеют выходы — двери, ведущие в этот проход и расположенные посередине коротких стен помещений. Комната «А» имела,

кроме того, второй выход, устроенный в продольной северной стене, но не посередине ее, а ближе к западной стороне. Возможно, такой же добавочный дверной проем был в южной стене комнаты «B_1».

Сами комнаты не имеют строго прямоугольных очертаний, так что часто ширина у них на западном и восточном концах неодинаковая. Это явилось следствием того, что внутренние продольные стены были выложены не строго параллельно. В целом по ширине разные комнаты несколько варьируют в пределах 2,75—3,10 м. Противолежащие комнаты и их дверные проемы в коридорообразный проход расположены не строго симметрично.

В нижних частях здание сложено из пахсы, причем в некоторых местах четко прослеживаются швы, разделяющие блоки в среднем около 0,5 м в стороне. Пахса отсутствует только в тех частях западного крыла комплекса, которые выложены непосредственно над парфянской стеной, даже в том случае, если кирпичная кладка этой парфянской стены в верхних частях нарушена.

Над пахсой — кладка сырцового кирпича, размером 30×30×6 см³, 31×31×6,5 см³, 32×32×7см³ (сырцовое тесто без примеси самана). Толщина стен здания — 80—90 см и в ширину состоит из двух целых сырцовых кирпичей и одного не целого, чаще половинного. Кладка кирпича в горизонтальном ряду не показывает однообразия. Иногда целые кирпичи положены без перевязки, а половинки несколько смещены и образуют подобие перевязки. В других случаях все кирпичи образуют перевязку швов, но бывает и так, что все швы в обоих направлениях совпадают. По вертикали, однако, перевязка швов всегда соблюдается.

Кладка кирпичей сама по себе очень небрежна, швы разной ширины, иногда отдельные кирпичи повернуты под углом к направлению стены и образуют косые швы, которые в некоторых случаях забиты кусками сырцового кирпича.

Общая нивелировка площадки перед началом возведения стен не производилась, в силу чего уровни разных комнат в целом и нижние уровни пахсы и кирпичной кладки каждой стены внутри одной комнаты находятся на самой разнообразной высоте, закономерно подчиняясь неровной поверхности завала парфянского здания. Завал этот, естественно, выше всего был близ парфянских стен, т. е. с южной и западной стороны, понижаясь на северо-восток, к центру парфянского зала. Сообразно этому на самом высоком уровне начинается кирпичная кладка комнаты «В», находящейся как бы в углу парфянского здания, а наиболее низкий уровень начала кирпичной кладки показывает комната «А», расположенная дальше всего от стен, почти в центре парфянского зала.

И продольные, длинные стены комнат каждого крыла и поперечные стены дают как бы ступенчатое понижение уровней с юга на север, причем поперечные (т. е. восточные и западные) стены обоих крыльев комплекса выводились сразу, каждая для трех комнат, но без учета того, где поперечная стена сомкнется с продольной. Поэтому ступенчатообразное изменение уровня кирпичной кладки в поперечной стене (юг — север) отнюдь не соответствует переходу от одной комнаты к другой, а сделано произвольно, так что в каждой комнате по-

перечные стенки показывают сразу два резко различных уровня кирпичной кладки.

И хотя противолежащие комнаты двух частей комплекса также не находятся на одном уровне, однако здесь разница не столь велика, чтобы затруднять пользование общим проходом-«двориком», куда выводили дверные проемы всех шести помещений. Сравнение уровней порогов, которые удалось зафиксировать для каждой комнаты, показывает (рис. 15), что разница порогов противолежащих комнат «В — $В_1$» была всего около 30 см, у комнат «А — $А_1$» — около 50 см, а пороги средних комнат «Б — $Б_1$» были почти на одном уровне. Такая незначительная разница позволяла нормальное функционирование общего прохода-«дворика», который между каждыми двумя комнатами мог представлять ровную площадку. Но так как разница уровней самого высокого порога (комната В) и самого низкого (комната А) достигала 130 см на протяжении 7—8 м, то проход-«дворик»мог быть только или наклонным с юга на север, или ступенчатым. Некоторые данные заставляют склоняться к последнему предположению.

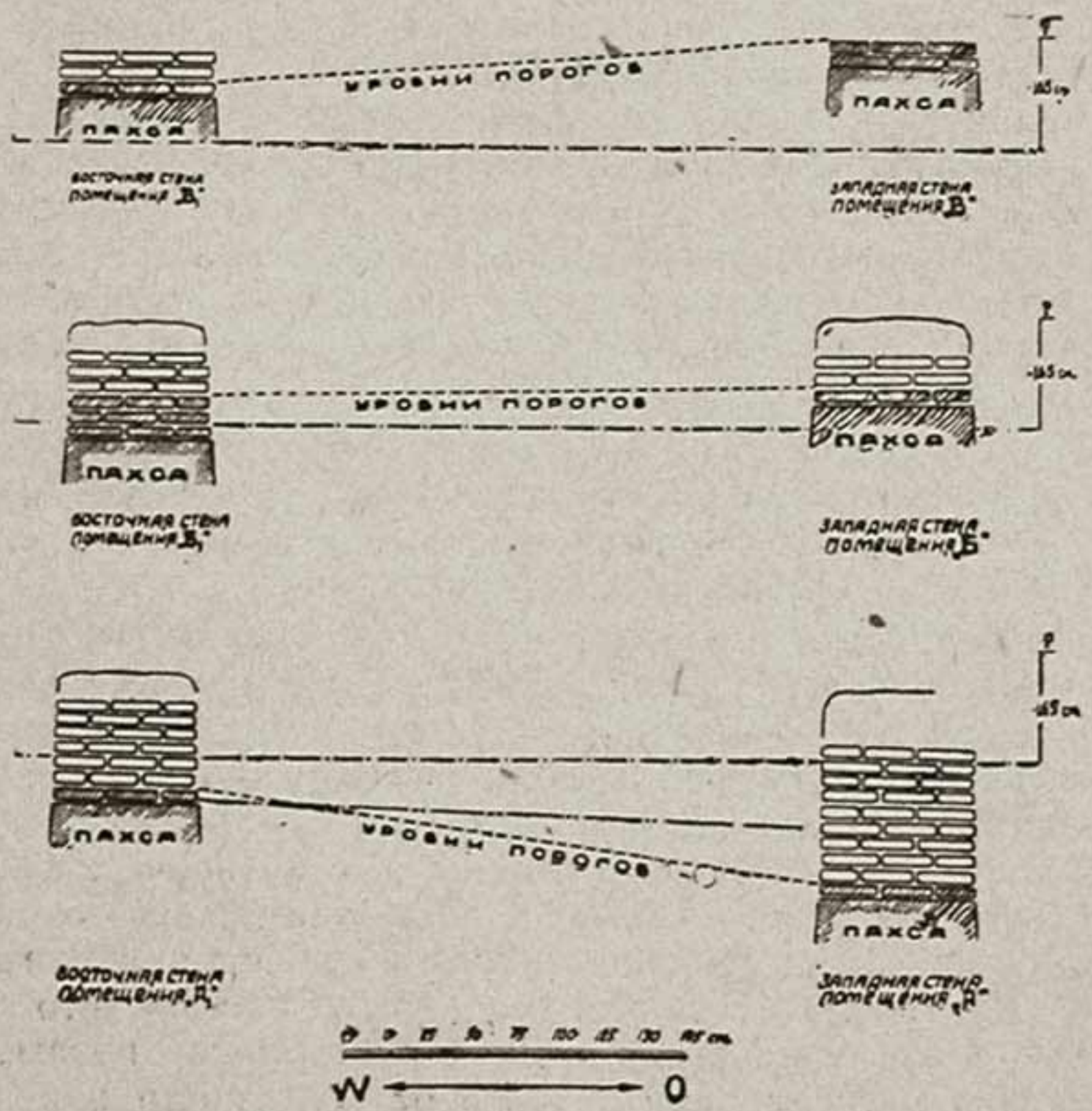


Рис. 15. Разрезы через проходы помещений А—$А_1$, Б—$Б_1$, В—$В_1$ задания монгольской эпохи.

Уровень прохода-«дворика», который, естественно, должен был быть в каждом случае несколько ниже любого порога, удалось зафиксировать в двух точках: на площадке между комнатами «В — $В_1$» и на уровне между северными стенами комнат «Б —$Б_1$» (квадраты Л — 15 и М — 15). На всей остальной площади между комнатами «А — $А_1$» и «Б — $Б_1$» проход был вскрыт работами 1930—1934 гг.

На пространстве между комнатами «В — $В_1$» уровень прохода от-

мечается обнаружением на глубине — 160 см от репера в кв. М-17 фрагментов котла для варки пищи из грубого глиняного теста с примесью дресвы. Эти фрагменты принадлежали тому же самому котлу, другая часть которого была найдена внутри комнаты «$В_1$», на ее полу у стены.

Следовательно, после того как котел сломался — часть его выбросили в проход, а часть оставили в комнате, т. е. это имело место, когда помещение не было постоянно обитаемо, но, однако, еще не разрушилось, так как и кострик в северо-восточном углу комнаты (кв. К-17) и фрагменты котла около восточной стены находились как раз над уровнем еще не заваленного пола. Поэтому и для «дворика»-прохода уровень — 160 см близок его «полу» в период функционирования здания. Это тем более правдоподобно, что над этим уровнем отмечались при раскопках натечные прослойки, выше уже перемежающиеся с материалами разрушения здания. Отсюда пороги дверных проемов комнат «В — $В_1$» были выше прохода- «дворика» соответственно примерно на 30 см и 60 см, что не представляло неудобств.

При снятии бровки между северными стенами комнат «$Б_1$—Б» на глубине 190—200 см от репера слегка наклонно с запада на восток отмечена прослойка из алебастровой щебенки и кусочков жженого кирпича, ровно и явно искусственно насыпанная. Эта «вымостка» отмечает уровень прохода на этом участке в период функционирования здания. Он на 30—40 см ниже соответствующего вышеописанного уровня южного участка прохода. Если допустить, что проход был просто наклонный с юга на север, проведя его уровень через две зафиксированные точки, то получится, что он пройдет на одной высоте (или даже немного выше) порога комнаты «А», что очень маловероятно, так как порог должен быть, наоборот, выше уровня «дворика». Поэтому и было предположено, что, в целом наклонный на север, проход был оформлен от комнаты к комнате ступенчатым переходом, или во всяком случае такая ступень была устроена при переходе на участок между самыми низко расположенными комнатами «А — $А_1$».

Полы зафиксированы в обеих комнатах, вскрывавшихся в 1947 г. В комнате «$В_1$» он находился на уровне 140 см от репера и представлял собой глиняную смазку 2—3 см толщины, сохранившуюся вдоль северной и восточной стен комнаты. На полу в северо-восточном углу комнаты был упомянутый выше кострик в виде зольно-угольной прослойки и красной, прожженной под ней смазки пола. На полу же, около восточной стены, были обнаружены также упоминавшиеся фрагменты небольшого закопченного котелка для варки пищи, причем один большой фрагмент стенки котелка стоял вертикально у стены комнаты. Здесь же найден был кусок металлического шлака.

Уровень пола был ниже порога на один ряд кирпича.

В середине комнаты этот пол проследить не удалось: он осел и разрушился под строительным завалом, что естественно, так как под пол для его прочности не делалась утрамбованная насыпка, и раскоп показал, что ниже пола идет рыхловатый завал с включением сырцового парфянского кирпича, перемежающийся натечными прослойками.

В комнате «А» пол зафиксирован в виде промазки, сохранившейся узкой полочкой вдоль стен и по углам комнаты и понижающейся к центру, где она была разрушена строительным завалом.

Так как полы в комнатах делались, естественно, более или менее горизонтальными, уровень их вовсе не определяется началом кирпичной кладки стен, так как последнее — что уже отмечалось — даже внутри одной комнаты по разным стенам было на разной высоте. Таким образом, полы примыкали то к кирпичной кладке, то к пахсе, почему пахсу здесь нельзя считать фундаментом в полном смысле этого слова.

Рис. 16. Неглазурованный кувшин из раскопа.

Датировка этого комплекса сасанидским временем уже в 1946 г. вызывала большие сомнения, однако прямых данных для ее уточнения еще не было, так как фрагменты поливной керамики при вскрытии комнаты „A_1“ находились не ниже III яруса, т. е. не ниже завала уже самой этой постройки. Однако М. Е. Массон уже тогда высказал предположение, что это здание много позднее времени арабского завоевания. 1947 г. дал большое число фрагментов датирующей керамики ниже уровня этого здания. Кроме того, ряд фрагментов удалось извлечь из кирпича и пахсы, слагающих его стены.

Нижнюю хронологическую границу дают три фрагмента керамики IX—X вв., которые были найдены в кирпиче на разных участках верхнего здания при разборке его стен. При снятии же восточной стенки комнаты „B“ в пахсе оказался фрагмент, вероятно, кувшина, покрытый с одной стороны голубой, а с другой—зеленой поливой, какие типичны для монгольского времени.

Керамика верхнего слоя завала, на уровне которого было воздвигнуто шестикомнатное здание, еще уточняет время его сооружения. Здесь среди прочих глазурованных фрагментов один с черно-фиолетовым орнаментом по голубому фону относится именно к XIV в. Из прочих находок следует упомянуть большое число фрагментов чаш XII—XIII вв., покрытых голубой и реже зеленой поливой; почти полностью склеенный неглазурованный кувшин монгольского времени со сферическим туловом и расширяющимся кверху боченкообразным горлом, по плечикам покрытый процарапанным ромбовидным орнаментом с ин-

крустацией из кусочков голубой глазури; фрагмент тонкостенного сероглиняного кувшина XII—XIII вв. с узким высоким горлом (само горло и вся нижняя часть отсутствуют), украшенный богатым рельефным штампованным орнаментом (рис. 16 и 17).

Рис. 17. Фрагмент штампованного неглазурованного кувшина из раскопа.

Таким образом, слой завала парфянского здания, на котором стоит верхнее шестикомнатное, датируется XII—XIV вв., почему XIV в. и можно считать временем сооружения рассматриваемой постройки.

Просуществовала она недолго и в том же XIV в. начала разрушаться, так как в завале дверного проема, в северной стене комнаты „А" был найден фрагмент чирагдона XIV в.

Отсутствие бытовых предметов и сооружений (раскопками старых лет был обнаружен лишь один тандыр), пристроек, кладовых и прочего, что характеризует жилой комплекс, сам план здания в виде одинаковых параллельных, несообщающихся непосредственно друг с другом комнат — все это заставляет видеть в здании постройку официального, может быть казарменно-сторожевого назначения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ершов С [А.], Итоги трех лет. Обзор работы археологической секции Туркменкульта. Туркменоведение. 1931, № 7—9, стр. 55.; Марущенко А. А., Предварительные итоги о результатах работ по раскопкам Старой Нессы АН СССР, Совет по изучению природных ресурсов. Предварительные итоги экспедиционных работ в Туркменской ССР за 1934 г., М., 1935, стр. 149.

2. В частности, «Итоги раскопок Старой Несы». Туркменская искра, № 261/3009 от 12 ноября 1934 г. «Города двух тысячелетий». Правда, 1934, № 319.

3. Марущенко А. А., Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института, 1935, № 1, стр. 16.

4. Ершов С. [А.], Итоги трех лет... цит. раб., стр. 55.

5. Марущенко А. А., Археологические открытия... цит. раб., стр. 16.

6. Ершов С. А., Отчет о раскопках, проведенных в 1946 году на крепости «Старая Ниса», Рукопись, стр. 14.

7. Раскопочные работы продолжались сорок дней. (10 сентября — 25 октября) с расходом рабочей силы 564 человекодня. Вынуто за это время и отнесено на носилках за пределы рабочей площадки 468 кубометров земли.

8. Размеры сырцового кирпича построек первых веков н. э. в Хорезме близки или полностью совпадают с сырцом Старой Нисы. См., напр., Толстов С. П., Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 169; Ершов С. А., Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи. ВДИ, 1941, № 1, стр. 185; Тереножкин А. И., Археологические разведки в Хорезме. Советская археология, VI, М.—Л., 1940, стр. 172. Близок также сырцовый кирпич Тали-Борзу 1 (39×39×9 см³), относимого теперь к кушанскому времени.

9. См. чертежи Марущенко А. А. в архиве Института истории, языка и литературы ТФАН.

10. Пугаченкова Г. А., Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I., Ашхабад, 1949, стр. 203—204.

11. Марущенко А. А., Археологические открытия.., цит. раб., стр. 16. Ершов С. А., Отчет... цит. раб. Рукопись, стр. 5. Горшков Г. П., Землетрясения Туркмении. Труды сейсмологического института АН СССР, № 122, М.—Л., 1947, стр. 4.

12. По чертежам Марущенко А. А., она различно показана то в пяти, то в шести метрах, что вытекало из неправильно вычисленных и сильно преуменьшенных (до 16,8 м в стороне) размеров квадратного зала.

13. Сейчас не представляется возможным установить, была ли вообще последняя в вестибюле, так как он вскрыт полностью до работ ЮТАКЭ. Скорее всего, конечно, была и просто снята во время раскопа, так как менее вероятно, чтобы внутри зала алебастровую штукатурку замазали, а в вестибюле сохранили.

14. Граков Б. Н., Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Институт археологии и искусствознания РАНИОН. Труды секции археологии, вып. V, М., 1930, стр. 74, 86—87.

15. Тереножкин А. И., Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 126. Оболдуева Т. Г., Курганы близ Янги-Юль (Рукопись).

16. Бартольд В. В., Восточно-иранский вопрос. Известия РАИМК, т. II. П., 1922, стр. 369. [Высказанное здесь мнение В. В. Бартольда находится в противоречии с установленными ЮТАКЭ фактами. Ред.].

17. Ершов С. [А.], Итоги трех лет... цит. раб., стр. 55; Марущенко А. А., Предварительные итоги... цит. раб., стр. 149.

18. Марущенко А. А., Предварительные итоги... цит. раб., стр. 150—151.

19. Марущенко А. (А). Археологические открытия... цит. раб., стр. 16; см: напр., жилые комплексы X—XII вв. в Хорезме. Тереножкин А. И., Археологические разведки в Хорезме. Советская археология, VI, М.—Л., 1940, стр. 186—187.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

РЕКОНСТРУКЦИЯ «КВАДРАТНОГО ЗАЛА» ПАРФЯНСКОГО АНСАМБЛЯ СТАРОЙ НИСЫ*

Центральное положение в сложном, разновременном планировочном организме архитектурного комплекса на городище Старой Нисы занимает квадратный зал с четырьмя мощными кирпичными столбами четырехлопастного очертания, раскопки которого в течение двух сезонов проводятся ЮТАКЭ. Результаты двухлетних стратиграфических наблюдений, с одной стороны, стилистический анализ архитектурных и художественных элементов (см. нашу статью о парфянской архитектуре Нисы в т. I «Трудов ЮТАКЭ») — с другой, позволили отнести время его перестройки к началу н. э. и выделить ряд ремонтных периодов вплоть до III столетия, времени запустения «царского города». Широкий раскоп, захвативший к концу 1947 г. около $^2/_3$ всей площади зала, наблюдение картины разрушения и завалов, тщательное обследование ряда деталей дало возможность уточнить как некоторые основные размеры постройки, так и воссоздать многие архитектурные формы и элементы.

Проблема научно-художественной реконструкции здания ставит перед историком архитектуры увлекательную задачу воссоздания по остаткам картины целого. И если для всего архитектурного ансамбля Старой Нисы, пока лишь частично затронутого археологическим вскрытием, составление проекта реконструкции было бы чересчур преждевременным, то для постановки опыта реконструкции интерьера «Квадратного зала» уже имеется достаточно данных.

Приведем основные исходные положения, на которых основан предлагаемый проект реставрации.

Постановка широкого археологического раскопа позволила уточнить периметр плана (20 м в стороне квадрата, а не 16, как это предполагалось при старых «кессонных» раскопках) и местоположение несущих четырехлопастных столбов. Устанавливается, что пристенные полуколонки, в связи с наличием входных проемов, были расположены не на равных расстояниях, но на разных интервалах и что углы зала были оформлены раскреповкой — уступами. При раскопках выявлена форма базисов столбов и полуколонн. Высота последних, разрушенных в верхней своей части, прослеживается по гнездам в стенах: ствол до-

---

* Уточнение к проекту графической реконструкции «Квадратного зала», составленному автором в 1947/48 гг., дали раскопки 1949 г. Поскольку издание II тома «Трудов ЮТАКЭ» несколько задержалось, автор использует в настоящей заметке некоторые, полученные в 1949 г., дополнительные данные.

стигал 2,90 м от пола. Выше, судя по расширению гнезд и срезу стволов, располагалась капитель, профиль которой, судя по некоторым алебастровым фрагментам, найденным в археологическом слое, примерно соответствовал профилю базы, но в обратном расположении. Общие пропорции полуколонн, таким образом, были довольно массивны: соотношение диаметра к высоте близко к 1 : 6. Во втором ярусе располагались круглые колонны, одна из которых, рухнувшая во время древнего землетрясения, была обнаружена при раскопках над полом. Диаметр этих колонн около 60 см, высота до 4,5 м. Находки при раскопках ЮТАКЭ *in situ* в завалах Квадратного зала значительного числа фрагментов терракотовых акантов, заимствованных при его капитальной перестройке в I—II вв. н. э. из облицовок существовавшего в «царском городе» более древнего здания (II в. до н. э.) позволяют считать, что аканты эти имели вторичное употребление и что капитель второго яруса была коринфизированного типа.

Число собранных к настоящему времени терракотовых акантов из Нисы вполне достаточно, а размеры их устанавливаются совершенно точно, чтобы реставрировать схему капители, в которой, очевидно, использовались длинные и малые листы в двухрядном расположении, а углы были закреплены волютами. Характерно, что в период большого ремонта (конец II — начало III вв. н. э.), когда многие полуколонки пришли в упадок, так что выпавшие (или выбранные) жженые кирпичи кладки стволов были заменены сырцом, недостающие аканты также были наново сформированы из глины. Стены 1-го яруса были оштукатурены белым алебастром. Вышележащие части стен, судя по значительному числу обнаруженных при раскопках фрагментов штукатурки, были окрашены в яркокрасный цвет, причем в оформлении их участвовали какие-то бордюры и тяги черного цвета с красной орнаментацией, полоски красного меандра на белом фоне, позолота. Характерно, что смежный Квадратному залу так называемый «Красный коридор» имел высокую яркокрасную панель, отороченную бордюром из черных и белых полосок и выше — белые плоскости стен. Та же гамма характеризует и остатки парфянского здания на Новой Нисе. Видимо три этих цвета были излюбленными в парфянском искусстве; нельзя при этом не вспомнить о широком распространении именно этих цветов до настоящего времени в прикладном искусстве туркмен.

Судя по множеству фрагментов крупных алебастровых обломов, лежащих среди нагромождения кирпичей из кладок обрушившихся при землетрясении четырехлопастных столбов, капители последних примерно повторяли профилировку баз (отлогая скоция, массивный вал, плита — абака), несколько напоминая эхины тосканских или римско-дорических капителий.

Раскопки уточнили первоначальное положение крашеных глиняных статуй, больше натурального человеческого роста. Они располагались, как это полагал и А. А. Марущенко, в верхнем ярусе, может быть в каждом интерколумнии или через один.

Статуи эти, видимо, изображали обожествленных предков Арсакидского дома. По свидетельству Аммиана Марцелина (XXIII, 6), основатель династии, Арсак, был обоготворен парфянской знатью и народом; позднее вообще особы арсакидского происхождения почитались священными. Прямую параллель Квадратному залу Старой Нисы

дают раскопки С. П. Толстовым дворца Топрак-кала в Хорезме. В 1947 г. здесь была обнаружена целая галерея царских статуй, что указывает на широкое распространение этой традиции в дворцовом строительстве древнего Туркменистана.

Прием этот сохраняется и позднее — в искусстве времени сасанидов. Напомним свидетельство византийского историка Кедрена (XI—XII вв.), опиравшегося на данные более ранних авторов, о храме в Ганзака-Шиз, в главном зале которого стоял идол Хозроя Парвеза, разрушенный, после бегства этого сасанида, Ираклием.

Наиболее трудным, как и при всякой реконструкции, явилось воссоздание рухнувшего перекрытия. Что оно было балочным, а не сводчатым, подтвердилось, при большом масштабе раскопок, не только отсутствием остатков рухнувших кирпичных арок (применение сырцовых подпружных арок более чем пятиметрового пролета, переброшенных между столбами, было бы конструктивно невозможно), но и обнаружением большого числа полуистлевших остатков деревянных балок. Направление их в некоторых участках ясно прослеживается как перпендикулярное к линиям стен; таким образом, они покоились, очевидно, на стенах и на переброшенных между четырехлопастными столбами прогонах. Полагаем, что заполнение между этими балочками было не кессонным, но в виде широко распространенного в зодчестве Среднего Востока сплошного наката из коротких, небольшого сечения кругляков или брусочков, традиция которого сохранена в современном среднеазиатском и иранском народном строительстве в виде, так называемого, перекрытия «васса». Что касается перекрытия центрального квадрата (между столбами), то здесь мы считаем наиболее вероятной систему, так называемого «кассетного» потолка, или, по среднеазиатской терминологии — «дарбази». Сущность этой конструкции заключается в последовательном опирании балок по сокращающимся квадратам, диагонально вписанным один в другой. В центре при этом остается световое отверстие; такой фонарь обязательно должен был быть в Квадратном зале, как единственный источник дневного света, поскольку многометровые толщи его обращенных в сторону дворов западной и южной стен едва ли могли заключать оконные проемы. Деревянные дарбазные потолки еще доныне сохранились в некоторых среднеазиатских постройках: мы встречаем их в Хорезме, в Семиречье, в жилище горных таджиков Памира и афганцев Панджшира. Известно также широкое распространение их в народном строительстве горцев Кавказа. О стародавности подобной конструкции в зодчестве Средней и Центральной Азии свидетельствует указание Квинта Курция Руфа, описывающего жилище парапомисадов; форма таких потолков запечатлена в каменных плафонах Бамиана (буддийские пещерные постройки кушано-эфталитской эпохи) и в расписных потолках Восточного Туркестана. Конструктивная целесообразность дарбазного потолка, простота его выведения, удобство устройства светового фонаря и пр. — все это способствовало широкому его распространению; применение именно этой формы деревянного плафона представляется в нашем случае наиболее вероятным.

Пол зала, как показали раскопки, был гладко оштукатурен белым алебастром. Непотревоженная (в сохранившихся участках) поверхность этой сравнительно хрупкой обмазки намекает, что весь он, оче-

видно, был устлан теми прекрасными, особенными парфянскими коврами, о которых пишет Плиний, и которые, быть может, были в какой-то мере предками великолепного туркменского ковра, запечатлевшего исключительно высокую, вероятно, очень древнюю, выношенную веками, культуру ковроделия.

Таковы основные положения, которые легли в основу предлагаемого проекта графической реконструкции интерьера Квадратного зала.

В основе ее лежит реальный базис наблюдений и фактов. Несомненно, что всякая реконструкция гораздо ярче, чем самые точные чертежи, документирующие реальное состояние разрушенного памятника, передает ощущение архитектурного целого и того художественного эффекта, который некогда создавали нынче почти стертые с лица земли постройки.

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ НОВАЯ НИСА В 1947 г.

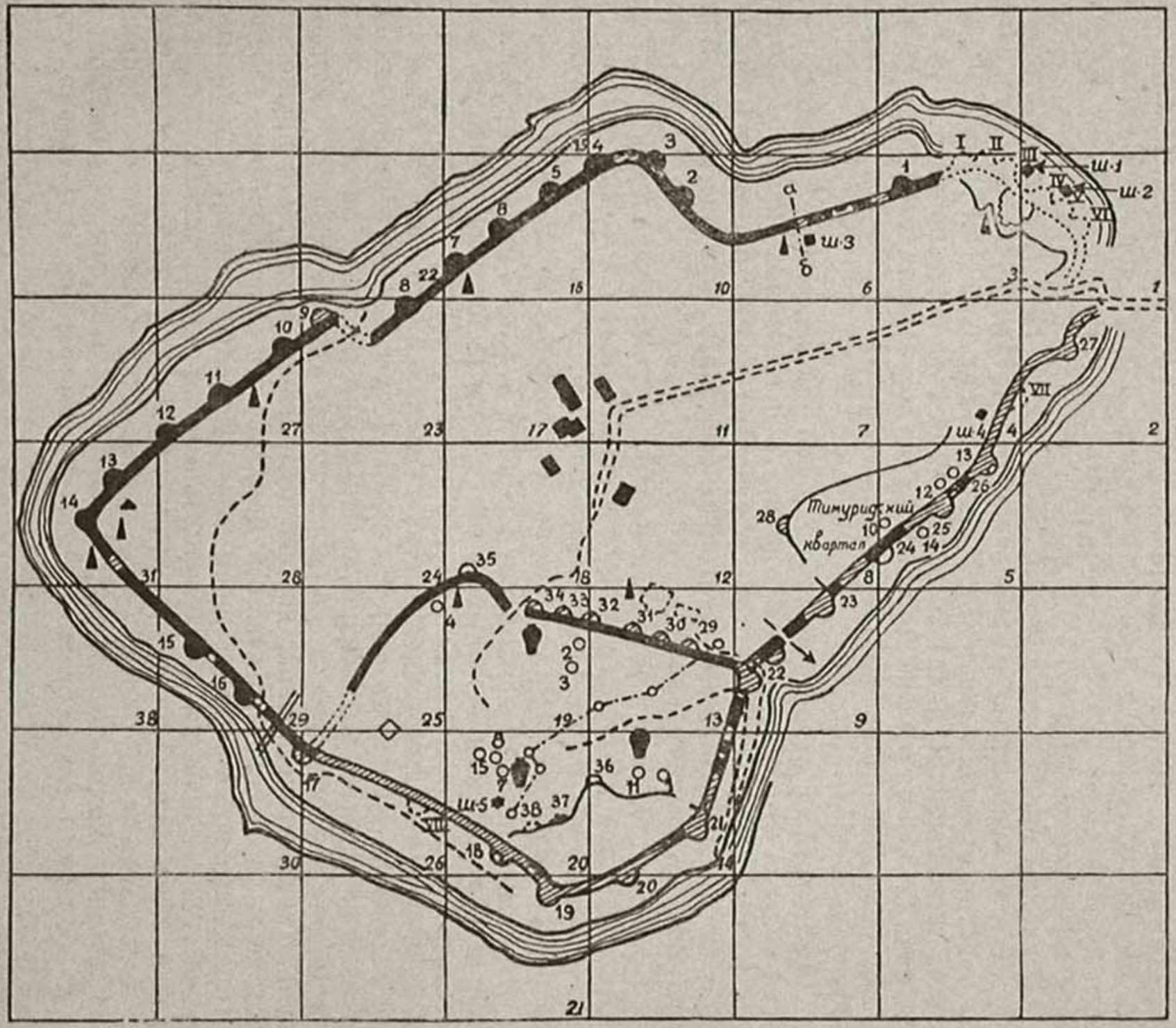
Исследования ЮТАКЭ на городище Новая Ниса в 1947 г. были в основном сосредоточены в СВ углу цитадели, где продолжались раскопки, начатые в 1946 г. на месте парфянского некрополя. Работы велись на двух участках: в ЮЗ части обрыва, южнее «красной ниши», на месте прошлогоднего раскопа (H_1)[1]) и в СЗ части обрыва, на ЮЗ от стены с полуколонками (H_2)[2]).

Раскопки производились с 10. IX по 11.XI. 1947 г. вторым отрядом ЮТАКЭ под руководством начальника отряда М. И. Вязьмитиной, при участии старшего коллектора Н. И. Юшко (с 10.IX по 26.IX заменяла начальника отряда) и двух младших коллекторов: К. Суворова и Е. Салтовской. Всего на двух участках раскопано около 80 метровых квадратов и выброшено земли 611 м³. Раскоп доведен в глубину до 6—9 м.

Стратиграфия разреза показала, что исследуемая площадь на месте участка H_1 была более обжита в позднейшее время и ранние слои ее были во многих местах прорезаны мусорными ямами и бадрабами, размыты промоинами. Это во многом нарушило чистоту картины залегания культурных слоев.

Большее значение для выяснения последовательной смены исторических периодов дает участок H_2, с характеристики которого мы и начнем. Участок этот был вскрыт на глубину 9 м. Всего в нем обнаружено под поверхностным земляным покровом пять культурных слоев.

I. Самый нижний и наиболее мощный (около 3 м) — парфянский слой; в нем в свою очередь отмечается пять различных уровней, свидетельствующих о длительности его существования; характеризуется он наличием небольшого количества неполивной красной и реже черной керамики. Керамика эта, как правило, неорнаментирована; иногда покрыта кремовым, интенсивно красным или черным ангобом; часто с лощеной поверхностью в наиболее тонких своих образцах, которые сделаны из высокосортной, хорошо отмученной глины. Обнаружены в этом слое: венчики тонкостенных бокалов или чаш; бортики тарелок с горизонтально отогнутым краем, донца тарелок или мисок с прямым срезом или небольшим профилированным выступом; шейки кувшинов, стенки и венчики хумов. Форма этих венчиков, с приплюснутым, слегка выступающим над телом сосуда краем, хорошо известна по находкам на Северном комплексе Старой Нисы. В общем мы не наблюдаем здесь большого разнообразия форм, что совершенно естественно, если



Экспликация

- стены и башни существующие
- " " разрушенные
- " " предполагаемые
- помещения в стенах
- баня
- раскопки некрополя
- бадравы
- жилые дома
- разрушенные "
- кремневые орудия
- фрагменты керамики
- кяризы
- дороги и тропинки
- обрывы
- овраг
- водопровод
- тазар
- а—б разрез стены
- квартал хумов
- Ш шурфы

Рис. 1. Схематический план городища Новая Ниса.

принять во внимание назначение находящихся здесь зданий. Ярко выраженной разницы между отдельными периодами в парфянском слое не отмечено. Гораздо яснее о наличии этих периодов свидетельствуют сырцовые сооружения, к рассмотрению которых мы перейдем позже.

Рис. 2. Вид с юга на раскоп H_1, и стены зданий, примыкающих к башне.

II. Следующий за парфянским слой (в высоту на 3,5 м) говорит о каком-то длительном запустении, последовавшем, повидимому, после распада парфянского государства (III — V вв. н. э.), когда некрополь был заброшен. В этом слое также можно отметить два уровня: нижний из них характеризуется довольно плотным завалом из обломков сырцового кирпича, почти без керамики; верхний — напластованием ленточных глин и натечными слоями мелкого песка. Фрагменты неполивной керамики, найденные здесь, главным образом, на расстоянии верхнего полуметра (IX ярус)[3]) над полосами песочка относятся, возможно, к VI—VIII вв.

III. Непосредственно над описанным сло-

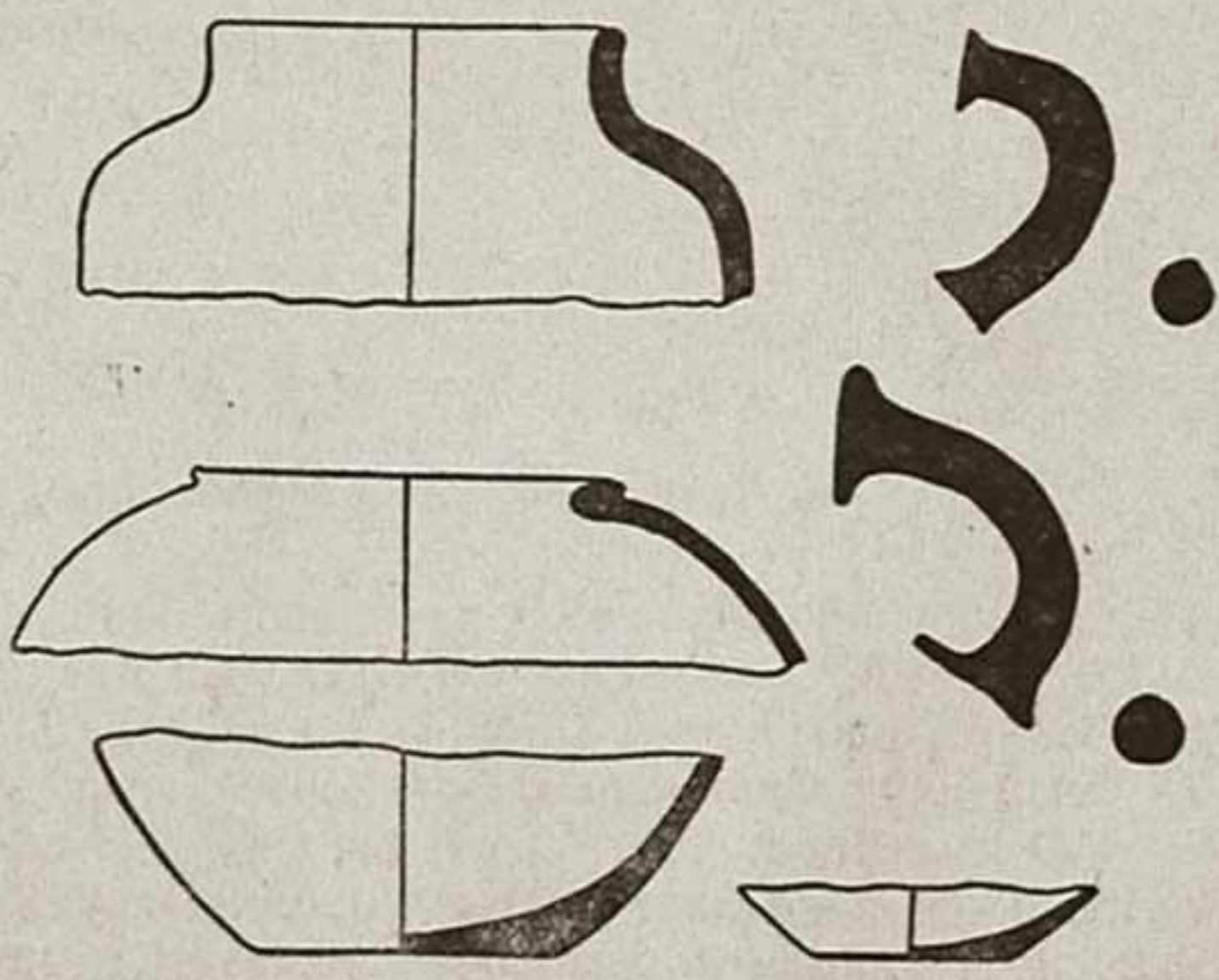


Рис. 3. Фрагменты парфянской керамики.

ем идет культурный слой XII — начала XIII вв., сравнительно небольшой мощности (около 1 м), дающий типичные образцы с одноцветной голубой и зеленой поливой. Гораздо большей толщины достигает этот же слой в некоторых частях участка H_1, особенно к З от „красной ниши", где он доходит до XIV яруса, до самого парфянского слоя, что возможно объясняется здесь наличием проломины, способствующей перемещению верхних слоев (может быть это также и результат выравнивания для позднейших построек).

IV. Слой XV — начала XVI вв., лежащий над предыдущим, характеризуют остатки какого-то здания, датированного обнаруженным в его стене фрагментом небольшой изящной пиалы из кашина с синим цветочным орнаментом на белом фоне (другая часть этой же пиалы была найдена на дне прорезавшего здание более позднего бадраба). Здание построено из сырцового кирпича, размером 27×27×6 см. В XV в. на месте парфянского некрополя в участке H_2 производились захоронения. Три таких захоронения обнаружены на глубине 4,5 м. Два из них в кв. Г-27, Г-26 на IX ярусе и в Х-29 в X ярусе. Третье погребение оказалось спущенным на парфянскую стену (У-20 — У-19).

Рис. 4. Раскоп H_2. Погребение тимуридской эпохи.

Положение покойников — на правом боку, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на СЗ. Никаких предметов бытовой утвари при них не оказалось, кроме поливного черепка XV в. над одним из них (Х-29) и двух неполивных фрагментов возле головы другого (У-20).

V. Материал XVI—XVII вв. на участке H_2 (с V яруса) сильно потревожен и не дает чистого слоя. На участке H_1 к этому времени относится кладка какого-то сооружения в виде выложенной сырцовым кирпичом шестиугольной ямы (размеры сырцового кирпича 26×26×6 см).

В эту эпоху здесь был выкопан ряд бадрáбов, один из которых шел на глубину до 6 м и прорезал пол парфянской погребальной комнаты, а другой опускался на восточную стену этой же комнаты. Из упомянутых бадрабов извлечен целый ряд интересных образцов керамики, характеризующих этот период.

Особый интерес для истории Туркмении в данном пункте представляют слои парфянского времени. Поэтому главное внимание в раскопках 1947 г. было обращено на их исследование и выяснение в их толще последовательной смены отдельных хронологических этапов. Главной базой для выделения последних служили остатки парфянских архитектурных сооружений.

Еще в 1946 г. тщательное обследование обрывов в СВ части цитадели привело к убеждению в существовании здесь в парфянское время внутри крепостных стен обширного комплекса надземных погребальных сооружений, состоявших из целого ряда помещений, частично связанных между собою единством плана. Тогда же удалось установить и наличие нескольких строительных периодов в существовании этого некрополя.

Исследования 1947 г. во многом подтвердили намеченную периодизацию и установили целый ряд новых фактов относительно общего плана существовавших здесь сооружений, расположения и форм отдельных помещений и их взаимосвязи; в части применения строительных материалов и конструкций, кладки стен и формы сводов; отличительных особенностей парфянской керамики.

Раскопки участка H_2, доведенные до основания стены с полуколонками, прошли через всю толщу парфянского слоя и полностью подтвердили все предположения прошлого года о наличии здесь угла стены, стоящей на покрытом черной облицовкой пятиступенчатом основании, и о принадлежности этого угла крупному сооружению, ЮВ часть стены которого сохранилась на противоположной стороне обрыва. Сооружение это, сохранившееся в настоящее время на высоту 5 м, в нижней своей части оформлено в виде 3-метрового цоколя, облицованного красной лощеной штукатуркой и украшенного черными полуколонками (вверху следы желтой окраски), завершенными прямоугольной терракотовой плиткой, трактованной в виде своеобразной ионийской капители, между завитками которой изображена восьмилепестковая розетка[4]). Верхняя часть стены с полуколонками покрыта трехслойной штукатуркой, толщиною в 5 см (1+3+1 см), верхний слой которой представляет собой белую алебастровую пленку.

Размеры сырцового кирпича, сделанного из хорошей, плотно замешанной глины с включением самана и небольшого количества гальки, в верхней части стены имеют до 47×47×13 см. Кладка — со сплошной заливкой швов, толщина которых достигает 6 см и с перевязкой их по вертикали.

Здание, которому принадлежала эта стена, стоит на насыпном грунте, в котором встречаются угольки, косточки и фрагменты керамики, как то наглядно видно в разрезе его основания, выходящего в северную часть обрыва. Оно ориентировано с СВ на ЮЗ (линия С — Ю проходит по его диагонали); стоит на основании (1 м), состоящем из постепенно увеличивающихся книзу пяти ступенек[5]), которые перехо-

дят в глиняный пол, покрытый аналогично нижней ступеньке черной облицовкой (прослежен с ЮВ стороны на 1,5 м). Все остальные ступеньки у ЮВ стены окрашены розовым.

Уже с большей долей уверенности можно сейчас говорить, что открытый в 1947 г. СЗ угол описанной стены принадлежал какому-то

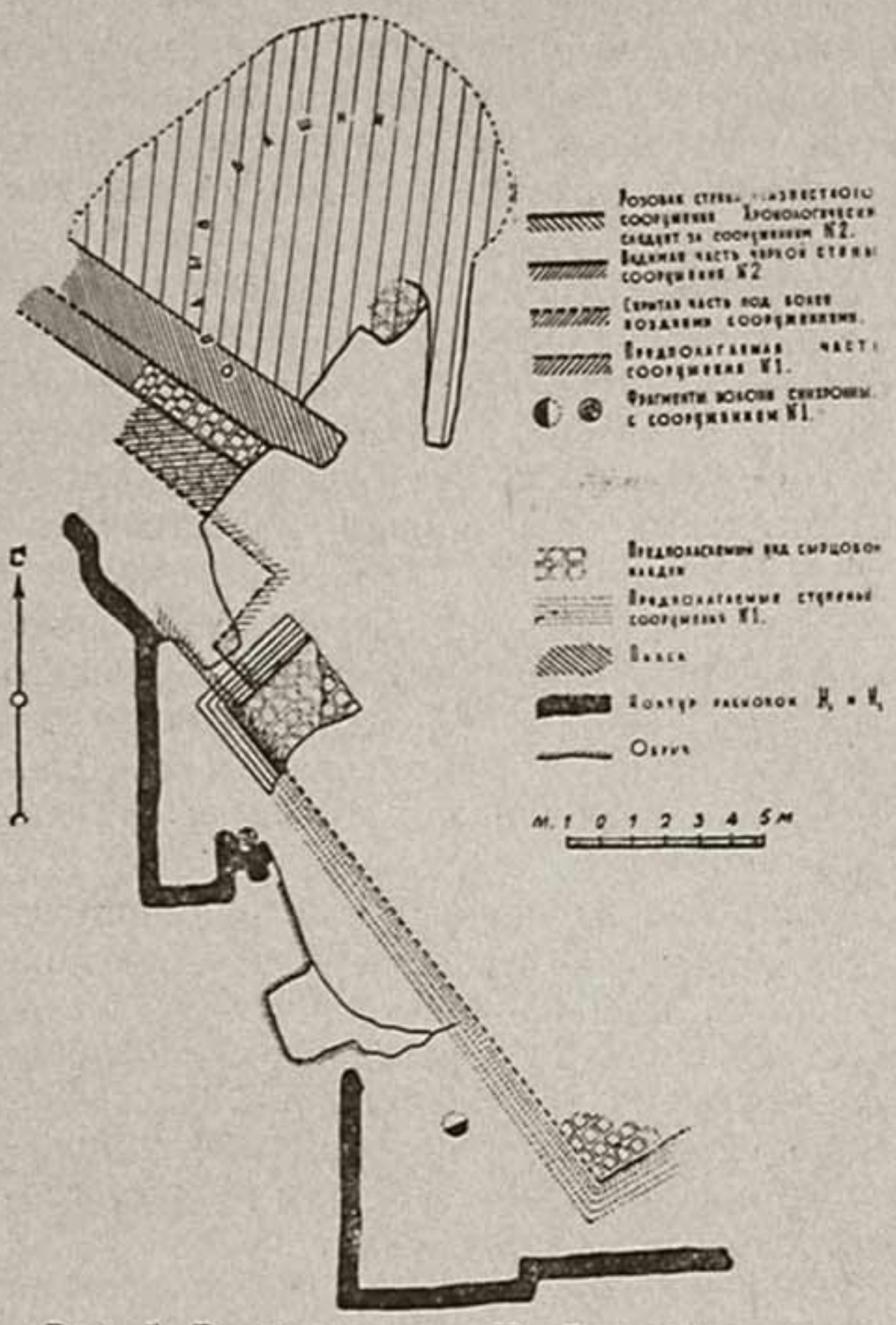


Рис. 5. Раскоп участка H_2. Первый период.

большому зданию до 18,5 м в стороне. Быть может с СЗ стороны оно открывалось портиком на колоннах, от которых сохранились остатки двух, повидимому, стволов, находящихся в противоположных концах в 3,5 м от угла стены, на расстоянии одного метра от ступенек.

Стволы эти были сложены из лекальных отрезков жженного кирпича, соединенных гипсовым раствором и покрытых сверху штукатуркой[6])- Как расчленялось это, ныне совершенно разрушенное, здание внутри и какое оно имело покрытие, ответить сейчас уже невозможно, так же как и определить его назначение.

Доказательством того, что ступенчатый цоколь находился и в СЗ и в ЮВ стене здания, служат остатки облицовки от ступенек, обнаруженные в нескольких местах обрыва и находящиеся на одном уровне со ступеньками СЗ угла.

Описанное здание характеризует собою ранний период в истории парфянского некрополя. Во время своего существования оно подвергалось неоднократным подновлениям и ремонтам, засвидетельствованным наличием трех облицовок (черной, красной и розовой) на верхней ступеньке возле углового поворота стены. На простенке между угловой и следующей за ней полуколонкой над описанной ступенькой с тремя разноцветными облицовками мы также различаем следы перекраски: покрывающий простенок толстый слой черной облицовки слегка выступает над плоскостью соседящей с ним красной облицовкой стены.

Наносной слой песочка на полу этого здания, который мы наблюдаем внизу основания пристроенной к нему с СЗ стороны стены, говорит о том, что здание это в определенный период своего существования подвергалось запустению, после чего впритык к его стене на 38 см

выше прежнего уровня его пола к нему было пристроено другое здание, покрытое прямо по штукатурке с примесью самана в нижней части черной и в верхней красной окраской. Это здание устанавливает второй период в существовании парфянского некрополя. От него сохранились лишь нижние части трех стенок. Одна из этих стенок, идущая с ЮВ на СЗ, уходит в глубь системы крепостных стен с примыкающей к ним башней и выходит на их противоположную сторону прямо в промоину.

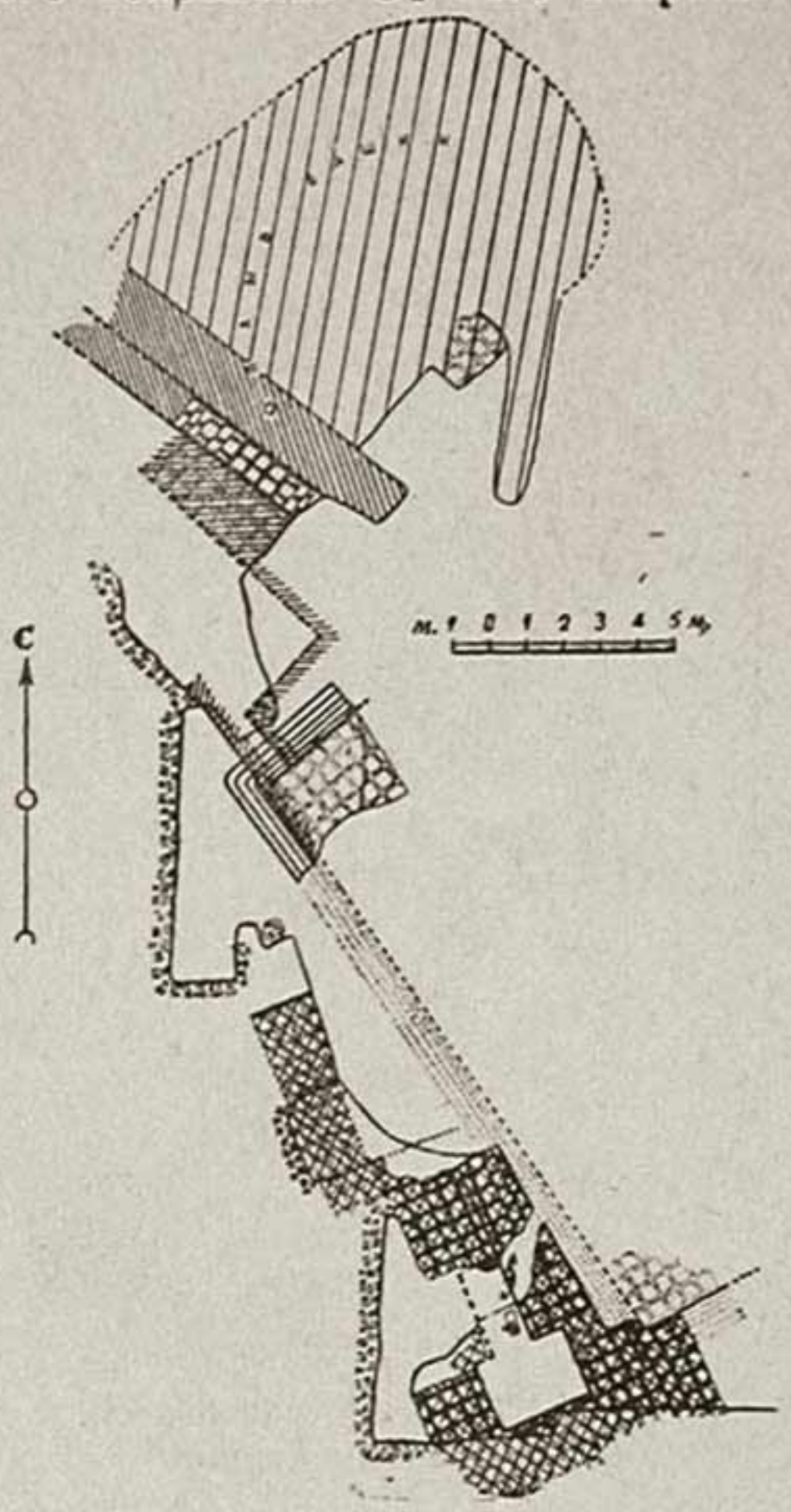


Рис. 6. Раскоп участка H_2. Третий период.

Следующая в хронологическом порядке достройка была сделана со стороны угла первого здания, где по линии его ступенек с СЗ на ЮЗ была заложена новая стена, окрашенная в розово-красный цвет. Стена эта была поставлена на второй сверху ступеньке первого здания, на 58 см выше от уровня его пола. Оба уровня первого и третьего здания, отвечающие известным периодам в жизни парфянского некрополя, прослеживаются и в СЗ части обрыва, благодаря остаткам красной и черной штукатурки, которая сплошной линией идет в нижней части обреза обрыва.

Следующий, 4-й период, в северной части некрополя характеризуется строительством надземных погребальных сооружений, состоящих из целого ряда отдельных прямоугольных помещений-комнат, крытых коробовыми сводами, возможно, служивших индивидуальными или семейными усыпальницами. Было обнаружено две таких комнаты-усыпальницы, несколько отличного одна от другой типа.

Они сохранились в нижней своей части, но даже по сохранившимся остаткам можно с большой долей убедительности восстановить их план, кладку стен и форму сводов.

Одно из этих помещений (№ 1), расположенных впритык к западной стене здания 3-го периода, на 140 см выше пола здания 1-го периода и на 82 см выше пола здания 3-го периода. В плане оно, как то можно судить на основании сохранившихся отрезков стен, представляет собою прямоугольник (3,2 м × 2,1 м). Разрезы кирпича: 44 × 44 × 11,5 см и 45×45×12 см; шов — 2,5—3 см.

Свод отрезками, поставленными в наклонном положении к опорной южной стене, имеет несколько вытянутую кверху эллиптическую форму и покоится на четырех рядах горизонтально положенных кирпичей. Пол комнаты был выстлан плитками жженого кирпича разнообразных

размеров и очень плохого качества. Пол этот находился поверх натечного слоя (= 15 см). Интересен факт находки в СВ углу двух стрелок скифского типа и крохотной крученой золотой нити, аналогичной найденным в погребении с монетой Орода I (возможно остатки погребального инвентаря). Стена комнаты прослеживается на высоту до половины X яруса, где она заложена более поздней стеной.

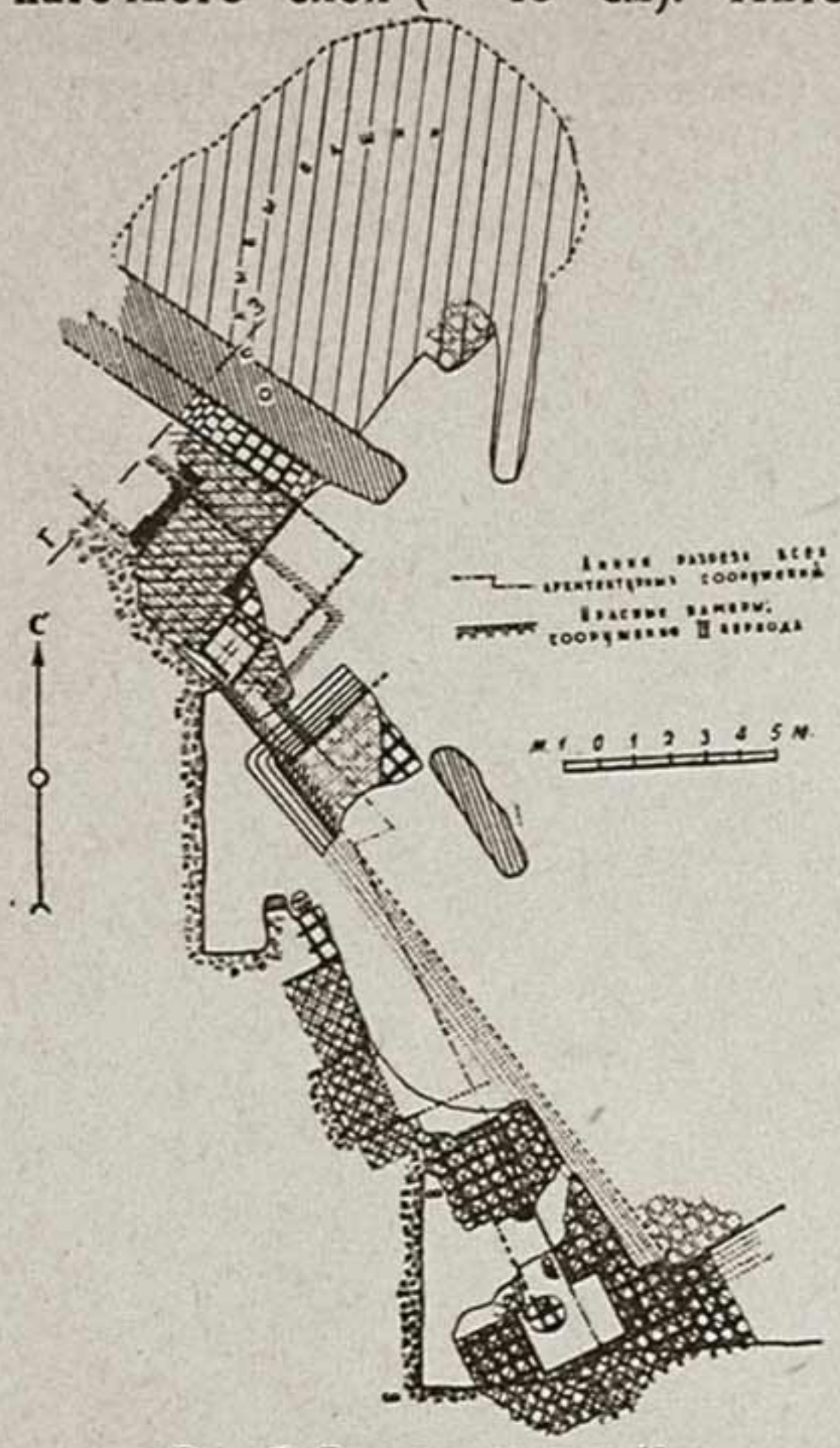


Рис. 7. Раскоп участка H_2. Четвертый период.

С южной стороны помещения № 1 отходит более узкий проход, шириною 1—2 м, стенки которого покрыты глиняной обмазкой с саманом.

По другую сторону сырцовой стенки, отграничивающей с СЗ только что описанную погребальную комнату, находилась другая погребальная комната (№ 2), в которой сохранилась идущая с ЮЗ на СВ стена с частью прилегающего к ней пола, вымощенного, подобно первой, жженым кирпичом разнообразных размеров и плохого обжига[7]). По сохранившимся останткам ЮВ стенки с прилегающей к нему частью свода можно восстановить общий план погребальной комнаты, имеющей также прямоугольную форму. Форма свода почти полуциркульная; выложен он отрезками, поставленными в наклонном положении на два ряда горизонтально лежащих кирпичей; имеет наклон к опорной стене. Погребальная комната на всю высоту была затянута напластованиями мелкого песочка — признак длительного ее запустения.

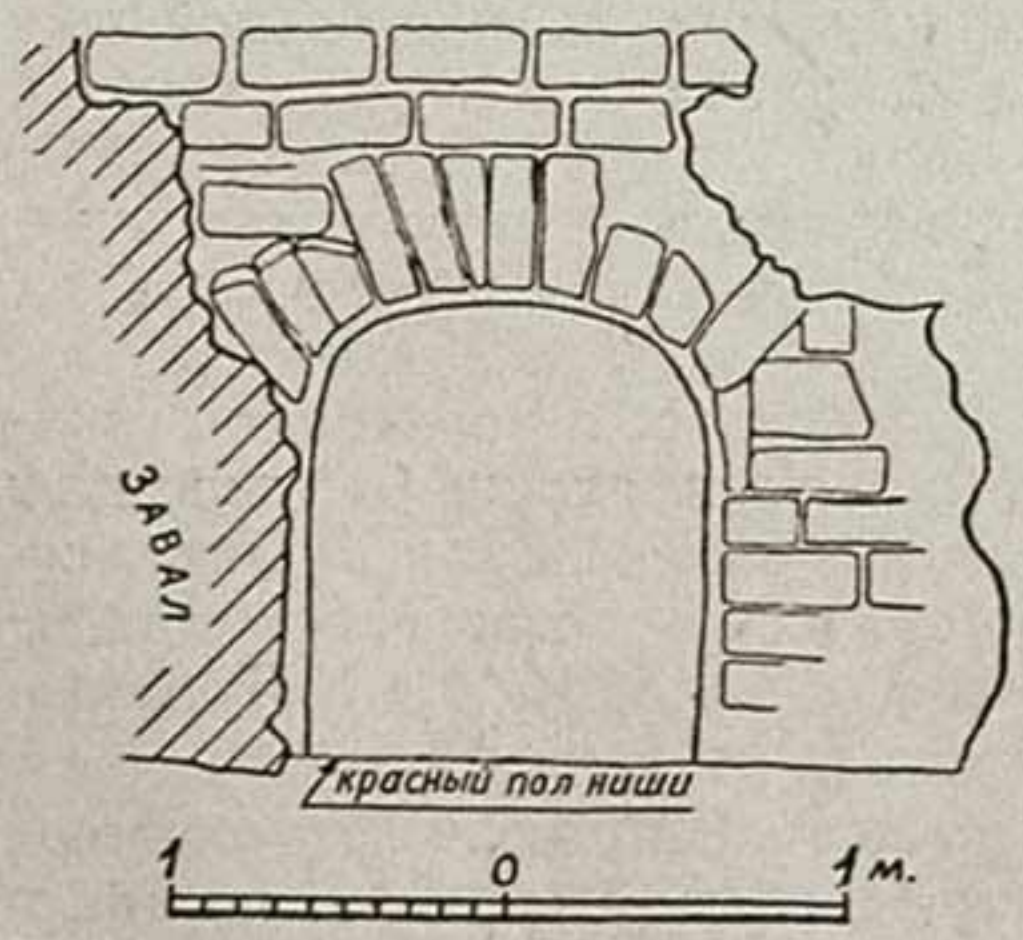


Рис. 8. Арка прохода, соединяющего парфянские погребальные камеры.

Факт запустения отмечен также и в смежной с нею погребальной комнате № 1, проход в которую позже был заложен 8-ю рядами сырцового кирпича на высоту 113 см, а сверху в закладке кирпича было устроено небольшое прямоугольное углубление (87 см (?) × 18,5 см) с окрашенными в красный цвет (прямо по глине) стенками—повидимо-

му, тайничок[8]). Сверху он был прикрыт четырьмя жжеными плитками, очень потрескавшимися и хрупкими (размеры 16×39 см, 22×51 см; 18×38 см, 36×50 см). Первые три лежали в один ряд, четвертая впритык к средней из них. В тайничке ничего не было обнаружено. Кирпич, закрывающий его сбоку, был уже сдвинут с места и лежал под углом.

Пятый период существования парфянского некрополя характеризуется, главным образом, сооружением в его южной части, находящимся на одном уровне с жжеными плитками, покрывающими только что описанный тайничок, к которому с юга примыкает большая площадка, покрытая тонким слоем белой глиняной обмазки.

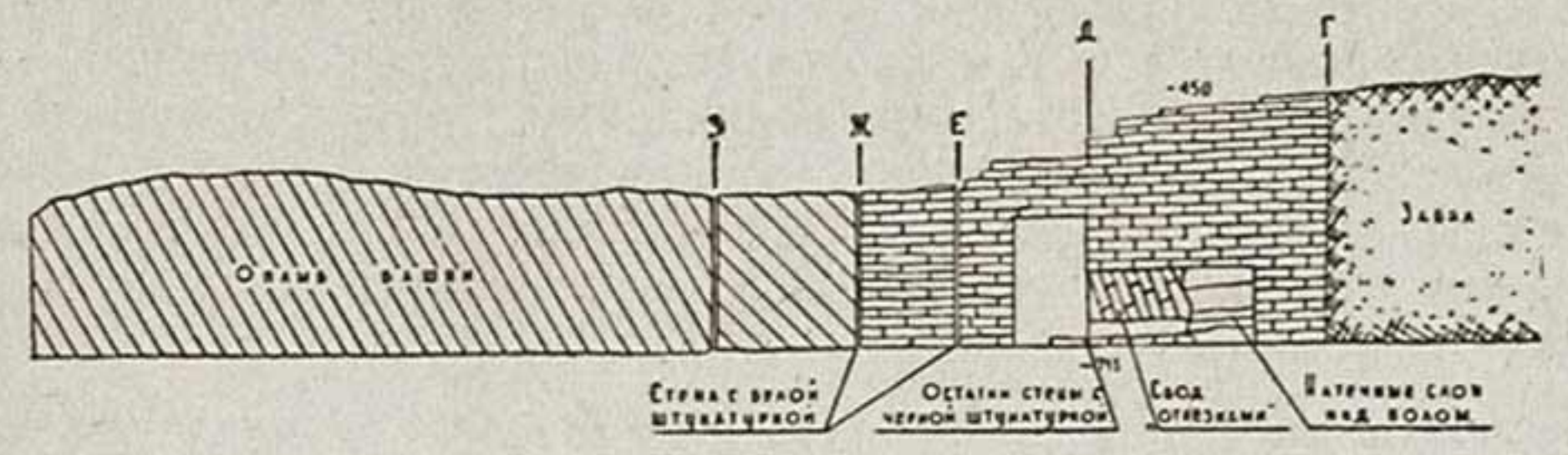


Рис. 9. Разрез З—Г восточной части раскопа № 3.

Раскопками 1947 г. в южной части некрополя вскрыт участок к Ю от «красной ниши», к которой с С, как выяснилось в процессе работы, примыкала прямоугольная камера с красным полом и красными лощеными стенками, где в 1936 г. были найдены человеческие кости, золотые украшения и монета Орода I. Раскопки установили к Ю от «красной ниши» другую подобного же типа погребальную комнату (№ 4) с красными лощеными стенками и полом. Она непосредственно примыкала к «красной нише», которая, как выяснило исследование, оказалась вовсе не нишей, а довольно длинным (6 м) «коридором», соединяющим две погребальные комнаты. Со стороны соединения его с северной, погребальной, ныне не существующей комнатой (№ 3), отмеченной находкой монеты Орода I, были с трудом опознаны по остаткам красной лощеной облицовки лишь ЮЗ и СЗ углы ее стен. Этот «коридор» внизу был заложен сырцовой кладкой.

Погребальная комната № 4 к югу от «коридора» прослеживается на высоту до 3 м; это ясно видно после вскрытия восточной части ее стены на восточном разрезе раскопа, дающем полную картину пережитого ею периода запустения. Ряд наслоений из ленточных глин и натечного песочка, идущих на значительную высоту, говорит о длительном действии здесь вод, принесших сюда галечку, которая постепенно оседала на пол, в некоторых местах буквально усеявши его красную облицовку и соединившись с ней в одно целое. В результате этого постоянного воздействия вод здесь всегда сохранялась влага, давшая возможность на глубине 6 м от поверхности земли произрастать какому-то растению, обвившему своим гибким стеблем западную и южную стенки погребальной комнаты несколько повыше пола.

Все описанные условия, рисующие явную картину разрушения и запустения парфянского некрополя в пору кризиса рабовладельческого

общества задолго до перестройки в этом месте крепостных стен в эпоху хорезмшахов — не могли, конечно, сохранить в полной неприкосновенности находящиеся в нем погребения. Эти погребения, несомненно, принадлежали каким-нибудь знатным и богатым обитателям парфянского города, судя по расположению некрополя в стенах города, вблизи его ворот, по характеру назначения отдельных наземных сооружений, предназначенных, быть может, для семейных усыпальниц избранной части жителей города и, наконец, по остаткам найденного в них инвентаря. Инвентарь этот, подвергнувшийся, очевидно, еще в древности почти полному разграблению, сохранился лишь в незначительных остатках, но по своему характеру, в совокупности с находками 1936 г., вполне подтверждает высказанное выше предположение. Около 16 (от 2 до 18 см длины) фрагментов, закрученных спиралью золотых ленточек (ширина = 4 см) и крохотных заостренных листиков, — это лишь жалкие остатки того, что, повидимому, служило украшением пышной одежды покойника, либо покрывающего его или завешивающего стены погребального полога, — свидетельства чего сохранили нам многочисленные погребения Тамани, Пантикапея и других причерноморских городов того же времени.

Несмотря на все те длительные разрушения под влиянием времени, человека и стихийных физических сил природы, которым подвергалось только что описанное погребение, в разных местах — на самом полу и несколько повыше его уровня, в мелком песочке и в плотной глине — сохранились и другие предметы и остатки костей самого покойника или покойников: фрагмент черепной коробки, фаланги пальцев, несколько ребер. У самого края бадраба, наполовину в яме, оказались кости голеней. По соседству с ними, одним концом свисая в бадраб, зацепилась за пол золотая ленточка. Из других находок здесь были обнаружены круглая розовая, прекрасно отшлифованная буса; ряд металлических предметов: позеленевшие болтики из какого-то серебристого в разрезе цвета металла (может быть олова), небольшие гвоздики с удлиненным острым концом и с большой круглой шляпкой и коротеньким острием, типа кнопок; какие-то треугольные, с отогнутыми во внутрь треугольником боковыми сторонами, — может быть, наконечники от пояса или ремня, и бесформенно смятые куски каких-то небольших предметов из того же металла. Недалеко от черепной коробки был обнаружен костный остаток какого-то животного. Там же на полу лежала крохотная ракушка Melanopsis praemorsa.

Мы лишены еще возможности, за неимением всех необходимых данных, указать и для южной части некрополя границы всех его пяти последовательных периодов, как то можно было сделать для северной части некрополя.

С целью выяснения периодизации в северной части некрополя был сделан разрез стен погребальных сооружений по линии В — З на месте промоины, размывшей почти посередине красный коридор, ближе к входу в южную погребальную комнату. Разрез был доведен до XVIII яруса, где был обнаружен покрытый мелким алебастровым щебнем пол с остатками круглого ствола, повидимому, от колонны[9]). На расстоянии одного метра к В от предполагаемой колонны были обнаруже-

Новая Ниса.

Развертка раскопа H_1 участка архитектурного сооружения парфянского некрополя..

Составила: коллектор Юшко К.И.

ЮТАКЭ 1947г.

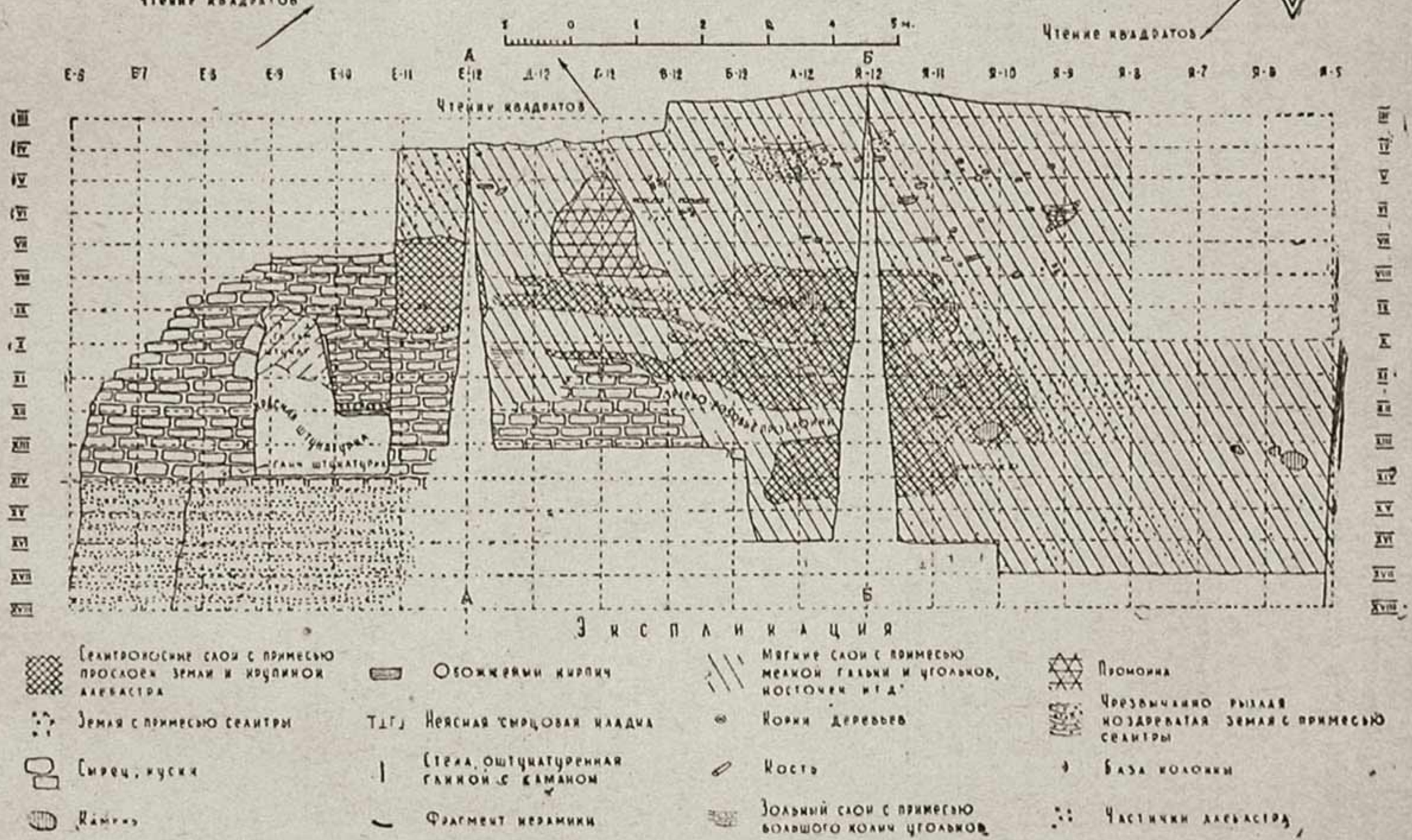


Рис. 10. Развертка раскопа H_1.

ны внизу восточной стены и красные контуры ступенек, очевидно, от цоколя уже описанного выше раннего парфянского здания. Это вполне подтверждается нахождением их на одинаковом с ним уровне. Обнаруженная часть ствола колонны соответствует такой же на противопо-

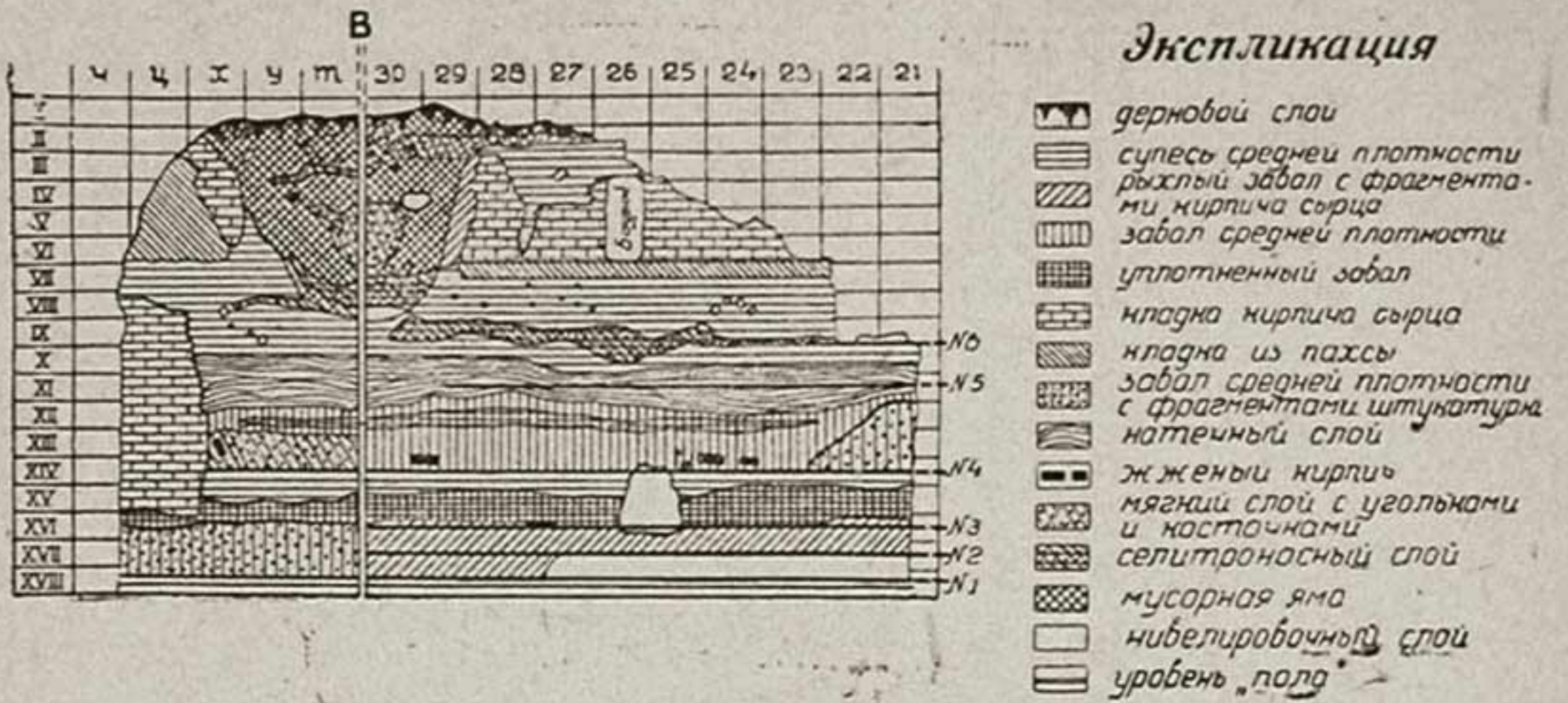


Схема залегания культурных слоев.

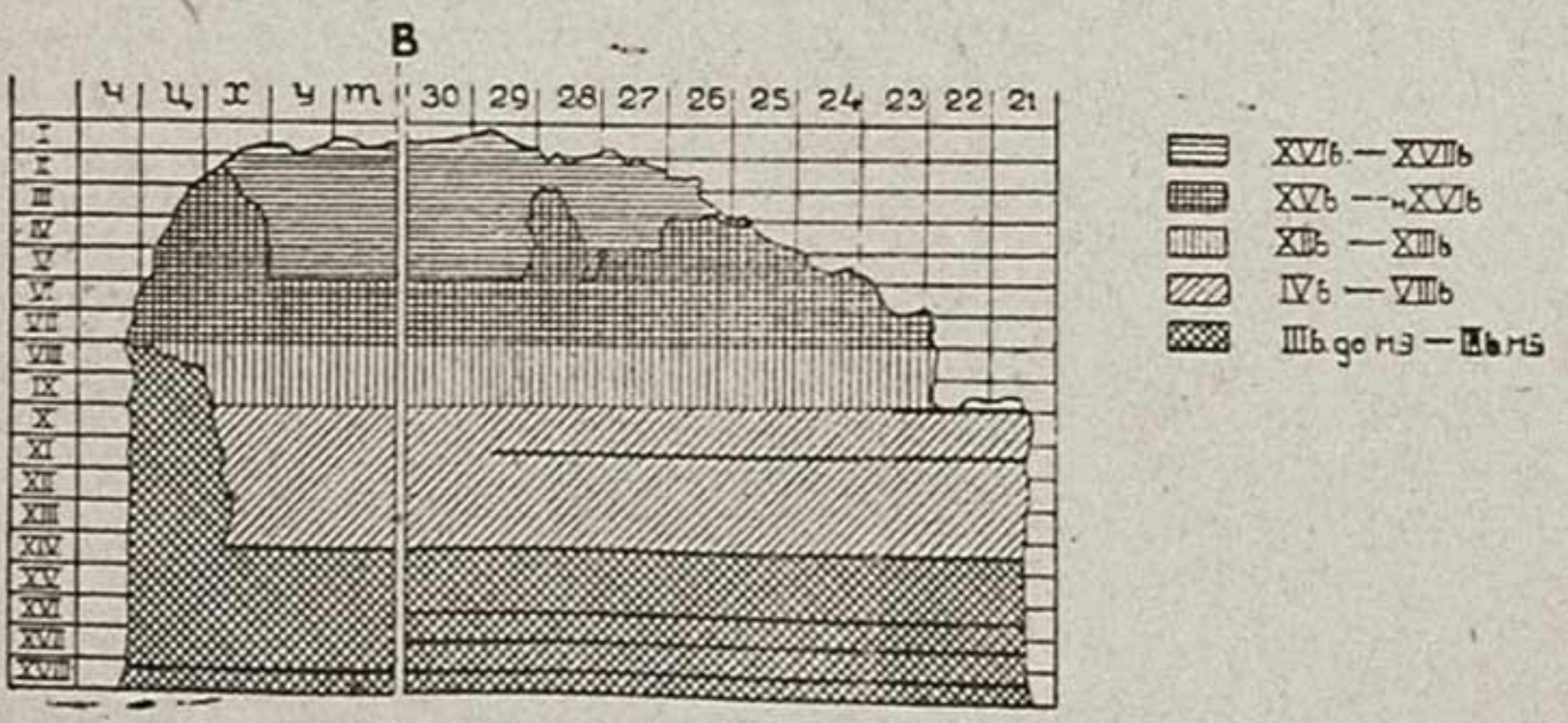


Схема исторической периодизации.

Рис. 11. Стратиграфический разрез H_2.

ложном конце в северном участке раскопа и как бы подтверждает предположение о возможности существования здесь портика в раннепарфянский период.

Таким образом, для южной части парфянского некрополя с точностью уже установлены два крайние периода его существования.

Интересно отметить, что под полом красного «коридора», почти на половине его длины у самой западной стенки, шла вниз какая-то яма, круглая в разрезе[10]). Яма вырыта, несомненно, человеческими руками

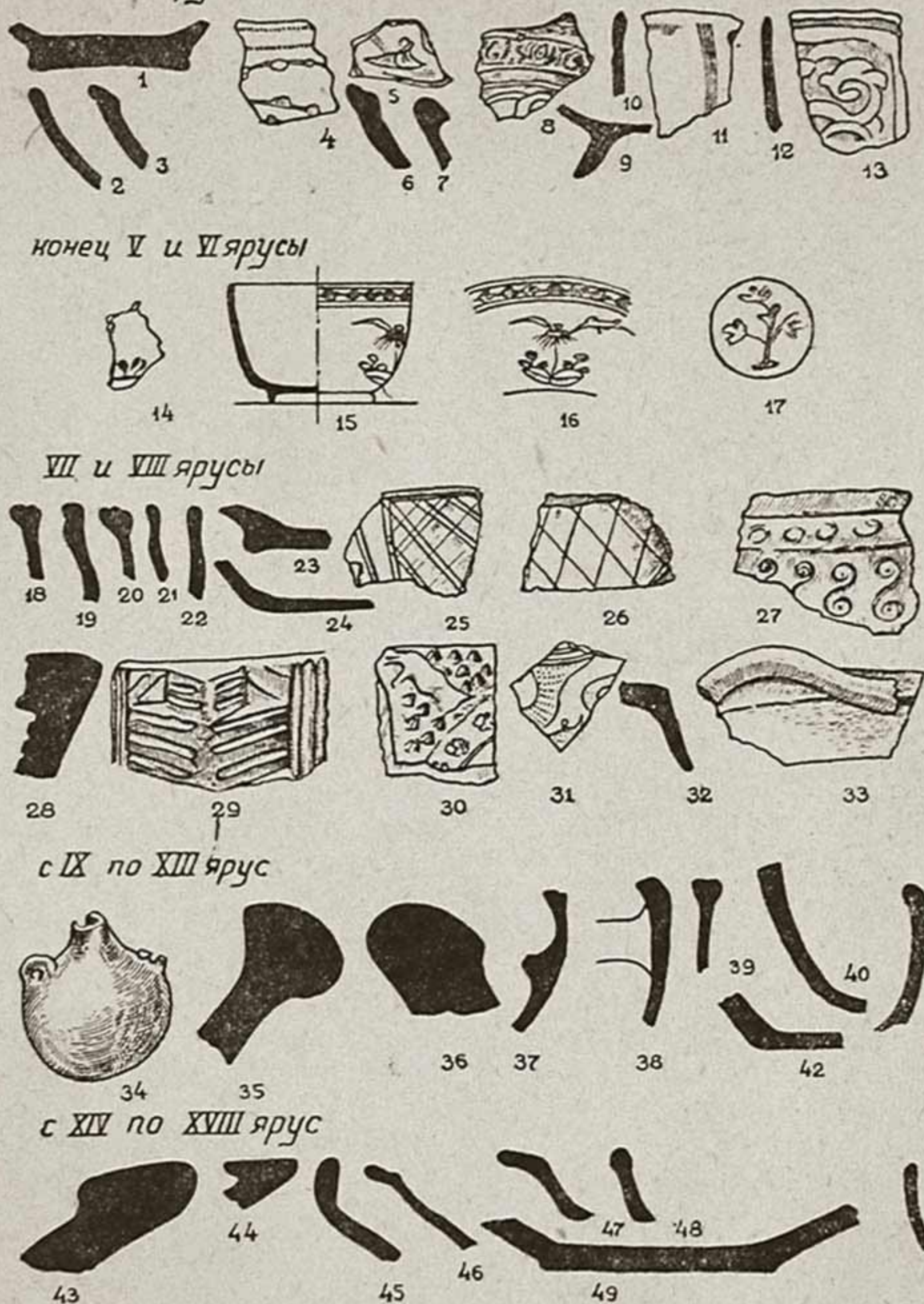


Рис. 12. Керамика из раскопа H_2.

Вход в нее был прикрыт сверху обломками сырцового кирпича и камня. Она оказалась заполненной мягкой землей; изредка в ней попадались кусочки мягкой штукатурки, фрагменты стенок от хумов. На глубине

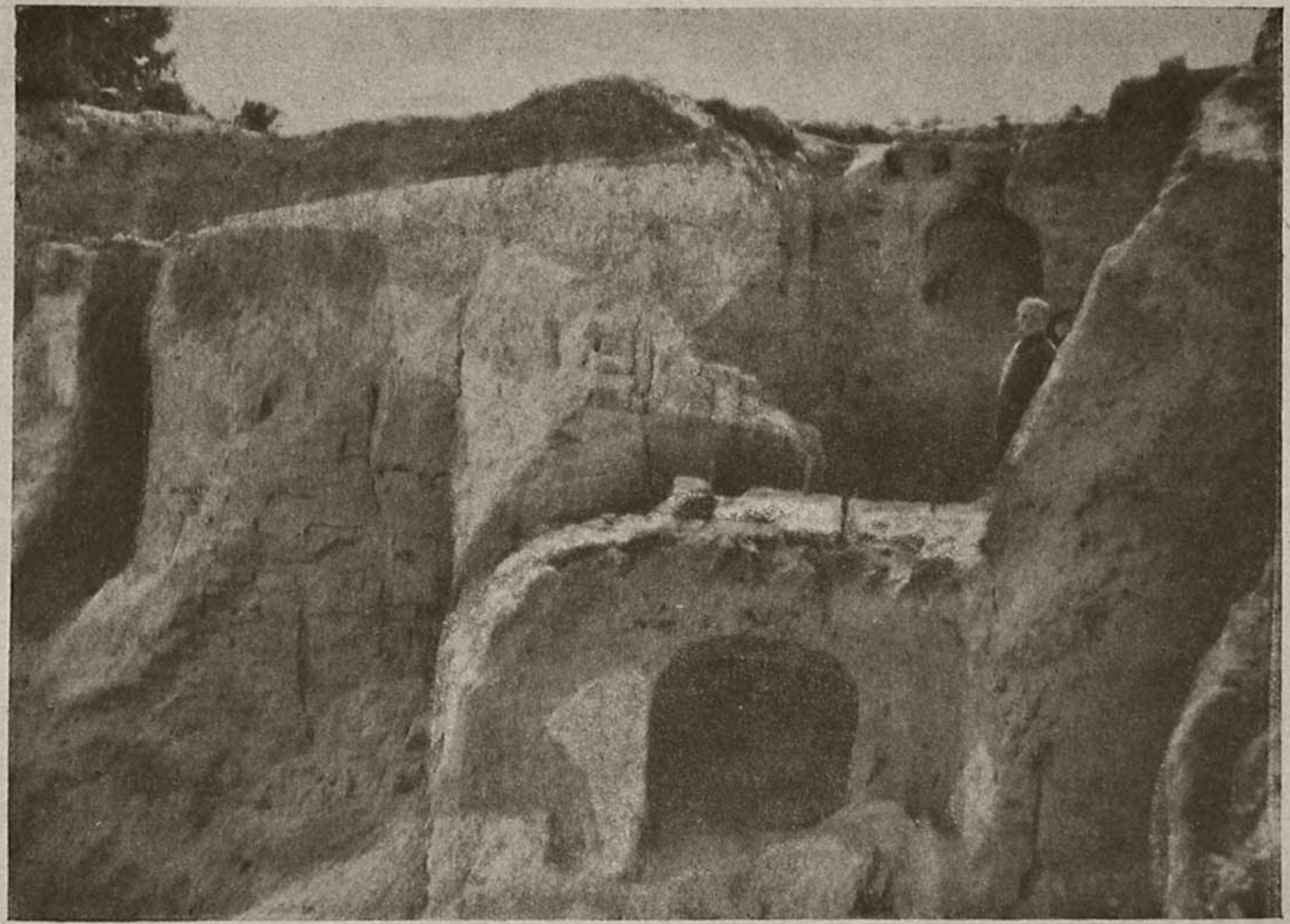


Рис. 13. Вид на раскоп H_1 с севера.

1 м найден небольшой фрагмент керамики XV в., попавший сюда, очевидно, из верхних слоев.

Дальнейшему обследованию подлежит кладка основания сооружения с красными комнатами, стенки бадраба, прорезавшего толщу его стен, а также покрытые красной окраской большие квадратные сырцовые кирпичи, имеющие вид ступенек, как бы ведущих в помещение под погребальными комнатами. На мысль о наличии здесь подобного помещения наводит вид несколько осевшей в этом месте части восточной стены у самого начала красного «коридора».

Кладка стены ниже пола погребальной комнаты, открытая после бадраба, дает возможность наблюдать в ней перевязку швов, которая идет сначала через два кирпича (по вертикали), но ниже эта закономерность теряется. В разрезе стены перевязка швов идет через один кирпич, но до конца проследить ее не удалось. Возможно, эти перерывы и нарушения в кладке обусловлены сменой строительных периодов, границы которых еще нельзя с точностью проследить, но присутствие их уже *à priori* можно признать, в соответствии с уровнями, установленными в северной части некрополя. Это находит свое подтверждение и в отмеченных уже, благодаря фрагментам красной и черной штукатурки, горизонтальных уровнях, идущих вдоль всего обреза обрыва и заходящих под основание сооружения с красными погребальными комнатами.

Эти комнаты, так же как и описанное ранее парфянское здание с полуколонками, подвергались неоднократным ремонтам и переделкам. Ясно прослеживаются два таких капитальных ремонта на стенках и полу красного «коридора», которые сохранили два слоя штукатурки, наложенных одна поверх другой. На полу второй слой штукатурки находится на 7 см выше первого. Красная облицовка потолка под длительным действием вод подверглась сильной деформации и дает ступенчатую линию свода с находящими один на другой пятью слоями (что не дает нам еще уверенности утверждать о наличии здесь 5 периодов ремонта).

Суммируя все сказанное выше о погребальных сооружениях парфянского некрополя, я хочу отметить, что ввиду разрушенного состояния погребальных комнат нельзя с точностью определить характер погребения, его обряд и состав инвентаря.

Мы располагаем еще очень незначительными данными относительно обряда погребения в восточной части парфянского государства. Парфянские некрополи изучались, главным образом, в западной его части. Раскопки в Селевкии, Дура-Европос, Ашуре, Хатре, Вавилоне, Варке, и Ниппуре дали довольно значительный материал. Было установлено наличие нескольких типов погребальных сооружений: надземные в виде башен, храмов и помещений типа комнат и подземные в виде склепов и грунтовых ям. Основным видом погребения в западной части Парфии было трупоположение. Большие глиняные сосуды, глиняные овальные саркофаги, своеобразной формы поливные гробы в виде ванны, башмака или мумии характеризуют различные типы захоронения. Массовые захоронения производились обычно в грунтовых ямах без гробов.

В Средней Азии парфянские захоронения до последнего времени нам были неизвестны. Никаких исследований в этом направлении не

велось. Интересный сравнительный материал в этом отношении дают нам раскопки Согдийской экспедиции А. Ю. Якубовского, произведенные в 1947 г. М. М. Дьяконовым на некрополе II—I вв. до н. э. в урочище Туп-Хона у селения Гисар, Гисарского района, Сталинабадской области Таджикской ССР, где вместе с костяками были найдены уже известные нам по ряду раскопок в Средней Азии бокалообразные сосуды и бактрийского типа монеты[11]).

Сооружения парфянского некрополя Нисы в отдельных своих деталях (в размерах сырцового кирпича, формах полуциркульного и эллиптического свода, в конструкции свода отрезками) имеют ряд аналогий среди подобных же архитектурных сооружений западной части парфянского государства (Ашур)[12]), но в основном дают отличный от последних тип наземных погребальных помещений.

Кроме раскопок на участках H_1 и H_2, в 1947 г. был произведен еще ряд дополнительных исследований в разных пунктах городища.

С целью выяснения времени перестройки крепостной стены возле парфянского некрополя были заложены два шурфа у его подножия (№ 1 и № 2). Шурф № 1, заложенный на уровне 15,27 м от высотной точки (в 20 м от угла парфянского здания с полуколонками на север и в 4 м от северной крепостной башни), был доведен до глубины 5,5 м. Керамические находки, прекратившиеся на уровне 4 м, в нижних слоях дали образцы XII в.; это лишний раз подтверждает, что крепостные стены на этом отрезке были перестроены в эпоху хорезмшахов. Этому не противоречат и данные шурфа № 2.

Шурф № 3, заложенный внутри городища к югу от разреза крепостной стены 1946 г., дал аналогичную картину последовательной смены культурных слоев, которая наблюдается и в стратиграфических разрезах на участках некрополя.

На пандусе подъема при самом въезде на городище обнаружены остатки кладки основания и двух углов какой-то постройки — быть может, привратного помещения. Кладка его из жженого кирпича, размером 20×20×4,5 см (размеры кирпича варьируют от 20 см до 25 см в стороне и от 4,5 см до 5,5 см толщины). Пол этого помещения вымощен жженым кирпичом разного качества и разных размеров; лежит на фундаменте из обломков жженых кирпичей и камней. Стены обмазаны грязновато-розовым алебастром.

В завале, состоящем из различных фрагментов керамики, кусков белого алебастра с синей и красной раскраской, фрагментов продолговатых, прямоугольной формы, голубых кирпичиков со скошенными боками и голубых плоских плиток, были найдены: небольшая золотая подвеска в форме крохотной рыбки (дл. = 10,3 мм, шир. = 6 мм), полой внутри, с рельефным изображением чешуи и с двумя глазами по обе стороны плоской головки, и две золотые бусины — одна с гладкой, округлой и другая с ребристой поверхностью (состоит из двух половинок).

В ЮВ части крепостной стены, возле квартала богачей тимуридского времени продолжена расчистка тазара (сводчатый водоотлив для стока нечистот).

Вскрытые в 1947 г. бадрабы (4 в раскопе и 10 на городище) дали интересный и разнообразный материал, значительно пополнивший комплексы керамики 1946 г. и обогативший их новыми формами и новыми разновидностями орнаментации и цветовой гаммы. Были открыты комплексы XI, XII—XIII, XV—XVI и XVI—XVII вв. Комплексы XI в. и XVI—XVII вв. являются существенным добавлением к выявленным комплексам предыдущего года. Последний комплекс дал целую серию керамики, отличной от современных ей типов так называемой керамики сефевидской: глубокие разных размеров чаши и плоские тарелки с лиловато-синим, черным и зеленовато-черным, преимущественно растительным, орнаментом на белом, слегка зеленоватого оттенка, фоне.

Рис. 14 . Тазар в юго - восточной части крепостной стены.

Окончательно установлен факт принадлежности к этой группе керамики чаш, тарелок и блюд из грубоватого теста, покрытых разных оттенков темной и светлой коричневой поливой с желтым, слегка рельефным, несложным орнаментом, состоящим из зигзагов, волнистых спиралей, трилистников или же неопределенной формы разводов. К ней же принадлежат и грубоватые чаши, покрытые однотонной коричневой, желтой и грязновато-зеленой поливой.

Прекрасные образцы тарелок с цветочным лиловато-синим орнаментом, размещенным на белом фоне в симметричной вертикальной или центральной и живописной композиции, — получены из бадрабов раскопа H_1. Оригинальна форма небольшой вазочки с шаровидным приплюснутым туловищем и невысокой цилиндрической шейкой. Снаружи она украшена пятью овальными медальонами со схематическим изображением пейзажа с деревом и птицей. На дне, очерченном тонкой линией, на верхушке пня сидит, нахохлившись, птичка. Рисунок сделан серовато-синим тоном.

Рис. 15. Тарелка XV—начала XVI вв.

Среди находок 1947 г. в цитадели обращает на себя внимание полусферическая зеленовато-голубая чаша (может быть, служила крышкой) с рифлеными сплошным ромбическим узором стенками, украшенная на внешней части дна

круглым медальоном, обрамленным двумя лентами вьющихся спиралей с расцветающим в завитке трилистником и надписью почерком насх. Спирали и трилистники даны в резервном рисунке на черном фоне. Другая чаша, бирюзового тона с волнистым краем, имеет форму раскрытой чашечки цветка. Обе чаши получены из бадраба XII—начала XIII вв.

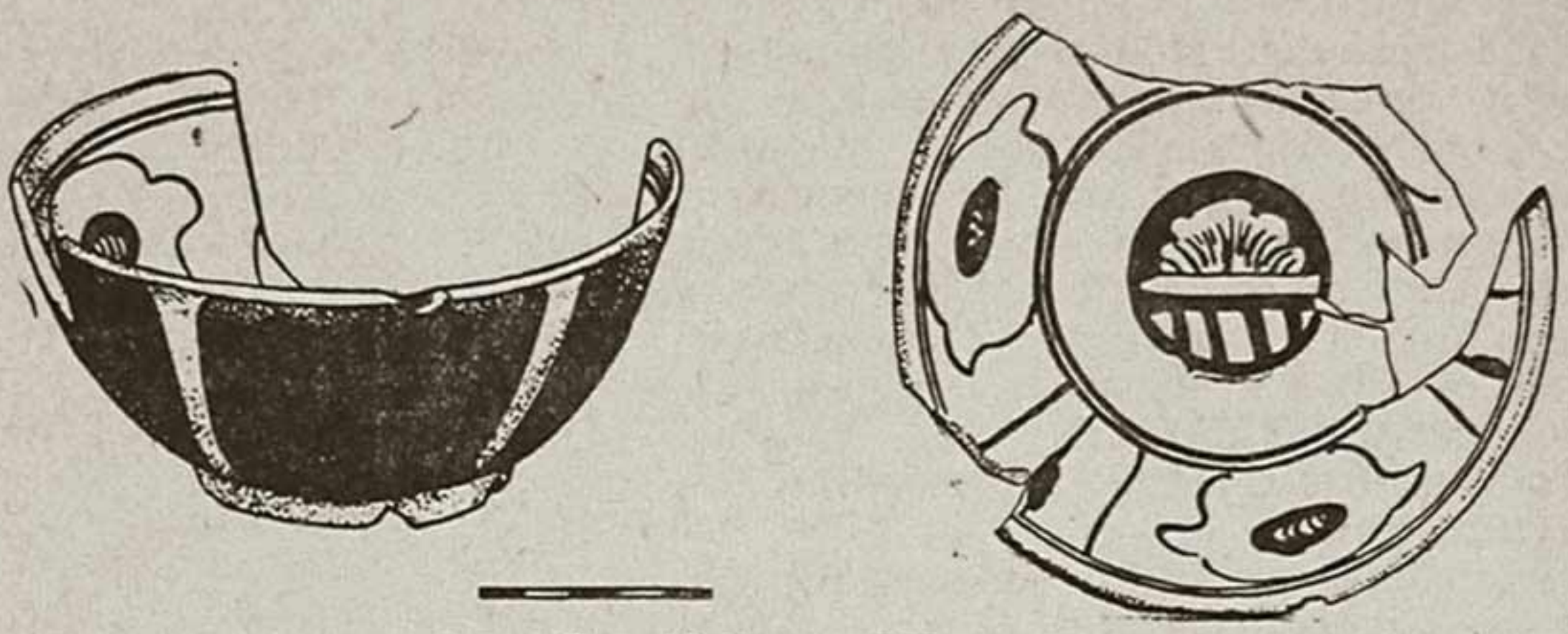


Рис. 16. Чашка XVI в.

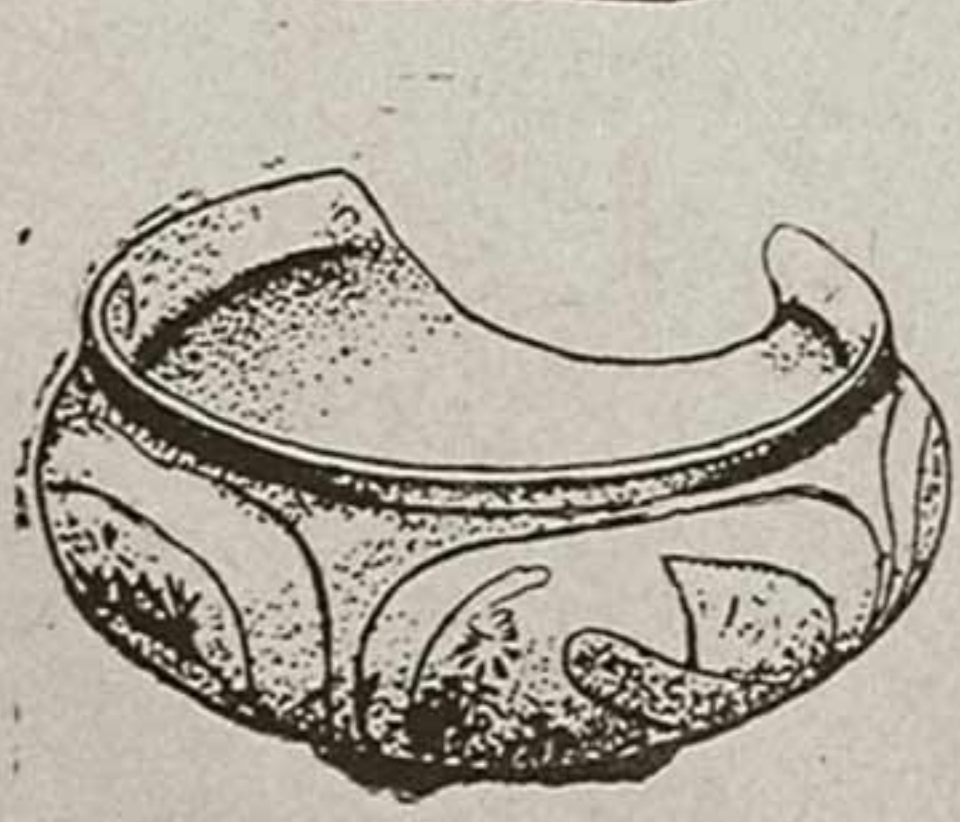


Рис. 17. Вазочка XV—начала XVI вв.

Этого же времени и неполивной кувшин из другого бадраба с высокой, слегка расширяющейся кверху цилиндрической шейкой, соединенной небольшой, плоской, прямо поставленной ручкой, с цилиндрическим туловищем, срезанным сверху и снизу под тупым углом.

С целью выяснения состава красителей и полив был подвергнут анализу целый ряд фрагментов керамики и штукатурок.

Химический и спектральный анализ цветных штукатурок парфянских зданий показал, что сырьем для них являлись известь, глина и песок, часто с добавкой крохотных битых кусочков тонкостенной красной парфянской керамики и мелкой галечки.

Красителями для красных штукатурок служила в основном окись железа. Более темные красные оттенки зависели от присутствия небольшого количества окиси марганца. Возможно, для этого употреблялись охристые глины, составной частью которых был марганец. Красителями в черной штукатурке была закисная соль железа со значитель-

ным количеством марганца. По химическому составу эта окраска может быть отнесена к восстановленным до *FeO* охристым глинам, которые получались вероятнее всего при восстановительном обжиге при низких температурах.

Некоторый блеск штукатуркам сообщало наличие в них большого количества натрия. Кроме того, этому блеску способствовал также и механический состав штукатурки, тщательная обработка ее поверхности, ее заглаженность. После снятия со взятых для анализа образцов парфянской штукатурки тонкого верхнего слоя красящего вещества, под ним обнаружилась прекрасно зашлифованная поверхность, что свидетельствует о знании парфянскими мастерами физических и химических свойств материала. По зашлифованной поверхности лучше ложилась окраска и более эффективным было лощение.

Рис. 18. Кувшин XII—начала XIII вв.

Аналогию парфянским штукатуркам мы находим в цветных штукатурках Ольвии. Красители последних, по определению О. А. Кульской[13]), близки к современным силикатным краскам, которые после высыхания сообщают блеск покрытой ими поверхности.

Как утверждает О. А. Кульская, известковая штукатурка после пропитывания силикатной краской становится настолько твердой, что ее можно полировать[14]). Интересно отметить еще одно свойство силикатных красок, доказанное и парфянскими штукатурками. Со временем карбонатная пленка от влияния карбонатной кислоты в воздухе становится все более водонепроницаемой. Несмотря на свое 2000-летнее пребывание в земле, красная парфянская штукатурка и до сих пор прекрасно сохранила свой цвет и прекрасную лощеную поверхность.

Особенностью нисийской керамики, присущей, правда, и другим областям Средней Азии в определенные эпохи, является большое распространение среди ассортимента ее посуды образцов из кашина, который по своему химическому составу является соединением большого количества песка с небольшим количеством глины и извести. Этот материал, обладающий известными положительными качествами, сообщающий выделываемым из него сосудам определенные художественные эффекты, шел на выделку более тонких сортов по-

Рис. 19. Кашинная чашка XII в. с ажурным орнаментом.

суды. Некоторые мастера стремились имитировать в нем китайский фарфор. Употребление кашина в Нисе засвидетельствовано с XII в., давшего ряд изящных тонкостенных конических чаш белого, голубого и зеленоватого тонов с прозрачным светящимся сквозь стенки узором. Особенно пышного расцвета получило производство кашинной посуды в XV в. Применялся он и в последующие столетия.

Рис. 20. Фрагмент керамики XIV в.

Подвергнутый анализу кашинный черепок тимуридского времени показал применение на кашине бессвинцовых полив. Для глиняной голубой и зеленой керамики XII в. наиболее характерна свинцовая полива, обычно еще со значительным добавлением олова. сообщающего поливе, кроме определенного цветового оттенка, известную матовость и глухой тон. Красителями для голубой керамики XII—XIII вв. были соли меди, хрома и олова; для зеленой — окиси меди и олова. Образец керамики XIV в. дал тип щелочных глазурей.

Сравнение упомянутых групп нисийской керамики дает возможность говорить как бы об определенной эволюции в применении полив от свинцовых к щелочным и бессвинцовым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Квадраты по линии с З на В: Я — А — Б — В — Г — Д и по линии с С на Ю от 12 до 5 и Е — Ж — З — И — К — Л от 11 до 8.

2. Заложен новый участок. Квадраты по линии с З на В: Т — У — Х — Ц и по линии с С на Ю от 29 до 21.

3. Ярус = 0,5 м.

4. Новый экземпляр подобной капители был найден в 1947 г. среди обломков сырца к ЮВ от комнаты № 2.

5. Размеры ступенек сверху вниз на открытой в 1947 г. ЮВ стороне стены: вертикальные — 10, 10, 16, 10, 27 см; горизонтальные — 15, 15, 10, 30, 25 см.

6. Подобная конструкция колонн отмечена и на Старой Нисе в колонном зале.

7. Размеры кирпича 47×27×4,5—5 см; 62×22,5×4 см.

8. Закладка и тайничок относятся уже к 5-му периоду.

9. Ствол колонны открыт пока только наполовину с южной стороны. Другая ее половина остается утопленной под кладкой стены.

10. Рядом с ямой, внизу через всю стену шел пролом, довольно низкий, но достаточный, чтобы пролезть через него человеку. Пролом так же, как яма, был заложен кусками сырца и камня.

11. Доклад Дьяконова М. М. на пленуме по археологии Средней Азии в апреле 1948 г. в Ленинграде.

12. W. Andrae Das wiedererstandene Assur. Leipzig, 1938.

13. Кульская О. А. и Бабко А. К., Изучение и репродукция античных лако-глазурей. Киев, Институт Археологии АН УССР (рукопись).

14. Там же, стр. 22.

Приложение 1

ТАБЛИЦЫ ЛАБОРАТОРНЫХ АНАЛИЗОВ

Парфянские штукатурки

Спектральный и химический анализы

Спектральный анализ				Химический анализ.	
Название элемента	Черная H_2 (№ 5)	Красная H_2 (№ 6)	Красная H_1 (№ 8)	Название элемента	Красная H_1 (№ 8)
Si кремний	много	много	много	Потери при прокаливании	12,86%
Mn марганец	много	есть	достат.	SiO_2	53,74%
Mg магний	есть	много	есть	Al_2O_3	10,5%
K калий	—	—	—	Fe_2O_3	4,6%
Na натрий	много	есть	есть	CaO	13,84%
Ca кальций	есть	много	есть	MgO	1,9%
Fe железо	достат.	есть	есть	SO_3	есть
Ti титан	есть	есть	есть		
V ванадий	—	следы	—		
Al алюминий	достат.	много	есть		

Приложение 2

Керамика XII-XIII, XIII-XIV, XV и XVI-XII вв.

Спектральный анализ полив

Название элемента	XII в.				XIV в. бел. с черн. и гол. орн. Н—13 (№ 17)	XV в. бел. с син. орн. (кашин) Н (№ 4)	XVI—XVII вв.	
	голубая Н—19 (№ 13)	голубая H_3—Я (№ 14)	темнозеленая H_3—Я (№ 16)	голубая матовая (кашин) H_1—IX (№ 15)			темнокоричн. Н—10 (№ 12)	желт. Н—10 (№ 12)
Si кремний	много	много	много	много	много	много	много	много
Mn марганец	есть	мало	мало	—	следы	есть	есть	есть много
Mg магний	есть	есть	есть	есть	есть	много	есть	есть
Pl свинец	много	много	оч. много	мало	есть	—	много	много
Al алюминий	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть
K калий	—	—	—	—	—	следы	—	—
Ni никель	—	—	—	—	—	следы	оч. мало	—
Na натрий	много	много	много	много	есть	много	много	много

Название элемента	XII в.				XIV в.	XV в.	XVI—XVII вв.	
	голубая Н—19 (№ 13)	голубая $Н_3$—Я (№ 14)	темно-зеленая $Н_3$—Я (№ 16)	голубая матовая (кашин) $Н_1$—IX (№ 15)	бел. с черн. и гол. орн. Н—13 (№ 17)	бел. с син. орн. (кашин) Н (№ 4)	темно-корич. Н—10 (№ 12)	желт. Н—10 (№ 12)
Cu медь	оч. много	много	оч. много	оч. много	есть	много	есть	есть
Ca кальций	есть	есть	много	есть	есть	есть	есть	есть
Fe железо	мало	мало	мало	мало	мало	мало	есть	мало
Ti титан	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть
Su олово	оч. много	много	достат.	мало	следы	—	следы	мало
Zn цинк	—	—	—	—	—	—	есть	достат.
Cr хром	следы	есть	—	следы	есть	—	—	—
Co кобальт	—	—	—	—	—	есть	—	—

Приложение 3.

Керамика парфянского времени, XII—XIII и XV вв.

Химический анализ глин и полив

Название элемента	Глина		Кашин		Полива		Прослойка на хуме	Серая просл. на штукатур.
	Парфянск. $Н_2$—XIX (тонкост. сосуд)	XII в. $Н_4К$—1 (хум)	XII—XIII вв. $Н_1$—IX (№ 15)	XV в. Н (№ 4)	XII в. голуб. $Н_1$—IX (№ 60)	XIV в. бел. с черн. и голуб. Н—13 (№ 17)	$Н_4$—К—1 („баня")	$Н_4$ („баня")
Потеря при прокаливании	2,82%	2,76%	1,1%	0,94%	1,60%	1,76%	42,2%	22,55%
SiO_2 кремнезем	63,66%	57,78%	90,0%	92,36%	45,16%	68,60%	3,74%	39,79%
Al_2O_3 окись алюмин.	13,0%	16,1%	3,35%	4,1%	13,20%	11,15%	1,38%	8,8 %
Fe_2O_3 окись железа	11,9%	5,1%	0,7%	0,3%	0,60%	1,20%	0,37%	1,2 %
CaO окись кальц.	3,7%	12,7%	1,4%	2,08%	5,40%	5,90%	50,30%	23,00%
MgO окись магния	1,3%	3,3%	1,9%	0,2%	7,20%	0,30%	1,05%	2,62%
SO_3	следы	следы	следы	—	--	—	—	—
CuO окись меди	—	—	—	—	1,50%	1,20%	—	—
PlO свинец	—	—	—	—	2,30%	0,40%	—	—
SuO олово	—	—	—	—	6,80%	0,90%	—	—
Cr хром	—	—	—	—	—	0,87%	—	—
сумма щелочей	—	—	—	—	—	—	—	—
Na_2O	—	—	—	—	15,18%	7,20%	—	2,49%
K_2O	—	—	—	—	—	—	—	—

Л. И. РЕМПЕЛЬ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙ СКУЛЬПТУРЫ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

В процессе раскопок и маршрутных разведок 1947 г. Южно-Туркменистанская Археологическая Комплексная Экспедиция (ЮТАКЭ) выявила новые памятники древней скульптуры Южной Туркмении.

Древняя история народов Южной Туркмении изучена еще недостаточно и потому каждая новая, самая скромная археологическая находка в частности находка новых произведений древнего искусства — представляет собой большой интерес. Как вышки на холмах в необъятной степи, образуя систему триангуляционных точек, создают прочную основу для измерений земной поверхности, так и каждое новое произведение древнего искусства закрепляет определенные исторические вехи в развитии древнего общества и помогает выяснению общей картины развития социально-экономического строя, политической и духовной жизни, культуры и искусства народов древней Туркмении в их экономических, внешне-политических, культурных и иных связях с другими народами древнего мира.

Публикуемые в настоящей статье находки состоят из материалов, добытых, во-первых, раскопками 1947 г. на территории Старой Нисы, где еще в прошлые годы были найдены фрагменты монументальной глиняной скульптуры, во-вторых, разведками отряда XI под руководством проф. М. Е. Массона, следовавшего по маршруту Исидора Харакского (Ниса — Мерв) и, в-третьих, разведками отряда IV, при участии автора, на территории древнего Мерва.

Раньше мы располагали произведениями скульптуры Южной Туркмении только из Нисы и Мерва (из Нисы глиняные статуи, из Мерва — терракоты; к последним примыкала терракота из Керков[1]). Сейчас добавляются находки с городищ, лежащих между Нисой и Мервом: глиняная фигурка с Ясы-депе, глиняная фигурка с Намазгар-депе и терракотовая статуэтка с Пештага. К перечисленным произведениям присоединяются находки с городища Новой Нисы: оригинальная древняя шпилька с фигуркой из резной кости и поливные фигурки животных времени раннего средневековья. Последние, собственно, завершают собой многовековую историю древней скульптуры Южной Туркмении, исчезнувшей здесь в средние века вместе с окончательной победой ислама над местными древними культами и связанным с ним искусством. Найденные произведения древнего искусства дополняют собой материалы, опубликованные в 1-м томе Трудов ЮТАКЭ и расширяют наши представления о древней культуре и искусстве Туркменистана.

Архаические фигурки

На городище Ясы-депе, близ ст. Душак, отрядом № XI была найдена фигурка «нагой богини» из слабо обожженной глины; цвет ее желтовато-телесный на поверхности и серый в разломах. Фигурка обломана выше пояса и ниже бедер. Талия вдвое уже бедер; живот плоский, седалищная часть сильно развита (стеатопигия), выступая почти под углом; меж ногами вытянутый бугорок, переходящий в разрез. Техника исполнения: лепка от руки из сырой глины с примесью дресвы или камышового пуха, с последующим слабым обжигом в керамической печи; на поверхности многочисленные следы выгоревших при обжиге органических примесей. Размер торсика: высота 5,8 *см*, ширина 4×4 *см*.

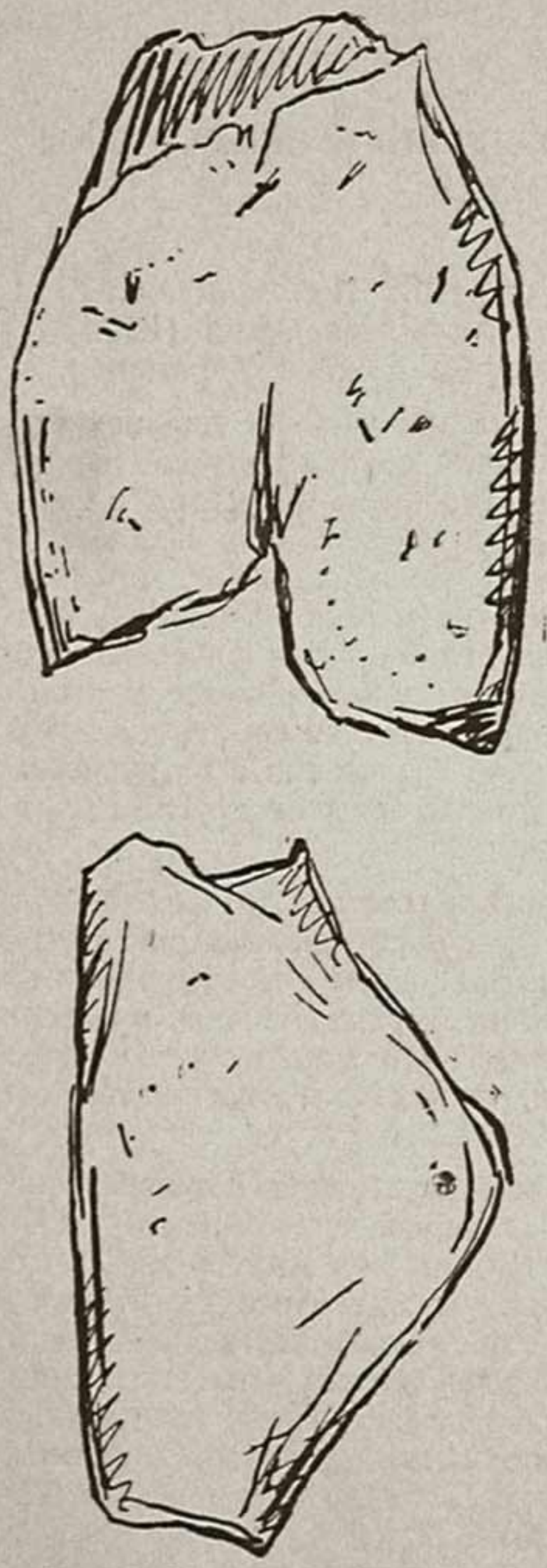
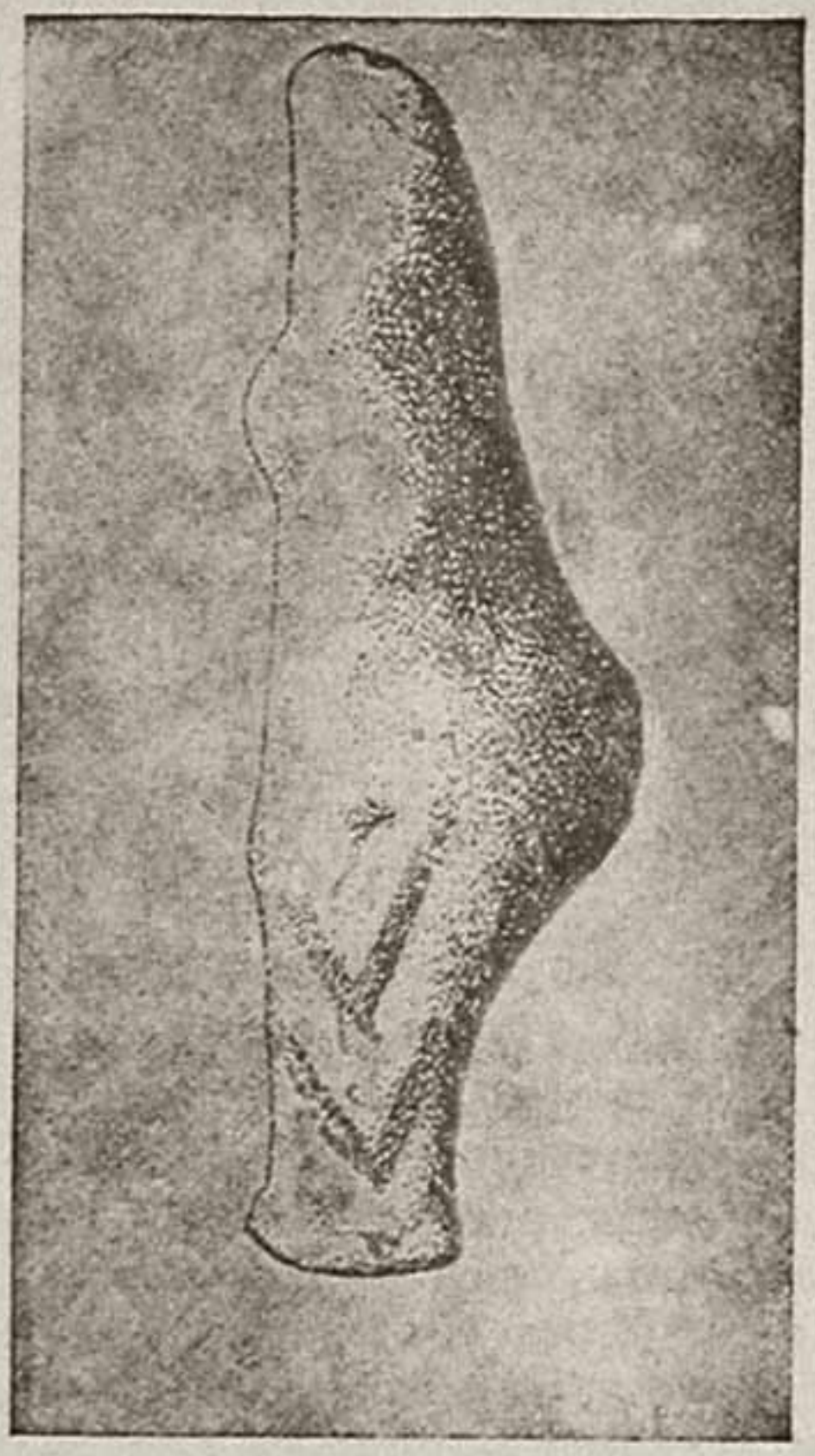


Рис. 1. Статуэтка с Ясы-тепе.

Схожая статуэтка с северного кургана Анау (в собрании Ашхабадского музея[2]) дает возможность частичной реконструкции фигурки с Ясы-депе. Она выполнена также объемно, от руки, из глины с примесью дресвы (или камышового пуха); у нее плоский живот, схоже обозначен признак женского пола и таким же образом отходит сильно развитая часть седалища. Но кроме того, у фигурки с кургана Анау сохранилась еще верхняя часть до шеи: округлые плоские груди расположены низко. Замечательно, что у фигурки из Анау нет рук—их замещают плоские округлые выступы плеч. Такие или схожие диски или бесформенные конусы вместо рук можно видеть также на фигурках, сопутствующих неолитической керамике из восточной Галиции, Сербии, Румынии, Украины[3]). Фигурка из Анау была расписной: на бедрах нанесены у нее краской двойные крупные метки в виде знака ⩔. Подобная раскраска архаических статуэток зигзагами и уголками является, по мнению некоторых исследователей, отражением широко распространенного еще в эпоху энеолита обычая татуировки тела. Обычай этот засвидетельствован «татуированными» фигурками из Румынии и Верхнего Египта[4]), а также находками глиняных печатей для

татуировки в Анатолии, Румынии и других местах. Татуировка насечками, уголками и горошинами существовала, видимо, издревле и в Средней Азии, почему она сохраняется и на лицах ранних штампованных терракот древнего Согда[5]). По мнению некоторых исследователей, татуировка является несовершенной предшественницей росписи на керамике; в татуировке человек окружает, первоначально, волшебной защитой самого себя, в керамике он распространяет ее на свои запасы, на необходимую для его жизни пищу и ее приготовление.



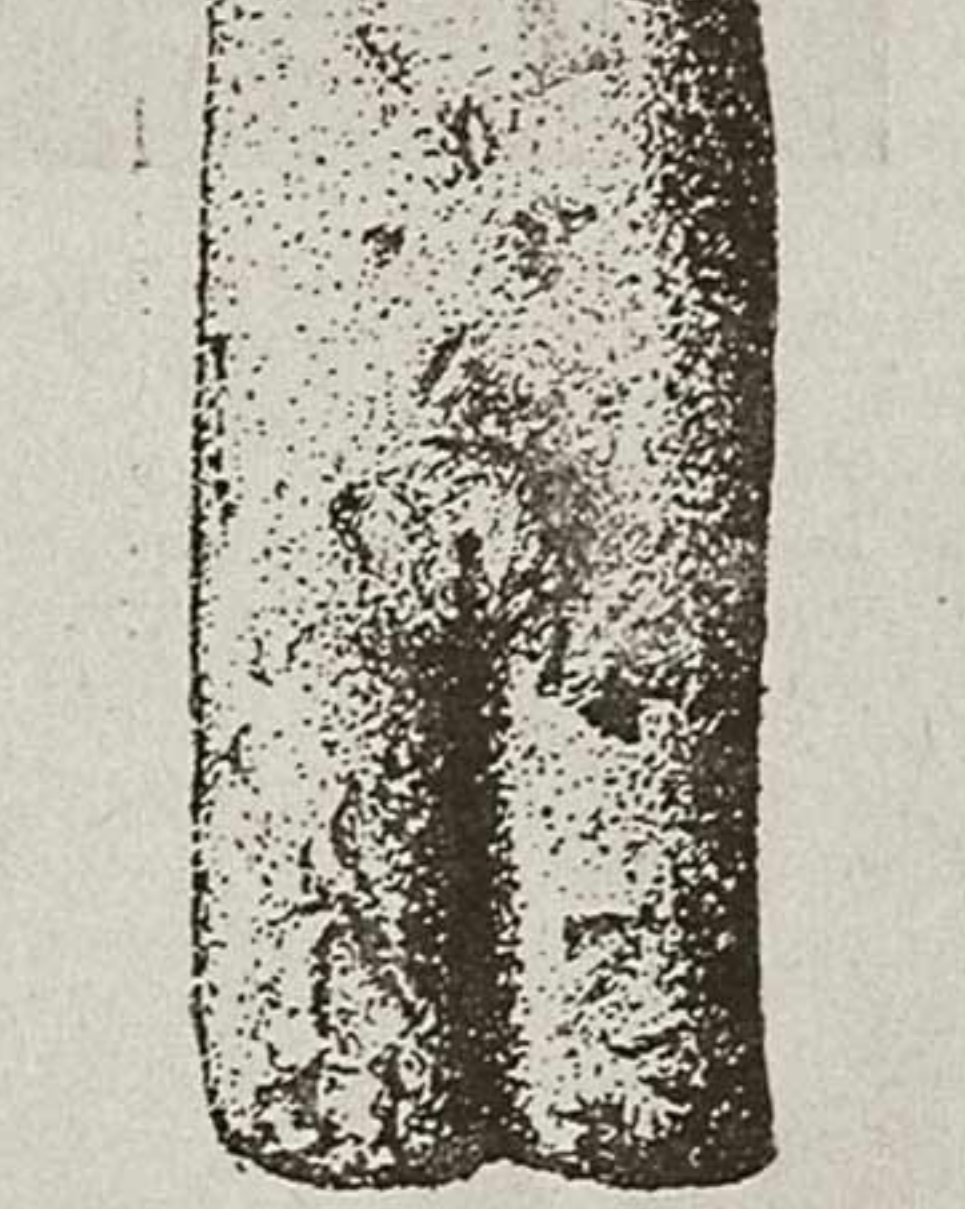


Рис. 2. Статуэтка с северного кургана Анау.

Фигурка с Ясы-депе относится, видимо, к комплексу так называемой архаической «расписной керамики» земледельческих культур эпохи энеолита: техника и мотив росписи на родственной ей фигурке из Анау тот же, что и на расписной керамике из слоя Анау II и Анау III[6]); раскопки 1904 г. в Анау также дали аналогичную фигурку с плоскими округлыми выступами вместо рук в слое Анау III[7]).

Другая интересная фигурка была найдена тем же отрядом ЮТАКЭ на городище Намазгар-депе, расположенном в районе Абиверда — одном из богатейших и древнейших центров культуры былого Хорасана. Намазгар-депе, как это отметил еще Д. Д. Букинич, тоже дает обильный керамический материал типа Анау III[8]). Это подтвердили и сборы, про-

изведенные на городище отрядом ЮТАКЭ. Найденная на городище фигурка изображает сильно геометризованную человеческую фигурку.

Рис. 3. Архаическая статуэтка с Намазгар-депе.

Фрагменты двух других фигурок из Намазгар-депе были опубликованы Д. Д. Букиничем: одна из них — женский торсик крестообразной геометризованной формы с талией, конечностями рук и шеей одинакового диаметра и с коническими двумя выступами на груди. Другая—торсик схематизированной фигурки, прижавшей к груди руки с браслетами на запястьях.

Все эти, описанные выше, „архаические“ фигурки относятся к одному и тому же типу культуры, характеризуемому слоем „Анау III“.

Естественно, возникает вопрос о датировке фигурок, принадлежащих этому слою и об основных особенностях их стиля.

Раскопки американской экспедиции Помпелли (1904 г.) не разрешили, а лишь запутали датировку культурных слоев Анау, которым с самаго начала было придано не местное, а весьма широкое значение, в связи с общим вопросом о происхождении ряда родственных культур.

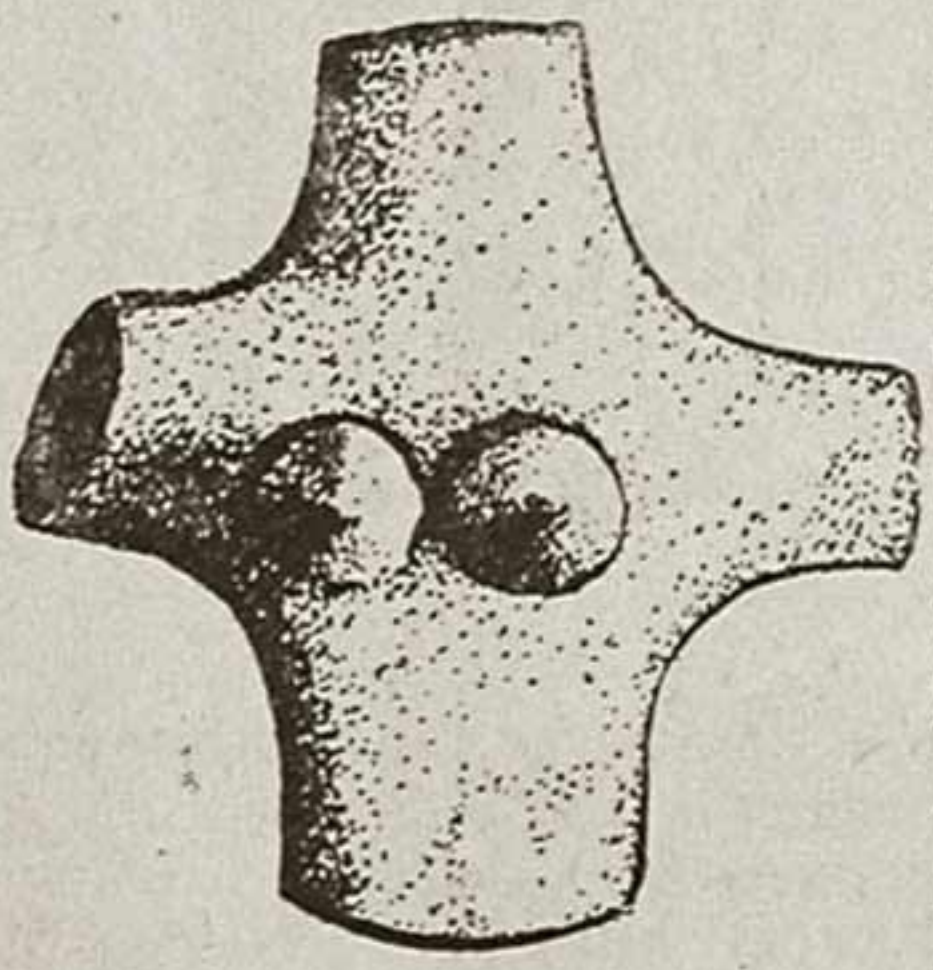


Рис. 4. Фигурка с Намазгар-депе.

Вопрос о значении и характере родства неолитических фигурок и так называемой архаической „расписной керамики“ давно уже ставился, как частная проблема, в связь с вопросом о мнимых стадиальных схождениях между языками различных систем, с языковым родством и теорией индо-европейского праязыка, т. е. о „прародине“, „пранароде“, создавшем определенный тип сходных археологических памятников. Только следуя ложным теориям западноевропейской буржуазной науки можно утверждать, что здесь, в Намазгар-депе, „первобытная родина сумеро-аккадской культуры“[9]), или что Анау прародина индоевропейских народов[10]).

В свете археологических открытий последнего десятилетия, и особенно работ советских ученых, наши фигурки (к которым прибавляются представленные на выставке III Международного конгресса иранского искусства и археологии в Ленинграде в 1935 г. новые находки из Актепе близ Ашхабада и Анау[11]) — также приобретают значение не

только местное, но идущее далеко за пределы датировки местной скульптуры «доскифского» времени. Последние открытия в передней Азии и на Украине совершенно разрушают расистские и другие, построенные на сходстве культур «расписной керамики», «теории» о продвижении индогерманцев в неолите на восток [12]), или индо-иранцев (тохаров) из Туркестана на запад и на юг[13]). Открытия эти устанавливают, что додинастические культуры древнего Востока, характеризуемые культурой „расписной керамики", датируются в отношении Ассирии и Верхней Месопотамии VI—V тысячелетием до н. э., для Малой Азии (Анатолии) IV тысячелетием до н. э., для Балкан и юга России III — II тысячелетием[14]). Сходные фазы развития культуры „расписной керамики" принадлежат разнообразным областям от богатой городской цивилизации Месопотамии, до городищ медного века Анатолии и неолитических поселений на Балканах.

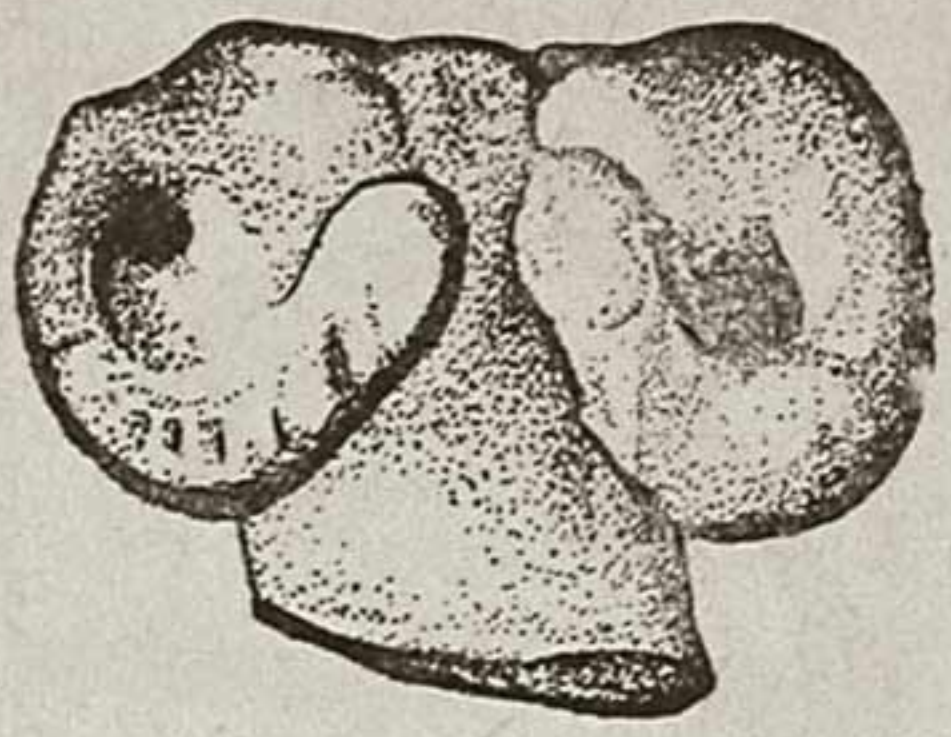


Рис. 5. Фигурка с Намазгар депе.

Публикуемые нами фигурки с Ясы-депе и Намазгар-депе нельзя датировать, основываясь лишь на стилистическом сходстве с одной из датированных культур и нельзя, тем более, строить на этом шатком основании предложения о переселении народов, которым принадлежит круг сюжетов архаической скульптуры и «расписной керамики». Самые последние обобщающие работы в этой области констатируют, что «при постановке всех подобных вопросов мы в настоящий момент не можем еще идти дальше более или менее убедительных гипотез»[15]). Намечаемые ЮТАКЭ раскопки в Анау и Намазгар-депе будут поэтому чрезвычайно актуальны.

Что касается художественных особенностей, стиля искусства, первобытных земледельческих общин эпохи неолита, то исследователей давно поражало богатство геометрического и символического орнамента в искусстве, наряду с крайней беспомощностью, примитивностью и условностью изображений живой натуры вообще и человеческих фигур, в частности. Для объяснения стиля неолитического искусства буржуазное идеалистическое искусствознание выдвинуло ряд определений: его называют «идеопластическим» в противоположность «физиопластическому» искусству палеолита (Ферворн), искусством «земледельческого идеализма» в противоположность «охотничьему реализму» (Гаузенштейн), «имаганативным» (т. е. основанным на воображении) в противоположность «сенсорному» (т. е. основанному на воспринятии наших чувств) искусству палеолита и т. д. Однако, сущность искусства заключается в методе образного мышления. Схематизированные фигурки, в которых плоская округлость плеча заменяет руку, а крестообразный торс — реальную фигуру — не заключает в себе эстетического момента; его подавляет религиозное сознание, основанное не на наивном воспроизведении природы, как в искусстве палеолита, а на искусственном воспроизведении части вместо целого, знака вместо образа, т. е. на фетишизме и представлениях о механической причинности явлений. Условно закли-

нательный характер этого изобразительного искусства наглядно обрисовывается изображением стилизованной в виде иероглифа человеческой фигуры (с хвостом?) на фрагменте одного из сосудов Намазгар-депе, опубликованном Д. Д. Букиничем[16]) — прекрасном образце симпатической магии в первобытном искусстве. Весьма вероятно, что идольчики еще в большей мере чем росписи на сосудах, играли в жизни первобытных земледельческих общин Южной Туркмении почти исключительно культовую роль.

Рис. 6. Фрагмент расписной керамики с Намазгар-депе.

Переднеазиатские фигурки 2-го тысячелетия до н. э. часто изображают женское божество Нана по типу архаической „нагой богини" стеатопигического сложения, с руками, прижатыми к груди[17]). Наряду с этим, вплоть до эпохи селевкидов, сохраняются женские фигурки более вытянутых пропорций, у которых руки сложены на животе или прижаты к груди[18]). Такие же по идее, но более реалистические по исполнению фигурки известны также среди ранних штампованных терракот древнего Самарканда; они принадлежат еще к пережиткам местных матриархальных богинь типа переднеазиатской Наны, слившейся затем с ее местным двойником — Анахитой[19]). Фигурка из Намазгар-депе, с прижатыми к груди руками, является как бы связующим звеном между «доисторическими» архаическими фигурками Ясы-депе, Намазгар-депе, Анау III и терракотовыми статуэтками Наны, распространенными вплоть до парфянского времени.

Терракоты

Археологическая разведка 1947 г. на территории древнего Мерва, откуда происходит главная масса терракот, изданных в 1-томе Трудов ЮТАКЭ, дает возможность обрисовать полнее места предыдущих находок и происхождение описываемых ниже новых терракот.

Гяур-кала, городище древнего Мерва, представляет собой исключительно мощное прямоугольное городище с оплывшими валами некогда монументальных сырцовых стен длиной по стороне до 2 км. К северному валу примыкает изнутри величественная, почти овальная цитадель, опоясанная по кольцу мощным валом, с остатками стен, возвышающихся выше стен города. Внутренность цитадели представляется огромной, сильно вогнутой чашей, в центре которой возвышается высокий холм главного комплекса зданий — Эрке-депе. Высота Эрке-депе достигает 26 м. Именно здесь, в «царевом кремле» и на буграх в цитадели велись в 80-х годах раскопки А. В. Комарова, в 1890 г. В. А. Жуковского, в 1904 г. Р. Помпелли и, наконец, в 1937 г. А. А. Марущенко и Б. Б. Пиотровского.

Находки терракот 1947 г. распределяются следующим образом: одна на северном валу городища в 100 м от цитадели, к западу, одна на городище в 100 м от цитадели, к востоку и одна к северу вне стен городища на территории рабада. Все остальные терракоты были найдены в самой цитадели, у подножья и в отвалах старых раскопок Эрке-депе. Местность к востоку от Эрке-депе в пределах стен городища была занята до арабского завоевания, повидимому, крупными замками помещиков или владетельных лиц (об этом говорят остатки крупных сырцовых сооружений и обильная неполивная керамика). Южнее шли внутри городских стен пашни, как в последние века до арабского завоевания, так и во все последующие эпохи раннего феодализма. На южной стороне в город входит арык, и вдоль его берегов шли к северу, в направлении цитадели, кварталы керамистов. Сохранились остатки печей, много шлаков и разнообразная керамика, свидетельствующая об интенсивной жизни города, особенно в IX—XII вв. и в меньшей мере в XIII в. Ближе к Эрке-депе следуют остатки ряда крупных зданий из жженого кирпича и, наконец, сама цитадель содержит остатки кладок, произведенных очевидно для поддержания цитадели в XI—XII вв. Однако основные части цитадели много древнее.

Из отчета Б. Б. Пиотровского, производившего раскопки в цитадели, стратиграфия ее представляется в следующем виде[20]). На глубине 10 м от уровня цитадели лежит культурный слой, соответствующий Анау IV и датируемый Б. Б. Пиотровским 2-й четвертью 1-го тысячелетия до н. э.; над ним платформа из пахсы с глиняными шарами, биконическими поделками и керамикой первой половины 1-го тысячелетия до н. э.; далее слой с налепными узорами на сосудах, красными флягами и расписной керамикой, датируемый им же первыми веками н. э.; затем снова платформа в виде клеток с засыпкой землей. Над платформой верхнее здание. А. А. Марущенко раскапывал главный холм Эрке-депе, и там обрисовалась схожая картина: нижняя платформа с ланцетовидными стрелами греко-бактрийского времени и со следами гибели цитадели при взятии ее неприятелем; над ней культурный слой типа Старой Нисы (сегментный кирпич); затем слой с монетами ранних сасанидов. Далее, верхнее здание VI—VII в., забитое мусором. В этом мусоре и была найдена большая часть терракот Ашхабадского музея. Забивка мусором была сделана, очевидно, строителями тех построек над зданием VI—VII вв., от которых сохранилось очень немногое, однако, с кучкой арабских монет.

Из отчета Б. Б. Пиотровского и разъяснений А. А. Марущенко следует, что терракоты были найдены главным образом в забивке здания VI—VII вв. Однако, эти наблюдения нельзя считать обстоятельством, датирующим статуэтки, поскольку Б. Б. Пиотровскому (уже на глубине 5 м, в нижних частях стенок, раскопанных В. А. Жуковским[21]), попались обломки сосудов типа «Анау IV» и бронзовый втульчатый наконечник стрелы ранне-скифского времени (VII—VI вв. до н. э.), в которых можно усмотреть лишь выбросы нижних слоев. Таким образом, раскопки, имевшие место на Эрке-депе, дополняют общую картину местонахождений терракот, но не разрешают вопроса об их датировке, тем более, что основная часть находок составляла и в ту пору подъемный материал, обнаруженный вне слоя.

Обратимся теперь к находкам 1947 г.

1. Терракотовая фигурка вытянутых пропорций с изображением женщины, прижимающей правую руку к груди, опустив левую к низу живота. Головка отбита. На груди женщины род ожерелья из шариков, переходящих на правое плечо. Возможно, что средний шарик изображает плод в руке, а две смежные с ним выпуклости женские груди. Низ живота подпоясан как бы двойной опояской, расходящейся спереди книзу свисающими концами, из-под которых видны широкие, выполненные обратным рельефом, низкие сапожки, перехваченные у лодыжек. Платье женщины в косую клетку (фактура вафли). На рукавах украшения; на шее как бы толстая витая гривка, из-под которой сборки платья опускаются на грудь; на правой руке браслет. Техника исполнения: оттиск на сырой глине штампом в плоском рельефе с последующим обрезом сзади и с боков фигурки. Цвет светлосерый с зеленоватым ангобом. Размеры: высота—9 *см*, ширина—3 *см*, толщина—1,2 *см*.

Рис. 7. Терракотовая фигурка с Гяур-калы (№ 1).

Место находки: Гяур-кала, к востоку от цитадели.

Перед нами, повидимому, Анахита, наиболее популярное в зороастрийском пантеоне божество плодородия; на Анахите местный костюм. То же положение рук, прижатых с плодом к груди и к низу живота, встречается, как известно, на изображениях Анахиты из древнего Тохаристана[22]) и Самарканда[23]). Оригинальным является здесь костюм в косую клетку с убранством в нижней части платья. Схожая фигурка в клетчатом платье, тоже с Гяур-кала, имеется в собрании Ташкентского музея АН УзССР. Последняя тоже прижимает одну руку к груди, другую опускает ниже живота; на груди у нее ряд переходящих на правое плечо бугорков и гривна. На левое плечо у фигурки наброшена мантия, рукава собраны в поперечные складки, нижняя часть богатого платья усыпана кружками, обозначающими украшения.

Очевидно, перед нами богатый женский костюм, распространенный в древнем Мерве. Узкие рукава в поперечную складку, двойная перепояска под животом или расшитый подол, мантия с ложными рукавами — все эти специфические черты имели настолько прочно установившиеся местные корни в народном быту, что появившиеся здесь греческие одежды, оказавшие известное влияние на «варварские» одежды Средней Азии, не могли вытеснить их полностью.

В терракотах и на монетах эпохи кушан мы постоянно встречаем смешение вышеописанного местного женского костюма с греческим гиматием, как главной принадлежностью греко-римской одежды. Мы уже

отмечали в предыдущей нашей статье, посвященной терракотам Мерва и глиняным статуям Нисы, живучесть «старо-парфянского» костюма в Хорасане и после того, как эти костюмы, со времен Орода I, были вытеснены в высших слоях общества роскошными легкими одеждами, с обилием складок, из шелковой ткани; «старо-парфянские» костюмы оставались при этом в Хорасане одеждой лиц не царского происхождения, а в кушанских землях они сохранялись даже и при дворе. Мужские «старо-парфянского» типа костюмы с узкими рукавами в поперечную складку, только с надетыми поверх них панцырями, продолжали носить цари на монетах «Васишки» и кушаншахов[24]).

Традиционные мантии, которые набрасывались сперва только на плечи (Амударьинский клад), под влиянием греко-римской одежды начинают служить родом гиматия; в них завертывают на греческий манер согнутую в локте руку — и в Согде[25]) и в Хорезме[26]), причем в последнем завернутое платье сохраняет по низу широкую кайму из украшений.

Еще в ранне-сасанидское время в кушанских землях продолжали существовать старо-кушанские (родственные хорезмийским и парфянским) женские костюмы[27]).

Нам представляется, что описанная фигурка возникла на почве кушанского искусства, но продолжала бытовать при сасанидских кушаншахах, следуя прочно установившейся местной традиции.

2. Небольшая терракотовая фигурка с изображением женщины, держащей на груди в правой руке зеркало, в то время, как левая рука опущена книзу. Зеркало поднято выше середины, ближе к правой груди, прикрывая частично широкую гривну. Ниже пояса фигурка отбита. На голове у нее коронообразный головной убор, состоящий из диадемы с прикрепленными к ней тремя выступами (зубцами?). Лицо правильных пропорций с несколько затертыми, но выразительными чертами выпуклых век, широкого носа и маленьких губ. Его обрамляют крупные, спускающиеся на плечи, кудри, из-под которых видны круглые подвески. Платье—гладко облегающее груди, с узким рукавом в поперечную складку. Через левое плечо накинут род античного гиматия, перекинутого в локте через руку и пересекающего платье наискось на животе. Зеркало в левой руке круглое на длинной ножке.

Рис. 8. Терракотовая фигурка с Гяур-калы (№ 2).

Техника исполнения: оттиск на сырой глине штампом, с последующим обрезом тыловой части, с боков и сверху, причем контур обреза не совпадает с контуром фигуры, так что фигура имеет вид барельефа на миниатюрной стене.

В профиль—производит впечатление кариатиды, туловище наклонено вперед. Цвет сероватый; покрыта светлым ангобом. Размеры $3 \times 4{,}8 \times 1{,}6$ *см*. Место находки — гребень вала Гяур-калы, в 100 *м* к западу от цитадели. Находка автора.

3. Терракотовая фигурка с изображением женщины в той же композиции, но меньшего масштаба. В правой руке у нее круглое зеркало на длинной ножке поднято выше груди и сдвинуто слегка влево. Ясно выраженный гиматий охватывает спереди всю фигуру, проходя под грудью наискось через живот; левая рука опущена вниз и придерживает край гиматия, перекинутого через левое плечо. Слева обрез, справа может быть край мантии.

Рис. 9. Терракотовая фигурка с Гяур-калы (№ 3).

Техника исполнения та же: оттиск на сырой глине высоким рельефом. Цвет на поверхности и в обломах (у шеи и ниже колен) тот же, что и на поверхности—светло-желтый; обрезы ножом сзади и с боков. Место находки: на холме к северу от Гяур-калы. Находка отряда IV.

4. Терракотовая фигурка с изображением той же свободно стоящей женщины с зеркалом. Фигурка более крупного масштаба и худшей сохранности: отбита головка, часть туловища ниже колен и сколота правая сторона фигурки. Сюжет изображения тот же: левая рука женщины придерживает спереди, ниже живота, конец гиматия; ближе к левому сколотому краю фигурки остаток круглого зеркала, который находился, видимо, в правой руке.

Техника исполнения та же, причем сырая глина втискивалась в форму неравномерно, почему в обломе образовалась небольшая пустота. Цвет в обломе почти красный, ангоб желтый. Место находки: цитадель Гяур-калы, Эрке-депе. Находка автора. Размеры: $4{,}6 \times 3{,}5 \times 1{,}7$ *см*.

Рис. 10. Терракотовая фигурка с Гяур-калы (№ 4).

Вполне очевидно, что все три описанных фигурки (2, 3, 4) с штампов различного размера — изображают один и тот же оригинал, который пользовался популярностью и имел в форме терракот массовое распространение. Количество известных нам штампов на сюжет женщины с зеркалом, при всей малочисленности известных пока мервских терракот, достигает восьми[28]). Весьма вероятно, что оригинал, которому следовала эта распространенная группа изображений, пред-

ставлял собой статую, особо чтимую в одном из храмов Мерва. Сюжет этой статуи, или сюжет описанной группы терракот, представляет собой как бы вариацию темы женского божества, у которого плод на груди заменяется зеркалом, а местные традиционные одежды и прежде всего мантия — охватывающим фигурку античным гиматием поверх местной рубахи.

Именно таким божеством представляется на монетах кушан женская фигурка с надписью NANA, NANAIA, NANAPAO (НАНА-ШАХ), очевидно, идентичная с переднеазиатской Нана, и родственное ей индийское божество изобилия ОРΔОХРО (Ордохшо). Атрибуты Наны на кушанских монетах — скипетр, протома лошади[29]). Атрибут Ордохшо — рог изобилия[30]). Главным атрибутом мервской богини является зеркало.

На магическую силу зеркала в борьбе с вражескими войсками и на связь зеркала с идеей плодородия (производительной силы) указывает легенда о зеркале царицы Кака-шин, сохранившаяся в Южной Туркмении, близ Абиверда, до наших дней[31]). Представления о магической силе зеркала имеют самое широкое распространение. На статуэтках Мерва зеркало заменяет распространенный на терракотах Согда лотос или плод, который согдийская богиня держит обычно прижатым к груди. Впрочем, в собрании Ташкентского музея АН УзССР имеется изображение Анахиты из Согда, у которой в одной руке зажат лотос, а в другой зеркало. И лотос и зеркало были, очевидно, не только символами или атрибутами богини, но и принадлежностями известного ритуала.

У буддистов зеркало играет роль алтарной принадлежности; оно употребляется, между прочим, для освящения воды: зеркало устанавливают так, чтобы в нем отразилось имеющееся в храме изображение Будды, затем льют на него воду, которая, стекая по отображенному лику Будды, якобы приобретает святость. Ее пьют и окропляют ею верующих[32]). Весьма вероятно, что зеркало в руках мервской богини было связано с подобным почитанием священных вод и, может быть, приготовлением священного напитка бессмертия „хаомы". Любопытно, что в китайском искусстве, современном кушанам (эпоха Хань), изображение человека, толкущего в ступе „средство бессмертия", тоже связывается с зеркалом (изображение сделано на „магическом" зеркале[33]), а на Бия-найманских оссуариях „хаома" напиток бессмертия олицетворяется женщиной, держащей в руке в одном случае лотос, а в другом ступку[34]). Лотос, зеркало и ступка выражали, видимо, один круг идей и принадлежали ритуалу как буддийских, так и других распространенных в древности культов.

Рис. 11. Терракотовая фигурка с Гяур-калы (№ 5).

5. Терракотовая фигурка изображает женщину в рост. Правая рука поднята кверху, к плечу и обращена вперед раскрытой ладонью; левая опущена книзу так, что рука переходит в плоскость свободно стоящей левой ноги. На животе косые вдавлины, соответствующие покрою гиматия, конец которого свисал, очевидно, с руки. Гиматий облегал грудь и ноги так, что из-под него видна была падающая до пола рубаха, прикрывающая своими складками ступни ног.

12. Фигурка из Ак-мечети.

Техника исполнения та же: оттиск сырой глины по штампу с обрезом тыловой и боковых частей. Нижний обрез скошен, следовательно, фигурка не рассчитана на стоячее положение.

Место находки: Гяур-кала. Подножие Эрке-депе. Размеры: 6,8 × 2,3 × 1,2 см. Находка автора.

Несмотря на дурное качество штампа, описанная статуэтка сохранила достаточно отчетливо общую идею изображения: статическая фигура богини или жрицы; правая рука поднята у нее распространенным жестом „мудры" в то время как левая поддерживает у бедра, ниже живота, спускающийся до пола расходящееся книзу платье. Такая композиция статуэток встречается и в Согде среди поздне-кушанских терракот. Одна из них, прекрасной сохранности, была найдена в 1944 г. близ кишлака Ак-Мечеть в окрестностях Самарканда и изображает женщину в короне, также поднявшую руку с раскрытой ладонью кверху[35]), а левой придерживающую у бедра край платья. Согдийский мастер, изготовлявший штамп для статуэтки, следовал, видимо, какому-то плохо понятому им образцу; покрой платья был для мастера непривычен, почему фигурка не столько придерживает платье, сколько прижимает, по традиции, руку к низу живота. Оригинал этой композиции восходит, видимо, к широко распространенному изображению; это могла быть определенная статуя, что видно по парфянской терракоте из Дура-Европос[36]). На

Рис. 13. Парфянский рельеф из Дура-Европос.

плитке из Дура-Европос изображена та же богиня с короной на голове. Правая рука у нее поднята раскрытой ладонью кверху, а левая держит на уровне живота «рог изобилия». На ней все то же «варваризованное» античного покроя платье. Богиня представлена в статуарной позе под наиском; рядом с ней мужская фигура царя (?) с мечом, в парфянском костюме в поперечную складку. Перед нами не столько Анахита, как ее называет Зарре, сколько близкая греческой Тихе среднеазиатско-индийская Ордохшо. Нет ничего странного в том, что на терракотах Согда, Мерва и в Дура-Европос, а также на монетах кушан, оказываются общие персонажи; в терракотах типа Ордохшо нет прямого повторения ни греческих оригиналов, ни кушанских монет, которым особенно близки согдийские терракоты этого рода, но которые (монеты), как отмечал еще П. Гарднер, «скорее являются копиями условного и широко распространенного изображения божества. В пределах установившихся представлений относительно поз и одежд, художники пользовались свободой; они постоянно изменяли атрибуты»[37]) и совершенно отходили от греческих оригиналов.

Описанные здесь фигурки женского божества сохраняют неизменное положение рук — левой, опущенной вниз, к животу, правой, поднятой к груди, и лишь мотивировка сюжета покроем платья (для левой руки) и атрибутами, или ритуальным жестом (для правой руки) отличает их между собой. Женские фигурки в короне с длинными, падающими на плечи локонами и подвесками в ушах, с зеркалом в руке носят, благодаря свободной позе и реалистической трактовке всей композиции, почти светский характер. Однако, с зеркалом встречаются не только фигурки модниц в эллинизированных костюмах, но также и женщины в длинных до пят платьях с богато убранным подолом; такие статуэтки, из собрания Ашхабадского музея, изданы нами в 1-м томе Трудов ЮТАКЭ[38]). Употребление зеркала нельзя считать таким образом атрибутом, заимствованным вместе с греческим, или вместе с кушанским костюмом. Зеркало было, очевидно, местным ритуальным предметом, и потому оно замещало как рог изобилия Ордохшо, так и скипетр с протомой лошади Нанайи.

Лотос, зеркало и плод были, видимо, атрибутами общими именно для богинь Мерва, Согда и, отчасти, Тохаристана, в то время, как атрибуты богинь индо-кушанских монет следовали в большей мере греческим образцам (Тихе, Исиды и Ники).

6. Терракотовая прямоугольная плитка с рельефным изображением женщины, держащей на груди зеркало. Верхняя часть фигурки, выше плеч, отломана. Круглое зеркало находится в правой руке, левая рука прижата к животу или придерживает зеркало снизу, за длинную ножку. На предплечье левой руки—поперечные складки, вдоль всего платья и по подолу многочисленные бугорки, кружочки и грядки изображают, повидимому, богатые украшения,

Рис. 14. Терракотовая фигурка с Гяур-калы. (№ 6).

которыми особо отмечаются скрытые под платьем ноги, широкая нижняя кайма и средняя, к низу от живота, линия.

Техника исполнения та же, однако рельеф очень плоский, ангоб только на лицевой стороне, со следами пальцев мастера. Цвет глины желтосерый, ангоб светложелтый с зеленоватым оттенком. Штамп, видимо, изношенный, почему рисунок заплывший, без четких контуров. Обрезы по сторонам, снизу и сзади.

Место находки: Гяур-кала. Находка отряда IV.

Размеры 9,8×5,8×1,5 см.

7. Фрагмент плитки подобной № 6. Оттиск с более отчетливого штампа. Подол сохранившейся нижней части платья был украшен кружочками; средняя линяя — горошинами; положение слегка раздвинутых под платьем ног отмечено в виде рельефных гребней с поперечными складками, рядами выкружек и выпуклостей, обрамляющих платье по бокам.

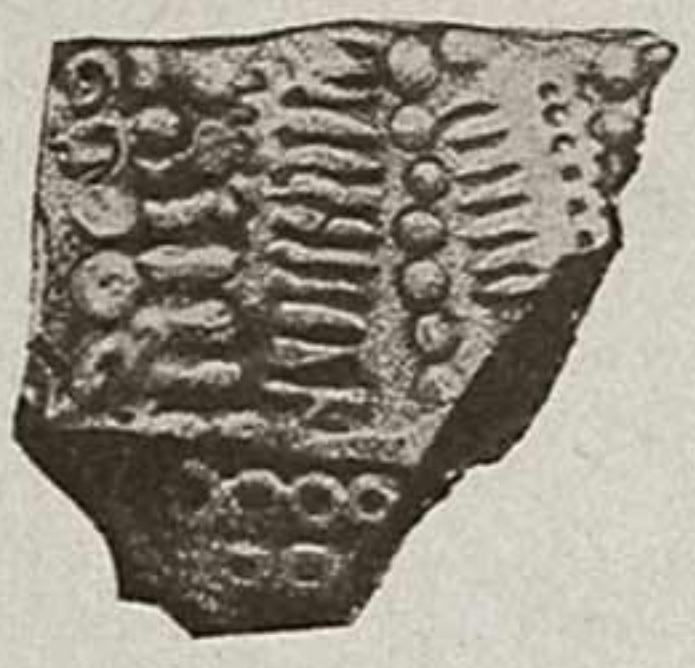


Рис. 15. Терракотовая фигурка с Гяур-калы (№ 7).

Место находки: Гяур-кала. Подножье Эрке-депе.

Размер 5,5×5,6×1,4 см. Находка автора.

Обе описанные выше плитки повторяют образец, имеющийся в собрании Ашхабадского музея[39]), и плитку из раскопок Помпелли[40]). Фигурки 6 и 7 резко отличаются от фигурок 2, 3 и 4, хотя сюжет их тот же. Подобного рода плитки составляли предмет массового производства; они изображают, как мы и предполагали уже в предшествующей статье, не женщину с мечом (так значится аналогичная плитка в описях Ашхабадского музея), а женщину с зеркалом. Сопоставляя различные формы скульптурного воплощения этого сюжета, мы склонны думать, что плоские рельефные плитки этого рода представляют собой дальнейшее, более схематизированное изображение богини или жрицы с зеркалом, которая предстает перед нами в Мерве то в эллинизированных, то в местных костюмах, развивая самый распространенный сюжет мервских терракот кушанского времени.

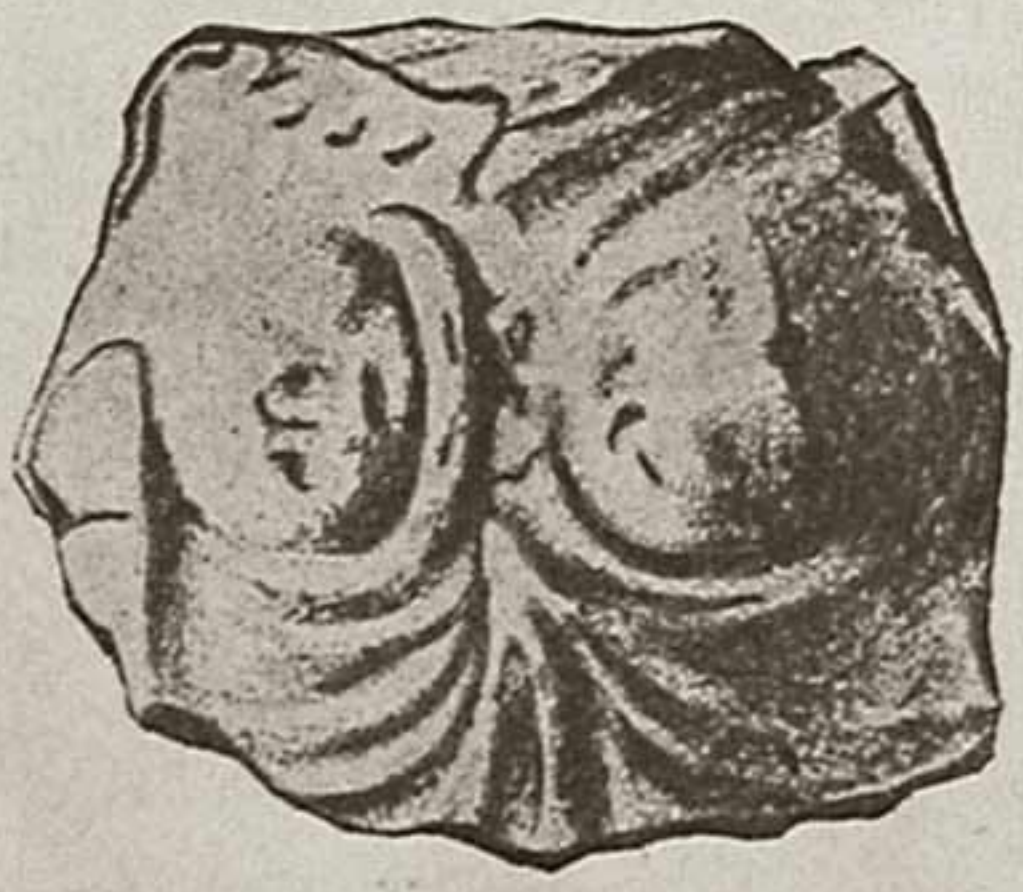


Рис. 16. Фигурка из Абиверда.

Возможно, что эту категорию плиток следует отнести к условно называемому „кушано-сасанидскому“ искусству, под которым подразумевается искусство Мерва IV—VII вв.

Помимо терракот из Мерва, заслуживает внимания упоминавшаяся уже фигурка с древнего тепе близ Пештага.

Городище Пештаг находится вблизи Намазгар-депе, в местности, которую один из исследователей назвал

„возможной колыбелью парфянской культуры и государственности“[41]).

Терракотовый торсик из Пештага изображает фигурку женщины с сильно развитым бюстом. Большие чашеобразные груди охвачены туникой, которая расходится книзу складками. На плече завязки. На шее ожерелье. Формы тела и платья выражены пластически выразительно. Головка, часть фигурки ниже пояса и руки отбиты, однако заметно, что правая рука шла книзу, а левая в сторону, но была срезана ножом еще до обжига.

Техника исполнения обычная для терракот, однако обращает на себя внимание, что хорошему выразительному штампу не соответствует небрежность срезов задней и боковых поверхностей плитки — срезы неровные, обработка хорошей модели грубая, ремесленная. Цвет в изломах и сзади светлокрасный, ангоб на лицевой стороне желтосерый.

Размер: 4,6×5,6×2,9 см.

Хотя фигурка из Пештага дошла до нас и в сильно пострадавшем виде, находка эта представляет большой интерес. Во-первых, это первый известный нам случай обнаружения терракоты, исполненной оттиском по штампу, западнее Мерва на пути к Нисе, где, как и в других древних „парфянских землях“ Южной Туркмении, терракот пока не найдено. А между тем оттиски глиняных фигурок, как произведения массового искусства, связанного с распространенными культами, являются наиболее верным свидетельством характера распространенной религии и стиля местного искусства. Фигурка из Пештага говорит о тех крайних, известных пока, пределах, до каких шло на запад распространение художественных форм, принятых в коропластике Мерва, Тохаристана и Согда.

Рис. 17. „Афина из Лагора“ (Гандхара).

Фигурка из Пештага близка к великолепной статуэтке, известной под названием Афины из Лагора. Статуэтка из Лагора изображает женщину в шлеме, с длинным копьем в левой руке; на ней туника, облегающая большие чашеобразные груди; так же расходятся книзу от грудей складки ткани и так же лежат на округлых плечах завязки. Правая рука, державшая копье, отводится, как и на фигурке из Пештага, в сторону, а левая опущена вниз и согнута в локте; на шее у нее ожерелье. Отличие в жгуте, охватывающем талию. Во всех прочих отношениях фигурка из Пештага кажется прямым повторением оригинала, которому следовала и статуэтка из Лагора. Оригинал этих фигурок

принадлежит той своеобразной школе так называемого гандхарского искусства, в которой греко-римские элементы отразились в произведениях, обязанных главным образом дарованиям местных среднеазиатско-индийских мастеров.

Образ женщины-воительницы, защитницы и покровительницы городов, был очень популярным на востоке античного мира; его изображали как греко-римские колонизаторы, избиравшие покровительницами основанных ими городов своих отечественных богинь, так и местные правители. В Самаркандском музее можно видеть терракоту с изображением нимфы Лариссы, покровительницы известного, насившего ее имя города в Фессалии; в Варахше, под Бухарой, была обнаружена головка богини-покровительницы города с короной в виде крепостной башни с бойницами (corona muralis[42]); то же значение могло иметь и изображение типа «Афины из Лагора», найденное в Пештаге. На монете кушанца Хувишки можно видеть другое аналогичное произведение, связанное с римской экспансией на Восток — изображение женщины-воительницы в шлеме с копьем и легендой PIOM, что по П. Гарднеру олицетворяет Рим в образе Паллады[43]).

Скульптура из глины

Рис. 18. Нога глиняной статуи.

Продолжающиеся в Старой Нисе раскопки четырехстолпного зала дали новые находки скульптурных произведений из глины. Здесь обнаружены новые фрагменты глиняной скульптуры, относящиеся, вероятно, к статуе, о которой уже шла речь в 1-м томе Трудов ЮТАКЭ[44]).

Новая важная деталь — окрашенная нога статуи, почти до колена, с завязкой сандалии на лодыжке. Судя по сгибу ноги, можно подозревать, не была ли это статуя сидящей фигуры и не следовала ли она, в таком случае, как это предполагал еще А. А. Марущенко, композиции лучника на реверсе аршакидских монет. Однако из рассмотрения снимка 1936 г., зафиксировавшего торс статуи *in situ* в притворе пилона, куда она была некогда вынесена из центрального помещения, следует, что правая рука статуи была согнута

в локте и прижата к туловищу ниже груди; между тем на реверсе аршакидских монет такое положение левой руки совершенно исключено.

Хотя раскопками 1947 г. установлено, что статуя стояла внутри помещения в нише, образованной закладкой среднего западного пилона и была обращена лицом на восток, и что, как мы предполагали, время возведения статуи относится к позднему периоду существования здания — вопрос о композиции статуи, служившей, вероятно, главной достопримечательностью грандиозного зала — нельзя считать разрешенным.

Рис. 19. Глиняная статуя из Старой Нисы.

Весьма ценным приобретением явилась находка „маски“ из плотной серожелтой глины, изображающая мужское лицо. „Маска“ найдена в юго-западной части того же зала. Она выполнена от руки в архаическом, т. е. пластически невыразительном стиле. Лицо скорбное; черты его бесформенно-одутловатые. Нос узкий, прямой, ниже правой щеки как бы флюс; рот тоже аморфный; верхняя губа маленькая, едва возвышается над горизонтальной линией рта; нижняя губа широкая, слегка отвислая; острый подбородок, вялые формы глазных впадин и, видимо, закрытых век.

Нам хотелось бы отметить то важное для общей характеристики скульптуры Нисы обстоятельство, что описанная маска, так же, как и фрагменты глиняной статуи, не имеют общих черт с известными образцами парфянского искусства в Иране[45]). Глиняная маска из Старой Нисы не имеет с маскаронами парфянского Ирана ничего схожего.

Изделия из кости

После окончания сезона раскопок 1947 г. из Новой Нисы поступил еще один предмет, который должен быть отмечен в ряду новых произведений древней скульптуры. Это — костяной стиль в виде заостренного внизу стержня, украшенного в верхней его части фигуркой женщины.

Это навершие, имеющее длину в 3,7 *см,* изображает женщину в невысокой шапочке, с широкими кудрями, спускающимися из-под шапочки в четыре яруса до плеч; на плечах и на рукавах у нее накидка, руки фигурки сложены на животе; ниже пояса — обрез. Обращают на себя внимание — длинная шея с ожерельем, полуоткрытые, лежащие раздельно, как в корсете, груди и высокая узко стянутая талия; именно таковы характерные черты одной из опубликованных в 1-м томе Трудов ЮТАКЭ мервских статуэток Ашхабадского музея из группы местных олицетворений Анахиты-Нанайи[46]).

Черты лица костяной фигурки: крупный нос, составляющий одну линию со лбом, выступающий вперед решительный подбородок, глубокосидящие выпуклые веки глаз, маленький рот — характерны для той среднеазиатской школы античного искусства, представителями которой рисуются, наряду с Матхурой и Бамианом, коропласты древнего Мерва. Стилистически костяная фигурка на стиле напоминает женские фигуры на пластинках из золота Амударьинского клада, где видим тот же крупный и длинный нос, маленькие губы, решительный подбородок и глаз, который при профильном положении лица изображен в фас.

Рис. 20. Костяная фигурка.

Костяной стиль с фигурным навершием был найден и в Мерве В. И. Жуковским, но он изображал не человеческую фигурку, а сжатый кулак. Вообще костяные скульптурные поделки были, очевидно, распространенным видом изделий, как это видно еще из каталога международной выставки 1935 г. в Ленинграде, где, между прочим, среди разных костяных поделок с Новой Нисы была выставлена до сих пор не изданная костяная пластинка из раскопок А. А. Марущенко[47]).

Эта пластинка изображала две человеческие фигуры, вписанные в рамку. В упомянутом каталоге числится четыре фрагмента этой пластинки. Однако, вероятно вследствие последующих разрушений, сейчас в Ашхабадском музее находится лишь три фрагмента; на одном—головка „варвара", сидевшего на престоле, на двух других — сильно уши-

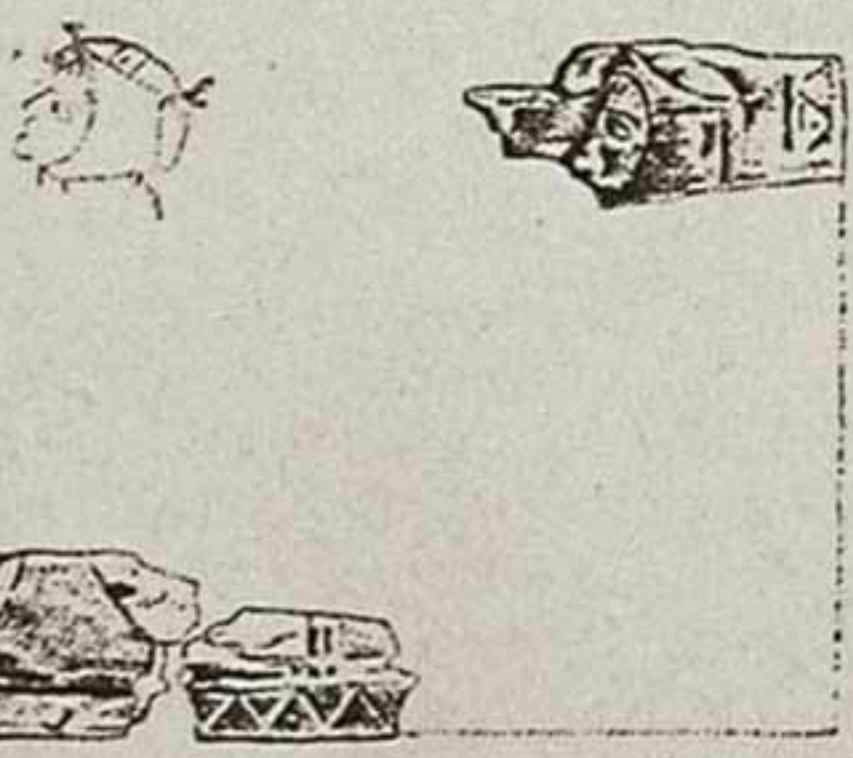


Рис. 21. Костяная пластинка из Новой Нисы.

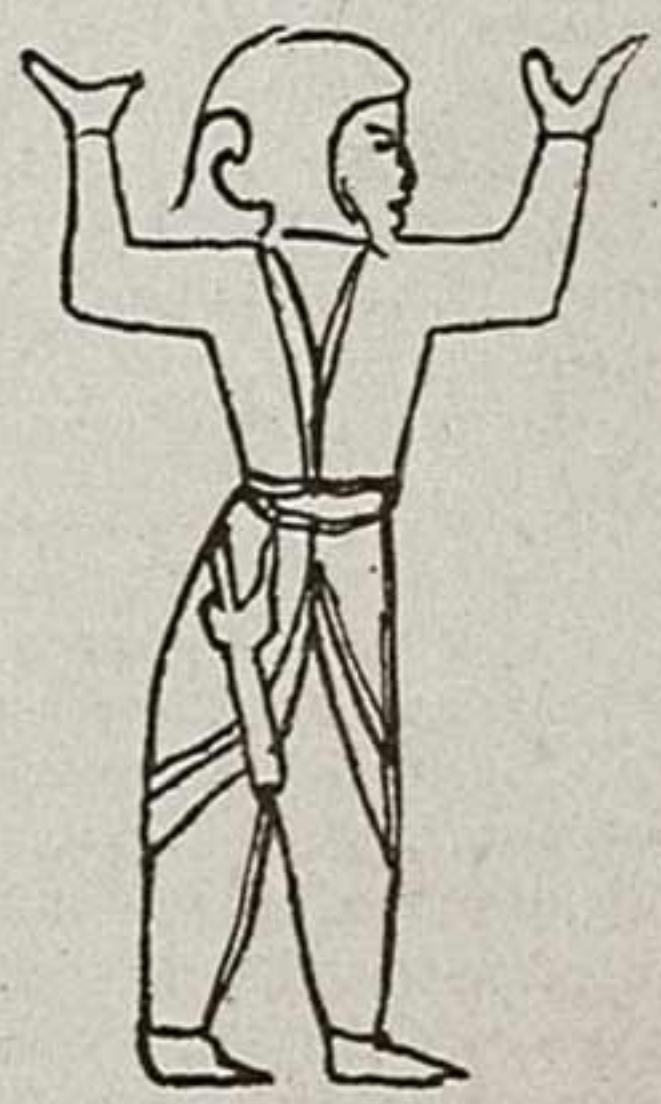


Рис. 22. Изображение сака на ахеменидском рельефе.

ряющиеся к икрам сапожки, принадлежавшие другому лицу, предстоявшему перед сидящим на престоле. Некоторыми исследователями указывалось, что головка «варвара» в башлыке очень близка изобра-

жению сака на Бехистунском рельефе, где он представлен в ряду покоренных народов, поддерживающих престол ахеменидского царя[48]). Сак изображен там в профиль, в башлыке с наушниками, завязанными под подбородком, в то время как сзади у него свешивается мешочек, охватывающий кудри и свисающий над мешочком (чехлом) острый ко-

Рис. 23. Фигурка на пластинке из амударьинского клада.

Рис. 24. Фигурка на пластинке из амударьинского клада.

нец башлыка. На саке спускающийся до колен кафтан со скошенным назад подолом и узкими рукавами; на двойном поясе висит мечакинак. Костяная пластинка из Новой Нисы действительно рисует обитателя Средней Азии, однако вряд ли она изображает, собственно, сака. Мужская головка в башлыке изображена в профиль; она отличается как бы приплюснутым носом и большим (анфас) глазом с опущенным книзу наружным его краем. Короткое расстояние между носом и губой, мягкие сочные губы, врезанные брови и глаза со зрачком, выбивающиеся на лоб из-под башлыка волосы — таковые его характерные черты на пластинке. Башлык прикрывает уши и завязан под подбородком; над лбом у него козырек, сзади волосы заправлены в свешивающийся перевязанный над теменем мешочек. Весьма схожие костюмы, головные уборы и даже лица представлены на золотых пластинках Амударьинского клада[49]). Так, на одной из них — мужская фигура в профиль с пучком палочек (барсом?) и сосудом в руках, одетая в короткий с узкими рукавами кафтан, скошенный спереди и с акинаком на двойном поясе — носит башлык, закрывающий уши и спускающийся сзади на плечи.

Башлык завязан под подбородком, волосы пропущены, видимо, в свешивающийся назад чехол, перевязанный у темени повязкой.

Черты лица другой аналогичной пластинки Аму-дарьинского клада — крупный нос, прочерченный анфас глаз со сплошной длинной, врезанной над ним бровью[50]), еще больше укрепляют в нас представление о том, что костяная пластинка из Новой Нисы ближе к золотым пластинкам Аму-дарьинского клада, чем к изображениям сака на Бисутунской скале в Иране. Что касается сапожек, сильно уширяющихся к икрам, то на серебряной чаше Эрмитажа, изданной Я. Смирновым[51]), где изображен царь в костюме арсакидских монет времени Орода I с характерной для парфянских царей диадемой (ср. у Артабана III[52]), и у парфянской статуэтки в издании SPA[53]), присутствующие на пиру слуги, сохраняющие принятые в простонародьи „старопарфянские" костюмы, носят сапожки именно с широкими голенищами, доходящими до икр. Такие же сапожки носил кушан Кадфиз II[54]) и особа с кувшинами на кушанской чаше, опубликованной К. В. Тревер[55]). Эти сапожки также восточноиранского или среднеазиатского происхождения, как и „старо-парфянский" костюм.

Рис. 25. Фигурка на пластинке из амударьинского клада.

Парны, даи, коренные жители Южной Туркмении, степняки по образу жизни и господствующему хозяйственному укладу,— были носителями сакской традиции, они сохраняли многие внешние черты старого быта и, надо полагать, что не случайно они в глазах греков, вплоть до Птоломея (I в. н. э.) оставались „саками".

Можно думать, что «саки» на золотых пластинках Аму-дарьинского клада, как и «сак» на костяной пластинке из Новой Нисы, принадлежат не ахеменидскому времени, а относятся к ранне-парфянской эпохе, т. е. первым векам до н. э., когда парны и даи и родственные им народы среднеазиатских степей сохраняли общие черты быта, запечатленные в произведениях местного народного искусства, в то время, как господствующие классы общества стремились создать свое официальное, придворное искусство по образцу средиземноморских рабовладельческих государств (империи селевкидов и римлян).

Кушанские традиции в искусстве, «оязыченные», по выражению В. В. Бартольда, культурой эллинизма, были все же тесно связаны с образами местной народной мифологии; они воплощались в героях местного происхождения, отмеченных местными костюмами, атрибутами и пр. и потому традиции местной античности продолжали сохранять здесь под собой известную почву еще и в сасанидское время. Между тем, в Иране греко-римское искусство, насаждавшееся при дворах, подавляло иранские национальные традиции, было лишено широкой

народной почвы и уже в эпоху сасанидов вызвало реакцию, обращение к старо-иранским традициям «идеальной» ахеменидской деспотии, продолжателями теократических идей которой объявили себя сасаниды.

Памятники древнего искусства Южной Туркмении раскрывают перед нами не только искусство господствующих классов древнего общества, но и широкое демократическое искусство, верования, быт народов Средней Азии и в этом их немаловажное значение.

Поливные фигурки животных

В заключение несколько слов о поливных фигурках животных из Новой Нисы. Собственно фигурки эти не принадлежат уже древнему искусству — они являют собой последний отблеск древнего искусства в произведениях средневековья после арабского завоевания.

Среди сборов на Новой Нисе 1947 г. таких фигурок — две; одна темнозеленой, другая — бирюзовой поливы; их размеры (длина туловищ) — 10 и 11,5 *см*. Обе фигурки изображают, видимо, лошадок. На темнозеленой фигурке — седло с высокой лукой и сбруя с украшениями вдоль спины и на ляжках. На бирюзовой лошадке седло отломано, хвост подтянут к седлу, украшения в виде кружочков только на передних ляжках. Самое оригинальное — морда животного, на первый взгляд фантастическая, угловатая, как бы с клыками и ребристым выступом меж глаз и над лбом. Однако, рассматривая рисунки на местной поливной средневековой керамике, да и более поздние средневековые миниатюры с изображением лошадей в легкой броне, со шлемом, защищающим голову, — нетрудно догадаться, что перед нами изображение боевого коня, благородного спутника эпических героев, действовавших подобно Рехшу, спутнику Рустама, на страницах эпических поэм. Мундштук, забрало, наглазники придают благородному животному, и без того стилизованной формы, вовсе причудливый вид. Странное животное в виде контура, заполненного кружками, — так выглядит боевой конь в броне на поливной чаше VIII в[56]). Сказочный мотив дал оправдание изображению животного на чаше и в скульптуре, утратившей вскоре всякое право на существование.

Это был финал древнего пластического искусства и, вместе с тем, провозвестник нового полихромного стиля средневекового декоративно-орнаментального искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ремпель Л. И., Терракоты древнего Мерва и глиняные статуи Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. 1.

2. Пользуемся фотографиями Академии наук Туркменской ССР из архива бывшего Туркменского научно-исследовательского института.

3. Иллюстрации приведены, например, у Гернса М., Первобытная культура, ч. 1. ГИЗ, М.—Л. 1923, рис. 30, 30а и 30б.

4. Жак де Морган., Доисторическое человечество. М., 1926, стр. 12, рис. 96.

5. Женская головка с зигзагами и уголками на лице находится среди материалов раскопок Тереножкина А. И. на Афрасиабе в 1947 г.

6. Pumpelly R. Exploratfon in Turkestan. Expedition of 1904. стр. 133, рис. III и табл. 34.

7. Там же, табл. 46, 15.

8. Bukinic D. D., Neues über Anau und Namazga-Tepe, Eurasia Septentrionalis Antiqua V, S. 15.

9. Букинич, Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело» за 1924 г., № 3—4, стр. 92—135.

10. Hrozny Fr., Die älteste Geschichte Vorderasiens. Prag, 1940, S. 33.

11. Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии [Государственный Эрмитаж, вып. 1. Л. 1935] упоминает шесть женских статуэток из Анау IV (?) — в том числе две с сохранившимися головками; из Ак-тепе были представлены: глиняная статуэтка женщины (верх и низ отбиты), часть статуэтки из красной глины со светлым ангобом и алебастровые поделки (идолы). Зал 215.

12. Работы Коссина Г., Вильке Г., Шмидта Г., Шухардта К., Менгина О. и др. западно-европейских буржуазных ученых.

13. Грозный Фр., Доисторические судьбы Передней Азии. Вестник Древней Истории, 1940, № 3—4; его же Die älteste Geschichte Vorderasiens. Prag 1940. стр. 33

14. Пассек Т. С., Древнейшее население Днестровского бассейна. Советская этнография. VI—VII. 1947, стр. 19.

15. Десницкая А., К проблеме исторической общности индо-европейских языков. Известия АН СССР, VII; в. 3, 1948, стр. 247.

16. Bukinic D. D., Ук. соч. стр. 15, илл. 3:

17. Ср. напр. идолы Туренг-тепе. Каталог международной выставки 1935 г., стр. 117.

18. Persian Art. An illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art. London, 1931. 4.

19. Рempель Л. И. и Забелина Н. Н., Ранние терракоты древнего Самарканда. 1946. Рукопись в научном архиве Самаркандского музея.

20. Отчет Пиотровского Б. Б., о раскопках Гяур-калы, помещен в 1-м томе «Материалов ЮТАКЭ».

21. Жуковский В. А., Развалины старого Мерва. Спб. 1894, стр. 193.

22. Статуэтка из Термеза. Самаркандский музей. Инв. А — 111—49.

23. Статуэтка Самаркандского музея. Инв. А — 19—121.

24. Catalogue of Indian coins in the British Museum. Percy Gardner. London, 1886, Pl. XXIX.

25. Терракоты Афрасиаба в коллекции ИИМК.

26. Статуэтки из Хорезма в собрании Самаркандского музея. Инв. №№ А—199—2, А—191—1 и А — 191—2, а также Толстов С. П., Древний Хорезм. КСИИМК, 1946, в. XIII, стр. 147 и табл.

27. Гиршман Р., Раскопки французской археологической экспедиции в Беграме. КСИИМК, XIII. стр. 13.

28. Мервские терракоты с изображением женщины с зеркалом в Ашхабадском музее 3 фиг., среди сборов ЮТАКЭ 1947 г. 4 фиг. и в Эрмитаже в числе экспонатов международной выставки 1935 г. упоминается 1 фиг.

29. Gardner P. Ук. соч., табл. XXVI 10, 11, XXVIII, 10 и др.

30. Там же, табл. XXVI, 6, XXVII, 10, 14 и др.

31. Легенда эта гласит: «В глубокой древности жила царица Кака-Шин. У нее было такое зеркало, что если навести на войска противника, то вражье войско погибало. Когда царь Искандер, объявив войну царице Кака-Шин, узнал об этом зеркале, он вызвал своих визирей Элестуна и Офлатуна и спросил у них совета, что нужно сделать для того, чтобы обезвредить это зеркало. На это Офлатун дал Искандеру совет: поженить 40 юношей на 40 девушках и приказать женам собрать семя своих мужей, а затем все слить в одну посуду. Искандер, следуя советам Офлатуна, отдал соответствующее приказание.

Из собранного семени было сделано такое же по размерам зеркало, как у Кака-Шин. С помощью этого зеркала Искандер разбил войска Кака-Шин и взял ее в плен». См. Древности Абивердского района. Труды САГУ, серия II, вып. 3. Ташкент, 1931, стр. 48—49).

32. Лаврова М., Китайские зеркала ханьского времени. Материалы по этнографии, т. IV, в. 1. Л. 1927, стр. 1.

33. Там же, стр. 11.

34. Кастальский, Б. Н. Бия-найманские оссуарии. Самарканд, 1908.

35. Самаркандский музей, инв. № А — 19—187.

36. Sarre Fr., Parthian Art. SPA, vol. IV, p. 409, pl. 134.

37. Gardner P., Ук. соч.

38. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Статья автора, илл. 18.

39. Там же, илл. 20.

40. Pumpelly R., Ук. соч., табл. 55, 6.
41. Древности Абивердского района. Труды САГУ, серия II, вып. 3. Ташкент, 1931, стр. 6.
42. Шишкин В. А., Резная штуковая декорация из развалин Варахша близ Бухары. «Искусство», 1938, № 5.
43. Gardner P., Ук. соч., табл. XXVIII, 20.
44. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Статья автора, илл. 36—45.
45. SPA, vol. IV, 131, 133.
46. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Статья автора, илл. 19.
47. Каталог международной выставки 1935 г., стр. 158.
48. A Survey of Persian Art vol. III, p. 2227.
49. Dalton O. M., The treasure of the Oxus. London, 1926, pl. XIV, 70.
50. Там же, табл. XIV, 71.
51. Восточное серебро, табл. XXXVII.
52. Petrowicz, Arsaciden-münzen. Wien, 1904, Tab. XVII.
53. SPA, vol. IV.
54. Gardner P., Ук. соч., табл. XXV.
55. Тревер К. В., Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 20.
56. Путеводитель по Музею Восточных Культур, М., 1947.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДАХИСТАНА, АБИВЕРДА, СЕРАХСА *

Изучение памятников исторической архитектуры Туркменистана находится в стадии освоения и анализа ряда уже хорошо известных сооружений, с одной стороны, и первичного исследования памятников почти неведомых даже специалистам — с другой. Туркменистан — первая из среднеазиатских республик, издавшая сводный труд «Архитектурные памятники Туркмении» (вып. 1, Москва — Ашхабад, 1939). Однако неполнота его в смысле охвата сравнительно малого числа архитектурных объектов, притом сосредоточенных лишь в трех исторических пунктах — Мерве, Куня-Ургенче, Анау, сама по себе настоятельно выдвигала задачу продолжения историко-архитектурных исследований, начатых в республике задолго до появления самой книги. Публикации, посвященные отдельным памятникам, изредка появлялись на страницах печати и позднее (статьи В. И. Пилявского о сырцовых зданиях Мерва, А. М. Прибытковой о мечети Талхатан-баба близ Мерва). Однако ряд объектов до сих пор или совершенно выпадал из поля зрения историков архитектуры (даже если некоторые сведения о них и могли бы быть почерпнуты из работ краеведов и археологов), или привлекался лишь вскользь. Наконец, есть памятники, которые попросту ждут своего «открытия» — как это показали, например, работы ЮТАКЭ на Нисе в первом же полевом сезоне 1946 г. (баня XII в., Намазгох XIV в., мазары XVIII—XIX вв.).

Само собой разумеется, что без всестороннего охвата разнообразных памятников местного зодчества — «рядовых» и шедевров, древних и относительно недавних по времени сооружения, разрушенных и более или менее целых, монументальных и немонументальных — не может быть оформлен тот обобщающий труд по архитектуре Туркмении, к созданию которого в настоящее время уже имеется достаточно предпосылок.

Помимо своего художественного значения, архитектурные сооружения представляют важный памятник материальной культуры прошлого, исторический документ, очень ценный в работе археолога. Все это обусловило включение в состав ЮТАКЭ постоянного архитектурного отряда (отряд VII), работающего с одной стороны над самостоятельной архитектурной тематикой и являющегося, с другой, вспомогательным при остальных археологических отрядах, коль скоро участие архитектора в их работах может оказаться необходимым.

---

* Обмерные чертежи и рисунки исполнены автором.

В числе проблем, стоящих в плане работы отряда, основными являются две:

1. Широкий охват и углубленное историко-архитектурное изучение ряда малоизвестных памятников монументального зодчества.

2. Изучение градостроительных приемов и разнообразных памятников архитектуры (жилой, культовой, гражданской и пр.) «поздних» поселений Туркменистана.

По разработке этой последней задачи в полевом сезоне ЮТАКЭ 1947 г. археологу В. А. Левиной и архитектору Б. А. Дмитровскому было поручено изучение архитектуры и планировки городища XVIII—XIX вв. Анау. Начальником же VII отряда, Г. А. Пугаченковой изучалась мечеть Анау (XV в.), а также, в связи с работами маршрутных археологических отрядов X и XI, были подвергнуты обследованию памятники монументального зодчества Машада, Месториана, Каахкинского района и Серахса. Итогам этого обследования посвящена настоящая статья.

Дахистан

В пустыне, вдали от жилья человека, среди сыпучих барханов и отполированной глади такыров высятся руины старинного городища. Прилежащие русла многочисленных древних каналов свидетельствуют, что когда-то в этом выжженом солнцем районе зеленели поля и сады; развалины укреплений и кирпичных построек — о густом заселении площадей; груды битой керамики, металлических изделий, стекла — о кипучей жизни большого торгово-ремесленного города. Удаленные на десятки километров от ближайшего жилья, от воды, от людей эти развалины изредка навещают проезжие пограничники или кочующие в этих краях туркмены племени иомут. Но обычно город окружает безмолвное одиночество пустыни.

Воители ислама, арабы, завоевавшие долину Атрека в VII столетии, называли этот город, игравший для них роль пограничного поста на окраине закаспийских владений, то просто ар-Рабатом (укреплением борцов за мусульманскую веру), то рабатом Дахистан, по древнему наименованию области, населенной народом «дахами» или «даями» античности. Туркмены зовут его Мест-Давран или Машад и Месториан; в персидских источниках XVIII в. он именуется Мешхеди-Мисриан — название, которое пытаются объяснить домыслом о «святыне» (мешхед) и о каких-то выселенцах из Мисра (Каира). Городище давно обратило на себя внимание немногочисленных посетителей этих заброшенных мест; русские офицеры были первыми, кто оставил его описание; русские инженеры — вторыми. Но лишь на долю советских археологов выпала возможность впервые поставить обследование их в историко-археологическом отношении, вскрыв неписанную историю края, очень скудно освещенную письменными источниками.

Памятники монументальной архитектуры, сохранившиеся в Машаде и Месториане, заслуживают, безусловно, особого внимания специалиста. Художественная ценность их неоспорима, некоторые состоят на госохране по списку памятников всесоюзного значения. А между тем историко-архитектурное изучение их еще не начато (единственное исключение составляет резной алебастровый михраб из машадской мечети, хорошо

известный по фотографии Б. Н. Кастальского). Памятники эти, раскрывая некоторые страницы истории города, имеют самостоятельный познавательный интерес, восполняя далеко не полные представления по истории зодчества, слагавшегося на территории современного Туркменистана.

Изучение их в полевом сезоне работ ЮТАКЭ 1947 г. проводилось автором в составе X «Дахистанского» отряда, в течение четырех дней (с 13. X. 47 по 16. X. 47). Были составлены обмеры планов, описания и зарисовки.

Машад

Собственно Машадом (искаженное от «машхад», т. е. место погребения павших за веру мусульман) именуется кладбище в 6 км к северу от городища Месториан, раскинутое вокруг искусственного холма, на котором высится сооружение, известное среди населения под названием Шир-Кабир. Здание имеет несколько периодов строительства и реставраций. Основное его ядро составляет квадратное помещение размером 8,50 × 8,50 м, ориентированное почти строго по странам света, со входом на северной стороне. Строительным материалом служит сырцовый кирпич размером 22,5—23 *см* в стороне на 6 *см* толщины, поло-

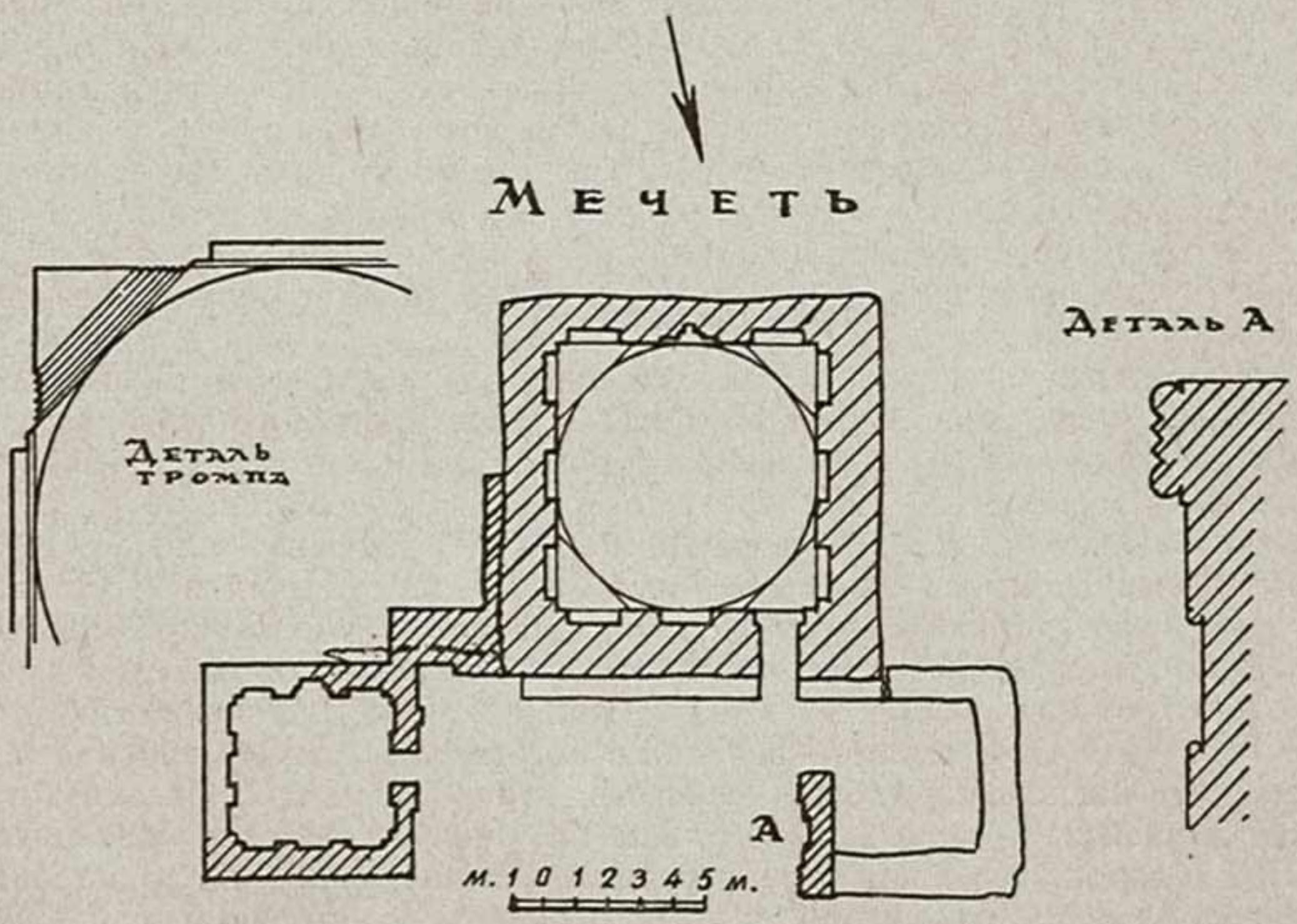


Рис. 1. Машад. Мавзолей Шир-Кабир. План.

женный на глиняном растворе. Из сырца выведены не только стены, но паруса и купол. Последний лишь в верхней части скуфьи сложен из жженого кирпича — но это, видимо, ремонт, так же как и отмечаемые на некоторых участках стен подкладки из кирпича. В результате вековых деформаций стены дали просадки, линия внешнего контура их

волниста, причем характерно, что ремонтные обкладки стен жженым кирпичом (размеры последнего различны и соответствуют, очевидно, принятому в разные эпохи стандарту: 21 × 21 × 3,5 *см*, 22 × 22 × 5 *см*. и др.) повторяют эти неправильности, а не корректируют их под прямую плоскость.

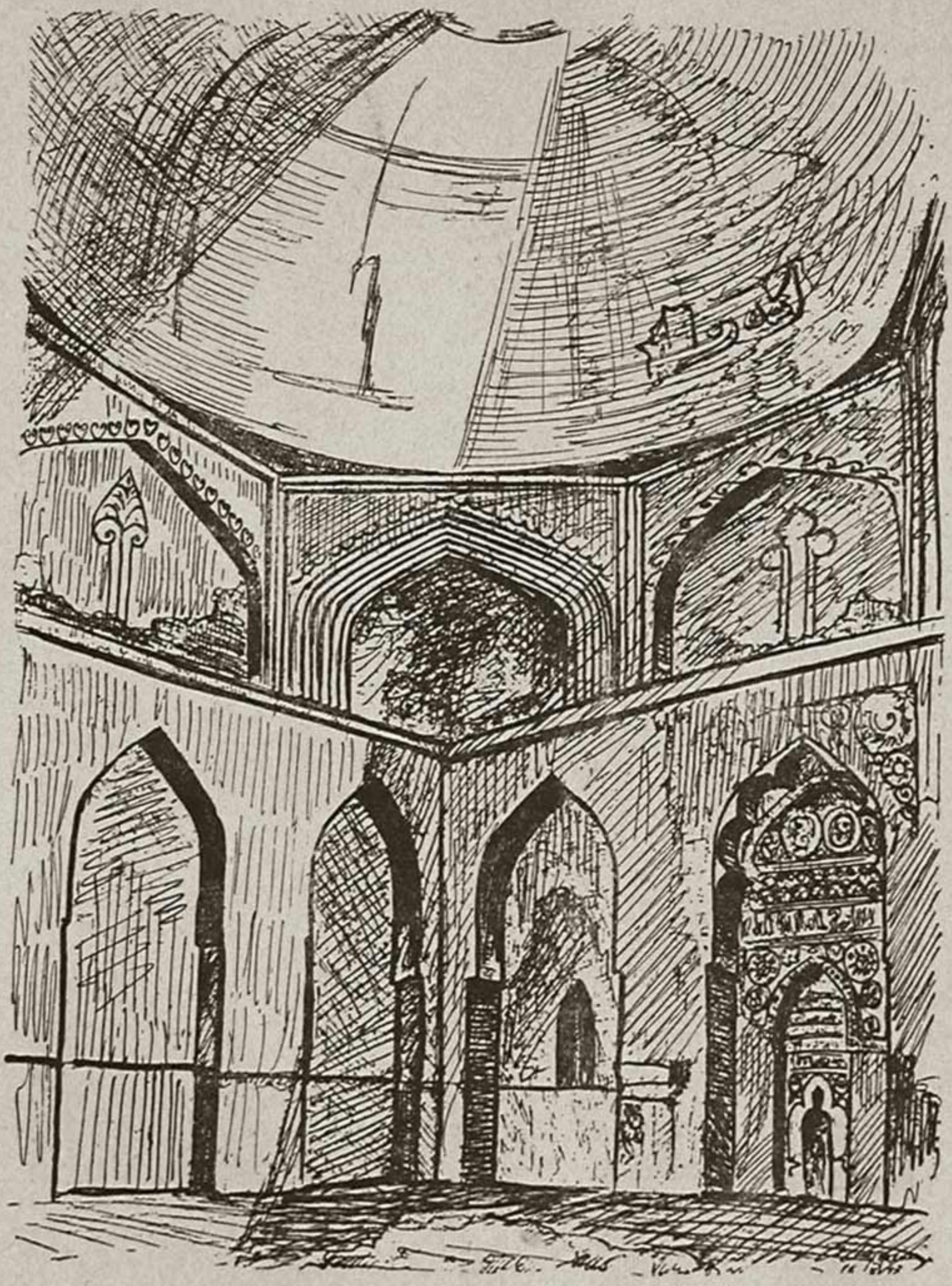


Рис. 2. Машад. Мавзолей Шир-Кабир. Интерьер.

Стены помещения расчленены тремя стройными арочными нишами, причем среднюю нишу южной стены занимает михраб. Вход расположен

в северной стене, ассиметрично занимая одну из ниш. Можно думать, что первоначально входов здесь было три, и лишь позднее произведена была закладка двух, с оштукатуркой поверхностей алебастром.

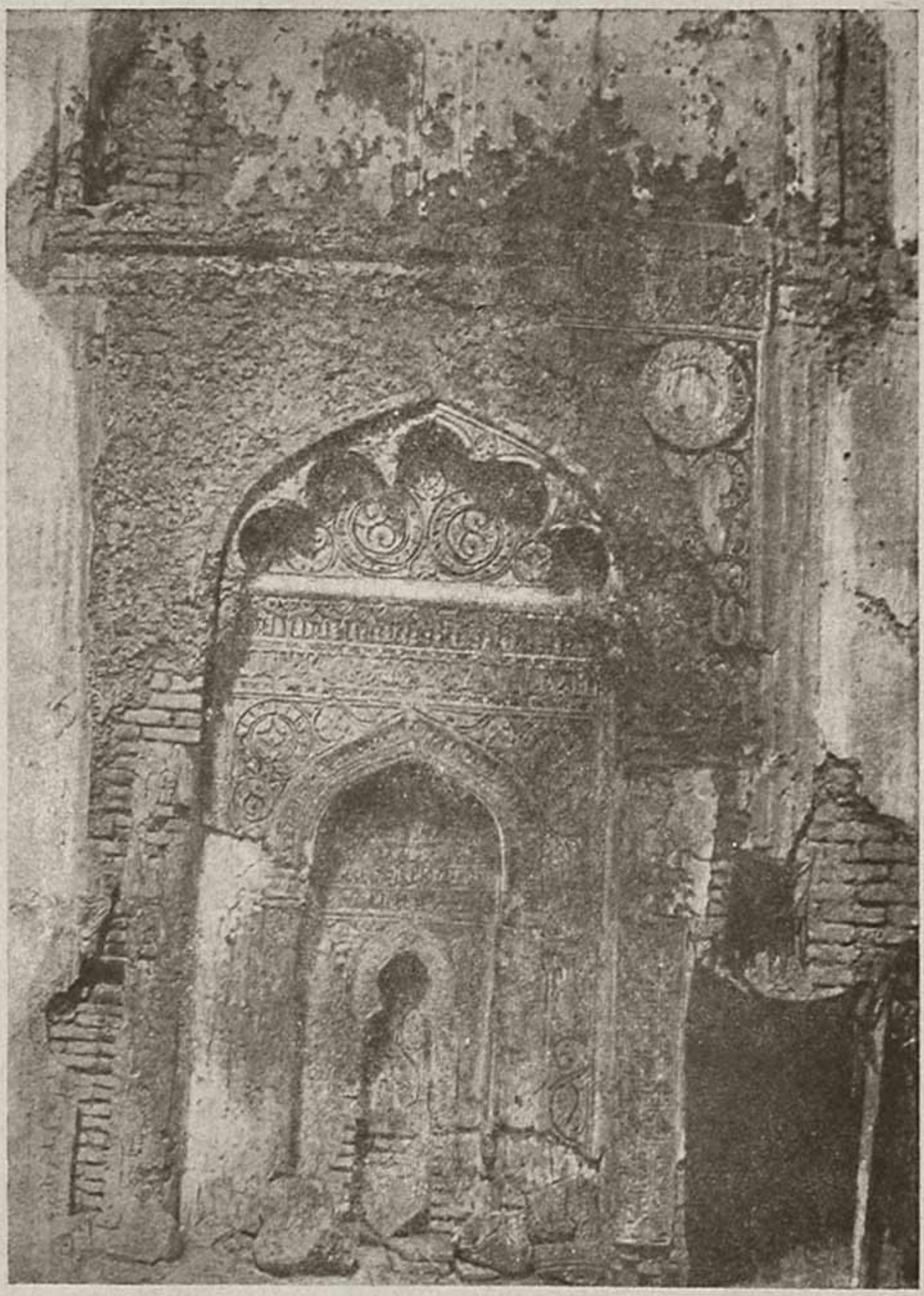


Рис. 3. Михраб мавзолея Шир-Кабир.

Купол основан на восьмигранникe парусов. Парус — в виде шести перспективно сокращающихся арочек, переходящих к сомкнутому своду. Купол полусферического очертания. Снаружи скуфья его несколько заострена, в кладку заделаны в три ряда выступающие кирпичи. Пере-

ход к куполу осуществлен с помощью четверика и восьмигранника, соответствующих уровню расположения парусов.

Судя по остаткам древнего архитектурного декора, поверхности интерьера первоначально, очевидно, сплошь украшал резной алебастровый стук: он неплохо сохранился на михрабе и фрагментарно — в основании средней ниши восточной стены и на куполе. Здесь, вверху, — это небольшой участок надписи крупными буквами куфи и стилизованной растительной орнаментации. На щековой стенке арки восточной стены заключен остаток панели, оформленной в виде изящной михрабной арочки на колонках, с куфическими надписями и орнаментами. Подобное же оформление былой панели системой миниатюрных арочек на колонках прослеживается и в основании южной стены. Но основной акцент был, очевидно, сделан мастером на украшение главного михраба. Остановимся вкратце на характеристике этого памятника, который описывался неоднократно русскими и зарубежными специалистами и которому посвящен был специальный доклад Г. И. Котова на III Международном Конгрессе Иранского искусства и археологии в Ленинграде в 1935 г.

Михраб представляет собою систему трех перспективно сокращающихся одна относительно другой арочных ниш. Первая оформлена пятью фестонами, выполненными налепом алебастра, вторая — стрельчатая, третья — трехлопастная. Характерно импостное членение арок: подчеркнуто горизонтальная линия отдела тимпанов арки от нижележащей плоскости стены осуществлена переломом орнаментированной ленты архивольта с эпиграфическим заполнением. Прием этот подчеркивают также угловые колонки, примерно на $^2/_3$ выступающие из плоскости стен.

Резная орнаментация заполняла поверхности сплошь (ныне часть их утрачена, пустые участки нагрубо заштукатурены глиняным раствором). Основное содержание в заполнении тимпанов составляет круглый медальон с отходящими от него завитками с вычурной листвой и сильно стилизованными венчиками цветов. Плоскости щипцовых стенок также заключают отвлеченно растительный узор, в основе которого лежит круг или мотив S-образного завитка в различных комбинациях и многочисленные полосы надписей религиозного содержания, выполненные куфой. Очень интересны были колонки (в настоящее время можно составить суждение только о колоннах первой, большой ниши): они имеют несколько массивный ствол, украшенный узором сильно развитого меандра и капитель, оформленную удлиненными листьями аканта, колоколообразно расширяющуюся кверху от круглого основания к квадратной абаке. Укажем очень существенный факт, не отмечавшийся исследователями: наличие легкой (видимо поблекшей от времени) раскраски стука в синий, красный, фисташково-зеленый тона.

Исследователями отмечалась большая стилистическая близость резьбы машадского михраба к михрабу IX—X вв. из мечети в Найине (близ Исфахана[1]). «Они близки, как родные братья», пишет Г. И. Котов.[2]) Здесь несомненна общность стиля, но не идентичность памятников. Общей является идея трех вписанных одна в другую ниш, в обоих михрабах совпадает характер заполнения тимпана второй ниши и тип капителей, стиль почерка (куфи); но в остальном орнаментация их отлична — в частности, преобладанием построенных на очертании

S-образных фигур орнаментов в Машадском михрабе, и обилием измельченной лиственной и цветочной орнаментации в Найинском. Г. И. Котов видит архитектурное отличие обоих михрабов в следующем: «В нашем михрабе тимпаны арок плоские, тогда как в найинском михрабе они напоминают конхи».[3]) В действительности в последнем наподобие конхи выполнен лишь свод первой ниши. Но очень существенно то, что машадский мастер иначе понимает архитектурную задачу, противоставляя разнообразие форм вписанных друг в друга арок трех типов, в то время как в Найине — это лишь масштабно уменьшенное повторение однородных стрельчатых кривых. Кроме того, оба михраба существенно отличны характером пропорций: чрезмерно вытянутые ниши Найинского михраба, более уравновешенные соотношения в Машадском.

В литературе указывалось на общность резного стука Машадского памятника с мотивами широко известной резьбы на зданиях аббасидских халифов IX в. в Самарре. Г. И. Котов усматривает ее в так называемом 2-м стиле Самарры (по классификации Э. Херцфельда), определяемого как стиль глубокой резьбы и отвлеченной орнаментации; между тем Б. П. Денике, напротив, настаивает на близости мотивов растительных завитков к 3-му стилю Самарры[4]). Оба автора, исходя из указанных аналогий, склоняются к возможности датировки нашего памятника IX—X столетием (предпочтительно IX).

Точки сходства его с памятниками Самарры прослеживаются не только в декоре, но и некоторых архитектурных элементах — например, в трактовке ниши в духе опертой на колонки арки, с импостным поясом, представляющим собою продолжение ленты архивольта. Не чужда зодчеству Самарры и форма фестончатой арки, покоящейся на колонках — именно таков тип окон Самаррской мечети[5]). Заметим, однако, что общность стиля машадского михраба и памятников Самарры не идет далее совпадения отдельных мотивов. В Самарре не отмечается столь значительной роли эпиграфических украшений, как в машадском михрабе; нет прямых параллелей и в общем архитектурном решении его.

Вместе с тем, число стилевых аналогий можно было бы значительно умножить. Так, определенная общность отмечается в украшении ранне-аббасидских памятников Египта: мечети Ибн-Тулуна в Каире (876/7—879 г.), — в оформлении дворовых фасадов (тип колонок, непрерывная лента архивольтов аркад и пр.[6]), в резном стуке недавно открытого при раскопках, проводимых Арабским музеем, тулунидского здания IX в. в Фустате[7]). Характерен на машадском михрабе мотив «распахнутых крыльев», встречающийся на аббасидских памятниках Каира (напр., резная деревянная доска IX в. в Каирском музее), генезис которого восходит еще к сасанидской орнаментике (дворец в Мшатта, короны сасанидских царей и пр.[8]).

При анализе орнаментации найинской мечети в сопоставлении ее с машадским михрабом, с одной стороны, с резным стуком Самарры и Дейр-ас-Султани в Египте, с другой, А. Поп развивает следующее интересное положение. По его мнению, истоки орнаментальных мотивов Найина следует искать не в Сирии, но на местной среднеазиатской и иранской почве. Мотивы эти, сохраненные в резном стуке Сасанидов, восходят, по его мнению, к «бактрийскому классицизму» Средней Азии;

в этом смысле найинский стук является непосредственным развитием в IX—X вв. местных орнаментальных сюжетов, в то время как стук Самарры, хотя и более ранний по дате, имеет в отношении его косвенную преемственность[9]). В самом деле, среднеазиатская античность (но не греко-бактрийской поры, а эпохи кушан и младших Арсакидов, уже имела высокоразвитые системы стуковых декораций, сохраненных в местной традиции на многие столетия. И для раннего средневековья аналогии к машадскому михрабу дают не только памятники западно-мусульманского зодчества. Поиски их с неменьшим правом можно обратить на Восток. Так, интересные параллели отмечаются в общем архитектурном решении и некоторых орнаментальных мотивах резного деревянного михраба из Искодара[10]), в орнаментации деревянных колонн из горного Таджикистана (Курут, Обурдон; несколько близких по стилю колонн было зарегистрировано в 1946 г. Согдийско-Таджикской археологической экспедицией), сохранивших во многом старую согдийскую традицию. Переживание близких мотивов отмечаем в резном стуке дворца Термезских правителей XII столетия[11]) и ряда других памятников XI—XII вв.

Очень убедительной представляется гипотеза Г. И. Котова, следующим образом объясняющего формообразование михрабов с двумя или тремя вписанными друг в друга нишами: «Главный портал двора мечети и портал самой мечети могут считаться священными входами. Расположенные против михраба, они получают значение «кыблы». Таким образом два портала с малой нишей посередине представляют нечто вроде мечети, выраженной в михрабе» (разрядка наша. — Г. П.[12]). Традиция эта оказывается исключительно прочной: подобная схема сохраняется в композиции михрабов ряда архитектурных памятников Средней Азии еще на несколько столетий. Однако для подкрепления своей точки зрения Г. И. Котов обращается к памятникам доисламского византийского и римского зодчества Сирии, отвергая возможность происхождения михраба от христианской абсиды или буддийской ниши. Между тем, машадский михраб как будто дает основание обратиться именно к этой последней.

На это наталкивает характер архитектурных элементов нашего памятника. Здесь прежде всего заслуживает особого внимания фестончатая арка главной ниши. Очень рациональное объяснение происхождения этой формы в испано-мавританском зодчестве предлагал в свое время О. Шуази. Появление трехлопастной кривой он связывал с методом выкладки кирпичной арки при помощи кружал, устанавливаемых на заплечиках нижней половины этой конструкции до середины выведенной без опалубки, путем простого свеса рядов кирпича. Образующиеся после снятия кружал зазоры смягчались алебастром путем придания им формы правильных фестонов. В арках многолопастных (некоторые аркады Кордовской мечети, портики Алькасара и др.) этот прием получает более сложное декоративное развитие, причем ребра для нанесения алебастровых фестонов образуются путем выпуска во внутрь кирпичей, клинчато защемленных между смежными рядами[13]). Однако возникновение фестончатой арки протекало в различные времена по-разному в тех или иных странах Востока, причем генезис их был также несколько иным. На некоторых из «свободностоящих» ликийских гробниц VI—IV вв. до н. э. (в Пинаре, в Ксанфе, ликийская

гробница, находящаяся в настоящее время в Британском музее) мы отмечаем запечатленную в камне конструкцию деревянного перекрытия в форме сбитого из досок свода, защемленного у основания и у конька и скрепленного каркасом из параллельных брусьев, торцы которых выступают снаружи[14]). Идея фестончатого оформления предсказана в криволинейном фронтоне этой простой, видимо широко распространенной в деревянном малоазийском зодчестве конструкции. Последняя рано «окаменевает», неизбежно переживая те существенные стилистические трансформации, к которым обязывает ее новый материал (подобно тому как слагаются, в связи с переходом от дерева к камню, новые эстетические закономерности и нормативы в ордерах греческой архитектуры). Если сейчас, за малым числом дошедших памятников, еще трудно проследить путь дальнейшей эволюции этой формы в древнем строительстве Малой Азии, то в эпоху средневековья фестончатая арка здесь была весьма употребительна (памятники Диарбекира, Алеппо и др.).

С этой традицией, возможно, связаны и многие сооружения VIII—IX вв. в Ираке, где многолопастная арка представлена довольно широко (дворец в Ракка, дворец Аль-Ашик, воздвигнутый Гафаром Бармаки — визирем Харун-ар-Рашида в Самарре, мечеть этого города и др.[15]). Прямых данных о распространении многолопастной арки в древнем Иране пока нет, если не считать фестончатого оформления архивольта главного свода Ктесифонского дворца (VI в. н. э.), которое носит настолько декоративный характер, что угадать его праобраз почти не представляется возможным. Между тем еще одним очагом конструктивно-оправданного сложения этой формы является древняя Индия. В памятниках раннего буддизма (III—II вв. до н. э.), в скальных чаитьях Бадгайи, Бхаджа, Карли и др. отмечается перенос на камень деревянных конструкций перекрытия, почти совершенно идентичных «свободностоящим» гробницам Ликии[16]). Форма эта, трансформируясь в фестончатую кривую, удерживается в Индии на много столетий. Попытка А. Пооп'а объяснить наличие многолопастной арки в строительстве эпохи Великих Моголов якобы заимствованиями от машади-месторианского михраба[17]) (!) представляется совершенно неубедительной: фестончатая арка широко представлена в буддийском строительстве первых веков до и после н. э., она занимает значительное место в архитектурном трактате «Манасара шильпа шастра», отредактированном в V—VI вв. н. э.[18]). Отсутствие же для некоторых эпох сохранившихся памятников, которые давали бы линию непрерывности сохранения здесь многолопастной формы — это тот *argumentum ex silentio,* на котором нельзя базировать выводов о каких-то заимствованиях ее из Средней Азии. Индия, несомненно, сохраняет за собою самостоятельность формотворчества фестончатой арки. С буддийской архитектурой связано также возникновение арки трехлопастной, возникшей в меру потребностей монументальной рельефной скульптуры. Создание буддийской иконографии, в частности традиционных образов сидящей или стоячей статуи Будды и боддисатв, связано с темой трехлопастной ниши, очертания которой повторяют контур головы и плеч фигуры. Многочисленные примеры

этому дают памятники Гандхары, Бамиана, Хадды и иных буддийских центров.

Появление подобных арок в архитектуре южных районов Средней Азии может быть следует связывать именно с проникновением сюда идеологии буддизма и некоторых привнесенных им культурных и художественных явлений. Так, в памятниках Термеза и прилежащих к нему городищ кушанского времени отмечены фрагменты каменных облицовок арок с килевидным завершением, а также с оформлением архивольта профилированными модульонами, имитирующими в камне торцы балочек деревянной конструкции[19]). Вместе с тем, возникновение в иных районах Средней Азии этой архитектурной формы могло иметь местную основу, и было связано с кирпичной конструкцией. Об этом красноречиво говорит мечеть VIII—IX вв. в селении Хазара Бухарского района[20]). Сооружение четырехстолпное, девятикупольное, архаической, весьма монументальной архитектуры. Переброшенные между столбами кирпичные арки стрельчатого профиля имеют своеобразные «ребра жесткости», образованные выпуском трех клинчато заделанных в кладку кирпичей и соответствующих тем, которые в испано-мавританской многолопастной арке служили каркасом для нанесения алебастровых фестонов. В Хазара эти ребра оставлены во всей своей конструктивной ясности, но отесаны наподобие трехлепестковой фигуры (видимо строитель предусматривал последующее оформление арки алебастровыми фестонами). Последняя сохраняется в оформлении главной арки упомянутого выше искодарского михраба, она отмечается и в других памятниках, приобретая с течением времени изысканно-декоративный характер. Для ранне-средневековой эпохи (IX—X вв.) заслуживает, в частности, внимания стенка очажка, найденного в Баги-шамальском районе Самарканда, с изображением многолопастной арки с подобным трехлепестковым завершением каждого острия фестонов, на своеобразных колонках. Фестончатые арочки украшают нишки так называемого «среднего» узгендского мавзолея (видимо XI в.[21]); многолопастное обрамление отмечено и в мавзолее Шах-Фазиль в Сафид-Буленде (XII в.[22]).

Применение этой изящной формы на территории Туркмении отнюдь не ограничивается Машадским михрабом. Мы отмечаем ее в малоизвестном мавзолее 1098 г. Ярты-гумбез близ Серахса (об этом памятнике см. ниже), в «ракушеобразной» нише михраба так называемого мавзолея Мухаммада Ханапья в Мерве (реставрирован в 1113 г.[23]). При обследовании нами в 1947 г. мавзолея Султана Санджара в Мерве обнаружился интересный факт: стрельчатые арочки венчающей основной объем галлереи первоначально оформляли алебастровые фестоны. Реставрация этой тонкой детали существенным образом меняет силуэт всей аркатуры этого замечательного памятника.

В XIV—XV столетиях фестончатая арка сохраняется в среднеазиатской архитектуре главным образом в мозаичных декорациях (стенные панно), в резьбе по дереву (например, на средних филенках дверей) и по камню (михрабные нишки некоторых каменных намогильников). О распространенности многолопастных арочек в бытовой архитектуре Средней Азии в XV—XVI вв. говорят миниатюры этой эпохи. Традиционность формы проявляется в употреблении ее вплоть

до последних столетий в народном строительстве узбеков и таджиков (жилые дома горожан, загородные глинобитные усадьбы — курганча, квартальные мечети и др.), где широко распространен мотив настенных фестончатых арок, причем нередко края фестонов завершают те трилистники, в основе которых первоначально, как показывает мечеть в Хазара, лежал чисто конструктивный прием.

Исторически мечеть Машада, датировка которой устанавливается в пределах IX—X вв., может быть, видимо, отожествлена с упоминаемой арабскими географами конца X в., пользовавшейся уже тогда большой известностью, мечетью ар-Рабата. О ней говорит Ибн-Хаукаль[24]), ей посвящает несколько фраз Макдиси: «В нем (ар-Рабате) нет соборной мечети, а только старая мечеть на деревянных столбах, у нее есть слава, она (мечеть) находится ниже ар-Рабата в месте, похожем на Данданакан. И в середине этого места есть мечеть с минаретом, (принадлежащая) сторонникам хадисов, а остальные мечети принадлежат сторонникам (толка) Абу-Ханифы". И далее: „Место поклонения ее (области Джурджан) — рабат Дахистан; в него приходят (люди) из Хорасана; у него слава и прекрасные качества"[25]). В Худуд-ал-Алем упоминается „минбар" этого города а также могила Али-ибн Суккари[26]). Думается, что в этих источниках речь идет именно о машадском памятнике. Машад лежит ниже городища Месториан. Датировка главного здания IX-X столетием не вызывает сомнения. На строительство этого замечательного в архитектурном и декоративном отношении сооружения, видимо, затрачены были немалые средства, причем с X в. и до последнего столетия оно привлекало множество паломников из Хорасана. Упоминание Макдиси о деревянных столбах не противоречит представлению об этом памятнике, который, очевидно, представлял сочетание мечети с мавзолеем Али-ибн Суккари, к главному центрическому зданию которого примыкали портики на колоннах, где собиралась основная масса молящихся.

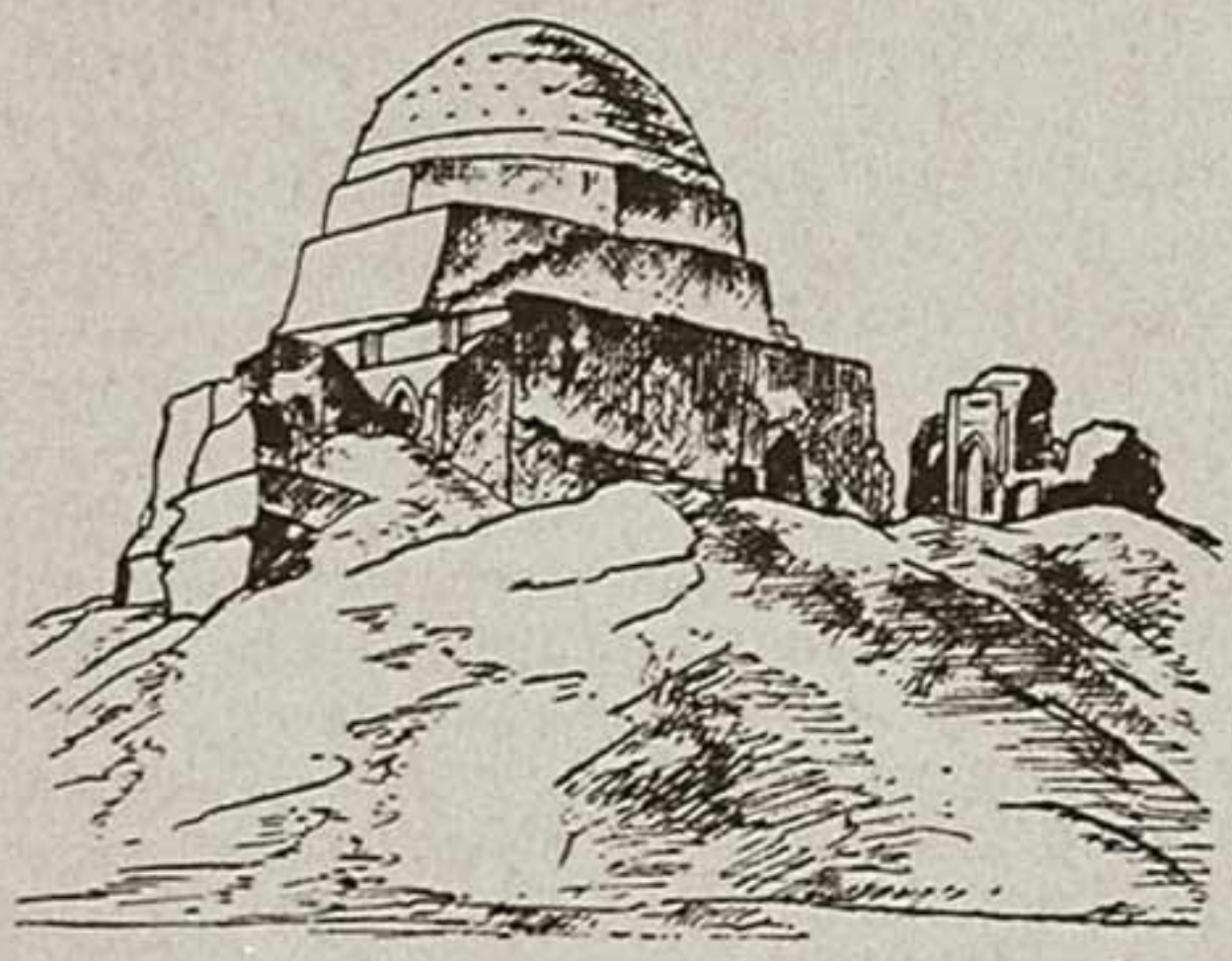


Рис. Машад. Мавзолей Шир-Кабир.

С точки зрения архитектурного типа мечеть Машада представляет значительный интерес. Сохранившееся ядро постройки заключает центрическое сооружение, возможно первоначально даже открытое обширными арочными просветами по трем фасадам (кроме глухой южной михрабной стены), к которым примыкали навесы на деревянных столбах. Типологически она не имеет прямых параллелей в стиле современных ей ранних мечетей ни Средней Азии, ни Ирана. Судя по немногочисленным известным к настоящему времени памятникам, монументальные среднеазиатские мечети VIII—IX вв. представляли

собой многокупольные сооружения, основанные на мощных кирпичных столбах круглого сечения; таковы мечеть в Хазара под Бухарой, Чар-Сутун в Термезе[27], мечеть Могок в Бухаре[28]). Ранние мечети Ирана первоначально повторяли арабский план: двор, обнесенный колонными портиками; специфически иранское было здесь выражено в формах и деталях (тип монументальных круглых столбов, характер арочных и купольных покрытий), но не в общей концепции. Таковы Тарихана в Дамгане, мечеть-джума в Найине (о которой упоминалось выше), мечеть в Демавенде. А. Годар, занимавшийся специальным исследованием проблемы генезиса мечетей Ирана, пришел к заключению, что постепенно, взамен «арабской программы строительства», здесь возникали иные архитектурные решения, корнями своими связанные с традициями местного иранского зодчества[29]). Так, в IX в. появляется мечеть в Ниризе, основу которой составляет глубокий сводчатый айван, — тема, восходящая к сводчатым залам сасанидского зодчества[30]). К XI—XII вв. складывается тип мечети в виде открытого с трех сторон купольного киоска на мощных столбах, с единственной

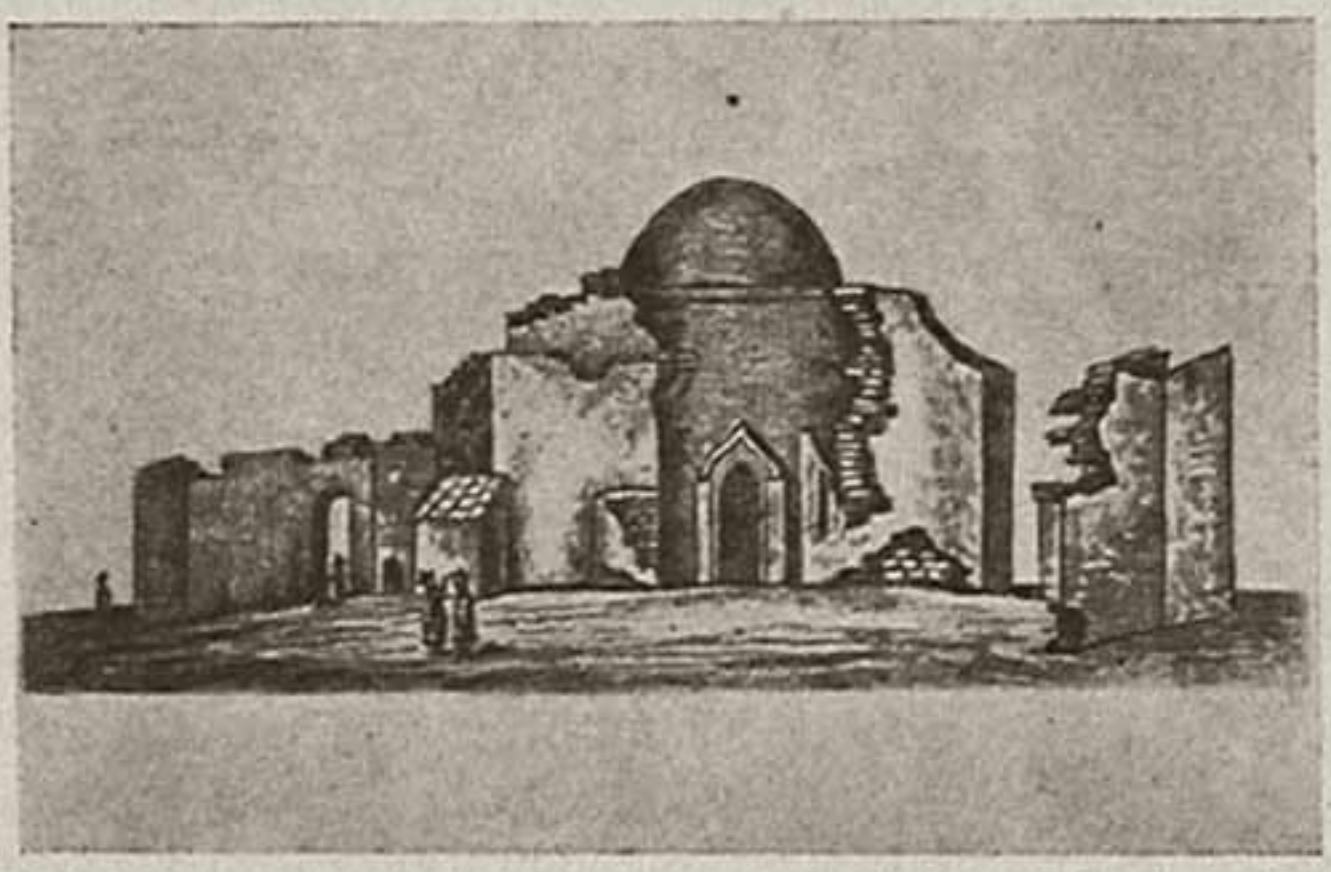


Рис. 5. Наружный вид гробницы Шир-Кабир. Рисунок Шетихина 1876 г.

стеной, заключающей михрабную нишу; в основе этого решения А. Годар видит тему доисламского аташкеда — купольного павильона, в котором находился алтарь огня зороастрийцев. Таково древнейшее ядро мечети в Гульпайгане, в Казвине, в Ардистане, в Исфахане и др. Заметим, однако, что датировка этих последних — не старше сельджукской эпохи. Между тем, мечеть Машада дает подобное решение уже в IX в. Видимо, Дахистан, который стоял у северных границ владений арабов, в меньшей мере испытал влияние ислама в области художественной культуры. Тип купольной мечети-киоска, связанный здесь также с некоей стародавней местной традицией культового строительства, был положен в основу мечети, хотя, как отмечено, стиль декоративных украшений включает машадский памятник в тот широкий круг культуры эпохи Аббасидов, вобравшей в себя художественные достижения народов Среднего и Ближнего Востока, который позволяет проследить черты известной общности в орнаментации памятников Средней Азии, Ирана, Ирака и даже

Египта. Как показывают остатки сохранившейся на городище Месториан мечети начала XIII в. (описание ее приводится ниже), сформировавшийся здесь в IX—X столетия тип «дахистанской» мечети оказывается здесь очень прочным; изменить его, видимо, не могли никакие внешние влияния.

Отметим попутно еще один характерный момент: неточность ориентации кыблы мечети, обращенной почти строго на юг (вместо юго-запада); она сохраняется по традиции в более поздних мечетях Дахистана.

Здание подвергалось неоднократным ремонтам и реставрациям. Наиболее значительное строительство было связано с пристройкой квадратных комнат по обе строны от северного фасада; пространство между ними (своеобразный курдоннёр) возможно оформили при этом навесом на деревянных колоннах; на это намекает отделка щековых стен резным алебастром, обычно употреблявшимся в украшении архитектурных поверхностей, не подвергаемых непосредственному воздействию осадков. Пристройки воздвигнуты из жженого кирпича размером 20—21 *см* в стороне на 3—3,5 *см* толщины. Подобный кирпич-маломерок встречается в верхних кладках минарета 1102 г., стоящего на городище Месториан. Восточная пристройка сохранила более половины своих стен. В плане она как бы повторяет схему главного здания: стены интерьера ее расчленены тремя нишами, в средней южной располагался михраб. Западная пристройка имеет остатки обращенной к курдоннёру стенки, оформленной стрельчатыми нишами на ¾-ных колонках, между которыми заключено по две гранных «гофры». Декор стенки указывает на время возведения ее скорее всего в XII столетии. Стилистически он напоминает оформление портала хорезмшахской мечети Месториана (ср. ниже): спаренные кирпичи, разделенные широким, заполненным серым алебастром швом, резьба по ганчу, имитирующая фигурную кирпичную кладку, бордюры, образованные резными Z-образными кирпичиками. Тогда же, видимо, была произведена одна из обкладок сырцовых стен главного здания рубашкой из жженого кирпича и возможно реставрация верхушки купола. Другой очень значительный ремонт восходит уже к XVII—XVIII вв., когда, наряду с некоторыми подкладками стен и закладками проемов, интерьер мечети был гладко оштукатурен белым алебастром, причем были пощажены все небольшие участки сохранившегося древнего резного стука. Межарочные пространства были заполнены крупным, грубоватым резным орнаментом в виде фестончатой арочки, листа, трехлопастной фигуры на стержне (может быть имитирующей «фертообразные» намогильники туркменских кладбищ).

В настоящее время штукатурка на значительную высоту от пола испещрена оставленными здесь посетителями фигурами различных племенных туркменских тамг и надписями, преимущественно персидскими, среди которых одна из самых ранних содержит дату 1147 г. х. (1734/15 г.). По сведениям краеведов и местных жителей, эта заброшенная в пустыне святыня, чтимая населяющими районы Атрека и Сумбара йомутами, в дореволюционное время привлекла также паломников из самых удаленных районов Хорасана.

Машадская мечеть, сохранившая свою древнюю архитектурную основу,— пропорции, формы, конструкции, отчасти декор, заслужи-

вает детальных обмеров и специальных археологических раскопок, которые послужат базисом для углубленного историко-архитектурного анализа этого редкостного памятника.

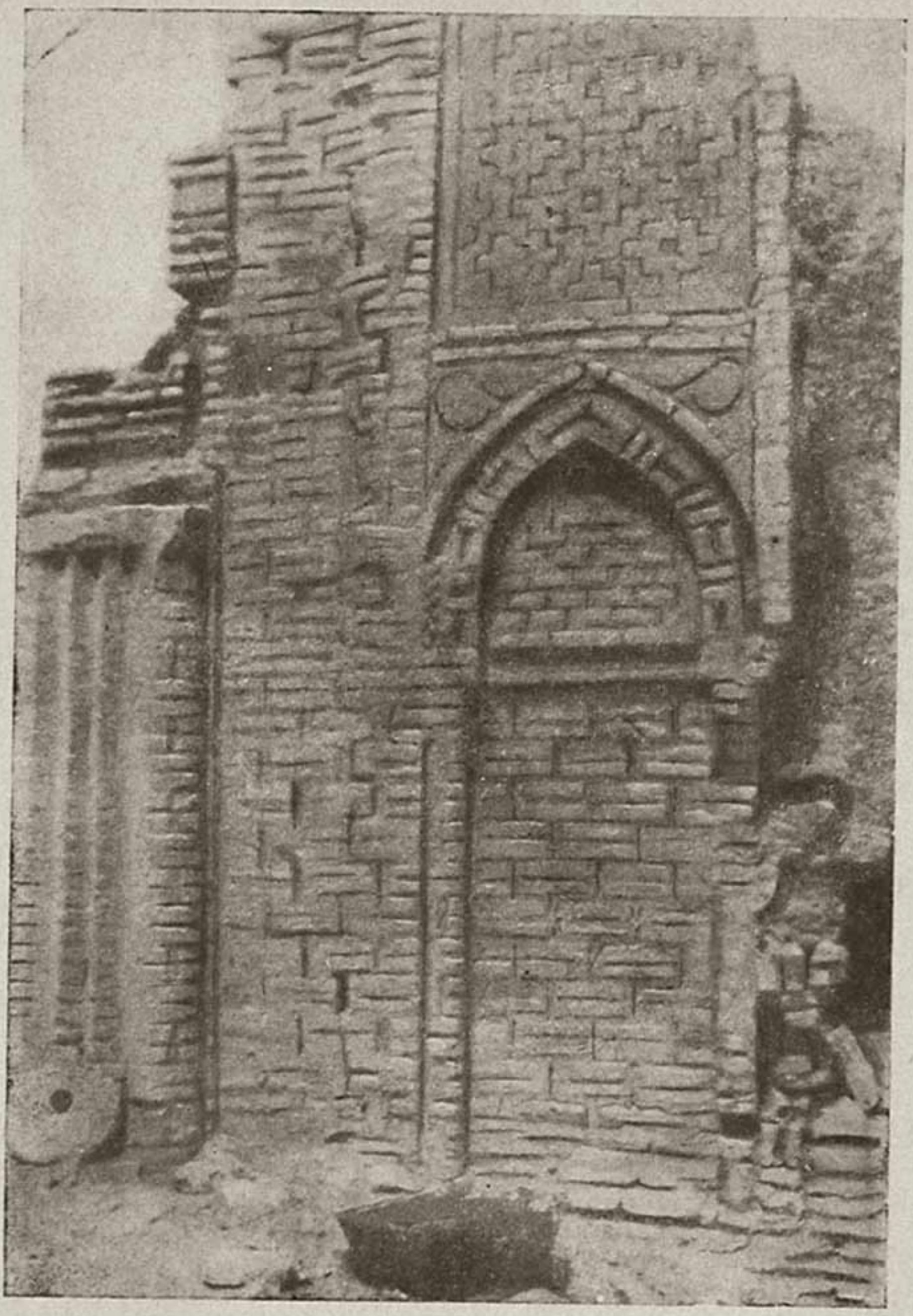


Рис. 6. Машад. Мавзолей Шир-Кабир. Пристройка XII в.

На территории кладбища, прилежащего к холму, на котором высится мечеть, сохранилось несколько полуразрушенных кирпичных мавзолеев. В литературе, кроме двух-трех беглых упоминаний о наличии этих сооружений, не содержится ничего[31]), хотя в архиве ТАН есть серия неплохих фотографий с них. Между тем они, безусловно,

заслуживают быть включенными в перечень памятников зодчества Туркмении, как представляющие значительный историко-архитектурный интерес. При очевидной разнице во времени сооружения и вариантах архитектурного типа, все они развивают общую идею монументального круглого или восьмигранного купольного сооружения (соотношения диаметра к высоте близко к 1 : 1), с примыкающим сильно развитым объемом входной пристройки. Стены большинства мавзолеев разобраны почти наполовину, разрушены входные айваны и купола. Некоторые сохранили внутри и снаружи следы оштукатурки алебастром. Планы мавзолеев впервые сняты М. Е. Массоном в 1947 г.

Рис. 7. Машад. Общий вид кладбища.

Мавзолей № 1 (нумерация условная, принята по порядку их расположения одного за другим) сложен из кирпича 20 × 20 × 3 см. Здание восьмигранно в плане, пролетом 5,40 м. (здесь и далее даются внутренние размеры помещения), ориентировано входом почти на восток (ВЮВ), оформлено стрельчатыми нишками внутри и снаружи. Почти аналогичен по плану ориентации мавзолей № 4. Однако, он значительнее по размеру (6,80 м) и сложен из иного кирпича размером 19 или 22 см в стороне на 3—4 см толщины. Основной объем его увенчан полусферическим куполом, грани внутри и снаружи оформлены плоскими стрельчатыми нишками, причем в южной стенке внутри расположен михраб. Выдвинутый вперед, квадратный в плане купольный вестибюль выражен по фасаду открытой стрельчатой аркой (деформации придали ей к настоящему времени килевидный контур) в прямоугольной раме. Еще упрощенней та же схема в мавзолее № 7, (пролетом 7,40 м), сложенном из разносортного кирпича (21—22 см в стороне на 3,5—4—5 *см,* 24 *см* на 6 *см* и др.), глухом снаружи, оформленном нишками лишь внутри.

Очень оригинальны мавзолеи № 2 и № 3, почти точно повторяющие друг друга в плане, в общей архитектурной трактовке. Они возведены из кирпича размером 19—21 см в стороне на 3—4 см толщины, круглы в плане, диаметром 7 м, ориентированы входом, так же как предыдущие, на ВЮВ. Архитектурное решение их в высшей степени своеобразно. Основной цилиндр стен фланкирует пять мощных, сужи-

вающихся вверх полукруглых столбов (верхняя часть шестого высится над сводом входного айвана), между которыми расположены плоские стрельчатые нишки. Кладка этих столбов продолжается наподобие увенчанных куполками массивных башенок, несколько выше, в уровне

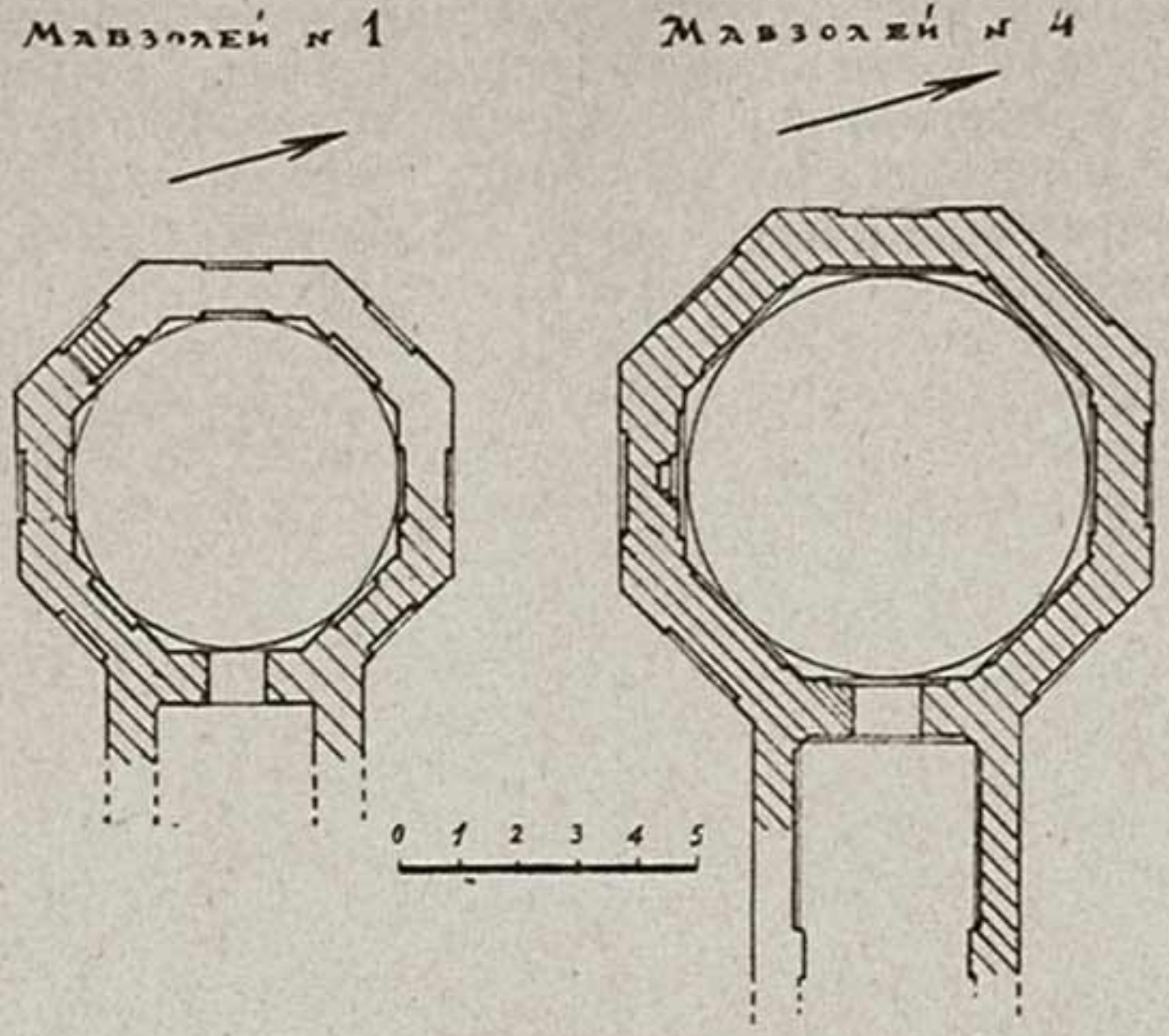


Рис. 8. Машад. Мавзолеи на кладбище.

цилиндрического барабана, со стрельчатыми оконцами, на котором покоится сфероконическая (приближающаяся по форме к плоскому конусу) скуфья купола. Вход оформлял сильно выдвинутый вперед объем айвана (может быть сводчатого, может быть, так же как в

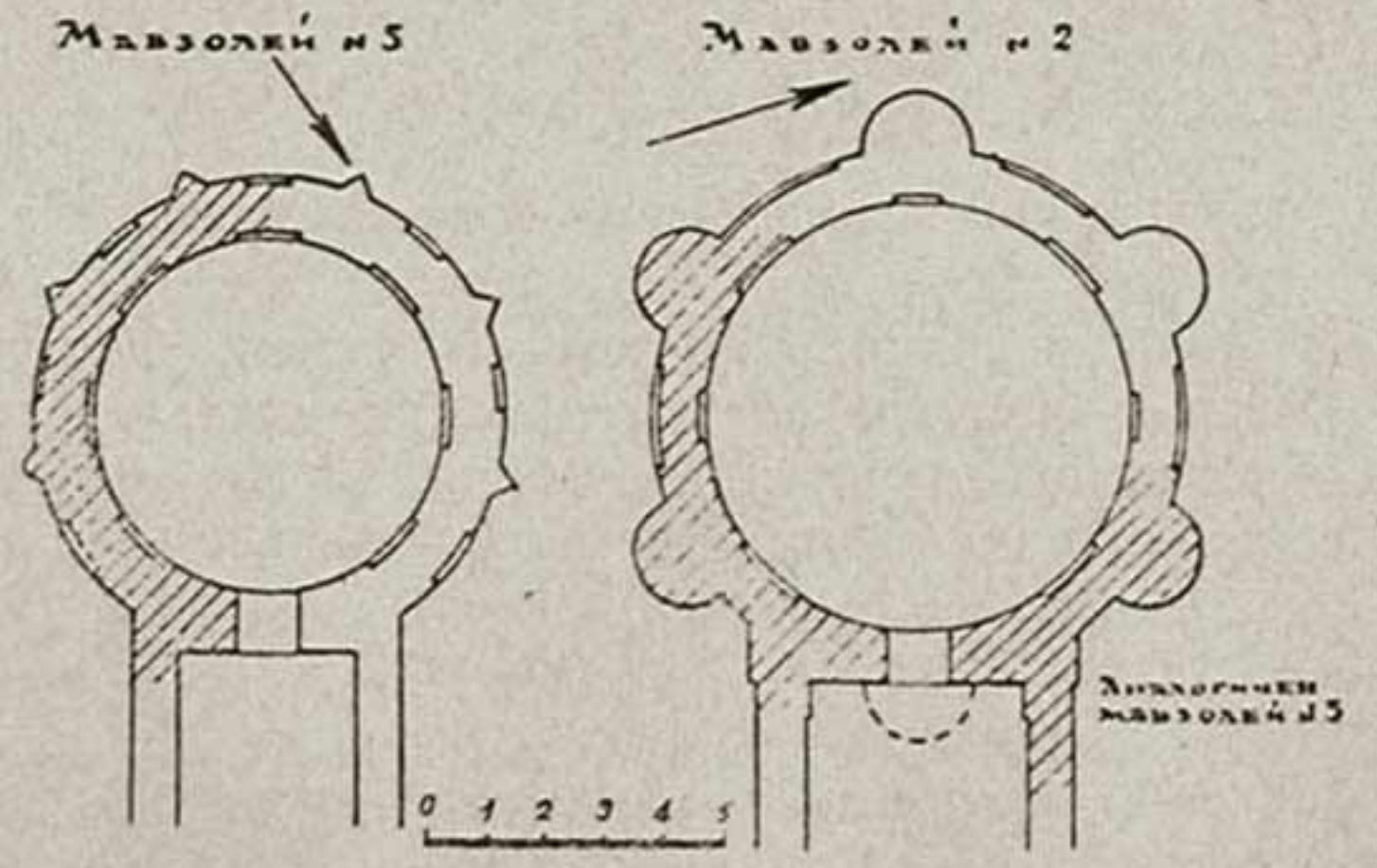


Рис. 9. Машад. Мавзолеи на кладбище.

мавзолее № 4— с малым куполком). Интерьер украшают нишки — малые на двух главных осях и большие на осях, расположенных по отношению к ним под 45°.

Мавзолей № 5, выстроенный из кирпича размером 19—21 см в стороне на 3—4 см толщины, развивает ту же архитектурную тему в ином претворении. Круглый в плане (внутренний диаметр 5,80 м), он был оформлен девятью острыми, несколько суживающимися кверху гранями. Поверхности между ними были заняты узкими нишками с треугольным завершением. Остатки купола на наклонном барабане позволяют предположить плоско-коническую форму скуфьи. Глубокий входной айван (ныне сохранился лишь в основании) обращен на СЗ. Интерьер оформляют нишки, лежащие на четырех главных осях.

Наиболее простое решение дает мавзолей № 6. Кирпич его квадратный, самых случайных размеров: 19—21 см в стороне на 3—3,5 см. толщины, 22—24 см на 5—6 см, 35 на 7 см и др. Здание круглое в плане диаметром 5 м, оформленное стрельчатыми нишками внутри (на осях 9-гранника) и снаружи (на осях 8-гранника), с остатками низкого цилиндрического барабана, с развитым айванным входом, обращенным на СЗ.

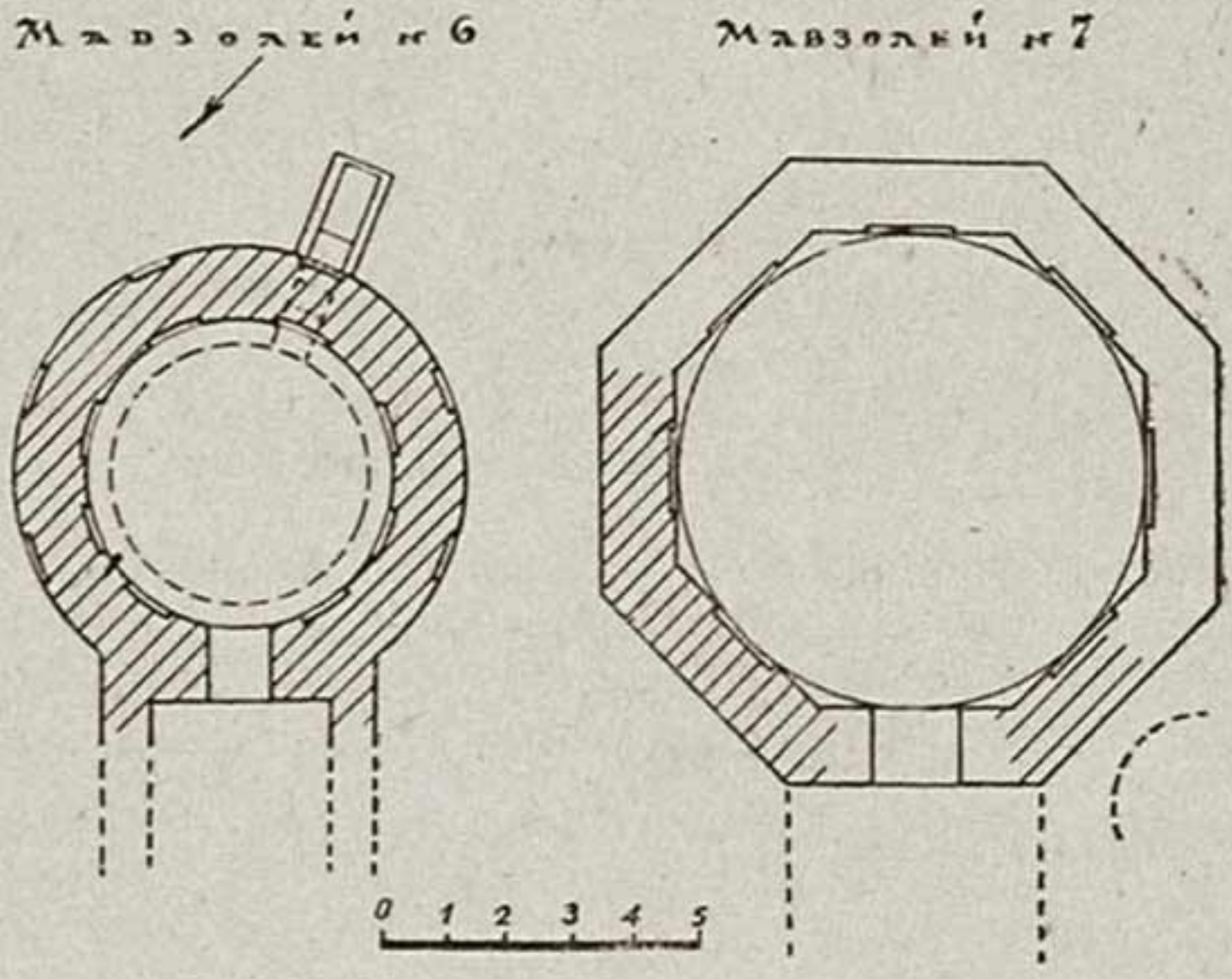


Рис. 10. Машад. Мавзолеи на кладбище.

Мавзолей этот сохранил подземный склеп, доступ к которому вполне осуществим снаружи посредством дромоса, расположенного в противоположной от входа части постройки. Спуск отлогий, со ступенями, крыт сводиком; проникнуть в него можно только ползком. Сам склеп круглый, до 2,5 м высотою в центре, перекрыт эллиптическим куполом, оштукатурен. Посреди него на полу — остатки давно потревоженного человеческого костяка.

Наличие склепов можно предположить и в некоторых других мавзолеях, однако доступ к ним затруднен, так как дромосы не расчищены.

Точных данных к датировке мавзолеи не имеют. Кирпич-маломерок первых пяти близок к кирпичу верхних кладок минарета 1102 г. на городище Месториан и пристройки XI—XII вв. у мечети Машада (ср. выше); может быть, это дает некоторый намек на дату их возведения. Кирпич двух последних мавзолеев (№ 6 и № 7), как указано,

имеет самые различные размеры и, видимо, взят из развалин всевозможных заброшенных зданий. По туркменскому преданию, записанному М. Е. Массоном, в мавзолее № 6 будто бы был погребен некий Бай Бегеджик, умерший около 300 лет назад. Бегеджик — название одного из родов туркменского племени салах, которое ныне в этих районах, населенных по преимуществу иомутами, уже не обитает. Сооружение мавзолея № 6 (и № 7) в XVII в. представляется вполне вероятным, поскольку с этой эпохой связан, как указано, капитальный ремонт машадской святыни.

Что касается мавзолеев №1—5, то, если подходить к ним с точки зрения исторических ситуаций, наиболее возможным представляется время их возведения до того, как большой город — Рабат Дахистан пришел в упадок и был покинут жителями, т. е. до XV столетия. Вместе с тем, мавзолеи эти несомненно возникли при уже завоевавшей в IX—X вв. большую известность мечети Машада. К какой же именно поре средневековья они могут быть отнесены? Никаких датирующих

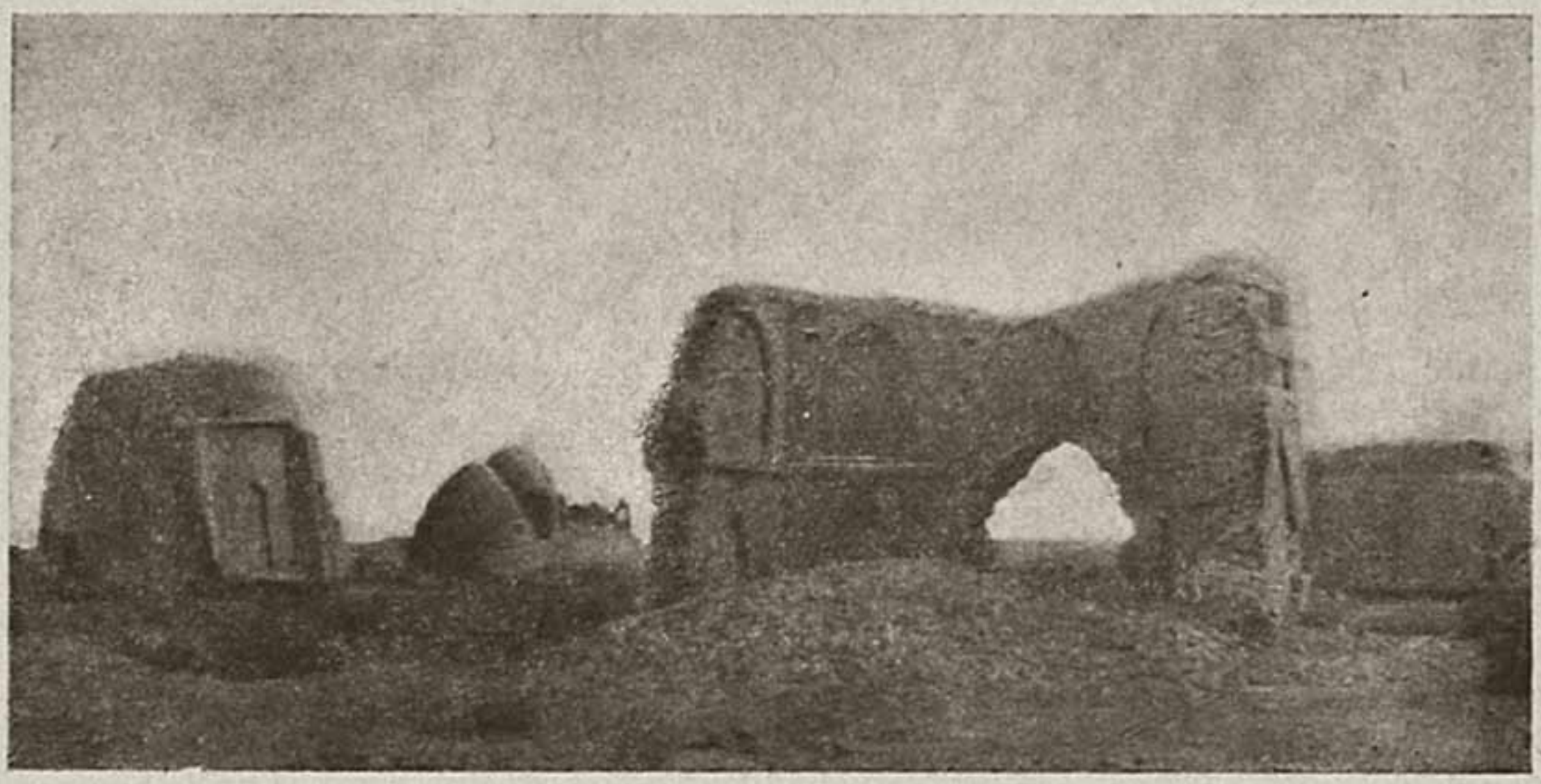


Рис. 11. Машад. Группа мавзолеев на кладбище.

элементов архитектурного декора они не сохранили. Размеры кирпича, как указано, близки к материалу построек XI—XII вв. Существенным показателем являются остатки отмеченной М. Е. Массоном на мавзолее № 3 надписи, содержащей текст калимы (исповедание веры), почерк который (куфи) позволяет отнести его к XII в. Указанием на возможность близкой даты служит также архитектура мавзолеев № 2, 3 и 5. Оформление последнего гранными, суживающимися кверху ребрами применено в знаменитом мавзолее Гумбеди-Кабус на р. Гурген, отстроенном в 1006/7 г. [32]). Гумбеди-Кабус представляет тип величественной «погребальной башни» — очень стройных пропорций, с шатровым куполом. Единственным украшеним его служат два пояса выложенных из кирпича куфических надписей очень простого почерка — в нижней трети и под куполом. Но силу эстетического впечатления определяет прежде всего сама архитектура: простота форм, чистота кирпичной фактуры, ясность композиции, стройность пропорций, которую усиливает

некоторое сужение ствола кверху, острые вертикали ребер и коническая скуфья перекрытия. На территории Хорасана сохранился ряд более поздних шатровобашенных мавзолеев, оформленных гранными ребрами (башня близ Демавенда 1093 г., в Рее 1139 г., в Верамине — конца XIIIв., в Бистаме — XIV столетия); остатки подобной башни отмечены

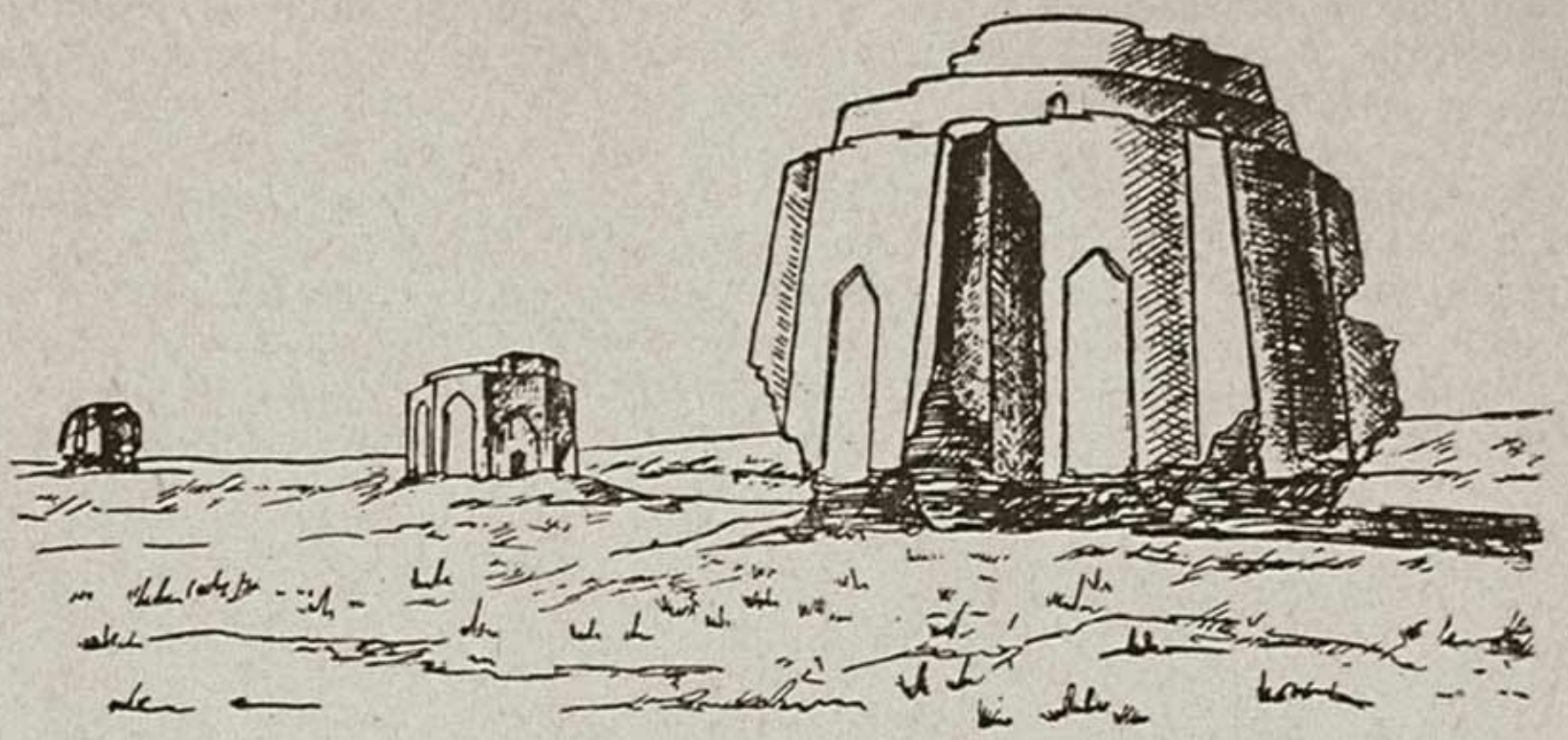


Рис. 12. Мавзолей № 5.

также близ Астрабада[33]). Однако общее решение их уже несколько отлично от Гумбеди-Кабус: грани сближены вплотную в виде «гофр», кладка отвесна. В машадском же мавзолее № 5 сохранена раздельность граней и наклонный характер стен; этому «джурджанскому» приему следует и строитель мавзолеев № 2 и 3, который лишь заменяет гранные ребра округлыми полустолбами (применение полукруглых «гофр» также отмечается на ряде хорасанских мавзолеев XII—XIII вв.). Характер последних, особенно в верхней части, указывает, как на вероятный их прототип, на башенки крепостной архитектуры. Подобный прием оформления круглой крепости традиционен и очень стар. Он известен, например, по памятникам Хорезма античной эпохи. Так, крепость Кой-Крылган-кала окружена круглой стеной, фланкированной девятью башнями, расположенными на правильных интервалах[34]).

Что касается общего архитектурного решения, то мавзолеи Машада дают весьма своеобразный (назовем его «дахистанским») вариант монументальной усыпальницы. Его отличает компактный, несколько массивный основной объем круглого или многогранного купольного сооружения и сильно развитая «вестибюльная» часть, уступающая главной постройке по высоте, перекрытая сводом или куполком, выраженная на фасаде обширной открытой аркой и в общем развивающая тему глубокого входа — «пронаоса». О происхождении этого архитектурного типа можно высказать некоторые догадки.

Вполне возможным представляется здесь наличие именно местной традиции, которую определяло архитектурное творчество местных племен и народов. Население Дахистана издавно было смешанным тюрко-иранским. Коренное население области составляли «дахи» — по Геро-

доту народ «иранского» происхождения, о которых упоминают и другие античные авторы. Вместе с тем, Дахистан издавна наводнялся оседавшими здесь волнами среднеазиатских тюрков, так что при Сасанидах для защиты долины Гургена против нашествия их возводились специальные оборонительные валы[35]). Несмотря на это арабские завоеватели

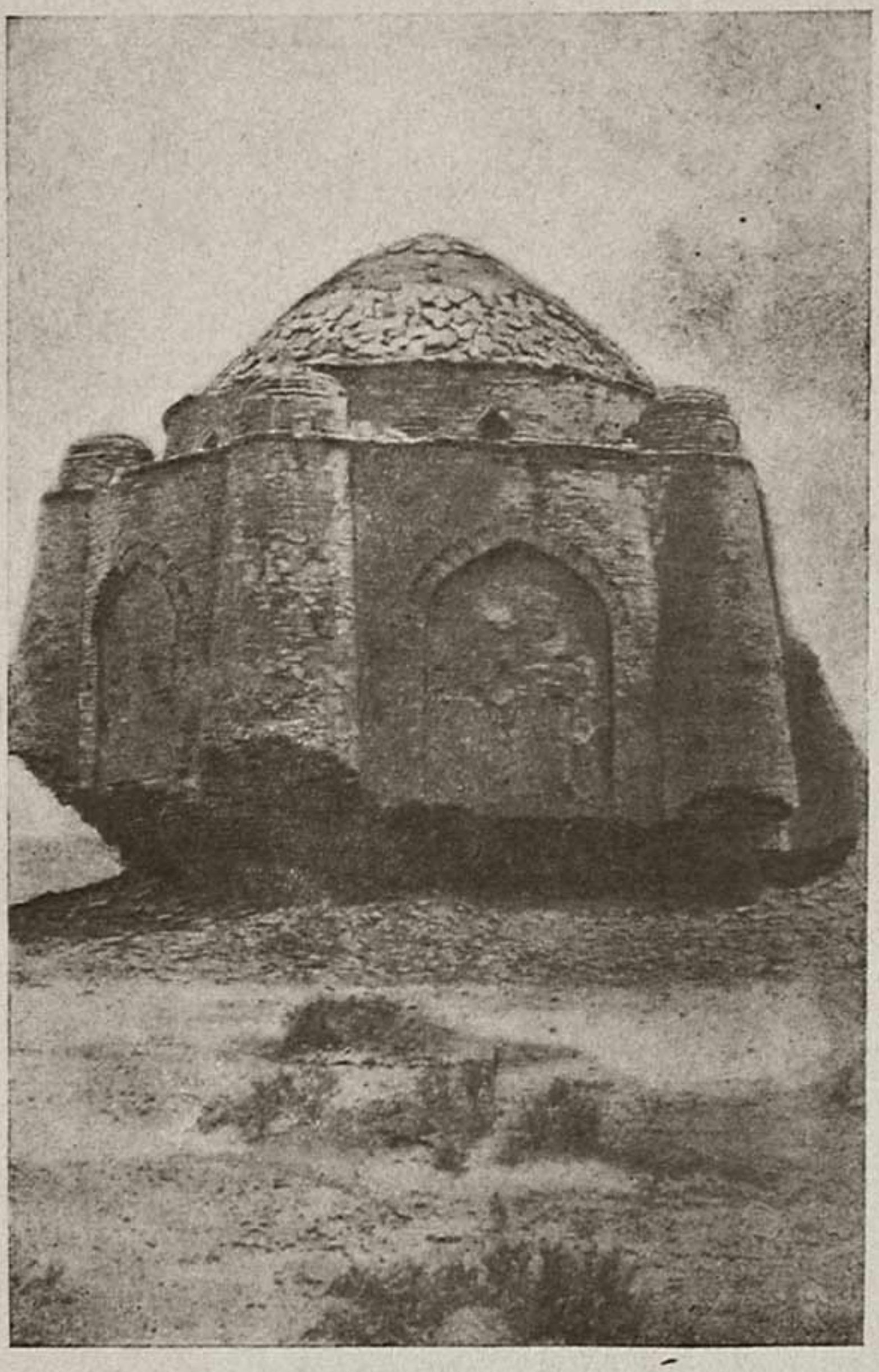


Рис. 13. Мавзолей № 3.

застали здесь правителем области тюрка Сула, опиравшегося на большие силы тюркских воинов. Известно, например, что при вступлении Сула в Джурджан, он двигался во главе тридцатитысячного войска тюрок, из которых, при сдаче Дахистана арабскому военачальнику Иезиду, было перебито по приказу последнего 14 000 человек[36]). Вместе с тем, чрезвычайно любопытно указание Самани, что тюрок Сул «испо-

ведывал религию магов» (т. е. зороастризм), а при Иезиде, который помиловал его при завоевании Джурджана, принял ислам[37]).

Смешанность местных тюрко-иранских традиций, видимо, имела место не только, и может быть даже не столько в аристократической среде, сколько в народной толще. Это не могло не отразиться и в области культурных явлений — в частности, на архитектуре.

Рис. 14. Мавзолей № 4.

В работе, посвященной генезису усыпальниц с шатровыми куполами в зодчестве Средней Азии и Ирана, нами устанавливалась связь «шатровых мавзолеев» с традициями среднеазиатских народностей, населявших северные районы Средней Азии, с темой возводившихся ими монументальных надмогильных сооружений, которые в своей основной идее восходят к насыпному холму-кургану[38]). Видимо, нечто подобное заложено и в архитектурной схеме дахистанских мавзолеев: «холмообразная» композиция основного объема и развитой, вытянутый вход восходят к теме кургана с его погребальной камерой («ляхят») и длинным дромосом («айван»). В сложении их был, разумеется, целый ряд пока невыявленных промежуточных стадий.

С другой стороны, тема глубокого арочного айвана хорошо известна в дворцовом строительстве арсакидской и сасанидской эпохи. Некоторые из царских усыпальниц, описанные Фирдоуси, представляли собою род парадного чертога с айваном, но обычно они были удалены от населенных мест. В «Шах-наме»» так излагается, например, воля Хосрова Ануширвана:

—«Когда я расстанусь с этим просторным миром, следует мне воздвигнуть прекрасный дворец в месте, вблизи которого не пройдут и где не пролетит и коршун быстрокрылый; с отдаленным входом в своде высокого дворца, вышиною в десять локтей... и вставить дверь, ибо никто не должен видеть царя. Иным стало дело этого чертога, никто больше не найдет пути к нам»[39]). Ф. А. Розенберг отмечает, что для обозначения подобных погребальных сооружений употребляются термины — «гумбед», «айван», «ках»[40]) (т. е. купол — купольная гробница; свод; загородный дом, также — галлерея, башня).

Мавзолеи Машада представляют, возможно, переживание тех стародавних архитектурных типов и строительных приемов, которые корнями своими уходят в местную доисламскую старину, в смешанную тюрко-иранскую традицию. Уточненное же решение вопроса об их датировке смогут дать лишь специально поставленные археологические вскрытия, без которых он может быть разрешен лишь предположительно. Следует еще раз подчеркнуть своеобразие этого «дахистанского» архитектурного типа, как характерного для восточно-прикаспийских областей.

Месториан

Огромный, охваченный двойной неприступной линией крепостных стен пятиугольный полигон городища Месториан и прилежащую территорию его былого пригорода-рабада заполняют груды жженого кирпича, обозначающего местоположения многочисленных былых построек. Характерно преимущественное употребление именно этого материала, а не сырца. Засоленность почвы, подвергающая здания быстрому капиллярному проникновению солей, губительных для глиняных построек, видимо, побуждала даже в массовом строительстве прибегать к более прочному, хотя и более дорогому, строительному материалу — жженому кирпичу.

Остатков зданий, возвышающихся над сложным рельефом археологических всхолмлений, здесь сохранилось немного. В южном секторе городища, неподалеку от городских ворот, высятся руины величественного портала и двух минаретов. Упоминания о них содержатся еще в описаниях Месториана прошлого столетия[41]), памятники были частично зафиксированы в рисунках поручика Шетихина (1876 г.[42]), на фотографиях Б. Н. Кастальского (1902 г.), фотографировались и позднее. По фото Б. Н. Кастальского А. А. Семеновым была в свое время расшифрована часть надписей на портале и в среднем поясе одного из минаретов[43]), а Б. П. Денике даны краткое описание и попытка стилистического анализа последнего, датировку которого Б. Н. Засыпкин относил к «досельджукской эпохе»[44]).

Первый минарет стоит среди оплывов стен видимо сооружения былой мечети. Археологический рельеф настолько нечеток, что не позволяет восстановить характер ее плана. Можно отметить лишь наличие двора, некогда окруженного постройками, которые, очевидно, представляли род арочных галлерей на круглых кирпичных столбах; на это указывают куски рухнувших сцементированных кладок арок, а также большое число четвертных лекальных кирпичей колонн. Следует особо отметить находки значительных кусков резного алебастрового стука. Орнаментация — высокого рельефа, очень тонкой резьбы, заклю-

чает стилизованные растительные сюжеты. По стилю она очень близка к недавно открытым в Туркмении стуковым декорациям мечети Данданакана[45]), датировка которых, по определению М. Е. Массона, расшифровавшего остатки исторической надписи, восходит к 90-годам XI столетия.

Минарет, расположенный к северо-востоку от двора, представлял отдельно стоящую башню, не включенную в габариты стен мечети. Об этом свидетельствует нижняя куфическая надпись, опоясывающая минарет на уровне входа, т. е. на высоте около двух метров от основания, которую не стали бы здесь располагать, коль скоро она не была бы доступна для кругового обозревания.

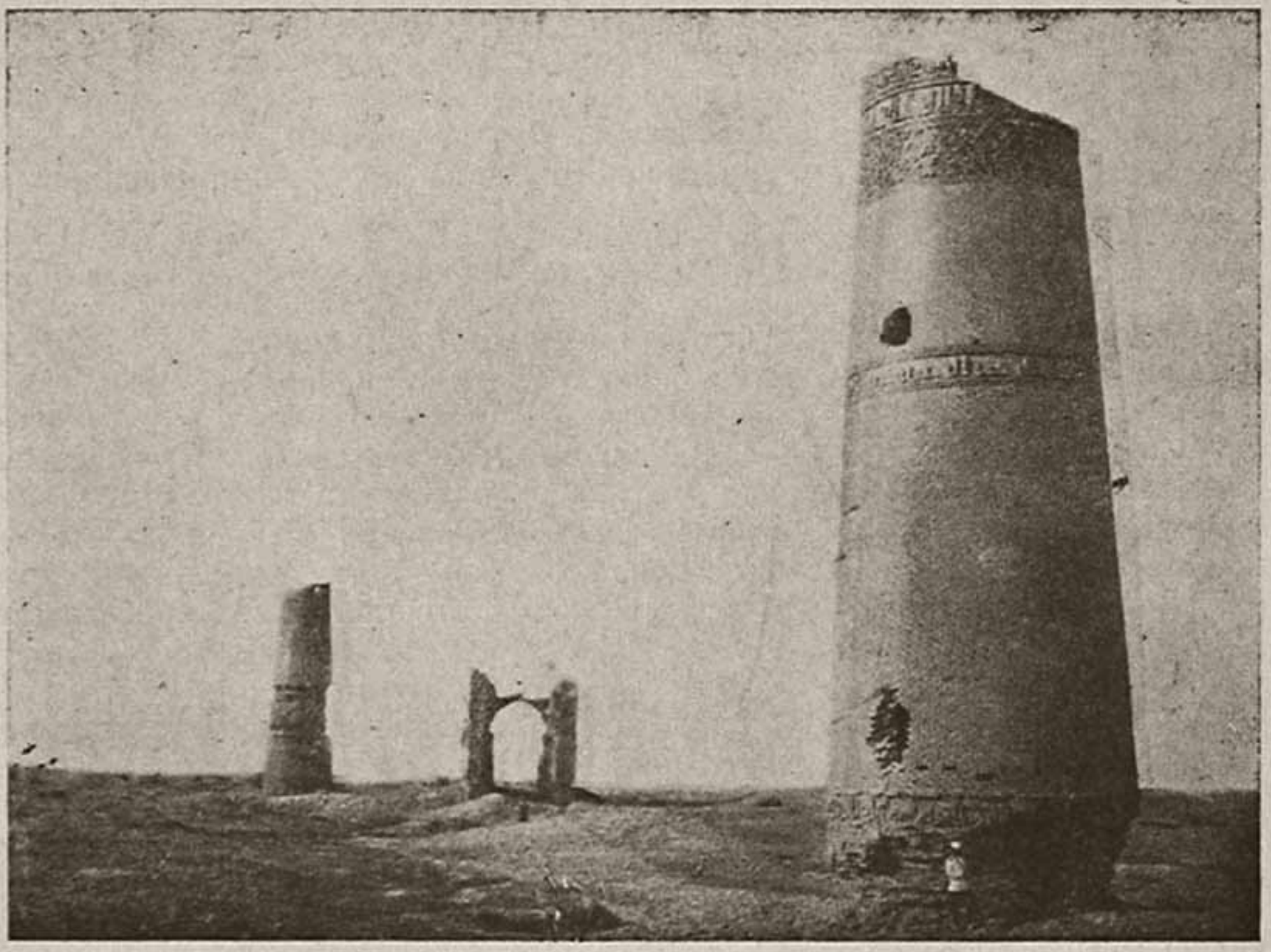


Рис. 15. Городище Месториан. Архитектурные руины.

Минарет сложен из жженого кирпича. Размер его в кладке основной части ствола 23 × 23 × 6 см, низ до уровня первого пояса надписей выведен из очень крупных, специального обжига квадратных плит 33—35 см в стороне на 6—7 см толщины, а в верхнем участке ствола там, где начинается полоса измельченной геометрической орнаментации, употреблен кирпич-маломерок 20 × 20 × 3,5 см. Раствор — светлосерый алебастровый. Кольцевая кладка основания выполнена за счет широких наружных швов (до 2—3 см), радиально сокращающихся во внутрь. Кладка ствола, напротив, имеет неширокие швы, но в наружном ряду ее употреблен кирпич особой, слегка трапециедальной формы. Геометрический орнамент осуществлен из того строительного кирпича-маломерка, о котором упомянуто выше или из вытесанных квадратиков.

Надписи геометрического почерка (куфи) также выполнены из кирпича, положенного вертикально или горизонтально и, в зависимости от характера букв, соответствующим образом подтесанного.

Минарет имеет диаметр основания около 8 м; кладка его идет со сужением вверх (до 5,5 см на 1 м высоты). Внутри заключена винтовая лестница шириной 90 см, огибающая трехметровый центральный столб. Ступени сложены в набежку каждого ряда на полкирпича (прием этот выявлен в «плафоне»). Однако в верхней части ствола последний виток кладки завершается перекрытием из трех бревен, а далее идет система легких сомкнутых сводов; в настоящее время сохранилось только три сводика и гурты основания двух вышележащих, но на полный оборот их должно бы быть восемь.

Минарет сохранился на высоту до 20 м. Сейчас верх его разобран до уровня третьего пояса надписей; между тем, судя по фото Б. Н. Кастальского, в 1902 г. орнаментальные кладки продолжались выше. Общие пропорции тяжеловесны — но первоначально они, безусловно, были значительно стройнее. Судя по близким по времени и стилю минаретам Хорасана, высота его могла бы быть вдвое большей.

Основной декоративный эффект постройки определяет контраст гладкой кирпичной фактуры главной части ствола, трижды на разных интервалах рассекаемой поясами куфической надписи, и сложно орнаментированного верха. Декоративное богатство этой стоявшей среди густой городской застройки башни могло быть воспринято лишь с известной высоты его ствола (8—10 м); этим вполне оправдывается прием сосредоточения орнаментации в верхней части минарета. Здесь заключено широкое поле сложной геометрической плетенки, над которой располагался третий пояс надписи стройных куфических букв с замысловатыми узлами переплетений, а выше — опять геометрический гирих[46]), образующий фигуры меандра, типа свастики. Все эти орнаментальные поля оторочены бордюрами, рисунок которых осуществлен из особых фигурных кирпичиков. Заметим, что характер почерка верхнего пояса надписей и мотив плетенки-меандра несколько напоминают орнаментацию башенного мавзолея Пири-Аламдара в Дамгане (1027 г.[47]).

Надписи первого и второго пояса содержат исторические сведения. Средняя, прочитанная А. А. Семеновым[48]) и откорректированная М. Е. Массоном, гласит:

«Во имя Аллаха, милостливого, милосердного! Благословение от Аллаха! Из того, что приказал Абу Джафар Ахмед, сын Абу-л Агарра, владетель рабата, да возвеличит его Аллах! Работа Али Зия».

Нижняя, с трудом читаемая по следам сбитых букв, была расшифрована на месте М. Е. Массоном. Она почти повторяет вышележащую, но благодаря большей длине поля содержит также дату строительства минарета:

«Из того, что приказал... Абу-л Агарра, поставил (т. е. отстроил сооружение) Али Зия в году (четыреста) девяносто пятом».

Год 495 хиджры соответствует 26.X.1101—14.X.1102; закладка минарета, скорее всего, имела место уже в строительном сезоне 1102 г.

Итак, перед нами памятник самого начала XII в., воздвигнутый по распоряжению правителя города (рабата Дахистан) Абу-Джафара Ахмеда строителем Али-Зия, который, судя по отсутствию нисбы

(указания места рождения), был местным уроженцем. Здание почти современно минарету в Джар-Кургане (1108 г.[49]) или в Хосруширде близ Себзевара (1111 г.), но совсем на них непохоже. С минаретами XI—XII вв. Средней Азии и Ирана дахистанский памятник роднят некоторые общие принципы: круглая форма ствола, возведение его при мечети как отдельно стоящей башенной постройки, роль жженого кирпича, как строительного материала, благородные внешние качества

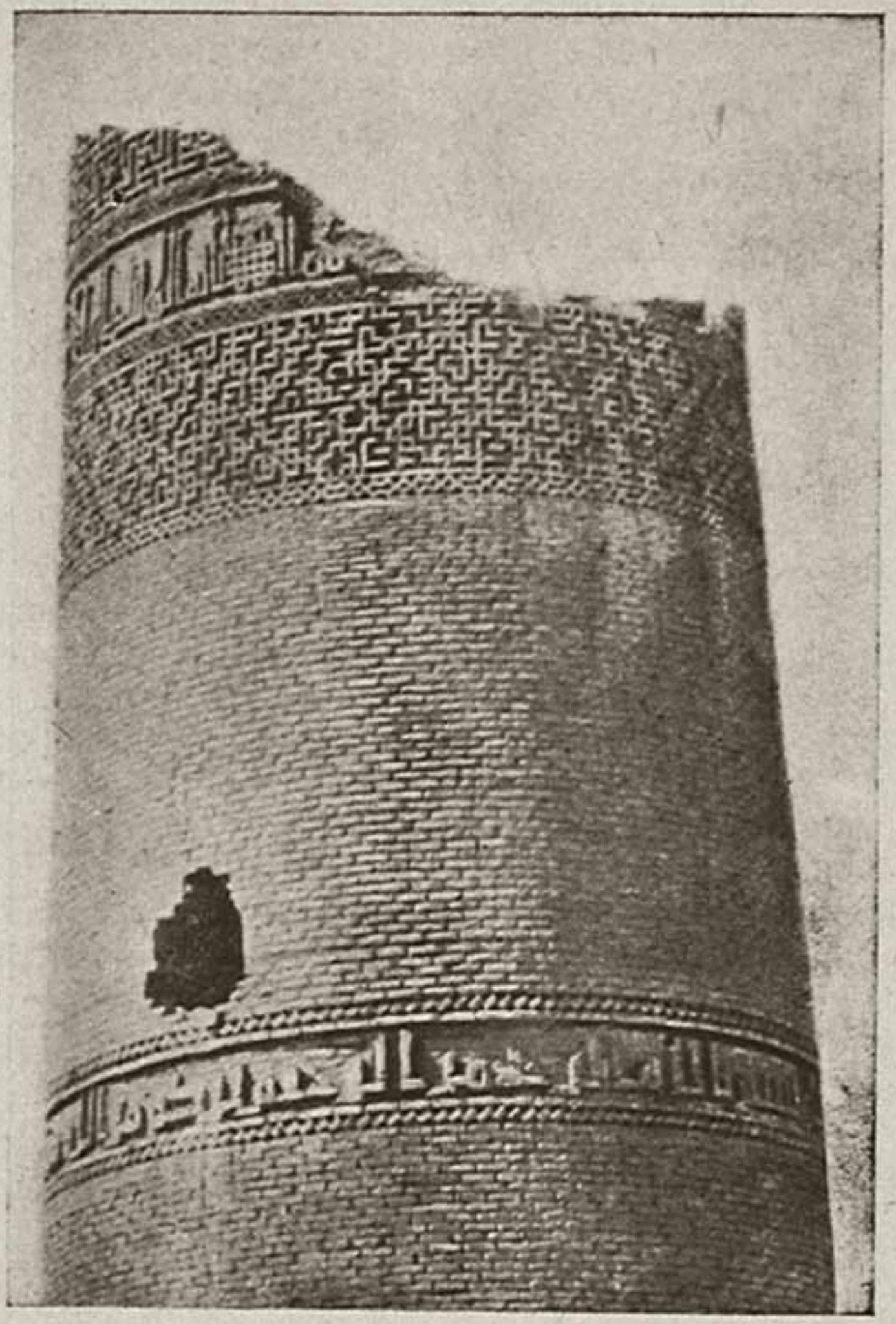


Рис. 16. Месториан. Минарет 1102 г.

которого полноценно используются в архитектурном декоре, членение ствола горизонтальными поясами надписей и орнаментации (Джаркурганский минарет, с его вертикальными гофрами, в этом отношении представляет сооружение не типичное, а исключительное). Однако прямых параллелей дахистанский минарет не имеет; сравнение его с термезским минаретом 1038 г., которое проводит Б. Н. Денике (первоначально относивший минарет Месториана по стилевым признакам в XIII в.[50]), или, например, с минаретом в местечке Фирузабад (иранский Хорасан[51]) — памятниками, дающими наиболее близкие аналогии,

обнаруживает лишь отдаленное сходство, при явном отличии как общей архитектурной концепции, так и декоративных деталей.

Минарет этот играл, несомненно, большую роль в архитектурном силуэте города. Стройность и высота минаретов подчеркивается средневековыми авторами, как особо ценное их качество. Так, например, Макдиси (Хв.) специально отмечает видимый издалека минарет Ахура — наиболее значительного после Дахистана города этой об-

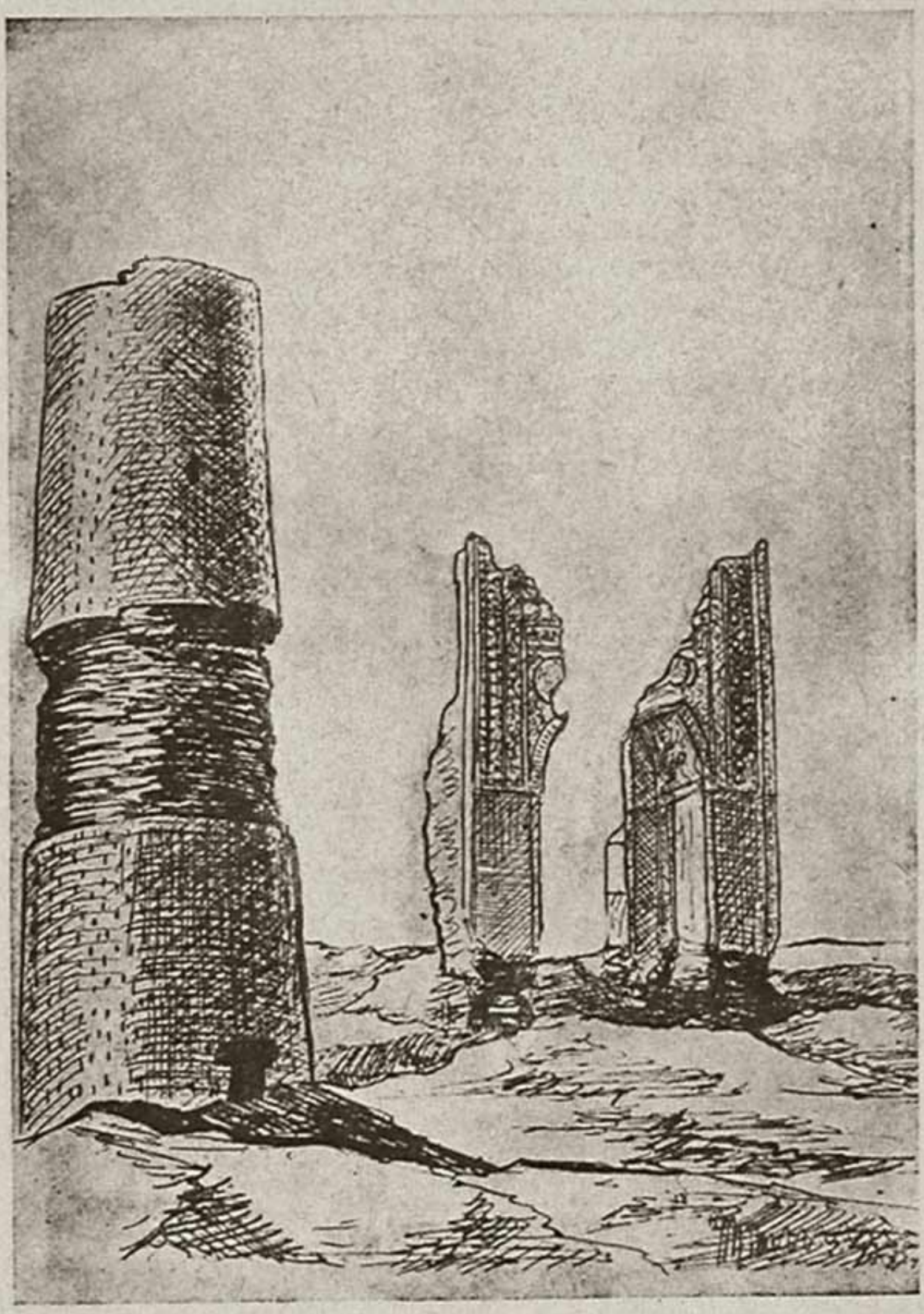


Рис. 17. Месториан. Развалины мечети эпохи хорезмшаха Мухаммеда.

ласти[52]) (остатками его является обширное городище Мадау, лежащее в 30 км от Месториана). И сейчас даже на большом расстоянии от Месториана видны четкие профили обеих башен и портала; можно представить, как эффектно выглядели они на фоне средневекового города, с многочисленными куполами его построек и зубчатой линией оформленных башнями неприступных стен. Число минаретов внутри и

вне городской стены было, несомненно, первоначально значительно большим: еще на плане А. М. Коншина (1897 г.) их отмечено четыре[53]) — два располагались на территории рабада города; в настоящее время от них сохранились лишь небольшие бугры.

Второй минарет, расположенный метрах в 120 от первого, принадлежал мечети, от которой остались руины портала и всхолмления стен и опоясывавших двор галлерей. Первоначальная схема плана мечети может быть восстановлена по этим руинам.

Материалом постройки служит жженый квадратный кирпич. Размеры его в кладках портала 22—22,5 см на 4,5 см, в кладках минарета 21—22 см на 4,5 см. Раствор — серый алебастр; последний употреблен и в облицовках портальной ниши (резной стук).

Главное здание мечети представляло собою квадратное помещение пролетом 10,35 м., план которого восстанавливается по остаткам рухнувших стен и перекрытий. Оно открывалось по фасаду обширной нишей айвана, имело торцовую стену, где, очевидно, располагался михраб, и сквозные боковые стены с тремя арочными проемами. Последние были обращены в смежные арочные галереи мечети (куски сце-

Рис. 18. Месториан. Развалины портала XII—начала XIII вв; план мечети; план „ханаки".

ментированных кладок рухнувших арок попадаются в разных местах), оконтуривавшие квадратный двор (размером 17,50 × 17,50 м), габариты которого ясно прослеживаются в рельефе. Ориентация главной оси почти строго север-юг. В центре двора остатки небольшого бассейна для ритуальных омовений. Минарет расположен в СВ углу мечети и был, очевидно, встроен в пределы галлерей. Тот факт, что к настоящему времени кладки минарета сильно разобраны на высоте около 8 м. от основания, свидетельствует, что разборка эта могла быть произ-

ведена лишь с крыши смежных портиков, в то время, когда последние были относительно целы.

Время возведения мечети устанавливается достаточно точно благодаря надписи, сохранившейся на портале. Начало ее содержится на западном устое: «Построил эту арку...», конец — на восточном: «...величие мира и веры, защита ислама и правоверных, тень бога в мирах, султан Мухаммед, сын султана Текеша, аргумент (в руках) повелителя правоверных»[54]). Итак, постройка связана с правлением хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220), при котором область Дахистан входила в состав хорезмшахского государства.

Кладка устоев портала сильно выбрана у основания, арка обрушена несколько выше уровня пят. Однако архитектоническая схема может быть в основном восстановлена. Здесь характерно импостное членение стены: кладка устоев, до уровня арки — гладкая, выполнена попарно положенным кирпичом, с выраженной разделкой алебастром швов, из которых вертикальные подчеркнуты особой резкой бороздой. Горизонтальная линия отделяет низ стены от системы прямоугольных рам, оконтуривающих арку, архивольт которой опирается на трехчетвертные колонки. Полосы обрамления заключают: а) узор остролистов, выполненных голубой глазурью по фону терракоты, б) замысловатый геометрический гирих, построенный на системе восьмигранников, в) надпись, исполненную цветущим куфи из элементов голубой глазури. Эти широкие (30—50 *см*) полосы разделены узкими поясками, выложенными из спаренных полукирпичиков, иногда чередующихся с парой вертикально поставленных кирпичей. Два поля надписей почерка насх располагались также над тимпанами арки. Архивольт последней заключал надпись, выполненную голубыми буквами также почерка насх на фоне спиралевидного побега. Ее обрамляет бордюр, узор которого выложен из оригинальных Z-образных «бантиков», приморожeнных на алебастровом растворе и образующих замысловатый рельефный орнамент. Тимпаны арки занимают два больших голубых круга (внутреннего орнаментального заполнения их не сохранилось) на фоне измельченного узора, образованного приморожeнными на растворе

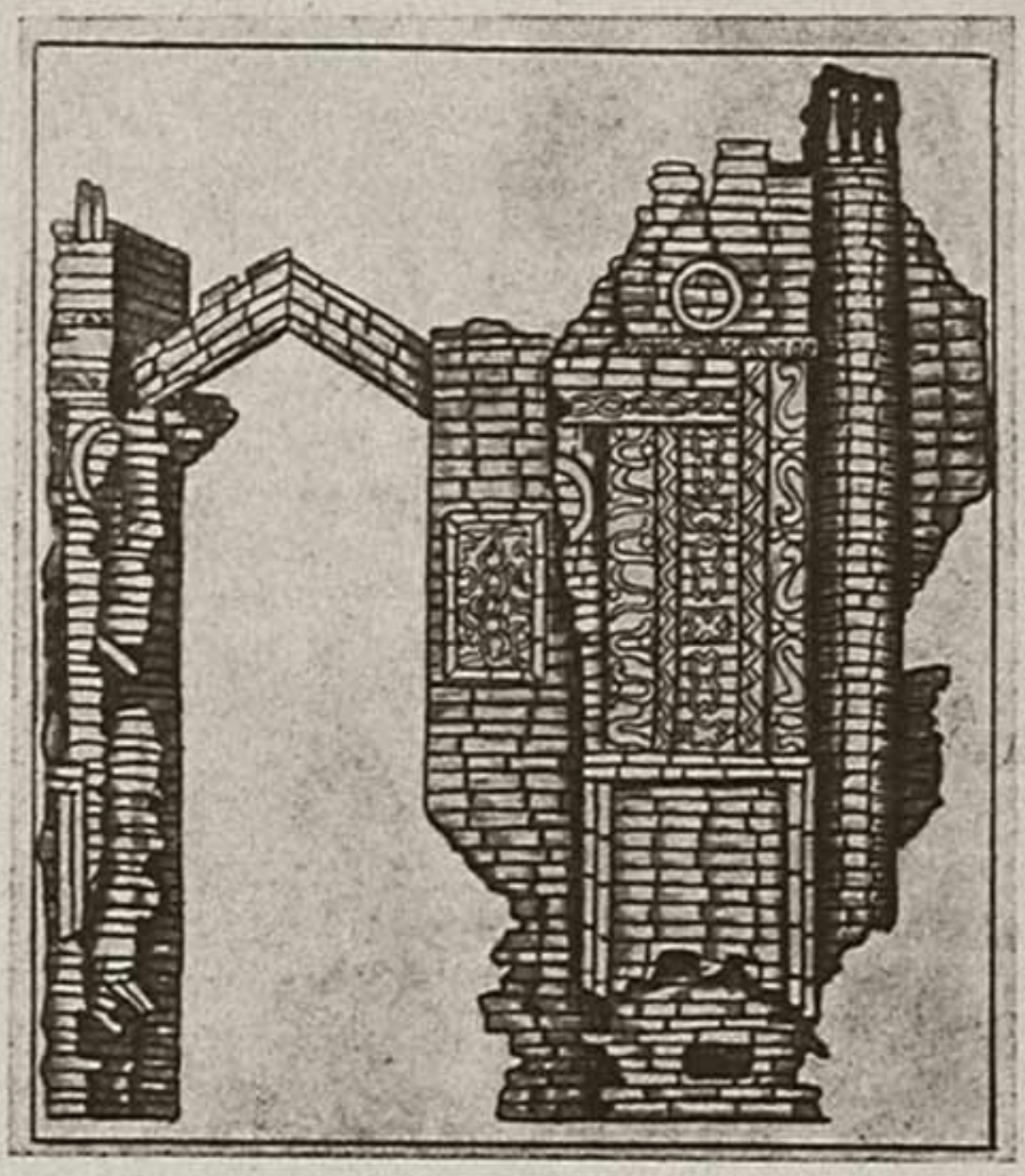


Рис. 19. „Развалины мечети в Мест-Давране". Рисунок Шетихина 1876 г.

S-образными кирпичиками. Устой фланкируют угловые, доходившие до верха трехчетвертные колонки, сложенные из спаренного кирпича с широкими вертикальными швами.

Колонки, несущие арочный архивольт, сложены из спаренных кирпичей, причем разделяющие их алебастровые горизонтальные и вертикальные швы подчеркнуты рельефными «сосочками»; капители — фигурные, украшенные резным алебастром. Щековые стены и соффит портальной арки покрывает резной стук. Здесь, также как на фасаде, подчеркнутое импостное расчленение поверхностей. Плоскости стен до уровня пят свода заполняют панно с плоской резьбой, образующей простые, как бы основанные на системе кирпичной кладки, уступчатые фигуры, заключающие равноконечные кресты со вписанными в них завитками. В соффите арки, наоборот, очень сочная резьба со стилизованным растительным или эпиграфическим (цветущее куфи) горельефным орнаментом. Декор щипцовой стены почти не сохранился; здесь отмечаются лишь остатки надписи, следовавшей вдоль архивольта обширной арки.

Минарет мечети сложен в том же принципе кладки из спаренных кирпичей с разделяющим их широким швом, подчеркнутым бороздой, что и на портале. В настоящее время он сохранился примерно на 20 м. Ствол его слегка конически суживается кверху (утонение до 5 см на 1 м). На высоте около 8 м. от основания по периметру проложен ряд арчевых балок очевидно игравших роль сейсмических связей. Выше, как указано, значительный участок кладки разобран; возможно, что здесь проходил какой-то орнаментальный пояс. Вообще же орнаментации на минарете не сохранилось, хотя на фотографии Б. Н. Каскальского еще виден вверху широкий (до 2 м) пояс несложного геометрического узора, построенного на косой сетке и выложенного из жженого кирпича; над ним располагалась надпись почерка цветущим куфи.

Мечеть хорезмшаха Мухаммеда ничем не напоминает построек Хорезма XII— начала XIII вв. (Куня-Ургенч). Воздвигнутая быть может по его распоряжению, в политических видах, мечеть, несомненно, сооружалась местными мастерами, придерживавшимися местных строительных традиций. Последние прошли определенный путь развития, в сравнении с более ранними памятниками Дахистана. Но это «местное» отмечается в ориентации мечети С—Ю; в характере планировки, сохраняющей то центрально-купольное ядро, «мечеть-киоск», тип которого определился здесь еще в IX—X вв. (ср. описанную выше мечеть Машада) и которое, очевидно, оставалось неизменным элементом также в мечетях дворового плана[55]); в сохранении идеи импостного расчленения арки, которое характеризует еще машадский михраб и которое в строительстве Мавераннахра, например, было заменено системой обрамления, идущих от невысокой цокольной части, еще с XI в. (ср. портал Рабати-Малика, михраб мечети Намазгох в Бухаре и др.). Вместе с тем, усложнение общекомпозиционного решения, тенденции к дальнейшей монументализации форм, обогащение архитектурного декора за счет смешанных комбинаций геометрической растительной, эпиграфической орнаментации, употребление глубокой светотеневой игры (горельефный стук), введение цвета (голубая глазурь на желто-

ватом фоне обожженной глины или на сером алебастре) — все это знаменует новый этап в развитии стиля местного монументального зодчества.

Остается отметить, что и эта мечеть, также стоявшая в густой черте городской застройки, была тесно окружена сооружениями. Так, с севера к ней почти вплотную примыкало другое здание с двориком (медресе?), среди развалин которого попадаются куски резного стука, четвертные лекальные кирпичи каких-то столбов и т. п. Неподалеку от минарета 1102 г. обнаружены остатки бани, кирпич стен которой недавно кем-то выбирался. Здесь видны резервуары, обмазанные несколькими слоями серых (видимо гидроизолирующих) штукатурок; по принципу устройства этих «ванн» и топочных каналов сооружение напоминает баню XII в. в Нисе, остатки которой были вскрыты раскопками ЮТАКЭ в 1946 г.

К северу от городища, вблизи крепостной стены, на невысоком, видимо искусственного происхождения, холме высятся руины мечети, наименование которой связывают с тем легендарным Шир-Кабиром, чьей усыпальницей считается мечеть-мавзолей Машада. Ориентация главной оси постройки почти строго север-юг. Главный фасад был обращен на север. Здесь открывается обширная квадратная эспланада, оконтуренная оплывшим валом стены; вне ее—бугры старого кладбища. Севернее постройки на плане А. М. Коншина (1897 г.) помечен минарет, ныне не сохранившийся. Очевидно, это—загородная мечеть-намазгох, в которую в дни двух больших годовых праздников Курбан и Фитр стекалось население всего города. Местоположение ее довольно типично: вдали от орошенных и густо заселенных участков пригорода-рабада, простиравшегося, как показывают руины, преимущественно в южном направлении от города, на „бесполезной“ территории, частично занятой в силу тех же причин кладбищем. Подобное расположение намазгох можно, например, указать для средневековой Нисы[56]).

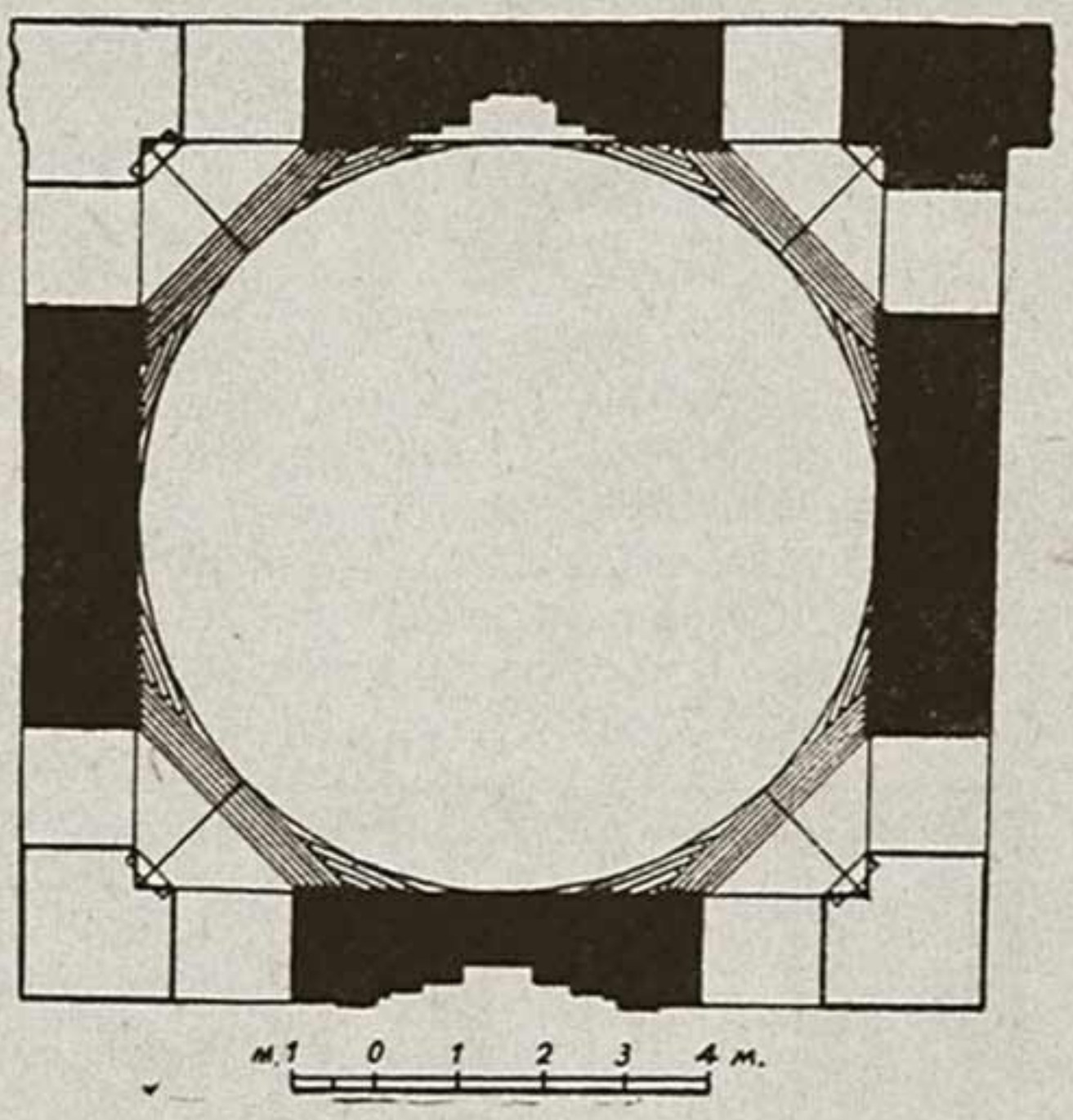


Рис. 20. Месториан. Мечеть Шир-Кабир. План, современное состояние.

Материал постройки — жженый кирпич размером 21—22 см в стороне на 3—3,5 см; кладка на алебастровом растворе, стены ошту-

катурены. В настоящее время сохранились лишь руины главного купольного помещения мечети: квадратного в плане (пролет купола 8,70 м), с двумя арочными проходами в каждой стене. Углы разобраны (кроме юго-западного) и купол, также наполовину сломанный, чудом держится на двух парусах. В сохранившемся ЮЗ углу видно, что кладка южной (михрабной) стенки продолжалась дальше. Между тем еще на фото 1928 г. ясно видны продолжения кладок всех стен, причем на

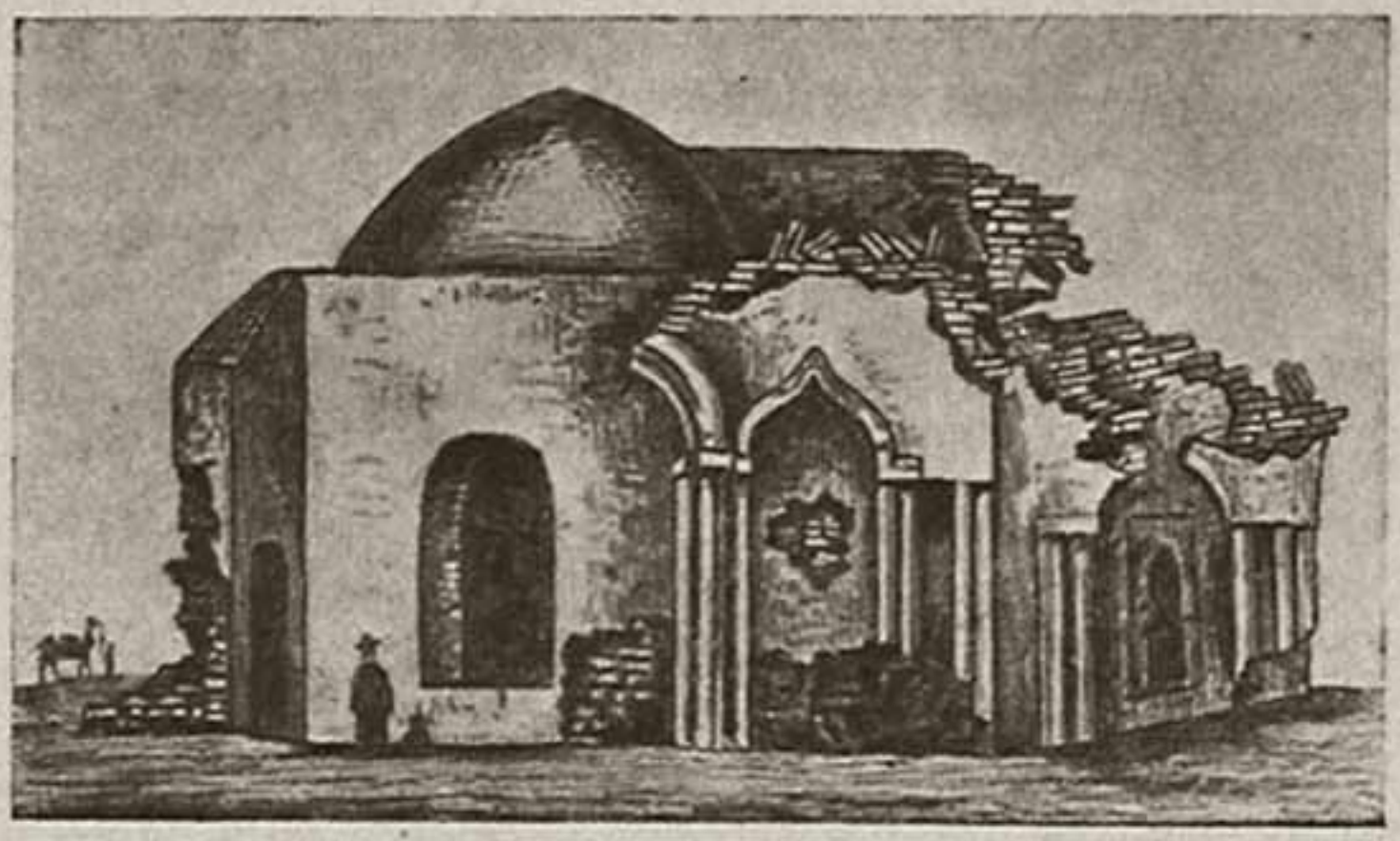


Рис. 21. Мечеть Шир-Кабир Рисунок Шетихина 1876 г.

одной из них сохранилось оформление в виде четырех сомкнутых полукруглых гофр. На рисунке Шетихина (1876 г.) сохранность памятника еще большая; здесь видны арки, переброшенные между столбами в виде пучка четырех колонок. Итак, первоначально к главному помещению примыкали меньших размеров комнатки, а по главному фасаду располагались открытые арочные айваны, основанные на пучкообразных столбах.

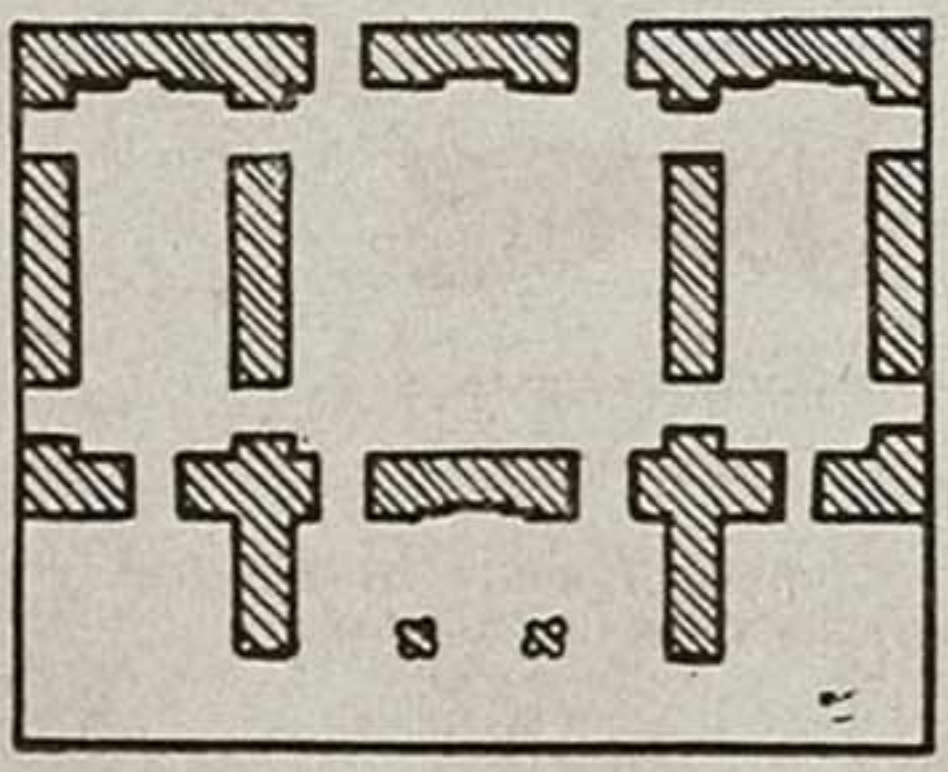


Рис. 22. Реставрация плана мечети Шир-Кабир.

Купол главного помещения почти полусферический, слегка заострен к макушке. Снаружи кладка его заключает несколько концентрических рядов наполовину выступающих кирпичей; внутри он гладко оштукатурен. Купол основан на восьмиграннике нишевых парусов. Последние выведены в виде шести перспективно смыкающихся арочек, переходящих в сомкнутый свод, угол которого смягчен системой трех арочек, являющих праобраз сталактитовых систем. Переход от восьмигранника к круглому основанию купола сглажен системой «сотовых» сталактитов, образованных напуском выступающих кирпичей.

В нише михраба внутренней стены главного помещения сохранились остатки обрамляющей надписи религиозного содержания (резьба

по стуку), выполненной почерком насх на фоне цветочных завитков. Внутри сталактитов и перспективных арочек парусов прослеживаются остатки синей росписи по белому фону. На северной и западной стенах интерьера можно также распознать следы росписи: геометрический гирих в прямоугольном панно, большой круг в фигурном обрамлении.

Датировка здания, судя по стилю надписи, по размерам кирпича, устанавливается в пределах XI—XII вв. Здесь хочется отметить специфику планировки — более усложненной, чем близкие по времени намазгох (например, в Бухаре) или иные типы мечетей (ср. план мечети Талхатан-баба близ Мерва), но явно повторяющей идею центрального ядра купольной мечети-киоска, которая определилась еще в здании машадской мечети. Обращает внимание также и сохранение здесь типа парусов в виде перспективных арочек и сомкнутого свода. Весьма интересен факт широкого употребления живописи в интерьере, в которой основное место занимает синий цвет по белому фону. В свое время высказывалось мнение, что росписи синим по белому появляются в среднеазиатском зодчестве при Тимуре, под влиянием китайских фарфоров типа „кобальт", причем влияние это не было непосредственным, а прошло, якобы, через фильтр иранской миниатюры[57]). Дахистанская намазгох свидетельствует, что живопись этого рода существовала задолго до Тимура и даже до изобретения китайцами фарфора с росписью кобальтом по белому фону, и очевидно имела местную художественную основу.

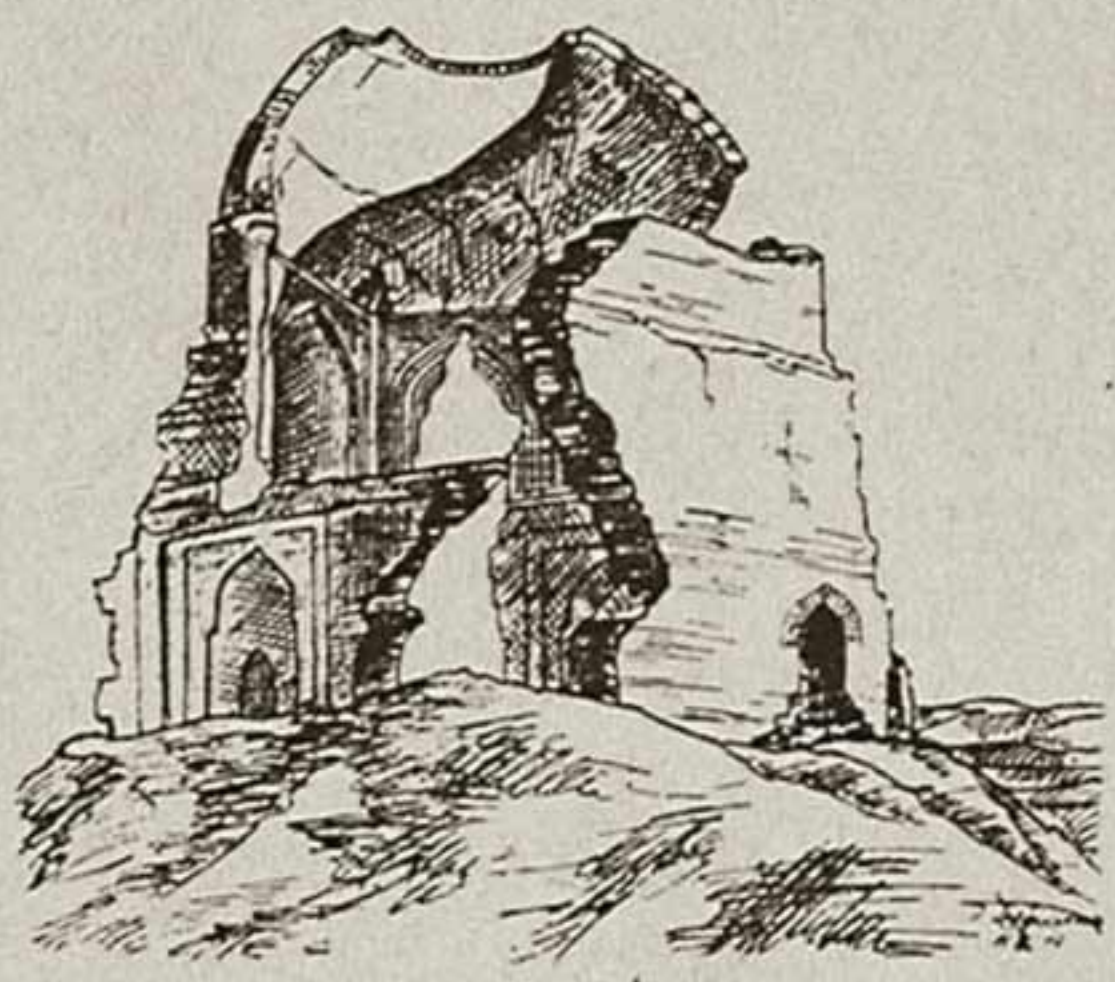


Рис. 23. Месториан. Мечеть Шир-Кабир.

Среди отдельных деталей заслуживает внимания применение «пучкообразных» столбов или настенных сомкнутых гофр. Их генезис восходит еще к древним «гофрированным» зданиям раннефеодального зодчества Средней Азии, а может быть даже и четырехлопастным столбам парфянской архитектуры Нисы. Это — не исключительная особенность данного памятника: выше упоминалось о подобном же оформлении одной из пристроек XI—XII вв. при мечети Машада.

Среди других сооружений Дахистана, лежащих вне городской стены, заслуживают особого внимания остатки портала, ныне полностью разрушенного, находившегося вблизи западной стены (он отмечен на плане А. М. Коншина). Б. Н. Кастальский зафотографировал единственный, еще стоявший в его время устой (рис. 24). Между тем на рисунке Шетихина виден второй устой, часть арки и торцовая стена (рис. 25). Этот монументальный пештак несколько напоминает сохранившийся портал мечети эпохи хорезмшаха Мухаммеда. Сложенный из жженого кирпича, сохранявшийся в 1876 г. на высоту более 20 м., он имел аналогичное импостное членение устоев, нижняя половина которых трактована в виде стены, оформленной вытянутой стрельчатой нишкой с

квадратным панно над нею. Арку оконтуривало две широких полосы, заключавших — одна куфическую надпись, вторая — выложенный из фигурных кирпичиков орнамент. Архивольт арки опирался на трехчетвертные колонки восьмигранной формы, выложенные чередованием спаренных горизонтальных и вертикальных кирпичей. В соффите арки бы-

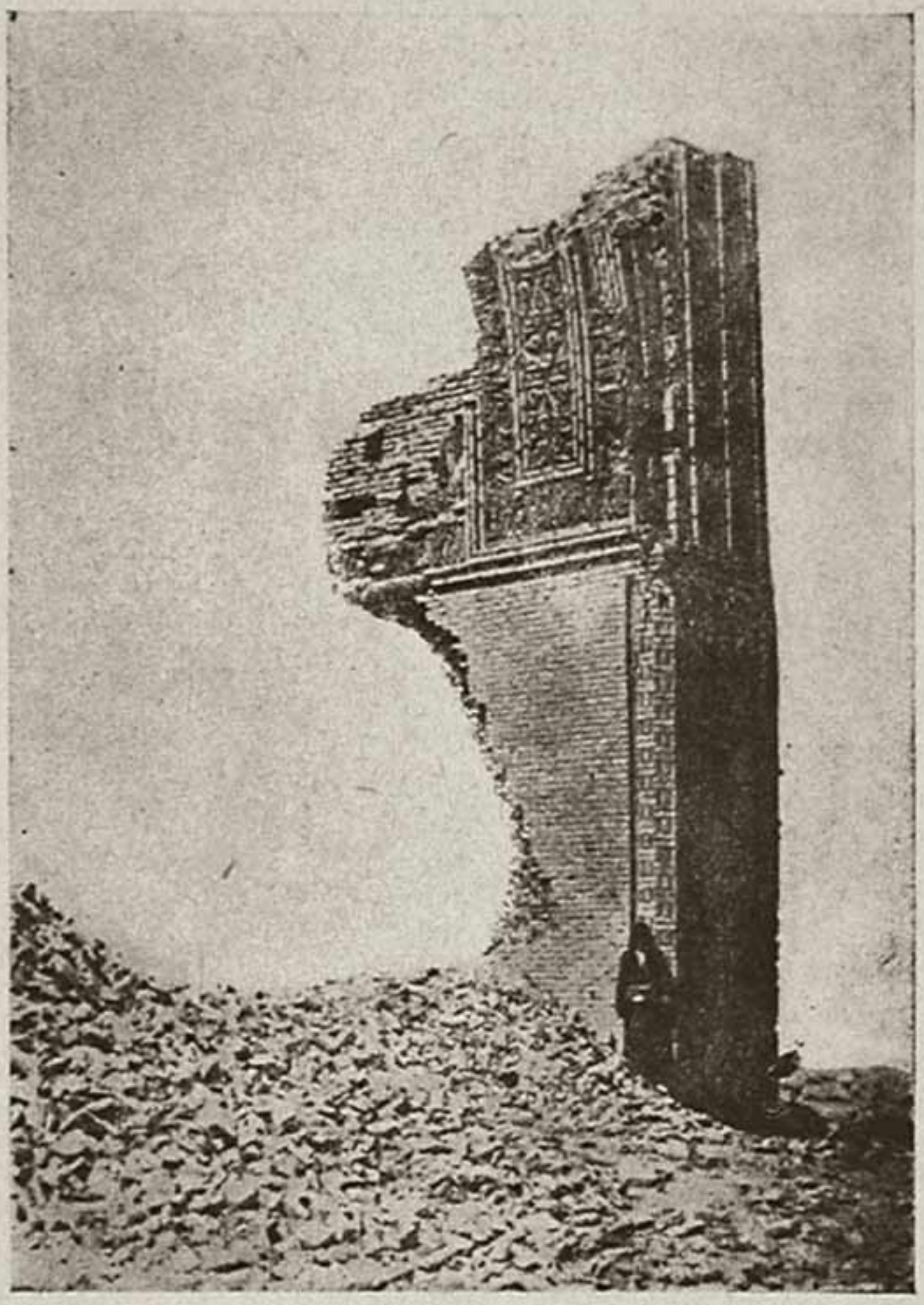


Рис. 24. Устой портала дворцового здания (фото Кастальского).

ло заключено панно горельефного растительного орнамента, напоминающего данданаканский стук, в обрамлении куфической надписи. Щипцовая стена заключала стрельчатые нишки и неширокий проход. Шетихин называет эти руины «развалинами дворцовых ворот» и указывает, что они «украшены выпуклыми арабесками, часть которых покрыта голубой эмалью»[58]).

Стилистически элементы убранства позволяют отнести памятник скорее всего к XII столетию. Судя по местоположению, не исключена возможность, что это действительно остатки дворцового сооружения. Известно, что такие канонические архитектурные формы в монументальных постройках азиатского Востока, как портальный вход

(пештак) мало чем отличались в зданиях культового и светского характера.

На территории рабада, близ южной стены городища, неподалеку от ворот, у длинной прямой улицы, направление которой ясно прослеживается, благодаря рельефу оплывших или разрушенных стен некогда к ней прилежавших зданий, находятся руины сооружения, планировка которого ясно указывает на его назначение. Это городской рабат, постоялый двор для приезжего люда, главным образом купцов, судя по местоположению, очевидно, один из наиболее значительных караван-сараев города. Материал стен—сырец; все здание, для гарантии от разрушительного действия почвенных солей, стоит на цоколе из жженого кирпича. Тем не менее, именно из-за засолонения глины он сильно разрушен, как и подавляющее большинство сырцовых построек Месториана. Однако, план его читается достаточно четко по отдельным сохранившимся участкам или оплывам стен.

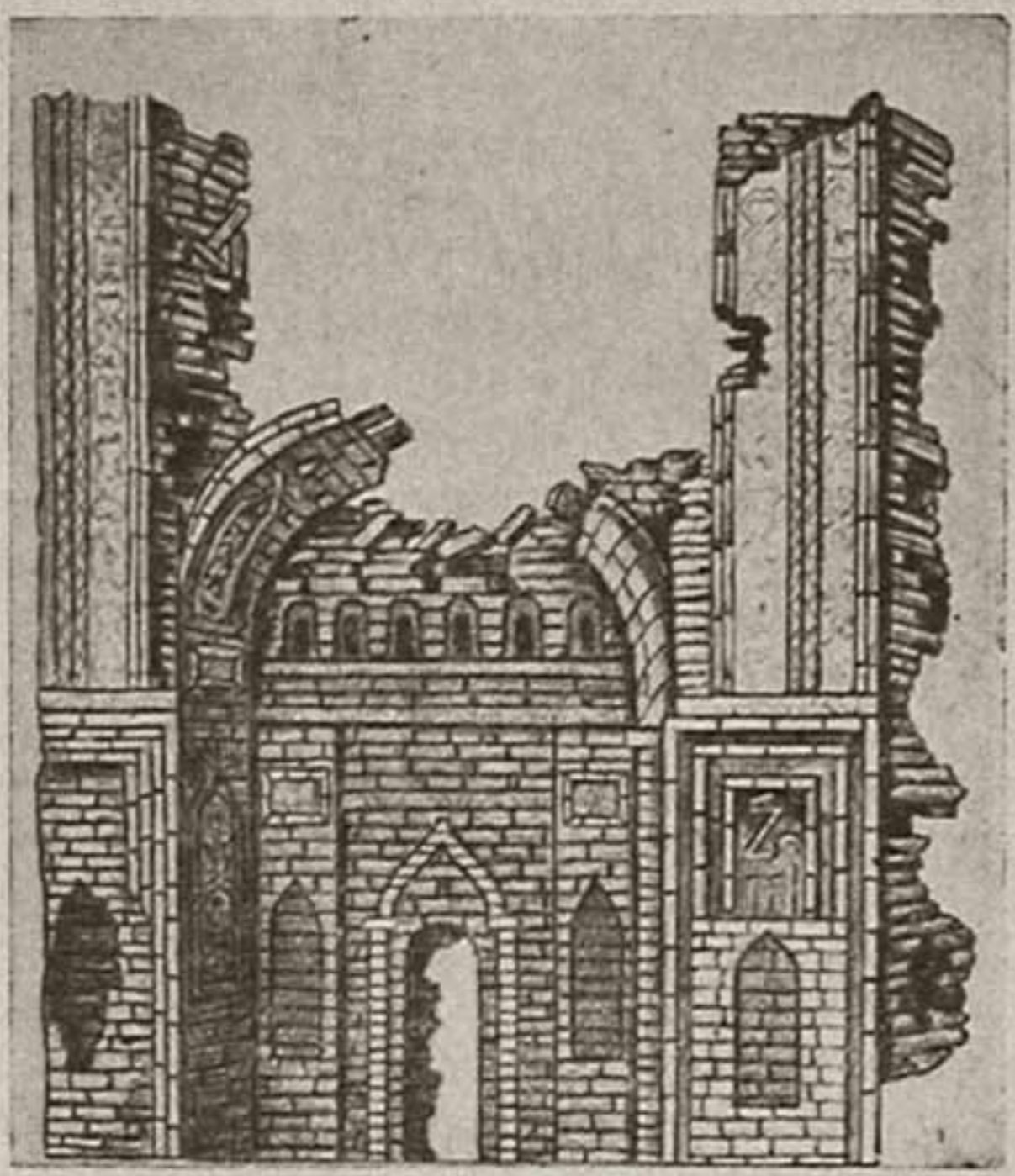


Рис. 25. Развалины дворцовых ворот. Рисунок Шетихина 1876 г.

Рабат состоит из двух частей. Въезд осуществлялся с главной улицы через боковые ворота, в обширный двор для вьючного скота (52×56 м). Сооружение гостиницы — почти квадратно в плане (37×36 м), обнесено глухими стенами, фланкированными угловыми башнями и парой промежуточных каждая. Ориентация север-юг; вход расположен посередине южной стены. Узкий проход ведет в квадратный двор (11,40×11,40 м), к которому примыкают помещения общего пользования и жилые худжры. Судя по остаткам некоторых торцовых стен, они были обращены во двор арочными нишками или айванами (на деревянных колонках), которые давали в летнее время хорошую тень.

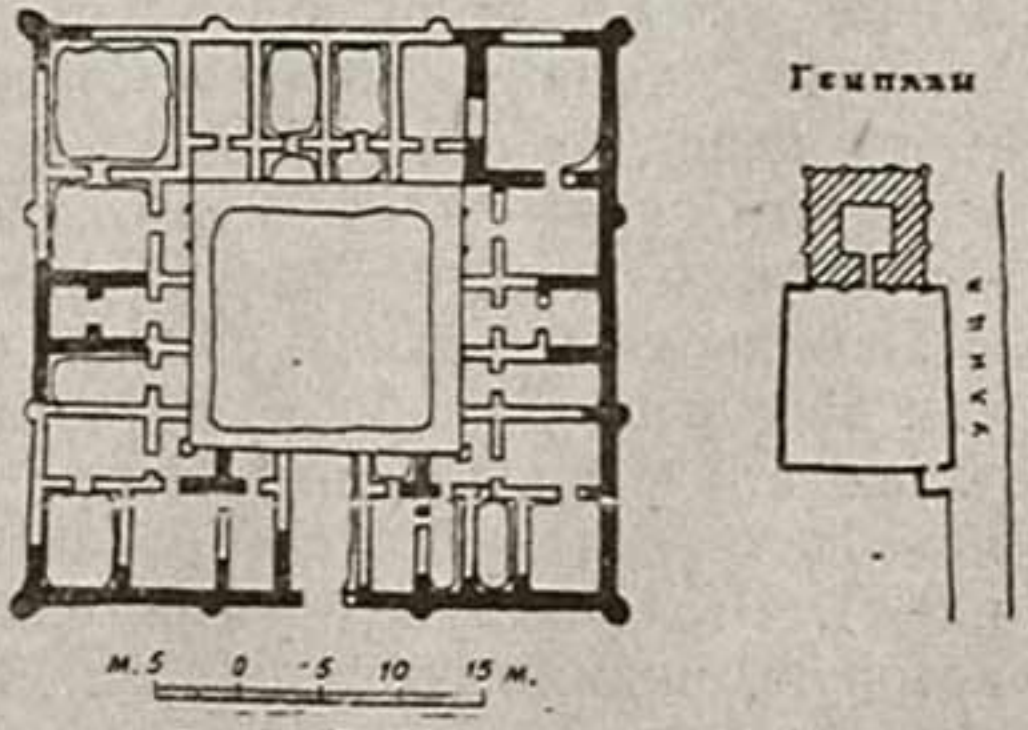


Рис. 26. Месториан. Рабат.

Помещения внутри были оштукатурены светлосерым алебастром,

В наружных стенах оконных проемов нет; они по традиции были, очевидно, обращены во двор.

Судя по археологическим материалам, здание функционировало еще в XIV в., хотя время его возведения может быть отнесено на два-три столетия назад.

Здание рабата дает традиционную схему этого рода сооружений, с их характерной замкнутой дворовой композицией плана и крепостным характером оформленных башнями стен. Планировка известных древних караван-сараев имеет несколько различных вариантов. Рабат Дахистана планировочно отличен от сохранившихся поздних рабатов Хорасана, например, рабата XVI—XVII вв. в Джарджаме или караван-сарая Шах-Аббаса в Сенхасе[59]). Ближе всего он по общему решению плана к караван-сараю в Пассенгане, но особенно — рабату Зафарани между Нишапуром и Серахсом[60]).

Рабат Дахистана представляет значительный интерес, как рядовой городской караван-сарай — один из немногих, сохранившихся до настоящего времени в Средней Азии от средневековой поры.

Несколько южнее рабата высятся холмообразные остатки постройки, кирпич которой разбирался совсем недавно. В завале с трудом распознаются направления основных стен, общая схема плана пока еще не может быть восстановлена. Сооружение сложено из кирпича, размером 20—21 см в стороне на 3—3,5 см толщины. Оно квадратно в плане (13,35×13,35 м), имеет четыре входа на осях и заключает главное помещение в виде креста, ветви которого, видимо, были перекрыты сводом (пролет 2,85 м), а квадрат пересечения — куполом. Угловые отсеки заполняли перекрытые сводиками комнатки-худжры; в одном из них заключен коленчатый проход к винтовой лестнице, ведшей во второй этаж. Фасады местами оформлены профилированными кирпичами тягами, углы основного квадрата имеют небольшой срез. Внутренние помещения оштукатурены белым алебастром, на котором местами прослеживаются остатки синей росписи.

На плане 1897 г. эта руина обозначена как «мечеть». Ничего, указывающего на ее принадлежность к культовой архитектуре, нет. Характер планировки, отсутствие обширного помещения для молящихся с выраженной нишей михраба исключает толкование здания как мечети. Кстати сказать, какая-то мечеть располагалась метрах в 500 к востоку, поскольку на том же плане здесь отмечены остатки минарета. Для мавзолея в нашей постройке не оправдано ни наличие четырех входов, ни значительное число двухъярусных комнаток. Может быть это была ханака — странноприемный дом для дервишей. Но скорее всего перед нами здание гражданской архитектуры — небольшой «иморат», пригородный дом зажиточного владельца. Планировка его вызывает в памяти один из тимуридских дворцов Герата, Тараб-хану («Павильон веселья»). Захиреддин Бабур, характеризуя Тараб-хану как небольшое, изящное двухэтажное здание, отмечает, что в четырех углах его расположены четыре худжры, причем промежутки между ними и середина здания образуют пространственно единое помещение[61]). Это описание удивительно близко к дахистанской постройке, которую, видимо, есть все основания трактовать именно как гражданское здание. Такого рода небольшие кирпичные имораты, отделанные

изразцами, хорошо известны по миниатюрам XV столетия[62]). Датировка месторианского здания может быть отнесена еще в XI—XII вв. На это намекают размер кирпича, характер настенной росписи, подобной росписям мечети Шир-Кабира. Кроме того, для последних веков существования города (XIII—XIV вв.) можно было бы ожидать применения поливных изразцовых облицовок; однако никаких признаков этих последних среди развалин сооружения не найдено.

Здание расположено, как сказано, на одной из главных магистралей пригорода Дахистана, где участки ценились, вероятно, довольно высоко, и могло принадлежать какому-то состоятельному горожанину, может быть владельцу лежащего рядом на «бойком месте» близ городских ворот рабата.

Будущие раскопки на городище Месториан — в пределах обнесенного стеною шахристана и обширного пригорода-рабада выявят, несомненно, немало планов архитектурных сооружений и разнообразных архитектурных деталей, которые помогут четче уловить специфику местного зодчества с одной стороны, его стилистические связи — с другой. И сейчас на поверхности городища встречаются то многочисленные X-образные и Z-образные кирпичные «бантики» XI—XII вв., то поливные изразцовые плитки в форме восьмиконечных звезд и крестовидных фигур, столь типичные для XIII—XIV столетий, то фрагменты богатого резного стука. Отметим, что подобные же архитектурные детали были зарегистрированы X отрядом ЮТАКЭ при обследовании двух крупных средневековых городищ, лежащих на расстоянии 30—40 км от Месториана — Мадау и Илянлы, сохранивших остатки многочисленных кирпичных построек. Но даже знакомство с ограниченным числом наземных памятников монументального зодчества Месториана и Машада показывает, что архитектура Дахистана, как крупного историко-культурного района с богатым прошлым, несомненно имела свой характерный облик, свои особенности, свой стиль.

Ферава

В 25 км от г. Кизыл-Арвата, близ современного маленького аула Парау лежат остатки укрепленного средневекового города Феравы, который в «Худуд-ал-Алем» (X в.) характеризуется как «рабат на границе Хорасана и Дахистана, лежащий на краю пустыни и являющийся пограничной крепостью против гузов»[63]). Обследование его было проведено X отрядом 18.X.47 г. Здесь на старом кладбище, где туркмены и поныне хоронят своих покойников, высятся руины нескольких кирпичных мавзолеев. Кладбище раскинулось на окраинной части городища, которую в раннем средневековье (IX—X вв.) занимали ремесленные кварталы гончаров, металлургов и др., но которая, судя по археологическому материалу, к XII в. уже не была обжита. С этого времени она очевидно была отведена для погребений; тогда же могли возникнуть и первые мазары. Приводим описание двух из более или менее сохранившихся здесь мавзолеев[64]).

Мавзолей Парау-ата построен на каменном цоколе. Материал стен и перекрытий — жженый кирпич различных размеров (преобладают — 19×19×3 см, 24×24×5 см). Кирпич явно заимствован из каких-то более древних, разрушенных построек: в кладках встречаются, напри-

мер, лекальные кирпичи специальной формовки. Раствор глиняный, в нем в большом количестве замешаны черепки IX—X вв. Здание квадратно в плане (наружный размер 7,65×7,65 м), вход ориентирован на запад, подчеркнут нишей сводчатого айвана (ныне почти разрушенного). Купол основан на нишевых парусах в форме сомкнутых сводов, выложенных в углах «отрезками» (в приеме конического тромпа), а в остальной части — клинчатой кладкой. Объемная композиция памятника очень монументальна и компактна: массив квадратного основания несет восьмерик, соответствующий поясу парусов, на котором покоится сфероконический купол. Общий силуэт здания напоминает некоторые мавзолеи XI—XII вв. Хорасана — в Джарджаме, в Пиристире, в Сенгбесте[65]). Впрочем, это сходство еще не решает окончательно вопроса о датировке мавзолея Парау-ата, так как традиционный архитектурный тип мог пережить столетия; определить это смогут лишь археологические вскрытия.

Рис. 27. Парау. Мавзолей Парау-ата.

Второй (безыменный) мавзолей Феравы расположен западнее Парау-ата. Он возведен из разносортного кирпича, по плану и конструкции парусов повторяет первый, но несколько отличен своей объемной композицией. Здесь доминирует вытянутый ульеобразный купол и сильно выдвинутый вперед сводчатый айван. Судя по начертанию кривых, имеющих полуциркульную, а не стрельчатую форму, по разносортности кирпича, по примитивности кладки, памятник этот недавнего происхождения — может быть прошлого столетия.

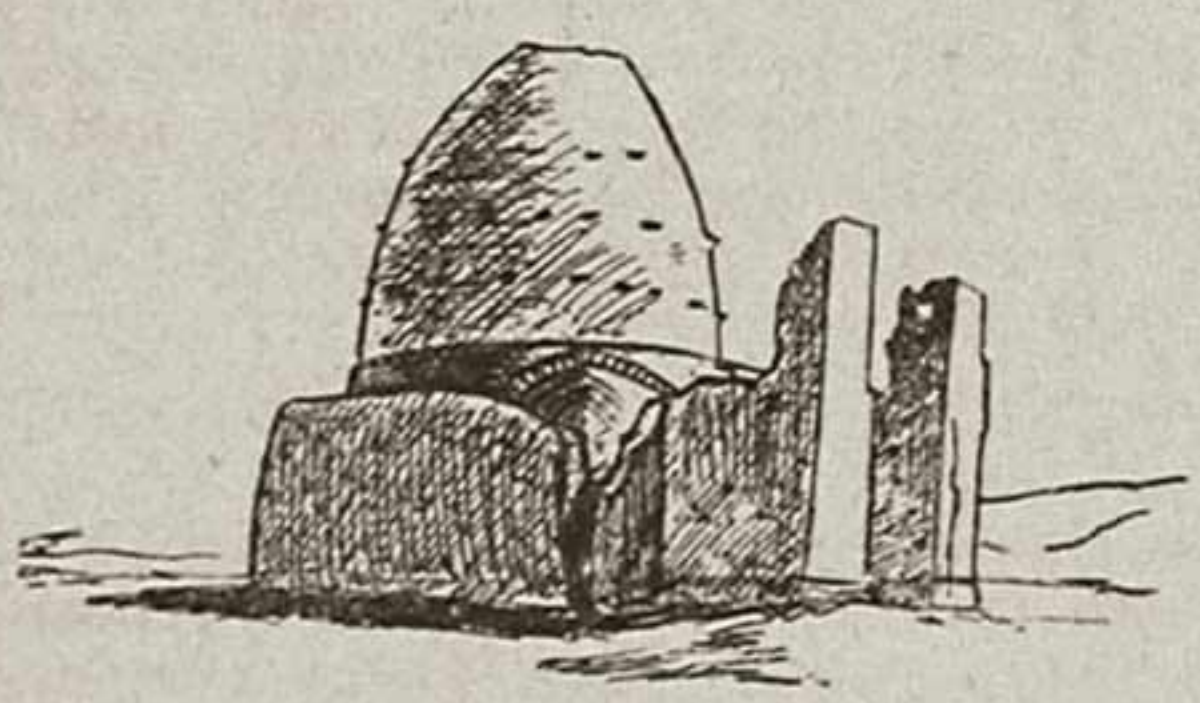


Рис. 28. Парау. Мавзолей на кладбище.

С точки зрения архитектурного типа мавзолеи эти занимают как бы промежуточное положение между купольными усыпальницами Хорасана (объемное решение собственно-мавзолея) и Дахистана (сильно выдвинутый айван), в чем, очевидно, нашло отражение особое историко-географическое положение укрепления Феравы, стоявшего на границе двух областей, которое отмечается еще средневековыми восточными авторами.

Абиверд

Немногочисленные архитектурные памятники Каахкинского района, лежащие на городищах Пештаг и Чугундор-баба, были обследованы в 1927 г. участниками Хаверанской экспедиции, а описания и некоторые иллюстрации к ним включены в опубликованный в 1931 г. 1-й выпуск

Трудов этой экспедиции[66]). Материал этот можно дополнить некоторыми наблюдениями историко-архитектурного порядка.

Руины портала в Пештаге — городище древнего Абиверда, получившем по ним свое наименование, в настоящее время (как и в 1927 г.) представлены единственным СЗ устоем. Противоположный устой полностью разобран, на месте его — глубокая рытвина. Рельеф прилежащей территории нарушен настолько, что восстановить по нему — как, например, для дахистанской мечети, планировку здания невозможно.

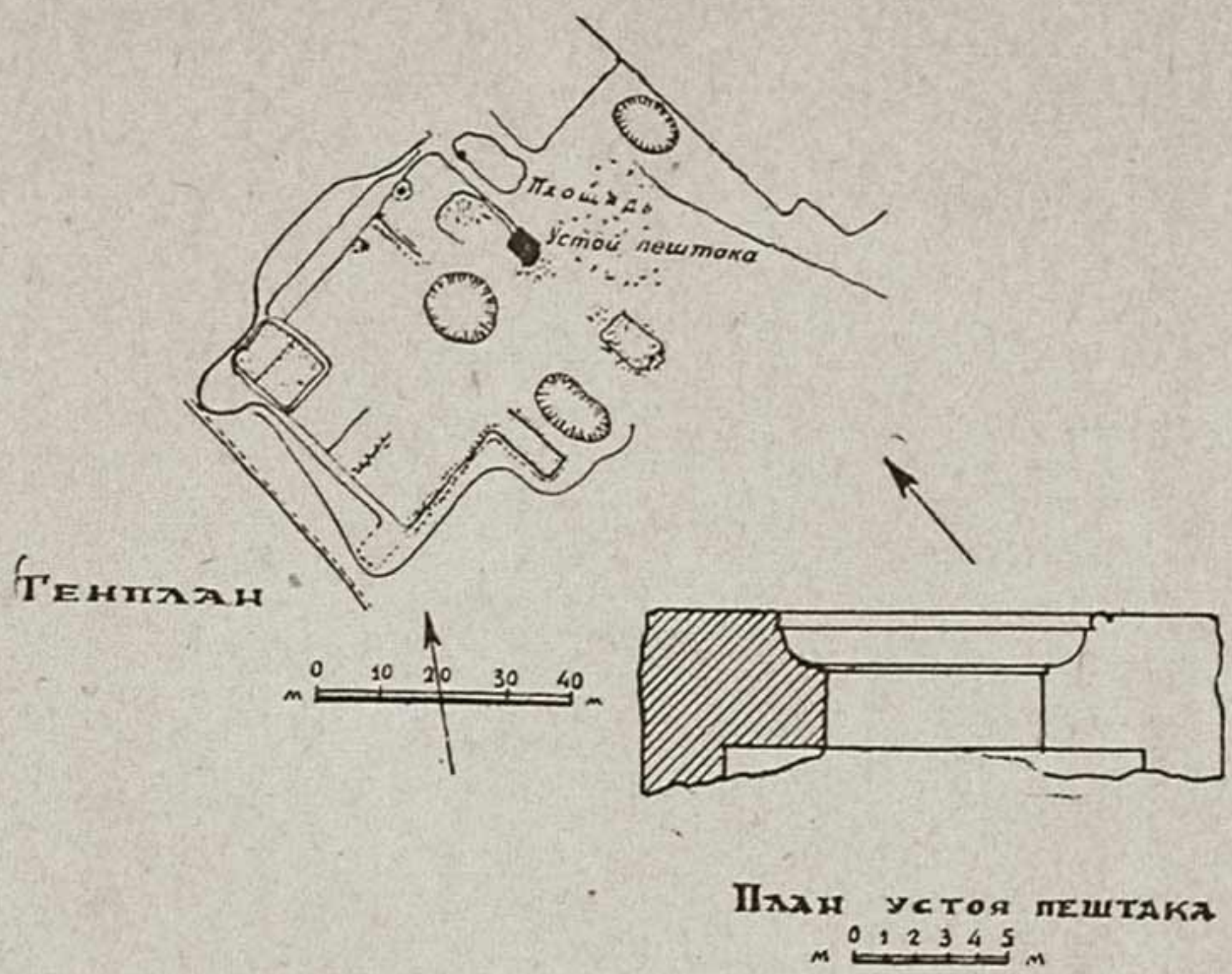


Рис. 29. Абиверд. Руины Пештака.

Единственно несомненным является наличие перед порталом маленькой площади, а может быть двора. Судя по ориентации главной оси (СВ—ЮЗ), здание могло быть скорее всего мечетью, так как входной портал и, соответственно, противолежащая ему стена, где должен был размещаться михраб, обращены в сторону кыблы. Здание было, видимо, возведено по распоряжению какого-то видного правителя, о чем говорят остатки надписи, содержащей типичную царскую титулатуру: «...великий султан, царь царей...»[67]).

Материал постройки — жженый кирпич (22,5×22,5×4,5—5 см), положенный на чистом алебастровом растворе. Характерно наличие значительного числа заделанных в кладку деревянных связей. В верхней половине устоя сохранилась винтовая лестница. Пролет портала около 10 м; арка, открывавшаяся в главное купольное помещение мечети, имела размер до 7 м.

Портал оформляла богатая облицовка, выполненная а) притертым по внешней плоскости строительным кирпичем; б) вытесанными кирпичиками, из которых набраны элементы геометрического орнамента и

надписей, или особо выпиленными фигурными кусочками растительного узора, приморожеными на алебастре так, что орнамент рисуется глу-

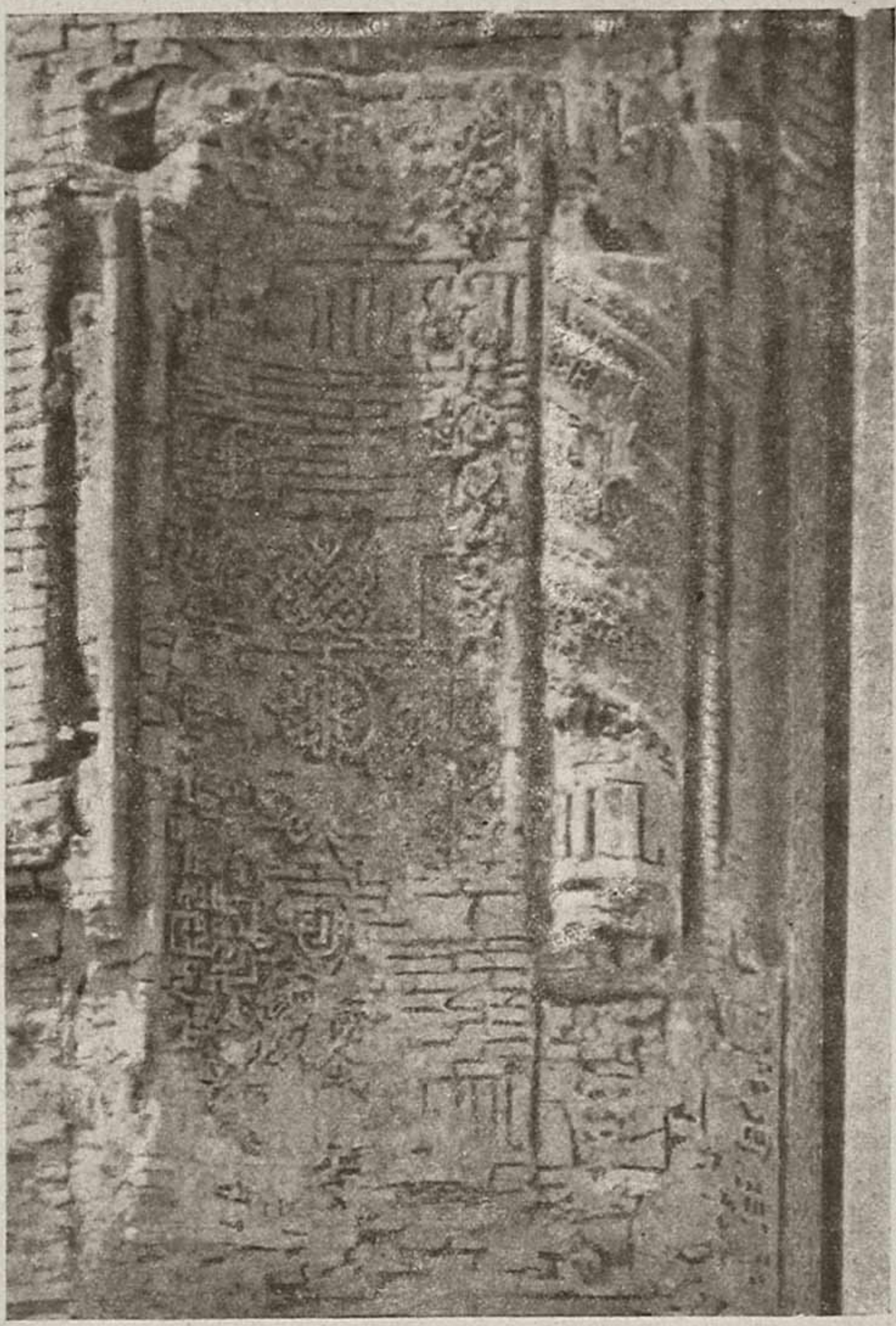


Рис. 30. Абиверд. Деталь Пештака.

боким рельефом; здесь отмечается также введение плиточек голубой глазури; в) резным стуком — в облицовке щек, щипцовой стены, софита портальной арки.

Пештак имеет округленные в плане внутренние углы — может быть указание на перекрытие портальной ниши не сводом, но конховым полукуполом. В углах устоев выступает на $^3/_4$ округлый ствол (черная кладка его выполнена чередованием горизонтально и вертикально положенного кирпича; характерно введение в него деревянных связей), спиралевидная орнаментация которого дает основание предполагать здесь не колонку, несущую арочный архивольт, но оконтуривающий арку непрерывный жгут («мор-печ»). Орнаментация лицевой плоскости устоя распределена широкими и узкими полосами, оконтуривавшими арку, начиная от линии цоколя, в виде параллельных рам. Общая архитектоника пештака, как видим, радикально отлична от дахистанских порталов. Иным является и характер его декора, исключительно богатого по разнообразию и сложности орнамента. Обширная выкружка входящих углов украшена замысловатыми плетенками на фоне богатого спиралевидного растительного узора. Угловой жгут заключает отрезки спиральных лент, между которыми заключено несколько вариантов измельченной геометрической арабески. Основную плоскость устоя заполняет чередование широких и узких полос, заключающих разнообразные, с трудом поддающиеся расшифровке геометрические гирихи и надпись, выполненную цветущей куфой, с буквами, перерастающими через геометрические плетенки в растительные завершения. По замечанию А. А. Семенова, почерк этой надписи близок к надписи башни Султана Масуда III близ Газны (1114 г.); характер сильно измельченной геометрической орнаментации также несколько напоминает этот памятник[68]). Вместе с тем, как известно, чрезвычайная разработанность геометрических орнаментальных систем (гирихов) приобретает наибольший размах в архитектуре XII столетия. Явление это широко отмечается на азиатском Востоке — от Мавераннахра до Азербайджана (ср., например, дворец правителей в Термезе XII в., или мавзолей Атабека в Нахичевани 1186 г.). За XII в. говорит и наличие голубых глазурованных вставок, которые вводятся в орнаментацию с первой половины XII столетия. Уточнение датировки дает начертанный на портале царский титул «...ас-султан ал-азам шахиншах...», который, по указанию М. Е. Массона, встречается на сельджукских монетах первой половины XII столетия.

Прямых параллелей абивердский пештак не имеет. Это высокохудожественное произведение той северно-хорасанской архитектуры, памятники которой, видимо, составляли самостоятельный круг зодчества, создавшего произведения весьма оригинального стиля.

Мавзолей Сандуклы-Аулия («сундучного святого»), стоящий в южной части пригорода Абиверда, на окраине туркменского города, выросшего здесь в XVIII столетии, представляет известный интерес, как памятник поздней культовой архитектуры Туркменистана, сохранивший какие-то старые строительные традиции. Внутри находится надгробие черного камня, с нанесенной на нем великолепной трехпланной резьбой растительного и эпиграфического содержания; по стилю почерка надгробие может быть отнесено к XV в., хотя на месте сбитой старой эпитафии и нанесена другая, с датой 1518 г.[69]). Что касается самого здания, то архитектура его значительно моложе. Это массивное сырцовое сооружение, квадратное в плане, с шатровым куполом, уступами суживающимися кверху. Следует отметить употребление в области

Абиверда шатровой композиции мавзолеев — в виде конуса или пирамиды. Таков, например, безыменный сырцовый мазар олиз станции Каушут в виде пирамидальной уступчатой постройки. Эти поздние мазары Туркменистана, несмотря на известную элементарность их архитектурного решения и отсутствие украшений, заслуживают специаль-

Рис. 31. Мавзолей Сандуклы-Аулия.

ного изучения, поскольку в них наблюдается с одной стороны сохранение старых местных традиций, с другой — наличие какого-то этнографического своеобразия, связанного со строительными приемами и художественными вкусами полуоседлых туркменских племен, населявших эти районы.

Мазар Чугундор-баба на городище Чугундор был в свое время весьма детально описан[70]). Следует отметить, что к настоящему времени он разрушен более чем наполовину в сравнении с 1927 г., когда состояние его было довольно удовлетворительным: полностью утрачен портал, разобрана СВ стена и более половины купола, ободрана кирпичная облицовочная рубашка остальных стен. Если бы не выполненные в свое время при работах Хаверанской Экспедиции описания и фотографии и составленные архитектором С. Скляревским чертежи, не представлялось бы возможным получить правильное суждение об архитектуре этого памятника.

Мавзолей кирпичный (22 × 22 × 4,5 см), квадратен в плане (наружный размер 9,20 × 9,20 м), имел глубокий сводчатый айван, обращенный на СВ. Перекрыт плоско-сферическим, с легким заострением к шелыге куполом, основанным на восьмигранике нишевых парусов, выложенных в виде сомкнутого свода; переход к куполу смягчен в углах восьмигранника небольшими нишками. Купол снаружи облекала шатровая (пирамидальная) скуфья. Пропорции основного объема массивны; примыкавший к нему айван по высоте достигал основания шатра. Снаружи здание было гладко облицовано тем же строительным кирпичом. Зато айван был орнаментально обработан следующим образом: облицовочная рубашка стен была выполнена спаренными кирпичами, разделенными особыми фигурными кирпичиками — «бантиками», наподобие восьмерки с отходящими от кружков

развилками (такие кирпичики можно указать, например, в кладках минарета Калян 1127 г. в Бухаре[71]). В обрамлении архивольтов нишек, попарно оформлявших щековые стенки свода айвана также употреблены фигурные кирпичики особой «лирообразной» формы. Арки оконтурены полосами геометрического орнамента, выложенного из плиток резной

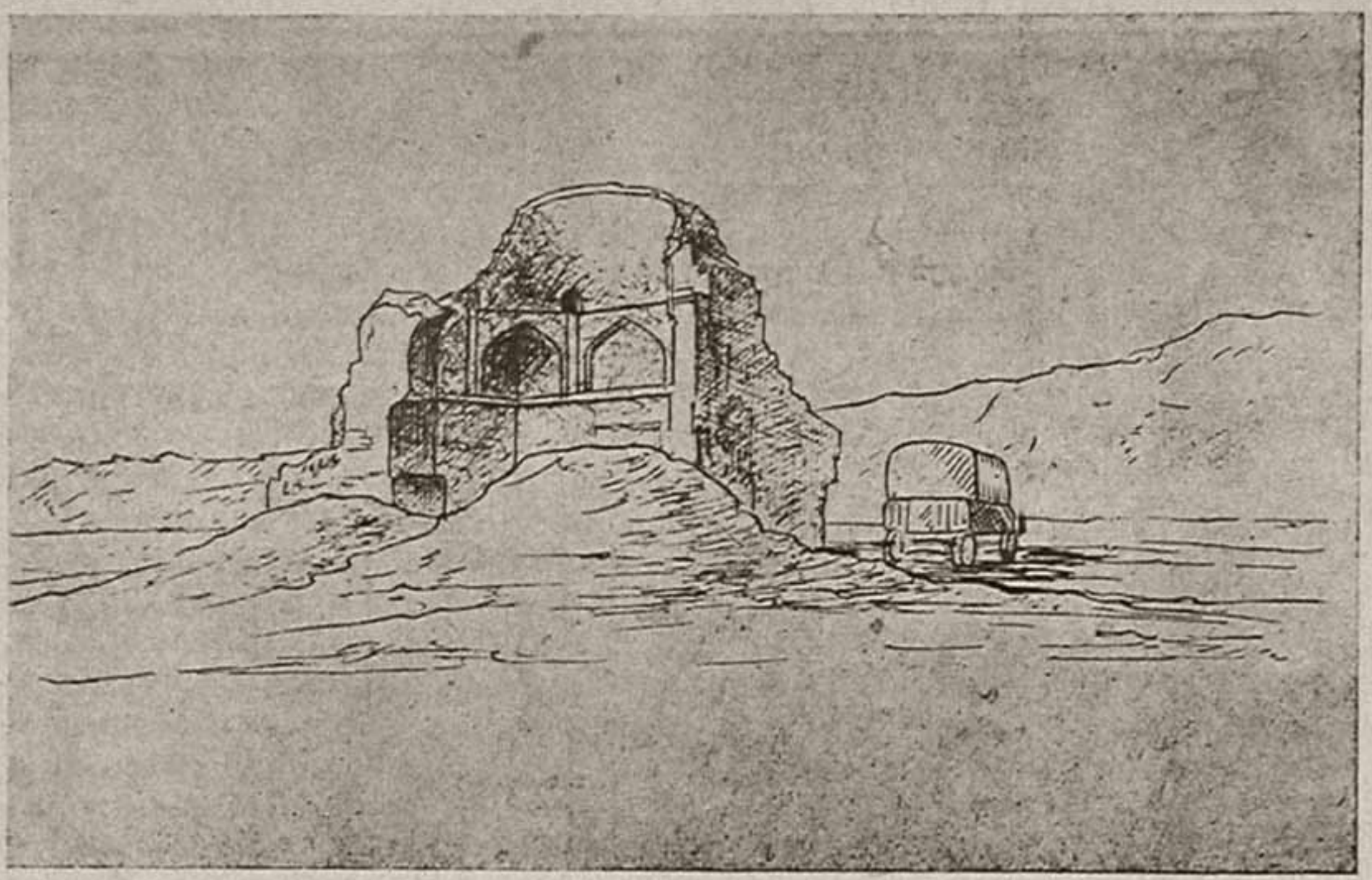


Рис. 32. Мавзолей Чугундор-баба.

терракоты и образующих мотив плетенки из крестовидных фигур. Фрагменты тех же облицовок прослеживаются по фото и на щипцовой стене; можно полагать, что аналогичная по стилю разделка украшала и фасад айвана.

Здание подвергалось позднейшим штукатуркам и реставрациям. В интерьере заслуживает специального внимания роспись синим по белому. Стены расчленены на прямоугольные панно с винъетками в углах, с круглыми медальонами в центре, окаймленными эпиграфическим или отвлеченным орнаментом. На нижнем слое штукатурки сохранились надписи паломников с датами середины и конца XIII в. Время же возведения самого мавзолея можно, видимо, отнести еще к XI—началу XII[72]). За это говорит общий стиль архитектурного декора, тип терракотовых плиток, кладки из спаренных кирпичей, чередующихся с «бантиками», выразительность кирпичной фактуры, характеризующей архитектурный декор этого времени. Декоративные элементы уводят этот памятник в круг восточно-хорасанской и мавераннахрской архитектуры (Мерв, Термез, Бухара). Архитектурно же мавзолей Чугундор-баба развивает ту тему массивной купольной усыпальницы с сильно развитым айваном, которая отмечена нами для более северных районов — Феравы и Дахистана.

Серахс

Обследование архитектурных памятников Серахса протекало в связи с работами XI маршрутного отряда ЮТАКЭ. Изучению было подвергнуто два мавзолея — Серахс-баба и Ярты-гумбез, по которым были составлены обмеры планов, зарисовки конструктивных деталей и описания.

Мавзолей Серахс-баба стоит метрах в 500 от крепости старого Серахса, на территории «внутреннего города». Сооружение выстроено из жженого кирпича размером 23×23×4—4,5 см. Фактура этого материала подчеркнута снаружи самим характером кладки стен — чередованием горизонтальных спаренных кирпичей и вертикально поставленных кирпичиков.

В основе плана первоначально был квадрат размером 15,40 × 15,40 м по внешнему контуру и 10,20 × 10,20 м по внутреннему. Вход ориентирован на восток; в интерьере на главных осях лежат арочные ниши; в восточной стене, по обе стороны от входа, расположены две винтовых лестницы, ныне наполовину замурованных, ведших наверх, на крышу, и или может быть к располагавшейся здесь обводной галлерее. Посреди мавзолея высится монументальное, явно подвергавшееся неоднократным переделкам, надгробие (размер 4,30 × 1,67 м); второе, меньших размеров, находится в ЮВ углу.

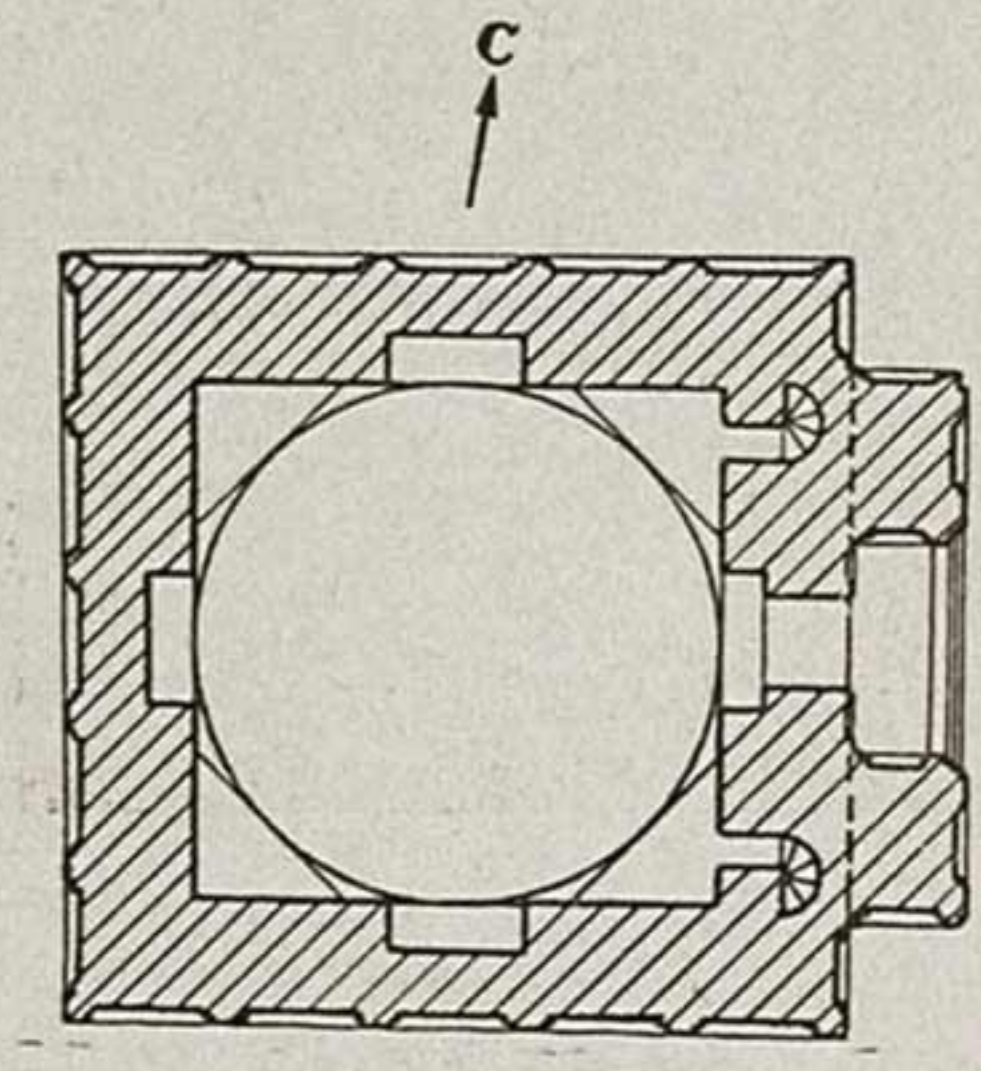


Рис. 33. Мавзолей Серахс-баба. План.

К главному (восточному) фасаду памятника пристроен портал. Как показывают остатки алебастровой надписи, расшифрованной М. Е. Массоном, реставрация эта имела место в 820 г. х. (1417/18 г.).

Пропорции основного объема, даже если мысленно восстановить ныне обрушенные верхи стен, довольно тяжеловесны. Фасады расчленены пятью плоскими настенными арочками в прямоугольном обрамлении, причем средняя возвышена относительно остальных. Судя по незакрытым порталам XV в. частям стены, главный фасад своей архитектоникой первоначально ничем не отличался от остальных.

Купол массивный, сфероконический, с двойной оболочкой (может быть верхняя — также ремонтная), внутренний значительно положе внешнего. Последний высится на цилиндрическом барабане. Внутренний купол основан на системе арочных парусов, конструкция которых в настоящее время прослеживается снаружи, благодаря обрушению верха стен и первоначально маскировавшего паруса четверика. Это так называемые нишевые паруса; две перспективно сокращающихся несущих арки, выполненные в принципе клинчатой кладки, переброшены по стенам, причем в пространстве между ними, как это видно снаружи, заключено по две пересекающихся разгрузочных арочки, выведенные плашмя положенным кирпичом («отрезками»). Последние осуществляли переход от восьмигранника парусов к двенадцатиграннику, на котором

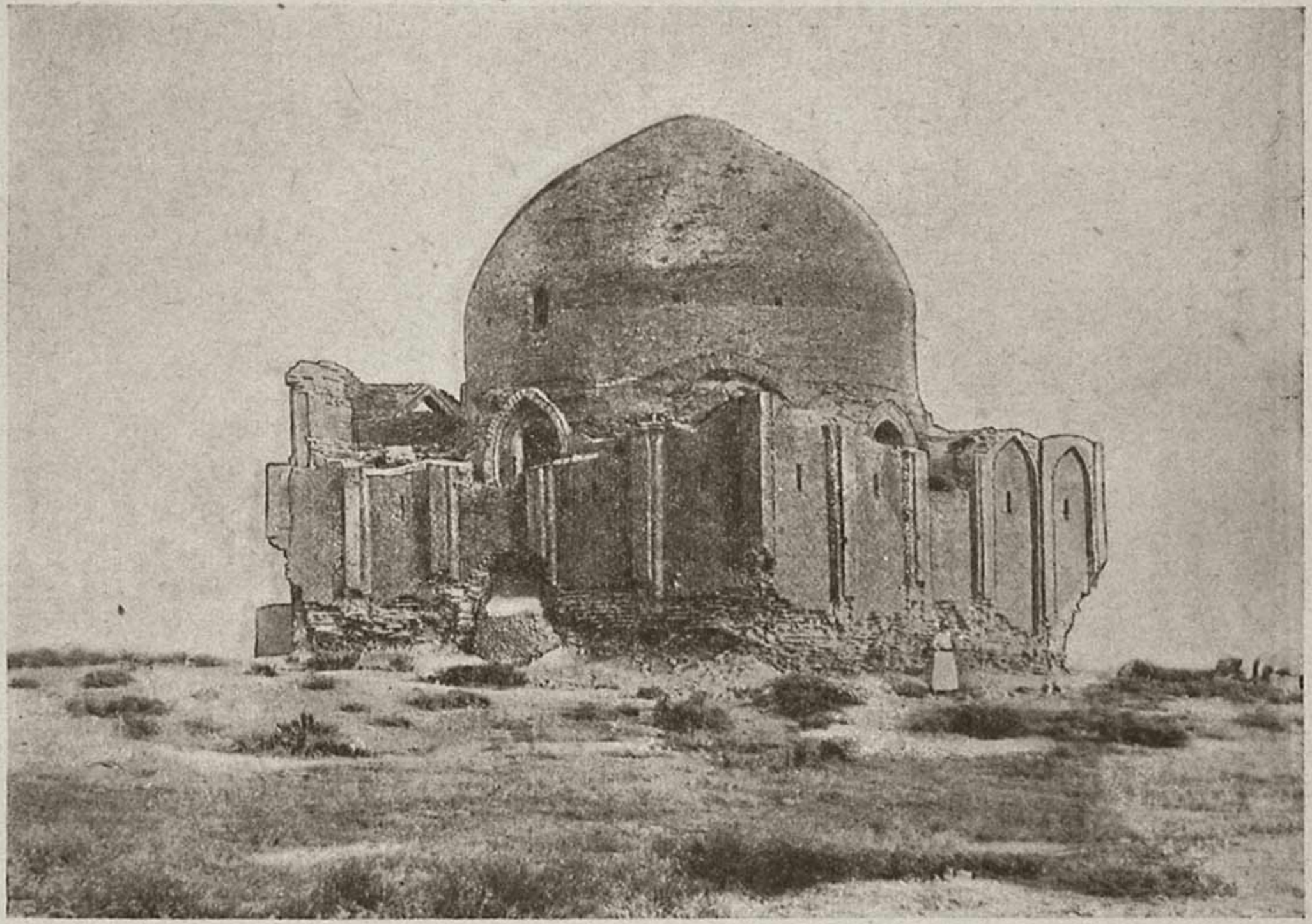


Рис. 34. Мавзолей Серахс-баба.

основан был цилиндрический барабан. Сложение систем пересекающихся арок и грунтовых конструкций, получивших наиболее полное выражение уже в зодчестве тимуридской эпохи, отмечается еще в строительстве XI—XII вв., примеры чему дают Масджиди-Джума в Ардистане (1080 г.), мавзолей Султана Санджара в Старом Мерве[73]) и др.

Оформление памятника очень скромно. В основе его, как сказано, лежит расчленение фасадных плоскостей арочками и фактура кирпичной кладки. В интерьере, видимо при реставрации, нанесена была алебастровая штукатурка, а углы парусов заполнены лепными сталактитами.

Портал XV в. оштукатурен ганчем, расчленен на удлиненные и квадратные панно, с арочками, содержащими орнаментацию, выполненную в приеме плоской резьбы. Последняя или имеет геометрический характер (система восьмиконечных звезд и пятиугольников) или подражает приему кирпичной кладки. Углы портальной ниши заполнены лепными сталактитами, на щековых и щипцовой стенах, выше входа, протянута лента надписи, выполненной сочной резьбой по алебастру, почерком сульс на фоне завитков растительного орнамента. Стиль этого эпиграфического фриза близок к ряду мозаичных надписей гератских и самаркандских памятников тимуридской эпохи.

Когда был возведен мавзолей? А. В. Комаров, основываясь на чтении какой-то несохранившейся надписи на надгробном камне, полагал, что здесь было место погребения одного из членов хулагуидской династии. В. А. Жуковский, базируясь на данных письменных источников и некоторых нарративных сведениях, считал его гробницей известного мистика XI в. — Абул-Фазла Серахского[74]). Действительно, ничто в стиле этого сооружения не указывает на XIII—XIV вв., но сдвигает датировку по крайней мере на два столетия назад. По свидетельству одной восточной рукописи, Абул-Фазл скончался в Серахсе в 414 г. х. (1023/24) и завещал друзьям похоронить его не на большом кладбище, а на холме. В самом деле, мавзолей расположен в границах черты средневекового города (обычно же крупные кладбища помещались за городской стеной); вокруг него сосредоточено сравнительно небольшое число могил.

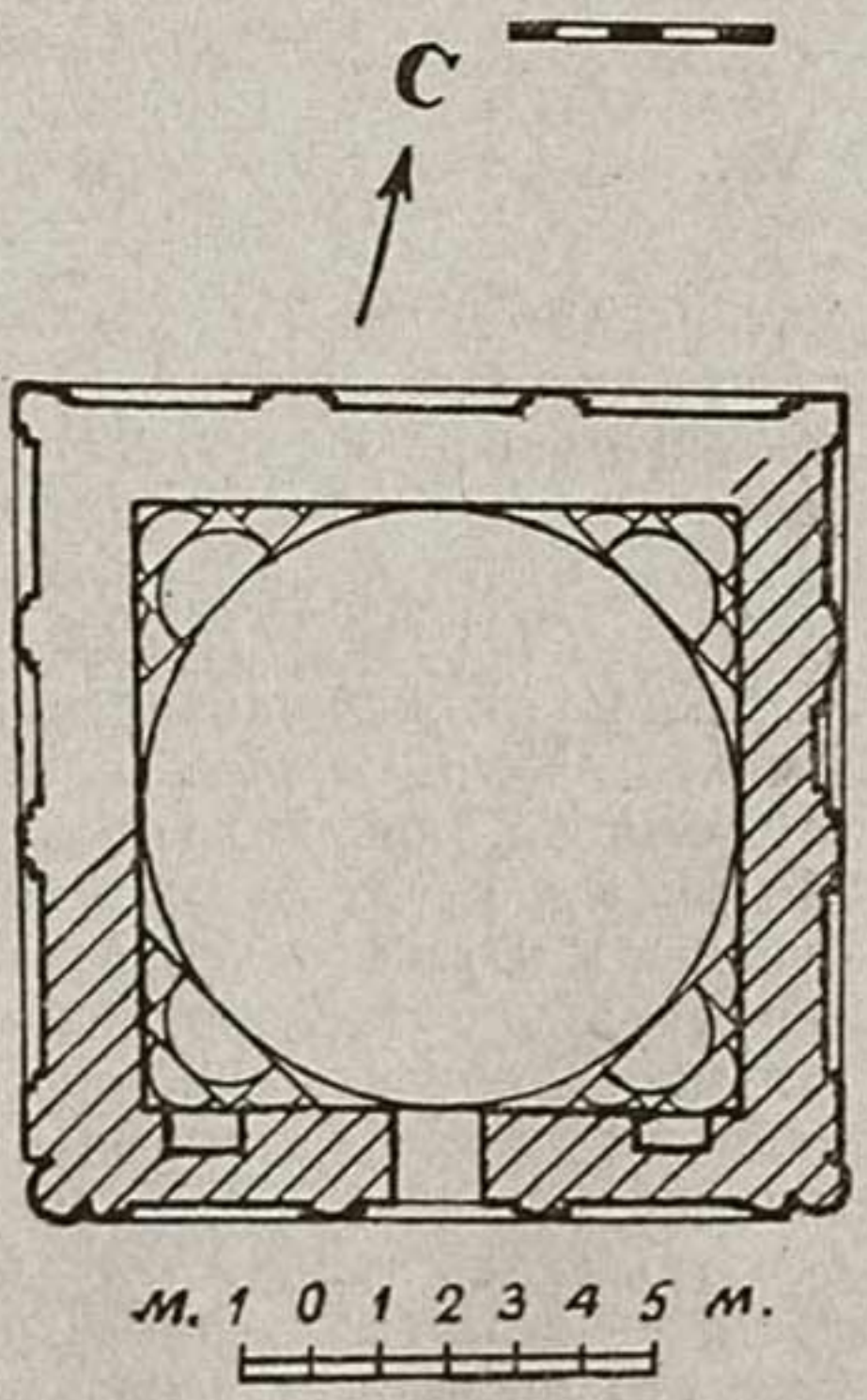
Есть все основания думать, что возведение мавзолея над погребением «серахского старца», пользовавшегося большим влиянием на своих современников и имевшего множество учеников и последователей, было осуществлено в первые же годы после его кончины, т. е. в 20-х годах XI в. Весьма показателен капитальный ремонт во втором десятилетии XV в. видимо пришедшего к этому времени в ветхость здания. Инициатором строительства был, возможно, Шахрух. Известно, что этот тимурид, отличавшийся большой набожностью, что нередко делало его игрушкой в руках духовенства, основную свою строительную деятельность сосредоточил именно на строительстве культовых зданий и ремонте различных «святых мест». Так, при нем, например, была произведена капитальная реставрация мечети в Верамине — городе, пришедшем к XV в., в силу ряда экономических и политических причин, в такой упадок, что никакие искусственные меры по поддержанию в нем местной святыни уже не могли, разумеется, вернуть его былого благосостояния.

Итак, перед нами здание начала XI в.,— периода, почти не сохранившего памятников среднеазиатской архитектуры до наших дней.

Мавзолей представляет собой постройку центрической композиции, с тяжеловесной призмой основного массива и цилиндрическим объемом барабана, увенчанного сфероконической скуфьей. Идею центричности подчеркивает и равнозначность всех фасадов и строго симметричное расчленение их, с выделением главных осей путем повышения центральной арки. Монументальности общего решения отвечает внешняя простота оформления, с подчеркнутой фактурной разделкой кирпичной кладки.

Развитие той же композиционной идеи предстанет с предельной выразительностью более чем столетие спустя в мавзолее Султана Санджара в Мерве (1157 г.), строителем которого, как установил М. Е. Массон, был мастер из Серахса.

Мавзолей Ярты-гумбез, зарегистрированный впервые экспедицией Туркменкультa в 1931 г., расположен примерно в 7—8 км к ЮЮВ от развалин городища на землях колхоза им. Ленина (бывшее с. Ярты-ходжа), вблизи большого тепе V—VII вв. Курьезным названием Ярты-гумбез, т. е. «полумавзолей», памятник обязан тому, что сохранил лишь половину своих стен (южную, восточную, небольшой участок западной). По убеждению местных жителей, отреставрировать рухнувшие стены невозможно, так как все попытки такого рода, якобы, кончались немедленным обрушением вновь воздвигнутых стен. Строительным материалом памятника служит жженый кирпич, несколько иного стандарта, чем кирпич мавзолея Серахс-баба: 23×23×4,5—5 см. Перекрытие сохранилось лишь в части ЮВ и ЮЗ парусов. Конструкция паруса очень своеобразна. Основная арка его, переброшенная под 45° по стенам, сложена отрезками (кирпич—плашмя.) Переход от прямого угла основного квадрата к плоскости восьмигранника осуществлен системой как бы трех сомкнутых полусводиков, увенчанных четвертым. Это — конструктивный прообраз тех заполняющих паруса сталактитовых систем, которые в архитектуре XIII—XIV вв. приобретают уже чисто декоративный характер. Аналогии к этой конструкции среди сохранившихся памятников дают паруса Дуазды-Имам в Иезде (1037 г.), Масджиди-джума в Ардистане (1055—58 гг.) и в Исфахане (1080 г.). [75] Таким образом, сложение и распространение этого рода конструкций падает на XI в.



Мавзолей Ярты-Гумбез близ Серахса. План.

Здание квадратно в плане, обращено входом на юг, но расположенное внутри надгробие ориентировано с запада на восток. Размеры квадрата снаружи 12×12 *м*, внутри 8,5×8,5 *м*. Оформление фасадов почти идентично, они расчленены тремя ароч-

ными нишками. Однако центричность сооружения по главному фасаду, наполовину закрытому в настоящее время глинобитными пристройками, нарушена введением угловых трехчетвертных колонок и, возможно, известным повышением его относительно остальных. Восточный фасад заключает посредине стрельчатую нишку михраба; не примыкал ли первоначально к мавзолею с этой стороны легкий айван открытой мечети?

Основным принципом выявления фактуры материала служит кладка из спаренных кирпичей, разделенных широким вертикальным швом. В кладке михрабной ниши восточного фасада между парными кирпичами — прокладки из вертикально поставленных полукирпичиков. Арки настенных нишек, с крутыми заплечиками, почти спрямляющиеся в верхней своей половине, сложены в приеме клинчатой кладки. Одна из настенных арок восточного фасада (слева от михраба) сохранила ниже уровня пят полосу куфической надписи, выложенной из отесанного кирпича.

Стены интерьера гладкие, кирпичные; в межарочных пространствах — кладка «в елку». Паруса оштукатурены ганчем, по которому нанесена резьба, имитирующая кладку из спаренных кирпичей, с вертикальными „бантиками". Интересно оформление верхнего сводика внутрипарусной конструкции семью алебастровыми фестонами, на остриях которых прорисованы трилистники. О развитии подобной фестончатой арки в зодчестве Средней Азии сказано выше, в связи с машалским михрабом. Особо отметим традиционность приема, имеющего в данном случае чисто декоративный характер, но сохраняющего такие элементы конструктивной основы, как трехгранные ребра, трактованные здесь наподобие трилистного орнамента.

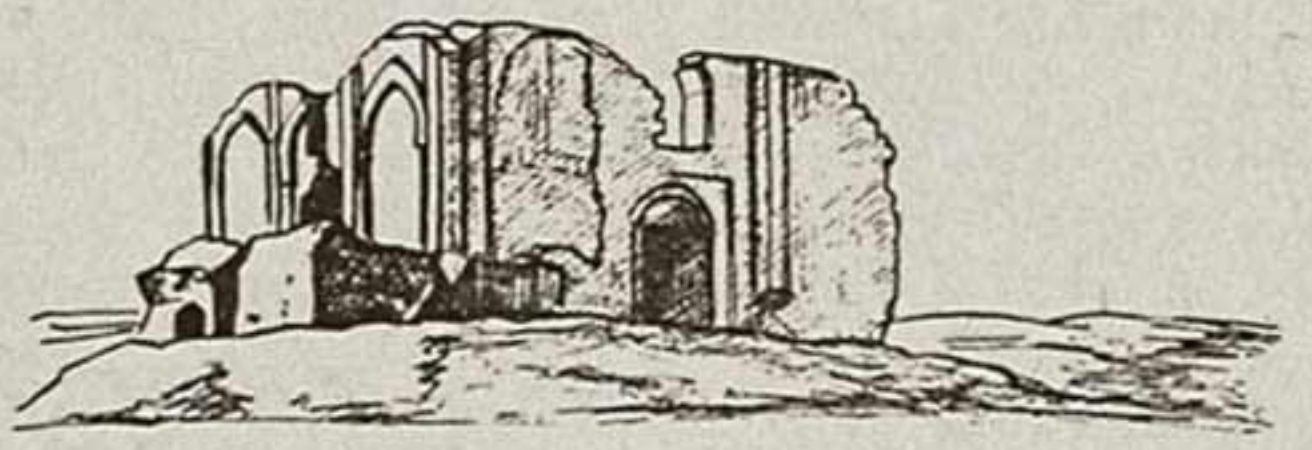


Рис. 36. Мавзолей Ярты-гумбез близ Серахса. Общий вид.

Время возведения памятника, которое С. А. Ершов относит к концу XII — началу XIII в.[76]) устанавливается благодаря прочитанной М. Е. Массоном надписи, содержащей дату 491 г. х. — 1098 г.[77]). Имя погребенного здесь лица неизвестно. Население считает им шейха Мухаммеда Ханапья, которому приписывается также и мавзолей в Мерве. Подобные факты, когда духовенство, с целью привлечения верующих к местам поклонения, приписывает усыпальницам, взамен утраченных в памяти народа подлинных названий, имена популярных мусульманских «святых», очень многочисленны. Для Туркмении в качестве примера, назовем, хотя бы, два памятника XII в. в Куня-Ургенче: мнимый мавзолей Фахреддина Рази (на самом деле похороненного в Герате) и так называемый мавзолей Шейха-Шерефа (в действительности — это усыпальница хорезмшаха Текеша), на обладание могилой которого претендует также население Нухура[78]).

Не является ли Ярты-гумбез могилой шейха Ахмеда ал-Хади, погребенного в Андукане, одном из селений Серахса, о которой упоминает в первой половине XII в. Самани[79]).? Автор этот, сам хорасанец, разу-

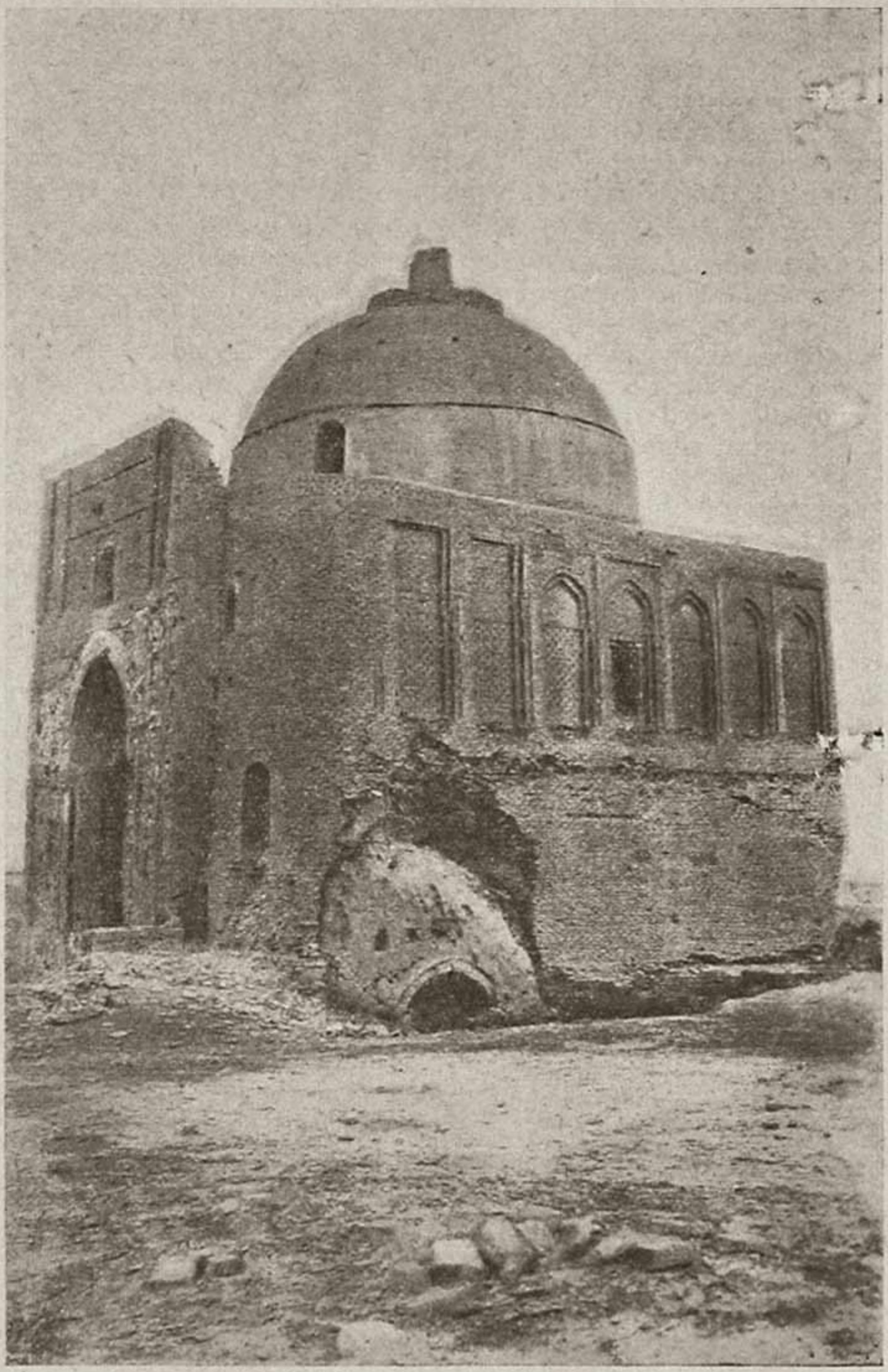


Рис. 37. Мавзолей шейха Аму-Саида Мехнейского.

меется, не опустил бы в своей «Книге генеалогических имен» («Китаб-ал-Ансаб») упоминания о лице столь популярном, что для него отстроен был незадолго до того неподалеку от Серахса особый мавзолей.

С точки зрения эволюции архитектурного образа мавзолей Ярты-гумбез представляет собою постройку, в которой намечается отход от центрической композиции к новому архитектурному решению — с подчеркнутой значимостью главного фасада. Усложняется конструкция парусных устройств. Однако принцип фактурной разделки кирпичной кладки сохраняет здесь ту же рациональную основу, которая отличает уже мавзолей Абул-Фазла Серахского—постройку начала XI столетия.

Описанные мавзолеи Серахса входят в единую стилевую группу аналогичных, пока еще мало изученных в архитектурном отношении построек, находящихся на территории Туркмении и иранского Хорасана. Не ставя целью детального их рассмотрения, привлечем некоторые из них как сравнительный материал для того, чтобы составить представление о специфике этого своеобразного типа монументальных усыпальниц.

Так, весьма интересен мавзолей шейха Абу-Саида Мехнейского (или Мейхенинского), стоящий на развалинах городища Мехне, близ современного туркменского аула Меана. Памятник этот, упоминаемый в краеведческой литературе еще в прошлом столетии, был подвергнут 13 сентября 1926 г. специальному обследованию комиссией Средазкомстариса в составе ориенталистов А. А. Семенова и А. Э. Шмидта и архитектора А. П. Удаленкова[80]). Последним были произведены обмеры памятника и составлена смета ремонтных работ. Материалов этих в Ашхабаде не сохранилось и нам пока приходится ограничиваться снимками с мавзолея, детально зафотографированного А. А. Семеновым. Исследование древних городищ Хаверана, в частности, специальное историко-архитектурное изучение мавзолея Меана стоит в плане ближайших работ ЮТАКЭ.

Время возведения памятника пока не уточнено, однако довольно значительный исторический материал, посвященный житиям этого популярного мистика (968—1049 г.[81]) позволяет думать, что это могло иметь место вскоре же после его смерти. Шейх Абу-Саид, сын Абул-Хайра, богатого аттара (торговца пряностями), уже в молодые годы отказался от тех благ, какие давало ему имущественное и сословное положение и обратился к поискам мистического «единения с божеством», вскоре же став одним из ведущих представителей суфизма. С его именем связывают создание первой ханаки (обители суфиев) со строго регламентированным распорядком жизни, ему принадлежит создание особого жанра мистико-философских четверостиший — робайя. Влияние мехнейского шейха на современников было огромно. Не только простой люд совершал к Абу-Саиду постоянные паломничества, но и многие правители и военачальники проявляли к нему знаки внимания. Так, сельджукиды Чагры и Тогрул обратились к нему будто-бы за благословением на обладание державами Хорасана и Ирака[82]); Низамеддин ал-Мульк, впоследствии знаменитый везир Мелик-шаха, в молодые годы, направляясь в Мерв, совершил специальный заезд в Мехне, чтобы поклониться шейху[83]). Сооружение мавзолея, очевидно, было осуществлено почитателями и потомками Абу-Саида вслед за кончиной шейха (1049 г.) близ его ханаки[84]). При Султане Санджаре были

приняты специальные меры к поддержанию его могилы[85]), но в период «гузской смуты» (середина XII в.) городок Мехне был разрушен, покинут жителями, приведен гузами в такое состояние, что «люди не могли войти в него для посещения священной могилы»[86]). В начале XIII в. Мехне фигурирует лишь как «селение Хабарана» (Якут)[87]). В конце XIII в. к мазару Абу-Саида проявляет знаки внимания Газан-хан[88]). Видимо именно в эту пору и был произведен капитальный ремонт памятника, портал которого богато облицевали изразцами и украсили росписью интерьер мавзолея. Следующая реставрация мазара примерно соответствует по времени ремноту мавзолея Абул-Фазла Серахси, считавшегося пиром (духовным отцом) шейха Абу-Саида.

Архитектура мавзолея в его древней части, судя по фотографиям, первоначально была близка к описанным мавзолеям Серахса. Характерна кладка спаренными кирпичами с широкими вертикальными швами, оформление фасадов глухими стрельчатыми нишками в прямоугольном обрамлении, тип парусов, аналогичных парусам Ярты-гумбеза и некоторых других памятников XI в., например, Ардистанской мечети 1055—58 г. (в XIV в. паруса мавзолея Абу-Саида были оштукатурены и покрыты живописью), самый характер плана (квадрат с арочными нишами на осях помещения), сложно-грунтовая конструкция купола, наконец объемная композиция, состоявшая из простейшей комбинации кубовидного основания и сфероконического купола на круглом барабане.

Развитие той же идеи дает еще один из сохранившихся памятников средневекового Серахса, лежащий в настоящее время на персидской стороне: усыпальница шейха Мухаммада бен Мухаммеда Локмана[89]). (рис. 38). Здание подвергалось значительным перестройкам в XIV столетии — дата 757 г. х. (1356) содержится в огибающей входную нишу надписи. Однако основа его значительно более древняя. Материал постройки — жженый кирпич размером 20×20×6 см (из описания Э. Дица, откуда взят этот размер, неясно, относится ли он к основному зданию или к его монументальной портальной части XIV столетия). Мавзолей имел первоначально квадратный план и заключал внутри четыре арочных ниши на главных осях, а снаружи оформлен был по фасадам пятью глухими арочками, с подчеркнуто-рельефным членением разделяющих их пилястр. В обработке стен отмечается кладка спаренным кирпичом и разнообразные выкладки горизонтально и вертикально поставленного кирпича, образующего косые сетки или зигзагообразные узоры (кладка «в елку»). Появление этих мотивов отмечается еще в первой половине XI столетия (Гумбеди-Кабус — 1006/7 г., башня Махмуда близ Газны 1030/31 г.[90]), однако широкое распространение и дальнейшее развитие в сторону усложнения орнамента они получают лишь к концу XI — начала XII вв. (ср. мавзолей Ярты-гумбез 1098 г., минарет в Джар-Кургане 1108 г., выстроенный серахским мастером, минарет в Хосругирде близ Себзевара, воздвигнутый в 1111/2 г.[91]). Стилистически мавзолей Локмана представляет произведение более зрелого стиля чем мавзолей Серахс-баба — не только с точки зрения архитектурного декора, но и общей архитектурной композиции. В нем четко выявлено цокольное основание, усложнены пилястры, основанием для цилиндрического барабана купола служит четверик со срезанными углами, переходящий в правильный восьмигранник.

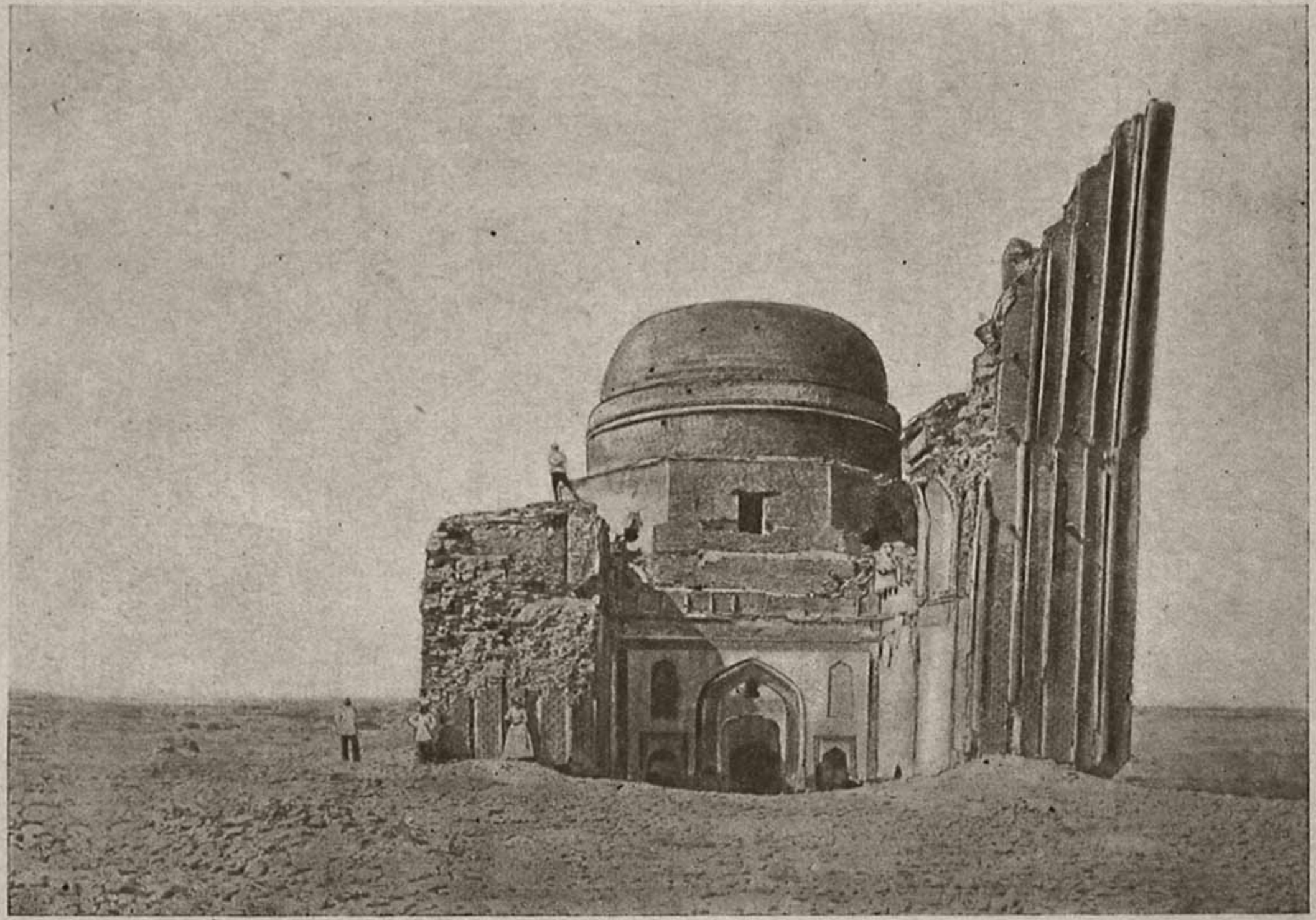


Рис. 38. Мавзолей Мухxаммеда Локмана в персидском Серахсе.

Хотя шейх Локман был современником Абул-Фазла Серахси, мавзолей над ним был, очевидно, воздвигнут позднее, уже в конце XI — начале XII вв., в эпоху наивысшего могущества династии великих сельджуков, отмеченную развернутым строительством на территории их обширной державы. Мавзолей шейха Локмана как бы предопределяет появление еще более развитого в композиционном и декоративном отношении мавзолея в Тусе, отожествляемого некоторыми исследователями с упоминаемой Якутом и Ибн-Батутой усыпальницей видного богослова ал-Газали (ум. в 1111 г.)[92]).

Что касается памятников Южного Туркменистана, то среди них значительный интерес представляют две, ныне, повидимому, не сохранившиеся постройки, представление о которых дают два редких снимка, хранящихся в фототеке Ленинградского отделения ИИМК АН СССР, среди старинных фотографий из сбора В. А. Жуковского по Закаспийской области[93]). Здания эти представляют собою небольшие выстроенные из жженого кирпича мавзолеи, которые еще застали в восьмидесятых годах, русские. Один (будем называть его «первый безыменный», ср. фототека ИИМК, шифр. 0—292.7) представлял собою центрическое сооружение с кубовидным основанием и почти сферическим куполом, со стрельчатыми проходами на главной оси. Фасад его заключал по обе стороны от входа две узких, тянутых ниши, видимо полукруглых в плане. Стены сложены спаренным кирпичем; в кладке нишек введены также вертикально поставленные полукирпичики. Вверху проходил эпиграфический фриз[94]). Надпись, выполненная куфой, сильно разрушена. Стиль почерка, близкий к образцам раннего почерка куфи, простота композиции, характер кладки позволяют отнести этот мавзолей к самому началу XI в. Более развитое архитектурное решение дает «второй безыменный» мавзолей (фототека ЛОИИМК, шифр 0—292.6). Пропорции основного массива более вытянуты по горизонтали, на главном фасаде доминирует как бы пристроенный в виде отдельной стенки пештак (судя по характеру кладки это может быть результат более поздних реконструкций), плоский купол приподнят на невысоком цилиндрическом барабане. В кладках преобладает выкладка «в елку», образующая зигзагообразный узор не только на стенах, но и на скуфье купола (на фотографии ясно виден конструктивный, а не просто декоративный характер этого приема). Совершенно аналогичный метод выкладки купола отмечаем в здании мавзолея, стоящего в комплексе руин рабата и минарета в Сенгебесте (близ Мешхеда)[95]), который считают усыпальницей Мирза Абдул Касима, воздвигнутой одним их могущественных министров Махмуда Газневи (997—1028)[96]). Кладки стен «второго безыменного» мавзолея имеют аналогии также в фактурной разделке известной башни Махмуда близ Газны (1030/1). Датировка его также видимо может быть отнесена к эпохе вхождения Хорасана в состав газневидского государства, но до 40-х годов XI в., — периода жестокой борьбы за обладание Хорасаном между Масудом Газневи и сельджукидами, когда историческая обстановка была мало благоприятной для строительства.

Мы опускаем из сравнительного перечня некоторые памятники Мервского района (например, мавзолей Мухаммеда Ханапья, мечеть Талахтан-баба и др.), которые входят в тот же стилевой круг, хотя и несколько отличный от охарактеризованной выше группы памятников

Рис. 39. „Первый безыменный мавзолей".

монументальной архитектуры, так как предполагаем посвятить им особый очерк. Знакомство же с описанными выше сооружениями позволяет подойти к некоторой обобщающей их характеристике. Отмечается следующее:

1. Наличие для XI—XII вв. своеобразного стилистически единого архитектурного типа мавзолеев на территории средневековых областей— Серахса, Хаверана, Туса.

2. Эволюция этого типа по крайней мере в пределах двух основных этапов развития: а) 1-я половина XI в., б) 2-я половина XI—1-я половина XII вв. (до «гузской смуты»). По династическому признаку можно было бы назвать 1-й этап «газневидским», а 2-й — «сельджукским», поскольку территории эти входили в состав то одного, то другого из этих могущественных феодальных государств. Прерыва в линии архитектурного развития между ними не отмечается, и 2-й этап представляет собою лишь дальнейшее развитие традиций первого.

3. Памятники первого этапа (мавзолей Серахс-баба, «первый безыменный» и «второй безыменный», мавзолей Абу-Саида) характеризует: центрическая композиция в плане и в трактовке основных объемов, предельная простота форм (квадратная призма основания и купол, иногда на невысоком цилиндрическом барабане). В архитектонике фасадов — система глухих настенных арочек или нишек. Конструкции парусов в виде простых сомкнутых сводов. Роль кирпичной фактуры: кладка спаренными кирпичами с широким вертикальным швом, который иногда заменяют вертикально вставленные полукирпичики; кладки «в елку». Куфические надписи простейшего, «классического» почерка, выложенные из отесанных кирпичей.

4. Второй период (мавзолей шейха Локмана, Ярты-гумбез, мавзолей в Тусе): усложнение объемной композиции путем введения промежуточных переходных к куполу форм — например, восьмерика (мавзолей Локмана в Серахсе) или многогранной призмы (мавзолей в Тусе) и повышения барабана. При сохранении квадратного плана — выделение главного фасада несколько отличным от остальных фасадов характером оформления, иногда — введением пештака. Усложнение парусов заполнением их системой сомкнутых сводиков—как предвозвестие будущих сталактитов. Большое разнообразие в приемах фигурных кладок: различные диагональные сетки, наряду с кладкой спаренных кирпичей и «в елку». Широкое развитие резных фигурных кирпичей.

5. Несомненно общекомпозиционное и декоративное своеобразие стиля этой группы хорасанских памятников в сравнении с современным им строительством как в Мавераннахре, так и в областях западного Ирана (Мазендаран, Азербайджан и др.).

Само собой разумеется, что отмеченные памятники составляют лишь немногое от того значительного числа их, которое возникло на протяжении XI—XII вв. на территории этой части Хорасана. Но невольно возникает вопрос: чем объяснить здесь такое значительное строительство мавзолеев, которое для предшествующих эпох не отмечено ни письменными источниками, ни по дошедшим до нас сооружениям?

Объяснение подсказывается анализом самой исторической ситуации и тех крупных идеологических движений, которые ей сопутствовали.

Период XI—XII столетий в истории среднеазиатской архитектуры именуют «караханидским» и «сельджукским». Даже исследователи бази-

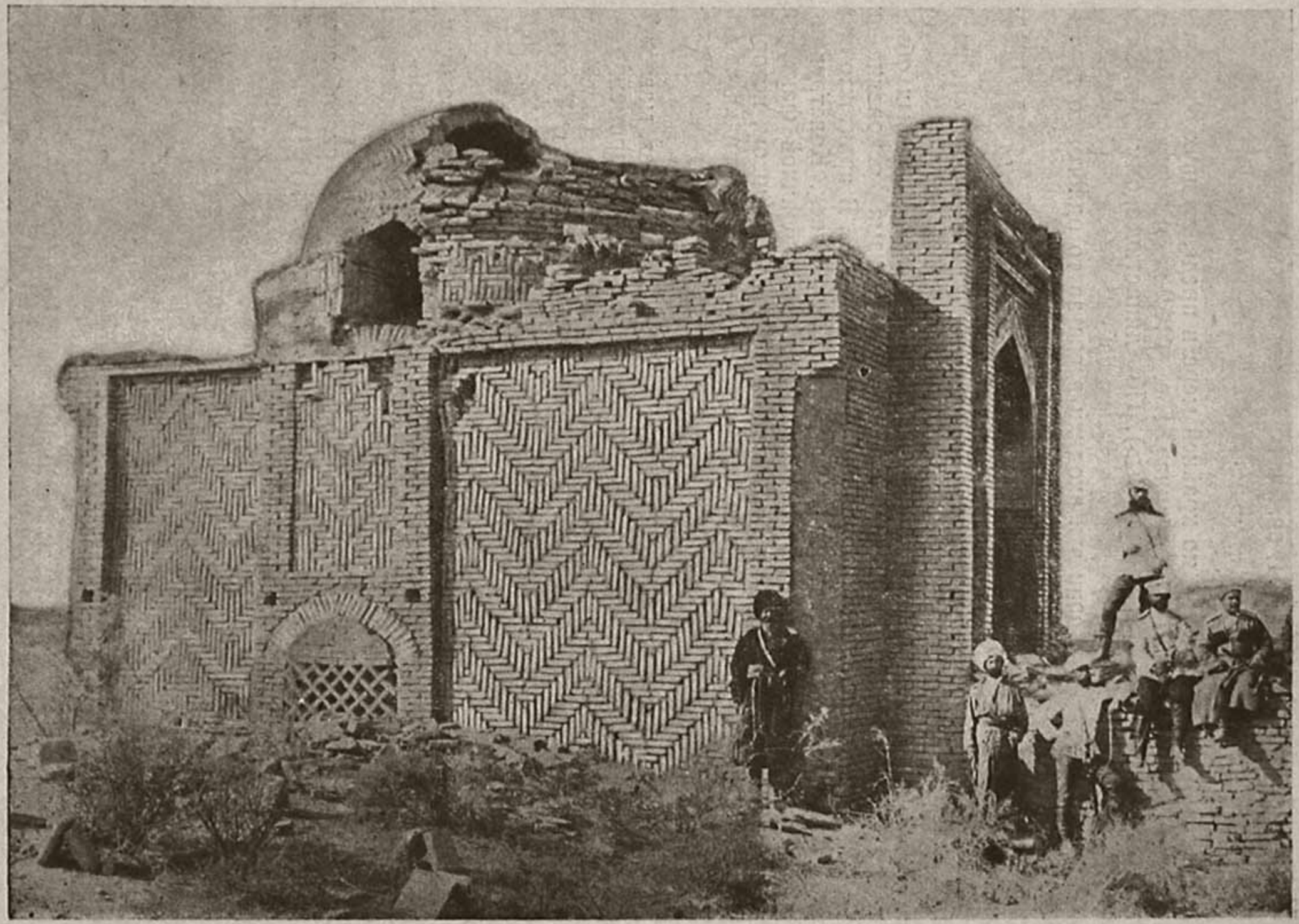


Рис. 40. „Второй безыменный мавзолей".

руясь на ходе политических событий, определения эти неточны, так как рассматриваемая эпоха была отмечена борьбой, соперничеством и возвышением в странах Среднего Востока Караханидов, Газневидов, Сельджуков, Хорезмшахов, Гуридов и др. Но главная особенность этой эпохи была не в смене династий, но в том, что она знаменуется определенным импульсом к сложению развитых феодальных отношений, чем был обусловлен и важный поворотный этап в истории местной культуры.

Этнический момент — вливание новых тюркских элементов в общий массив среднеазиатских народностей был отнюдь не определяющим фактором этого процесса. То была пора становления нового этапа развития феодализма, чему тюркские завоевания дали лишь дополнительный толчок: они не просто положили конец саманидской династии, но окончательно уничтожили значение местных «княжеских» родов — крупнопоместных феодалов-дихкан. То был закат «иранского рыцарства» (по терминологии В. В. Бартольда), эпоха торжества новых феодальных слоев из воинского, крупноземельного и торгового сословий, период столь пышного расцвета феодальных городов, какого не знала предшествующая эпоха. То было время, исполненное жестоких внутренних противоречий и классовых конфликтов, эпоха определенных импульсов к развитию духовной и художественной культуры, но вместе с тем кровавых войн и связанного с ними беспощадного уничтожения культурных сил и художественных ценностей.

В Хорасане, более других областей бывшем при этом яблоком раздора между различными завоевателями, в области идеологии отмечается исключительно широкое развитие суфизма. Обращение к потустороннему, поиски мистического единения с божеством, отречение от земных благ во имя экстатического блаженства уводили мысль от мрачной действительности, парализуя волю к борьбе, к активному протесту против социальной несправедливости. Распространение суфизма среди широких масс угнетенного населения, и большое влияние на народ возглавлявших его секты видных шейхов побуждали заигрывать с последними представителей правящей верхушки общества. Именно в Хорасане в XI—XII вв. происходит сложение важнейших дервишских орденов. В духовной жизни страны большую роль начинают при этом играть личности крупных шейхов, возглавлявших отдельные течения, направления, секты суфизма (значительно бóльшую, чем роль магистров знаменитых орденов европейского средневековья). Напомним имена шейха Фаридеддина Локмана Серахского, шейха Баязида Бистамского, шейха Абу-Саида Мехнейского и др. Влияние последних, как сказано, было очень значительным не только на широкие народные массы, но и на видных правителей, избиравших их своими «пирами» — духовными покровителями. Авторитет их сохранялся на долгие времена и после смерти — отсюда культ могил, который так ярко раскрывает приписываемое пророку Мухаммеду изречение, нередко приводимое на древних намогильниках: «Когда вас приведут в отчаянье (современные вам) обстоятельства, ищите помощи у лежащих в могилах!» Отсюда — сооружение на средства благочестивых жертвователей и последователей мазаров святых — в виде отдельно стоящих мавзолеев или же усыпальниц при основанных ими обителях-ханака, возведение которых широко отмечается в Хорасане именноXI в. — первой половине XII столетия. После смерти Султана Санджара, последнего из сельджу-

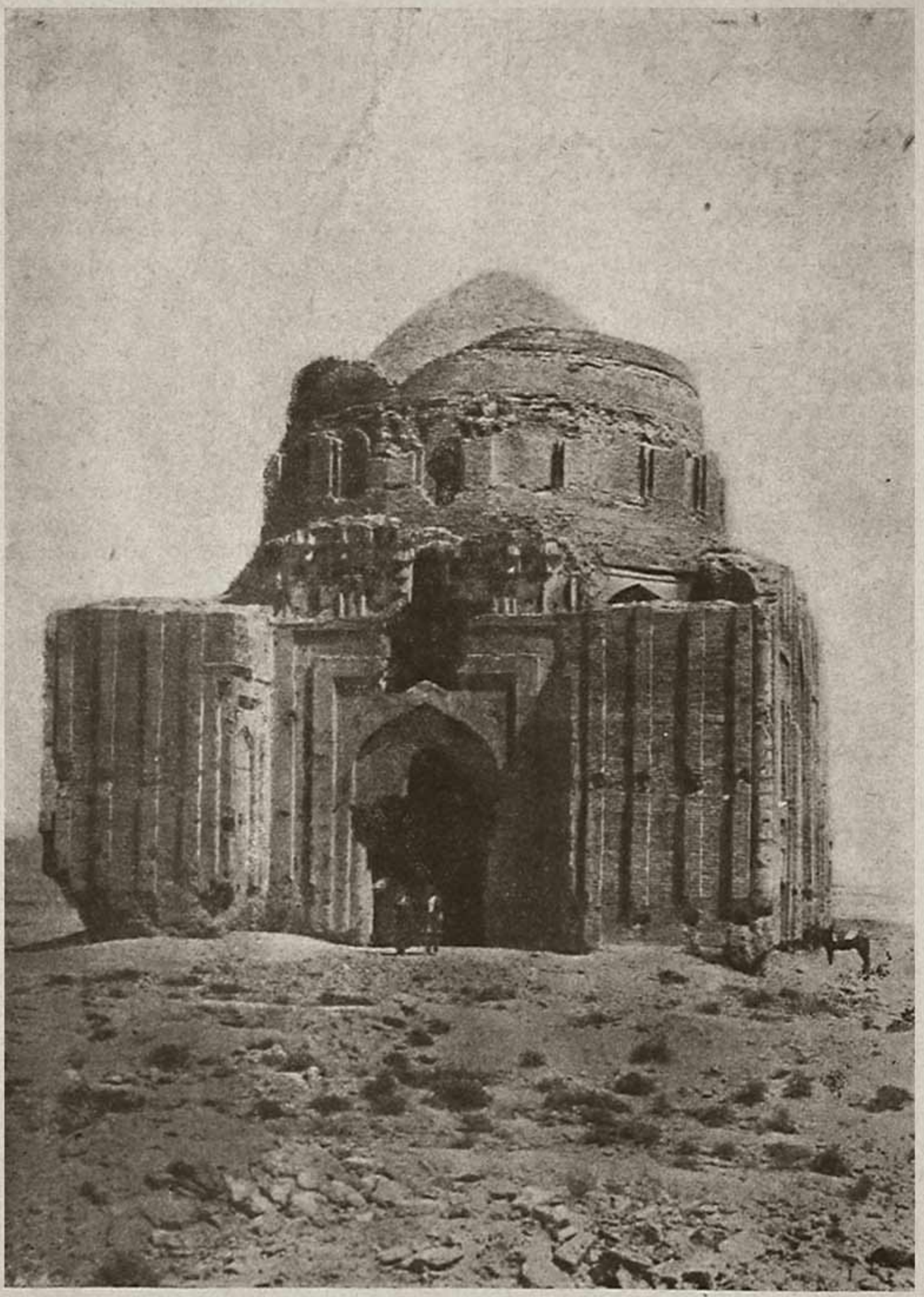


Рис. 41. Мавзолей в Тусе.

кидских правителей, осуществлявшего более или менее крепкую власть, и разорительного нашествия гузов, в стране не оставалось предпосылок для монументального строительства. Об этом красноречиво повествует в своей элегии «Слезы Хорасана», написанной на смерть Санджара, его панегирист, поэт Энвери:

> «Собираться в мечети уже не может наш верный народ; святые места мы должны были уступить самым презренным животным. В них нет ни кровель, ни колонн. Все муедзины избиты, минбары ниспровержены».

Лишь к концу XII столетия, после включения Хорасана в состав державы хорезмшахов, отмечается некоторое оживление строительства, которое однако же вскоре прервано было нашествием монгол.

Итак, сооружение описанной выше группы мавзолеев было связано с широким течением суфизма, охватившим Хорасан в XI—XII вв. Сами же по себе памятники эти представляют значительный историко-архитектурный интерес, как вехи на пути развития местного зодчества, принципиально отличного от архитектуры сопредельных областей Средней Азии и Ирана и входят в особый локальный круг строительства Хорасана в той части этой области, центром которой был Нишапур.

Обследование архитектурных памятников Дахистана, Абиверда, Серахса освещает некоторые стороны проблемы историко-культурного районирования Южного Туркменистана. Устанавливается, что здесь были культурные явления ярким отображением общего хода исторического процесса, который в разные эпохи по разному протекал в различных областях в творчестве населявших их народов. И мы уже вправе говорить не только о некой обще-среднеазиатской архитектуре, и даже не об архитектуре отдельных среднеазиатских республик, но в пределах этих последних — о ряде особых архитектурных «школ». В зависимости от общеисторических ситуаций, локальное то усугубляется, то, наоборот, растворяется в потоке широких направлений развития художественной культуры, охватывающих иногда не только ряд районов или областей, но даже стран. Знакомство с группой памятников, которым посвящен настоящий очерк, выявляет те особенности, которые отличают монументальную архитектуру дахистанского, абивердского, серахского районов. Вместе с тем, такая классификация помогает, наряду со спецификой, местной основой того или иного круга зодчества, выявить и меру его взаимодействий с искусством сопредельных и даже удаленных областей, как отзвук более широких общественных связей — культурных, политических, экономических. В этом направлении мы и пытались подойти к первоначальной историко-архитектурной характеристике групп памятников монументального зодчества, обследованных в 1947 г. VII отрядом ЮТАКЭ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Махраб мечети в Найине воспроизводился неоднократно См. Б. П. Денике, Новое в изучении архитектуры и архитектурных декораций средневековой Персии. Журн. «Академия Архитектуры», 1935, № 1—2, стр. 98—99. Его же, Архитектурный орнамент Средней Азии, М. — Л., 1939, стр. 76—78.

2. Котов Г. И., Михраб Мешед-и Мисриана. Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. Доклады, М. — Л., 1939, стр. 105.

3. Цит. соч., стр. 104.

4. Котов Г. И., Цит. соч., стр. 104, Денике Б. П., Арх. орнамент... цит. соч., стр. 44.

5. Beyli L. de., Prome et Samarra. Voyage archéologique en Birmanie et en Mesopotamie. Paris, 1907, Fig. 81, p. 116.

6. Glück H. und E. Die Kunst der Islam, Berlin, 1924, s. 155—156.

7. Kühnel E., Investigationes y excavationes recientes en el Oriento Islamico. «Archivo Espanôl de Arte», num. 47, Madrid, 1941, fig. 17, p. 427. На стр. 428 отмечается общность вновь открытого каирского стука с Машадским михрабом, фото которого приведено на fig. 20.

8. Strzygowski J., Mschatta, IV. 1904, 320—324.

9. Pope A. U. Architectural Ornament. SPA, vol. II, pp. 1274—1275.

10. Искодарский михраб публиковался не раз. Ср. М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Ташкент, 1927 табл. 8. Б. П. Денике. Арх. орнамент... цит. соч. стр. 73—74. Памятник этот относился исследователями к XII—XIII вв., хотя стилистические данные архитектуры, орнаментации и надписей позволяют с несомненностью сдвинуть датировку его к IX—X вв.

11. Напр., Денике Б. П., Цит. соч., рис. 35.

12. Котов Г. И., Цит. соч., стр. 107.

13. Шуази О., История архитектуры, т. II. М. 1937, стр. 88—89.

14. Архитектура древнего мира. Академия Архитектуры СССР, М., 1947, стр. 138—139, табл. 111—3, 4.

15. De Belie, op. cit, p. 130—134.

16. Тюляев С. И., Архитектура Индии, М., 1939, рис. 15, 17, 19.

17. Pope A. U., Some interrelations between Persian and Indian Architecture. From «Indian Art and Letters», vol. IX, №2 (1936), p. 17.

18. Prasanna Kumar Achavya, Architectura of Manasara, Oxford University Press. Pl. CXXXII.

19. Массон М. Е., Городища старого Термеза и их изучение. Термезская Археологическая Комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1941 стр. 73—74.

20. Якубовский А. Ю., Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. ТОВЭ. II. Л., 1940, стр. 137—145.

21. Денике Б. П., Арх. орнамент... цит. соч., илл. 8.

22. Засыпкин Б. Н., Архитектурные памятники Ферганы. Искусство Средней Азии, РАНИОН, М., 1930, табл. XVI.

23. Архитектурные памятники Туркмении. Под ред. Н. М. Бачинского, Москва—Ашхабад, 1939, стр. 39—40,

24. МИТТ, I, стр. 181.

25. МИТТ, I, стр. 209.

26. МИТТ, I, стр. 217.

27. Шишкин В. А., «Курган» и мечеть Чар-Сутун в развалинах Старого Термеза. Термезская Археологическая Экспедиция, т. II. Ташкент, 1945, стр. 99—106.

28. Ср. его же, журн. «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1936, № 2.

29. Godard A., Note surd'anciennes mosquées de l'Iran. Иранское искусство и археология. III Международный конгресс, М. — Л., 1939, стр. 70—77. Godard A., Les anciennes mosquées de l'Iran. Athar-é-Iran. т. I, fasc. II. Paris, 1936, p. 187—212.

30. Его же, Le Masdjid-e Djuma de Niriz. Athar-é-Iran. т. I, fasc. I. Paris, 1936, p. 163—172.

31. Напр., Шетихин, Развалины древних городов в Средней Азии. Мест-Довран. Всемирная иллюстрация, 1876, № 374, стр. 183. Ершов С. А., Археология в ТССР за 20 лет. Известия ТФАН, 1944, № 2—3, стр. 30.

32. Гумбеди-Кабус имеет обширную литературу. Памятник не раз упоминался путешественниками и ориенталистами еще в прошлом столетии (Фрезер, Вамбери, Дорн и др.). Чтение надписей, скопированных в 1900 г. И. Т. Пославским, впервые составившим обмеры памятника и наиболее подробное его описание, было дано

Н. П. Остроумовым, а эпиграфический анализ их проведен А. Ван-Бершемом (1918 г.). Наиболее полные исторические сведения приводит В. В. Бартольд (1924 г.); архитектурную характеристику дают Э. Диц (1918 г.) и А. Годар (1939 г.).

33. Schroeder E., The Seljuq Period. SPA, II, p. 1020.

34. Толстов С. П., Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 180—181.

35. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб. 1914, стр. 34.

36. МИТТ, 1, стр. 63—64, 92, 107, 109.

37. МИТТ, 1, стр. 338.

38. Пугаченкова Г. А., Мавзолеи с шатровыми перекрытиями в архитектуре стран Востока. Аннотация опубликована в «Бюллетене САГУ», вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 183. Один из разделов этой работы под заглавием «К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана» опубликован в Материалах ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад. 1949 стр. 57—77.

39. Розенберг Ф. А., Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. Отд. оттиск из журн. «Живая старина», год XXI, СПб, 1912, стр. 10—11.

40. Цит. соч., стр. 11.

41. Перечень основных публикаций прошлого столетия о развалинах Мешхеди-Мисриана приводится в статье А. А. Семенова, Надписи на портале мечети в Мешед-и-Мисриан. ЗВО, т. XVIII. СПб. 1908, стр. 0155.

42. Шетихин цит. соч., рис. 1, 7.

43. Семенов А. А., Цит. соч., стр. 0156—0157.

44. Деникe Б. П., Искусство Средней Азии. М., 1926, стр. 23, табл. 8. Его же., Арх. орнамент.., цит. соч., стр. 24, 26. Б. Н. Засыпкин. Монументальное искусство советского Востока. В сборнике «Художественная культура советского Востока». М. — Л, 1930.

45. Ершов С. А., Данденакан. КСИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947, рис. 60—62.

46. Гирих — элемент геометрической арабески или самый геометрический орнамент.

47. SPA, IV, 339 B.

48. Семенов А. А., Цит. соч., стр. 0157.

49. Датировка Джар-Курганского минарета, относимого прежде по стилевым данным к XIII в., была установлена в 1938 г. во время работ Термезской Археологической Экспедиции В. А. Шишкиным.

50. См. примечание 44.

51. Diez E., Die Churasanische Baudenkmäler. Berlin, 1918, Taf. 10—11.

52. МИТТ, I, 209.

53. Коншин А. М., Разъяснение вопроса о течении Аму-Дарьи по современным геологическим и физико-географическим данным. ЗРГО по общей географии, XXXIII, № 1, СПб., 1897.

54. Семенов А. А., цит. соч., стр. 0156.

55. В Иране с XII столетия возобладал тип мечети-киоска, замыкающей обнесенный портиками двор, на осях которого лежат глубокие сводчатые айваны (мечеть в Заваре и др.).

56. Намазгох Нисы обследовалась ЮТАКЭ в 1946 г. Ср. статьи В. Д. Жукова и Г. А. Пугаченковой в 1-м томе «Трудов ЮТАКЭ». Ашхабад, 1949.

57. Деникe Б. П., Арх. орнамент... Цит. соч., стр. 204.

58. Щетихин, Цит. соч.

59. Diez E., op. cit., s. 22, 85.

60. Gayet. Al. L'art persan. Paris, 1895, s. 191 Herzfeld E., Damascus: Studies in Architecture. Ars Islamica, vol. X, 1948, pp. 22—24, fig. 2.

61. Memoires de Baber. I. Trad. par A. Pavet de Courteille. Paris, 1871, p. 429—430.

62. Например, «Шах-наме» 1429/30 г. — сцена встречи Гюльнар и Ардашира, An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art. London, 1931, т. I.

63. МИТТ, I, стр. 217.

64. Обследование мавзолея Парау-биби, лежащего в 3 км от городища, в горах, было осуществлено отрядом № 5; о нем ср. статью Б. А. Литвинского в настоящем томе «Трудов ЮТАКЭ».

65. Diez E., op. cit., s. 15, 23,, 52—54, Taf. 15.

66. Древности Абивердского района. Труды САГУ, сер. II, вып. 3. Ташкент, 1931.

67. Чтение надписи М. Е. Массона. А. А. Семенов (Развалины г. Абиверда и остатки старины вблизи его. Древн. Абив. р-на... цит. соч., стр. 19) дает не

вполне точную расшифровку, вводя слово «ал-мамалик», которого в действительности в этой надписи нет.

68. Niedermeier O., Diez E. Afganistan, Leipzig., 1924, Taf. 124.

69. Семенов А. А., Цит. соч., стр. 13.

70. Древн. Абив. р-на... цит: соч., стр. 45—48.

71. Воронин Л. Н., Кирпичная фактура стены. Элементы архитектуры Узбекистана Труды САИИ, Строительный факультет. Ташкент. вып. 4, 1939, стр. 79.

72. Сотрудники Хаверанской Экспедиции датировали мавзолей концом XII—XIII вв.

73. SPA, IV, P, l. 295, 296, 298. Архитектурные памятники Туркмении... цит. соч., л. 25, 26.

74. Жуковский В. А., Развалины Старого Мерва. Материалы по археологии России, № 16. СПб., 1894, стр. 185—187.

75. SPA, II, Fig. 345; SPA, IV, Pl. 274 A, C, 288—290, 320.

76. Ершов С. А., Археология ТССР за 20 лет... цит. соч., стр. 30.

77. 491 год хиджры соответствует 1097/8 г. н. э., но так как начало мусульманского года приходится на декабрь 1097 г., несомненно, что строительство могло быть осуществлено не ранее весны 1098 г.

78. Самойлович А., По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч ислама». ЗВО, т. XVIII, 1908, стр. 0161.

79. МИТТ, 1908 стр. 326.

80. Семенов А. А., По закаспийским развалинам. Известия Средазкомстариса III, Ташкент, 1926, стр. 69—79.

81. Напр., Семенов А. А., Мусульманский мистик и искатель бога X—XI в. по Р. Х. Асхабад, 1905. Крымский А., История Персии, ее литературы и дервишеской философии, т. II, М., 1906, стр. 69—70 и др.

82. МИТТ, I, стр. 344.

83. МИТТ, I, стр. 346.

84. Возможно, что руины «мечети», которая существовала на городище близ мавзолея (Семенов А. А., По закасп. развалинам... цит. соч., стр. 71), в действительности принадлежали остаткам ханаки.

85. МИТТ, I, стр. 347—348.

86. Там же.

87. МИТТ, I, стр. 342.

88. Рашидеддин, Сборник летописей Т. III. М—Л, 1946, стр. 228—229.

89. Жуковский В. А., цит. соч., стр. 187, рис. 34. Diez E., op. cit., s. 62—66.

90. SPA, vol. II, Flg. 371b, vol. IV, pl. 355.

91. Khanikoff M. L., Asie Centrale. Paris, 1864, p. 323 Diez E., op. cit., Taf. 12—13.

92. Diez E., op. cit., s. 55—62, Taf. 20.

93. Опрос туркменских краеведов дал отрицательный ответ в части отожествления этих зданий с известными им, расположенными в удаленных местах памятниками Туркмении.

94. Отметим известную близость фасадного решения этого памятника с мавзолеем Бабаджи-хатун близ Джамбула (Казахстан) — здания весьма своеобразного, датировка которого, судя по почерку венчающей надписи, восходит ко времени около XII столетия.

95. Diez E., op. cit., Taf. 14—15.

96. Op. cit., s. 52—55.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ОТЧЕТ О РАБОТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ V ОТРЯДА ЮТАКЭ В 1947 г.

(Рекогносцировка района Безмеин — Кизыл-Арват)

Я на памятники, как на живых людей смотрел, — расспрашивал их: «Вы видели, вы слышали, — вы свидетели».

В. Суриков

В план Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1947 г. было включено продолжение в более широком масштабе работ, начатых в 1946 г., по изучению Така-Языра-Дуруна. Было признано необходимым обследовать район между Безмеином и Кизыл-Арватом, который когда-то входил в округ Нисы, а затем в состав Языровского юрта, и более детально, чем это удалось в 1946 г., изучить городища Шехр-Ислам (Так, Так Язырский, Языр) и Дурун, а также архитектурные памятники района. При этом приходилось исходить из отмеченного академиком В. В. Бартольдом факта, что «Описания пути между Неса и Феравой, которое позволило бы судить о состоянии культуры в этой местности, мы, к сожалению, не имеем»[1]). Для проведения рекогносцировки в составе V отряда ЮТАКЭ (начальник кандидат исторических наук В. Г. Мошкова) была выделена археологическая группа (археолог Б. А. Литвинский, коллектор В. М. Массон). Средством передвижения служила автомашина ГАЗ-67. Группа выехала из Багира 7 ноября 1947 г., вернулась в Ашхабад 20 ноября 1947 г.

При изучении археологических памятников района применялся исключительно метод рекогносцировочного обследования, никаких раскопок не производилось. Были сняты глазомерные планы городищ, проведены нивелировки, сделаны эскизные замеры архитектурных сооружений, собраны коллекции керамики, описаны археологические объекты (городища, тепе, памятники архитектуры).

Маршрут группы был таков:

Багир (7 ноября 1947 г.).

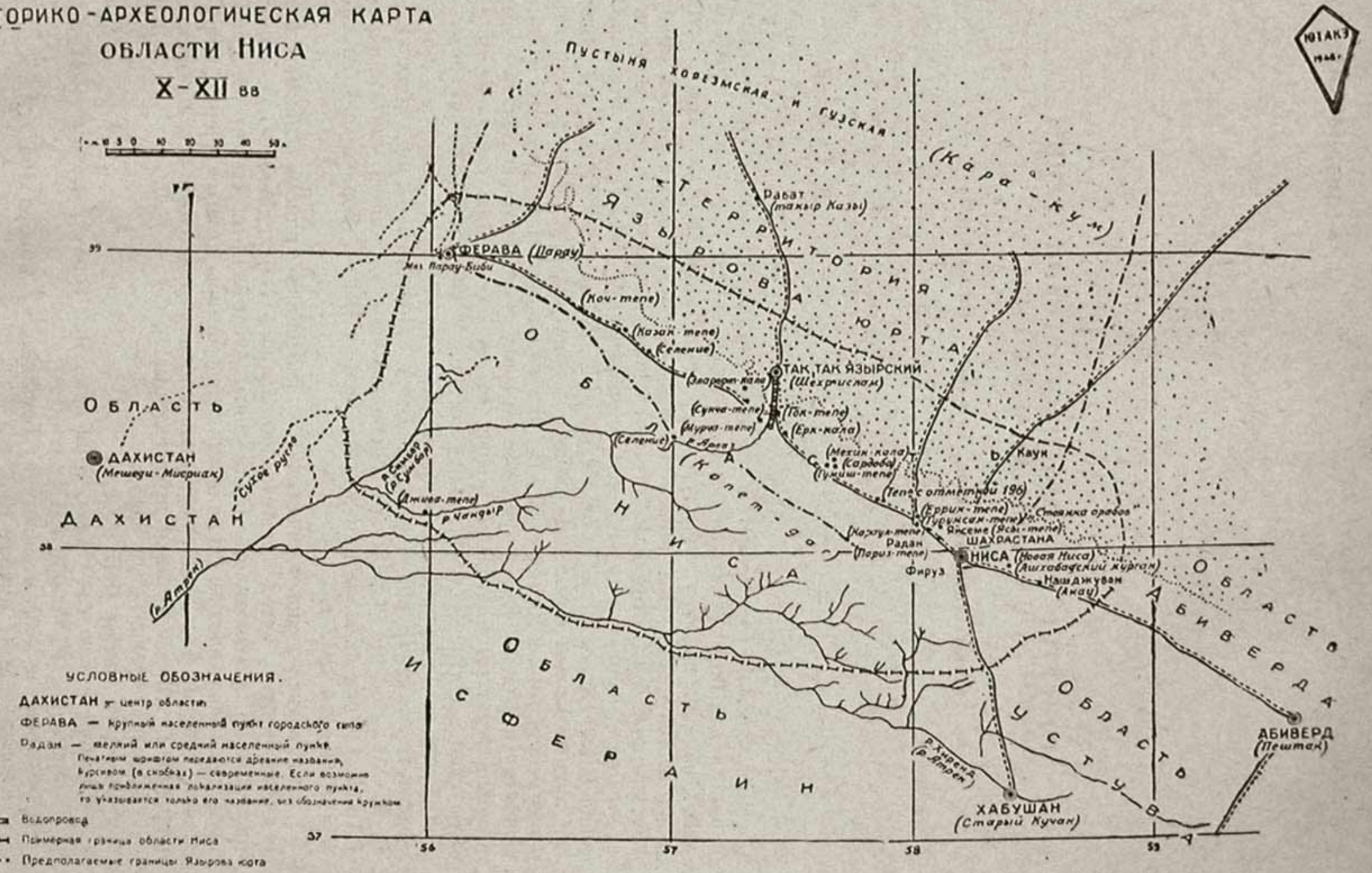
Безмеин — Карагач-Овлия, Кош-тепе, Ясы-тепе (7 ноября 1947 г.).

Париз-депе (7 ноября 1947 г.).

Безыменные тепе к западу от Безмеина (7 ноября 1947 г.).

Караул-депе (7 ноября 1947 г.).

Схематическая Историко-археологическая карта области Ниса X-XII вв



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.

- ДАХИСТАН — центр области
- ФЕРАВА — крупный населенный пункт городского типа
- Радан — мелкий или средний населенный пункт.

Печатным шрифтом передаются древние названия, курсивом (в скобках) — современные. Если возможна лишь приближенная локализация населенного пункта, то указывается только его название, без обозначения кружком.

- Водопровод
- Примерная граница области Ниса
- Предполагаемые границы Язырова юрта

Рис. Схематическая историко-топографическая карта области Ниса X—XII вв. Составил Б. А. Литвинский под ред. М. Е. Массона.

Еррик-депе (8 ноября 1947 г.).
Гурумсак-депе (8 ноября 1947 г.).
Геок-депе (8 ноября 1947 г.).
Тепе с отметкой 196 (8 ноября 1947 г.).
Шехр-Ислам (8 ноября — 13 ноября 1947 г.).
Гек-депе (13 ноября 1947 г.).
Дурун. Кизыл-Имам в Дуруне (14—15 ноября 1947 г.).
Нухур и Караул (16 ноября 1947 г.).
Коч-депе (17 ноября 1947 г.).
Ферава (18 ноября 1947 г.).
Тепе у Бами (19 ноября 1947 г.).
Тепе у Беурме (19 ноября 1947 г.).
Тепе у Келята (20 ноября 1947 г.).

Большой материал, собранный во время рекогносцировки, характеризует жизнь изучаемого района на протяжении трех тысячелетий.

Данный отчет касается только тех результатов работы археологической группы V отряда, которые были добыты при изучении средневековых памятников района; данные о памятниках более отдаленных эпох будут изложены в специальной работе[2]). В описании памятников автор придерживается географического принципа (с востока на запад), однако сначала дается описание самых крупных городищ района — Шехр-Ислама, Дуруна и Парау, а затем приводится описание более мелких объектов, большинство из которых являлись в прошлом поселениями городского типа.

Шехр-Ислам[3])

Детальный осмотр городища и съемка плана его в масштабе 100 шагов в одном сантиметре дают возможность с большей уверенностью, чем в прошлом году, говорить о его составных частях. Предположение, тогда высказанное, что площадь городища, обнесенная валом, соответствует шахристану средневекового города, оказалось совершенно правильным. Шахристан средневекового Така-Языра занимал большую территорию 720×360 м². Он был прочно защищен от внешнего нападения высокой стеной, ныне разрушенной и в значительной части занесенной песком.

Любопытно, что стена эта, видимо, в соответствии с тогдашними взглядами на фортификацию, все время делает изломы, обычно с незначительными углами. Длина отрезков стен — несколько десятков метров, иногда, благодаря слабым углам излома, несколько отрезков зрительно воспринимаются как один. Эта стена была укреплена посредством устройства башен, которых сейчас можно насчитать только на северном фасе 11, но их количество едва ли не простиралось здесь до двух — двух с половиной десятков. Башни были расположены на интервалах в 18—35 м[4]), причем они ставились не обязательно в концах отрезков стены, но иногда и посредине их. Величина башен, насколько можно судить об этом без раскопок, была различной, форма же у всех одна — полукруглая. Одна из этих башен (4-я, если считать от восточного угла северной стены), средняя по размерам, имела в основании длину 3,25 м., величина выступа ее за плоскость стены равнялась 2 м.

Хуже всего стена прослеживается в средней части южной границы шахристана, где она, вероятно, в силу каких-то причин, была окончательно уничтожена. Именно здесь находились въезды в шахристан. Один из них должен был располагаться в восточной части этой стороны, где граница шахристана поворачивает на юг; положение другого возможного въезда, лежавшего также на этой стене, можно предположить (судя по рельефу) метрах в 50 на запад от первого. Эти же места являлись наиболее удобными для введения внутрь шахристана воды. Рассмотрение всех возможных вариантов водоснабжения города

Рис. Городище Шехр-Ислам.

приводит к мысли, что водоснабжение шахристана Така-Языра, всегда находившегося под угрозой вражеского нападения, не могло основываться на водоеме, лежавшем вне шахристана. Могла ли попадать вода в шахристан самотечным путем, может сказать только инструментальная нивелировка ряда пунктов. Но даже без проведения этой нивелировки видно, что если бы такая подача воды осуществлялась, то единственными возможными путями для нее являлись как раз упомянутые проходы. К тому же возле каждого из них есть впадины, которые, возможно, когда-то являлись хаузами. Восточная впадина, лежащая прямо

у предполагаемого въезда, вытянута в широтном направлении и имеет размеры 30×20 м². Пониженная площадка второй впадины, отстоящей в метрах 35 от соответствующего въезда, имеет значительно большую площадь: 100×35 м² и вытянута с севера на юг.

Основными моментами, определявшими внутреннюю планировку шахристана, являлись две цитадели, которые мы называем с востока на запад соответственно первой и второй.

Первая цитадель имеет размеры 64×60 м² и высоту (с южной стороны, по нивелировке), — 6,5 м. Ее объем доминирует над всем городищем, наглядно отражая те отношения социально-экономического порядка, которые были здесь много веков тому назад. В южной стороне цитадели имеется промоина, в которой Михайлов производил раскопки. В этой промоине ясно видно, что стена цитадели была сложена из сырцового (на самане) кирпича, размеры которого установить без зачистки не удалось. Значительное количество жженого кирпича, заполняющего все скаты цитадели, делает не лишенной основания догадку, что здесь, подобно тому, как это было в Мешхеди-Месториане, снаружи стена из сырцового кирпича была облицована жженым кирпичом[6]).

Вторая цитадель несколько меньшая по размерам, чем первая, в два раза меньше ее по высоте (3,21 м по нивелировке). Ее размеры по верху: 45×55 м², вытянута она с севера на восток. Въезд (по пандусу) был в северо-западном углу, где он в виде оплывшего выступа сохранился и сейчас. Интересно, что в отличие от первой цитадели, верхняя площадка второй не сплошь покрыта фрагментами кирпича и керамики, а только полосой вдоль линии стен, к центру же, в пониженной части их почти нет. Случайно ли это или отражает отсутствие застройки центральной части второй цитадели, могут решить только раскопки.

Изучению общей планировки города препятствует засыпанность значительной части городища, преимущественно вдоль северного отрезка стены, песком. Высота песчаных барханов здесь нередко превышает 5 м над уровнем шахристана. Песком же засыпана большая площадь вдоль западной стены (кое-где она сама попала под песок), а также небольшие участки вдоль восточной стены. В общей сложности, площадь, засыпанная песком, составляет по приблизительной оценке свыше 25% площади шахристана. Все же, кое-какие контуры выявляются. Дело в том, что при первоначальном изучении шахристана, даже при обозрении его с высокого первого арка, вся его поверхность кажется равномерно покрытой фрагментами кирпича и керамики. Но затем выясняется, что это не так. Во-первых, первая и вторая цитадели окружены полосой, свободной от фрагментов. Во-вторых, встречаются довольно большие площадки, также не несущие на своей поверхности следов былой жизни. Таких площадок больше, между прочим, в западной части городища, некоторые из них имеют вытянутую, другие Г-образную форму. Создается впечатление, что в последний период жизни города застройка площади шахристана была не сплошной, и участки с многочисленными сооружениями чередовались с другими, где не было никаких фундаментальных сооружений: площади, базары, пустыри. Это был период, характеризовавшийся строительством из жженого кирпича. Однако, постройки из жженого кирпича были не единственными, которые видел город за время своего существования. Вдоль

разных частей стены шахристана (в западном конце северной стены, в северной и южной половине западной стены, в северной и средней части восточной стены) очень хорошо читаются в плане стены помещений из сырцового кирпича. Эти помещения-комнаты тесно примыкают друг к другу, так что стена одной комнаты является, видимо, часто стеной другой. Иногда как будто даже прослеживается планировка улиц, заметны между соседними комнатами узкие улички и тупики. Что касается плана их самих, то они имеют обычно вытянутый план, напоминающий план помещений монгольского времени на Старой Нисе.

Точная датировка этих комнат помогла бы установлению времени разрушения стены шахристана, так как несколько комнат вдоль западной стены шахристана как будто перекрывают эту стену.

Внутри шахристана Языра находился, вероятно, ряд монументальных архитектурных сооружений. Следы былого убранства одного из них были обнаружены в середине южной половины шахристана, несколько западнее площадки предполагаемого большого хауза. Сооружение, находившееся, вероятно, где-нибудь неподалеку отсюда, было украшено, кроме прочего, «бантиками» (сооружение 2 на плане). Около II цитадели заметны на поверхности следы нижних частей стен зданий из жженого кирпича.

Внутри шахристана был расположен ряд ремесленных производств. Так, к юго-западу от первой цитадели имелся «квартал керамистов», ныне покрытый значительным количеством шлаков кирпичного производства. Размер площадки, покрытой шлаками 30×35 м². В ста метрах на восток от второй цитадели находился «квартал металлистов», занимавший площадь более 900 м². Этот квартал сплошь усеян железными крицами и мелкими кусками железных шлаков. О количестве первых может дать представление тот факт, что на площади 5×5 м² было подобрано 33 крицы, а шлаками вся площадь усеяна сплошь. С севера к площадке вплотную подступает песчаная гряда, возможно засыпавшая ее часть. Хотя «квартал металлистов» шахристана Шехр-Ислама намного меньше квартала металлистов Термеза[7]), но значение находки большого количества железных шлаков и криц в Шехр-Исламе в том, что если рудная база для железного производства Термезского района ясна — горы Кугитанг-тау, то в Южной Туркмении, насколько известно из работ геологов, месторождений железной руды обнаружено не было. Может быть, приведенные выше факты должны повысить внимание геологов к поискам железа в Копет-Даге, хотя разумеется, не исключено, что кричное железо доставлялось в Шехр-Ислам из мест, ныне находящихся за пределами нашей территории. Кроме керамического и железоделательного производств, внутри шахристана, близ западной стены (в южной ее части), располагалась мастерская или мастерские медников, там найдено много кусочков характерных медных шлаков. Следует отметить, что на городище встречается значительное количество мелких фрагментов бронзовых изделий, известная часть которых была, как теперь выясняется, местного производства.

Отмеченные внутри шахристана Языра пункты ремесленного производства являются еще одним археологическим доводом против мнения тех исследователей, которые догматически считают, что в средневековом среднеазиатском городе производства располагались только в рабаде. Впрочем, даже письменные источники опровергают это ходячее

представление. В. В. Бартольд привел в свое время свидетельства средневековых авторов, что, например, в Бинкете базары располагались частью в шахристане, но преимущественно в рабаде[8]), в Буджикенте — частью в шахристане и частью, в рабаде[9]), а в Ахсикете базары шахристана отличались даже большей обширностью, чем базары рабада[10]). Если учесть, что в средние века городское ремесленное производство тесно было связано с базаром и нередко лавочка являлась одновременно и мастерской, ибо «...тогда ремесленники были в то же время и купцами...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология. Соч., т. IV. Партиздат, 1937, стр. 41), то можно вывести заключение, что в перечисленных выше крупных городах внутри шахристана также имелось развитое ремесленное производство. Таким образом, противопоставление шахристана рабаду, основывающееся только на мнимом наличии ремесленного производства лишь в рабаде, теряет всякий смысл.

Что касается былого рабада Шехр-Ислама, то он занимает значительную площадь и является очень сложным. Дело в том, что рабад Языра расположен не на одной цельной территории, а на трех оторванных друг от друга участках. К южной границе шахристана примыкает почти вплотную незначительная по площади территория рабада, условно названная «ближним рабадом». Южнее ее, вне пределов Г-образной стены, находится большая площадь, названная «южным рабадом», и к западу от западной стены шахристана — «западный рабад».

«Ближний рабад» территориально больше других частей рабада связан с шахристаном. Связь эта, очевидно, имеет под собой и более глубокие основания, именно почти органическую связь его с жизнью шахристана. Дело в том, что в южной части шахристана стена совсем не прослеживается, и рабад вплотную примыкает к территории собственно города. Хронологически это также одна из наиболее ранних городских территорий. Можно себе представить, что жизнь из шахристана раньше всего перехлестнула городскую стену именно в южном направлении, тем более, что именно отсюда поступала в город вода. Если рассмотреть эту часть рабада в плане, то она представлена двумя крупными «языками» и островком, выдвинутыми за границы шахристана. Территория «ближнего рабада» густо покрыта фрагментами керамики и кирпича, жизнь здесь протекала довольно интенсивно. На территории «ближнего рабада» из ремесленных производств наибольшее значение имело железоделательное. Там, на участке «М» (см. на плане) на основании значительного скопления железных крищ и шлаков с несомненностью устанавливается второй квартал металлистов. Северо-восточнее на участке «М», благодаря наличию известного числа железных крищ и шлаков, хотя и со значительно меньшей интенсивностью распространенных на поверхности, можно предположить третий центр железоделательного производства.

Почти вплотную примыкает к юго-западному углу южного выступа шахристана то место, где найдено большое количество фрагментов облицовочных плиток, покрытых с одной стороны голубой поливой. Однако это место не обязательно должно содержать в себе остатки какого-либо сооружения, ибо здесь был, судя по описанию и плану Михайлова, какой-то мазар, и возможно плитки были притащены к нему.

«Ближний рабад» является частью той городской территории, которую Дейнеко называл «нижним городом». В состав «нижнего города» он включал площадь, ограниченную на западе и на юге валом и цитаделью («передовой форт» по Михайлову). Именно здесь, внутри «нижнего города», в западной его части, находился по Михайлову громадный городской хауз. Эта территория была внимательно рассмотрена, причем оказалось, что вопрос не так прост, как это думали Михайлов и Дейнеко. Начинающаяся около южной стены шахристана глинобитная (сырцовая?) стена высотой до 2 м и имеющая ширину в оплыве до 4—5 м, она тянется сначала на ЮЮВ (ок. 240 м), затем под прямым углом поворачивает на ЗСЗ, но вскоре обрывается, образуя в плане букву Г. Никаких данных для датировки этого вала нет. Валяющиеся вдоль него и даже на нем фрагменты керамики явно попали сюда случайно, в процессе смыва и заноса.

Если продолжить обрывающийся отрезок этого вала (на юге), то он упрется в «передовой форт», находившийся, таким образом, на линии этого вала. «Передовой форт» меньше чем первая и вторая цитадели шахристана — размеры его площадки по верху 48×44 м². Он очень сильно размыт, но все же его высота достигает 2—3 м, спускаясь, правда, в некоторых местах до 1—1,5 м. Этот «форт» был очень сильно укреплен, имел мощные стены, что явствует из характерного котловинообразного вида поверхности его верхней площадки. Очень существенным является вопрос, был ли глинобитный вал доведен до «передового форта», продолжался ли он с другой стороны на северо-восток или север в промежутке между «передовым фортом» и шахристаном. Осмотр не дал никаких данных для окончательного решения этого вопроса. На поверхности земли здесь не заметно ни малейшего следа вала, но ведь не исключено, что прав был Михайлов, думавший, что на этих участках его смыло[11]).

Во всяком случае, бесспорно одно: шахристан был хуже всего укреплен с южной стороны, не говоря уже, что здесь находились въезды. Поэтому именно здесь был поставлен «передовой форт», служивший предвратным укреплением, которое в известной мере могло компенсировать слабость городской фортификации именно с этой стороны. Может быть какую-то связь с этим имеет и глинобитный вал, который, если он был когда-нибудь закончен, включал также и «ближний рабад».

Что касается существования громадного хауза (если принять цифры Михайлова, его площадь должна была бы быть свыше 6 гектар), то есть данные за и против. Важным свидетельством в пользу наличия его в былые эпохи может служить полное отсутствие на его поверхности фрагментов керамики или кирпича. Сейчас эта площадь представляет ровную поверхность, покрытую плотной коркой, напоминающей корку такыра. Наконец, у западного отрезка Г-образного вала можно подметить даже какое-то углубление, идущее вдоль вала — может быть, граница этого хауза. Вместе с тем существуют и сильные аргументы против. К числу их относится почти полное отсутствие следов впадины былого хауза. С южной стороны никакой границы хауза не чувствуется; площадка, которая когда-то должна была быть занятой хаузом, сейчас лежит на абсолютно одинаковой высоте с площадкой окружающего такыра. К тому же зеркало хауза должно было быть слишком большим, а испарение воды — настолько значительным, что

едва ли было бы рационально образовывать такое озеро. Корка же могла образоваться в результате воздействия солончаковых вод, очень здесь близких. Поэтому, не отвергая окончательно догадку Михайлова, мы все же считаем более вероятным, что вода поступала в шахристан и попадала в его сравнительно небольшие водоемы.

«Рабад южный» имеет в плане вид неправильной трапеции, одна из вершин которой упирается в «передовой форт». Эта часть рабада расположена прямо на такыре и не ограждена никакой стеной. По существу культурного слоя здесь нет: прямо на такыре возводились постройки, развалины их занимают почти всю площадь. Интенсивность жизни в различных местах этой части рабада была неодинаковой. Если в северной и западной его частях кирпичи заполняют все пространство сплошь, то в центре, на юге и востоке ими покрыты лишь отдельные площади, иногда значительно удаленные друг от друга. Бросается в глаза, что здесь очень мало, по сравнению с шахристаном и «ближним рабадом», керамики. Основное — кирпич. Это наводит на мысль, что здесь располагались преимущественно различные производства, были караван-сараи и т. д.

В южном рабаде концентрировались основные кирпичные заводы города. Огромное количество кирпичных отвалов и шлаков наглядно свидетельствует о значительном объеме кирпичного производства. Несколько таких заводов расположено вдоль юго-западной границы этой части рабада[12]), площадь одного из них 32×72 м², в нем как будто можно подметить остатки 7 кирпичных печей.

В южном углу трапеции этой части рабада, на самой его границе В. М. Массон обнаружил скопление архитектурных фрагментов — плиток резной поливной терракоты голубой поливы. Так как это место находится на самой границе городской территории, то возникает сомнение, являются ли эти фрагменты облицовкой находившегося здесь сооружения, или же здесь находилась мастерская по изготовлению резной поливной терракоты. Правда, отходы такого производства встречены не были.

Через территорию «рабада южного» проходил водопровод, доставлявший воду городу; сейчас его первые следы заметны метрах в 150 на восток от южного угла «рабада южного».

Территория «западного рабада» примыкает к западной стене шахристана. Площадь контура, в который можно включить «западный рабад» (он также не обнесен стеной), почти равна площади «южного рабада», но фактически здесь площадь развалин намного меньше, ибо они тянутся полосой вдоль стены шахристана, западнее идет пространство, лишенное остатков былой жизни и только в самом западном углу контура расположена площадка, покрытая развалинами. Мощный культурный слой обнаруживается здесь только в юго-восточном углу, в остальном же — это развалины, расположенные на такыре.

В западном рабаде имелся целый ряд ремесленных производств. В южной половине его восточной части находились такие ремесленные производства, как (с юга на север) железоделательное, кирпичное, медное, еще одно железоделательное, гончарное, стекольное. В северной половине восточной части «западного рабада» имеются отвалы двух небольших кирпичных заводов и остатки нижних частей стен какого-то здания, построенного из жженого кирпича с большим количеством ганча.

Кроме этих трех территорий («рабад ближний», «рабад южный» и «рабад западный»), в состав рабада входил целый ряд небольших обжитых участков, находившихся вне пределов городской стены (на восток от городища, между «рабадом южным» и «рабадом западным» и др.).

Суммирование данных о различных производствах в Шехр-Исламе приводит к заключению, что он являлся крупным центром ремесленного производства. Производство кирпича, несмотря на большой размах, имело, естественно, только внутригородской характер. О других производствах можно предположить, что они работали и на вывоз. К числу их можно отнести медное, гончарное и особенно железоделательное. Еще ал-Я'куби писал о недостатке железа у тюрок, вследствие которого они вынуждены были делать стрелы из костей[13]). И если на востоке Средней Азии кочевая степь могла получать железные изделия из Исфиджаба, Ферганы, Шаша, то в Южном Туркменистане пока по письменным источникам был известен лишь один пункт — Мерв, в мастерских которого изготовлялись неплохие клинки[14]).

Теперь выявлен второй пункт, через который могло идти снабжение кочевой степи изделиями из железа — Шехр-Ислам, пункт вообще необычайно благоприятный для торговли с кочевниками, благодаря своему выдвинутому в степь положению. На его базарах кочевник мог купить и товары, которые выделывались в близлежащих городах — Нисе и Абиверде: хлопчатобумажные одежды, шелк и одежды из него, кунжутное масло и др.[15]), товары, привезенные сюда из других мест. Разумеется, кочевники привозили в обмен различные произведения степи. Торговля с кочевниками могла послужить одной из важнейших причин экономического подъема Така. Разумеется, в процессе оживленных торговых (а иногда и военных, что не исключает одно другого) сношений, происходило естественное взаимодействие культур оседлого и кочевого населения. Собранный археологический материал пока не дает данных для решения вопроса об отражении этого взаимодействия на памятниках материальной культуры. Решение этого вопроса, имеющего большое принципиальное значение, — дело будущего.

Ниже приводится описание археологического материала с городища Шехр-Ислам.

Изделия из металла. В Ашхабадском музее, в коллекции 110, хранятся два металлических предмета, вывезенных в 1930 г. экспедицией Туркменкульта из Шехр-Ислама. Один из них — бронзовый подсвечник высотою 10,1 см, верхний диаметр-4,5 см. Он состоит из двух двояко-изогнутых частей. Место соединения этих двух частей (примерно, на середине высоты подсвечника) образует острое ребро. Нижняя половина подсвечника украшена насечкой. Являясь продуктом массового ремесленного производства, подсвечник интересен, как показатель уровня именно этого рядового производства. Скорее всего такие подсвечники изготовлялись тут же, прямо на месте.

Кроме того, в этой же коллекции хранится конец лезвия железного меча. Конец этот имеет полукруглую форму и его ширина достигает в сохранившейся части 4,5 см. Толщина его — до 0,4 см, утонение плавное и то в самом конце. Меч сильно коррозирован.

На поверхности городища встречается масса мелких фрагментов

железных и бронзовых изделий, свидетельствующих о широком распространении металлической утвари в быту населения Шехр-Ислама.

Каменное ядро. Близ западной стены шахристана было поднято каменное ядро, почти точно шаровидной формы, Д-10 см. Одна треть его отбита. Вероятнее всего, оно было снарядом камнеметной машины, стоявшей в городе, или же попавшим сюда при осаде.

Кирпич. Жженный кирпич, которым густо усыпана вся поверхность городища (в чем немалую роль сыграли местные жители, выбиравшие его для хозяйственных нужд), имеет по преимуществу размеры 20×20×3; 20×20×3,5; 21×21×4; 22×22×3 и 23×23×3,5 см³. Редко встречаются 19×19×3 см³, на первой цитадели имеется кирпич размером 31×31×5—6 см³.

Детали архитектурного декора. На городище было собрано много фрагментов архитектурного декора (фигурные кирпичи, кирпичные орнаментальные полосы, глазурованные облицовочные плитки, резная поливная терракота), свидетельствующих о существовании в Языре в разные эпохи богато декорированных монументальных сооружений.

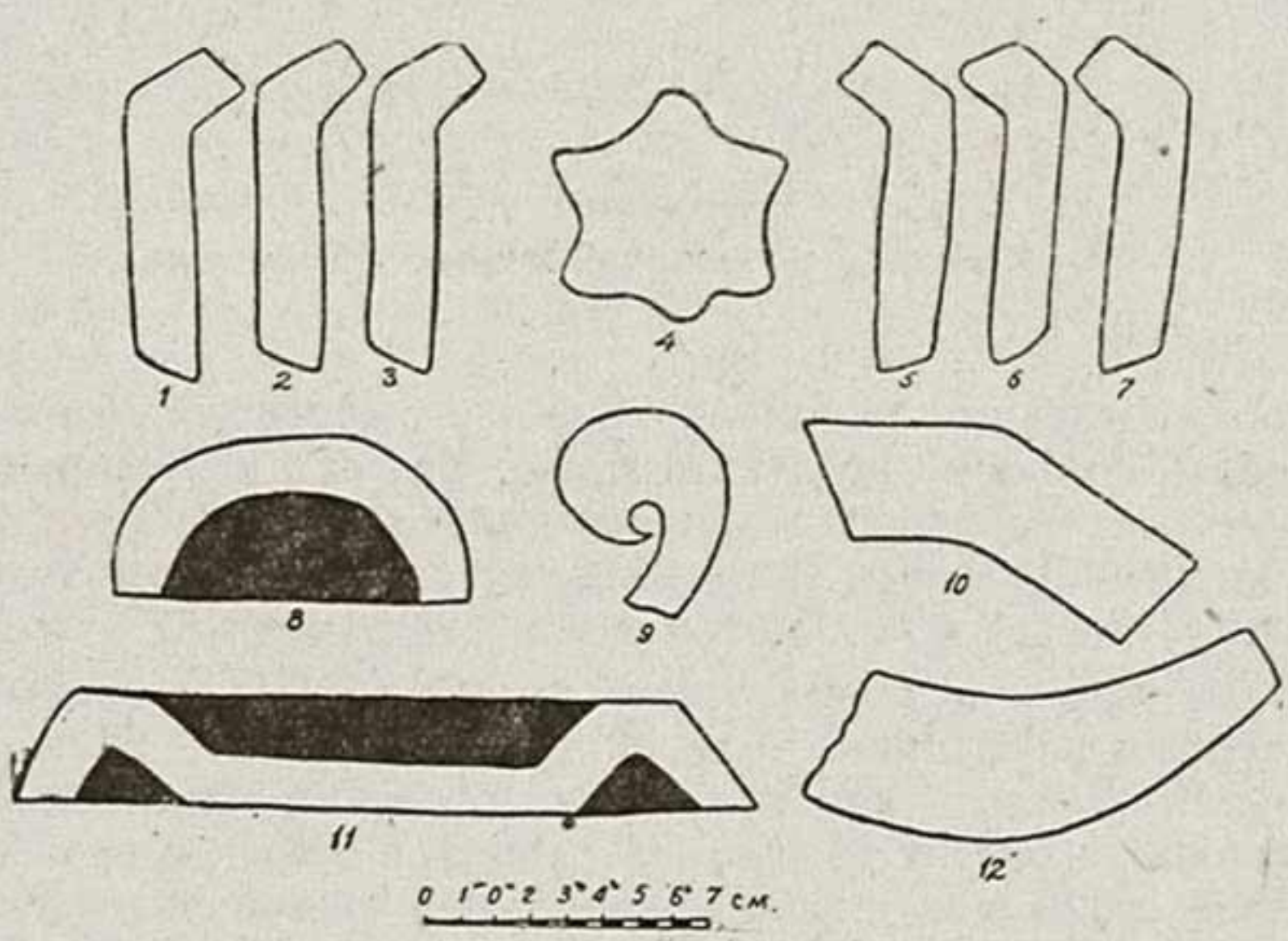


Рис. 3. Резной неполивной кирпич с городища Шехр-Ислам.

1. Фигурные кирпичи. Встречаются фигурные кирпичи двух типов — неполивные и поливные, многие со следами алебастрового раствора. Неполивные фигурные кирпичи можно по форме разбить на шесть групп. (рис. 3). Техника изготовления почти у всех одинакова: они вырезались острым орудием (ножом?) из сырой глины, после подсушки лицевая сторона заглаживалась. Исключением является кирпич, вытесанный в виде полуовала из уже обожженного кирпича (сравни ниже, глава III — фигурные кирпичи-бантики Феравы). Для украшения стволов колонн применялся тесаный фигурный лекальный кирпич, причем здесь заготовкой служил обычный лекальный кирпич, имеющий форму сегмента со стороной 22 см и центральным углом 60°. Лицевая

поверхность резных кирпичей этого типа при обжиге получала розовато-желтый цвет, несколько отличающийся по тону от цвета строительного кирпича Языра.

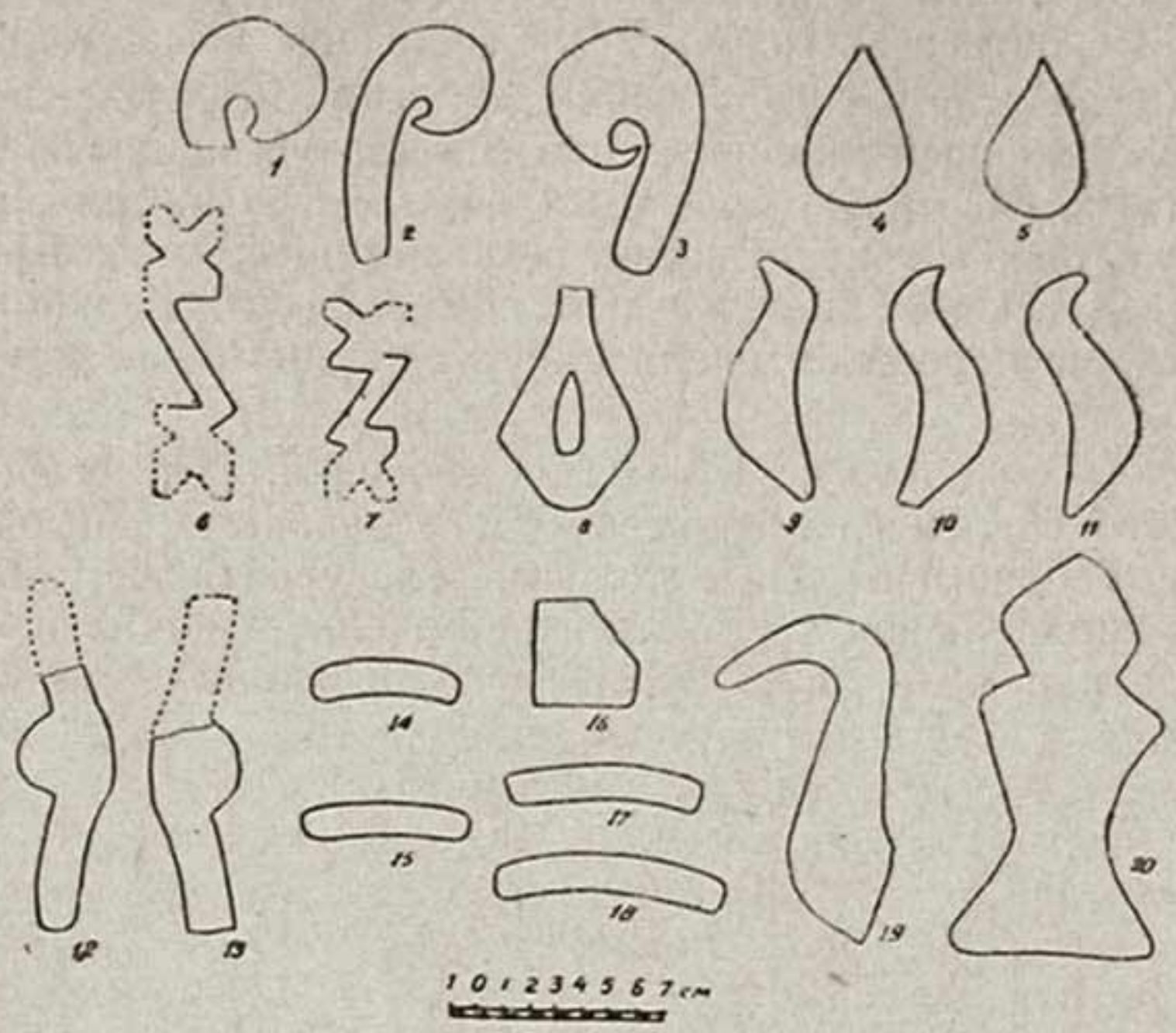


Рис. 4. Резной неполивной кирпич с городища Шехр-Ислам.

Поливные фигурные кирпичи, покрытые светлоголубой глазурью, можно разбить по форме на десять групп. Все они вырезались из сырой глины; лицевая поверхность до нанесения глазури заглаживалась. На одном из кирпичиков этого типа лицевая сторона имеет значительную кривизну (вогнутость) по длинной оси и еле заметную — по короткой.

Фигурные кирпичи обоих типов имеют многочисленные аналогии в архитектурных памятниках Мавераннахра, Хорезма, Южной Туркмении. Они употреблялись или в качестве отдельных вставок — «бантиков», вносивших элемент рельефного узора в плоскостную кирпичную орнаментацию стены или купольно-сводчатых частей здания и делавших к тому же предельно ясной систему основной кирпичной орнаментации, или в виде целых орнаментальных полос, собранных из многих однородных фигурных резных кирпичей.

Можно указать на мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре, как на первый сохранившийся пример их применения в кирпичном декоре, но широкое распространение эти фигурные кирпичи получают несколько позже — на памятниках XI—XII вв., хотя они употреблялись и в последующее время, вплоть до XIX в. (Взятые изолированно, они генетически восходят к терракотовым украшениям Средней Азии времени до арабского завоевания, таким как декоративные кирпичные плитки Нисы и распространенные в разных местах «кунгра»).

2. Поливные облицовочные плитки. В 1947 г. повторно были обнаружены квадратные облицовочные плитки светлоголубой поливы. Помимо плиток размеров, отмеченных по прежним сборам,

здесь зафиксированы плитки размером 20,5×20,5×1,5 см³. Толщина отдельных фрагментов варьирует от 13 до 50 мм. Все плитки имеют больший или меньший скос края во внутрь. Любопытен треугольный фрагмент (10×10×9 см при толщине 2 см; две сохранившиеся стороны имеют угол 45°) плитки другой формы — четырехугольной (ромб, трапеция?) или шестиугольной. Все плитки могут быть датированы XII — началом XIII вв.

3. Кирпичные орнаментальные полосы. Встречено два типа поливных кирпичных орнаментальных полос. Первый тип: длинные плоские кирпичики (длина — 23,5 см, ширина — 6 см, толщина — 3 см), примерно треть верхней поверхности которых срезана под углом 45°. Скос, боковая грань и часть верхней плоскости покрыты голубой глазурью.

Второй тип: длинные узкие кирпичики (длина — 18,5 см; ширина лицевой стороны — 3,1—3,3 см, противоположной — 2,6—2,8 см; толщина — 4—5,5 см), у которых торцовая сторона покрыта поливой. В собранных образцах — это темнофиолетовая пузырчатая полива, но, судя по голубым потекам, ее цвет—результат неудачного обжига. Нижняя сторона и одна боковая грань этих кирпичиков несут следы алебастрового раствора, противоположная боковая сторона — тщательно заглажена.

Кирпичные полосы обоих типов служили, несомненно, для обрамления декоративных панно, причем, судя по форме кирпичиков первого типа и по обработке и следам раствора на втором, можно предположить, что или они находились на углах стен, или изразцовый декор архитектурных сооружений, к которым они принадлежали, не был сплошным. Между панно должна была выступать плоскость стены, быть может, украшенная другим способом.

Широкое применение такого рода орнаментальных полос на памятниках Мавераннахра XIV в. и совместное нахождение с ними фрагментов резной поливной терракоты, делают вполне вероятной их датировку XIV в. Вместе с тем, если высказанная догадка о характере декоративного убранства памятников (или памятника) Языра, на котором они находились, является справедливой, то здесь можно будет видеть специфическую черту архитектуры Южной Туркмении XIV в., отличающую ее от Мавераннахра и сближающую с Хорезмом.

4. Резная поливная терракота. На городище было подобрано несколько фрагментов плиток резной поливной терракоты прямоугольной формы (ширина — 9,5—13 см, толщина — 3,5 см, длина не устанавливается). Внутри прямоугольника техникой глубокой резьбы (глубиной 15—20 мм) выполнен великолепный растительный орнамент в виде побега с трилистниками разных размеров. На одной плитке центром растительной композиции служит бадамча, образованная расходящимися в обе стороны растительными побегами, основные линии которых составляют четкую спираль. В другом случае орнамент плитки не имеет композиционного центра, ибо линия побега образует ряд пересекающихся окружностей, внутри которых расположены крупные трилистники.

Совершенно отлична от вышеописанных плитка с узором из соприкасающихся крестообразных фигур, стороны которых трактованы в виде ромба.

На двух других фрагментах толстых облицовочных плиток (форма их не устанавливается) геометрические фигуры (квадрат, треугольник) были прочерчены острием на поверхности, которая после этого была покрыта голубой глазурью. На одном из этих фрагментов сохранился переход к той части плиты, которая была украшена в совершенно другой технике (резная поливная терракота), так что эта облицовочная плита одновременно совмещала и гладкую и резную поверхности, являя собой пример довольно необычного сочетания двух разных декоративных техник.

Рис. 5. Плитки резной поливной терракоты с городища Шехр-Ислам.

Исключительно интересен фрагмент профилированного поливного изразца, несущий на себе следы глазурного покрытия трех цветов-голубого, синего и желтого (белого?). Черепок этого, как и вышеописанных фрагментов имеет в изломе кирпично-красный цвет.

Все фрагменты архитектурного декора этой группы могут быть уверенно отнесены к XIV в. Более точная датировка, при слабой изученности архитектуры Южной Туркмении этого периода, представляется пока преждевременной.

Керамика X—XII вв. В археологическом материале, собранном на городище в 1946 г., имеется фрагмент так называемой саманидской керамики, относящийся ко времени конца IX—X вв. Несмотря на тщательный и в большем масштабе проведенный сбор подъемной керамики в 1947 г., фрагментов так называемой саманидской керамики подобрано не было. Этот факт наводит на мысль, что здесь керамика «саманидского» типа была импортной и в этом районе не производилась. Ввоз же такой керамики мог легко осуществляться, благодаря вхождению этой части Туркмении в состав саманидского государства, не говоря уже о том, что в более восточных районах Южной Туркмении так называемая саманидская керамика, видимо, производилась на месте (Мерв).

Отсюда вытекает и другой вывод, подтверждаемый большим материалом городищ области Нисы, что этой керамике здесь хронологически соответствовал свой, совершенно отличный от Мавераннахра, тип. В Шехр-Исламе он встречается в сравнительно больших количествах. Для него характерна роспись желтым, черным, краснокоричневым, зеленым.

Судя по имеющимся фрагментам, среди поливной керамики более позднего времени — X—XII вв., наиболее обычной формой были чаши и миски. Все они изготовлены на гончарном круге, черепок тонкий, слабопористый, хорошего равномерного обжига, в изломе розового — светлокирпичного цвета. Донца двух типов: с более или менее ярко выраженным кольцевым поддоном или (второй вариант) с кольцевой бороздкой на нижней поверхности, плоского поддона, параллельно его краю. Диаметр поддона — 7—14 см.

Стенки этих чаш полого поднимаются вверх и имеют обычно почти прямое очертание. Реже встречаются чаши с резким изломом стенки во внутрь в верхней половине (например, Б — 3/246). Венчик изготовлен в виде прямой закраины, иногда слегка отогнутой внутрь или наружу (в нескольких случаях отогнутость носит более значительный характер, как, например, на фрагменте Б—3/239, где благодаря излому верхней части стенки высотою в 1,2 см от закраины, венчик имеет горизонтальное положение). Другой тип венчика был распространен меньше. Он получался путем срезания под прямым углом или несколько наклонно верхней плоскости закраины, в одном случае такой венчик слегка орнаментирован путем нанесения насечек (Б — 3/204).

По типу росписи эту керамику можно разбить на три группы. К первой группе нужно отнести фрагменты керамики с подглазурной росписью черной, коричневой, иногда болотно-желтой и зеленой красками. Роспись носит геометрический характер: композиции из узких концентрических полос, кружков, вертикальных полос с участками сплошь заполненными росписью. Иногда пространство между соседними концентрическими кругами заполнено прямоугольниками, в композиции встречаются С-образные фигуры. Реже линии геометрической композиции образуют сложные полигоны, площадь которых заполнена мелкими кружочками. В нескольких случаях встречаются подражания куфическим надписям (цветущему куфи). Особняком стоит рисунок в центре дна одного сосуда, на котором схематически изображена голова какого-то животного с вытянутой шеей и изображение морды зверя на другом сосуде.

Орнамент наносился только на внутреннюю поверхность чаши-миски, причем он заполнял ее целиком или (реже) располагался в верхней части стенок. Роспись наносилась на белый фон ангобного покрытия, причем наружные стороны стенок чаш, покрывавшиеся целиком или частично ангобом и глазурью, не расписывались. Глазурь была очень слабая и в большинстве случаев сохранилась лишь в виде блесток.

Стилистически к этой группе примыкает другая, менее многочисленная группа керамики, вероятно сосуществовавшая с первой. Для нее характерна техника сграффитто. На белом ангобе процарапывался геометрический орнамент, причем процарапывание производилось или глубокое — до появления цвета черепка, или же только с целью образования углублений в ангобе. Эта керамика почти не расписывалась, изредка на ангоб нанесены росписью коричневым или черным небольшие геометрические узоры. Основной фон — белый. И в первом и во втором случае все покрывалось сверху глазурью.

Наконец, третью группу составляют также не особенно многочисленные фрагменты мраморовидной (зеленой с желтым) керамики, столь обильно представленной на памятниках Мавераннахра.

Таким образом, керамика IX—XII вв. городища Шехр-Ислам и прилегающего района, даже в том фрагментарном виде, какой имеется в собранной коллекции, позволяет сделать вывод о значительном сходстве ее основных типов с хорезмийской керамикой того времени[16]). Очевидно, было бы упрощением связывать появление здесь этой керамики с политическим присоединением северной части Хорасана к Хорезму. Думается, что причины такого сходства лежат глубже. Их нужно искать в тесных культурно-экономических взаимоотношениях между северным Хорасаном и Хорезмом именно в этот период, взаимоотношениях, в которых дающими были обе стороны.

С другой стороны, совершенно отрывать эту керамику от керамики Мавераннахра того же времени невозможно, ибо сюда не только проникают типы мавераннахрской керамики, но и гамма той части керамики рассмотренной группы, которую мы считаем специфической для северного Хорасана (и Хорезма), перекликается с гаммой керамики Мавераннахра IX—XII вв.

Керамика XII—XIII вв. Преимущественно в эти хронологические границы заключена большая группа монохромной глазурованной керамики, покрытой зеленой (разных оттенков) и голубой поливой. Керамика этой группы дает большое количество разнообразных форм: плоских мисок разных размеров, чаш, широкогорлых кувшинов, чирагов и др.

Миски обычно имеют высокий, плоско срезанный или слабо вырезанный кольцевой поддон и полого поднимающуюся стенку. Нередко в верхней половине стенка дает резкий излом вверх, поднимается так на 1—3 см, а затем отгибается наружу. Закраина прямая, иногда чуть-чуть орнаментированная насечкой.

Чаши очень разнообразны по величине, начиная с совсем маленьких, имеющих диаметр дна 4—5 см. Черепок имеет в изломе кремовый или желтовато-кремовый цвет. Поддон плоский или кольцевой. Закраина прямая или чуть-чуть оттянутая наружу. В некоторых экземплярах (Б — 3/446) верхняя половина стенки поднимается вертикально, но обычно более или менее круто подымающаяся стенка имеет округлое очертание, причем выпуклость обращена наружу.

Среди кувшинов можно отметить форму широкогорлых кувшинов с диаметром горла до 13—15 см, причем высота горла по вертикали относительно небольшая — 2,5—3 см, с плавным переходом от округлого тулова к горлу и слабо выраженным плечикам. Венчик прямой или слегка оттянутый наружу. Существовал и другой тип кувшинов, узкогорлых (диаметр горла — 8—9 см), с ручкой, прикреплявшейся одним концом у закраины. Иногда у средней величины кувшинчиков ручка делалась в виде полукруглого налепа-валика на тулове.

Чираги делались по крайней мере двух типов: с низким резервуаром и маленьким носиком, стенка которого слегка вдавлена внутрь, и другой тип — большой чираг, с глубиной резервуара свыше 3 см и прямым длинным носиком, резко отделенным от округлого резервуара. Очень часто встречаются подставки чирагдонов.

Орнаментация сосудов этой группы довольно проста. Можно указать на следующие приемы, которыми она производилась: насечка (на закраинах), процарапывание волнистой линии, штамп (с треугольником. кружки из нескольких точек, кружки с пальметкой внутри, кружки с расходящимися от них короткими лучами, штампованные сосочки и др.)

и, наконец, особый тип орнаментации, когда она производилась путем выреза идущих на одном уровне треугольников прямых бороздок и др. Возможно, к этому времени относится также группа керамики зеленой поливы, орнаментированная техникой сграфитто, и несколько типов керамики с темнокоричневой и черной росписью.

Керамика XIII—XIV вв. Весьма обильно представлена на городище. Судя по собранным фрагментам этой керамики, наиболее распространенными формами были миски и чаши разных размеров. Поддон чаще всего кольцевой. В одном случае поддон какой-то чаши имеет вид высокой кольцевой ножки (= 2,5 см), необычной для такого рода керамики. Этот поддон несомненно является результатом подражания формам люстровой керамики, столь широко распространенной в Южной Туркмении в ту эпоху. Более значительная толщина и грубость исполнения вполне объясняются переходом к другому материалу. Венчики сосудов этой группы дают несколько вариантов. У многих из них имеется прямая закраина, иногда несколько отогнутая во внутрь или наружу. Вместе с тем в верхней части мисок стенка изламывается во внутрь, чтобы почти сразу за тем принять прежнее направление. Весьма распространенными являются молоткообразные, сильно оттянутые наружу венчики.

Большинство этих сосудов покрыто голубой поливой различных оттенков, реже — беловато-серой и несут подглазурную роспись черным (марганец) и голубым. В росписи представлены самые разнообразные довольно сложные геометрические и реже растительные композиции. Из наиболее часто встречающихся мотивов можно указать на геометрическую плетенку, побеги, круги с точками, древовидный орнамент, параллельные мазки синей краской, сложные полигоны, заполненные сеткой линий, круги с двумя пересекающимися под прямым углом в центре полосками, заполненными кружками и т. д.

Судя по молотообразным венчикам, к этой группе следует отнести также некоторые фрагменты керамики зеленой поливы.

Вероятно к этой же группе должна относиться и твердо-кашинная керамика, украшенная геометрическим узором, состоящим из прорезей в стенках сосудов, заполненных белой просвечивающей глазурью.

Широкое распространение имеет своеобразная керамика, не встречающаяся в Мавераннахре и восточной части Ю. Туркмении, но весьма обычная для городищ юго-западной Туркмении. Это тонкостенная кашинная керамика, покрытая росписью преимущественно белого, синего и черного цвета, часто с сграфитто. Гамма ее росписи, характер глазурного покрытия, и, отчасти, орнаментация перекликаются с куня-ургенчской керамикой XIV в., отличаясь от нее отсутствием рельефа. Учитывая то обстоятельство, что на Шехр-Исламе нет керамики, типичной для XV в. («тимуридской»), богато представленной в соседнем Дуруне, можно полагать, что эта своеобразная керамика бытовала здесь в XIV и м. б. в 1 половине XV в., причем сложение этого типа, связанного с глубокими традициями местной керамической школы и происшедшее под сильным влиянием куня-ургенчской и, в значительно меньшей степени, люстровой керамики, является еще одним штрихом, показывающим, во-первых, культурную самобытность этой части Южной Туркмении, во-вторых, ее тесные связи с Хорезмом.

Совершенно необычны несколько фрагментов, декорированные глубоким резным орнаментом и покрытые голубой глазурью. Один из них является, по мнению автора, частью какого-то сосуда (Д-венчика= 38 см, толщина стенки — 14—17 мм) Венчик снаружи трактован в виде двух валиков (редко встречающаяся форма), ниже второго валика начинается двухпланный резной орнамент (глубина его — 2 и 7 мм),

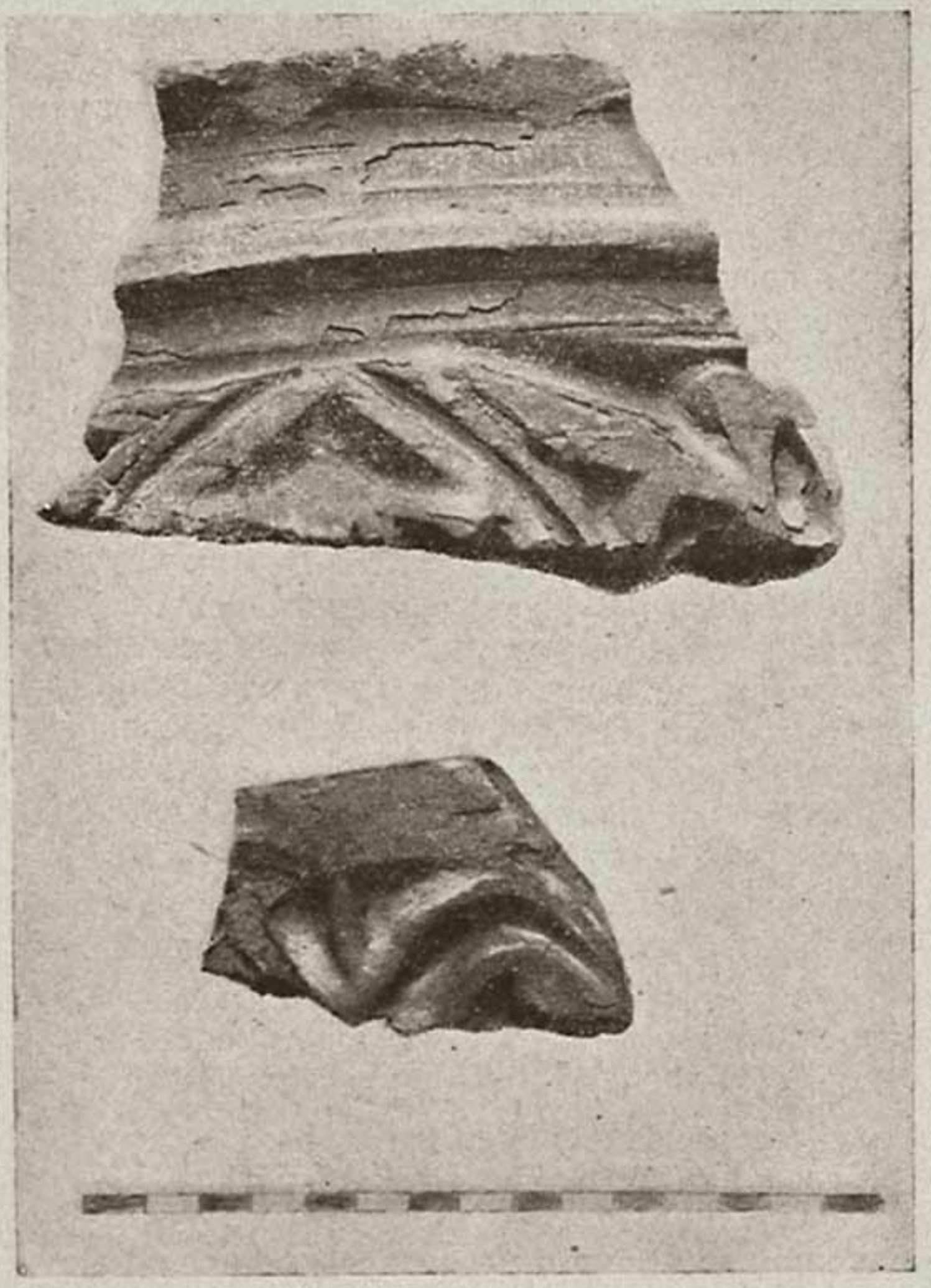


Рис. 6. Лекальные плитки резной поливной терракоты из Шехр-Ислама.

видимо, растительного характера. На другом фрагменте (рис. 6, внизу), также являющемся закраиной и верхней частью стенки (Д венчика = 32 см, толщина стенки — 17 мм) резной орнамент начинается на расстоянии 1,7 см от венчика, так что, вероятно, почти вся стенка была заполнена плетенкой растительного узора. На третьем фрагменте резной геометрический орнамент располагался горизонтальными поясами. На некоторых фрагментах растительный узор вписан в сложный картуш (рис. 7).

Вызывает некоторые недоумения один фрагмент, который первоначально, благодаря своей массивности (Д. = 40 см, толщина — 40 мм), производит впечатление детали архитектурной облицовки, а не фрагмента сосуда. Он был покрыт снаружи и изнутри голубой глазурью, в 5 см ниже почти прямой «закраины» начиналась плетенка резного растительного узора. Не исключено, что это — архитектурная облицовка, однако профиль стенки и покрытие глазурью изнутри (так же, как на первом и третьем фрагментах) делают более вероятным предположение, что это фрагмент верхней части исключительно массивного сосуда. Разумеется, посуда со столь трудоемкой и дорогостоющей орнаментацией не была предназначена для широких слоев городского населения, а могла употребляться в быту лишь зажиточной части его.

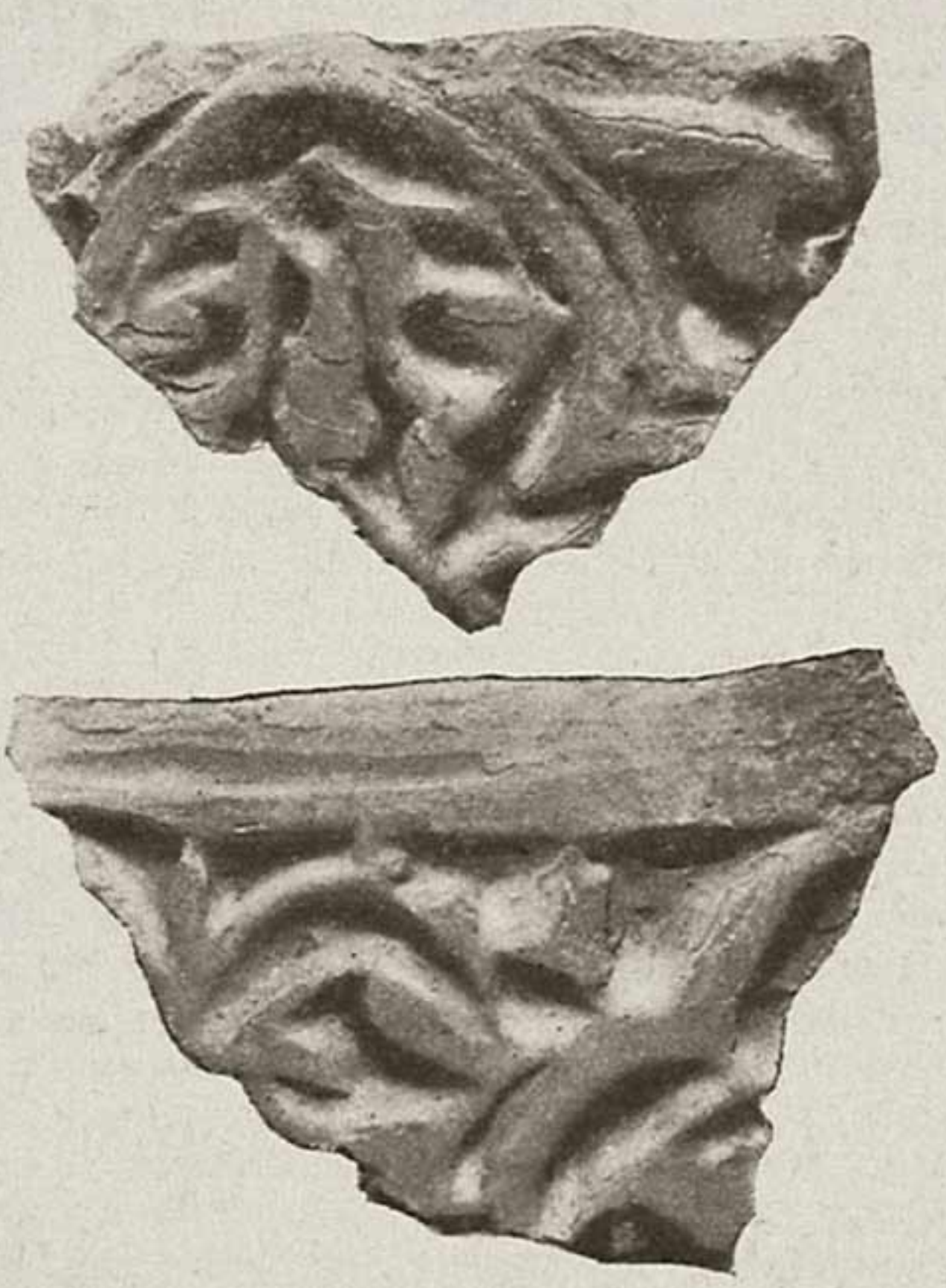


Рис. 7. Лекальные плитки резной поливной терракоты из Шехр-Ислама.

Рассмотрение орнаментации этих сосудов приводит к выводу, что она, несомненно, навеяна архитектурным декором того времени. Широкое распространение резной поливной терракоты сделало вполне реальным перенос ее техники на гончарные изделия, особенно массивные, и привело к созданию особого стиля исключительно парадной гон-

чарной орнаментации, который можно было бы назвать «архитектурным». Зрительное впечатление от орнаментации таким образом украшенного сосуда должно было усиливаться игрой светотени, рельефной осязаемостью узора. Вместе с тем, надо отметить, что эта орнаментация, перенесенная в гончарное производство из архитектуры, не соответствовала функциональному назначению той плоскости (стенка сосуда), на которую она здесь наносилась, что, вероятно, было вскоре подмечено и послужило причиной ее малой распространенности[17]).

Для глазурованной керамики XIV в. до сих пор был известен лишь штампованный рельефный орнамент, что же касается резного орнамента, то он отмечался на неполивной керамике XI—XII вв., напр. в Хорезме[18]) и Южной Туркмении. На городище Новая Ниса в мусорной яме начала XIII в. были встречены фрагменты тонкостенной поливной керамики с резным узором, которые, однако, сходствуют с рассматриваемыми только техникой.

Количество неполивной керамики на городище огромно, но благодаря своей фрагментарности она, за некоторыми исключениями, не может быть пока распределена на хронологические группы. Можно отметить наличие широкогорлых и узкогорлых кувшинов, хумов, чаш, мисок и др.

Кроме керамики, встречено большое количество бесформенных фрагментов изделий из бронзы, стекла и камня.

Из мелких находок можно отметить целую раковину каури, цилиндрическую бусину (бирюза) и др.

* * *

Однако жизнь в Языре, прекратившем в XV в. существование в качестве города, не заглохла совсем. Наглядное свидетельство тому — кладбище и мазары. Кладбище занимает довольно значительную площадь в западном углу развалин, причем границами его являются: с юга — «рабад южный», с запада — «передовой форт» и «рабад ближний», с севера — шахристан, с востока кладбище заходит за мазары. Большинство могил выделяется простыми песчаными бугорками в всунутыми в изголовье и ногах деревянными палочками. Палочки эти, в противоположность другим местам, например Нухуру, не отделаны никакой резьбой (в Нухуре это по существу не палочки, а дощечки с искусно и очень сложно врезанными краями). Кроме этого вида надгробий, кое-где имеются почти полностью разрушенные сагана из жженого кирпича. Общее направление намогильных насыпей и сагана — север-юг, но не строго, чаще всего с азимутом 330—345°.

На этом же кладбище лежат два фертообразных намогильника, сделанных из серого известняка. Высота одного из них (внизу оболоман) — 80 см, максимальная ширина — 34 см. Он представляет в нижней части суживающуюся вверх призму, на которую посажено овальное, более широкое, навершие. С обеих фасадных сторон ферг обработан одинаково: по краю идет выступающая полоса шириною 1,5—3 см, остальная поверхность углублена по сравнению с этой полосой на 0,5 см. В середине навершия, сверху, идет горизонтальный желобок.

В восточной части кладбища находятся три мазара. Наиболее интересным из всех трех мазаров является северный. Так же, как и два других, он сложен из старого жженого кирпича размером преимущественно 22×22×3 и 23×23×3,5—4 см³, кирпич положен на глиняном растворе. В плане этот мазар снаружи и внутри почти круглый. Вход с западной стороны. Внутренний диаметр мазара достигает 3,58 м, что дает при толщине стенки 1,10 м, наружный диаметр в 5,70 м. Переход к куполу облегчен уже тем, что интерьер имеет в плане круг. Купол выведен нависанием рядов кирпича (ложный купол). Строитель явно пытался придать мазару внутри и снаружи парадный вид, использовав с этой целью прием простейшей кирпичной орнаментации. Снаружи орнаментация выполнена чередованием полос плашмя положенного кирпича, рядов половинок кирпича, выложенных «в елочку» и, наконец, тех же половинок, но положенных наклонно. Внутри применены те же приемы орнаментации. Там, где кладка идет «в елочку», она сделана из половинок (длиной 10—12 см).

Вся орнаментация выполнена довольно небрежно, кое-где пояса не совсем точно совпадают друг с другом и т. д. На глиняном растворе, насколько можно судить сейчас, были положены лишь горизонтальные ряды, ряды же наклонных кирпичей клались друг на друга «всухую», без раствора.

В отношении датировки этого и двух других мавзолеев мы пока не имеем никаких данных: кирпич использован вторично, никаких надписей на них нет, а так как поздняя архитектура Туркмении почти не изучена, то и нельзя, по существу, привлечь какие-либо аналогии. Вероятнее всего, все же, что эти памятники относятся к XVII—XVIII вв.

Много лет назад Михайловым и Дейнеко был описан ныне не существующий мавзолей, квадратного плана, с арочным входом и украшениями «из незатейливых арабесок»[19]).

В какой-то связи с мазарами находятся встреченные в пределах кладбища сагана из серого известняка. Одна из них, четырехступенчатой формы, была подмечена близ юго-восточного фаса стены шахристана. Ее длина — 76,2 см, ширина — 38 см, высота — 27 см.

Дурун[20])

Городище Дурун легко членится на две части — большую и очень мощную цитадель и шахристан. Площадь вокруг них, где должен был находиться рабад, не подверглась обследованию, так что о его границах и интенсивности жизни на его территории нет пока определенных данных.

Был снят глазомерный план цитадели и шахристана, что позволило уточнить представление об их форме, а также произведена нивелировка цитадели.

Цитадель Дуруна, в 1946 году при предварительном обследовании принятая за четырехугольную, на самом деле имеет более сложные очертания. Восточная ее стена состоит по крайней мере из трех крупных отрезков, в концах которых находятся башни, западная — из двух, длинная южная и короткая северная стороны — из одного. В общем и план имеет вид не четырехугольника, а вытянутого с севера на юг многоугольника. Высота цитадели, если за 0 принять уровень былого

рва к югу от нее, достигает в северной части 15 м, в южной части — 14 м, наиболее низкая юго-западная часть (близ пандуса) — примерно, 7,5 м. По краю цитадели проходит оплыв былой стены. Далеко отступающий на юг пандус входа (в юго-западном углу) был, видимо, также с двух сторон огорожен стенами.

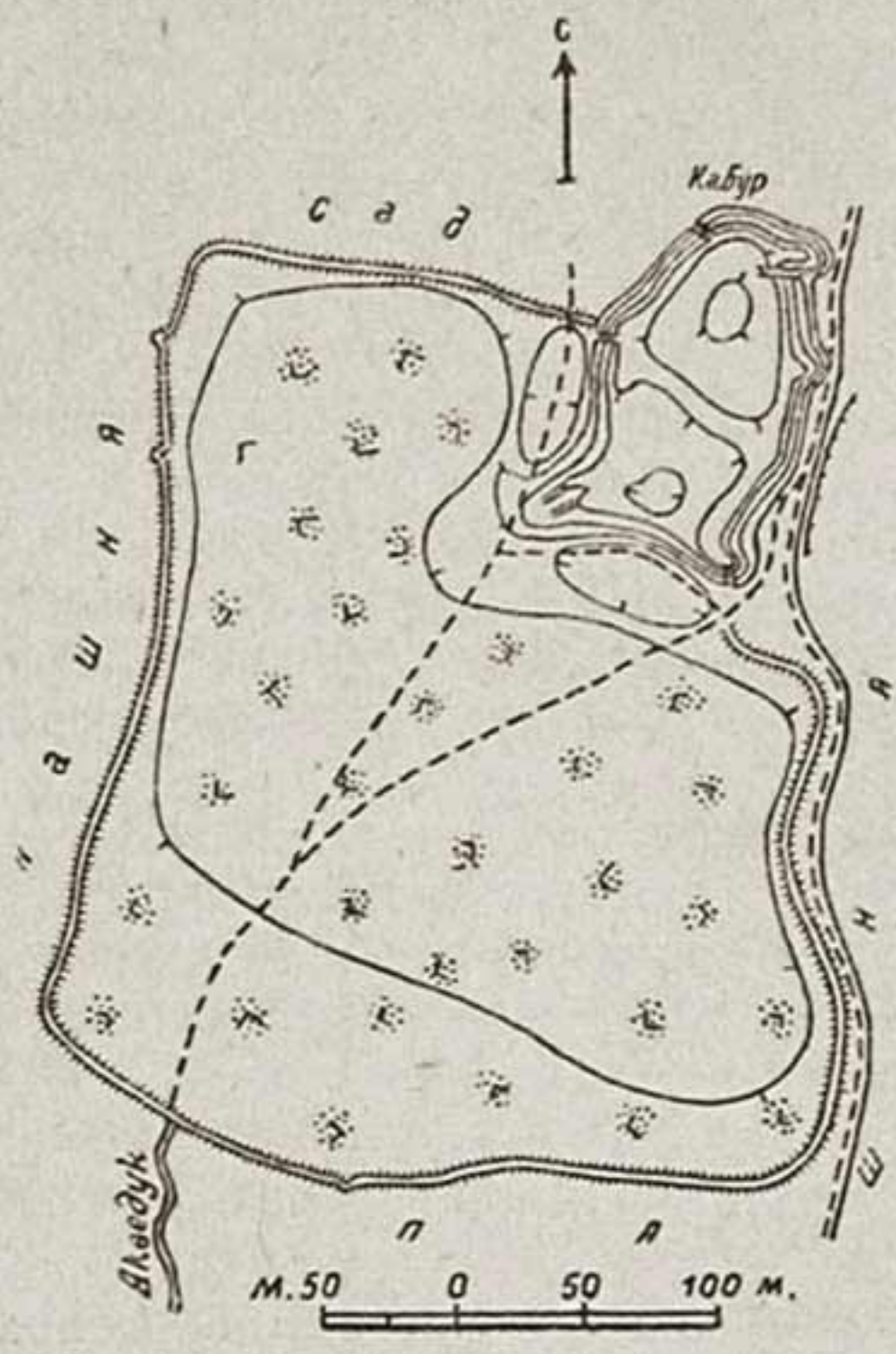


Рис. 8. Городище Дурун.

Неприступность этой небольшой крепости усиливалась еще крутизной скатов, особенно значительной в тех частях цитадели, которые не вошли в систему обороны стены шахристана.

Что касается котловинообразной впадины в северной части цитадели, которая кажется следом былого хауза, то возникает сомнение, могла ли вода попадать сюда самотечным путем из пределов шахристана, ибо „хауз" по крайней мере на 10 м выше его уровня. Надо думать, что поступление воды в цитадель извне, судя по рельефу окружающей местности, едва ли было возможно и для окончательного разрешения вопроса о характере этой впадины потребуются раскопочные работы.

В северо-западном углу цитадели, в промоине стены на скате, обнаружен отрезок кобура, лежащего под очень большим углом. Его диаметр — 23 см. Без проведения зачистки неясно, попал ли он сюда случайно, в результате смыва, или же представлял звено выводного канализационного кобура.

Площадь шахристана обнесена стеной из сырцового кирпича. Эта стена примыкает к середине западного фаса цитадели, тянется на запад, затем поворачивает на юг и, повернув последовательно на восток и север, выходит к юго-восточному углу цитадели. Размеры площади, обведенной стеной: север-юг — 320 м, восток-запад — 300 м. Стена шахристана является почти прямой только в своей северной стороне, остальные стороны состоят из мелких отрезков (25—75 шагов), непрерывно, хоть и незначительно, меняющих направление.

Стена сохранилась не везде одинаково, но на всем протяжении ее вал хорошо прослеживается. В южной, наименее разрушенной части ее высота до 7 м при ширине внизу 2—2,10 м. Сырцовый кирпич, из которого она сделана, имеет размеры 25—27×?×4,5 см (квадратный?).

Стена когда-то имела башни, оплывы которых кое-где прослеживаются, и ворота в северо-восточном и юго-западном (?) углах.

Интересно сопряжение этой стены с укреплениями цитадели. Видимо, считалось, что враг может проникнуть в шахристан в месте присоединения к юго-восточному углу цитадели стены шахристана, несмотря

на крутизну скатов цитадели и расположенную в юго-восточном углу мощную башню: здесь стена шахристана не только вплотную подходит к углу цитадели, но и поднимается по ее скату почти до верхней площадки. Возникает и другая мысль, не был ли построен этот отрезок в то время, когда цитадель уже не существовала как укрепление, башни не функционировали и в целях большей безопасности провели этот отрезок стены, хотя, разумеется, он не давал никакой гарантии, если бы другие стороны цитадели никак не прикрывались бы.

Внутри стены шахристана легко различаются остатки весьма развитой городской жизни. Нет их лишь в частях шахристана, непосредственно с юга и запада примыкающих к цитадели — здесь когда-то был ров.

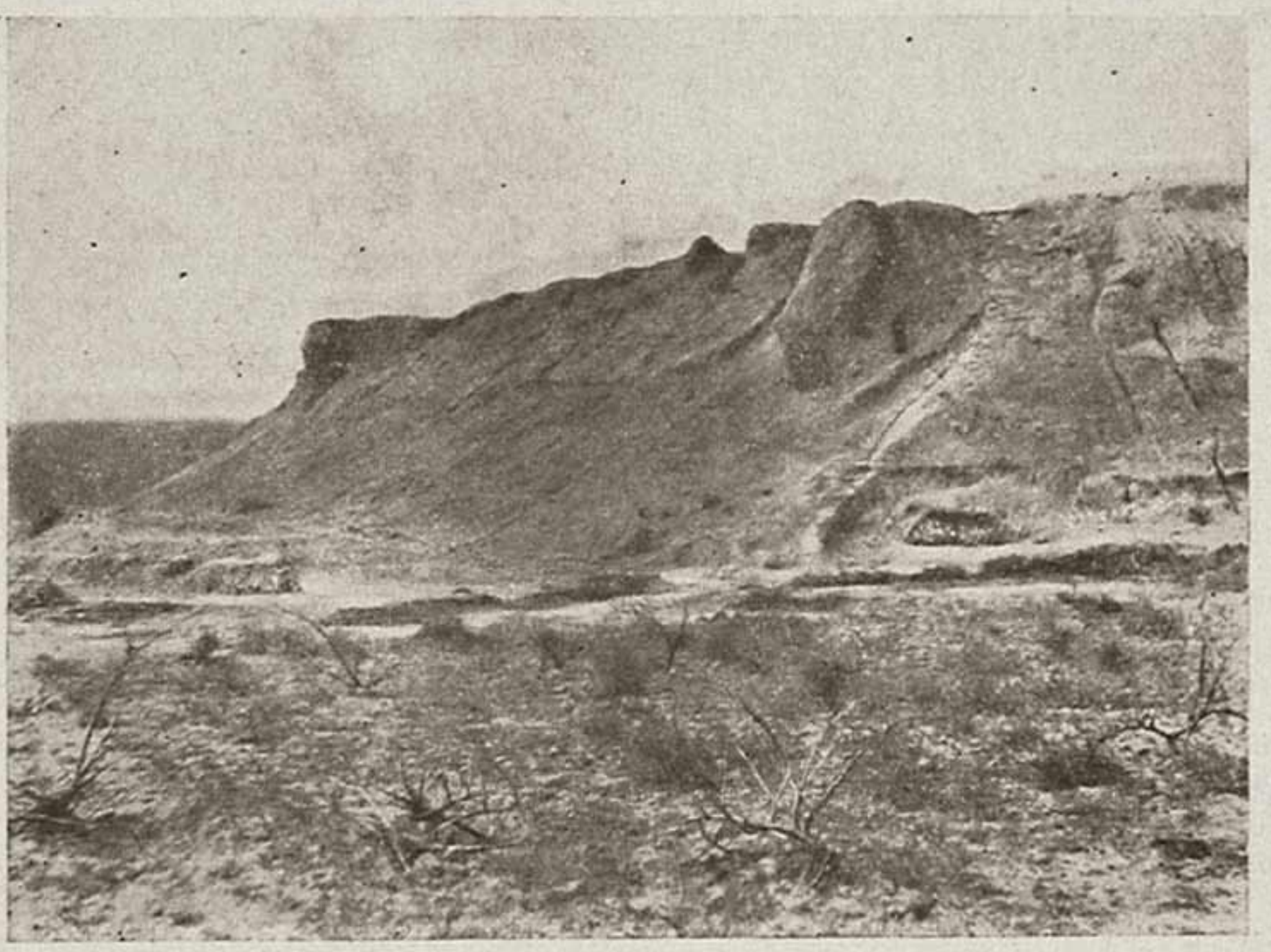


Рис. 9. Дурун. Восточная сторона цитадели.

Наиболее заселенная и давшая наиболее мощный культурный слой (до 2 м) полоса шахристана находится в его середине; к стенам мощность культурного слоя уменьшается. Тут валяется много строительного материала — кирпича и камня, встречаются, хоть и не в очень большом количестве, фрагменты керамики. Кое-где попадаются керамические шлаки, но скоплений их, указывающих на место керамического производства, выявлено не было.

Вода подводилась к шахристану с юга. Может быть, подходящий сейчас к южной стене шахристана в западной ее части невысокий акведук и находится на месте былого ввода воды в город.

Материал, собранный на территории цитадели и шахристана Дурун, укладывается в рамки IX—XVIII вв. Керамика IX—X вв. встречается довольно редко, но уже материал XI—XII вв. обильно представлен

на городище. В монгольское время на городище бытовала в основном типичная для этого времени керамика — голубая с черной росписью, а также разные типы местной и привозной люстровой керамики. На его поверхности, особенно в пределах шахристана, встречается большое количество фрагментов керамики XV—XVI вв., среди них немало с первоклассной художественной росписью. Особо следует отметить фрагмент донца маленького сосуда XV в. (чашечка, бокал?), сделанного из белого кашина (диаметр дна = 3,2 см). Внутренняя поверхность сосуда покрыта белой глазурью, в центре дна — светлоголубой круг, внутри которого на белом фоне дана кобальтом вертикальная композиция, состоящая из трех висящих на лозе кистей винограда, двух соприкасающихся друг с другом и одной несколько поодаль. Изображение сделано в свободной, реалистической манере. Особенностью этого сосуда является то, что снаружи, по крайней мере в сохранившейся части, он был покрыт непрозрачной коричневой глазурью, а нижняя поверхность ножки — пузырчатой белой.

Видимо, уже следующему столетию принадлежит фрагмент закраины кашинной тарелки, на внутренней поверхности которой были разбросаны в определенном порядке знаки, напоминающие иероглифы и игравшие, видимо, лишь орнаментальную роль.

К XVI или XVII вв. относится маленькая чашечка из очень твердого кашина. Диаметр дна чашечки — 2,5 см. Чашечка покрыта чисто белой глазурью, снаружи, благодаря проведенным по поверхности неглубоким вертикальным желобкам, глазурь имеет различную глубину и соответственно оттенки. Таким путем мастер получил очень элегантный орнамент. Такая техника, сочетающаяся со сграфитто, применена на многочисленных фрагментах венчиков небольших сосудов из очень твердого кашина с белой глазурью.

Рядовая керамика XVII—XVIII вв. представлена фрагментами крупных сосудов, изготовленных обычно из недостаточно хорошо приготовленного теста. Здесь встречаются крупные чашки, миски, блюда и др., покрытые черной, грязно-желтой и иными поливами.

Кизыл-Имам в Дуруне. Знакомство русских с мавзолеем Кизыл-Имам в Дуруне произошло во время присоединения края. 28 ноября, 1880 г. генерал Петрусевич решил устроить укрепление на речке выше Дуруна. «Такое место было выбрано у каменной мечети Кизыл-Имам, окруженной глиняным забором, который представлял уже готовое укрепление». Приказом от 2 декабря 1880 г. укрепление Дурун в честь одного из полков передового отряда было переименовано в укрепление Оренбургское[21]).

В III томе работы участника похода Н. И. Гродекова «Война в Туркмении» была опубликована таблица-политипаж с гравюрой, изображающей «Кизыл-Имам, обращенный в редиют Дурунского укрепления»[22]). Подпись под таблицей показывает, что новое название «Укрепление Оренбургское» не вошло тогда в достаточно широкий обиход.

Бывавший в этих местах вскоре после присоединения края инженер П. М. Лессар отметил в одной из своих статей наличие «развалин небольших мечетей» в Дуруне и Парау[23]), но имел ли он в виду, упоминая о Дуруне, Кизыл-Имам, остается неясным.

П. С. Васильев в 1888 г. писал о наличии в аулах Дурун и Анау грандиозных развалин мечетей, говорящих, по его мнению, о вкусе и культуре строителей. Этот автор думал, что «Переселение и образование племени (текинцев — Б. Л.) совершилось, как надо полагать, недавно, не более 300 лет тому назад, подтверждением чему служат развалины персидской мечети в Дуруне, разрушенной Текинами при нашествии. Мечеть эта, как гласит сохранившаяся на персидском языке надпись на мраморной доске вделанной в стену, была возобновлена, по нашему счислению, за 375 лет. Следовательно, в то время Текинцы не могли владеть этой полосой, а завладели ею позже»[24]).

Позже «развалины мечети» у Дуруна были упомянуты в путеводителе А. А. Олсуфьева и В. П. Панаева[25]).

В «Списке развалин, пещер, курганов и др. памятников древности, находящихся в Закаспийской области», составленном по официальным данным Э. Э. Тейле[26]) и в дополнениях к этому списку, сделанных И. А. Беляевым[27]), Кизыл-Имам не нашел никакого отражения.

Рассматриваемый памятник не подвергался детальному обследованию и в послереволюционное время. Может быть отчасти и к нему относятся слова С. А. Ершова, что при обследовании археологическим кружком в мае 1928 г. были «... приняты меры к охране памятников в районе Бахардена»[28]).

Как будто бы не было опубликовано в печати также никаких графических материалов (планов, разрезов и т. д.), что, вместе со слухами о разрушении памятника, вызывало необходимость его описания и фиксации, хотя бы предварительной.

Сохранность мавзолея плохая. Верхняя часть главного (восточного) портала разрушена, три остальные портала разрушены еще больше, ни один из них не сохранил даже полностью устои, не говоря о верхних частях. Из четырех комнат-худжр в углах здания полностью цела лишь юго-восточная. Внутри здания весьма пострадали нишевидные паруса, от них остались лишь устои, внутренние же стенки этих парусов разломаны. Наиболее печально дело обстоит с куполом: вся центральная часть, примерно $^3/_4$ площади его, обрушилось, поэтому внутри здания лежит масса кирпичей, нагромождение которых намного подняло первоначальный уровень пола и закрыло возможно, имевшиеся, на нем какие-либо намогильные сооружения. Снаружи груды кирпичей от обрушенных частей здания лежат по всем четырем углам и препятствуют проведению обмеров.

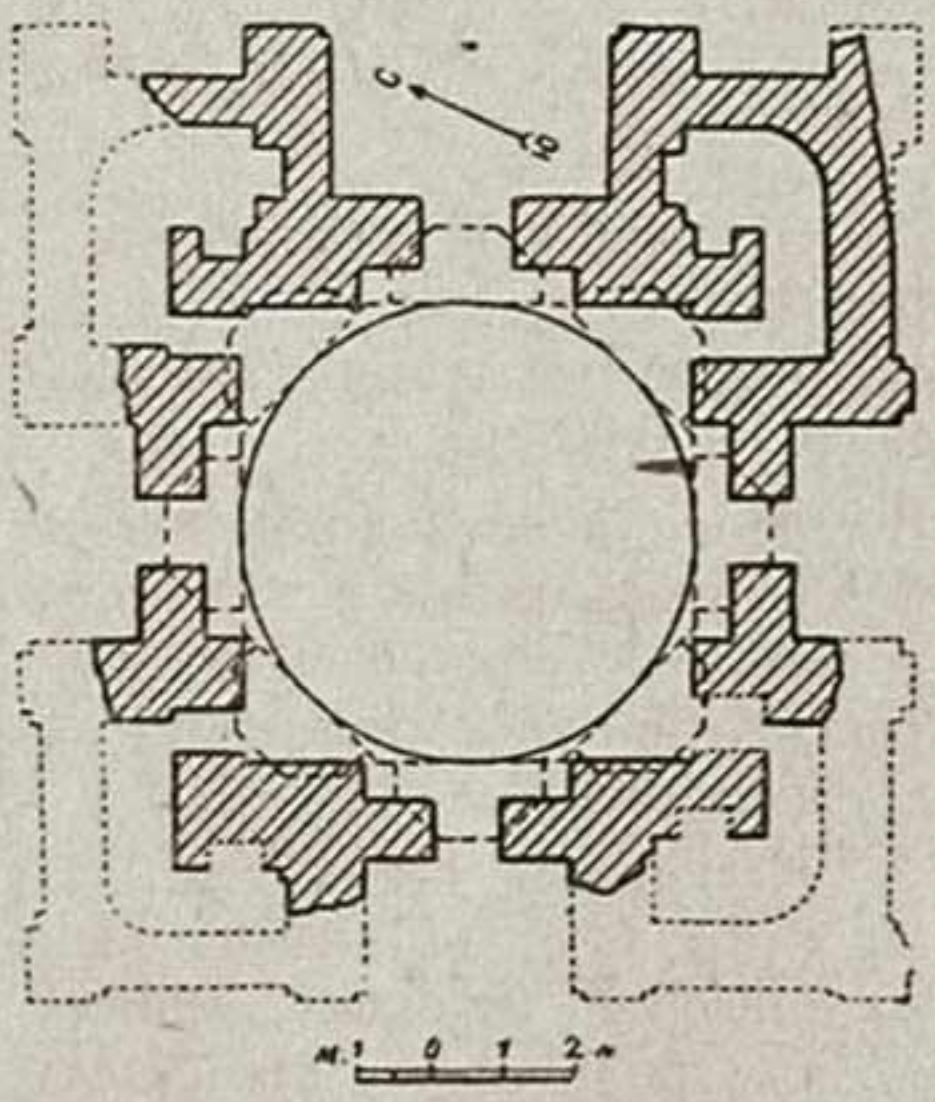


Рис. 10. Мавзолей Кизыл-Имам. План.

Здание представляет из себя центрический мавзолей, имеющий четыре портала. Главный портал выделяется по своей величине: ширина пролета портальной арки — 3,78 м, когда у других она не достигает и

трех метров, вероятно и его глубина (2,33 м) была больше, чем у других, сейчас разрушенных, порталов. Главный портал направлен почти точно на восток. Глубокая ниша этого портала была перекрыта полукуполом, переход к которому образуют два нишевидных паруса.

Рис. 11. Главный портал мавзолея Кизыл-Имам.

В торцовой стене портала — входное отверстие со стрельчатым перекрытием, над ним — световая ниша. Ширина входного отверстия главного портала — 1,20 м, южного — 0,90 м, западного — 0,80, северного — 0,92 м.

Поверхность торцовой и щековых стенок главного портала украшена пилястрами в виде полос алебастрового налепа, причем они на торцовой стенке сверху соединены алебастровым налепным карнизом, так что входное отверстие и световая ниша оказываются заключенными в своеобразную раму.

Фасадные стенки устоев главного портала оживлены глубокими глухими декоративными нишами (глубиной до 0,67 м). Левая ниша сохранилась целиком, правая, вместе с соответствующим устоем, наполовину разрушена. На фасадных стенках портала также имеются алебастровые пилястры.

Три остальные портала, насколько можно судить по их остаткам, повторяют принципиальное решение главного портала, отличаясь лишь в деталях и размерах. Из этих порталов лучше всего сохранился южный, правый устой которого совершенно цел. Глубина портальной арки здесь 1,64 м (против 2,38 м у главного), ширина 2,93 (против

3,84 м у главного). Он значительно ниже главного, входное отверстие также имеет меньшую высоту. Отличие от главного портала заключается в том, что здесь над нишей входа нет световой ниши, вместо нее, на высоте 80 см над замком входной арки идет алебастровый карниз шириною 35 см, обходящий торцовую и щековые стенки. Карниз имеет в

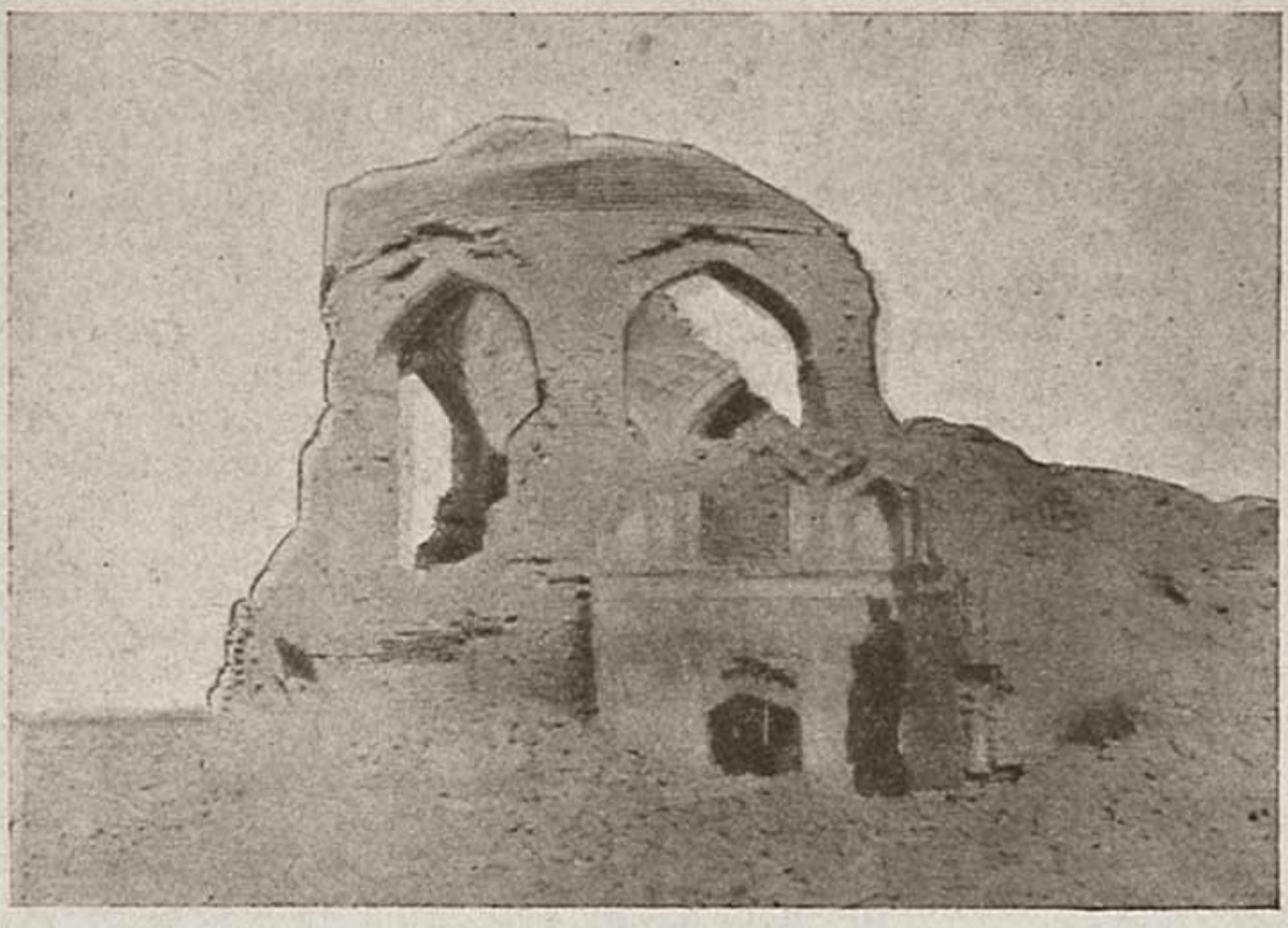


Рис. 12. Южный портал мавзолея Кизыл-Имам.

сечении сложную форму и состоит из нескольких изломов прямоугольного и овального очертания. Его поверхность покрыта росписью, выполненной красной краской. Сюжет росписи — цветочный орнамент. Композиция его такова: внизу тянутся четырехлепестковые розетки, в центре которых расположены розетки меньшего размера двух типов: или с округлыми лепестками, довольно геометризованными, или же с остроугольными лепестками. Выше идет ряд мелких розеток первого типа, из которых во все стороны вырастают переплетающиеся стебельки, часто заканчивающиеся тонкими и продолговатыми свободно изогнутыми листочками. Верхнюю, нависающую часть карниза заполняет узор из горизонтально расположенных восьмерок, касающихся друг друга. Внутри восьмерок, в каждой «петле», имеющей вид вытянутого овала, есть розетка и листочки. В технике росписи можно подметить два приема: первый — это сплошное углубление путем выцарапывания узора на окрашенном фоне — силуэтный способ, но иногда применяется и контурный. Характерной чертой этой росписи является реалистичность изображений, хотя и чувствуется некоторая традиционная условность. Есть основания полагать, что эта живопись современна мавзолею.

Перекрытие южного портала было также осуществлено полукуполком, лежащим на нишевидных парусах, пространство между арками

которых было заполнено декоративными налепными алебастровыми сталактитами. На парусах и сталактитах также сохранились следы красной росписи. Возможно, что раскраске подвергались лишь архивольты.

Что касается двух других порталов, то они почти полностью разрушены[29]).

Между прочим, упомянутая гравюра в книге Гродекова, изображающая Кизыл-Имам, и относящаяся к началу 80-х гг. XIX в., когда памятник был в гораздо лучшем состоянии, позволяет вкупе с приведенными данными, составить более полное представление о внешнем виде мавзолея. Оказывается, вправо и влево от арки главного портала, на фасадных сторонах его устоев, шли сначала неширокие прямоугольные лопатками, обрамлявшие портальную арку. В них на высоте около 3 м, начинались вертикальные углубленные панно, тянувшиеся вверх. Дальше имелись глубокие глухие арочные ниши стрельчатого очертания. Ниши были расположены в два яруса, ниши второго яруса лежали на одной высоте с нишевидными парусами портала, что, между прочим, имело определенный архитектурный смысл, подчеркивая единство всего фасада. Наконец, углы фасадной стены фланкировались пилястрами, идентичными с вышеописанными.

Боковой фасад (видимо южный) был также почти цел. Его решение, в противоположность восточному, является несимметричным. Из двух, фланкирующих фасадную стену пилястров, правый, примыкающий к главному порталу, значительно шире. Тут, как и на главном фасаде, по обе стороны имеется по глухой декоративной прямоугольной нише, поднимающейся на высоту, равную высоте рамы, в которую вписана арка портала. Глубина этих ниш незначительная — всего 28 см. В прямоугольник ниши были вписаны арки, внутри последних вытянутые световые проемы, завершающиеся сверху стрельчатой арочкой. Судя по фотографии, одно из них — правое, было заложено.

Исходя из фотографии, высота арки бокового портала примерно в полтора раза меньше высоты арки главного портала. Верхняя часть стены бокового, впрочем и главного фасада, была уже в то время разрушена, так что неясно, какова была высота здания и насколько она закрывала барабан купола, который поднимался в то время на большую высоту. Этот барабан, на котором покоился внешний купол, хорошо виден на старой фотографии, сейчас от него ничего не осталось, но в нижней части купола с восточной стороны видна раздельность кладки внутреннего купола и начинающегося барабана.

В качестве строительного материала использован жженый кирпич, положенный на глиняном растворе с незначительным количеством самана. Размеры кирпича 24×24×4 и 25×25×4,5 см. 10 рядов кирпича дают 65 см. На многих кирпичах до обжига проведены пальцами 4 параллельных бороздки.

Все сооружение было облицовано прекрасной белой алебастровой штукатуркой, сохранившейся до сих пор на южном и восточном фасадах. На южном фасаде заметна кроме того панель.

Обследование всего здания как снаружи, так и внутри, показало, что все его части построены одновременно, пристроенных частей нет.

Внутри помещение имело вид почти точного квадрата со стороной около 6,20 м. Этот квадрат, благодаря четырем неглубоким (0,50 м)

нишам в середине каждой из сторон, преобретает слабо выраженную крестовидную форму. По углам северной и южной сторон имеются по две входные ниши, ведущие в угловые комнатки, худжры.

Нижнюю часть стен обегает алебастровая панель, положенная на алебастровую же штукатурку. Панель выступает над плоскостью штукатурки на 1 см. В верхней части панели на западной стенке заметна надпись, заключенная в большие вытянутые медальоны, между которыми находятся орнаментальные четырехлепестковые розетки. По чтению М. Е. Массона надпись носит коранический характер.

На каждой стороне имеется большая глухая ниша длиною около 2,90 м и глубиною 0,50 м, на восточной стороне она больше — около 3 м. Внутри этой ниши, завершающейся сверху большой стрельчатой аркой, находится входное отверстие, перекрытое стрельчатым сводом. Наиболее высокое входное отверстие было со стороны главного портала. Над входным отверстием, но также внутри большой ниши, располагалась стрельчатая нишка, в которую было вписано световое отверстие. По углам каждой из сторон (вне большой ниши) были узкие и высокие световые проемы, таким образом в каждой стороне имелось по три световых ниши, которые вполне обеспечивали освещение интерьера.

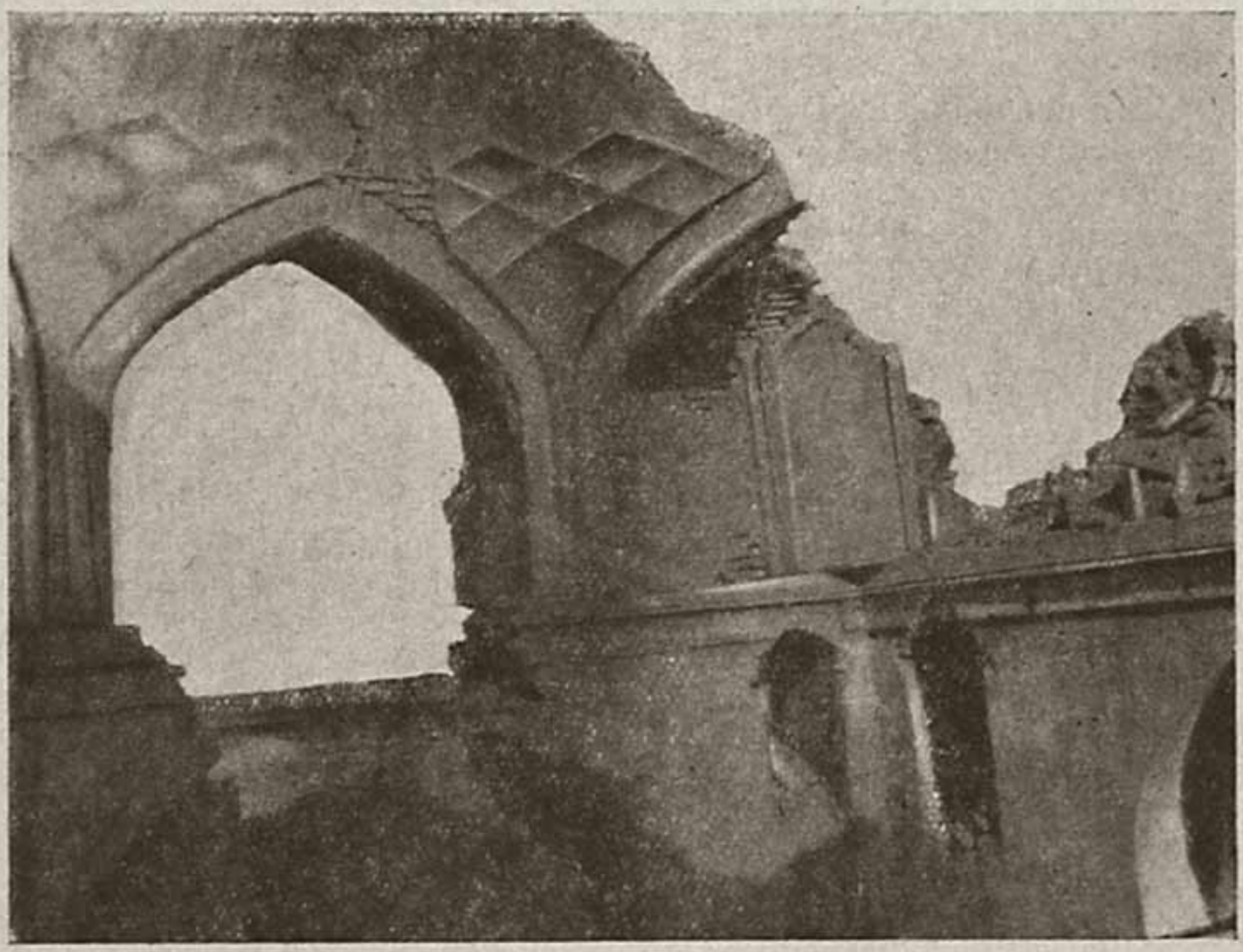


Рис. 13. Мавзолей Кизыл-Имам. Пояс парусов.

На уровне замков световых проемов начинается налепной алебастровый карниз, верхняя половина которого — прямая, нижняя же имеет в сечении вид вогнутой кривой. Над карнизом начинается пояс нишевидных парусов, образующих переход к куполу. Их всего 4 — в четы-

рех углах мавзолея, кроме них, в середине каждой стороны имеются совершенно аналогичные по устройству декоративные ниши.

Ширина пролета арки паруса — 2,05 м, высота от основания до замка — 1,67 м, высота вертикальной части — 0,7 м. Паруса довольно своеобразны, они имеют в плане вид половины восьмиугольника, причем он так положен на угол помещения, что средняя стенка ниши паруса образует угол в 45° со стенами помещения, а две другие стенки ниши образуют некоторый, хоть и небольшой, угол с направлением стен, затем следуют узкие щековые стенки. На щековых стенках арок ниш этих парусов имеются прямоугольные в плане алебастровые налепы, три другие стороны имеют декоративные налепные арки. В верхней части ниша паруса перекрыта полукуполком.

Для того, чтобы сделать работу парусов, принимающих на себя всю тяжесть купола, более незаметной, архитектор постарался придать им декоративный, нарядный вид. С этой целью устои, на которых покоятся арки нишевидных парусов, раскрепованы, что отнюдь не вызывалось потребностями конструкции. Кроме того, пространство между архивольтами арок соприкасающихся ниш заполнено сетчатыми парусами, состоящими из трех рядов декоративных ромбических алебастровых парусов, вдавленных вовнутрь и образующих в общей сложности 32-угольник, создающий иллюзию постепенного перехода к куполу. На самом деле, не играя конструктивной роли, он имеет лишь декоративное назначение.

В углах северной и южной стен имеются арочные проходы ведущие в комнаты-худжры. Любопытно, что арки этих входов не стрельчатые, а, видимо, эллиптические. На южной стороне при пролете этой арки в 70 см, величина стрелки достигает лишь 10 см. Как будто бы это очертание не связано с деформацией.

В хорошо сохранившуюся юго-восточную худжру ведет сводчатый проход, шириною в 0,54 м, длина его — 1 м. Затем он делает изгиб под прямым углом, причем в этой части ширина прохода увеличивается. Это уже собственно комната, имеющая Г-образный вид, располагающаяся внутри толщи пилона. Комната имеет сводчатое перекрытие, высота ее, начиная от кирпичного завала до вершины свода — около 2 м. В глубине комнатки имелись две небольшие нишки, перекрытые напуском кирпича.

С точки зрения архитектурной интересно помещение угловых комнаток в толщу пилона. Это ослабляло значение пилонов, как своеобразных контрофорсов, помогающих стенам выдерживать распор купола, но с точки зрения испытания временем, вполне выдержало экзамен, ибо еще в 80-х гг. XIX в. здание было в неплохом состоянии.

Внутри, как и снаружи, не заметно особых переделок или перестроек, хотя ремонты здания производились. На стенах мавзолея, по штукатурке, сделаны многочисленные надписи посетителями, бывавшими здесь в различные эпохи его существования. Тут же встречаются различные тамги и рисунки. На рисунках чаще всего изображались лошади разной величины, иногда сделанные с большой экспрессией. Наибольший интерес из рисунков животных представляют большие фигуры львов, выцарапанные на щековых стенках главного портала, наглядно свидетельствующие о знакомстве населения с изображениями этих хищников.

В литературе это сооружение фигурировало в качестве мечети. Однако, это мнение трудно подкрепить серьезными доказательствами. Дело в том, что сам план сооружения — центрический, четырехпортальный, с угловыми комнатками-худжрами и без молитвенной ниши-михраба наводит на мысль, что это скорее всего мавзолей или, быть может, ханака. Туркмены рассказывают, что здесь похоронен некий Кизыл-Имам, но была ли над его могилой сагана или какое-либо другое намогильное сооружение — неясно, так как пол мавзолея на значительную высоту покрыт обломками упавшего купола. Небезынтересно, между прочим, что в Сумбарском районе имеется мавзолей, носящий также имя Кизыл-имам[30]).

Что касается датировки этого памятника, то тут мы можем пока основываться лишь на историко-архитектурных аналогиях. Сам план мавзолея с четырьмя угловыми комнатками тяготеет к целой группе мавзолеев Мавераннахра XV—XVI вв., имеющих подобные комнатки — мавзолеи Ак-сарай, Ишрат-хана, Абу-Бекра Каффаля Шаши, Юнус-хана, и др.; Ср. также чертеж мавзолея узбекского мастера XVI в.[31]).

По общему архитектурному решению (центрический четырехпортальный мавзолей с угловыми комнатками) Кизыл-имам очень близок к мечети-ханака «Намоз-и-Джума» в Бахауддине (1544 г.[32]), хотя план последней более сложен. С другой стороны можно назвать известный четырехпортальный мавзолей Ходжа-Раби близ Мешхеда (1621/22 гг. н. э.). По углам он также имеет небольшие комнатки, квадратные в плане. Порталы украшены двумя рядами ниш, купол двойной, внутренний—плоский шаровой сегмент, внешний покоится на цилиндрическом барабане. Памятник этот несет замечательный изразцовый декор. Таким образом, судя по плану, датировка мавзолея Кизыл-Имам должна быть заключена, вероятно, между второй половиной XV — первой половиной XVII вв. На это же время указывает анализ характера перехода к куполу. Здесь употреблены для этой цели нишевидные паруса, пространство между которыми (в верхней части) заполнено тремя рядами декоративных сетчатых парусов. Несомненно, этот прием мог возникнуть лишь в связи с развитием конструктивной системы пересекающихся арок, едва ли не впервые примененной в Хорасане в мавзолее Гаухаршад в Герате (1437 г.) и в медресе в Харджирде (1444/45 г.[33]), а в Мавераннахре в развитом виде в мавзолее Ишрат-хана (1464 г.). Во всяком случае, уже в главном портале Голубой мечети в Тебризе (1465 г.) между нишевидными парусами есть два ряда ромбических сталактитов, аналогичных сталактитам Кизыл-Имам; то же — в Ак-сарае в Самарканде. Позже эта форма встречается довольно часто, а в виде сетчатых парусов особенно характерна для XVI—XVII вв.

Исторические свидетельства и археологические материалы указывают на большое значение, которое Дурун имел в XVI в, и на расцвет городской жизни в это время на самом городище Дурун. Возможно, что именно к этому столетию относится возведение мавзолея, ныне называемого народом Кизыл-Имам.

Ак-Имам. В 150 м на восток от арка Дуруна располагается второе сохранившееся до сих пор архитектурное сооружение — мавзолей Ак-имам (местные жители называют его просто «Агмам»). Внутри этого мавзолея, считающегося «святым местом» — «овлией», сохранились обычные знаки почитания его как святыни местным населением.

Мавзолей сложен из сырцового кирпича (25×25×5). Однако это еще более подчеркивает разительное сходство плана и даже деталей этого сырцового сооружения с построенным из жженого кирпича Кизыл-Имамом. Дело в том, что строитель Ак-имама, несомненно, взял за образец мавзолей Кизыл-имам. Отсюда и общее сходство: такое же четырехпортальное решение, квадратный план, угловые комнатки, система перекрытия и сходство в деталях.

Главный портал обращен на восток, из него широкий проход ведет в квадратное помещение мавзолея (6×6 м). Внутреннее помещение имеет вид квадрата с нишами в середине сторон. В середине каждой из больших ниш — дверной проем, над ним — световая ниша. Дверной проем западной ниши заложен, так что она может служить михрабом.

Переход к куполу решен посредством четырех нишевидных парусов, архивольты арок которых частично выложены из жженого кирпича[34]).

В устоях портала имеются маленькие комнатки-худжры, вход в которые ведет снаружи.

Предположительная датировка этого здания — XVI—XVII вв.

Ферава

История изучения. В наши задачи не входит рассмотрение истории выявления и опубликования сведений восточных первоисточников, касающихся Феравы и ее района. Данная справка содержит лишь изложение известных автору попыток различных ученых локализовать положение Феравы и данные об изучении ее памятников.

В период присоединения Закаспия появляются упоминания об археологических памятниках Парау. В это время было опубликовано сообщение И. И. Стебницкого о том, что на переходе от колодца Ушак к сухому руслу Аджаиб, немного не доходя до последнего, в одной версте к югу от дороги видно «старинное Туркменское кладбище с памятниками, называемое Парау»[35]).

В 1879 г. Г. Роулинсон суммирует данные восточных авторов о Фераве и сопоставляет их с описанием северного Хорасана Фрэзера. По мнению Роулинсона, теперешнее название этой местности — Парау, связано с названием народа парнов и что средневековая Ферава располагалась, вероятно, где-то близ нынешнего Кизыл-Арвата. Перечислив рабаты по пути из Хорасана в Хорезм, он пишет, что большинство их было построено Абдаллахом ибн Тахиром для упрочения торговых сношений между Хорасаном и Хорезмом. По его мнению «В самом Фаравэ или поблизости его находилась весьма замечательная постройка этого рода...», причем название Кизыл-рабат и являлось первоначально названием этой постройки, впоследствии оно было перенесено на местность, русские превратили его в Кизыл-Арват[36]).

Разбирая статью Г. Роулинсона, Н. Г. Петрусевич в 1880 г. противопоставил его взглядам свои точки зрения, оказавшиеся, благодаря незнакомству с источниками, во многом ошибочными. Так, например, Н. Г. Петрусевич решительно опровергает мнение Г. Роулинсона, что деревня Асадабад, доходы с которой шли на содержание Феравы, находилась близ теперешней деревни Аббас-Абад

в персидском Хорасане, а отождествляет ее с Асхабадом по звуковому сходству. А так как рядом с Ашхабадом находятся развалины древней Нисы, то, по мнению Н. Г. Петрусевича, торговый путь должен был проходить где-то здесь, близ Нисы, и именно здесь, а не у лежащего в двухстах километрах отсюда Кизыл-Арвате, должен был находиться и Кизыл-Рабат[37]).

Вскоре после этого П. М. Лессар упомянул о развалинах небольших мечетей, плохо сохранившихся, в Дуруне и близ Кизыл-Арвата — в Парау[38]).

В 1888 г. ген. В. А. Комаров, много занимавшийся археологией Закаспийской области, сообщил о развалинах «... большого города Барва, упоминаемого уже у мусульманских писателей», причем он помещал этот город как будто около Геок-тепе[39]). Думается все же, что речь идет о городище Парау.

В «Туркестане в эпоху монгольского нашествия» В. В. Бартольд, приводя некоторые данные о Фераве[40]), не высказывает никаких догадок по поводу ее локализации.

В этом же году в работе одного ашхабадского исследователя — Дейнеко, посвященной истории загадочного тогда городища Шехр-Ислам, делается попытка отождествить последний или с Нисой, погибшей от землетрясения или с Феравой[41]).

В изданных после этого фундаментальных работах В. В. Бартольда «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в.», «Историко-географический обзор Ирана» и «К истории орошения Туркестана» собраны основные данные восточных первоисточников относительно Феравы. Если в первой из названных работ В. В. Бартольд помещает Фераву на месте современного Кизыл-Арвата с известным сомнением[42]), то в следующих работах он прямо указывает на Кизыл-Арват, как на место, где прежде находилась Ферава[43]), хотя в статье «Ахал-Теке» в «Энциклопедии Ислама» он же сообщает о Фераве или Афраве «у сегодняшнего Кизыл-Арвата»[44]).

В 1909 г. А. Н. Самойлович, комментируя предание о занятии текинцами Ахала, сопоставил название «Парава» со средневековой Феравой, под «Парава» он понимал «местность вокруг Кизыл-Арвата»[45]).

В «Списке развалин, пещер, курганов и др. памятников древности, находящихся в Закаспийской области», составленном Э. Э. Тейле и в «Дополнениях» к этому списку И. А. Беляева[46]), памятники Парау не зарегистрированы.

Археологическое изучение городища Парау началось по существу после революции. В 1926 г. при Туркменском государственном краеведческом музее возник археологический кружок. В период 1926—1929 гг. его членами и краеведами-археологами «... были обследованы памятники, расположенные в районах предгорий Копет-Дага — от Кизыл-Арвата до Мерва и Серахса»[47]).

В 1927 г. В. В. Бартольд в «Истории культурной жизни Туркестана» и в 1929 г. в «Очерке истории туркменского народа» повторил уже высказывавшееся им мнение, что рабат Ферава находился на месте теперешнего Кизыл-Арвата[48]).

В 1929 г. образованной тогда археологической секцией Туркменкульта было произведено фотографирование, съемки и описание старой крепости в Кизыл-Арвате[49]).

В этом же году юго-западную Туркмению посетил М. Е. Массон. Основной задачей его поездки было археологическое обследование древних рудников Кара-Елчи и Арпаклен, однако им были сделаны многочисленные наблюдения и историко-археологического порядка, не имеющие прямого отношения к истории горного дела.

Среди них не последнее место занимают наблюдения и соображения, связанные с Феравой. Сообщив, что до последнего времени считалось, будто Ферава находится на месте современного Кизыл-Арвата, М. Е. Массон не соглашается с этим мнением и приводит данные, опровергающие его. Дело в том, что исследователю не удалось обнаружить здесь следов значительного городского поселения, хотя в то время в Кизыл-Арвате проводились большие земляные работы. Осмотренная немногочисленная керамика давала *terminus ante quem* существовавшего здесь поселения XIII — начала XIV вв.

Отсюда был сделан вывод, что Ферава арабских географов должна была находиться где-то в другом месте и это место было предположительно указано — развалины в 18 км к западу от Кизыл-Арвата, носящие название «Парау-шаар». Относительно них были собраны расспросные сведения.

«По расспросным сведениям там есть остатки старой цитадели. На территории городища встречаются в изобилии фрагменты глиняной утвари и жженые кирпичи. Нередки случаи находок монет и металлических изделий. На кладбище есть несколько намогильных камней. Последние, однако, могут оказаться относительно позднего происхождения»[50]).

Это городище — городище Парау было обследовано археологической секцией Туркменкульта в 1930 г.[51]).

Результаты работ экспедиции, относящиеся к Фераве, сводятся к следующему: развалины крепости в ауле Кизыл-Арват относятся к эпохе текинского завоевания Ахала, а древняя Ферава находится на месте городища Парау, верстах в 15 к северо-западу от Кизыл-Арвата, у подножия гор. Оказалось, что «Городище имеет вид трех соединенных между собой крепостей, окруженных снаружи рвом. Внутри городища находится разработанный кяризом источник, следы других заметны в виду сухих русел. Вдоль южной стороны городища, с гор, тянется второй кяриз. В северной части городища следы многочисленных развалин строений, из кирпича которых построены позднейшие мавзолеи соседнего старо-туркменского кладбища. Городище датируется керамическим материалом IX—XIII и XIV—XV вв; в XII—XIII вв. в городище еще воздвигались монументальные строения, в XIV—XVв. следы жизни еле заметны»[52]).

При обследовании городища был собран некоторый археологический материал, хранящийся в Ашхабадском музее краеведения. Основную часть керамики этой коллекции можно датировать временем X—XII вв., причем много так называемой сельджукидской. Есть и фрагменты саманидского типа (№ 97). Керамики XIII—XIV вв. в коллекции мало, тимуридской нет вовсе. Тут же имеется несколько «бантиков», имеющих на лицевой стороне вид буквы Z[53]).

В 1930 г., возможно во время экспедиции Туркменкульта, было проведено фотографирование мазаров и сагана в Парау[54]).

Несмотря на опубликование исследований М. Е. Массона и археологической экспедиции Туркменкульта 1930 г., уточненная локализация Феравы не сразу вошла в достаточно широкий научный обиход. Еще в 1939 г. составители примечаний к 1 тому «Материалов по истории туркмен и Туркмении» писали со ссылкой на В. В. Бартольда, что Ферава «... находилась на месте современного Кизыл-Арвата»[55]).

После 1930 г. городище Парау не подвергалось как будто специальному археологическому изучению. Лишь осенью 1947 г. X отряд ЮТАКЭ обследовал его с историко-археологической точки зрения. М. Е. Массон составил план городища, Г. А. Пугаченкова изучила мазары.

Исторические свидетельства о Фераве. Источники приписывают устройство рабата Ферава основателю могущества династии Тахиридов Абдаллаху ибн Тахиру (830—844 гг.), причем для ее поддержания должны были идти доходы с большого селения Асадабад в западном Хорасане[56]). Эту деревню Г. Роулинсон помещает близ теперешней деревни Аббас-абад[57]), находящейся в 120 верстах от Шахруда по дороге Шахруд-Мешхед[58]).

Историческая обстановка в то время характеризовалась напряженной борьбой с кочевниками-гузами. Абдаллах ибн-Тахир даже вынужден был послать против них своего сына и наследника[59]). Одной из мер ограждения от постоянных нападений кочевников служило устройство рабатов. Такие рабаты прикрывали с севера плодородные земли Южной Туркмении. Сосредоточенные в них гарнизоны служили той реальной военной силой, опираясь на которую правитель соответствующей области мог наносить удары по кочевым племенам, совершавшим набег на тот или иной пункт. Вероятно, выдвижение этих пунктов далеко за пределы населенной полосы имело глубокое значение. С одной стороны, именно в этом случае легче можно было узнать о всех намерениях воинственных кочевников, легче производить разведку и получать информацию. С другой стороны, известная удаленность их от населенных пунктов позволяла в случае необходимости и предупреждать оседлое население о возможной опасности, и ударять по отрядам кочевников, нападающих на культурную полосу, с тыла. И, наконец, далеко не последнюю роль должны были играть соображения торгово-экономического порядка. Кочевники, несомненно, охотнее приносили свои товары в пункты, расположенные вблизи их кочевий. Сюда приезжали не только купцы, но и каждый кочевник мог пригнать скот, привезти шкуры и др. и купить городские товары.

Около 941 г. Истахри писал:

«Ферава — пограничная крепость против гузов, на краю пустыни, она удалена от селений. В ней есть мечеть и в ней (крепости) живут пограничники; их малое число, но они располагают полным снаряжением, и туда приходят люди. Ферава — название рабата, при ней нет селения, и нет около нее населенных мест; там есть источник проточной воды для питья в середине селения, но нет садов и посевов, кроме огородов около этого источника. Население ее меньше тысячи человек[60]»).

Это, как будто, наиболее ранее известие о Фераве. В нем особенно интересны несколько моментов. Ферава была тогда удалена от населенных пунктов — отсюда можно сделать предположение (подтверждаемое и археологическими данными), что поселение на Коч-тепе возникло

несколько позже. Около Феравы тогда не было поселения, она являлась просто крепостью, гарнизон которой был меньше тысячи человек, причем источник проточной воды находился внутри крепости.

Сведения «Худуд ал-Алем (982/83 г.) относительно Феравы, видимо, в значительной степени зависят от Истахри.

«Ферава — рабат на границе Хорасана и Дахистана, он лежит на краю пустыни и является пограничной крепостью против гузов. Внутри рабата находится источник воды, столь (незначительный), что (вода его) расходится только на питье. У них нет никаких посевов и земледелия, и хлеб доставляют из области Нисы и Дахистана[61]»).

В X в., как сообщает Макдиси, рабат Ферава в административном отношении входил в округ Нисы[62]); в его время (985 г.) округ Нисы считался одной из трех житниц Нишапура[63]), сама Ниса была богатым многолюдным городом[64]).

Сведения Макдиси о Фераве значительно отличаются от сведений Истахри. Макдиси пишет, что «Афрава — известный рабат, в нем живут твердые мужи, есть некоторое число лошадей и оружия; в нем три стены рядом одна с другой; вокруг одной из них ров; воду они берут из ключей, (находящихся) в нем (рабате). Он находится в пустыне, но к нему стекаются жизненные блага; они (жители его) грубы и жестоки в обращении»[65]).

Таким образом, из этого описания мы узнаем о существовании в Фераве в конце X в. трех стен (крепостей по переводу В. В. Бартольда), рва, источников внутри рабата. Макдиси кроме того сообщает о деятельности Абу-л Касима Микали, представителя одного богатого и знатного нишапурского рода, который на свои деньги устроил в Фераве кяризы, выводившие воду из гор, построил другие рабаты, снабдив их вакфами[66]).

Можно думать, что промежуток в полстолетия, прошедший между написанием трудов Истахри и Макдиси был временем значительного роста Феравы. Едва ли Истахри не отметил бы такой необычной формы крепостных сооружений Феравы, состоящей в конце X в. из трех соединенных друг с другом крепостей, если бы она существовала уже в его время. Вероятно, что только во второй половине X в. Ферава становится трехчастной крепостью и вмещает уже население, значительно превышающее тысячу человек.

Знаменательны слова Макдиси о том, что хотя Ферава находится в пустыне, к ней «... стекаются жизненные блага...». Видимо, уже в это время Ферава становится торгово-ремесленным центром и преимущества ее положения (близость к кочевникам, промежуточное положение по дороге в Хорезм) реализуются в быстром росте ее поселения. Еще Истахри, перечисляя маршруты по Хорасану, сообщал, что Ферава находилась в 4 переходах от Нисы[67]). Макдиси же приводит маршрут из Хорезма в Хорасан, причем конечным пунктом этого пути был рабат Ферава. Предпоследней остановкой был «рабат Джа'фара», отстоящий на день пути от Феравы[68]). Отсюда следует, что в Фераве в X в. сходились две дороги: идущая вдоль предгорий Копет-Дага, нисийская дорога и дорога из Хорезма. В конце X в. особое значение имела, должно быть, последняя, в связи с той экономической экспансией хорезмийцев, которую отмечают письменные источники. В. В. Бартольд

пишет, что в это время «Хорезмийцы сделались главными представителями торгового класса в Хорасане; в каждом хорасанском городе можно было встретить значительное число хорезмийцев...»[69]).

Для Нисы Макдиси отмечает характерный факт, что ее поместьями завладели хорезмийцы. Усиление роли хорезмийцев должно было особенно сказаться в Фераве, связанной прямым путем с Хорезмом.

В начале 90-х годов X в. (992 или 993 гг.) саманид Нух бен Мансур, в награду за содействие, оказанное ему в то время, когда он находился в бедственном положении после занятия в мае 992 г. Богра ханом Бухары, подарил, после своего возвращения в столицу, эмиру Гургандажа — город Нису, а хорезм-шаху — Абиверд. По предположению В. В. Бартольда этим Нух бен Мансур хотел создать врагов непокорному и ведшему предательскую политику наместнику Хорасана Абу-Али, во власти которого эти города находились. Но Абу-Али ловко парировал удар, передав Нису эмиру Гурганджа и отказавшись отдать Абиверд хорезмшаху, что естественно, повело к еще большей вражде между этими правителями и устранило опасность для него со стороны Хорезма[70]). Вскоре после этого, в 996 г. эмир Гурганджа Мамун объединил Хорезм и принял титул хорезмшаха[71]). Во время правления династии Мумунидов Ниса, а вместе с нею и Ферава входили в состав Хорезмийского государства[72]).

При сыне Мамуна Абул-Хасане Али ибн Мамуне существовал чекан серебряной монеты. Известны серебряные монеты Абу-л-Хасана Али ибн Мамуна, чеканенные в Фераве в 392/1000—1 г.н.э., 396/1005—6 г.н.э. и 397/1006—7 г. н. э. Эти три года были представлены в нумизматическом собрании Эрмитажа 11 монетами, что является сравнительно большой цифрой, если учесть, что для чекана Нисы в эпоху Мамунидов известно всего две серебряных монеты и за один год чекана[73]). Разумеется, эти цифры очевидно не передают фактического соотношения между чеканом этих пунктов, но все же наглядно показывают экономическую и политическую значимость Феравы, ибо серебряный чекан на Востоке производился лишь в важнейших торговых и политических центрах и в данном случае трудно предположить, чтобы в Фераве чеканилась серебряная монета, притом в значительном количестве, если бы она оставалась простым рабатом. Непрерывно богатея в результате торговли с кочевниками и Хорезмом, развиваясь как городское поселение, она, очевидно, являлась в то время пунктом, обладание которым было весьма важным для Мамунидов со стратегической, экономической и политической точек зрения. Сложный переплет политических событий конца X — начала XI в. н. э. заставлял хорезмийскую династию с очень большим вниманием относиться к своим хорасанским владениям. Именно в это время, при Махмуде, происходит необычайное усиление Газневидского государства, наследовавшего хорасанские владения Саманидов. Абиверд, Ниса и Ферава являлись своеобразным «хорезмийским клином» в теле газневидского государства. Уже события 396/1006 г. н. э., связанные с походом караханидского предводителя Сюбаши-тегина, отчетливо показали, что султан Махмуд не намерен особенно считаться с суверенитетом хорасанских владений Мамунидов. Преследуемый войсками султана Махмуда Сюбаши-тегин перешел в Абиверд, а затем в Нису, но войска султана продолжали преследовать его и здесь, так что он вынужден был бежать

в Джурджан, чтобы затем через Дахистан возвратиться в Нису и направиться к Мерву[74]).

Таким образом, уже в это время в своих хорасанских владениях Мамуниды не могли предоставить убежища противникам султана Махмуда, ибо граница этих владений могла была быть в любой момент нарушена последним. Может быть именно в связи с этими событиями, весьма неприятными для престижа Абул-Хасана Али ибн Мамуна, в Фераве и, вероятно, в других принадлежавших ему хорасанских городах, была вычеканена серебряная монета, подтверждавшая его верховные права в этих местах и призванная поддержать несомненно пошатнувшийся в глазах населения этих городов авторитет хорезмийской династии.

Абул-Хасан Али ибн Мамун находился некоторое время, по мнению В. В. Бартольда, в зависимости от караханидов, но затем он вынужден был идти на сближение с султаном Махмудом. Следующий государь из династии Мамунидов Абул-Аббас Мамун ибн Мамун попадает уже в зависимость к султану Махмуду. В результате ультимативного требования Махмуда хорезмшах вынужден был ввести хутбу на его имя в хорасанских владениях — в Нисе и Фераве, а затем и в Хорезме. Вспыхнуло возмущение, хорезмшах был убит, и в 1017 г. якобы с целью отомстить за его смерть, султан Махмуд совершает поход в Хорезм, присоединяет его и хорасанские области Мамунидов к своим владениям[75]). С этого времени Ферава входит в состав газневидского государства.

Ферава довольно часто фигурирует в событиях, связанных с началом сельджукского движения[76]). По Гардизи Султан Махмуд поселил первую партию туркмен-сельджуков в «пустыне Серахса и пустыне Феравы и Баверда». Уже через два года, в 1027 г., жители Нисы, Баверда и Феравы жалуются на безобразия и грабежи туркмен, количество которых настолько выросло, что эмир Туса, несмотря на неоднократные приказания Махмуда, ничего не может с ними сделать. В 1028 г., против туркмен выступает сам султан, доходит до Туса и посылает против туркмен «многочисленный полк» с несколькими военачальниками. Сражение происходит около рабата Феравы. В результате ожесточенной битвы победили султанские войска, число убитых туркмен достигало 4000 человек, много было взято в плен, а остальные бежали в сторону Балхан и Дахистана.

Следующее крупное сражение произошло в 1031 г., уже при Мас'уде, когда туркмены нанесли поражение его войску под Феравой[77]).

В 1034 г. туркмены, после нескольких поражений, вынуждены были уйти из Баверда и Нисы в Фераву[78]).

При описании событий 1035 г. Бейхаки упоминает о 2 всадниках, принадлежавших начальнику финансового налогового управления Хорасана Сури, они были «из числа отважных феравских наездников». Имя этого видного газневидского чиновника, прославившегося своими жестокими поборами с населения, связано с Феравой и в другом отношении: по Бейхаки Сури в Нисе и Фераве, как впрочем и в некоторых других городах, возвел постройки, пользовавшиеся известностью еще во времена написания Бейхаки своих мемуаров (около 1059 г.), причем всеобщая ненависть к Сури была такова, что Бейхаки пишет о его строительной деятельности, что это не что иное, как «красть хлеб у соседей и отдавать соседям[79]).

В 1035 г. предводители сельджуков просят пожаловать им области Нисы и Феравы, на что, в конце концов, Газневиды вынуждены были пойти: области Нисы, Феравы и Дахистана вместе с титулами дехкана были пожалованы трем главным сельджукским предводителям[80]).

В 1037 г., после некоторых успехов газневидских войск, сельджуки уходят в Нису и Фераву[81]).

В 1039 г. Мас'уд вынужден подтвердить их права на Нису, Фераву, Баверд и пустыню[82]).

Во время похода Мас'уда против сельджуков зимой 1039/40 г. туркмены отходят в сторону Нисы и Феравы, а затем, когда была занята Ниса — к Фераве[83]).

Таким образом, пространство вокруг Нисы играло важную роль в событиях, связанных с началом сельджукского движения. Именно здесь был один из пунктов значительной концентрации туркмен-сельджуков.

При перечислении факихов шафиитского толка в «Тайнах единения с богом в подвигах шейха Абу-Са'ида» в Шахрастане, Фераве и Нисе указывается Хамид Занджуйе[84]). В дальнейшем Ферава фигурирует в сочинении Сам'ани (ум. в 1166 г. н. э.). Он пишет: «Фурава — городок у пограничной крепости в стороне Хорезма, его называют рабат Фурава, построил его эмир Хорасана Абдаллах ибн Тахир в правление гл-Мамуна»[85]). Здесь Ферава — уже не просто рабат или крепость, а «городок у крепости». Очевидно, произошли такие изменения в структуре Феравы, что она воспринималась прежде всего как городское поселение, функции крепости отошли на задний план.

В это время (вторая половина XII в.) район Ферава становится частью язырского юрта. По Мухаммеду ибн Наджибу Бекрану племя языров, попав в пределы Балхана и присоединив к себе одно из Мангышлака и другое из Хорасана, пришло к пределам Шахрастаны и Феравы, а затем поселилось в крепости Так[86]). О поселении языров в самой Фераве никаких данных нет.

Вместе с тем вторая половина XII — начало XIII в. (до монгольского завоевания) было временем усиления хорезмийского государства и его экспансии в Хорасан. Ниса перешла во владение хорезмшахов раньше других хорасанских городов — в 1165 г.[87]), о Фераве в этой связи ничего не сообщается[88]).

Якут, сведения которого относятся как раз ко времени монгольского завоевания, говорит о Фераве как о городке в округе Нисы, лежащем между Нисой, Дахистаном и Хорезмом[89]). По словам Несеви, монголы во время бегства Джелал ад-дина из Хорезма устроили «кольцо от границ Мерва до предела Шахрастаны», причем последний назван, вероятно ошибочно, одним из районов Феравы[90]).

Монгольское завоевание нанесло, очевидно, серьезный удар благосостоянию этого небольшого, но цветущего городка. Фераву, вероятно, постигла судьба других укрепленных пунктов: укрепления были разрушены, население перебито, город разграблен. Однако, археологические материалы позволяют считать, что погром, произведенный войсками монголов, не смог приостановить развития городской жизни в то время, когда страна несколько оправилась от опустошительного нашествия.

Со второй половины XIII в. Ферава, наряду с другими городами Южной Туркмении, входит в Хулагуидское государство. В первой половине XIV в. она была, судя по словам Хамдаллаха Казвини (1339 г.)

средним городом, климат ее в то время считался приятным и умеренным. Хамдаллах Казвини отмечает также, что продукцией Феравы являлись хлеб и фрукты. В его время через Фераву проходил путь из Бистама наУргенч[91]). Этот рассказ является по В. В. Бартольду последним упоминанием Феравы как города[92]).

После распадения Хулагуидского государства (1335 г.) значительная часть территории Южной Туркмении подпадает под власть Аргун-шаха, ему наследуют один за другим его сыновья Мухаммед бек и Али бек (до 1382 г.[93]). Вместе с тем Абул-Гази сообщает, что при хане Джанибеке (1341—1357 гг.) Золотой Орде принадлежала вся Туркмения от Ургенча до Астрабада[94]), речь идет, повидимому, о Западной Туркмении, в которую Ферава могла и не входить.

К XIV в. относится первое упоминание о Кизыл-Ребате. В то время, когда известный бухарский шейх Беха-од-дин (1318—1389) посетил территорию нынешней Южной Туркмении, ему пришлось проезжать мимо одного из селений, лежащего около Кизыл-Ребата (قزل رباد), а затем он приехал в сам Кизыл-Ребат. У дервиша, в доме которого он остановился в Кизыл-Ребате, был сад, засаженный винными ягодами. Сообщается также, что шейха посетил «правитель той местности»[95]). Создается впечатление, что здесь речь идет уже не о Фераве, а о другом пункте, который действительно лежал на месте современного Кизыл-Арвата и который являлся в это время уже крупным поселением.

Географ Джурджани (ум. в 1476/7 г.) приводит в своем сочинении градусные определения рабата Феравы в области Джурджан — пограничного места с владениями гузов. Однако, к его сообщению приходится относиться с очень большой осторожностью, ибо он был компилятором[96]).

В конце XV в. название Ферава было перенесено и на близлежащие горы — в рассказе о набеге узбеков на Хорасан под командованием Шейбани в 1486 г. сообщается о переходе ими «Фаравских гор»[97]).

Описание городища. Городище Парау расположено в 20 км на СЗЗ от современного г. Кизыл -Арвата, вблизи южной окраины аула Парау. Оно лежит прямо у подножья Копет-Дага и вытянуто от обрывистых скал его северного склона на север — в сторону долины. Городище имеет значительные размеры — около 950 м с севера на юг и около 600 м — восток-запад (в южной части). Оно суживается на север, величина северной стороны достигает всего 320 м. Площадь окруженной стенами части городища — около 35 га. Оно составлено из 4 окруженных стенами частей (см. план, снятый проф М. Е. Массоном).

Первая, наиболее южная часть городища, почти вплотную примыкает к вертикальной скале и является наименьшей из всех. Северная стена этой части высотой около 2 м в нескольких местах размыта, в одной большой промоине заметно значительное количество крупной гальки, вызывающее предположение о применении камня в строительстве стен. На территории этой площади находится исток ныне действующего кяриза. Можно думать, что и в X в. источник, снабжавший водой рабат и находившийся внутри рабата был именно в этой части укрепления. Поражает почти полное отсутствие здесь керамики, лишь в одном месте, вблизи северной стены, есть скопление керамики IX—XI вв. Выступание этой части за черту основного массива городища и отсутствие здесь

культурного слоя рождает предположение, что эта часть имела чисто служебное назначение: включать в черту рабата источник воды, что было немаловажно в связи с постоянной опасностью нападения, угрожавшей Фераве.

С севера к I площади примыкает сильно вытянутая с юга на север II площадь, севернее которой располагается почти квадратная III площадь, а восточнее IV площадь. Поверхность II и III площадей густо усеяна жженым кирпичем (20×20×3; 20,5×20,5×3; 21×21×4; 22×22×3,5 см³), фрагментами керамики, кусками строительного камня и т. д. Различаются остатки былых строений, об облицовке некоторых из них свидетельствуют многочисленные «бантики». На территории III площади имеется впадина былого хауза. В пределах II площади существовало керамическое производство. IV площадь имеет сравнительно бедный культурный слой, преимущественно IX—XI вв.

Фортификационная система Феравы, отличавшаяся в былое время, должно быть, большой мощностью, сейчас сохранилась в виде вала (высотой до 3,5 м), башен, предвратных сооружений, рва. В месте стыка восточных стен III и IV площади находится небольшой холмик, вероятно остаток своеобразного форта.

В рабат можно было попасть через ворота в западной, северо-восточной и южной сторонах, однако жизнь рабата уже вскоре после его основания перестала вмещаться в границы его стен. Керамика и остатки ремесленных производств отмечены также на восток и северо-восток от III площади. Здесь же стоят небольшие мавзолеи из жженого кирпича, возникшие уже после прекращения жизни на городище[98].

Подъемный материал. Городище Парау дало большой и разнообразный керамический материал, укладывающийся в рамки IX (может быть даже VIII) — первой половины XV вв. Особенно обильно представлена на городище керамика домонгольская, керамика XIV в. встречается в сравнительно небольших количествах, тимуридская — представлена единичными экземплярами.

К группе керамики IX (VIII?) — X вв. относится значительное количество фрагментов чаш различных размеров с невысоким поддоном, нижняя поверхность которого углубляется по направлению к центру. Венчики этой группы представлены в сборах 1947 г. только прямыми закраинами. Роспись типа ангобных красок сделана обычно по белому фону черным, яркожелтым, коричнево-красным и зеленым. На одном фрагменте (Б-18/1) черная с желтым роспись нанесена непосредственно на поверхность кремового черепка, даже не заглаженного. Возможно, что здесь мы сталкиваемся с фактом очень архаического (в данном случае пережиточного) порядка, когда керамист еще не знал свойств и применения подглазурного ангоба. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев роспись производилась или по светлому ангобу, или по белофонному глазурно-красочному покрытию. Мотивы росписи преимущественно геометрические. На одном из фрагментов на светлом фоне разбросаны маленькие черные крестики.

Более поздняя керамика — X—XII вв. подробно описана в главе «Шехр-Ислам» и здесь можно сделать лишь некоторые добавления. Среди росписей керамики первой группы встречаются кроме перечисленных выше, листовидные фигуры, заполненные внутри кружками и точками, побегун, «глазки», состоящие из сочетания красок с коричневым

оттенком, белых и черных кружочков. Мотив «глазков» вообще был распространен довольно широко: на черных или коричневых полосах керамист нередко ставил, стремясь к большей живописности, ряд белых кружков. Роспись наносилась на ангоб, причем нередко отдельные участки, покрытые какой-либо росписью, закрашивались еще вторично сверху другим тоном, так что можно видеть, например, просвечивающий из под коричневого черный цвет более ранней росписи, сверху же коричневого было нанесено еще пятнышко («глазок») белого цвета. Особенно эффектны в смысле сочетания цветов росписи, в которых соединены широкие площади, покрытые красно-коричневым цветом с узкими полосами черного цвета и белыми «глазками». Вторая и третья группы керамики X—XII вв. также аналогичны керамике Шехр-Ислама.

Многочисленная керамика с зеленым и голубым глазурным покрытием, возникшим задолго до монгольского завоевания, просуществовала до конца жизни города. В этой группе керамики в сборе представлены фрагменты маленьких кувшинчиков с невысокими поддонами, большие кувшины, чаши, миски. На стенке одного широкогорлого кувшина путем налепа жгутообразной полосы сделана эллиптическая ручка, причем в ее вершине налеплены две круглые «пуговки». Для орнаментации керамики этого типа употреблялся штамп, проведение гребенкой волнистых линий, вертикальные и горизонтальные желобки, вырезывание определенной геометрической фигуры, например, треугольника. Интересен фрагмент какого-то прямоугольного изделия из обожженной глины, покрытой зеленой глазурью.

Трудно пока еще хронологически расчленить на группы фрагменты керамики коричневой поливы разных оттенков — от нежной желтовато-коричневой до темнокоричневого и стоящего особняком фрагмента чаши с плоским поддоном, покрытого темнокрасной поливой. Ручки керамики этого типа, — впрочем, как и зеленой, — бывают канелированы, употребляется (редко) сграфитто. На фрагменте нижней части стенки банкообразного сосуда с плоскосрезанным дном (без поддона) — темнокоричневая полива — употреблена оригинальная орнаментация: на ровной стенке делались вертикальные картуши из углубленных в стенку треугольников.

Специфическая для времени XIII—XIV вв. керамика не дала каких-либо особых вариантов и вполне аналогична шехр-исламской.

Неполивной керамики на городище очень много. Среди нее можно отметить фрагмент стенки пухлого маленького кувшинчика кирпично-красного теста с вставленными в стенку кусочками голубой глазури (под бирюзу), фрагменты сероглиняных широко — и узкогорлых кувшинов с процарапанным волнистым орнаментом, фрагмент горла кувшина кремового теста. Любопытна листовидная орнаментация (штамп) какого-то сероглиняного сосуда: вертикально поставленные листочки с подчеркнутыми прожилками идут на небольшом расстоянии друг от друга по всей его окружности. Встречены также фрагменты сфероконических сосудов. Совершенно особняком стоят несколько фрагментов красноглиняной и сероглиняной посуды с тщательным лощением. Этот прием является поздним рецидивом керамической техники гораздо более раннего времени[99]).

На поверхности городища лежит большое количество жженого кирпича. Широко применялся в строительстве и камень. Для декоратив-

ного оформления монументальных сооружений применялись поливные плитки голубого цвета, «бантики» и т. д. Фасадная часть «бантиков» треугольной и клиновидной формы имеет зет-образный вид с двумя расходящимися полосками вверху и внизу горизонтальных частей «зет». Высота «бантиков» от 3 до 8 см, глубина от 6 до 9 см. Черепок их в изломе кремового и кирпично-красного цвета, иногда поверхность заглаживалась, иногда даже покрывалась ангобом. При изготовлении их лицевая часть вырезалась ножом после легкой просушки треугольной заготовки. Встречаются «бантики» и другого типа — они изготовлены из половинок обожженного кирпича, узкая сторона которого, длиной 8—10 см расчленялась надрезами. «Бантики» этого типа имели менее парадный вид.

В пределах стен городища и на северо-восток от них подмечены следы многочисленных производств, особенно керамического (штыри, сипая, шлаки) и железоделательного (шлаки; крицы).

Изучение городища наводит на мысль, что слова Самани о Фераве можно понимать в том смысле, что в XII в. городом считались II и III площади, которые дают наиболее мощный слой и богатый подъемный материал XI—XIII вв., IV площадь, гораздо менее густо обжитая, считалась тогда, вероятно, крепостью.

Парау-биби. Этот архитектурный памятник не был еще описан в печати, хотя упоминания о нем (у М. Е. Массона) имеются. Из личного сообщения С. Н. Иомудского мне известно также, что в 1930 г., во время экспедиции Туркменкульта, памятник посещался археологом А. А. Марущенко и С. Н. Иомудским.

Сооружение, носящее название Парау-биби, расположено километрах в двух на юго-запад от городища Парау. К нему ведет поднимающаяся в гору тропинка, причем в начале подъема справа от тропинки лежит большая куча камней: существует обычай, что каждый, посещающий Парау-биби, должен бросить туда пять камней.

Памятник расположен на небольшой площадке, прислоненной с юго-западной и западной стороны к скале. Восточная сторона площадки ограничена обрывом.

Парау-биби представляет собой небольшое портальное сооружение с очень стройными пропорциями. Высота портала — 4,8 м, он выступает за плоскость фасадной стены (справа) на 1,75 м, глубина портальной ниши — 1,36—1,40 м при ширине 1,53—1,60 м. В прямоугольник лицевой стены портала вписан другой, более узкий прямоугольник, внутри которого имеется стрельчатая арка. В глубине портальной ниши, перекрытой стрельчатым сводом, имеется небольшой прямоугольный дверной проем. Пол портальной ниши сделан в виде 5 ступеней, подводящих к дверному проему, первая ступень лежит на высоте 0,25 м (6 рядов кирпича) над уровнем земли.

Впечатление стройности и легкости, неизменно возникающее при рассмотрении портала, отчасти обусловлено вытянутостью самого портала и незначительной шириной того прямоугольного панно, в которое вписана арка портала (отношение ширины портала к его высоте = 3 : 4, отношение ширины прямоугольного панно к его высоте = 4 : 11).

Сейчас здание является несимметричным. Расстояние от южного устоя портала до юго-восточного угла фасадной стены равно 1,08 м., расстояние же от северного устоя портала до северо-восточного угла

фасадной стены — 0,53 м. Затем идет разрушенная часть. Из боковых сторон лучше сохранилась южная, северная целиком разрушена. Южной и юго-западной стеной памятник вплотную примыкает к скале.

Через дверной проем можно попасть внутрь здания. Интерьер в плане имеет вид квадрата (около 5 м), со срезанными углами. Во всех сторонах образовавшегося неправильного восьмиугольника, срезанные угловые стороны которого много короче остальных, имеются глубокие

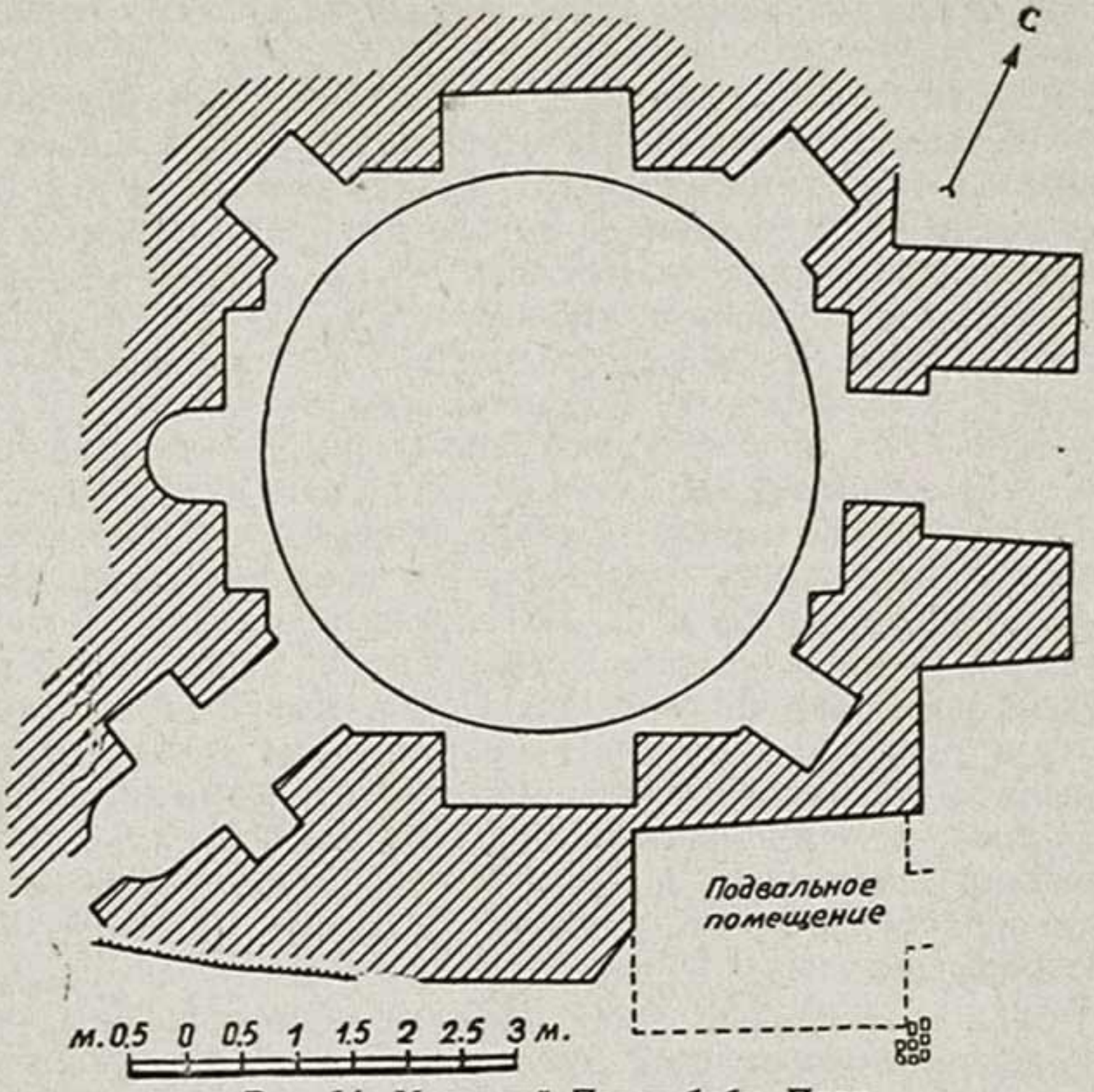


Рис. 14. Мавзолей Парау-биби. План.

ниши (около 0,70 м глубиной). Ниши начинаются не непосредственно на полу, а на высоте 30—35 см. В нише стороны, противоположной входу, имеется овальный в плане михраб. Высота михрабной ниши — 2,15 м. В двух нишах, расположенных на длинных сторонах, перпендикулярных линии вход — михраб, арки имеют не стрельчатое, а эллиптическое очертание. Оказывается, это результат позднейшего ремонта, когда по внутреннему абрису этих, вероятно разрушавшихся, арок с целью их оформления были выведены эллиптические арки в 2 ряда кирпича, что, кстати, уменьшило ширину этих двух ниш (с 2,55 м до 1,75 м). Из короткой ЮЮЗ стороны отходит под прямым углом продолговатая комната-коридор неизвестного назначения, по ее сторонам имеются две стрельчатые ниши разной величины. Эта комната-коридор заканчивается закруглением, переходящим в еще более узкий проход, который расши-

ряясь, примыкает к скале. Сверху сюда проникает свет. В скале есть расселина, в которую, по рассказам туркмен, «вошли и исчезла Парау-биби».

Пол выложен жженым кирпичом и обмазан алебастром. Стены побелены, можно различить два — три слоя штукатурки. Свет попадает в здание через два световых проема — в северной и западной сторонах. Переход к куполу был облегчен уже тем, что здание имело в плане вид восьмиугольника. Неравенство сторон этого восьмиугольника исключало возможность непосредственного перехода от него к куполу. Для перевода его в правильный восьмиугольник над узкими сторонами устроены три ряда нависающих кирпичных выступов, нижний ряд состоит из 4 целых и 2 половинных выступов, средний ряд — из 7 выступов, верхний — из 9 выступов. На полученном правильном восьмиугольнике и покоится купол здания.

Высота от пола до замка купола — 7,25 м.

Сейчас здание внутри и снаружи покрыто белой штукатуркой. В северной части фасадной стены, близ северного устоя пилона, под штукатуркой заметны следы кирпичной орнаментации стены «бантиками»: сдвоенные горизонтальные кирпичи отделены от соседних вертикально поставленными кирпичами, причем, в целях достижения большего зрительного эффекта, горизонтальные и вертикальные кирпичи резко отличаются по цвету — первые — желтые, вторые — красные.

Создается впечатление, что эта кладка «бантиками» уходит под устой портала, как будто пристроенного позже.

Здание сложено из жженого кирпича на глиняном растворе. Размер кирпича: 19×19×4; 19,5×19,5×4; 20×20×3,5—4; 21×21×4; 24×24×4 см³. Последний размер встречается редко. 10 вертикальных рядов дают 65 см.

К южной стене этого здания примыкает полуподземное сводчатое помещение, прямоугольное в плане. Его пол лежит на 1,30 м, ниже уровня земли, спуск по ступеням.

Уже беглое изучение с несомненностью показало, что это небольшое здание имеет длинную историю, много раз ремонтировалось и даже, видимо, капитально перестраивалось[100]). Во всяком случае первый этап существования здания характеризуется фигурной кладкой стены — «бантиками», которая позволяет утверждать, что постройка возникла еще в домонгольскую эпоху, точнее, в XI—XII вв. Переход к куполу путем нависания рядов кирпичей известен в несколько более позднее время (см., например, мавзолей Сейф-ед-дина Бохарзи, где они играют вспомогательную роль). Таким образом, постройка эта возникла еще в то время, когда Ферава переживала период своего подъема, а потом многократно перестраивалась.

Что же кроется под нарицательным наименованием Парау-биби — остается неясным.

Ясы-депе[101])

Городище находится в 2,6 км на запад от Безмеина, на юг от линии железной дороги, рядом с ней. Оно почти квадратное, имеет в плане 130×130 м². Ориентировано с северо-востока на юго-запад. Городище сильно повышается в южной части, наиболее возвышен юго-западный

угол. Здесь высота городища над уровнем окружающей местности — около 4,5 м. На севере эта высота постепенно сходит на нет. Кое-где, по обводу городища, чувствуются в рельефе былые стены.

На городище много подъемной керамики, причем основную массу составляет керамика XI—XII вв. Город продолжал существовать вплоть до тимуридской эпохи. Кроме того, масса жженого кирпича (21×21×3,5; 23×23×4 и др.).

В свое время А. А. Семенов отождествил Безмеин с селением Басма или Йисама, которое посетил шейх Абу-Са'ид Мейхинейский. Оно находилось в 2 фарсахах от Нисы. Там была могила шейха Ахмед-и-Али Несеви, известного также под именем Мухаммед Алиян Несеви[102]).

Это отождествление, несомненно, правильно. В топо-этнонимике окружающей местности можно указать еще на название Ясман, вероятно также восходящее к названию средневекового селения.

Современное название Безмеин, может быть, нужно сопоставить с фигурирующим у Хафизи-и-Абру при описании округа Нисы селением Бармехени (Базмехени?)[103]).

Таким образом, при точной локализации Басма или Йисама нужно учитывать наличие вышеописанного средневекового городища Ясы-депе.

Париз-депе[104])

Городище Париз-депе расположено в 6 км к юго-западу от Безмеина. Оно имеет вид неправильного пятиугольника, размером 160×200 м². Наиболее возвышена северная часть городища (6—7,5 м). По обводу пятиугольника легко различаются остатки стены, сейчас сохранившейся в виде вала. Былых ворот обнаружить не удалось, возможно, они расположены в южной стене. Почти в центре городища находится прямоугольная цитадель 45 х 50 м², поднимающаяся над площадью городища на 1—3 м и здесь явственно ощущается стена, в нижних частях она была сложена из естественного камня на глине. В северо-западном углу цитадели сохранилось основание башни, сейчес выступающей на 5,5 м.

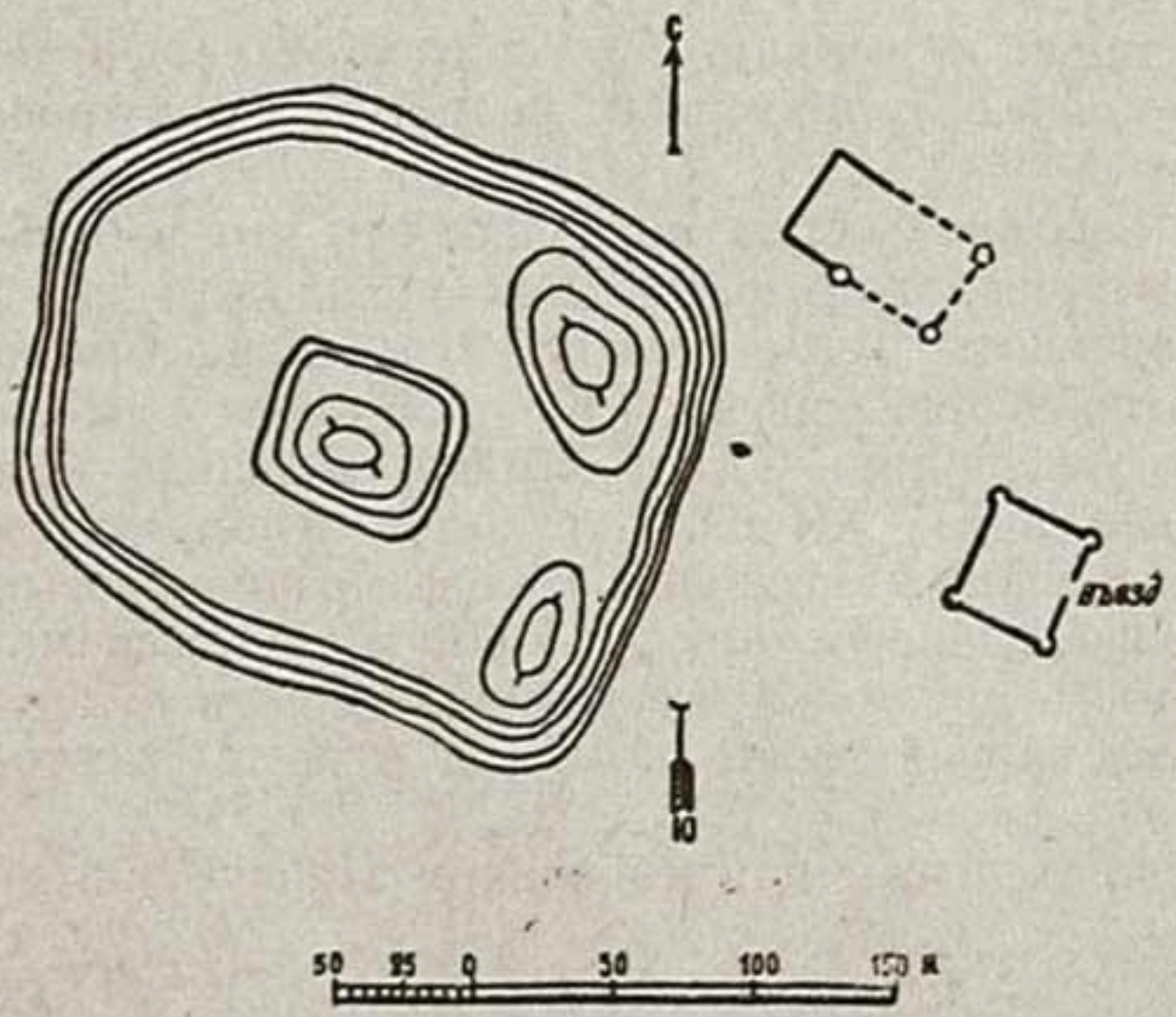


Рис. 15. Городище Париз-депе.

В качестве строительного материала применялся жженый мелкоплиточный кирпич и камень. Для облицовки монументальных зданий служили голубые облицовочные плитки. Основания стен каких-то зданий, сложенных из камня, видны в северной части городища.

Керамика этого городища вполне аналогична керамике Нисы. Наиболее ранней является керамика IX—X вв., когда, или несколько раньше, и возникло это поселение. Сюда относятся фрагменты со светлым ангобом и геометрической росписью черным и желтым. Керамика X—XII вв. представлена очень разнообразно. Тут имеются и фрагменты керамики белой поливы с росписью коричневым и черным и зеленая глазурованная керамика, украшенная в технике сграфитто. Предмонгольскому времени, очевидно, принадлежат два фрагмента хумных крышек, на одной из которых, покрытой зеленой поливой, сверху в концентрических кругах имеются вдавленные десятилепестковые розетты (штамп). Ручка другой крышки (голубая глазурь) имеет оттянутый вверх край, на котором с наружной стороны сделаны зарубки.

Керамика монгольского времени весьма обильно представлена на городище. Интересна роспись фрагмента донца одной чаши: большая розетка, в каждом лепестке которой — бадамчи, острием обращенная к центру.

Едва ли не последний этап в жизни этого города характеризуется немногочисленными фрагментами керамики XV—XVI вв. Быть может, здесь располагалось селение Радан, в котором останавливался шейх Абу-Саид, перед тем как отправиться в Яйсеме; это было большое, селение городского типа, подобно Нашджувану, (Анау?) о котором Несеви писал:

«...это одно из главных селений Нисы, имеющее возделанную местность, стену, ров и башни...»[105]).

Городище Еррик-депе

Расположено в 14 км на СЗЗ от Безмеина. Его размеры — 160×200 м², вытянуто с севера на юг, по форме приближается к прямоугольной. Городище резко членится на две неравные части: северную и южную. Северная прямоугольная часть городища, возвышающаяся над окружающей местностью на 4, 5—5 м была окружена глинобитной стеной с башнями, в рельефе восточного фаса и сейчас еще читаются 4 башни. Въезд в эту часть городища был с запада по длинному пандусу. Керамики на поверхности сравнительно мало, большая часть ее может быть отнесена к XII—XVI вв.

Южная часть городища также обведена стеной, но здесь культурный слой очень тонок и эта часть городища почти не возвышается над окружающей местностью.

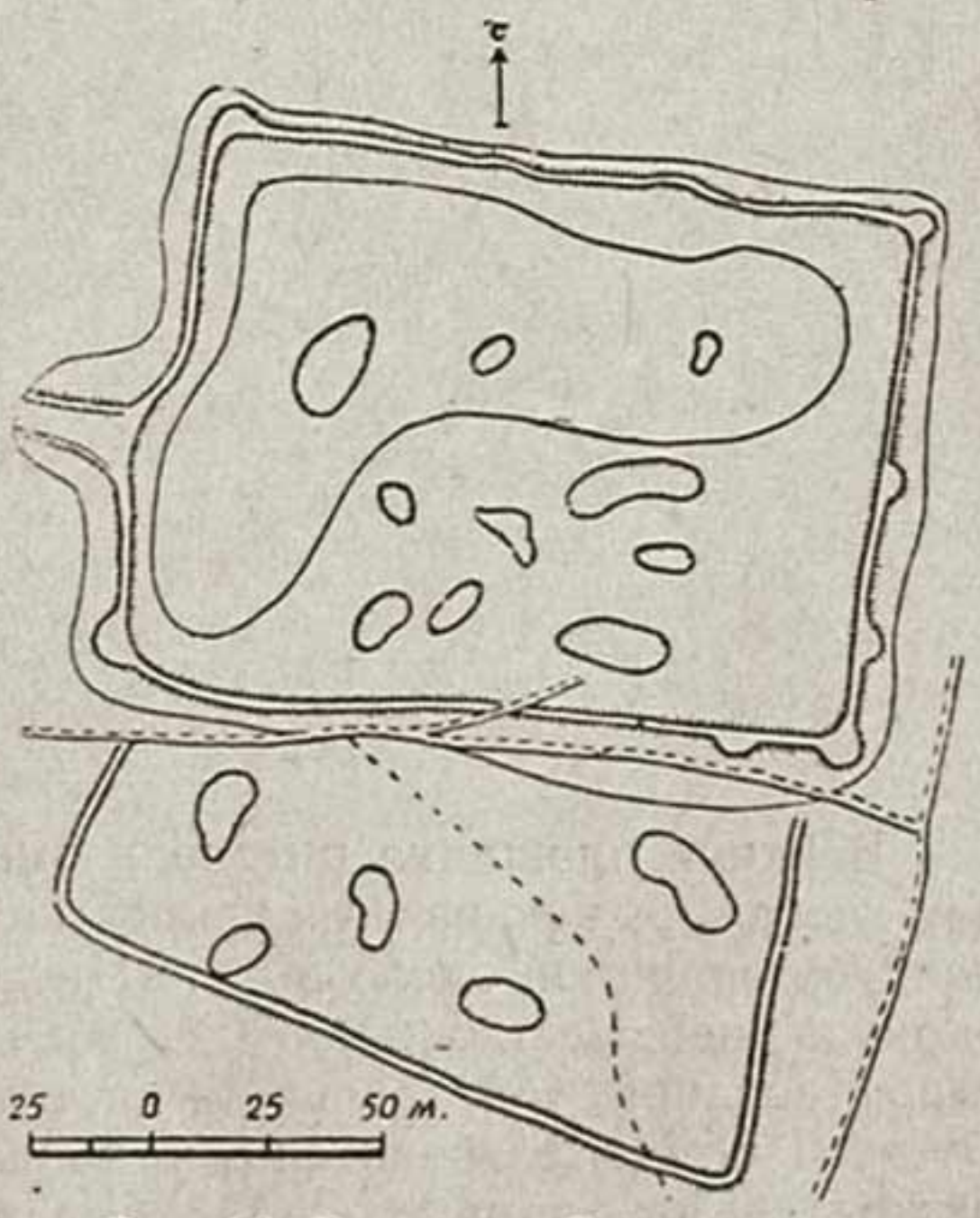


Рис. 16. Городище Еррик-депе.

Все городище ископано ямами — население выбирает здесь кирпич (размеры кирпича 21×21×4; 22×22×4; 24×24×4; 26×26×5 см³). В качестве строительного материала употребляется также камень.

Метрах в 150 на юго-запад от городища начинается масса мелких тепе, имеющих высоту 1—1,5 м и поперечник 3—4 м. Часть из них относится к дофеодальной эпохе, другие датируются глазурованной керамикой XIII—XV вв.

По керамике, столь обильно встречающейся на городище, можно время существования его определить XI—XVII вв.

Городище у Келята

Это городище расположено на юго-запад от Келята, у линии железной дороги. В центре его находится «цитадель», размеры ее верхней площади, имеющей вид неправильного пятиугольника, примерно равны 80×100 м. Ориентация — с северо-востока на юго-запад.

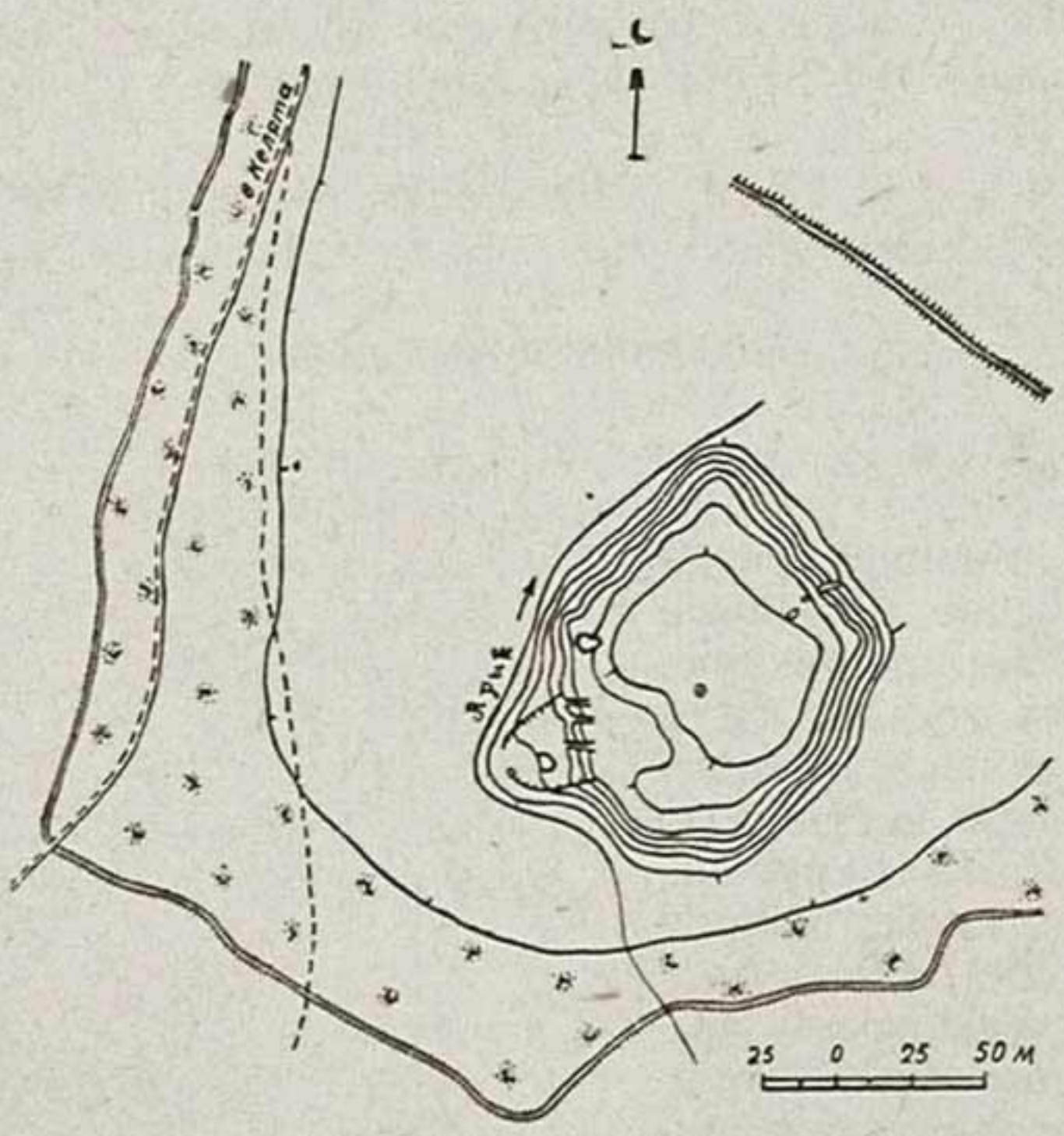


Рис. 17. Городище к юго-востоку от Келята.

Верхняя площадка цитадели имеет сильное понижение в юго-западном углу, где как раз находился спуск, оформленный в виде большого пандуса, шириной около 30 м. «Цитадель» значительно возвышается над окружающей местностью — до 10,5 м. В одну из поздних эпох своего существования «цитадель» была обнесена мощной стеной с башнями. От этой стены, в значительной части размытой, осталось несколько отрезков — на пандусе. Она была сложена из сырцового кирпича 22—25×?×4—5 см³.

Вокруг цитадели большая площадь (300×350 м²) была обведена стеной, сейчас сильно оплывшей и лишь кое-где достигающей высоты 1,5 м. Вдоль вала с внутренней его стороны тянется полоса повышения, образовавшаяся в результате накопления культурного слоя. Вне пределов городского вала жизнь особенно интенсивно развивалась на площадке, примыкающей к валу с юго-запада.

Керамика, собранная нами на этом городище, позволяет отнести начало его жизни примерно, к XI в., или, самое раннее, к X в., а конец, видимо, к XVII—XVIII. Среди глазурованной керамики попадается и местная люстровая, много керамики XV—XVI вв. Следует отметить несколько необычную для средневековой керамики Южной Туркмении форму венчика одного сосуда светлокоричневой поливы: по верхней поверхности этого венчика проведен глубокий желобок. Тип орнаментации, встреченный на одном фрагменте керамики XV—XVI вв. посредством отходящих от замкнутых полигонов тонких черных «ресничек» восходит к китайским образцам[106]).

По общим размерам это городище является самым крупным из обследованных поселений (исключая, разумеется, Шехр-Ислам, Дурун и Фераву):

Городище Гек-депе

Впервые описанное Ф. Михайловым, оно было бегло осмотрено V отрядом ЮТАКЭ в 1946 г.[107]). Размеры основной части городища 160×175 м., вытянуто оно с востока на запад. Высота по северному, южному и восточному фасу достигает 5 м, но в западной части оно гораздо положе и ниже (1—1,5 м). К северной части восточной стены городища примкнут квадратный „выступ", имеющий размеры 80 х 80 м. Западная (главная) часть городища была окружена стеной, причем эта стена как будто проходила и по северной половине восточного фаса, отделяя одну часть городища от другой. „Выступ", имеющий высоту 1,7—2 м, был также обведен стеной.

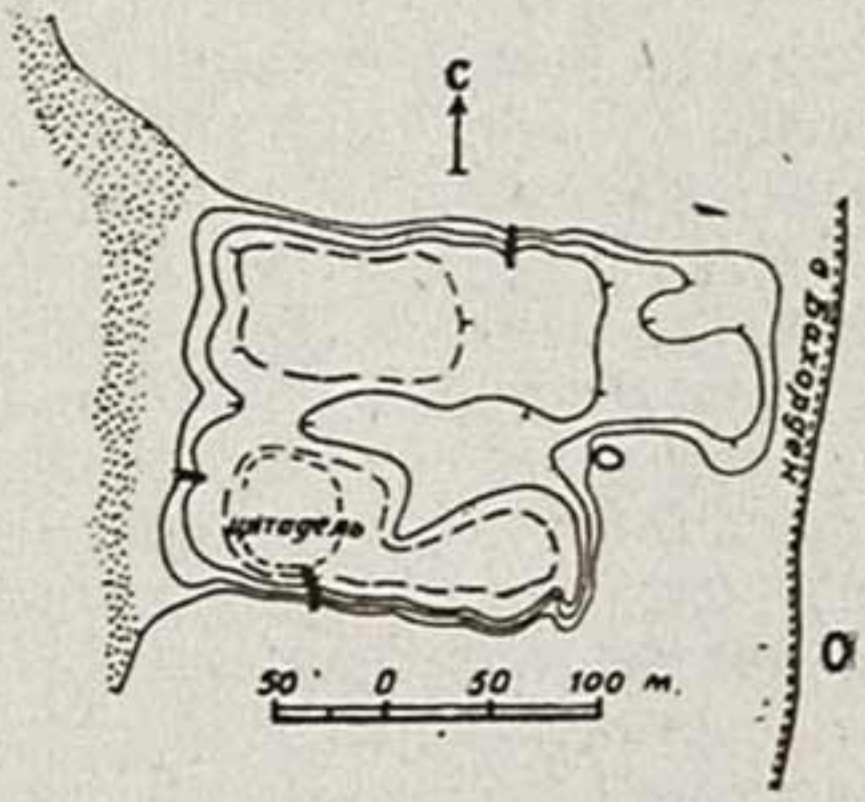


Рис. 18. Городище Гек-депе.

Рельеф городища довольно сложен, наиболее возвышены северная и южная половины западной части городища, в промежутке между ними — большая ложбина. В юго-западном углу имеется небольшая возвышенная площадка, возможно, здесь помещались крупнейшие сооружения селения.

Въезды в городище могли располагаться в низменной западной стороне его или в середине восточной.

В поселении существовало свое железоделательное производство — встречаются железные крицы и шлаки, а также отходы керамического производства.

Городище перекопано местным населением, добывавшим здесь жженый кирпич. Среди этого кирпича были замерены квадратные кир-

пичные плитки 19×19×3,3, 21×21×4 и 22×22×4,5 см³, как исключение 31×31×5 см³. Кроме жженого кирпича здесь, как и в Дуруне, в строительстве применялся камень. Для украшения зданий применялись облицовочные плитки голубой поливы, совершенно аналогичные плиткам Шехр-Ислама.

Судя по керамике, это городище возникло почти одновременно с Шехр-Исламом — в IX—X вв., однако только с эпохи XI—XIII вв. керамика представлена значительным числом фрагментов. Еще более интенсивно, судя по керамике, селение жило в монгольскую эпоху. Керамики XV—XVI вв. городище не дает.

Возможно, что городище Гёк-депе является селением Абхадеран Хафизи Абру. На территории современного населенного пункта Бахарден не удалось встретить следов средневекового поселения. Местное же население, как сообщила автору В. Г. Мошкова, считает, что Гёк-депе — это «тепе Бахардена». Вероятно, в силу каких-либо политических обстоятельств селение на Гёк-депе уже в сефевидское время было заброшено и на новое поселение, образовавшееся на расстоянии 5 км к югу от первоначального, было перенесено в несколько видоизмененном виде старое название.

Нухур и Караул

В списке Хафизи Абру упоминается селение Нухур. При беглом осмотре местности, на которой располагается современный Нухур, следов средневекового поселения обнаружить не удалось. Осмотренные в Нухуре памятники восходят к позднему средневековью. Таковы, например, большая каменная скала в центре современного селения, мавзолей «Гумбез» из сырцового кирпича, каменная плита в котором содержит надпись, сообщающую и погребении некоего Ага-Ходжи в 1189/1775—6 г. н. э., динги, один из которых (каменный), был специально замерен. Его высота — 6 м. Внутри он имеет овальную форму с длиною сторон 1,80×2 м. Толщина стен, хоть они и каменные, сделана значительной—до 78 см внизу. Узкий вход ведет в динг с запада, но именно здесь в него трудно попасть: западная сторона динга предусмотрительно расположена у крутого обрыва. Внутри динг имел одно, а может быть и два плоских перекрытия из дерева. На высоте около 4,5 м имелось отверстие-окошко. Динг сложен из рваного сланцеватого камня, положенного на глине. По словам стариков, динги в прежнее время окружали Нухур со всех сторон. Столь же интересно с историко-этнографической точки зрения нухурское кладбище с целым лесом намогильных фигурно вырезанных деревянных палочек.

В дальнейшем, кроме более тщательного обследования территории современного Нухура, необходимо уточнить вопрос о древности поселения в ущелье Дейдер в 3 км к ЮВ от Нухура. Здесь в старое время жили Джагыль-джагульцы, которых нухурцы считают потомками иудеев, сами же они утверждают, что они древнейшие насельники этих мест, ниоткуда сюда не приходили, а «вышли из камня». В ущелье была громадная скала, служившая им убежищем в военное время, сейчас здесь находятся виноградники. Именно здесь при пахоте находят до последнего времени большие глиняные сосуды овальной формы[108])

Еще до революции до Ф. Михайлова доходили слухи о находках здесь 7 «больших необлитых корчаг из обожженной глины». В его время на скале еще были заметны следы древнего укрепления. Ф. Михайлов произвел здесь раскопки, нашел фрагменты корчаг, причем его поразило полное отсутствие фрагментов поливной керамики, а также монет[109]). Хотя на основании слов Ф. Михайлова можно предположить, что это поселение как будто не было средневековым, все же нужно тут произвести дополнительное исследование.

В 12 км на юг от аула Нухур располагается селение Караул, в котором раньше находилось передовое сторожевое укрепление, имевшее целью предупреждать собственно Нухур о приближении врагов[101]). Эта крепость располагается в юго-восточном углу селения на огромном холме. Она имеет прямоугольную форму, вытянутую с севера на юг, размеры ее 100×120 м. Стены крепости были сложены из камня, внутри — развалины каменных строений. Судя по керамике, крепость нужно отнести к XVII—XVIII вв.

Едва ли не к этому времени относится находящийся вблизи от селения мавзолей Эвез-шейха. Это небольшое портальное сооружение длиною 14,75 м, шириною 9,30 м. Центральное помещение мавзолея является в плане восьмигранным, с длиною грани 2,70 м. На каждой грани имеется внизу декоративная ниша, а выше—световое окно. Переход к куполу осуществлен прямо от восьмигранника стен. В этом помещении располагались 2 саганы.

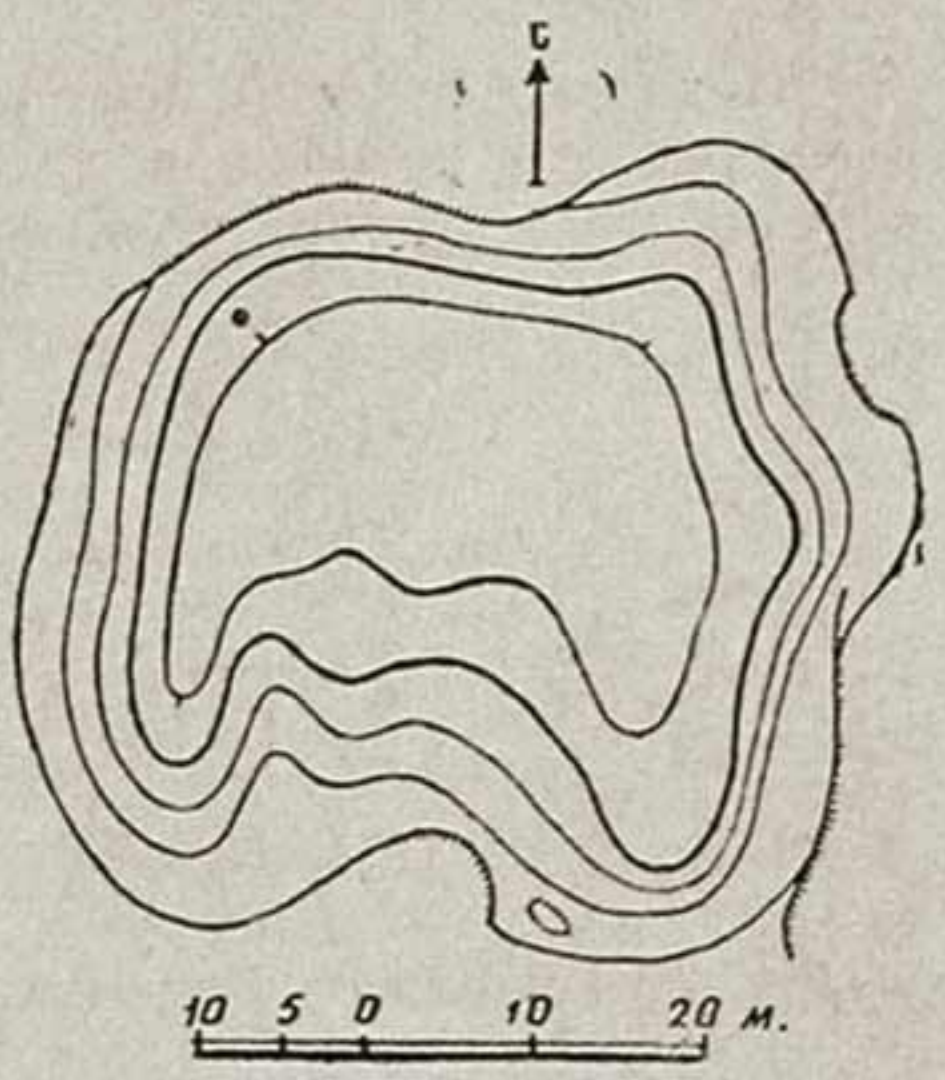


Рис. 19. Городище Караул-депе

Из стороны центрального помещения, противоположной входу, дверной проем ведет в прямоугольную комнату, связанную с двумя маленькими угловыми помещениями, из которых попадают в галлерею второго этажа. В устоях портала также располагаются небольшие комнатки со входами из щековых стен портала.

Мавзолей сложен из жженого кирпича 23—26×?×4,5—5,5 см³. Рядом с мавзолеем, на юго-запад от него высится очень большая скала, верхняя площадка которой на расстоянии около 120 м весьма насыщена средневековой поливной и неполивной керамикой, основную группу которой можно датировать XI—XIII вв. Много фрагментов хумов, в промоинах и ямках видны следы обуглившегося от древности дерева. Скала эта, господствующая над окружающей местностью, была прекрасной естественной крепостью, тем более поражает полное отсутствие каких-либо следов стен.

Вполне вероятно, что здесь было одно из селений округа Языра. Может быть, есть некоторые основания в связи с этим средневековым селением привести следующие слова Абуль Гази: «Племя Язер пошло в Хорасан, где около Деруна жили много лет; по этой причине Дерун называют Язеровым Юртом. Часть из племени Язер поселилась в горах близ Деруна, где и занялись земледелием»[111]).

Рассматривая природные условия той части Копет-дага, которая находится в пределах округа Языра, нельзя не отметить, что именно горная долина в районе Нухур-Караул является одним из наиболее удобных мест для занятия земледелием. Поэтому не лишено вероятия предположение, что здесь селились языры и что средневековое селение у аула Караул в своей поздней истории (XII—XIII вв.) связано с оседанием их на землю. Рашид-ад-дин, повествуя о событиях 1255 г., связанных с пребыванием Хулагу-хана в Радкане, сообщает о доставлении туда из Мерва, Языра и Дахистана большого количества вина и продовольствия[112]) и Хамдаллах Казвини (1339 г. н. э.) сообщает, что в области Языра было много хлеба[113]). Возможно, что и эти известия о земледельческих продуктах Языра в какой-то части связаны с теми языpами, которые занимались «в горах близ Деруна», однако, селище у Караула, видимо, не пережило монгольского завоевания.

Городище у Беурмы[114])

Недалеко от современного аула Беурме, на северо-запад от него, располагается небольшое средневековое городище. Оно вытянуто с севера на юг и в плане почти прямоугольно. Размеры 100×200 м, высота над окружающей местностью около 5 м. Северная половина городища ниже, тут находится котловинообразное понижение. Именно здесь, как и впрочем в южной части, мог располагаться въезд в городище. Следы былой жизни имеются и на запад от городища.

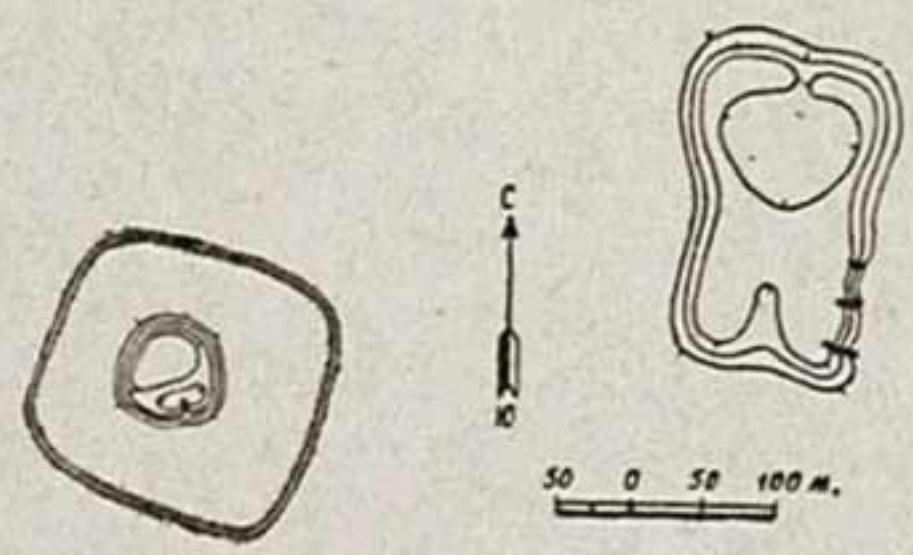


Рис. 20. Городища у Беурме.

На поверхности городища имеется большое количество жженого кирпича 20 x 20 x 3 и 21 x 21 x 3,5, в качестве строительного материала употреблялся и камень.

Встреченная здесь керамика позволяет говорить о X—XIV вв., как о времени интенсивной жизни этого города, хотя не исключено, что жизнь не замерла здесь окончательно и позднее. Встречен один фрагмент люстровой керамики, по характеру рисунка напоминающий Султан-абадскую.

Городище у Бами[115]).

На юго-западной окраине аула Бами располагается средневековое городище, называемое местным населением Казак-депе.

Городище состоит из двух частей: маленькой цитадели и собственно города. Верхняя площадка цитадели почти овальная, имеет размеры 25 x 25 м^2 и ориентирована с юго-запада на северо-восток. Понижение цитадели идет на юго-восток.

К западному фасу цитадели с севера и юга примкнута стена собственно города, сохранившаяся в виде вала высотой 1—1,5 м. Величина

площади, обнесенной городской стеной, равна примерно 27 га и вытянута также с юго-запада на северо-восток. Внутри этой площади наиболее густо были обжиты юго-западная и восточная части, где мощность культурного слоя достигает 1—1,5 м.

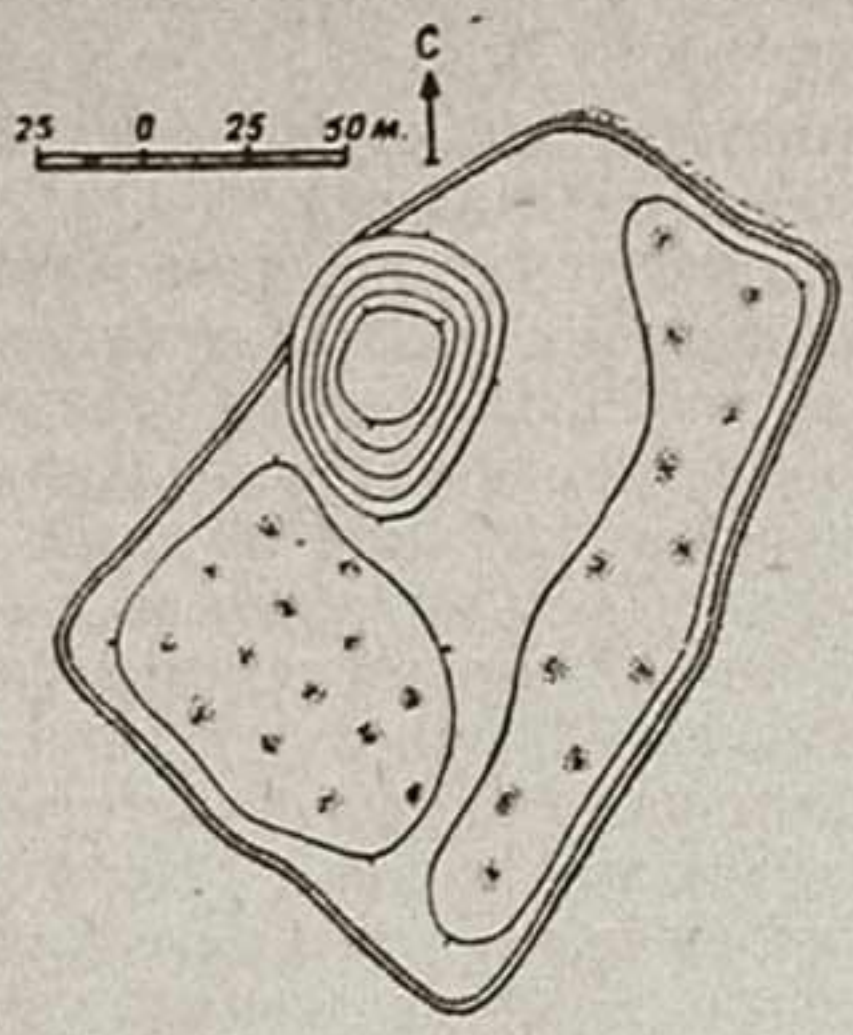


Рис. 21. Городище у Бами.

Поселение возникло, судя по керамике, в X—XI вв. В большом количестве встречается керамика XI—XII вв. В это время в городе существовали здания, украшенные голубыми облицовочными плитками. Наиболее многочисленна керамика монгольского периода. Наряду с обычной керамикой голубой глазури с черной росписью встречается и привозная люстровая керамика. К разным эпохам относятся фрагменты стеклянных изделий и каменной посуды.

Абул-Гази несколько раз упоминает Бами и Беурму[116]), однако в это время поселения располагались не на описанных городищах, а в других местах. В Беурме, например, позднесредневековое поселение было на месте городища. лежащего в 250 м западнее вышеописанного.

Коч-депе

Километрах в 25 на юго-восток от Кизыл-Арвата, между аулом Коч и линией железной дороги, располагается небольшое тепе, которое местное население называет Коч-депе или Коч-Ясы-депе. Тепе это сильно оплыло, но и сейчас его высота достигает 8 м. Верхняя площадка тепе овальная, величина его 35×35 м. Следов стен незаметно. Шлейф вытянут на юг, длина тепе понизу — 75 м. Общая ориентация с ССВ на ЮЮЗ. На поверхности тепе много мелкой гальки, встречается и крупный камень. Тут же встречается и керамика, в том числе поливная. Судя по керамике, поселение на этом тепе наиболее интенсивно жило в эпоху IX—X вв. Часть неполивной керамики может быть отнесена к дофеодальной эпохе.

Выше приводилось известие Истахри (около 941 г.), что Ферава удалена от селений. Но уже Макдиси сообщал об устройстве других рабатов на средства Абу-л-Касима Микали вблизи от Феравы. Можно предположить, что средневековое поселение на Коч-тепе возникло именно таким образом. Однако собственного названия этого поселения мы не знаем. Макдиси, перечисляя станции на девятидневном пути из Джурджана в Хорасан, упоминает последнюю остановку на расстоянии дня пути от Феравы под названием рабат Джа'фара. Много позже Хамдаллах Казвини называет в 8 фарсахах от Феравы по направлению к Хорезму рабат Хышт-и-Пухтэ (рабат из обожженного кирпича[117]). Однако идентификация селения на Коч-депе с одним из этих пунктов затруднительна. Керамика, собранная на этом городище, датируется X—XII вв.

О дальнейшей истории Коча пока нет никаких данных, если не считать весьма вероятного предположения А. Н. Самойловича, что наименование местности, в которую совершил поход Абул-Гази против имрелинцев[118]), следует читать не Фодж, а Коч[119]).

Местность и гробница Коч-ата, кроме того, несколько раз фигурируют у Мунисса-Агехи при описании событий XIX в.

Неподалеку от тепе находится большое кладбище с поздним мазаром из жженого кирпича и многочисленными фертами[120]). Как известно, эта группа памятников пока плохо поддается хронологическому определению. На некоторых из этих фертов (их свыше 20 штук) есть надписи, содержащие имена, напр. Баджан (?) ибн Ата хан, или Мухаммед Аман и др. Форма некоторых фертов отличается от уже известных по публикациям но большинство аналогично с теми, которые зарегистрированы по Сумбару и Чандыру. Очень любопытны ферты, сделанные в виде прямоугольного столбика с насаженным на него круглым навершием. Внутри этого навершия есть обычно два круглых же «глазка». Есть ферт, состоящий только из одного «навершия», без столбика-туловища. Обработка камня выполнена тщательно, иногда многопланно (до 4 планов).

Несколько исторических замечаний о районе Безмеин — Кизыл-Арват

В результате проведенной рекогносцировки удалось обследовать значительное количество, хотя далеко не все, городских поселений феодальной эпохи в районе Безмеин — Кизыл-Арват. Даже городища — мертвые остатки когда-то живых городов, наглядно показывают различную значимость этих поселений в прошлой жизни изучаемого района. При изучении археологического материала с привлечением данных письменных источников становится ясным, что каждый из описанных городов играл в известные исторические эпохи совершенно определенную роль в экономической, культурной, административно-политической[121]) и религиозной жизни Хорасана. Многие из описанных поселений возникли, насколько позволяет судить собранная на них керамика, в эпоху IX—X вв.

Встреченные здесь, правда очень немногочисленные, фрагменты поливной керамики так называемого саманидского типа указывают на экономические и культурные связи между этой частью Хорасана и Мавераннахром в тот период, когда после победы Исмаила Саманида над Амром б. Ляйсом около Балха в 900 г. н. э.[122]), Хорасан, прикаспийские провинции и Западная Персия вошли в состав Саманидского государства и управлялись саманидским наместником из Нишапура[123]). Вместе с тем уже, пожалуй, сейчас можно говорить о значительно меньшей распространенности этой керамики в изучаемом районе по сравнению с более восточной частью Южной Туркмении — областью Мерва. В области Нисы в это время получают широкое распространение некоторые типы местной керамики, тесно перекликающейся по гамме и рисунку росписи с хорезмийской керамикой IX—XI вв.[124])

В эпоху IX—X вв. городские поселения предгорной полосы Копет-Дага находились в непосредственном контакте с кочевой степью. Именно в этой связи стоит формирование своеобразного уклада городского хозяйства в северном Хорасане, основанного на том, что во многих го-

родах и поселениях очевидно главным богатством жителей, так же, как и в Серахсе[125]), был скот. И если города средневекового Востока вообще имели «полуаграрный характер»[126]), то экономическая жизнь таких городов, как Ферава, и других, лежащих на границе пустыни или даже выдвинутых в нее, должна была слагаться из трех факторов: торгово-ремесленная деятельность, земледелие (поливное и богарное) и скотоводство. Последнее занятие свидетельствовало об отсутствии здесь непроходимой грани между хозяйством феодализирующихся кочевников и оседлым хозяйством феодальных городов. Возможно также, что в городах Северного Хорасана, в противоположность более южным частям Ирана[127]) этнический состав городской знати, в результате тесного соприкосновения с кочевой степью, был несколько иной и тюркский элемент играл большую роль во внутригородской жизни.

С одним из перемещений гузских племен было связано появление в пределах Южной Туркмении племени языр. Относительно его происхождения прежние исследователи этногенеза туркмен — В. В. Бартольд и И. Марквартне высказали какой-либо определенной точки зрения[128]). С. П. Толстов в своей специальной работе «Города гузов» высказал предположение об индоевропейском происхождении этого племени и аланах и асах северо-западной части Средней Азии, как исходных элементах в этногенезе языров. Исследователь основывается при этом на ономастическом сходстве их имени с племенным наименованием аланов — асов, а также на вероятности прихода языров в область Дуруна из Устюрта и Мангышлака, где Бируни помещает аланов и асов, у которых, судя по его словам, еще в XI в. происходил усиленный процесс тюркизации[129]). К этому можно добавить, что в «Родословной туркмен» Абул-Гази среди старших беков Дибакуя, внука Огуз-хана, первыми названы беки из племени Языр по имени Алан и Арслан[130]). Видимо, народное предание или писанные «Огуз-намэ» еще во времена Абул-Гази сохранили какие-то представления о связи между аланами и язырами, причем и второе имя — Арслан, если принять толкование его, предложенное С. П. Толстовым, как тотема — этнонима части аланских племен, живших близ Хорезма, должно еще больше подчеркивать аланское происхождение языров[131]). В противном случае, если правильна старая точка зрения на значение этого слова, вышеприведенное свидетельство Абул-Гази может рассматриваться в плане скрещения аланских и тюркских элементов в процессе формирования язырских племен. К сожалению, Бируни остается пока единственным автором, определенно говорящим о пребывании аланских племен к востоку от Каспийского моря[132]). Быть может, однако, приведенные Марквартом слова Абу-л-Феды (XIV в.) о том, что по соседству с аланами живет тюркское племя асов с их образом жизни и религией[133]) и являются поздним отражением дошедших до Абу-л-Феды рассказов о тюркизации части аланских племен[134]). Этот процесс, который еще не был завершен при Бируни, должен был идти достаточно интенсивно, ибо уже в перечне огузских племен у Махмуда Кашгарского (1074 г.) значится род «Язгыр», а в рассказе Ибн-ал-Асира о событиях 1160 г. фигурируют «языровские тюрки».

В состав «языровских тюрок», как показывает анализ сообщения Мухаммеда ибн Наджиба Бекрана[135]), входило три группы племен: «чистые языры» и присоединившиеся к ним уже, видимо, в пре-

делах Южной Туркмении, в районе Балханских гор, «языры мангышлакские» и «языры иранские». С этим сообщением можно сопоставить слова Абул-Гази: «Из языров также был царь и около языров сгруппировались мелкие племена»[136]).

Таким образом, многочисленные языры[137]), пришедшие в район Шахрастаны-Феравы не были чем-то единым, а являлись группой племен, внутри которой еще существовали значительные различия в языке, антропологическом типе и т. д.

История дальнейших трансформаций язырских племен известна еще хуже. Прояснить ее сможет только детальное этнографическое и антропологическое обследование основного массива карадашлинцев в Ильялинском районе, а также изучение данных родоплеменного деления и топонимики всей Туркмении, начиная с ее приморской части, где о поселении потомков языров говорит название острова Карадашлы, и до приамударьинской Туркмении включительно.

Пролить свет на этногенез языров могло бы исследование племени «олам» — несомненного потомка «аланов», которые попали в юго-восточную часть Туркмении через Хорезм. У них еще сохранились предания о жизни на Мангышлаке[138]).

Период закрепления языров на территории Южной Туркмении хронологически, видимо, совпал с разграблением гузами в 50—60 гг. XII в. некоторых крупных городов Хорасана. Возможно при этом как-то пострадали и менее значительные города, такие как Ферава и Так. Однако, в целом период XI—XII вв. был для городов рассматриваемого района временем интенсивного развития городской, в том числе строительной деятельности. Широко развились ремесленные производства, имевшие, очевидно, цеховую организацию[139]). Археологические памятники наглядно демонстрируют наличие значительной классовой диференциации — с одной стороны грубая, иногда никак не орнаментированная посуда городского плебса, с другой — великолепная, дорогостоящая привозная люстровая керамика и чудесные селадоновые изделия городской знати. На одном полюсе — простые строения, на другом большие здания, украшенные дорогостоящим архитектурным декором.

Монгольское завоевание имело для этого района, как и для других частей Средней Азии, значение страшной катастрофы. Карл Маркс, характеризуя роль монгольского нашествия в истории Средней Азии, писал:

«Между тем орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»[140]).

Разрушенные и разграбленные города района восстанавливаются только к концу XIII в. Обильный и разнообразный керамический материал дает основания для заключения, что уже следующий XIV в. является эпохой некоторого подъема городской жизни во всех обследованных городских поселениях. В это время возобновляется монументальное строительство, от которого на Шехр-Исламе, например, сохранились прекрасные образцы поливной терракотовой облицовки.

По не совсем ясным для нас причинам XV — начало XVI вв. ознаменовались прекращением жизни многих городских поселений. Перестает существовать крупнейший город района — Языр, а также Ферава, Гёк-

депе, городские поселения у Бами и Беурмы и некоторые др. Как выясняется по материалам X отряда, в это время также приходит в упадок Дахистан. Резко возрастает значение некоторых других городов, до того игравших второстепенную роль, например, Дуруна. Дурун XV—XVIII вв., судя по археологическим данным, подтверждаемым сведениями письменных источников, является вторым (после Нисы) городом в районе Гяурс — Кизыл-Арват.

Изучение больших коллекций керамики, собранных на городищах области Нисы, и сравнение ее с керамикой самой Нисы показывает, что понятие «область Нисы» имело не только административный смысл, но и определенный культурно-исторический, ибо археологически эта территория, несмотря на некоторые отличия между ее западом и востоком, представляет для средних веков единую «керамическую провинцию». На керамике также хорошо прослеживается процесс культурных взаимосвязей с Хорезмом. Политическая история северного Хорасана и Хорезма тесно переплетается, Ахал-Текинский оазис, в частности, неоднократно входил в состав Хорезмийского государства[141]). Тесные торгово-экономические связи между Хорасаном и Хорезмом приводили к появлению в известные периоды большого сходства в развитии материальной культуры, что хорошо видно на материале IX—XII и XIV вв. Особенно важно это наблюдение для XIV в., ибо политически Хорезм и западная Туркмения были связаны в это время лишь на очень короткий срок (1341—1357 гг.[142]) и остальное время входили в состав различных государств. Общность керамики в этот период уточняет наши представления о ходе культурных взаимоотношений между Хорезмом и Хорасаном.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 41.
2. В связи с этим специально не описывается целый ряд пунктов, которые оказались вновь обжитыми в средние века. Небольшие поселения располагались на Карауддепе (XI—XIV вв.), Гурумсан-депе (XII—XIV вв.), тепе с отметкой 196 (XI—XIII вв.) и некоторых других. В средневековой жизни района их роль была незначительной, ни одно из них не дает сколько-либо мощного культурного слоя этого времени.
3. Общее описание городища и исторические сведения о Таке-Языре приведены в работе Литвинского Б. А. и Мошковой В. Г. Изучение Така-Языра-Дуруна. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949. Данный раздел настоящей работы содержит лишь дополнительные данные, собранные в 1947 г.
4. Сравни башни городища Джанкент, устроенные, видимо, около X в. Толстов С. П., Города гузов. Советская этнография, 1947, № 3, стр. 60, 68.
5. В отчете 1946 г. писалось о южной башне этой цитадели. Сейчас, кроме нее, были подмечены оплывы 4 башен по северному фасу.
6. У Михайлова Ф. [А.] Развалины города Шехр-Ислам. Газета „Закаспийское обозрение". Ежемесячные художественно-литературные приложения. Ашхабад, 1898, № 1, стр. 14, говорится о внутренней облицовке стены цитадели жженым кирпичем, что кажется менее вероятным.
7. Князев П. И., Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза. Труды Академии наук УзССР, серия 1. История, археология, Термезская археологическая экспедиция, т. II. Ташкент, 1945, стр. 163.
8. Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, Исследование, СПб., 1900, стр. 192.
9. Бартольд В. В., Цит. соч., стр. 167.
10. Бартольд В. В., Цит. соч., стр. 161.
11. М[ихайлов] Ф. [А.] Цит. соч., стр. 14.
12. За недостатком времени не удалось нанести все кирпичные заводы на план.
13. Ал-Я'куби, Китаб ал-булдан. Перев. С. Волина. МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 150.

14. Массон М. Е., К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947, стр. 29—37. О следах железоделательного производства во входящем в округ Мерва Данденакане см. Ершов С. А., Данденакан. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. XV, М.—Л., 1947, стр. 135.

15. Ал-Макдиси, Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1. стр. 202.

16. Толстов С. П., Древний Хорезм. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. XIII, М.—Л., 1946, стр. 149.

17. [Рассмотренные автором на стр. 270—272 керамические орнаменты в действительности принадлежат архитектурным облицовкам, в частности пристенных копонн. Ред].

18. Тереножкин А. И., О древнем гончарстве в Хорезме. Известия УзтАН, 1940, № 6, стр. 61—62. Толстов С. П., Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 87.

19. См. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г. Цит. раб., стр. 58.

20. Детальное описание арка Дуруна, менее подробное его шахристана, а также сведения письменных источников приведены в цитированной работе Литвинского Б. А. и Мошковой В. Г. Поэтому ниже приводятся лишь новые данные, собранные во время поездки 1947 г.

21. Гродеков Н. И., Война в Туркмении, т. III. СПб., 1883, стр. 132, 136.

22. Гродеков Н. И., Цит., соч., т. III, таблица между 132 и 133 стр.

23. Лессар П. М., Поездка в Серахс. Известия Русского географического общества, т. XVIII, вып. 2, 1882, стр. 122.

24. Васильев П. С., Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее. СПб., 1888, стр. 2, 8.

25. Олсуфьев А. А. и Панаев В. П., По Закаспийской военной железной дороге. СПб., 1899, стр. 32. Возможно, что мечеть упоминается в нескольких из работ специалистов, обследовавших Бахарденское подземное озеро. Перечень этих работ (мне недоступных) см. Вернадский В. И., Опыт описательной минералогии, т. II, вып. 2, II. 1922, примеч. 1 к стр. 250—7 названий с 1887 по 1917.

26. Тейле Э. Э., Список развалин, пещер, курганов и др. памятников древности, находимых в Закаспийской области. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского Кружка любителей археологии и истории Востока, вып. 1, (1914—1915). Асхабад, 1915.

27. Там же, стр. 47—48.

28. Ершов С. [А.], От случая — к плану. Туркменоведение, 1931, № 1—2, стр. 77—78.

29. См. фотографии.

30. Пославский И. [Т.], Из поездки на р. Атрек и р. Гюрген. ПТКЛА, г. V, Ташкент, 1900, стр. 190; Михайлов Ф. [А.], Древние кладбища по Сумбару и Чандырю. Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. 1, (1914—1915), Асхабад, 1915, стр. 17; Массон М. [Е.], Силуэты Сумбарского района. Туркменоведение, 1931, № 3—4, стр. 56.

31. Бакланов Н., Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 4, М., 1944, рис. 5.

32. Ситняковский Н., Бухарские святыни (Мазар Багауддина). Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии т. V, Ташкент, 1900, стр. 52.

33. Diez, E. Churasanische Baudenkmäler, B. I, Berlin, 1918, s. 66—68. A Survey of Persian Art, v. II. L. — N. J., 1939, p. 1201—1212.

34. Относительно жженого кирпича в ответственных конструкциях сырцовых зданий Мерва и Мервского оазиса см. Пилявский В. И., Сырцовые сооружения древнего Мерва. Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 8. Новые исследования по истории архитектуры народов СССР, М., 1947, стр. 49, 66, 72; Н. М. Бачинский находит возможным считать включение кладки из жженого кирпича в сырцовые здания Термеза декоративным приемом. Бачинский Н. М., Сырцовые здания древнего Термеза. Труды АН УзССР, серия 1, история и археология. Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 210.

35. Стебницкий И. И., Заметки о Туркмении. Записки Кавказского отдела РГО, кн. VIII, Тифлис, 1873, стр. 44. На «Карте части Закаспийского края. Состав-

лена по новейшим сведениям в военно-топографическом отделе Кавказского военного округа. 1873», приложенной к статье И. И. Стебницкого «Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 году» Известия Кавказского отдела РГО, т. II, Тифлис, 1873, № 1, обозначено древнее кладбище Парау.

36. Роулинсон Г., Дорога в Мерв. (Читано ген.-майором Роулинсоном в вечернем собрании Англ. Географического общества 27 января 1879 г.). (Перев. Н. Г. Петрусевич). Записки Кавказского отдела РГО, кн. XI, вып. I. Тифлис, 1880, стр. 138, 141—142.

37. Петрусевич Н. [Г.], Разбор сообщения Г. Роулинсона, Дорога в Мерв. Записки Кавказского отдела РГО, кн. XI, вып. 1, Тифлис, 1880, стр. 198.

38. Лессар П. М., Поездка в Серахс. Известия РГО, т. XVIII, вып. 2, 1882 стр., 122—123.

39. W. S. (Закаспийская область в археологическом отношении) Туркестанские ведомости, 1888, № 25.

40. Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Исследование. СПб., 1904, стр. 154.

41. Дейнеко, Гипотеза о так-называемом г. Шехр-Ислам. Асхабад, 1902, № 86—87.

42. Бартольд В. [В], Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVIII в. Известия Туркестанского отдела РГО, т. IV. Научные результаты Аральской экспедиции, вып. II, Ташкент, 1902, стр. 54.

43. Бартольд В. [В.]. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 60, Его же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 41.

44. Barthold W., Akhal Tekke.Enzyklopaedie des Islam, B. I. Leiden — Leipzig, 1913, s. 243.

45. Самойлович А. Н., Из Туркменской старины. Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. Записки РГО по отделению этнографии, т. XXXIV, примеч. 5 на стр. 560.

46. См. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока вып. 1, (1914—1915 гг.), Асхабад, 1915.

47. Ершов С. А., Археология в ТССР за 20 лет. Известия ТФАН, 1944, № 2—3, стр. 28.

48. Бартольд В. В., История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 16.

49. Туманович О., Дневник Туркменкульта. 1929 г. Апрель. Туркменоведение, 1929, № 5, стр. 61.

50. Массон М. [Е.], Силуэты Сумбарского района (историко-археологический очерк). Туркменоведение, 1931, № 3—4, примеч. к стр. 54.

51. Дневник Туркменкульта, 1930. Май-июнь. Туркменоведение, 1930, № 6, стр. 46.

52. Карпов Г., Научно-исследовательская работа в ТССР. Туркменоведение, 1930, № 8—9 стр. 15. Ершов С. [А.], Итоги трех лет. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. Марущенко А. [А.]. Существенные поправки (Материалы к историческ ой географии Туркменистана). Туркменоведение, 1930, № 12, стр. 4.

53. Судя по описи № 107, инв. № 147, сбор производился 19 мая 1930 г. Эта коллекция из 113 предметов и дополнительно из сборов того же года коллекция из 48 предметов (опись № 110, инв. 150, №№ 1417—1465).

54. Фото Владычука. Хранятся в архиве ИИЯЛ ТССР, д. № 11.

55. МИТТ, т. I, стр. 176, примеч. 1.

56. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914 стр. 40. Его же, очерк истории туркменского народа. Туркмения, т. 1, Л., 1929, стр. 16.

57. Роулинсон Г., Дорога... Записки Кавказского отдела РГО, кн. XI, вып. 1. Тифлис, 1880, стр. 142.

58. Петрусевич Н. [Г.], (Разбор...). Записки Кавказского отдела РГО, кн. XI, вып. 1, Тифлис, 1880, стр. 198.

59. Бартольд В. В., Очерк... цит. соч., стр. 16.

60. Ал-Истахри, Китаб месалик ал-мемалик. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 176.

61. Худуд-ал-алем, Перев. под ред. А. А. Ромаскевича, МИТТ, т. 1, стр. 217.

62. Ал-Макдиси, Асхан ат-такасим [фи-ма'рифат] алакалим. Перев. С. Волина МИТТ, т. 1, стр. 184, 185.

63. Ал-Макдиси, Асхан... МИТТ, т. 1, стр. 192, примеч. 5.

64. Ал-Макдиси, Асхан.... МИТТ, т. 1, стр. 199—200.

65. Ал-Макдиси, Асхан.... МИТТ, т. 1, стр. 200.

66. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 41 По переводу С. Волина (МИТТ, т. 1, М. — Л., 1939, стр. 201) получается, что кяризы были проведены не в Фераве, а в нескольких селениях, выбранных им.

67. Ал-Истахри., Китаб месалик ал-мемалик. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 177.

68. Ал-Макдиси, Асхан.... МИТТ, т. 1, стр. 206, примеч. 5.

69. Бартольд В. В., Туркестан... цит. соч., стр. 248.

70. Бартольд В. В., Туркестан... цит. соч., стр. 274.

71. Бартольд В. В., Туркестан.... цит. соч., стр. 243.

72. Бартольд В. В., Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 61.

73. Давидович Е. А., Средневековый чекан Нисы. (в данном томе «Трудов ЮТАКЭ»).

74. Ал-Утби Китаб ал-йамани. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 226—227.

75. Бартольд В. В., Туркестан... цит. соч., стр. 289—293.

76. См. Бартольд В. В., очерк..., цит. соч., стр. 23—26. Якубовский А. Ю., Сельджукское движение и туркмены XI в. Известия Академии наук, отделение общественных наук, 1937, № 4.

77. Гардизи, Зейн ал-ахбар. Перев. под ред. А. А. Ромаскевича, МИТТ, т. 1, стр. 229—231.

78. Бейхаки, Абул-Фазль. Тарихи-Бейхаки, перев. под ред. А. А. Ромаскевича, МИТТ, т. 1, стр. 241.

79. Заходер Б., Хорасан и образование государства сельжуков. Вопросы истории, 1945, № 5—6, стр. 135—136; Бейхаки., МИТТ, т. 1, стр. 246—255.

80. Ибн-ал-Асир, Ал-камил фи-т-тарих. Перев. И. Н. Леманова и С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 368.

81. Бейхаки.... МИТТ, т. 1, стр. 261.

82. Бейхаки.... МИТТ, т. 1, стр. 284.

83. Бейхаки МИТТ, т. 1, стр. 288—289.

84. Мухаммед ибн ал-Мунаввар Мейхени, Асрар ат-тавхид фи макамат шейх Аби-Са'ид. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 343.

85. Ас-Сам'ани, Абу-Са'д. Китаб ал-ансаб. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1,

86. Мухаммед ибн Наджиб Бекран. Джехан-намэ. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 349.

87. Бартольд В. В., Туркестан.... цит. соч., стр. 359.

88. Бартольд В. В., Туркестан... цит. соч., стр. 359 сл.

89. Якут, Китаб муджам ал-булдан. МИТТ, т. 1, стр. 339, примеч. 1.

90. Ан-Несеви, Мухаммед. Сирта ас-султан Джелал-ад-дин Менкуберти. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 476.

91. Хамдаллах Казвини, Нузхат ал-кулуб. Перев. под ред. А. А. Ромаскевича, МИТТ, т. 1, стр. 507—510.

92. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 43.

93. Бартольд В. В., Очерк... цит. соч., стр. 42.

94. Абуль-Гази Бохадур-хан, Родословная туркмен. Перев. А. Туманского, Асхабад, 1897, стр. 67—68, 71—72.

95. Семенов А. А. К материалам по суфизму среди туркменского народа. Туркменоведение, 1929, № 8—9, стр. 51—52. Сведения извлечены из рукописи 991/1513 г.

96. De Goeje, M. J. Das alte Bett des Oxus Amu-Darja. Leiden, 1875, s. 22—23; 27—28;

97. Бартольд В. [В], Сведения... цит. соч., стр. 82, 86—87.

98. О них см. работу Г. А. Пугаченковой в данном томе «Трудов ЮТАКЭ».

99. Относительно Киргизии уже было сделано аналогичное наблюдение А. Н. Бернштамом. См. Бернштам А. Н., Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 101. Его же, Историко-культурное прошлое Северной Киргизии, по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 21.

100. Интересно, что на продолжении южной части фасадной стены видны следы какой-то кладки.

101. Судя по описи № 106 Ашхабадского музея краеведения, 14 мая 1930 г. городище посещалось экспедицией археологической секции Туркменкульта.

102. Мухаммед-ибн ал-Мунаввар Мейхени, Асрар ат-тавхид фи макамат шейх Аби-Са'ид. Перев. С. Волина, МИТТ, 1, стр. 344 и примеч. 1, к стр. 344. Возможно, находящаяся неподалеку от городища Карагач-овлия, название которой,

по словам местных жителей, проистекает от бывших когда-то здесь крупных караганей, и является остатком могилы упомянутого шейха.

103. Хафиз-и-Абру, Географическое сочинение. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 528.

104. В Ашхабадском музее краеведения хранится коллекция (оп. 106, инв. 146, №№ 86—216), собранная экспедицией археологической секции Туркменкульта 14 мая 1930 г. на городище Арраз-депе, верстах в 8—10 на юго-запад от станции Безмеин. Не есть ли это Париз-депе?

105. Мухаммедан-Несеви. Сирта ас-султан Джелал-ад-дин Менкуберти. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 478.

106. Сухарев И. А., Два блюда XV в. из Самарканда. Труды института истории и археологии АН УзССР. Материалы по археологии Узбекистана, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 61.

107. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г. Изучение Така-Языра-Дуруна. Труды ЮТАКЭ, т. 1.

108. Поцелуевский А. П., Племя Нохурли. Туркменоведение, 1931, № 5—6, стр. 32—33.

109. Михайлов Ф. А., Древние кладбища по Сумбару и Чандырю. Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. 1, (1914—1915 г.). Асхабад, 1915, стр. 14.

110. Поцелуевский А. П., цит. соч., стр. 34.

111. Абуль-Гази — Боходур-хан. Родословная туркмен. Перев. А. Туманского, Асхабад, 1897, стр. 58.

112. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. III, Перев. А. К. Арендса, М. — Л., 1946, стр. 28.

113. Хамдаллах Казвини, Нузхат ал-кулуб. Перев. под ред. А. А. Ромаскевича, МИТТ, т. 1, 509.

114. В Ашхабадском музее краеведения хранится коллекция керамики, собранной на этом городище С. Шайдулиным в 1937 г. по заданию сектора истории материальной культуры ТГИИ (оп. № 157, инв. № 202).

115. В Ашхабадском музее краеведения хранится коллекция керамики с этого городища оп. № 157, инв. № 202, №№ 8—19, собранная в 1937 г. С. Шайдулиным по заданию сектора истории материальной культуры ТГИИ.

116. Абдуль-Гази. Родословное древо тюрков. Перев. Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 195, 289.

117. Хамдаллах Казвини, Нузхат ал-кулуб. Перев. под ред. А. А. Ромаскевича, МИТТ, т. 1, стр. 510.

118. Абуль-Гази, Родословное древо тюрков. Перев. Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 292.

119. Самойлович А. Н., Из Туркменской старины.... цит. соч., стр. 561.

120. Стебницкий И. И. впервые указал на «кладбище с многочисленными памятниками...» около Коч — см. Стебницкий И. И., Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 г. Известия Кавказского отдела РГО, т. II, Тифлис, 1873, № 1, стр. 11. Кладбище обозначено также на приложенной к статье карте.

121. О схеме административного деления см. Заходер Б., Хорасан и образование государства Сельджуков. Вопросы истории, 1945, № 5—6, стр. 122—124.

122. Бартольд В. В., Туркестан... цит. соч., стр. 233--234.

123. Бартольд В. В., Туркестан.... цит. соч., стр. 238.

124. См. выше, стр. 226.

125. Истахри, Китаб месалик ал-мемалик. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 176.

126. Заходер Б. Хорасан и образование государства Сельджуков. Вопросы истории, 1945, № 5—6, стр. 124.

127. Петрушевский И. П., Городская знать в государстве хулагуидов. Советское востоковедение, т. V, М. — Л., 1948, стр. 88—96.

128. J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen. Abhandlungen der K. Geselschaft der Wissenschaften zu Göttingen.Philo—Hist.Klasse. Neue Folge, в XIII, №1. Berlin, 1914, стр. 52, приводя отрывок из Ибн-ал-Асира о Ягмур-хане и его борьбе с правителем Дахистана и шахом Мазандерана, читает вместо «языровские тюрки» Barzt ja Fürken. Между прочим и другой Западно-европейский ориенталист Ле-Стрендж в 1919 г. принял столь же неправильное чтение Bazar см. Hamdallah Mustafi of Qazwin. Nuzhat al qulub. transl. bv. G. le Strange, G.M.S. v. XXIII. Leiden — London, 1919 стр. 155. И все это после того, как в русской востоковедческой литературе конца XIX — начала XX веков (не говоря уже о более ранних временах) А. Туманский, В. Г. Ти-

зенгаузен и В. В. Бартольд многократно указывали на правильное чтение этого наименования.

129. Толстов С. П., Города гузов. Советская этнография, 1947, № 3, стр. 83.

130. Абдуль-Гази — Бохадур-хан. Родословная туркмен. Перев. А. Туманского, Асхабад, 1897, стр. 36.

131. Толстов С. П., Из предистории Руси. Советская этнография, VI—VII, М — Л., 1947, стр. 51—52.

132. Barthold W. Allan. Enzyklopaedie des Islam, в. I. Leiden — Leipzig, 1913, s. 327. См. так же Дорн Б., Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о набегах их на прибрежья Каспийского моря. Приложение к XXVI тому Записок Академии наук, № 1. СПб., 1875, стр. 106, 114 и др. и Marquart, I. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903., 45, 164—172. Анализ возможного происхождения встречающегося из Фирдоуси «замка алан» на острове Каспийского моря, который, исходя из описания и контекста, Маркварт считает возможным локализовать на Челекене, приводит его же к выводу о переплетении в этом отрывке Фирдоуси разновременных и относящихся к разным местам данных — см. Uber Volkstum..., op. cit. s. 106—108.

133. Marquart I., Osteuropäische... op. cit, s. 165.

134. Сравни Marquart I. Osteuropäische... op. cit. s. 165.

135. Мухаммед ибн Наджиб Бекран Джехан--намэ МИТТ, т. 1, стр. 349.

136. Абуль-Гази-Бохадур-хан, Родословная туркмен. Перев. А. Туманского, Асхабад, 1897, стр. 38.

137. Бартольд В. В., (Очерк истории туркменского народа... цит. соч., стр. 36), говорит, что языры из-за их многочисленности рассматривались как особый народ.

138. Бахтиаров А., Осколки исчезнувших алан. Туркменоведение, 1930, №—9, стр. 39—40.

139. Заходер Б., Хорасан и образование государства Сельджуков. Вопросы истории, 1945, № 5—6, стр. 129.

140. Карл Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, Госполитиздат, 1938, стр. 221.

141. Barthold W., Akhal Tekke... op. cit. s. 243.

142. Бартольд В. В., Очерк истории... цит. соч., стр. 44—45.

В. Г. МОШКОВА

ОТЧЕТ

О РАБОТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ V ОТРЯДА ЮТАКЭ 1947 г. В БАХАРДЕНСКОМ РАЙОНЕ ТССР

В связи с непредвиденной задержкой моего выезда в Ашхабад, работы отряда ЮТАКЭ в 1947 г. были проведены двумя самостоятельными группами. Археологическая группа в составе научных сотрудников Б. А. Литвинского и В. М. Массона произвела большую рекогносцировочную археологическую поездку в Бахарденском районе и частично за его пределами. В Шехр-Исламе была сделана глазомерная съемка городища и тщательный сбор подъемного материала (отчет представляется археологической группой самостоятельно).

В этнографическом плане работу в Бахарденском районе проводила я. Вся моя поездка продолжалась с 14. XI по 20. XII 1947 г.;

В свете имеющихся исторических материалов о Таке-Языре-Дуруне, которые были систематизированы в результате работы по этому археологическому комплексу в 1946 г., — определилось два вопроса, для выяснения которых казалось небезынтересным привлечь этнографический источник.

1. Вопрос о сохранении в составе современного населения обследуемого района некоторых древних реликтовых групп (имелось в виду племя карадашлы, которое, согласно Абул-Гази, считается потомками древних языров).

2. Вопрос о наличии в современной местной топонимике каких-либо древних исторических элементов.

В изучении топонимического материала я первой своей задачей поставила ознакомление с местной ирригационной системой. Именно в названиях кяризов, каналов, и источников, являющихся, как мне казалось, устойчивым для Туркмении фактором, — я надеялась встретить какие-либо отголоски древней топонимики. В процессе работы я очень скоро убедилась в том, что изучению современной ирригационной системы и заброшенных оросителей в обследуемом нами районе надо уделить особое внимание, так как материал этот таит в себе совершенно неисчерпанные еще научные возможности, которые могут послужить канвой для решения ряда стоящих перед нами вопросов о времени су-

ществования жизни на изучаемых нами городищах (Шехр-Ислам, Гёкдепе, Дурун и др.), а также оказаться полезными для изучения вообще вопросов, связанных с историей ирригации в Туркмении.

Поэтому при изучении топонимики я сделала явный упор на эту сторону вопроса и в этом отношении вышла даже несколько из рамок темы.

Однако и в этой части работы мне пришлось ограничиться только сбором и проверкой сведений у стариков. Фактическая проверка полученных сведений на месте о старых руслах, заброшенных кяризах и т. п. была мне недоступна из-за отсутствия в моем распоряжении средств передвижения, и в этой части работа должна быть проведена в следующем году.

Это же обстоятельство ограничило мои возможности и при изучении населения района, так как в процессе работы выяснилась необходимость посещения ряда населенных пунктов как в Бахарденском районе, так и за его пределами. В этом отношении мне пришлось ограничиться лишь посещением близлежащих аулов.

История изучения Бахарденского района

Для предполагаемых археологических работ на городище Шерх-Ислам наибольший интерес представляет изучение территории трех сельсоветов, расположенных в непосредственной к нему близости: Дурунского. Бахарденского и Сунчинского. Культурные, обрабатываемые в настоящее время земли колхозов этих сельсоветов расположены в основном к югу от линии Закаспийской ж. д. и лишь местами выходят за ее пределы и углубляются на север на 2—3 км. От территории Шехр-Ислама они находятся, следовательно, дальше чем на 10 км и отделены от городища в настоящее время полосой надвинувшихся песков барханного типа.

Вся культурная территория данной местности орошается двумя источниками: р. Арваз, берущей начало в виде нескольких ключей в горах Копет-Дага и считающейся одной из довольно значительных водных магистралей Ахала и менее значительным источником Сунче. Кроме того, здесь построена целая система кяризов, выводящих на дневную поверхность грунтовые воды, широко используемые для орошения. Колхозы Дурунского сельсовета питаются исключительно водою кяризов. Бахарденские колхозы в основном живут за счет р. Арваза и нескольких кяризов. Земли сельсовета Сунче лежат на одноименном источнике и небольшом кяризе, тоже носящем название Сунче. Основным населением этих сельсоветов являются главным образом текинцы.

Указанные районы никогда не подвергались какому-либо специальному изучению, но как в архивных материалах, так и в литературе имеется немало сведений, относящихся к данной местности и ее жизни главным образом в дореволюционный период.

Казалось, что какие-то материалы, хотя бы самого описательного характера о данной местности должны были бы попасть в довольно многочисленную литературу, связанную с описанием завоевания Туркме-

нии (1879—1882 гг.), тем более, что при наступлении генерала Скобелева на Гёк-депе одна колонна войск вышла в Ахал через Арвазское ущелье. Однако, эта колонна прошла южнее Бахардена и Дуруна и вышла непосредственно к селению Келята. Колонна генерала Петрусевича, двигавшаяся на Геок-Тепе и по подгорной полосе от Бами, миновала Сунче (Бахарден не упоминается) и, имея предписание остановиться в Карагане, сделала местом своей стоянки «Кызыл Имам»[1]) на ручье выше Дуруна. В дальнейшем ходе событий, когда основные силы генерала Скобелева находились под Гёк-депе, — в Келята, Дуруне и Арчмане были устроены лишь небольшие опорные пункты (вероятно, в связи с этим все упоминания об интересующей нас местности очень беглы и поверхностны).

Все три пункта при описании маршрутов по Ахалу «Сунча, Бахарден и Дурун» упомянуты, как селения на пути от Бами до Асхабада[2]), причем отмечается, что, начиная с Сунче, все селения туркмен имели сады.

В Бахардене упомянут действующий кяриз, — один из 4 кяризов, которые функционировали в период завоевания Туркмении (в Асхабаде, Егян-батыр-кала, Бегердене и Келята[3]).

Из очерка о населении Ахала, данного в ряде работ этого времени, видно, что основным населением данной территории были текинцы. Приводится, между прочим, довольно подробный очерк завоевания последними Ахала в начале XVIII в.[4]).

Некоторый материал о бывшем Дурунском приставстве можно почерпнуть из Обзоров Закаспийской области. В Обзоре Закаспийской области за 1882—90 гг.[6]) помещены: в табл. 16 «Сведения о ручьях, кяризах и источниках, довольствующих аулы Асхабадского уезда» и в табл. 17 «Ведомость о заброшенных и заглохших источниках в Асхабадском уезде». Приводимый в этих таблицах материал, хотя не всегда полный (между прочим, как раз числятся неизвестными по названию 6 дурунских заброшенных кяризов), тем не менее, несомненно, представляет большой интерес как для изучения исторической топографии, так и истории местной ирригационной системы.

В Обзоре Закаспийской области за 1905 г. дается описание ручьев и рек Туркмении, среди них реки Арваза[7]).

Наконец, в «Адресе-справочнике по Закаспийской области на 1915 г.»[8]) помещен список населенных мест по данным 1913—1914 гг., составленный Э. Э. Т е й л е. Несмотря на то, что ряд наименований селений в этом списке искажен, ценность его для изучения вопросов, связанных с исторической топографией, безусловна.

В дореволюционный период в связи с чисто практическими потребностями, по инициативе администрации Закаспийской области, был проведен ряд работ по обследованию и изучению вопросов, связанных с ирригацией, сельским хозяйством, населением области и т. д. Особое внимание было уделено ирригации и системе водопользования области, в отношении которых было предпринято специальное обследование.

Территория бывшего Дурунского приставства была подробно описана в весьма обстоятельной работе Я. Таирова, младшего чиновника особых поручений при начальнике Закаспийской области. Обследование было проведено Я. Таировым в 1892 г., но издана работа была только в 1904 г.[9]). В работе этой дано подробное описание ирригационной системы бывшего Дурунского приставства, приведены названия кяризов и источников, указано их местоположение и в некоторых случаях даны сведения об их возникновении. Подробно описана система водопользования вплоть до проведения именного списка водопользователей. Автор не вдается ни в какие обобщения и дает чисто описательный фактический материал в том виде, как он был им зарегистрирован путем расспросов местных знающих лиц и администрации. Последующие авторы широко пользовались материалами Я. Таирова в своих работах.

Использованы они в работе техника по ирригации при начальнике бывшей Закаспийской области, горного инженера Л. И. Цимбаленко «Кяризы (водопроводы) Закаспийской области»[10]). Работа Л. И. Цимбаленко посвящена, главным образом, описанию кяризов. Закаспия с точки зрения их технического устройства. Однако материал подается автором в совершенно обобщенном виде. Техническое описание отдельных кяризов с точки зрения их технических особенностей отсутствует. Лишь для примера приведен план и разрез одного кяриза. Ценны некоторые замечания автора, почерпнутые им из личных наблюдений о характере креплений водопроводных галлерей, а также сведения о времени разработки кяризов рассматриваемой нами местности, заимствованны из материалов делопроизводства бывшего Дурунского приставства. При описании системы водопользования в бывшем Дурунском приставстве автор полностью придерживается материалов Я. Таирова, делая ссылку на последнего.

В отчете по ревизии Туркестанского края гр. К. К. Палена в части, посвященной ирригации Закаспийской области, говоря о кяризах, автор базируется, видимо, во всех своих положениях и выводах, главным образом, на работе Я. Таирова, на которого он ссылается в своем месте и несколько подробнее говорит о системе водопользования в бывшем Дурунском приставстве лишь у нухурцев и мурчинцев и о группах безземельных в Ахале[11]).

Большое количество статей о кяризном орошении в Закаспии, а также заметок о разного рода судебных конфликтах между кяризовладельцами помещено было в закаспийских газетах «Асхабад» и «Закаспийское обозрение», а также в «Туркестанских ведомостях»[12]).

Наличие такого обильного сравнительно материала о кяризах Закаспийской области объясняется тем большим интересом к этим оригинальным гидротехническим сооружениям, который возник у европейских специалистов при ознакомлении с ними. Интерес к кяризам особенно повысился в связи с развитием хлопководства в Туркестане и все возраставшей потребностью в воде, особенно в Закаспии. Кяризы привлекали к себе внимание исследователей не только в маловодной Закас-

пийской области, но также и в других областях Туркестанского края. В этом отношении имеется ряд работ, опубликованных в газетах, журналах и разного рода сборниках дореволюционного периода.

О кяризах Нур-Атинских и находящихся в районе гор. Туркестана написал Г. А. Арандаренко в 1874 г.[13]).

О Пянджикентском кяризе в семидесятых годах писали А. Федченко[14]) и тот же Г. А. Арандаренко[15]).

Популяризаторская статья о кяризном орошении написана С. В. Понятовским в 1908 г[16]). Кроме того, о кяризном орошении писалось в ряде специальных работ по ирригации Туркестана, напр., у Н. Н. Дингельштедта[17], Е. Е Скорнякова[18]).

Из материалов послереволюционного периода надо отметить отчеты специальных обследований кяризов и источников с описанием состояния и технических особенностей отдельных объектов. Укажу на отчет подобного рода С. Н. Иомудского и М. П. Иваницына[19]) по разным группам кяризов Бахарденского района. Имеется богатый полевой изыскательский материал и по отдельным ирригационным объектам, в частности, по кяризу Дурун, на основании которого могут быть, вероятно, составлены подробные планы и разрезы интересных для нашей работы кяризов.

Исчерпывающий материал о природе и характерных особенностях всех кяризов Ахала рассматриваемой нами территории дал в 1923 г., в результате специального изучения, И. И. Никшич в своей работе «Копет-Даг. Геологическое и гидрогеологическое исследование в Полторацком уезде Туркменской области в 1923 г.»[20]). В отношении Бахарденских и Дурунских кяризов, как и в отношении других, им установлена длина галлерей кяризов, число и глубина колодцев, дебет воды и т. д.

Необходимо указать, что несмотря на изобилие и наличие литературы и материалов о кяризах, явившихся результатом специального изучения, они все же ни в какой мере не освещают вопроса о кяризах в историческом аспекте. В этом отношении делаются только отдельные весьма поверхностные замечания.

Мне неизвестно, имеются ли какие-нибудь работы подобного характера о кяризах сопредельных стран, в частности, о кяризах Ирана — страны особенно ими богатой.

Переходя к вопросу о населении Бахарденского района, надо сказать, что изучением его почти не занимались. За исключением работ о нохурцах, аланах и еще некоторых туркменских племенах[21]) другие работы мне неизвестны. Некоторый материал о родовом составе отдельных туркменских племен, части которых населяют Бахарден и Дурун, можно почерпнуть из родовых таблиц, составленных покойным Г. И. Карповым (мурчали, карадашлы, теке). Имеется некоторый материал в небольших сводных статьях Г. И. Карпова, посвященных истории отдельных туркменских племен[22]).

Отрывочные сведения о населении отдельных аулов Бахарденского района имеются в материалах, собранных покойным врачом М. И. Рубиным, хранящихся в Рукописном фонде Института истории ТАН.

[Население]

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют в настоящее время составить лишь самый общий очерк истории сложения населения рассматриваемой нами территории; мы можем использовать для этого лишь весьма немногочисленные данные исторических источников и некоторые этнографические материалы, также не особенно богатые. Попытаемся свести все эти сведения и на этом фоне рассмотреть современное население Бахардена и Дуруна.

Современное местное население рассматриваемой нами территории не однородно, в его составе имеются, не считая немногочисленного европейского пришлого населения, представители нескольких туркменских племен. Наряду с самыми многочисленными текинцами, преобладающим населением вообще во всем Ахале, здесь проживает также ряд мелких племенных групп, являющихся потомками некоторых туркменских племен, обитавших на данной территории разновременно на протяжении длинного промежутка времени, исчисляемого почти целым тысячелетием.

Самой древней группой населения, которая связывается с данной территорией историческими источниками, является одно из огузских племен «языр», давшее имя всей заселенной им обширной местности в подгорной полосе современной Туркмении (в Ахале) и ее центру (крепости Языр). С. П. Толстов, высказал предположение о возможной связи языров с ясами — аланами исторических источников[23]).

Языры возглавляли крупное племенное объединение огузских племен и были весьма многочисленны, заселив обширную территорию от Мангышлака до подгорной полосы Копет-Дага включительно (различались языры чистые, языры фарсские, языры мангышлакские).

Несмотря на отсутствие твердой датировки поселения языров в подгорной полосе, имеющиеся косвенные данные позволяют отнести эти события во всяком случае к середине XII в. а, может быть, и к более раннему периоду.

О язырах, как о народе, как о племени, позже XII в. нет никаких упоминаний в связи с историческими событиями данной территории. Сделать заключение о прочном и долгом их поселении в данной местности можно только на основании того, что имя их закрепилось за всей данной местностью очень прочно и употреблялось еще в XIV в., а за центром ее Языром, уже утерявшим свое былое значение — до XVI в.

Данных, позволяющих судить о подробностях жизни языров на данной территории в домонгольский период, а также и в последующие века (XIII, XIV, XV) у нас не имеется, так же, как и о продолжительности их пребывания на этой территории. И если бы не сообщение Абул-Гази, относящееся к XVII в., о том, что часть языров, осевшая на землю в горах около Дуруна получила имя карадашлы, — то у нас не было бы никаких оснований полагать, что языры продолжали обитать здесь в какой-то своей части до XVII в. Когда и в связи с чем произошло это переименование, неизвестно (в прошлогоднем отчете мы останавливались на этом вопросе).

Имени карадашлы, кроме Абул-Гази, никто не упоминает. Только в связи с событиями XVII в. в окрестностях Дуруна упоминаются туркмены карамаши, которых, вероятно, можно отождествлять с карадашлы. После жестокого поражения, которое карамаши потерпели в

1628 г., поддерживая Абуль-Гази в его борьбе с Ираном, больше сведений ни о них, ни о карадашлы не встречается вплоть до XIX в., когда они упоминаются в Хорезме, на территории Хивинского ханства. Основная масса карадашлы была вытеснена из районов Дуруна и Бахардена текинцами. Повидимому, это событие должно быть отнесено к концу XVIII в., потому что, как население Хорезма, карадашлы упоминаются с конца второго десятилетия XIX в. К этому же времени (1816 г.) относится указание на группу карадашлы, переселившуюся в селение Шайтан-Кала с берегов Юван-Су и Гозсыз-Су (в современном Кара-Калинском районе), а также группа карадашлы, проживавшая на «восточной оконечности (Тумшук) Хисар-Тага» крепости Таг[24]). (Где это последнее место, определить не берусь, хотя естественно напрашивается вопрос, не относилась ли эта группа к числу оставшихся в районе древнего городища Така-Языра — «крепости Так»).

Все эти сведения во всяком случае свидетельствуют о том, что карадашлы понесли жестокий погром в районах своего древнего юрта и разбрелись в разные стороны, хотя большая часть осела в Хивинском ханстве, где они живут до настоящего времени в Ильялинском районе.

В Ахале очень незначительное число семей карадашлы все же осталось жить в Бахардене, в Дуруне, несколько больше их было в ауле Махмал-депе Тедженского района [25]), а также отдельными небольшими группами они живут в аулах по берегам Аму-Дарьи в Чарджуйском округе.

О всех исторических событиях, связанных с язырами, о жизни их в данной местности с XII в., в среде современного, главным образом, текинского населения Бахардена, насколько мне удалось выяснить, никаких воспоминаний не сохранилось; нет также представления о том, что карадашлы являются потомками языров, владевших в древности данной территорией. Наоборот, большинство утверждает, что карадашлы не имеют и не имели своего юрта. И никто из опрошенных мною стариков не слышал о том, что Шехр Ислам — бывший юрт карадашлы.

В народных воспоминаниях сохранились лишь события, непосредственно предшествовавшие приходу текинцев в Ахал. Согласно с этими воспоминаниями, карадашлы вместе с гокленами и имрели владели до прихода текинцев всем Ахалом и в том числе Дуруном и Бахарденом. Этим исчерпывается представление о них, как древнем населении данной территории.

О связи карадашлы с язырами сообщили мне только два старика в Дуруне, причем совершенно независимо друг от друга.

Однажды один совсем молодой человек, присутствуя при разговоре о происхождении карадашлы, сказал: «Предки карадашлы — так-языр». Затем выяснилось, что эти сведения он почерпнул из заметки, которая была помещена в местной газете о работах ЮТАКЭ. Однако, присутствовавший тут же старик — дурунец (из селения Интуш) утверждал, что факт о происхождении карадашлы от языров известен дурунцам и вне зависимости от газетной заметки. По его словам, карадашлы вместе с тем признаются родственными и текницам и ничем от них ни по языку, ни по обычаям в настоящее время не отличаются.

Подтверждение этого сообщения я получила также и от другого жителя Дуруна Майли Геокча. Он сказал, что карадашлы братья те-

кинцев (имея в виду их общетуркменское происхождение) и являются потомками языров. Однако территория Бахардена, Дуруна, Шехр-Ислама с язырами никак моим рассказчиком не связывалась. Наоборот, он сказал, что из языров туркмены имели ханов, когда жили вокруг Нура-Кара-Баира (Нур-Ата). Нур-Кара-Баир переводится текинцами как Нур Чернохолмовый — любопытная подробность, если вспомнить, что один из хребтов Нур-Атинских гор называется Кара-Таш — Чернокаменный.

Одновременно он сообщил, что Нур-Атинские туркмены приходятся родственниками текинцам. Последние, будто бы, в дореволюционный период даже ездили в Нур-Ата для восстановления своих родственных связей, но были поражены видом своих бывших одноплеменников, ставших похожими на «татов», и вернулись ни с чем. Эрсаринцев, между прочим, живущих на Аму-Дарье, текинцы также называют «татами». Далее он рассказал вариант легенды, записанной мною в Нур-Ата, о выселении в Закаспий туркмен из окрестностей Нура-Кара-Баира и об отставших от основной массы туркмен маломощных хозяйствах «аксак-таксак». В рассказанной легенде отличаются только имена племенных героев: вместо Нур-Атинских «Акмана» и «Карамана» здесь фигурируют «Акхал» и «Карахал».

Наличие всех этих сведений в представлении дурунского населения будет исключительно интересно, если удастся твердо установить их подлинно народное происхождение и их действительное бытование в народном представлении, а не окажется, что они навеяны из книг. В этом отношении не следует забывать, что Дурун был центром мусульманской образованности в Закаспии, так как здесь было медресе; до сих пор среди старшего поколения туркмен встречается много хорошо грамотных людей; на руках у населения имеется довольно много мусульманских книг. Если и остаются пока некоторые сомнения в отношении подлинности народного происхождения этих прямых указаний о родстве карадашлы с язырами, то косвенные указания на этот счет безусловно есть и народный характер последних совершенно очевиден. Я имею в виду один народный обычай текинцев, о котором мне рассказал председатель колхоза в Мурче — текинец по происхождению, Нухур Халаков. Молодой человек, почти не осведомленный в вопросах местной истории, он, присутствуя при разговоре о язырах, долго вспоминал, где слышал это имя и, наконец, вспомнив, рассказал следующее. Еще совсем недавно в дни его детства (лет 30 тому назад) на тоях текинцев Ахала практиковался старый обычай раздавать подарки представителям знатных, главным образом эвлядских родов. При этом первыми вызывали: «Языр хандан ким бар?» — «кто есть из Языр-хана?» И на этот возглас выходил кто-нибудь из карадашлы и получал подарок, предназначавшийся представителю этого древнего племени. Этот обычай стоит в полном соответствии с сообщением покойного Г. И. Карпова о первенствующем положении этого племени (карадашлы) на народных праздниествах в Ахале (см. отчет 5-го отряда, 1946 г. «Труды ЮТАКЭ», т. I).

Любопытно, что эти пережитки, свидетельствующие о былом значении племени карадашлы в Ахале, уживаются с совершенно противоположными взглядами на эту группу населения. Текинцы считают карадашлы самым захудалым племенем. Один из моих собеседников сказал в разговоре, что карадашлы до революции притеснялись текинцами. Зем-

ли и воды им текинцы не давали, так же, впрочем, как и другим иноплеменникам (шихам, сейидам, ходжам); карадашлы не имели постоянного места жительства в текинских селениях, обитали в кибитках и занимались, главным образом, скотоводством; частично держали свой скот, но большей частью выпасали чужой на разных условиях, иногда уподобляясь просто наемным пастухам. Хозяева скота давали им одежду и обусловленную плату за 6 месяцев. Часто карадашлы занимались издольным извозом и другими промыслами. Хозяева, текинцы, по большей части, — давали им по 7—8 верблюдов для занятия извозом или дровяным промыслом, причем 60% прибыли шло хозяину верблюдов и 40% — карадашлы. Лишь некоторое число карадашлы занимались земледелием в качестве издольщиков. Экономически карадашлы были наименее самостоятельной группой населения в дореволюционное время.

По традиции, видимо, карадашлы, живущие в настоящее время в Бахардене (17 семей) и в Дуруне (количество неизвестно), продолжают заниматься скотоводством, выпасая колхозный скот. Большая часть их поэтому живет сейчас на колодцах в Кара-Куме.

В дореволюционное время текинцы совершенно не выдавали за карадашлы своих дочерей, избегали жениться на женщинах из карадашлы, хотя случаи такие имели все же место. В одной из таких семей мне встретилось, между прочим, мужское имя «Языр». По общему мнению, карадашлы, живущие в Бахарденском районе, ничем не отличаются от текинцев ни по языку, ни по обычаям или одежде.

Самой древней группой населения района, по представлению местных жителей, являются мурчали. Это немногочисленное племя обитает главным образом в ауле Мурча Бахарденского района и с 1887 г. 17 семей из Мурча выселилось в аул Дайне вследствие крайней земельной тесноты[26]).

О племени мурча в исторических источниках, насколько можно судить по опубликованным материалам по истории Туркмении и туркмен, упоминаний нет. Только в перечислении населенных пунктов округа Языр у Хафизи Абру[27]) приведено название مرسی. Если допустить чтение этого селения как مرچه или مرچی, тогда это можно считать единственным упоминанием аула Мурча, относящимся к XV в.

Сами мурчали утверждают, что они жили в Мурче «всегда» и, вероятно, имеют какие-либо предания о своем происхождении, но мне их при беглом обследовании выяснить не удалось. Текинцы считают, что мурчали обитали в данном ауле задолго до прихода в Ахал гокленов и имрели.

Истинное название этой группы, по мнению некоторых, «м у р ч о». Текинцы утверждают, что мурчали наряду с нухурцами являются выходцами из Ирана. В одном случае было даже указано место Х о ч о у в Иране, откуда якобы переселились мурчали. Мнение текинцев о связи мурчали с иранцами основано на том, что последние и по языку, и по обычаям, и по характеру имеют очень много своеобразного, отличающего их от туркмен и скорее напоминающего иранцев. Тем не менее, текинцы считают мурчали туркменами, хотя и не связывают их с каким-либо определенным туркменским племенем. Ознакомление с родовым составом племени мурча проливает некоторый свет на его этническую принадлежность. Мурчали, как известно, состоят из двух групп — двух

родов, авшар и юзбаши, каждая из которых в свою очередь делится на несколько мелких подразделений. Очень любопытна подробность, сообщенная мне уроженцем селения Мурча Джан Мамедом Овезовым, касающаяся вопроса выбора аульного старшины (аршина). В дореволюционное время, оказывается, аршины в Мурча выбирались согласно существовавшей традиции только из группы юзбаши. В этом неписанном законе, как и самом названии «юзбаши» («сотник»; дословно — «глава сотни»), повидимому, сохранился какой-то старый пережиток, указывающий на привилегированное, главенствующее положение рода «юзбаши» среди мурчали.

Название второго рода — авшар — является одноименным с древним огузским родом, упоминаемым в списке 24 огузских родов Рашид-ад-Дина и Махмуда Кашгарского.

Из сопоставления значения обеих родовых групп мурчали создается впечатление, что основоположниками этой группы населения были все же авшары; весьма возможно, что это была какая-то группа их возглавляемая административным лицом; не была ли это войсковая единица — «сотня» во главе со своим начальником «юзбаши»?

Авшары, как известно, играли огромную роль при Надир-шахе, который сам происходил из этого племени. Тем не менее, представляется маловероятным связать поселение мурчали в этих местах со временем Надир-шаха (XVIII в.). За такой короткий срок едва ли авшары могли утерять свое племенное название и приобрести новое.

Жители аула Мурча народ исключительно земледельческий. Подтверждением последнего может служить существующее народное представление о том, что «лучший хлеб в Мурче и Арчмане». Скотоводства мурчали не знают совершенно и ухаживать за скотом не умеют. В этом отношении достаточно указать на то, что в настоящее время, когда колхоз в селении Мурча, согласно существующему положению, должен держать скот, ему приходится нанимать посторонних лиц из чужих племен для ухода за ним.

В этой связи следует указать также, что мурчали совершенно не умеют делать, как другие туркменские племена, ковров и вязать узорчатых шерстяных чулок, т. е. не умеют обрабатывать шерсти. Зато они являются великими мастерами по выделке шелка. Мурчинский шелк считается одним из лучших в Туркмении до настоящего времени. За ним специально приезжают даже из других районов и Ашхабада. Вышивка у мурчали очень скромна — только на вороте рубашек и на обшлагах штанов. Роскошные вышитые головные халаты и платки «кайнгачи» с тонким тканым узором мурчинские женщины носят очень охотно, но покупают их у текинок. Сами они из такого рода изделий ткут только небольшие шелковые шарфы «яглык», которые сворачиваются вдоль в четыре раза и обвязываются вокруг головы. По своему костюму, насколько могла я судить, мурчали в настоящее время ничем не отличаются от текинок.

В ауле Мурча чувствуется уютная обжитость, свойственная старой оседлости. Большое количество глинобитных жилых и хозяйственных построек, расположено, главным образом, в непосредственном соседстве со старой калой — крепостью, которая была заброшена окончательно только после русского завоевания.

Мурчали живут очень замкнутой группой, и до недавнего времени случаев браков с посторонними здесь не наблюдалось, поэтому в настоящее время они все породнились между собой. Существовали ли раньше какие-либо ограничения браков между двумя из имеющихся у мурчали родовых групп — мною, при беглом знакомстве с аулом, пока не выяснено.

Таким образом, из числа современных жителей Бахардена и Дуруна карадашлы и мурчали являются потомками наиболее древнего местного населения. Если в отношении происхождения мурчали, о которых мы не имеем исторических данных, у нас пока остаются некоторые сомнения, то предков карадашлы — языров можно с полной достоверностью считать древним населением данной территории, обитавшим здесь как в домонгольский, так и в последующий период. Видимо, в то время, как и в настоящее, состав населения не был полностью однороден и в него входили и тогда какие-то иноплеменные группы. Возможность появления таких инфильтратов была особенно реальна в послемонгольский период. Не к этому ли времени нужно отнести появление здесь тюрко-монгольских племен джалаиров, которые упоминаются в числе постоянного населения Нисы, Дуруна и Багабада в XVIII в.[28]). Хотя, конечно, они могли поселиться на этой территории и раньше, уже при Тимуре или в период владычества Тимуридов в Северном Хорасане. Как известно, улус джалаиров за непокорность был упразднен Тимуром в 1376 г., а его остатки были распределены по отрядам других эмиров.

При наличии в данной местности языров или карадашлы, может быть мурчали и джалаиров в послемонгольский период, все же надо полагать, что главенствующая роль в XV в., а может быть и в XIV в. принадлежала в Западной Туркмении потомкам древнего огузского племени салырам или салорам. Это заключение можно сделать на основании исторических данных Абуль-Гази. Из показаний Абуль-Гази, относящихся к эпохе укрепления в Западной Туркмении и Северном Хорасане узбеков, т. е. в XVI в., видно, что вся территория от Балханских гор на северо-западе до Дуруна на востоке была заселена крепким племенным союзом туркмен, в который входили эрсари, теке, иомуды, сарыки и, главным образом, салыры, возглавлявшие это объединение и давшие ему свое имя. Салыры были очень многочислены: они жили и на Балханах и Мангышлаке и в современном Ахале. Последние назывались хорасанскими салырами.

Это сообщение Абуль-Гази, прекрасного знатока Туркмении и ее народа для своего времени, надо признать достоверным, хотя для подтверждения этих сведений в других исторических источниках имеются только косвенные доказательства. Имя салыров, хорасанских салыров, не раз упоминается в связи с Мангышлаком, Балханскими горами[29]) и в Астрабадской области[30]) в начале XVI в. (1501—1515). Часть салыров продолжала жить в Ахале еще в начале XVII в.[31]), хотя большая их часть переселилась в это время в Хорезм и играла здесь первенствующую роль при Исфендиар-хане. Они упоминаются в Ахале вместе с карамашами и джалаирами в связи с событиями, развернувшимися в результате борьбы Абуль-Гази с Ираном в 1628 г.

При каких обстоятельствах и когда салыры покинули Ахал, неизвестно. Несмотря на очень значительную роль, которую, несомненно,

играли в Южной Туркмении салыры в период своего здесь обитания, от них не осталось тут никаких следов. В составе населения пока не обнаружены родственные им элементы и народная память не сохранила об их пребывании здесь никаких воспоминаний.

В XVII в. среди населения Ахала, повидимому, была довольно значительной прослойка узбеков, создавшаяся, возможно, в XVI в. Достаточно вспомнить, что узбеки владели этими районами на протяжении почти всего XVI в., причем здесь существовали довольно продолжительное время значительные владения таких узбекских феодалов, как Дин-Мухаммеда, Али-султана и других, а, кроме того, продолжительное время, как известно, владел этой территорией Абдулла-хан Бухарский, делавший в районы современной Южной Туркмении неоднократные походы на протяжении XVI в. Только с его смертью, в конце XVI в., территория эта была вновь занята Сефевидами и узбекские правители городов и их военные гарнизоны вернулись в Хорезм и Мавераннахр. Тем не менее среди городского населения, видимо, сохранялись еще некоторое время узбекские элементы.

Из рассказа о восстании населения в 1628 г. в Северном Хорасане под руководством Абуль-Гази и Исфендиар-хана видно, что, кроме упомянутых выше салыров, карамашей, джалаиров, в то время в составе городского населения были также узбеки, которые вынуждены были покинуть эти места, в частности, Нису после подавления восстания и удалиться совсем в Хивинское ханство[32]).

Кроме того, в войсках кераитского военачальника Али Яр-хана, действовавшего на стороне иранских правительственных войск, упоминаются узбекско-монгольские племена джагатай и джалаиры, о чем говорилось уже выше.

Таким образом, еще в начале XVII в. в районах Прикаспия и Западного Ахала узбекский элемент среди населения был довольно значительным но последующие исторические события не благоприятствовали пребыванию узбеков на той территории, которая была ими полностью оставлена примерно в начале XVII в. В составе современного населения Бахардена и Дуруна никаких следов узбеков, владевших этой местностью в общей сложности около 100 лет, не осталось.

С конца XVI и начала XVII вв. здесь увеличиваются в числе туркмены: алиэли, жившие до того, по словам Абуль-Гази, на Среднем Узбое, и многочисленные туркмены сеинхани. Последние в XVI в. владели территорией Астрабадской провинции. Основным и ведущим племенем среди них были представители старого огузского племени имрели или эймуры, кроме которых в число сеинхани входили гоклены, охлу (неизвестная группа) и салыры[33]).

Периодом обитания этих племен, главным образом имрели, в Ахале, видимо, надо считать время с 30-х годов XVII в. до захвата Ахала текинцами. Народное предание, широко известное современным текинцам, непосредственными предшественниками последних в Дуруне и Бахардене считает имрели, гоклен, карадашлы и алиэли. Об истории завоевания Ахала текинцами существует несколько рассказов, записанных со слов знающих лиц еще в конце XIX в.

Текинцы, согласно этим этнографическим данным, начали свое поступательное движение в Ахал в период ослабления центральной вла-

сти в Иране при последних Сефевидах — в начале XVIII в. В 1717 г. текинцы заняли Кизыл-Арват, которым владели до того иомуды. В дальнейшем Кизыл-Арват стал основным опорным пунктом текинцев в продвижении их по подгорной полосе Ахала. Действуя отсюда, текинцы заняли Бами, Беурме, Арчман[34]).

Этих подробностей о завоевании текинцами Ахала в исторических письменных источниках нет, но хронологически они с последними не расходятся. Действительно, только со времени второго десятилетия XVIII в. в связи с событиями периода возвышения Надир-шаха текинцы вместе с иомудами упоминаются «в пределах Нисы и Дуруна»[35]). До этого текинцы упоминались в Балханских горах уже начиная с XVI в.[36]).

Заняв часть территории Ахала, текинцы некоторое время жили здесь совместно с имрели, иомудами, алиэли: в рассказе о борьбе с Надиром владетеля Дуруна говорится, что войско его состояло из представителей именно этих племен[37]).

Едва ли, однако, текинцы имели возможность накрепко осесть на этих, занятых ими местах в период царствования Надир-шаха, который находился с ними, как и с другими туркменами Закаспия, в состоянии почти непрерывной войны. Текинцы упоминаются в этот период времени то в Хивинском ханстве[38]), то на Аму-Дарье[39]), то в Ахале. В Хивинском ханстве текинцы принимали участие в исторических событиях еще в 1767—69 гг. [40]).

Согласно устному народному преданию[41]), только после смерти Надир-шаха т. е. в середине XVIII в., началась интенсивная решительная борьба текинцев за Ахал. Все города Ахала были в ту пору укреплены и имели постоянные военные гарнизоны. В Дуруне обитал правитель Ахала «персиянин Искандер-хан». Заключив союз с племенем имрели, обитавшим уже в Ахале, текинцы вступили в длительную борьбу за Ахал, которая продолжалась 13 лет. Покорение Дуруна народное предание связывает с именем народного героя Туркмении Кара-оглана, который пользовался в связи с этим большой популярностью до конца своей жизни. Дурун осаждали туркмены три года и взяли его штурмом. Искандер-хан был убит. Иранские гарнизоны были вынуждены оставить постепенно все укрепления Ахала, которые перешли в руки туркмен. Однако еще до окончательного изгнания иранцев из Ахала, началась борьба между текинцами, имрели и карадашлы. Борьба эта продолжалась целых 12 лет. Наконец имрели, карадашлы и более мелкие племенные группы были вытеснены текинцами из Ахала и, в частности, из Дуруна и переселились в Хорезм. Эти события имели место, видимо, в последней четверти XVIII в.

В хивинских источниках, в рассказах о событиях начала XIX в. имрели фигурируют уже, как население Хорезма; при этом указывается, что они попали в Хорезм после того, как были вытеснены текинцами из своего юрта (место не указывается) и некоторое время скитались с места на место[42]).

Едва ли достоверны сведения персидских источников, утверждающие, что еще в XIX в. (1817 г.[43]) и 1824/25 г.[44]). Дурун все еще являлся местом обитания имрели наряду с другими пунктами Ахала: Мехне, Ниса, Абиверд.

Эти сообщения не находят подтверждения ни в этнографических данных, ни в хивинских хрониках соответствующего периода, упоминающих в Ахале в это время текинцев, как основное население, а имрели — только как население Хорезма.

В завоевании Дуруна принимали участие представители обоих родов текинцев: тохтамыш и отамыш. При разделе по жребию занятой территории Дурунский источник достался тохтамышам, а река Арваз — отамышам. На этих источниках было тогда же установлено общинное землепользование (санашик). В результате хозяйственной деятельности текинцы восстановили постепенно большую часть старых кяризов Дуруна и Бахардена, на которых было установлено мюльковое (частновладельческое) право владения. Эти две формы землепользования в этом районе удержались вплоть до Октябрьской революции.

По праву завоевателя текинцы, как народ-победитель, сосредоточили в своих руках владение и пользование всеми природными богатствами занятой ими территории: водными источниками, пахотными землями, пастбищами и колодцами. Характерной особенностью их быта и хозяйственной деятельности было совмещение земледелия со скотоводством. Чарва и чомур — так разделялась туркменская община по роду своих занятий. Однако все скотоводы были, в конечном счете, тесно связаны с земледелием. Все они были приписаны к оседлым селениям и ко времени раздела пахотных общественных земель и воды прикочевывали к оседлой полосе и получали свои наделы; последние обрабатывались или членами их же семей — чомурами или сдавались в аренду.

Селения в подгорной полосе имели совершенно оседлый вид. В Бахардене (к югу от полотна современной железной дороги) сейчас еще лежат развалины текинской крепости, построенной, видимо, в XIX в. Квадратная в плане, она имела двойные стены (промежуток между ними около 40 м), между которыми сохранились следы многочисленных глинобитных построек. Такие же постройки в большом числе появились также при русских уже за стенами крепости, которая пришла в полное разрушение в это время. Характерной чертой Бахардена еще в первой половине XIX в. было наличие в нем многочисленных фруктовых садов и древесных насаждений, площадь которых увеличилась еще больше при русских. Тем не менее, несмотря на все эти несомненные черты оседлости, текинцы не порывали со своим кочевым жилищем, и юрты были в то время почти в каждом хозяйстве.

Помимо земледелия, в Бахардене население занималось очень широко тканьем ковров и шелкоткачеством. Нельзя не отметить исключительное богатство бахарденской вышивки, широко используемой, главным образом, на женских головных халатах и головных платках.

Вместе с текинцами, почти одновременно с ними, поселились в Бахардене и Дуруне представители так называемых «авлядских» племен, сейидов, ходжа и шихов.

Эти племена ведут свое происхождение от арабов и считают себя родственными пророку Мухаммеду; расселены они небольшими группами по всей Туркмении и иногда в дореволюционное время пользовались некоторыми привилегиями по части получения известной доли воды из общественных источников орошения и т. д. Однако большая перенаселенность Ахала при наличии маловодных источников не всегда распо-

лагала текинцев к чрезмерной благотворительности. Во всяком случае, представители этих племен в Бахардене и Дуруне никакими привилегиями по этой части не пользовались и обрабатывали, главным образом, арендованную землю или купленную в частную собственность из числа мюльковых земель текинцев. Мы не имеем полного материала о количестве представителей этих племен в Бахардене и Дуруне, но во всяком случае оно было и есть незначительно. По данным 1892 г., в Бахардене было шихов — 13 семей, ходжа — 4 и сейидов — 2. После революции увеличилось число шихов в Бахардене за счет вновь прибывших так называемых «пакыр шихов». Согласно существующим представлениям, шихи делятся на две группы, «пакыр шихов» и «кизыл шихов». Первая группа, считающаяся менее «чистой», обитала в ряде населенных пунктов к западу от Бахардена и в других районах северо-восточных предгорий Копет-Дага. А вторая группа «кизыл-шихов» жила по побережью Каспийского моря, на Мангышлаке по берегам Кара-Богаза. Первые шихи, пришедшие в Ахал с текинцами, принадлежали к «кизыл-шихам» и были очень малочисленны.

Из числа шихов происходили две семьи влиятельных местных ишанов — двух родных братьев. Один из них укрепился в Сунче, а другой в Бахардене. Имя последнего Гарры-Ишан-Анна Дурды (Ших Ишан). Он похоронен в Бахардене.

Сейиды в Бахардене в числе не увеличились, их всего 2 семьи. Живут они здесь уже третье поколение, а пришли с Мангышлака.

В Дуруне число авлядов также незначительно. В 1892 г. они были учтены в группе 27 семей безземельных, в которую входили еще и карадашлы[45]).

Таким образом, из числа многочисленных племен и народов, судьба которых была связана разновременно с рассматриваемой нами территорией, в состав современного населения вошли следующие группы.

Самой многочисленной являются текинцы, в гущу которых вкраплены отдельные представители авлядских племен: шихи, ходжа, сейиды.

Из четырех древних огузских племен, обитавших здесь разновременно — языры (карадашлы), авшары (мурчали), имрели и салыры — сохранились только потомки двух первых. И, наконец, небольшая группа в виде нескольких семей рода геркез осталась от обитавших здесь до текницев вместе с имрели и алиэли — гоклен.

Заканчивая настоящий очерк населения, приходится пока оставить нерешенным особенно интересный для нас вопрос о городском населении в рассматриваемой нами период. Состав населения городов (Языра, Дуруна и др.) по всей вероятности неоднократно менялся и был. конечно, смешанным, во всяком случае в некоторые периоды их жизни.

В какой мере в состав городского населения входили туркмены. решить пока невозможно за отсутствием данных. Однако представляется вполне вероятным, что они могли составлять значительную часть этого населения, во всяком случае если говорить о некоторых старо-огузских племенах. Здесь нельзя игнорировать прежде всего замечания Абуль-Гази о переходе части языров к земледелию, а следовательно, и оседлости. Салыры неоднократно на протяжении своей жизни в Туркмении также приходили к оседлому состоянию. Я имею в виду их приморский торговый центр в Карагане и Мангышлаке в XVII в.; затем в

XIX в. в Серахсе (Чарак). Наконец, уже исторически известно, что другое огузское племя — бояты составляло значительную часть населения Нишапура и даже владетели последнего в XVIII в. были из баятов.

И если согласиться с тем, что мурчали могут быть поставлены в связь с авшарами, то в селении Мурча мы можем иметь также яркий пример оседлого туркменского населения городского типа.

Создался ли в этих городах и оседлых селениях старо-туркменских племен свой специфический облик, свои особенности, вероятно, покажут археологические работы.

Ирригационная система

Естественные оросители

Наиболее крупным естественным оросителем рассматриваемой территории является река Арваз, вода которого, не доходя 6 км до выхода из горного ущелья Арваз на равнину, отводится в искусственное русло и направляется полностью на орошение собственно Бахарденских земель[46]), а естественное русло Арваза, выходящее в равнину Ахала, остается сухим на всем своем протяжении и проходит несколько западнее искусственного арыка Арваз. Заполняется оно только силевыми водами.

Когда и для каких целей был вырыт этот арык Арваз, мне установить пока не удалось. По словам стариков, современное русло Арваза является не единственным: еще одно старое заброшенное русло Арваза, называемое Искандер-яб, идет по направлению к Дуруну, начинаясь в ущелье недалеко от выхода Арваза в равнину. Искандер-яб тянется в предгорьях Копет-Дага, в одном месте проходя как будто по туннелю в холме, и дальше направляется в Дурун. Русло это очень хорошо прослеживается, по словам одного из жителей Бахардена Тяшли Шадыллиева, и находится в таком состоянии, что после некоторого ремонта могло бы быть использовано для пропуска воды; несколько лет тому назад он предлагал даже своим односельчанам пустить воду Арваза в одном верхнем участке Искандер-яба для того, чтобы избежать пропуска вод его по особенно щебнистому отрезку современного русла, где происходит сильная фильтрация воды и утечка Арваза. О наличии Искандер-яба рассказали мне совершенно независимо друг от друга три местных жителя.

Если сведения эти подтвердятся, то мы будем иметь очень существенное материальное подтверждение доминирующего значения Дуруна в определенную историческую эпоху. Местное предание связывает действие этого арыка со временем господства Искандер-хана, владевшего Дуруном. С именем этого лица связывается также существование кяриза Айнабад.

Для разрешения вопроса о времени проведения этого русла Арваза в город Дурун интересны предания о личности Искандер-хана. Как уже указывалось выше, одно из этих преданий считает Искандер-хана одним из персидских правителей Ахала, обитавшим в Дуруне в XVIII в. после смерти Надир-шаха. По рассказам нохурцев Искандер-хан Арабский владел Дуруном после смерти Тимура. При этом сообщаются некоторые исторические подробности: когда племя имрели захватило Ахал от Геок-Тепе до Кизыл-Арвата, им были разбиты войска Искандер-ха-

на, большая часть которых бежала в Иран и только 10 семей осталось в ауле Арчман, где потомки их носят название казам[47]). Следует заметить, что довольно широко распространенное предание об Искандер-хане рассматривает последнего владетелем всей округи, столицей которой был Дурун. Земли и вода в то время были государственные «падшахи».

Вот все, что в настоящее время удалось выяснить относительно Арваза. Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, таким образом, следующее:

1. Наличие трех русел реки Арваза (одно естественное и два искусственных) во всяком случае является несомненным свидетельством неоднократных перестроек основной ирригационной магистрали данной местности.

2. Арваз — этот основной ороситель — не имел постоянного течения и в разные исторические периоды, повидимому, направлялся произвольно к тому из населенных мест, которое в каждый данный момент являлось доминирующим в округе.

3. При выяснении древней оросительной системы данной местности следует, как мне кажется, учитывать не только наличие специально прорытых каналов (современного русла и Искандер-яба), но и естественного русла Арваза, использование которого надо отнести, повидимому, к периоду наиболее отдаленному.

Искусственные оросители. Кяризы: действующие и заброшенные

Большая часть рассматриваемой нами территории орошается в настоящее время исключительно системой кяризов. Все эти кяризы Бахарденского и Дурунского сельсоветов питаются грунтовыми водами, фильтрующимися из реки Арваз. Специальные наблюдения, очень тщательно проведенные И. И. Никшичем, позволили ему утверждать, что «на протяжении 17,7 км река Арваз теряет путем просачивания через русло до 40% своей воды»[48]).

В гидрогеологической практике существует специальное выражение для определения всей группы кяризов Бахардена и Дуруна: «Кяризы, лежавшие на конусе выноса реки Арваз»[49]).

Впрочем, существует мнение геологов, утверждающее, что кяризы эти, кроме фильтрующихся вод, питаются также и за счет глубоко залегающих грунтовых вод. И. И. Никшич этого взгляда не разделяет: утверждая, что «в Бахарденской группе истоки 10 кяризов с дебетом 763,4 с/литра расположены по линии длиною 3,5 км, причем они находятся приблизительно на одном уровне, как это показывает барометрическая нивелировка. Вода во всех кяризах одинакова в отношении жесткости и содержания хлора»[50]).

Специалисты полагают, что бетонирование русла Арваза должно несомненно повлечь за собой полное высыхание местных кяризов. Примером подобного положения может быть проведение аналогичных работ на источнике Пантыш-Ата, бетонирование которого уничтожило лежавший рядом с ним кяриз Туйли.

Имея один источник питания, все кяризы в отношении дебета воды находятся в тесной связи между собою, что прекрасно подмечено также населением на основании чисто практических наблюдений. Мне указывали на эту связь неоднократно в разговорах о кяризах. Увеличение воды в одних кяризах после их расчистки ведет к уменьшению ее в других. Но нередко подобное увеличение или уменьшение дебета воды происходит совершенно произвольно, повидимому, в силу каких-то не поддающихся учету изменений в течении подземных грунтовых вод. В настоящее время, например, совершенно обезводел Дурунский кяриз, когда-то бывший очень многоводным. Совершенно сухой сейчас кяриз Айнабад еще в 90-х годах прошлого столетия орошал земли, лежащие к северу от линии железной дороги. Недействующим считается сейчас кяриз Егри, который в 1904 г. был самым многоводным.

Эту возможность изменчивости дебета воды в разных кяризах, вплоть до полного ее исчезновения, надо будет учитывать при попытках выяснения картины древнего орошения данного района.

В настоящее время действующими кяризами в обследуемом районе считаются: 1) Куня Мурча, Янги или Таза Мурча или Джанабад, Ахран и Малави — в селении Мурча; 2) Чопан и Караджа в Бахардене и 3) Гечи, Гоудуш, Хунтуш, Готур, Дурун и Ели-су в Дуруне.

Если прибавить к перечисленным выше кяризам переставшие действовать в настоящее время дурунские кяризы Егри, Айнабад, Узун, то мы будем иметь картину кяризной системы, которой пользовались текинцы, главным образом, уже при русских. Все эти кяризы являются очень древними сооружениями: о времени их возникновения местному населению ничего неизвестно. Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют установить только, что в период овладения этой территорией текинцами почти все эти кяризы были заброшены и бездействовали. Они были восстановлены разновременно только текинцами, обосновавшимися в оазисе. Даже определить точно время восстановления этих кяризов текинцами довольно трудно. Все имеющиеся по этому вопросу материалы получены в результате расспросов населения и являются разноречивыми. Да это и понятно, если принять во внимание длительный характер восстановительных работ. По имеющимся данным, расчистка отдельных кяризов производилась буквально десятилетиями. Для примера приведу некоторые сведения, относящиеся к Дурунским кяризам.

На кяризе Егри 80 колодцев из 90 старых было расчищено за 20 лет работы, на кяризе Гечи 60 колодцев из 180 старых было отрыто за 10 лет работы, на кяризе Хунтуш 110 колодцев из 130 старых было расчищено за 20 лет работы. На кяризе Гоудуш работы были начаты вскоре после взятия Геок-Тепе (1886 г.), к концу XIX в. было отрыто 55 старых колодцев, оставалось еще 14, а вода появилась только летом 1901 г., т. е. почти через 20 лет после работы. На кяризе Готур было расчищено 50 колодцев[51]) за 10 лет работы. Знаменитый в Ахале келятинский Хан-кяриз, принадлежавший Махтум-Кули-хану, копался ударными темпами: работало 3 смены рабочих круглые сутки и работы эти длились 10 лет.

Естественно, что при таких условиях продолжительность этих работ оставила в народной памяти несколько расплывчатые представления о точных датах их производства.

В общем имеющиеся в нашем распоряжении сведения по этому вопросу не оставляют никакого сомнения в том, что проведение этих работ по расчистке кяризов текинцами в Дуруне и Бахардене имело место, главным образом, в промежуток времени с 80-х годов прошлого столетия до 1915 г.

По имеющимся в литературе сведениям, в делах Дурунского уездного управления несомненно нашли отражение работы, проводившиеся в приставстве по восстановлению кяризов. Так, в течение 1895 г. по книге нотариальных сборов приставства было засвидетельствовано 59 актов, совершенных между туркменами и кяризными мастерами на восстановление и ремонт старых и прорытие новых кяризов[52]).

Остановимся кратко на характеристике кяризов рассматриваемых сельсоветов.

Бахарденские кяризы. Два больших Бахарденских действующих кяриза Караджа и Чопан, лежащих в непосредственном соседстве с рекой Арваз на восточном ее берегу, были восстановлены текинцами еще в период своей независимости и связаны с именами родовых вождей Караджа-сердара и Чопан-батыра, по просьбе которых были будто бы присланы из Ирана кяризные мастера, восстановившие тогда эти кяризы. В дни детства 80—90-летних стариков кяризы эти функционировали. Однако в 90-х годах они упоминаются как «слабодействующие»[53]), и в это время основным оросителем был Арваз, удвоивший дебет своей воды после расчистки, произведенной приставом Ф. М. Михайловым. К расчистке одного из этих кяризов было приступлено в том же 1892 г.[54]).

Оба эти кяриза в 1897 г., по официальным сведениям, вместе с тремя другими Бахарденскими кяризами Сычмаз, Чахарынун, Кюра-хан — числились опять бездействующими, что, может быть, надо отнести за счет их маловодности, о которой говорилось выше, а может быть за счет неточности указанного списка[55]). Повидимому, после присоединения края к России оба кяриза не раз расчищались и ремонтировались текинцами.

Дурунские кяризы. Из всех Дурунских кяризов только один небольшой кяриз Ели-су, расположенный около самых гор, по общему признанию, «был всегда», т. е. во всяком случае функционировал уже в период завоевания Ахала текинцами. Все остальные кяризы ко времени поселения текинцев в Дуруне лежали заброшенными и начали восстанавливаться только при русских. Восстановление первого кяриза Егри (кривой), по словам местного населения, было начато по инициативе прапорщика полиции Кул-Батыр-сердара. Начало этих работ относится к середине 80-х годов. В 1904 г. кяриз Егри был самым многоводным. Вскоре, лет через 5, по инициативе того же лица, начались восстановительные работы на соседнем кяризе Хунтуш или Интуш.

К работам на остальных кяризах приступили на протяжении последующих 20 лет. Кяриз Айнабад был восстановлен компанией текинцев под руководством Кул-Батыр-сердара; в работах на остальных кяризах Кул-Батыр участия не принимал.

Айнабад — древний кяриз. Название сохранил старое по имени дочери легендарного владетеля Дуруна. Искандер-хана.

Кяризы Гечи и Гоудуш восстанавливались шариками (компаниями) текинцев из беков и векилей. Кяриз Гечи получил свое название по

имени Гечи-кала, на территории которой пришлось вырыть один колодец кяриза. У Я. Таирова кяриз этот назван Гячи-каласы или Салих-кяризи[56]).

Несколько сбивчивы сведения о Дурунском кяризе. По словам всех опрошенных мною лиц, Дурунский кяриз в момент завоевания Ахала текинцами был не кяризом, а очень многоводным источником, питавшимся родниками; после восстановления дурунских кяризов (перечисленных выше) Дурунский источник начал истощаться. Расчистка старого кяриза Дуруна опять увеличила дебет воды Дурунского источника.

Я. Таиров, обследовавший, или во всяком случае собиравший сведения о дурунских кяризах в 1892 г., о Дурунском источнике писал: «Дурунские земли орошаются старинным дурунским кяризом, в который впадают с обеих сторон многоводные родники, образующие вместе с водою кяриза Дурунскую речку»[57]). В 1895 г. рядом с кяризом Дурун был расчищен двух-галерейный кяриз Готур, вода которого тоже была спущена в канаву Дуруна. И. И. Никшич расчленяет Дурунский кяриз и указывает отдельно «Дурун-гяз» и кяриз Котур[58]). Я. Таиров называет его «Котур борун», вероятно, Готур-Дурун[59]).

Название Готур дано было этому кяризу, по словам населения, потому, что при его разработке пришлось иметь дело с большим количеством тяжелых каменистых пород.

Чрезвычайно большой интерес для изучения вопроса об орошении Шехр-Ислама имеет нахождение к западу от описанного Дурунского источника старого кяриза, очень большого, заброшенного сейчас кяриза Узун. Восстановительные работы были проведены на нем в промежуток времени с конца 80-х до 1900 годов. После десятка лет работы вода не появлялась, но в 1915 г. кяриз был многоводен. Забросили его в 1922 г. вследствие происшедших обвалов колодцев и части галереи от сильного паводка. Неоднократные попытки потом восстановить кяриз результатов не дали.

В «Сведениях о ручьях, кяризах и источниках... Асхабадского уезда» и «Ведомости о заброшенных кяризах...»[60]) в Дуруне числится действующим только ручей из кяриза «Али-Су» и небольшой источник Дурун и Чесма, а бездействующими—6 кяризов, названия которых не приведены. Сведения эти полностью подтвердились собранными нами материалами.

Мурчинские кяризы. Здесь, повидимому, самым древним и непрерывно действовавшим кяризом является кяриз Куня Мурча. Текинцы так же, как и русские, застали его при завоевании Ахала функционирующим. По данным Я. Таирова, кяриз состоит из основной и трех боковых веток, из которых каждая имеет по 30 колодцев. За несколько лет до взятия русскими Геок-Тепе начата была разработка древних мурчинских маловодных кяризов Ахран и, немного позже, кяриза Малави. Старики считают правильным произношение Мал--аби — «вода для скота». Это очень старый кяриз; по словам кяризного мастера Мустафы Маммедова, он был очень маловодным и принадлежал сначала мурчинцу Аширову, продавшего его в царское время бахарденцу Аман Мулло, который при помощи Мустафы в 1913 г. углубил кяриз. Тогда же были начаты им работы по бетонированию галереи. Трубы делал курд Ханов. Останавливаюсь на этих подробностях потому, что в отчете М. П. Иваницына[61]) пишется «как и когда соору-

жен кяриз Муалей — установить не удалось», хотя может быть М. П. Иваницын относил эти слова не к восстановлению кяриза, а времени его действительного возникновения. Кяриз Янги Мурча или Джанават (Я. Таиров называет его Джеган-абад) начал восстанавливаться мурчанцами с конца 80-х годов прошлого столетия. Заброшенными кяризами в настоящее время считаются Якка-тут и Чешме Даст-Бага. В цитированном выше списке заброшенных кяризов, составленном в конце 90-х годов, в Мурче числилось заброшенными Мурча (по-видимому Янги Мурча), Молови Даст-Баги, а действующими «ручей, источник и кяриз того же имени», т. е. Мурча. Никаких преданий, связанных с историей возникновения этих кяризов, выяснить не удалось.

В Сунче имеется естественный горный источник и кяриз, носящий название Сунче (у местного населеия сведений о них мною в 1947 г. не собиралось).

Таким образом, в свете сообщений местного населения, записанных разновременно разными лицами, в момент захвата Ахала текинцами основными источниками орошения Бахардена и Дуруна были источники Арваз и Дурун, а все кяризы, лежащие между ними, были в заброшенном состоянии и бездействовали в то время. Может быть они были приведены в негодность во время борьбы текинцев за Ахал. Восстановление этих кяризов происходило постепенно уже при текинцах до прихода русских. Подтверждением вышесказанного может служить характер водовладения, установившийся в Бахардене и Дуруне у текинцев. Как уже указывалось выше, текинцы после захвата оазиса разделили источники орошения: Арваз отдали по жребию отамышам, а Дурунский источник — тохтамышам. На этих источниках, являвшихся общественным достоянием всех, кто принимал участие в завоевании оазиса, была установлена форма общинного землеводопользования, так называемый санашик, на кяризах же господствовали частное водовладение — мюльк, так как восстановлены они были на частные средства отдельных товариществ, образованных по частной же инициативе.

Этими материалами о кяризах и источниках Бахардена и Дуруна исчерпываются, собственно, все исторические сведения, имеющиеся о них в нашем распоряжении. Решить сейчас вопрос о том, когда и при каких владетелях этого оазиса была создана эта ирригационная система, когда была она заброшена, восстанавливались ли кяризы до текинцев — пока не представляется возможным за отсутствием каких-либо данных.

В исторических работах В. В. Бартольда «Историко-географический обзор Ирана», «Иран. Исторический очерк» и, наконец, в специальной работе «К истории орошения Туркестана» автор специально останавливается на вопросах кяризного орошения, указывая на существование этой системы в Персии уже при ахеменидах и на широкое использование ее там до наших дней, и давая описание кяризов Нишапура[63]).

Что касается рассматриваемой нами территории Ахала, то имеется только упоминание, относящееся к X в., о наличии здесь кяриза в Фераве, куда была проведена вода при помощи кяризов с гор. Относительно территории между Нисой и Феравой В. В. Бартольд говорит: «Описания пути между Неса и Фарявой, которые позволили бы судить о состоянии культуры в этой местности, мы к сожалению не имеем»[64]).

Этим исчерпываются пока все наши сведения. Возможно, конечно, что специальное изучение восточных источников даст со временем что-нибудь новое в отношении кяризного орошения в Южной Туркмении.

Отсутствие исторических сведений о кяризах — этих древнейших памятниках местной материальной культуры — заставляет нас ставить вопрос о попытке изучения в этом отношении самих кяризов, которая, быть может, даст какие-либо новые материалы для суждения об их возрасте, о времени их возникновения. На мысль о возможности такого изучения кяризов навела беседа с мурчинским кяризным мастером Мустафой Мамедовым.

Отвечая на заданный ему вопрос о примерном возрасте мурчинских кяризов, Мустафа Мамедов сказал, что, по его мнению, кяриз Куня-Мурча является самым древним из всей группы арвазских кяризов, потому что представляет собой грандиозное сооружение. Высота водосборной галереи местами достигает 3—4 м при ширине до 2 м. Большое количество боковых галерей, расходящихся во все стороны и расположенных выше и ниже теперешней основной галлереи — действующих и заброшенных, — свидетельствует о том, что кяриз этот много раз перестраивался; по словам Мустафы, при сравнении этого кяриза с другими известными ему кяризами чувствуется, что кяриз Куня-Мурча строился какими-то «большими людьми», настолько он непохож на другие кяризы с их узкими и низкими галереями.

Сведения эти меня очень заинтересовали и, будучи уже в Ашхабаде, я имела возможность поговорить по данному вопросу со специалистами-ирригаторами. Особенно был мне рекомендован, как специалист по кяризам, инженер А. И. Мартышевский. Он начал работу в Закаспии в качестве техника по ирригации еще в царское время. По его словам, в связи с практической работой он в свое время много раз должен был спускаться в кяризы, давать о них разного рода заключения в связи с возникавшими спорами. По мнению А. И. Мартышевского, высокая водосборная галерея имеет место не только в Мурчинском кяризе, но и в некоторых других кяризах арвазской группы. Он считает, что подобная разработанность водосборных галерей является результатом многократных углублений дна кяриза, необходимость которых вызывалась понижением уровня грунтовых вод, — явлением, отмечаемым для всей Южной Туркмении до настоящего времени и действующим, повидимому, здесь очень давно. В результате этого, по словам А. И. Мартышевского, кяризы с течением лет, вернее, десятков и сотен лет, постепенно зарываются все глубже в землю и высота водосборных галерей постепенно увеличивается.

Возник вопрос, можно ли по каким-либо чисто формальным признакам технического устройства кяризов вынести суждение о примерном возрасте кяризов. По мнению А. И. Мартышевского, некоторый датирующий материал может быть даст обследование стен водосборных галерей: галереи эти проходят обычно в твердых каменистых грунтах и поэтому на стенах галерей можно наблюдать как следы уровня стекавшей по дну струи воды, так и следы производившихся заглублений дна галереи. Таким образом, подсчет этих старых уровней дна кяриза может дать уже некоторое представление о возрасте кяриза, особенно если принять во внимание данные общего характера, касающиеся плана кяриза, заброшенных боковых галерей, характера креплений и т. д.

Если все вышесказанное подтвердится на деле, то перед нами откроется возможность изучения этих своеобразных ирригационных сооружений Закаспия — кяризов в историческом отношении; для этого потребуется прежде всего тщательное изучение индивидуальных особенностей каждого кяриза, плана и профиля как действующих, так и заброшенных галерей, подробное описание технических особенностей водосборных галерей, характера креплений водопроводных галерей и т. п.

С другой стороны, следует сделать попытку изучения кяризов и в археологическом отношении. Весьма вероятно, что при тщательном изучении кяризов окажется возможным почерпнуть некоторый материал и в этом отношении. М. Е. Массон справедливо указал на важность изучения «гулей» керамических труб, которыми крепят обычно водопроводные подземные галереи, проходящие по мягким грунтам Возможно, что некоторый археологический материал может также поступить при изучении земляных отвалов, лежащих громадными кольцами вокруг кяризных колодцев.

Если действительно окажется возможным в результате всех этих работ установить комплекс научно обоснованных технических признаков, которые позволят судить хотя бы относительно о возрасте кяризов, то это явится в высшей степени важным материалом для изучения истории ирригации не только в отношении обследуемой нами территории, но и всей Южной Туркмении, для которой орошение кяризами является чрезвычайно типичным и широко распространенным.

Для решения же проблемы орошения Шехр-Ислама вопрос о времени существования местных кяризов является решающим, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы об ирригационной системе, которая давала возможность существовать такому большому городу на территории, лежащей на расстоянии больше 20 км от источников орошения, весьма скудны, недостаточны и не дают возможности пока сделать окончательных заключений.

К вопросу об орошении Шехр-Ислама

Здесь мы подошли к заключительной части настоящего обзора ирригационной системы Бахардена и Дуруна — к вопросу о водоснабжении изучаемого нами объекта Шехр-Ислама.

Рассмотрим прежде всего имеющиеся по этому вопросу материалы, собранные нашими предшественниками.

Наиболее подробное описание водопровода Шехр-Ислама дал Ф. М. Михайлов, довольно тщательно проследивший его направление, идя от Шехр-Ислама до городища Гёк-депе.

По словам Ф. М. Михайлова, уже тогда, т. е. в конце 80-х, начале 90-х годов, водопровод находился в совершенно разрушенном виде, а направление его определялось по рассыпанному здесь в изобилии битому кирпичу и насыпям, по которым он был проведен.

Первая насыпь начиналась в верстах двух от Шехр-Ислама и шла по прямой линии до крепости Даш-Кала, построенной текинцами из кирпича водопровода. Между крепостями Даш-Кала и Ягмур-Кала во-

допровод шел то по поверхности, то по насыпи, и, наконец, врезывался в песчаный хребет значительных размеров, откуда он снова выходил на обширный такыр, по которому следовал до выхода из песков и развалин крепости, названной на карте Хараба Шехр (Гёк-депе). По выходе на последний такыр магистральная ветвь водопровода давала несколько ответок в стороны, служащих, очевидно, для орошения посевов на этом такыре и сделанных из обожженных глиняных труб имеющих в разрезе форму квадрата со стороною в одну четверть аршина[65]).

В статье В. Д. Дейнеко к вышесказанному имеется еще следующее дополнение: «Водопровод этот шел от самых гор, где был водосборный бассейн, до развалин крепости Хараба Шехр и его такыра, где давал несколько труб, сделанных из обожженной глины и квадратных в разрезе (около 4 вершков). Далее на север он идет то по поверхности такыра, то по насыпи и подходит к Х-городу (Шехр-Исламу) по насыпи»[66]).

Далее В. Д. Дейнеко приводит некоторые подробности об устройстве главной магистрали водопровода: «Сложенный из кирпича, крытый четырехугольный водопровод понадобился именно ввиду близкого наступления песков»...[67]).

Из приведенных описаний остается совершенно неясным, из какого именно источника предгорий снабжался водопровод Шехр-Ислама, так как направление его прослежено было только до Гёк-депе.

В краткой заметке о работах на Шехр-Исламе Туркменкульта в 1930 г. о водопроводе говорится: «Город питался горной водой, выведенной посредством двойного кирпичного водопровода, по словам местных стариков туркмен и персов — из современного Дурунского кяриза»[68]). Краткость заметки не позволяет точно уяснить, что подразумевается под выражением «двойного кирпичного водопровода».

Из вышеприведенных материалов всех трех авторов остается неясным, явились ли сделанные замечания о водопроводе результатом археологических раскопок и личных наблюдений, или они даны были на основании рассказов туркмен, многие из которых неоднократно выкапывали кирпич водопровода. Совершенно не касаются два первые автора вопроса об источнике питания водопровода, и только в заметке работников Туркменкульта сделано со слов населения определенное указание на источник орошения Шехр-Ислама из Дурунского кяриза.

Этнографические материалы, собранные в 1947 г., свидетельствуют о наличии среди населения Дуруна и Бахардена, наряду с упомянутым работниками Туркменкульта мнением о получении Шехр-Исламом воды из Дурунского источника, еще и других соображений на этот счет. Так, бахарденцы утверждают, что водопровод в Шехр-Ислам шел через Гёк-депе из древнего кяриза, носящего сейчас имя Чопан[69]).

Есть мнение, что Шехр-Ислам получал воду из Арваза. В местности Майдан-Гундживир, лежащей будто бы между Бахарденом и Гёк-депе, до сих пор сохранились водопроводные трубы. Отдельными лицами не отрицается, однако, возможность проведения сюда воды и из Дуруна.

Очень интересны сведения, полученные от нескольких жителей Бахардена совершенно независимо друг от друга о нахождении в местности Сызалы-Огыз большого кирпичного хауза, который был впервые

открыт между 1908—10 гг. вследствие размыва его силевым потоком. Первым сообщил мне об этом инспектор Райводхоза ших Алла Назар. Сам он на этом хаузе не был, но хорошо помнит разговоры, возникшие тогда по этому поводу. Все полагали, что из этого хауза вода шла по водопроводу к Шехр-Исламу. По мнению Алла Назара, вода в этот бассейн шла из Сунчинского источника через Черкезли, недалеко от местности Кала Ер, которая лежит западнее местности Бахарден — Шехр-Ислам.

Очень подробно рассказал об этом хаузе житель Бахардена Каратай Ишанов, который в течение нескольких лет жил на Черкезли, а потом в Сызалы-Огызе (в 1929—1930 гг.), и имел возможность хорошо ознакомиться с местностью.

Он подтвердил историю его открытия и сообщил дополнительно, что его, Каратая, отец в 1913 г. добыл с этого хауза около 5000 кирпичей, организовав доставку его в Бахарден для постройки дома. Запас всех имевших здесь кирпичей не был исчерпан, а работы прекратились из-за обвала песчаной почвы, что было рассмотрено, как указание свыше к прекращению работ. По словам Каратая, хауз этот был размером, вероятно, 10×10 м и до 3 м глубины. Весь он раскопан не был. Каратай считает, что вода в этот хауз подавалась через Черкезли и местность Кала Ер. По мнению Каратая, вся эта ирригационная система Шехр-Ислама приписывается легендарному владетелю Шехр-Ислама Даг Юнусу.

Из сообщения этого, пока не проверенного на месте, повидимому, можно принять за достоверность существование хауза. Странным, однако, кажется устройство открытого хауза в степи при наличии постоянного тока воды через него. Мне кажется правдоподобным и основательным мнение другого жителя Бахардена Тяшли Шадылмаева, считающего, что хауз этот был построен для сбора воды с окружающих такыров. Каково было назначение этого хауза и должен ли он рассматриваться современным водопроводу Шехр-Ислама, пока сказать трудно; хотя кирпич этого хауза совершенно однотипен с тем, что был вывезен с водопровода, однако, здесь допустима также возможность постройки этого хауза из кирпича, взятого для этой цели с водопровода Шехр-Ислама после того, как он перестал действовать. Только археологические работы могут выяснить этот вопрос. Здесь нужно упомянуть об указании Каратая, что при добыче кирпича из хауза попадалось много обломков посуды и даже золотые монеты.

Таким образом, в свете самых предварительных этнографических данных вопрос об устройстве ирригационной системы, снабжавшей водою Шехр-Ислам, представляется весьма сложным и для выяснения его потребуется провести тщательную разведку во всей прилежащей к городищу местности, причем обследование это надо будет распространить несколько на восток, захвативши территорию, орошавшуюся кяризом Эларват. По имеющимся сведениям, это древний необыкновенно длинный кяриз, колодцы которого уходят далеко за линию железной дороги. На кяризе этом имеется старая кала.

Данные, которыми мы в настоящее время располагаем о древней ирригационной системе в изучаемой нами местности, не выходят пока из рамок самых предварительных, по большей части недостаточно еще

подтвержденных фактами материалов, поэтому базироваться на них для каких-либо окончательных выводов невозможно. Однако высказать некоторые положения и поставить отдельные вопросы, которые следует проверить в дальнейшей работе, все же необходимо.

Сравнение материалов И. И. Никшича и Я Таирова убеждает нас в том, что мощность рассмотренных нами кяризов, (а может быть и источников) в старину была более значительной, чем при текинцах, которые только частично восстановили старые колодцы, и следовательно, и водосборные галереи, а потому орошавшиеся ими тогда земли лежали, повидимому, много дальше на север от современной культурной полосы. Крепость Так может быть находилась на окраине этих старых культурных земель. В этой связи приобретает большой интерес обследование естественного русла р. Арваз, его направления и протяжения. Не орошался ли древний Так из этого естественного источника? В тесном отношении с изучением древнего русла р. Арваза стоит изучение вопроса об использовании этой водной магистрали в разные исторические периоды, т. е. о выяснении времени возникновения двух искусственных русел Арваза (Дурунского и Бахарденского).

Отсюда возникает ряд новых вопросов: прежде всего, оказал ли отвод Арваза из его естественного русла в Дурун какое-либо влияние на дебет воды в кяризах, если принять во внимание несомненную связь их с Арвазом, — не находились ли они в это время в бездействии?

Если этот вопрос будет решен отрицательно, то здесь можно, видимо, установить известную закономерность: Дурунский источник бывал многоводным только в то время, когда кяризы лежащие сейчас между Арвазом и Дуруном, либо еще не существовали, либо не функционировали, будучи заброшенными. Не было ли связано проведение р. Арваза в г. Дурун с тем, что в это время в Дурунском источнике испытывался недостаток в воде, что могло быть, в свою очередь, следствием восстановления кяризов в подгорной полосе, т. е. на территории, непосредственно прилегающей к новому центру—Дуруну XIV—XVIII вв. Вероятно, не случайно, что и арык Искандер и один из дурунских кяризов Айнабад непосредственно связаны народным преданием с именем легендарного владетеля Дуруна Искандер-хана.

Для ответа на все эти вопросы решающее значение будет иметь обследование кяризов подгорной полосы и определение их примерного возраста.

Центральным вопросом всей проблемы Шехр-Ислама, что справедливо отметил в свое время В. Д. Дейнеко, является вопрос о времени постройки водопровода Шехр-Ислама, выяснении длительности его существования и его назначения: доставлял ли он только питьевую воду для города или служил также целям орошения земледельческих территорий.

Здесь мы имеем ряд невыясненных положений и противоречий. Незначительность сечения водопроводных труб, если верить рассказам очевидцев (около 0,5 м) заставляет сомневаться в том, что водопровод этот мог исчерпать водные ресурсы хотя бы одного из двух имеющихся источников (Арваза и Дуруна), не говоря об одновременном их использовании, и доставлять воду для орошения окрестностей города в достаточном количестве.

Проведение крытого водопровода местами по такырам, местами по песчаным барханам свидетельствует о том, что он проводился в Шехр-Ислам уже в условиях наступления на город песков.

Не заставляет ли все это полагать, что земледелие в тот период, когда город снабжался водою при помощи водопровода, все же сосредоточено было ближе к подгорной полосе, а не около Шехр-Ислама.

Совершенно новым фактором для решения вопросов, связанных с водопроводом Шехр-Ислама, является хауз в местности Сызалы-Огыз. Был ли этот хауз одним из звеньев древней ирригационной системы Шехр-Ислама или, наоборот, возникновение его было связано с гибелью этой системы (если он был сложен из кирпича заброшенного водопровода).

Все эти вопросы, возникшие в процессе работы, могут быть разрешены главным образом путем проведения целого ряда рекогносцировок, археологических разведок и специальных археологических работ на указанных нами объектах, а также путем выяснения ряда исторических вопросов, относящихся к истории завоевания Ахала текинцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гродеков Н. И., Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг., т. III, СПб., 1883, стр. 132.
2. Куропаткин А. Н., Завоевание Туркмении, СПб., 1899, стр. 91.
3. Гродеков Н. И., Война в Туркмении... цит. соч., т. 1, СПб., 1883, стр 73.
4. Там же.
5. Центральный государственный исторический архив ТССР. Фонд № 1, Канцелярия начальника области, опись 2, дела №№ 4620, 4669, 4678, 4692. Фонд № 338, опись 8, дело № 17.
6. Обзор Закаспийской области за 1882—90 гг. Асхабад, 1892, табл. 16, 17.
7. Обзор Закаспийской области за 1905 г. Асхабад, 1907, стр. 40. То же за 1911 г. Асхабад, 1915, стр. 40.
8. Адрес-справочник по Закаспийской области на 1915 г. Асхабад, 1915, IV стр. 1—181.
9. Таиров Я., Материалы по водопользованию у туркменов Закаспийской области, ч. 1, Асхабадский уезд, СПб., 1904, стр. 365; ч. II, Тедженский и Мервский уезды и кяризы в Асхабадском и Тедженском уезде, СПб., 1904, V, стр. 408.
10. Цимбаленко Л. И., Кяризы (водопроводы) Закаспийской области СПб.,1896.
11. Пален К. К., Отчет о ревизии Туркестанского края..., проведенной графом К. К. Паленом. Орошение в Туркестане, глава III. Орошение в Закаспийской области, СПб., 1910, стр. 348—349.
12. Ч-к-ц, О кяризной системе, как об источнике орошения. Газета Асхабад, 1902, № 142; Большаков, Кяризное орошение. Туркестанские ведомости, 1913, № 28.
13. Арандаренко Г. [А], Ирригация Туркестанского уезда. Туркестанские ведомости, 1874, № 26.
14. Федченко А., Карис — подземный арык близ Пянджикента. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник под ред. Н. А. Маева, вып. II, СПб., 1873., стр. 141—142.
15. Арандаренко Г. [А], Досуги в Туркестане. СПб., 1889, стр. 255.
16. Понятовский С. В., Кяриз. Туркестанское сельское хозяйство, 1908, № 2, стр. 119—123.
17. Дингельштедт Н. Н., Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. II, ч. III, СПб., 1895, стр. 280—282, 287, 289.
18. Скорняков Е. Е., Искусственное орошение в Азиатской России. «Азиатская Россия», т. II, СПб., 1914, стр. 238—240.

19. Архив Министерства водного хозяйства ТССР, №№ 251/60, 251/70.

20. Никшич И. И., Копет-даг. Геологическое и гидрогеологическое исследование в Полторацком уезде Туркменской области в 1923 г., Ташкент, 1924.

21. Бахтиаров А., Осколки «исчезнувших» аланов. Туркменоведение, Ашхабад, 1930, № 8—9, стр. 39.; его же, «Отуркменившееся» племя нухур. Там же, стр. 40—41; Карпов, Г. И. и Арбеков П. Б., Салыры (Салоры). Туркменоведение. Ашхабад, 1930, № 6—7, стр. 25—28; Карпов Г. И. Туркмения и туркмены (историко-этнографический очерк). Туркменоведение. Ашхабад, 1929, № 10—11, стр. 35—42.

22. Карпов Г. И., Туркмены-огузы. Известия Туркменского филиала Академии наук СССР, № 1, Ашхабад, 1945, стр. 3.

23. Толстов С. П., Города гузов. Советская этнография № 3, М. — Л., 1947, стр. 83.

24. Мунис-и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль. МИТТ, т. II, М.—Л., 1938 стр. 393.

25. Таиров Я., Материалы по водопользованию у туркменов Закаспийской области, ч. II, СПб., 1904, стр. 78.

26. Обзор Закаспийской области за 1882—90 гг. Асхабад, 1892, стр. 48.

27. Хафизи Абру, Географическое сочинение. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, М. — Л., 1938, стр. 529.

28. Искандер Мунши, Тарих-и-алям-ора-и-Аббаси. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 99, 103.

29. Мунис-и Агехи, цит. соч., стр. 324.

30. Искандер Мунши, цит. соч. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 94.

31. Извлечение из рукописи Мухаммед Масума и Мухаммед Тахир-и-Вахида. Продолжение Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси Искандера Мунши. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 103.

32. Там же, стр. 106.

33. Искандер Мунши. цит. соч. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 84, 99.

34. Гродеков Н. И., Война в Туркмении, т. 1, СПб., 1883, стр. 67. (Об истории текинского племени (см. Обзор Закаспийской области за 1882—90 гг. Асхабад, 1892, стр. 12—16).

35. Мирза Мехди-хан. Тарих-и-Надири. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 121.

36. Мунис-и Агехи, Цит. соч. стр. 324; Искандер Мунши. Цит. соч. стр. 87; Мунис-и Агехи, цит. соч., стр. 327.

37. Мирза Мехди-хан, Цит. соч. стр. 121, 128, 130.

38. Мирза Мехди-хан, Цит., соч. стр. 143.

39. Мунис-и Агехи, Цит. соч. стр. 335, 338, 342, 351, 352.

40. Мунис-и Агехи, Цит. соч., стр. 335, 338, 342, 351, 352.

41. Обзор Закаспийской области за 1882—90 гг. Асхабад, 1892, стр. 13—16; Гродеков Н. И., Война... цит. соч., т. 1. стр. 67.

42. Мунис-и Агехи. Цит. соч., стр. 355.

43. Мирза Мухаммед Таги-хан, Насих-ут-таварих. МИТТ, т. II, М.—Л., 1938, стр. 221.

44. Там же. стр. 292.

45. Таиров Я., Материалы... цит. соч. СПб., 1904, т. 1, стр. 262, 263.

46. Обзор Закаспийской области за 1911 г. Асхабад, 1915, стр. 40. Иваницын М. П., Отчет о гидрогеологических исследованиях на конусе выноса р. Арваз Бахарденского района ТССР, ч. 1, 1937. Архив Министерства водного хозяйства ТССР № 251/70.

47. Бахтиаров А., (1) Осколки «исчезнувших» аланов. (2) «Отуркменившееся» племя нухур. Туркменоведение. Ашхабад. 1930, № 8—9, стр. 40.

48. Никшич И. И., Копет-Даг, Геологическое и гидрогеологическое исследование в Полторацком уезде Туркменской области в 1923 г. Ташкент, 1924, стр. 98.

49. Иваницын М. П., Отчет... цит. соч. Архив Министерства водного хозяйства ТССР № 251/70.

50. Никшич И. И., Копет-Даг. Цит. соч. стр. 99.

51. Таиров Я., Материалы... цит. соч. ч. II, стр. 302, 304, 306, 307, 309, 313.

52. Цимбаленко Л. И., Кяризы (водопроводы) Закаспийской области, СПб., 1896, стр. 65.

53. Донесения Асхабадского уездного начальника от 12/V 1892 г. Центральный Государственный Исторический Архив ТССР, ф. 1, Канцелярия начальника области, оп. 2, 4078, л. 2.

54. Там же, л. 15, оборот.
55. Обзор Закаспийской области за 1897 г. Асхабад, 1898, табл. 16.
56. Таиров Я., Материалы... цит. соч. ч. II, стр. 309.
57. Таиров Я., Материалы... цит. соч. т. 1, стр. 261—262.
58. Никшич И. И., Копет-Даг, цит. соч. стр. 81.
59. Таиров Я., Материалы... цит. соч. т. II, стр. 313.
60. Обзор Закаспийской области за 1897 г. Асхабад, 1898, табл. 16 и 17.
61. Иванницын М. П., Отчет... цит. соч. Архив Министерства водного хозяйства ТССР, № 251/70.
62. Никшич И. И., Копет-Даг... цит. соч., стр. 81.
63. Таиров Я., Материалы... цит. соч. т. II стр. 297—313.
64. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., (1914), стр. 6—7; Его же, Иран. Исторический очерк. Ташкент, 1926, стр. 36; Его же, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 66.
65. Бартольд В. В., К истории орошения... цит. соч., стр. 41.
66. Михайлов Ф., Развалины города Шехр-Ислама. Ежемесячное художественное литературное приложение ежедневной газеты «Закаспийское обозрение». Асхабад, 1898, № 1, стр. 15.
67. Дейнеко В. Д., Гипотеза о так называемом г. Шехр-Ислам. Газета Асхабад, 1902, №№ 86, 87 от 27—28/III.
68. Там же.
69. Марущенко А. [А.] Существенные поправки (Материалы к исторической географии Туркменистана). Туркменоведение. Ашхабад, 1930, № 12, стр. 14—15.

В. А. ЛЕВИНА

ПОЗДНЕЕ ГОРОДИЩЕ АНАУ

В задачу экспедиции ЮТАКЭ 1947 г. входило комплексное изучение крепости, городища и мечети Анау.

Анау уже давно известно научному и художественному миру благодаря мечети XV в. с её оригинальным порталом, с одной стороны, и буграм Анау, таящим в себе древнюю культуру, с другой. Но очень мало или почти нет сведений о городе, который раскинулся к югу от крепостного холма. Проблема изучения этого города (связи его с крепостью) впервые была поставлена В. В. Бартольдом, отметившим полное молчание исторических источников по поводу города XV в., когда была построена великолепная мечеть.

Данные исторических источников не идут глубже 1-й половины XIX в. и дают нам название города, которое сохранилось за ним и современным аулом и до сих пор[1]). В свете этих данных Анау рисуется перед нами, как город, славившийся садами и виноградниками; в нем отмечается наличие купеческой группы в составе его представителей, пришедших к Рахим-хану с изъявлением покорности. Известно также, что в 1862 г. в крепости Анау уже были туркмены племени теке[2]).

Все эти отрывочные сообщения не воссоздают перед нами стройной картины даже и последнего периода жизни города.

После присоединения Закаспийского края к России и особенно после проведения железной дороги (1882-85 г.) начали поступать сведения о крае и его древностях, в том числе и об Анау. П. М. Лессар отмечает полуразрушенное укрепление и «кибиточный» аул. Его внимание останавливает мечеть — первое произведение искусства, встретившееся на пути от Михайловского залива. Попытки получить какие-либо сведения о ней разбились о полное неведение жителей. В это время (1881 г.) несколько семей еще жило в крепости, где был и глубокий колодезь на случай осады[3]).

Анау упоминается и в археологическом обзоре Закаспийской области, сделанном в 1888 г. А. В. Комаровым. Правда, описание это касается главным образом бугров Анау[4]).

Чрезвычайно краткое описание крепости и города дал Е. Марков. В нем сыграла немалую роль живость воображения автора. Вот это описание: «Целый огромный город с храмами (?! В. Л.), стенами, башнями, высится у подножья гор на обрывистом, неприступном холме, плоском как терраса... Стены верхнего акрополя еще охватывают кольцом свой холм»[5]).

Наличие большого числа башен, которые Е. Марков счел крепостными, ввело его в заблуждение, заставив предположить здесь

несколько рядов «крепостных твердынь», окружавших город. Он высказал также предположение о том, что Анау город древний, но погребен под более новым «персидским».

К началу XX в. понятие о древностях Анау уже твердо вошло в обиход. В «Путеводителе по Туркестану» И. И. Гейера дана краткая справка относительно развалин древнего города и его достопримечательностях[6]). Правда, такая популярность обошлась дорого: целость мечети была нарушена развлекающимися туристами, что вызвало негодующую статью А. А. Семенова[7]).

В 1910 г. тот же А. А. Семенов пишет статью «Развалины мечети близ селения Анау в Ахал-текинском оазисе». В ней он несколько строк отводит развалинам древнего города, «строителем которого местное население называет персидского царя Ануширвана»[8]).

В 1912 г. Б. Литвинов, указывая на необходимость охраны мечети и бугров Анау, игнорирует городище, которое входит в этот комплекс[9]).

Только в 1914 г. мы имеем некоторый сдвиг и проявление интереса к истории и изучению городища Анау.

В своей работе «К истории орошения Туркестана» В. В. Бартольд пишет, что в период XIV—XV вв. история края мало известна. Письменные источники того времени молчат даже о факте строительства мечети в Анау и о названии этого поселения[10]).

Несколько позже появляется статья А. А. Семенова, посвященная, как и прежние, истории мечети Анау[11]). Здесь он излагает историю города Анау со слов некоего Молла Дурды, который рассказывает, что на месте развалин древнего города в XV в. Абуль Касим Бабур распорядился построить новый, получивший название Аби-нау. В 858 г.-х. (1454/55 гг.) умер шейх Джемал-эд-дин, в честь которого сын его и построил мечеть (1455/56 гг.). Затем идет перерыв в хронологической последовательности изложения, и история Анау продолжается с 1719-20 г. н. э.[12]), когда якобы население пополнилось за счет жителей разрушенной текинцами Нисы. После ухода текинцев по словам Молла Дурды, в пределы Хивы и Чарджуя анаусцы сняли городские ворота Нисы и перетащили к себе. При окончательном подчинении Ахала туркмены-теке мирно заняли Анау. Осада и разрушение его произошли в 1861—62 гг. н. э. якобы в связи с предательским поведением жителей. А. А. Семенов полагал, не расчленяя города и крепости, что культурная жизнь его продолжалась веками. Версия об «Аби-Нау», восстановленном в XV в., казалась ему правдоподобной и он предлагал только поискать подтверждение этому в письменных источниках и изустных преданиях, отмечая важность отождествления для исторической топографии Хорасана[13]). При всем том А. А. Семенов указывал, что личности шейха Джемал-эд-дина и его сына Мухаммеда неизвестны истории. Теперь уже и развалины города попадают в список памятников древности Закаспийского края[14]).

Очень интересным для истории позднего города является стихотворение 72-летней туркменки Саиб, которой во время взятия Анау было 17 лет. В нем она очень картинно описывает все достоинства города и его гибель. А. А. Семенов приводит это стихотворение в

своей статье, написанной в 1924 г., но не дает развернутого использования его в качестве исторического источника для истории города[15]).

Заканчивая обзор некоторых литературных сведений о городище Анау за дореволюционный период, хочется отметить их эпизодичность. Систематического планомерного изучения памятников в полном их объеме с исторической перспективой не предпринималось.

Изучение мечети Анау шло в полном отрыве от комплекса, ее окружавшего. Она чаще всего в исследованиях фигурировала в качестве памятника искусства и архитектуры. Также изолированно проводилось исследование бугров Анау, которые дважды были подвергнуты археологическим вскрытиям (в 1886 и 1904 гг.). Результаты исследований Пампелли (1904) говорят нам о вещеведческом подходе к объекту, который исключал широкий охват исторического изучения всего района с учетом письменных источников, фольклора и этнографических данных[16]).

В советский период, когда развернулось организованное движение за изучение края, мы имеем ряд статей, касающихся как состояния мечети и вопросов ее реставрации, так и самого городища. Налицо определенное нарастание материала и широта его охвата, которое стало возможным только в этот период, когда советская наука поставила большие проблемы и дала пути к их разрешению. Изучение городища Анау стало более систематическим. Поставлены вопросы о связи исторических культур всего района, делаются попытки комплексного изучения объектов. В 1928 г. В. В. Бартольд посетил Анау. Осмотр развалин побудил его поставить ряд вопросов:

1. Определение уровня материальной культуры городища.
2. Сравнение двух его главных частей (верхний и нижний город) и определение их значения.
3. Значение отдельных кварталов.

Первоочередной задачей он считал составление топографического плана[17]).

Глазомерная съемка была произведена Мачневым в 1928 г. Она дала взаимное расположение бугров, холма и городища. На плане частично были отмечены улички и здания, но развернутого плана с точным нанесением магистралей, арычной сети, памятников архитектуры сделано не было.

В том же году появилась работа А. А. Семенова «По Закаспийским развалинам», где он дает довольно подробное описание крепостного холма и городских стен[18]). Никаких соображений относительно периодизации города и крепости и соотношения их автор не высказывает, отметив, что город, взятый туркменами-теке в начале 60-х годов, принадлежал персам.

Интересное исследование проделал Д. Д. Букинич в отношении первобытного орошаемого земледелия в районах Южной Туркмении, в связи с чем он освещает вопрос об Анау XV в. и его гибели якобы из-за недостатка воды для орошения[19]).

Некоторые ошибочные заключения по поводу Анау сделал С. Скляревский, который обобщает город и крепость и относит их к XV в., когда Анау был, как он говорит, мощным военным и культурно-просветительным центром своего времени[20]). Наличие башен на террито-

рии города навело его на мысль о какой-то системе оборонительных точек, фланкирующих подступы друг к другу.

Более широкий охват археологическим изучением районов Туркмении, изучение письменных источников, накопление фактического материала, который начал входить в научный обиход, дали возможность делать уже обобщения и хронологические определения. Так, например, археологом А. А. Марущенко в 1930 г. высказывалось предположение, что Анау, вернее городище, лежащее у крепости, есть не что иное как Багабад, упоминающийся в XVI в. письменными источниками, но не локализовавшийся на местности. Такой вывод он сделал, однако, только на основании количества фарсахов, пройденных Надир-шахом на пути из Абиверда к Багабаду, не подкрепив этого положения конкретным археологическим материалом с места, не изучив полностью этот достаточно сложный комплекс[21]). В 1939 г. А. А. Марущенко повторяет ту же мысль, не приводя никакого дополнительного материала, который обосновал бы гипотезу о Багабаде[22]).

Экспедиция ЮТАКЭ 1947 г., начиная работу над городищем и крепостью, располагала, следовательно, очень небольшими фактическими данными предшествующих исследований и некоторыми краткими прогнозами А. А. Семенова и А. А. Марущенко. Вопросы, поставленные В. В. Бартольдом в 1928 г., не были разрешены работами предшествующих лет.

Перед VI и VII отрядами ЮТАКЭ стояла задача изучения этого сложного комплекса разновременных объектов, выявления их связи и развития исторического процесса на этой территории. Отсутствие исторических сведений о средневековом городе, конечно, осложняло положение, но была возможность осветить эти вопросы с помощью археологических исследований.

С этой целью был организован стационар непосредственно на месте работ и созданы 2 отряда: VI в составе начальника отряда В. А. Левиной и коллекторов М. С. Мерщиева, Х. Алпысбаева, З. Ораловой и VII в составе начальника отряда Г. А. Пугаченковой и архитекторов Е. С. Александровой и Б. В. Дмитровского.

Общее руководство осуществлял начальник ЮТАКЭ М. Е. Массон.

В задачу VI-го отряда и входило археологическое изучение крепости и городища Анау, вытянувшегося в южном от нее направлении.

VII отряд занимался всесторонним изучением мечети и составлением детальных обмеров ее.

Углубленное изучение всех градообразующих факторов, данных этнографического характера, результатов археологического исследования, данных письменных источников поможет выявить лицо города и его значение в истории данного района. Подобное исследование — первый шаг на пути к решению проблемы возникновения и развития поздних городов Туркмении. Оно тесно связано с вопросами оседания кочевых племен (создания жилища), с изменениями экономических и социальных основ, неизбежными при переходе к оседлому образу жизни.

Равнина, где расположены холм крепости, развалины города, северный и южный бугры Анау, образована третичными породами. Селитебные пятна находятся на конусе выноса ручья Кельтечинар, кото-

рый берет свое начало из источников, выходящих с северо-западного склона перевала Гёк-Гедык[23]).

Немаловажным обстоятельством является тот факт, что район этот лежит в области, где идет процесс геологического преобразования земной коры — образования гор с третичного периода, и поэтому подвержен частым землетрясениям.

Площадь выноса ручья очень давно представляла благоприятные условия для примитивного земледелия лиманного типа и была обжита с древних времен, как об этом свидетельствуют бугры Анау[24]). Но ввиду маломощности источников здесь не могли сложиться крупные поселения. Это та стадия древнейшего оросительного земледелия в Средней Азии, предшествовавшего созданию мощных систем искусственного орошения, когда использовались воды мелких речек[25]). Человек еще не рисковал обуздать течение больших рек.

В сухом и знойном климате Туркмении вода была первым условием жизни, и потому мы видим, как перемещается селитебное пятно все ближе и ближе к истокам. Последовательное перемещение идет от бугров Анау и холма крепости, которые расположены на краю конуса выноса, через город XVIII—XIX вв., лежащий уже в среднем течении источника, к аулу Анау XIX—XX вв., и оторвавшейся от него части, которая расположилась еще выше, еще ближе к истокам ручья.

Таким образом намечаются четыре этапа в освоении водных ресурсов в районе Анау.

Любопытно, что площадь селитебных пятен, небольшая в древности и в средневековый период, в XVIII—XIX вв. увеличивается до

Рис. 1. Крепость Анау. Ворота.

500 га, считая здесь и площади запашек. Очевидно, это обстоятельство связано с повышением дебита ручья.

Новое снижение дает площадь текинского аула, огороды которого тесным кольцом легли на окраине. Только богарные посевы местами занимают территорию погибшего города и лежат на свободных землях у крепости и курганов Анау.

Площадь посевов, как рассказывают жители, то увеличивается, то уменьшается в прямой зависимости от количества воды в ручье Кельтечинар. Старожилы уверяют, что лет 80 тому назад сады и виноградники Анау расстилались далеко за пределами бугров. Следовательно, и питание водой этой территории было регулярным, допускавшим не только богарное земледелие, но и садовые культуры, правда, в пределах, допускаемых естественным дебитом воды.

Крепость Анау расположена на холме и окружена кольцом уже обвалившихся и оплывших стен.

Общее падение местности с юга на север в районе холма равняется 0,01 м. Самый холм, имея примерно тот же уклон, значительно возвышается над равниной. Высота его на южной окраине достигает 10 м а на севере — 12 м.

Диаметр крепости равен 300—350 м. Площадь крепости равна примерно семи с небольшим гектарам. План ее представляется в виде многогранника, переходящего, на взгляд, в неправильный круг. Форму эту повторяет широкий ров, окружающий холм. С юго-западной стороны холма заметен пандус, подводящий к воротам, которые в настоящее время представляют собой печальное зрелище бесформенной груды развалин, размытой дождями и развеянной ветрами[26]).

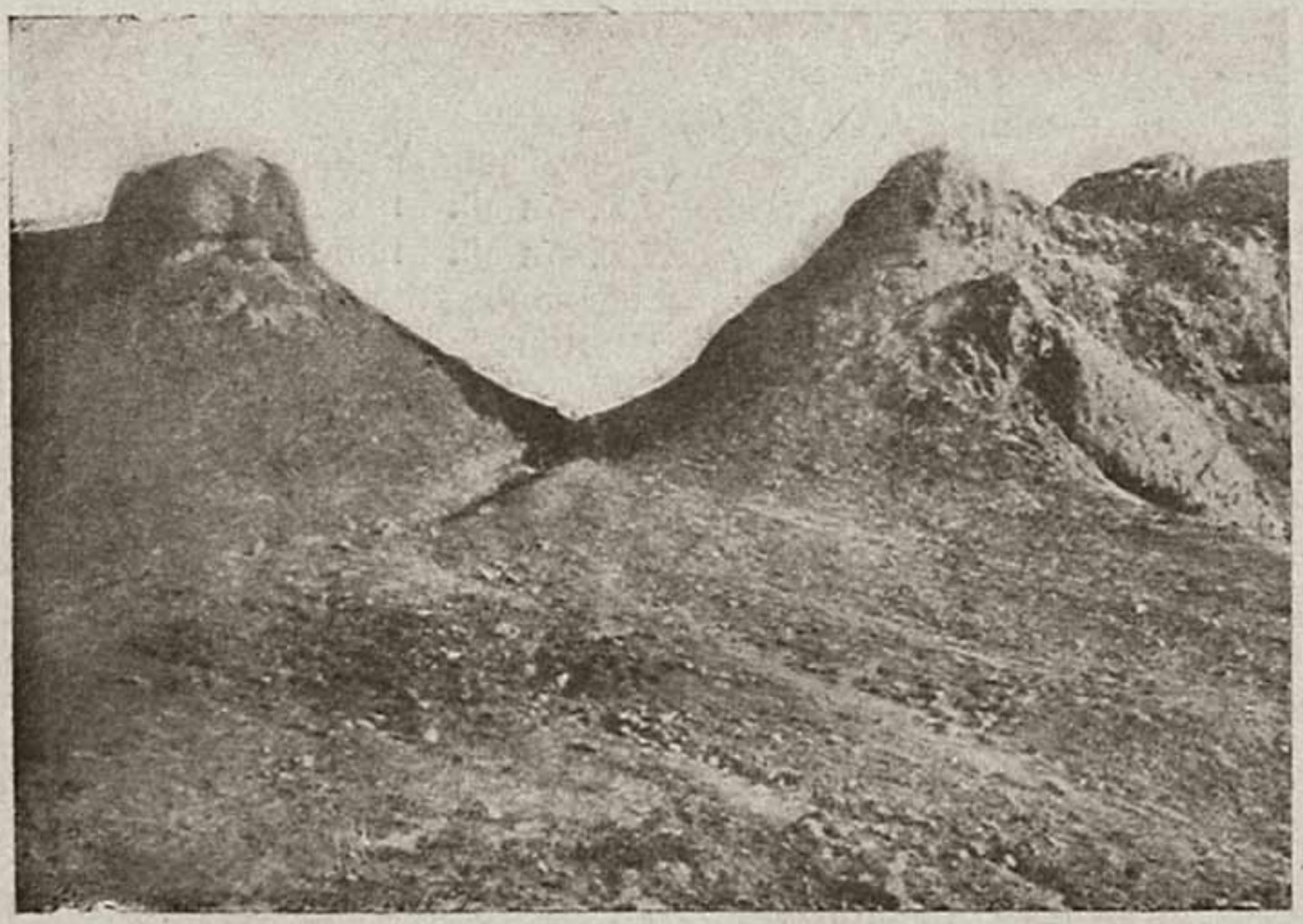


Рис. 2. Крепость Анау. Стены.

В юго-восточной части крепости, недалеко от центральных ворот, находится знаменитая мечеть Анау XV в., которая неоднократно служила предметом описания для путешественников и исследователей. Сооружение это является мечетью открытого типа и сочетает в себе три архитектурных объема—собственно мечеть и две боковых пристройки. Этот комплекс в виде буквы «П» расположился на юго-западной окраине холма, его центральный портал обращен на север и рассчитан на восприятие с площади, лежащей перед ним. Комплекс как бы охватывал средневековое поселение с его постройками, раскрывая перед ним все богатство своих декораций и гармоническое сочетание архитектурных объемов.

Являясь незаурядным проявлением творческой мысли архитектора, памятник ценен для нас и как исторический документ: из надписей на устоях его портала мы узнаем, что здание построено в 1455-56 г. в правление Абуль Касим Бабура, который правил Джорджаном и Хорасаном с 1446 по 1457 г., над могилой некоего шейха Джемаль-ед-дина его сыном Мухаммедом, который был, вероятно, могущественным феодалом, располагавшим достаточными средствами, чтобы выстроить подобное здание.

Не буду останавливаться на подробном описании памятника, так как он фигурирует во многих работах и является объектом специального изучения отряда VII. Нужно отметить только, что памятник этот является образцом лучших традиций эпохи тимуридов в архитектуре. По стилистическим признакам он встает промежуточным звеном между постройками начала и второй половины XV в.

Кроме мечети, на холме есть и еще ряд сооружений более скромных по выполнению, материалу и замыслу.

Прежде всего надо остановиться на сардобе. Это водохранилище, выложенное из жженого плиточного кирпича того же размера, что и мечеть, является интересным инженерным сооружением. Расположено оно почти в центре крепости, на северной стороне большой впадины-хауза. В настоящее время оно находится под большой толщей земли, но, очевидно, ранее, судя по характеру завала и по примерам других сардоб, его купол и входная часть были на поверхности[27]). Работами 1947 г. было проведено детальное исследование сардобы Анау. Такая работа еще не проводилась, хотя упоминания о сардобах встречаются в литературе довольно часто.

Более поздними по времени являются два мазара из сырцового кирпича. Мазар шейха Мауда на северо-западной окраине крепости, и сейчас пользуется некоторой популярностью у местных жителей. Оч имеет продолговатый план, отчетливо выделена камера с гробницей, завэршающаяся куполом, и привходная часть. Мазар Кери-ишан на юго-западе от мечети у центральных ворот, с планом того же типа, что и предыдущий.

На севере возвышается четырехугольная башня из сырцового кирпича с купольной камерой в нижней части и входным отверстием с западной стороны.

Над сардобой есть оплывы, где сохранились еще следы кирпичей. Это, очевидно, тоже остатки башни, которая, может быть, защищала вход в сардобу.

Поверхность холма имеет очень неровный рельеф; так, у здания мечети находится большое понижение рельефа до 4 м по сравнению с уровнем мечети. В северо-западном секторе крепости таких впадин насчитывается до 6, правда, они меньше по размерам. Самая большая впадина, расположенная у портала мечети, может быть служила водоемом или водосбором для ливневых и снеговых вод.

Никаких следов планировки не наблюдается, если не считать «ули-

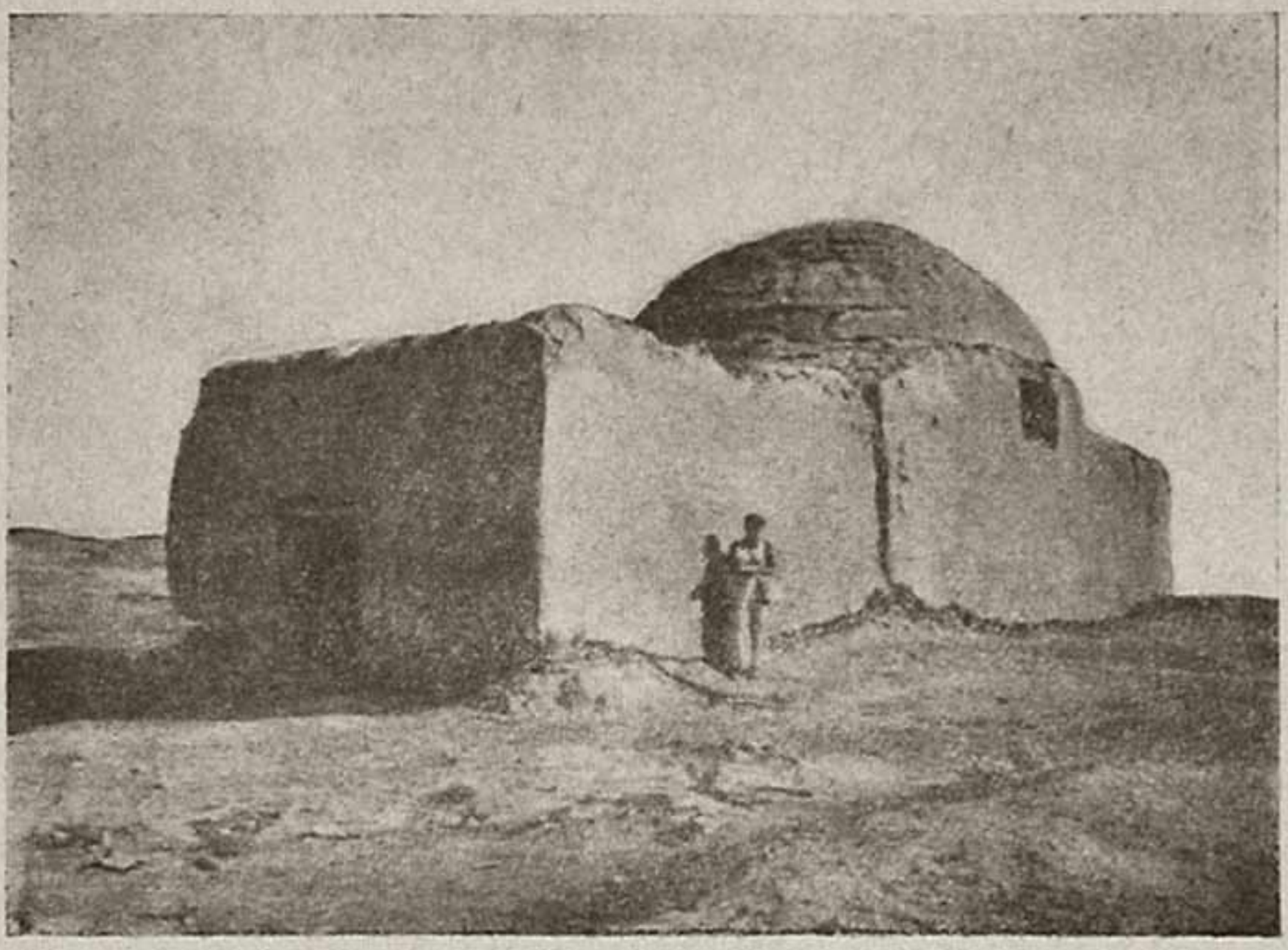


Рис. 3. Мазар шейха Мауда.

цы» у башни на севере холма, которая прослеживается на протяжении 50 м. Ширина ее 3 м.

Как уже упоминалось выше, крепостные стены сильно оплыли. На юго-западной стороне холма отмечены более мощные оплывы двух башен. да на севере обнаружены остатки внутреннего помещения башни со сводчатой конструкцией перекрытия, на восточной же стороне таких следов нет. Вообще верхние стены, судя по остаткам северной и привратных башен, недавнего происхождения, не ранее XVIII—XIX вв. и должны были бы лучше сохраниться, но выщелачивание почвы повело к скорой гибели зданий и стен, вдобавок разрушенных во время сражений.

Любопытно, что вся поверхность холма превратилась в пушистую массу с большой примесью выкристаллизовавшейся селитры, так называемую селитроносную пушонку.

Правда, какие-то хозяйственники уже приготовили землю, сгребя рыхлый слой в кучи, которые заняли весь холм, напоминая могильные бугры, но до сих пор их никто не использовал[28]).

За крепостью, в юго-западном направлении раскинулся город XVIII—XIX вв, — безмолвные серые развалины с вздымающимися тут и там башнями, которые придают угрюмо величавый оттенок городской

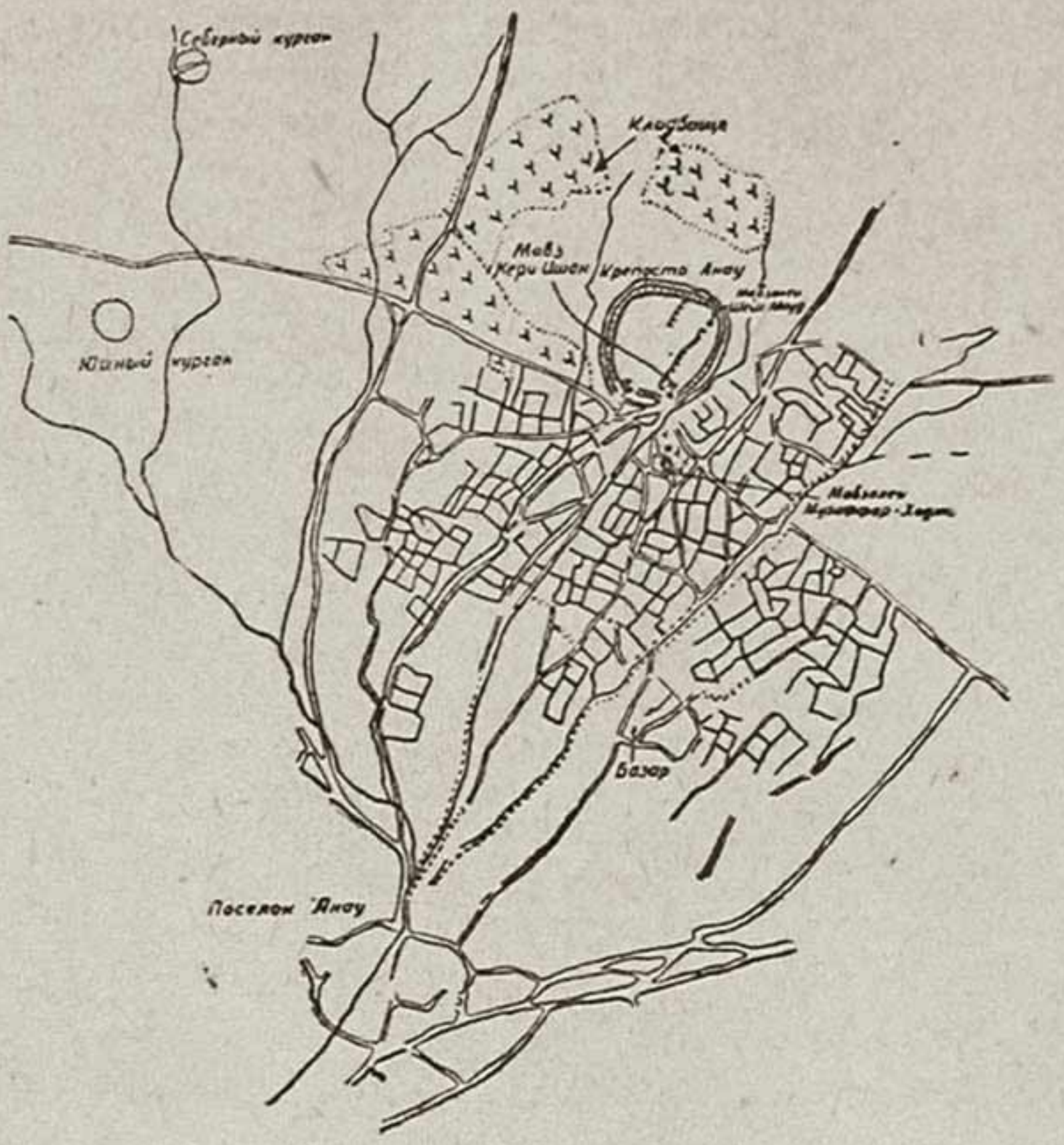


Рис. 4. Анау. Восстановленный по руинам план города XVIII—начала XIX вв.

панораме, напоминая о суровых днях осад и набегов. Сейчас, лишенный зелени и журчанья арыков, которые смягчали его суровый вид, город лежит как скелет организма, когда-то полного жизни и красок.

На нем сейчас четко прослеживаются уличные магистрали, кварталы, усадьбы, отдельные жилые ячейки, русла арыков, когда-то питавших поля и сады. Обследование развалин мертвого города пошло по линии изучения сохранившейся уличной сети, расположения и размеров усадеб, отдельных жилых зданий и оборонительных башен.

Для изучения топографии города, его улиц и ирригационной системы, был предпринят последовательный обход территории с выверкой данных по аэрофотоплану городища.

Подвергнут обмерам и зарисовкам ряд усадеб с их зданиями и участками. Работу эту провел архитектор Б. В. Дмитровский.

Фиксация этого материала представлялась настоятельно необходимой, так как город с его постройками из кирпича-сырца разрушается из года в год, как от деятельности человека, так и от воздействия природных факторов.

Городище Анау с его основным селитебным пятном располагается на территории между крепостью и современным поселением Анау и имеет вид сильно вытянутой трапеции, высота которой, т. е. протяжение города с севера на юг, равняется примерно 2,5 км.

Примерные подсчеты дают нам площадь его наиболее обжитой части в 132 га, если же учесть еще и участки, сохранившие некоторые признаки дувалов и строений и раскинувшиеся по обе стороны от основного ядра города, то площадь его можно считать и до 250 га. При подсчете населения пришлось ориентироваться на наличное количество усадеб, средний размер которых находится в пределах 0,53 га. Более или менее ясно выраженных участков насчитывается до 300, если допустить, что состав семьи на усадьбе был 12—15 человек, то количество живущих будет исчисляться в 3600—4500 человек. Таким образом, плотность населения в наиболее обжитой части города будет составлять 27—34 человека на гектар при плотности застройки в 0,2%.

По характеру своей планировки и усадеб, по плотности населения Анау можно назвать городом сельского типа. Это небольшой периферийный городок с сельскохозяйственным профилем. Торговля, которая была в нем, связывалась, конечно, с продуктами сельского хозяйства и животноводства.

Элементами, слагающими этот город, являются: усадьба, как его рядовая ячейка, базар — средоточие экономической и общественной жизни города, культовые комплексы, располагающиеся возле крепости, производственные кварталы гончаров и металлистов, которые сосредоточились на юге и юго-западе городища, неподолеку от холма крепости. («Кварталы» гончаров сейчас представляют собой оплывы разрушенных хумданных печей со множеством шлаков, их окружающих. Места металлообрабатывающих производств отмечаются скоплениями железных крищ). И, наконец, кладбища, которые расположились на неорошаемых землях на севере, северо-западе и востоке от крепости. Подробный анализ и описание усадеб проделаны в статье «Жилище туркмен по материалам Анау», посвященной этому вопросу. Что касается места базара, то при обследовании юго-восточной части города, в вилке двух магистралей, был обнаружен комплекс построек, периметрально расположенных вокруг большого участка, к которому примыкал второй, еще больший по размерам. Вынесенный на окраину города, но примыкающий к одной из его основных транспортных артерий, большой по территории участок этот может быть использовался как базарная площадь для торговли скотом и сельскохозяйственными продуктами, для общественных сборищ и празднеств. Внутренний участок с периметральной застройкой, очевидно, был караван-сараем для проезжающих купцов. Размеры помещений, большие чем в обычных жилых постройках, также указывают на их общественный характер. На территории базара был найден ряд фрагментов пиал и железный кумган заводского литья, который, очевидно, был завезен из России. Известно, что пиалы так называемого кашгарского типа широко экспортировались в Среднюю Азию уже в XVIII в.

Первая площадь, обстроенная помещениями, делится на участки, сообщающиеся друг с другом. Два участка застроены помещениями гостиничного типа с площадью от 15 до 25 м²; стены их как продоль-

ные, так и торцовые снабжены нишами, каждая комната имеет камин. Довольно обширный двор достаточен для размещения вьючных животных. В юго-западной стороне имеются хозяйственные пристройки, загоны и кладовки. Участки третий и четвертый застроены объектами меньшими по площади, сопутствуемыми хозяйственными постройками. Возможно, что здесь располагались лавки-мастерские местных жителей — ремесленников.

Большой участок, площадью примерно около 1 га, примыкающий к этому комплексу, совершенно свободен от застройки, но имеет ограду по всему периметру и два входа — южный со стороны большой лучевой мигистрали и восточный с окраины города.

Расположение базара на окраине города — явление нередкое в среднеазиатских городах, особенно если торговля связана со скотом или громоздкими товарами (дрова, сено, арбы и т. п.). Тот же принцип распространяется и на ремесла, особенно те, которые требуют много места или нуждаются в свободной воде (гончары, валяльщики шерсти и т. д.[29]). Возможно, что был и еще базар, может быть и не один, но, к сожалению, далеко зашедшие распашки территории города очень изменили его рельеф, особенно в местах прохода водных протоков, что затрудняет распознавание назначения того или иного участка.

Культовые сооружения города сосредоточены возле мечети XV в. с северо-восточной и северо-западной сторон и размещены на самом холме — это два мазара, о которых говорилось выше. На северо-восточной стороне есть комплекс из двух мавзолеев и нескольких полуразвалившихся худжр. Один из них — мавзолей Музаффар-ходжа — сложен из жженого плиточного кирпича. Он представляет собой квадратное купольное помещение с стрельчатыми арками по его сторонам. Одна из арок оформлена как вход, остальные заложены. Этот мавзолей и расположенные возле него худжры заключены в ограду. Около ограды в северо-западной стороне расположен второй мавзолей из кирпича-сырца, шестигранный в плане, с двумя входами. В обоих мавзолеях находятся саганы почитаемых местными жителями «святых». Восточнее этих мавзолеев раскинулось небольшое кладбище—бугорки земли, отмеченные или плиточными кирпичами с надписями или без них, или булыгами.

Близ холма с его западной стороны отмечены руины еще одного мавзолея, к которому примыкает кладбище, простирающееся на запад к южному и северному курганам и на север. Более древние могильные холмики на этом кладбище заключены в прямоугольные рамки, выложенные из булыжника. Земля уже осела и почти сравнялась с общим уровнем местности. Ближе к дороге встречаются более свежие могилки в виде куч земли, где лежат кирпичи с надписями 1912, 1934 г. и т. д. и осколки разбитых в память умерших пиал и чайников Кузнецовской фабрики.

На северо-востоке за крепостью находится еще одно кладбище, более молодое, которое функционирует и теперь. На нем находится очень небольшой купольный мавзолей Зенги-Баба.

Интересно то обстоятельство, что мазары и кладбища расположились вблизи мечети, которая, являясь местной святыней, имела большое значение, привлекая массу почитателей. Вокруг нее сгруппировались и остальные мазары, поклонение которым становилось обязатель-

ным для прибывающих богомольцев. Создался своеобразный зиарат, который можно было наблюдать в пятничные и другие праздничные дни мусульман. Начинается он от могилы, расположенной у портала мечети, и заканчивается у мавзолея Музаффара-ходжи. Путники, прибывшие издалека, располагаются для трапезы и отдыха или возле мечети или у мавзолея Музаффара-ходжи.

Таким образом, северная оконечность города замыкается культовыми зданиями, холмом крепости и кладбищами.

Мечеть Анау с ее своеобразным декором породила немало поэтических преданий о происхождении как ее самой, так и мозаичных драконов. Являясь архитектурной доминантой в общем силуэте города, она не повлияла на его планировку, которая была продиктована не эстетическими соображениями создания ансамблей, городского силуэта и т. д., а практическими требованиями, которые обусловливались недостатком воды и необходимостью рационального использования каждой капли драгоценной влаги.

Обследование южной части города дало возможность проследить, что фокус шести магистралей, идущих вдоль города, находится в центре современного Анау, где в настоящее время расположены склады колхоза[30]), школа и почта.

Сохранились и некоторые жилые помещения старого города вблизи складов, использованные и теперь как жилье.

Широко раскинувшийся город с его многочисленными усадьбами, на которых вздымаются башни, не имеет никаких следов городской стены. Она, конечно, как и здания города, могла бы сохраниться до наших дней. Тщательная рекогносцировка всей площади города не дала положительных результатов. Стены нет, хотя на глазомерном плане 1928 г., сделанном Т. Г. Мачневым, нанесена стена, заключающая в себе треть наиболее густо застроенной части города. Получается, что другие две трети города с базаром и жильем оставались вне городских стен, не считая уже менее застроенных частей. Кроме того, совершенно отрезан южный конец города, хотя он является каким-то центром исхода магистралей.

Если судить по описанию А. А. Семенова, город имел две стены — восточную, фото которой он приводит, начинающуюся от задней стены крепости, и поперечную, идущую на запад вдоль рва, очевидно, крепости. Остальных стен он не описывает[31]).

Трудно представить себе, чтобы за 19 лет могли исчезнуть даже следы этих стен; невозможно также предположить, что современное население срыло их, как мешающие запашке, так как они не уничтожают даже простых дувалов, разделяющих усадьбы, — земли и без того более чем достаточно. Окружать треть города стеной, не считаясь с возможностью его нормальной жизни и водопользования, грубо нарушая его органичность, было бы нелепо. Тратить время и средства на возведение стены вокруг всего города протяжением 5,5—6,00 км было нецелесообразно, и потому мы видим своеобразный пассивный метод обороны при кратковременных грабительских набегах кочевников с помощью башен у каждой усадьбы и обороны в крепости в случае продолжительных столкновений больших масс войска. Для этого и была возведена стена на холме, укреплены ворота, расчищен ров. Мечеть тоже включена в систему обороны. Очевидно в XVIII в. к ней пристраивали башни, но

так и не успели достроить, так что позже, при нападении туркмен-теке в 1860—1861 гг. населению пришлось возводить глиняные брустверы.

Если учесть, что наличие стен вокруг города не было зафиксировано, то трудно себе представить роль крепости как форпоста в обороне. При таком положении дел она была не форпостом, а основным ядром активной обороны.

В силу вышеуказанных особенностей планировки, зависящих от ирригационной системы, поздний город получил развитие в южном направлении, а не расположился вокруг крепости — схема, которая так привычна для среднеазиатских городов. Таким образом крепостной холм занял эксцентрическое положение относительно всего пятна города, а городское пятно распласталось на веере водной системы Кельтечинара, окружив ее со всех сторон усадьбами и полями и вытянувшись на юг к голове арыка, чтобы иметь возможность регулировать водоснабжение.

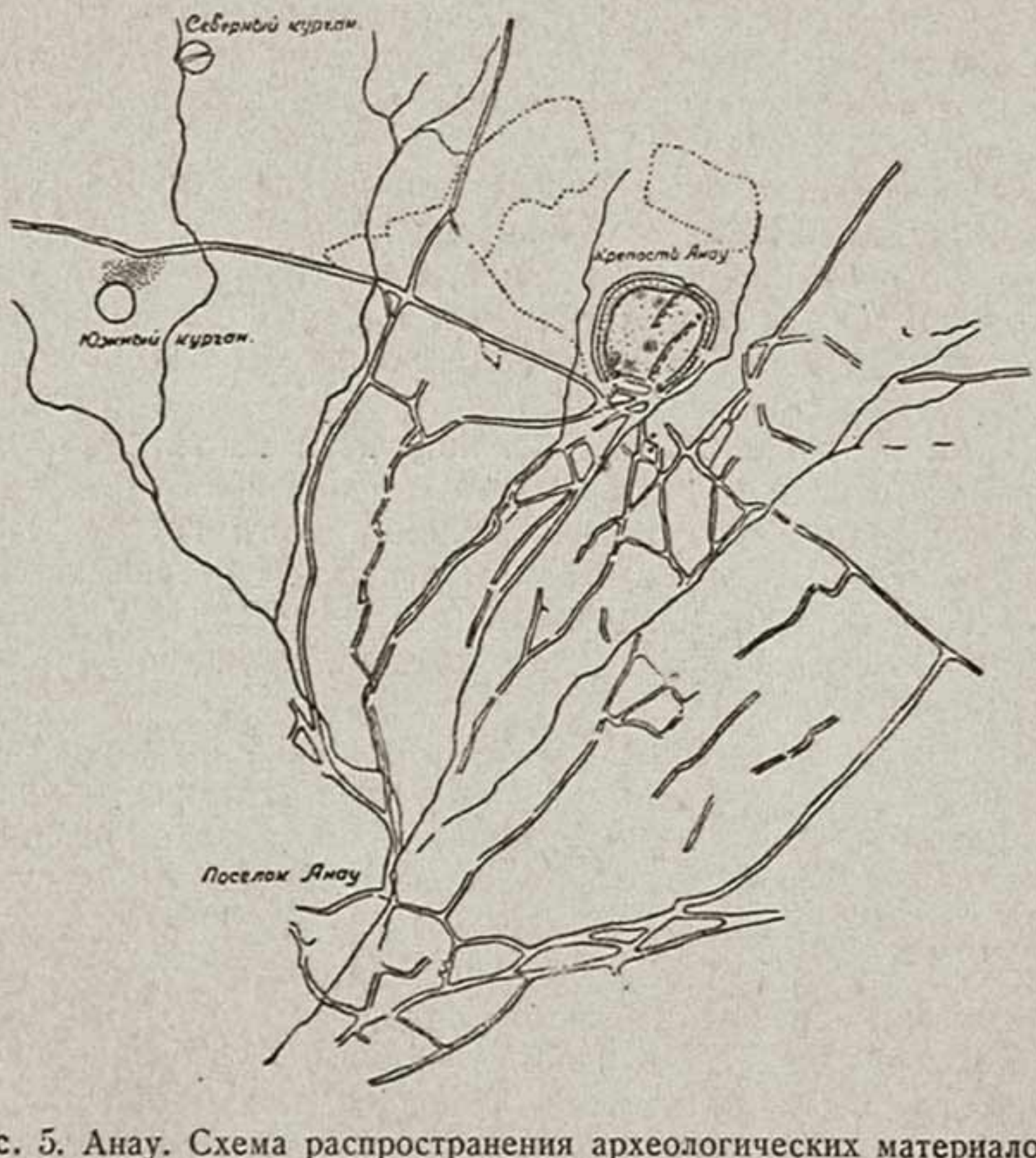


Рис. 5. Анау. Схема распространения археологических материалов рабовладельческого общества.

Одним из важных разделов работы по предварительному изучению территории был сбор археологического материала, проведенный планомерно, с разбивкой всей исследуемой площади на квадраты. Этот метод, неоднократно оправдавший себя при работах ЮТАКЭ на больших и малых участках, очень эффективен и дает возможность составить дифференцированное представление обо всех частях городища.

Территория крепости была разбита на 4 квадрата *А, Б, В, Г*, с охватом прилегающей местности. Квадрат *А* располагался в юго- восточной части крепости, где находятся центральные ворота и мавзолей Кери-Ишон; квадрат *Б* — юго-западный сектор, включающий комплекс мечети; квадрат *В* — северо-восточный сектор с мавзолеем шейха Мауда; квадрат *Г* — северо-западный сектор, где расположен динг — единственный, сохранившийся на крепости.

Город же поделен на 3 равных участка. 1-й за дорогой, которая лежит у подножья южной части крепости; он тянется на 500 м вглубь. За ним идут 2-й и 3-й участки, тоже протяжением по 500 м.

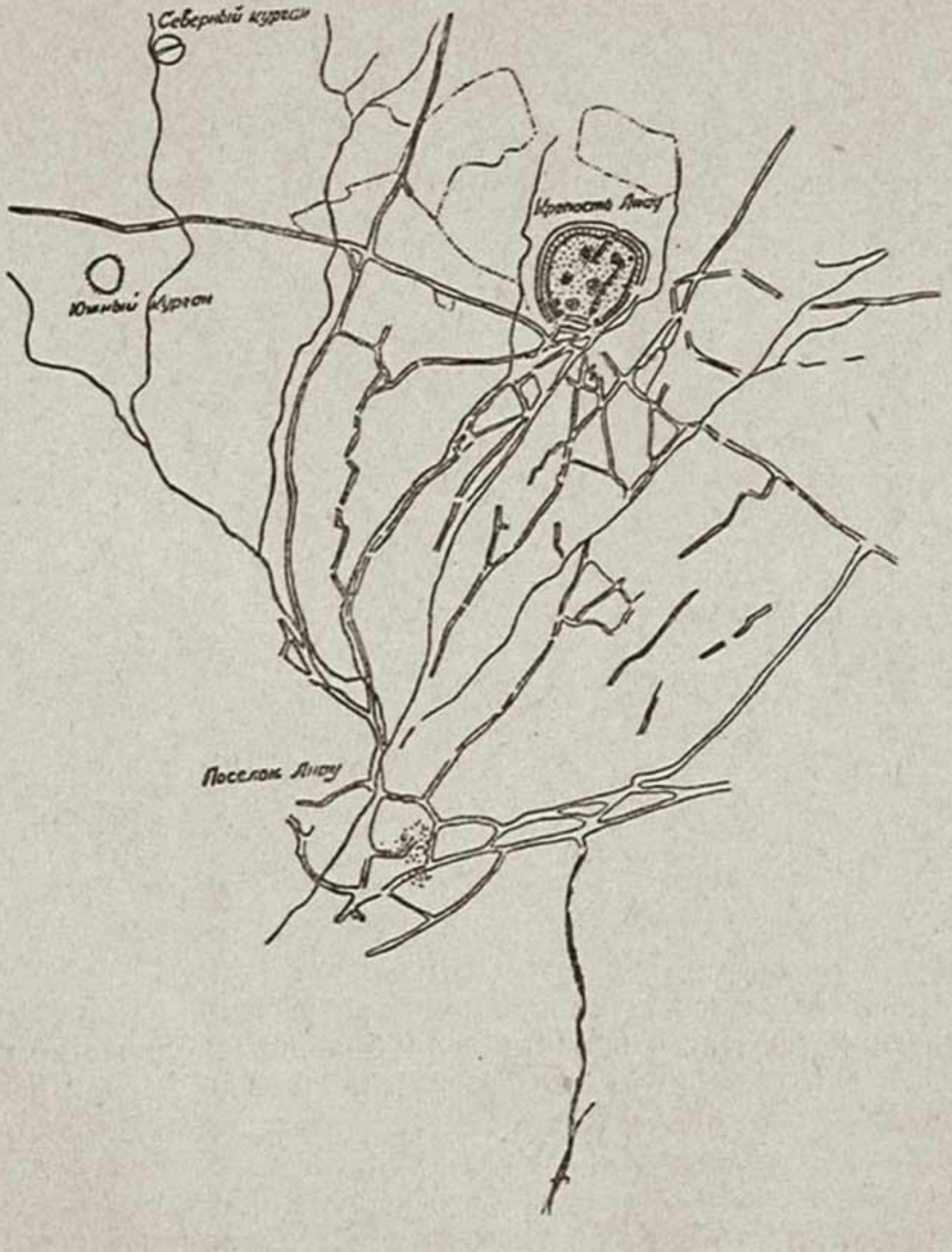


Рис. 6. Схема распространения археологических материалов IX—X вв.

Прежде всего сбор был проведен на крепостном холме. Рассматривая собранный материал суммарно, с расчленением хронологических групп, можно констатировать, что наиболее ранние находки на крепостном холме относятся к рабовладельческому периоду. Это прежде всего бронзовая трехлопастная втульчатая, стрела ранне-парфянского типа, найденная на окраине крепости в секторе *Г;* кроме того, был об-

наружен кирпич размерами 36 × 36 × 9 см³, сырцовый с примесью гальки и кусочков дробленой пахты, аналогичный сырцовым кирпичам парфянских зданий Нисы. Структура его массы очень неоднородна. Керамика парфянского типа представлена некоторым числом мелких фрагментов, дающих представление о высоком качестве черепка и тщательной отделке поверхности красным ангобом даже лощением.

Рис. 7. Схема распространения археологических материалов XI—XII вв.

Керамика IX—X вв., также хорошо известная в настоящее время по комплексам из Нисы, представлена большим количеством фрагментов чаш с очень условно трактованными птицами. Рисунок дан черными контурами по сероватожелтому фону черепка и оживлен мазками яркожелтой краски. Прозрачная глазурь покрывает сосуды с двух сторон, но отличается очень малой прочностью. Большая часть фрагментов несет на себе только отдельные блестки ее. Есть фрагменты со следами надписей куфическим почерком сделанными темнокоричневой краской по белому ангобу. Интересен фрагмент со светлозеленой глазурью, которая покрывает слегка врезанный орнамент, оконтуренный еще и тонкой черной линией. Венчики чаш округлые, слегка оттянутые к внешней стороне, донца плоские, но с ясно выраженным переходом к стенкам сосуда. Эта керамика по преимуществу расположена вблизи мечети, т. е. в квадратах *А* и *Б*.

Эпоха XI — XII вв. дала очень небольшой подъемный материал; это преимущественно неполивная керамика с тонкоотмученной массой черепка и гравированным орнаментом.

Довольно большую группу представляет собой керамика с голубой и зеленой глухой поливой. Эта цветовая гамма распространена с XII по XIV в. и ее трудно определить более точно при отсутствии форм сосудов, что и имеет место в данном случае.

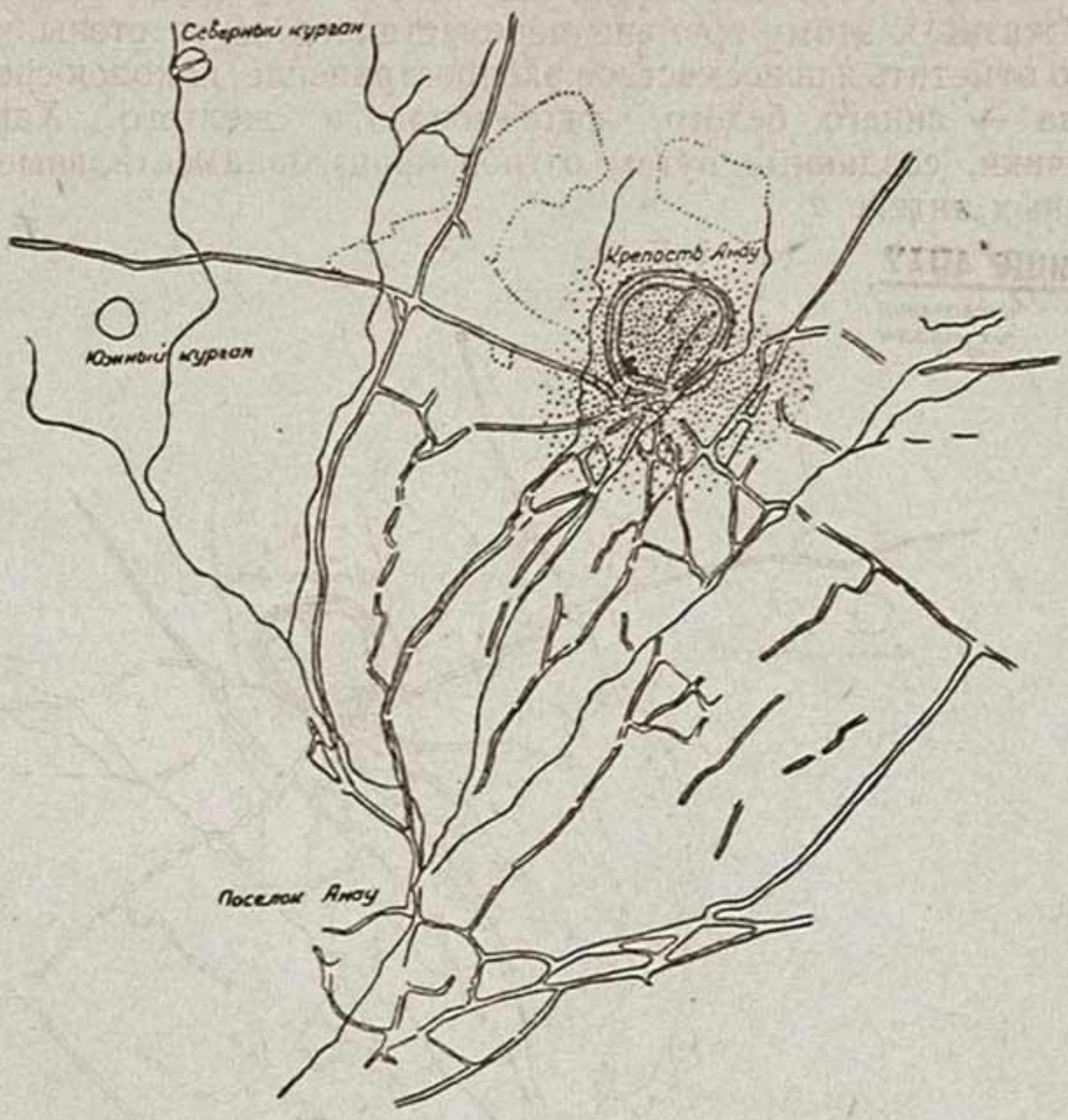


Рис. 8. Схема распространения археологических материалов конца XIII—XIV вв.

Очень обильный материал получен для XIII—XIV вв., — тут и маленькие сосуды в виде «каса» с прямым округлым венчиком и большие фрагменты «тагара» с венчиком отогнутым кнаружи почти под прямым углом. Большие сосуды типа «тагара» имеют плоское толстое дно, а небольшие поливные чаши невысокую кольцевую ножку с провисающей средней частью.

Масса черепка—из красной и кремовой глины, нередко с посторонними включениями. Основная гамма цветов темноголубая с черным орнаментом, белая с черным, иногда встречается и фиолетовый цвет. Подглазурный орнамент очень разнообразен по композиции и качеству. Чаще всего встречаются сложные плетения растительных арабесок по краю блюда, заключенные в прямые бордюрные линии, сетчатый геометрический орнамент или розетки на дне сосудов. Нередки радиальные композиции, покрывающие всю поверхность сосуда.

Керамика XV — XVI вв. представлена в сборе большим числом фрагментов из так называемого «кашина». Масса его слегка розовато-

го цвета, хрупка и пориста. Орнамент по преимуществу растительный, нанесен синей краской (кобальт или же медные окислы) по белому фону. Собранные образцы не дают возможности рекомендовать полные формы, но демонстрируют венчики и донца, характерные для этого периода, — венчик прямой округлый, слегка согнутый наружу, донце же на высокой кольцевой ножке, иногда даже с выемом в средней части.

Более поздние периоды отражены слабее на территории крепости. Очевидно, жизнь к этому времени переместилась за ее стены.

Нужно отметить и повсеместное распространение находок средневекового стекла — синего, белого, фиолетового и желтого. Характерны полые венчики, созданные путем отгиба края, орнаментальные налепы из стеклянных нитей.

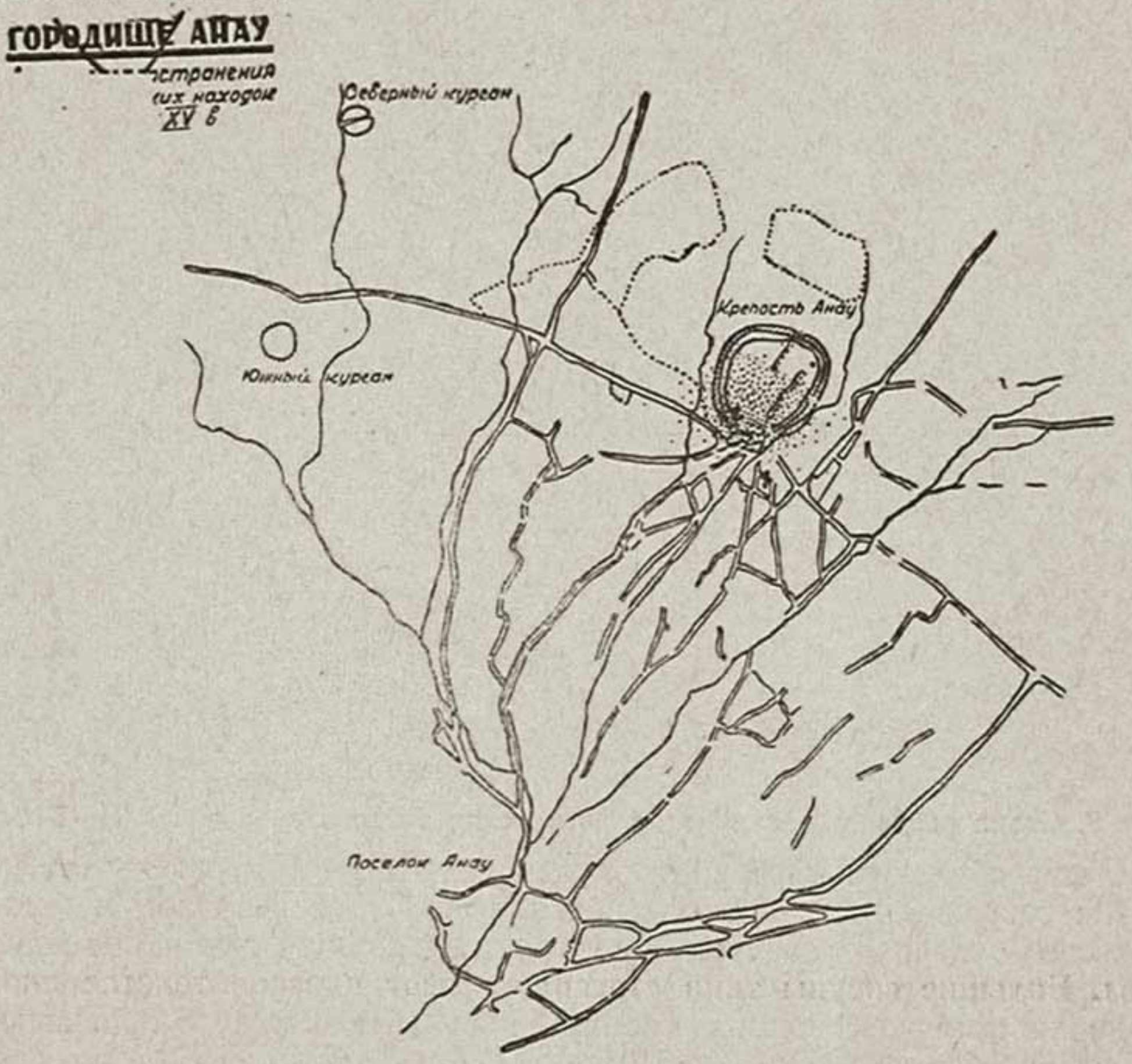


Рис. 9. Схема распространения археологических материалов XV в.

Во рву крепости и ее ближайших окрестностях, особенно на юго-западной и северной окраинах обнаружено большое количество хумданных шлаков. Отмечаются находки кричного железа и металлических шлаков, что свидетельствует о развитии ремесла в поселении. Небезинтересно отметить находки фрагментов жженого кирпича с овальными и круглыми углублениями. По определению М. Е. Массона, они служили пятками для деревянных дверных шарниров.

Очень любопытны, неоднократно отмечавшиеся то в качестве жерновов, то намогильников, огромные камни округлой формы в количест-

ве семи штук, лежащие на территории крепости. Два из них краснова-то-желтого песчаника находятся в северо-восточной части на пути к мазару шейха Мауда. Оба имеют круглые отверстия. Два из сероватой породы находятся в центральной пониженной части крепости, — один из них округлый с отверстием, а другой неправильной формы с углубленной полосой в середине. Одиночные камни находятся у динга на северной окраине крепости, у мазара, стоящего у центральных ворот, и камень-гигант у входа в сардоба, по форме напоминающий намогильник. Назначение камней с отверстиями в середине определилось после раскопок ворот на Новой Нисе, где такой камень лежал в качестве пятки для воротных полотнищ. Может быть вторично они были использованы и в качестве намогильников. Диаметр этих камней-пяток 1—1,20 м, а высота колеблется в пределах 20—40 см.

При обследовании западной части (квадраты *Б* и *Г*) почти у южного кургана в котловине были обнаружены интересные находки — ступка из темнокрасного песчаника, плоскодонная тонкостенная чаша из прекрасно отмученной красной глины с довольно сложным ломаным профилем стенки, (поверхность сосуда покрыта красным лощением) и фрагмент сильно разложившегося железного дротика. Весь этот комплекс, в результате сравнения с материалами парфянского периода Новой Нисы и Старой Нисы, датирован временем I — II вв. н. э.

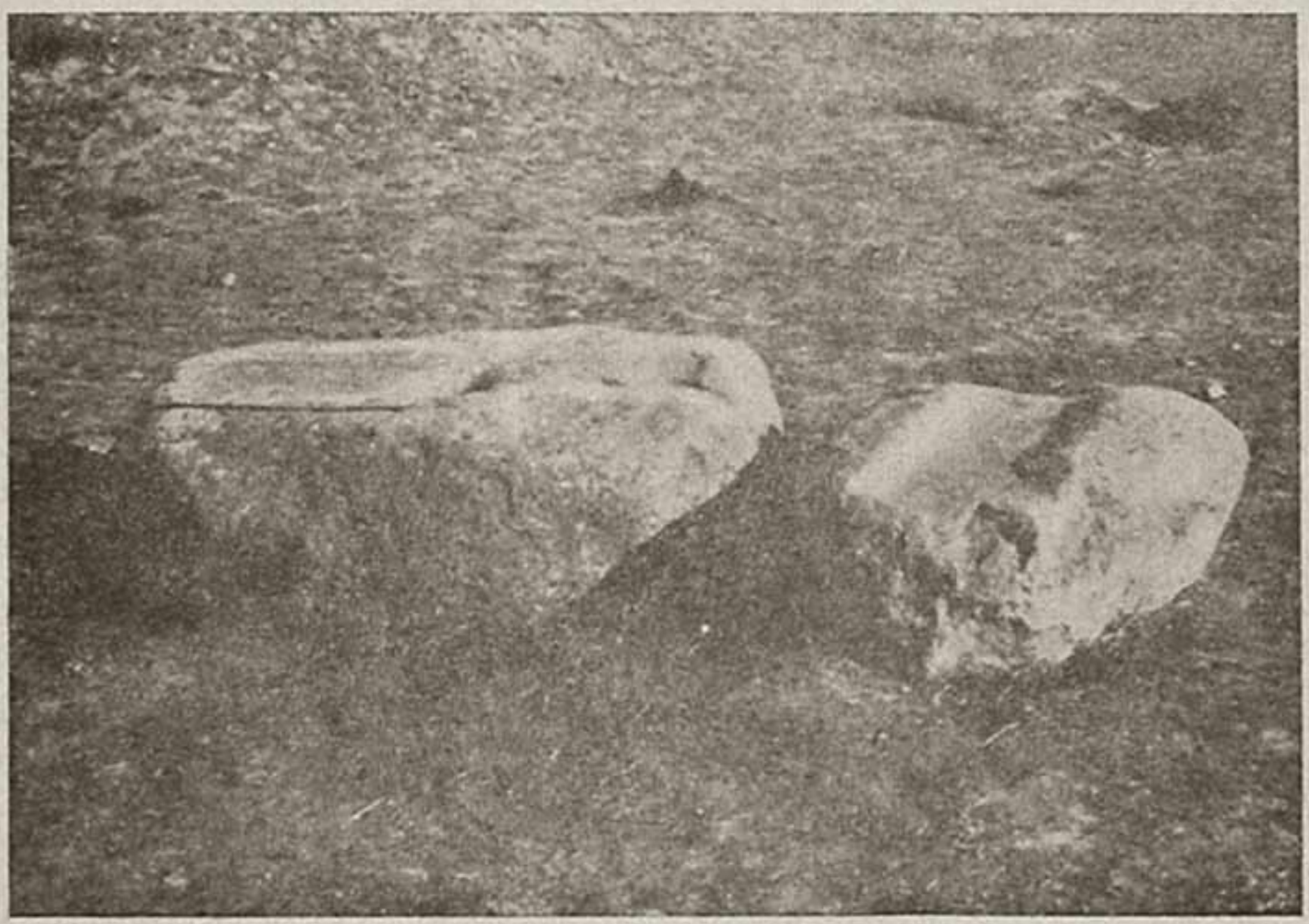


Рис. 10. Каменные подпятники ворот.

Большой интерес представили находки на шлейфе Южного кургана, которые дали целый комплекс керамики того же типа. Обнаружены они были М. Е. Массоном и Г. А. Пугаченковой при рекогносцировке территории в районе курганов.

Территория города тоже была разбита на условные квадраты. Квадрат 1 начинался от дороги, идущей вдоль южного фаса холма. С

площади, прилегающей к крепости был собран материал, характеризующий время с IX — X по XV — XVI вв., правда, еще более измельченный.

В основном же подъемный материал характеризует более поздние периоды жизни. Керамика отличается огрублением и тяжестью форм сосудов. Гамма цветов дает жухлые притушенные тона: серовато-розовые, серозеленые, грязно-белые, голубые и черные с вкраплениями других цветов. Встречены завозная керамика и металлические изделия, что уже отмечалось выше. Любопытна находка небольшого цилиндрического сосуда Д — 4,5 см, высота — 5 см с прямоугольным венчиком отогнутым наружу, донце сосуда плоское. Поверхность его залощена по светлокоричневому фону. Форма же напоминает аптекарские лекарственные банки. Этот сосуд был найден во II квадрате, где обнаружили и полуобожженный кирпич размером $45 \times 38 \times 10$ см^3.

Южные части города дают все меньшее количество керамики и преимущественно поздней.

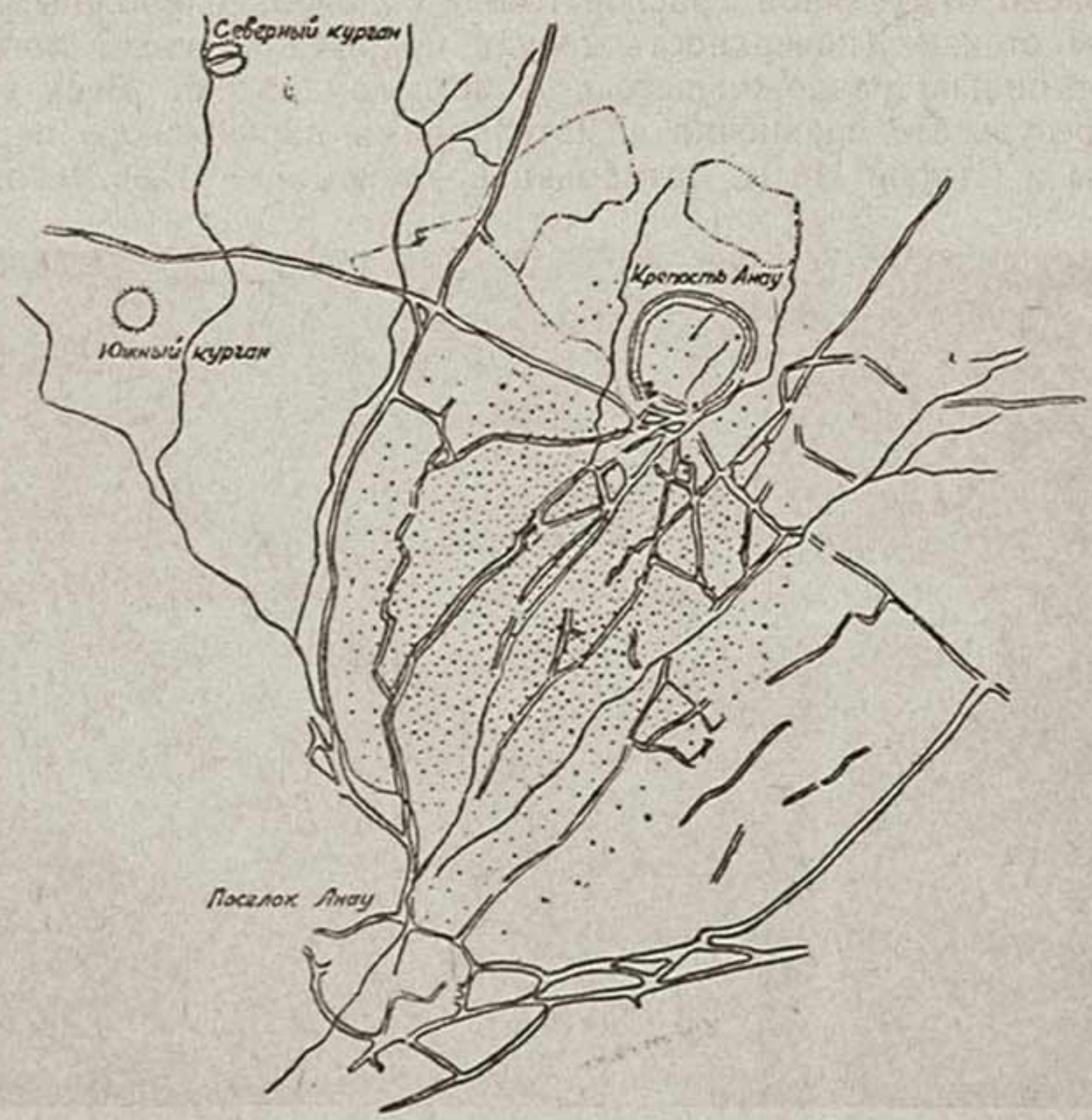


Рис. 11. Схема распространения археологических материалов XVIII—XIX вв.

Большое количество неполивной керамики свидетельствует о том, что она была основным видом бытовавшей в хозяйстве жителей посуды. Очень часто встречаются банкообразные сосуды с тяжелым толстым дном. Размеры их различны.

На территории мертвого города и современного Анау собрано большое количество каменных ступок, пестиков и камней с отверстием смещенным к одному краю. Камни эти напоминают какие-то огромные ги-

ри. Назначение их неизвестно. Присутствие их на этой площади объясняется, очевидно, приносом для использования в хозяйственных целях с бугров Анау.

В результате проведенного сбора подъемного материала можно было придти к следующим заключениям:

1. Места поселений парфянского периода очевидно были возле южного кургана — на его шлейфе и, может быть, на самой крепости Анау.

2. В последующие эпохи жизнь сосредоточилась на холме, где находятся остатки крепостных стен позднего периода и мечеть XV в. и ближайшей прилегающей к нему территории. Наиболее интенсивные периоды в жизни поселения падают на IX — X и на XIII — XV вв.

3. В период XVIII — XIX вв. жизнь переместилась за пределы холма и возле него раскинулся своеобразный город. Керамика этого периода сосредоточена на площади города и очень малочисленна в крепости, которая очевидно была уже только убежищем в дни осады и местом почитания находящихся там святынь в дни мира.

После предварительной рекогносцировки крепости и городища, сбора подъемного археологического материала, решено было заложить несколько шурфов на территории крепости, города, а в дальнейшем на шлейфе Южного кургана и на линии «вала», идущего от западной окраины крепости на Северный курган. Шурфы были заложены в местах, наиболее интересных с археологической и историко-топографической точки зрения. Все они имели одну задачу — выявить стратиграфию слоев с тем, чтобы положить начало отражению жизни крепости вплоть до ее запустения.

Шурф № 1 был заложен несколько северо-восточнее портала мечети на краю большой «впадины» — хауза, чтобы выяснить, не было ли двора у здания мечети, проследить стратиграфию слоев и сопоставить их с другими шурфами, более отдаленными от мечети.

Шурф № 2, заложенный в самой нижней части впадины, имел целью выяснить наличие здесь предполагаемого хауза и подтвердить или отвергнуть эту версию.

Место шурфа № 3 на северной окраине крепости у динга определилось повышением местности и наличием как бы улицы близ динга. Хотелось выявить жилой объект на территории крепости.

У мазара шейха Мауда на СВ крепости расположился шурф № 4. Здесь предполагалось проследить возможные остатки фундаментов более древних культовых сооружений. Для изучения крепостной стены была сделана расчистка ее на северной окраине недалеко от шурфа № 3. Отряд VII, работавший над историей и архитектурой мечети Анау, заложил 3 шурфа—один внутри мечети и два около ее портала.

Большой интерес для истории крепости представляло изучение сардобы, которая находилась почти в центре холма и ничем не выдавала своего наличия, — только входное отверстие зияло черной ямой. Решено было расчистить лестницу и заложить два шурфа внутри водохранилища с тем, чтобы выявить историю ее возникновения и периоды ремонтов.

Вне крепости с западной ее стороны был заложен шурф № 6 уже на территории города для исследования его культурных слоев. Наличие вала на территории между холмами и крепостью возбудило вопрос

ри. Назначение их неизвестно. Присутствие их на этой площади объясняется, очевидно, приносом для использования в хозяйственных целях с бугров Анау.

В результате проведенного сбора подъемного материала можно было придти к следующим заключениям:

1. Места поселений парфянского периода очевидно были возле южного кургана — на его шлейфе и, может быть, на самой крепости Анау.

2. В последующие эпохи жизнь сосредоточилась на холме, где находятся остатки крепостных стен позднего периода и мечеть XV в. и ближайшей прилегающей к нему территории. Наиболее интенсивные периоды в жизни поселения падают на IX — X и на XIII — XV вв.

3. В период XVIII — XIX вв. жизнь переместилась за пределы холма и возле него раскинулся своеобразный город. Керамика этого периода сосредоточена на площади города и очень малочисленна в крепости, которая очевидно была уже только убежищем в дни осады и местом почитания находящихся там святынь в дни мира.

После предварительной рекогносцировки крепости и городища, сбора подъемного археологического материала, решено было заложить несколько шурфов на территории крепости, города, а в дальнейшем на шлейфе Южного кургана и на линии «вала», идущего от западной окраины крепости на Северный курган. Шурфы были заложены в местах, наиболее интересных с археологической и историко-топографической точки зрения. Все они имели одну задачу — выявить стратиграфию слоев с тем, чтобы положить начало отражению жизни крепости вплоть до ее запустения.

Шурф № 1 был заложен несколько северо-восточнее портала мечети на краю большой «впадины» — хауза, чтобы выяснить, не было ли двора у здания мечети, проследить стратиграфию слоев и сопоставить их с другими шурфами, более отдаленными от мечети.

Шурф № 2, заложенный в самой нижней части впадины, имел целью выяснить наличие здесь предполагаемого хауза и подтвердить или отвергнуть эту версию.

Место шурфа № 3 на северной окраине крепости у динга определилось повышением местности и наличием как бы улицы близ динга. Хотелось выявить жилой объект на территории крепости.

У мазара шейха Мауда на СВ крепости расположился шурф № 4. Здесь предполагалось проследить возможные остатки фундаментов более древних культовых сооружений. Для изучения крепостной стены была сделана расчистка ее на северной окраине недалеко от шурфа № 3. Отряд VII, работавший над историей и архитектурой мечети Анау, заложил 3 шурфа—один внутри мечети и два около ее портала.

Большой интерес для истории крепости представляло изучение сардобы, которая находилась почти в центре холма и ничем не выдавала своего наличия, — только входное отверстие зияло черной ямой. Решено было расчистить лестницу и заложить два шурфа внутри водохранилища с тем, чтобы выявить историю ее возникновения и периоды ремонтов.

Вне крепости с западной ее стороны был заложен шурф № 6 уже на территории города для исследования его культурных слоев. Наличие вала на территории между холмами и крепостью возбудило вопрос

ри. Назначение их неизвестно. Присутствие их на этой площади объясняется, очевидно, приносом для использования в хозяйственных целях с бугров Анау.

В результате проведенного сбора подъемного материала можно было придти к следующим заключениям:

1. Места поселений парфянского периода очевидно были возле южного кургана — на его шлейфе и, может быть, на самой крепости Анау.

2. В последующие эпохи жизнь сосредоточилась на холме, где находятся остатки крепостных стен позднего периода и мечеть XV в. и ближайшей прилегающей к нему территории. Наиболее интенсивные периоды в жизни поселения падают на IX — X и на XIII — XV вв.

3. В период XVIII — XIX вв. жизнь переместилась за пределы холма и возле него раскинулся своеобразный город. Керамика этого периода сосредоточена на площади города и очень малочисленна в крепости, которая очевидно была уже только убежищем в дни осады и местом почитания находящихся там святынь в дни мира.

После предварительной рекогносцировки крепости и городища, сбора подъемного археологического материала, решено было заложить несколько шурфов на территории крепости, города, а в дальнейшем на шлейфе Южного кургана и на линии «вала», идущего от западной окраины крепости на Северный курган. Шурфы были заложены в местах, наиболее интересных с археологической и историко-топографической точки зрения. Все они имели одну задачу — выявить стратиграфию слоев с тем, чтобы положить начало отражению жизни крепости вплоть до ее запустения.

Шурф № 1 был заложен несколько северо-восточнее портала мечети на краю большой «впадины» — хауза, чтобы выяснить, не было ли двора у здания мечети, проследить стратиграфию слоев и сопоставить их с другими шурфами, более отдаленными от мечети.

Шурф № 2, заложенный в самой нижней части впадины, имел целью выяснить наличие здесь предполагаемого хауза и подтвердить или отвергнуть эту версию.

Место шурфа № 3 на северной окраине крепости у динга определилось повышением местности и наличием как бы улицы близ динга. Хотелось выявить жилой объект на территории крепости.

У мазара шейха Мауда на СВ крепости расположился шурф № 4. Здесь предполагалось проследить возможные остатки фундаментов более древних культовых сооружений. Для изучения крепостной стены была сделана расчистка ее на северной окраине недалеко от шурфа № 3. Отряд VII, работавший над историей и архитектурой мечети Анау, заложил 3 шурфа—один внутри мечети и два около ее портала.

Большой интерес для истории крепости представляло изучение сардобы, которая находилась почти в центре холма и ничем не выдавала своего наличия, — только входное отверстие зияло черной ямой. Решено было расчистить лестницу и заложить два шурфа внутри водохранилища с тем, чтобы выявить историю ее возникновения и периоды ремонтов.

Вне крепости с западной ее стороны был заложен шурф № 6 уже на территории города для исследования его культурных слоев. Наличие вала на территории между холмами и крепостью возбудило вопрос

ри. Назначение их неизвестно. Присутствие их на этой площади объясняется, очевидно, приносом для использования в хозяйственных целях с бугров Анау.

В результате проведенного сбора подъемного материала можно было придти к следующим заключениям:

1. Места поселений парфянского периода очевидно были возле южного кургана — на его шлейфе и, может быть, на самой крепости Анау.

2. В последующие эпохи жизнь сосредоточилась на холме, где находятся остатки крепостных стен позднего периода и мечеть XV в. и ближайшей прилегающей к нему территории. Наиболее интенсивные периоды в жизни поселения падают на IX — X и на XIII — XV вв.

3. В период XVIII — XIX вв. жизнь переместилась за пределы холма и возле него раскинулся своеобразный город. Керамика этого периода сосредоточена на площади города и очень малочисленна в крепости, которая очевидно была уже только убежищем в дни осады и местом почитания находящихся там святынь в дни мира.

После предварительной рекогносцировки крепости и городища, сбора подъемного археологического материала, решено было заложить несколько шурфов на территории крепости, города, а в дальнейшем на шлейфе Южного кургана и на линии «вала», идущего от западной окраины крепости на Северный курган. Шурфы были заложены в местах, наиболее интересных с археологической и историко-топографической точки зрения. Все они имели одну задачу — выявить стратиграфию слоев с тем, чтобы положить начало отражению жизни крепости вплоть до ее запустения.

Шурф № 1 был заложен несколько северо-восточнее портала мечети на краю большой «впадины» — хауза, чтобы выяснить, не было ли двора у здания мечети, проследить стратиграфию слоев и сопоставить их с другими шурфами, более отдаленными от мечети.

Шурф № 2, заложенный в самой нижней части впадины, имел целью выяснить наличие здесь предполагаемого хауза и подтвердить или отвергнуть эту версию.

Место шурфа № 3 на северной окраине крепости у динга определилось повышением местности и наличием как бы улицы близ динга. Хотелось выявить жилой объект на территории крепости.

У мазара шейха Мауда на СВ крепости расположился шурф № 4. Здесь предполагалось проследить возможные остатки фундаментов более древних культовых сооружений. Для изучения крепостной стены была сделана расчистка ее на северной окраине недалеко от шурфа № 3. Отряд VII, работавший над историей и архитектурой мечети Анау, заложил 3 шурфа—один внутри мечети и два около ее портала.

Большой интерес для истории крепости представляло изучение сардобы, которая находилась почти в центре холма и ничем не выдавала своего наличия, — только входное отверстие зияло черной ямой. Решено было расчистить лестницу и заложить два шурфа внутри водохранилища с тем, чтобы выявить историю ее возникновения и периоды ремонтов.

Вне крепости с западной ее стороны был заложен шурф № 6 уже на территории города для исследования его культурных слоев. Наличие вала на территории между холмами и крепостью возбудило вопрос

ри. Назначение их неизвестно. Присутствие их на этой площади объясняется, очевидно, приносом для использования в хозяйственных целях с бугров Анау.

В результате проведенного сбора подъемного материала можно было придти к следующим заключениям:

1. Места поселений парфянского периода очевидно были возле южного кургана — на его шлейфе и, может быть, на самой крепости Анау.

2. В последующие эпохи жизнь сосредоточилась на холме, где находятся остатки крепостных стен позднего периода и мечеть XV в. и ближайшей прилегающей к нему территории. Наиболее интенсивные периоды в жизни поселения падают на IX — X и на XIII — XV вв.

3. В период XVIII — XIX вв. жизнь переместилась за пределы холма и возле него раскинулся своеобразный город. Керамика этого периода сосредоточена на площади города и очень малочисленна в крепости, которая очевидно была уже только убежищем в дни осады и местом почитания находящихся там святынь в дни мира.

После предварительной рекогносцировки крепости и городища, сбора подъемного археологического материала, решено было заложить несколько шурфов на территории крепости, города, а в дальнейшем на шлейфе Южного кургана и на линии «вала», идущего от западной окраины крепости на Северный курган. Шурфы были заложены в местах, наиболее интересных с археологической и историко-топографической точки зрения. Все они имели одну задачу — выявить стратиграфию слоев с тем, чтобы положить начало отражению жизни крепости вплоть до ее запустения.

Шурф № 1 был заложен несколько северо-восточнее портала мечети на краю большой «впадины» — хауза, чтобы выяснить, не было ли двора у здания мечети, проследить стратиграфию слоев и сопоставить их с другими шурфами, более отдаленными от мечети.

Шурф № 2, заложенный в самой нижней части впадины, имел целью выяснить наличие здесь предполагаемого хауза и подтвердить или отвергнуть эту версию.

Место шурфа № 3 на северной окраине крепости у динга определилось повышением местности и наличием как бы улицы близ динга. Хотелось выявить жилой объект на территории крепости.

У мазара шейха Мауда на СВ крепости расположился шурф № 4. Здесь предполагалось проследить возможные остатки фундаментов более древних культовых сооружений. Для изучения крепостной стены была сделана расчистка ее на северной окраине недалеко от шурфа № 3. Отряд VII, работавший над историей и архитектурой мечети Анау, заложил 3 шурфа—один внутри мечети и два около ее портала.

Большой интерес для истории крепости представляло изучение сардобы, которая находилась почти в центре холма и ничем не выдавала своего наличия, — только входное отверстие зияло черной ямой. Решено было расчистить лестницу и заложить два шурфа внутри водохранилища с тем, чтобы выявить историю ее возникновения и периоды ремонтов.

Вне крепости с западной ее стороны был заложен шурф № 6 уже на территории города для исследования его культурных слоев. Наличие вала на территории между холмами и крепостью возбудило вопрос

ри. Назначение их неизвестно. Присутствие их на этой площади объясняется, очевидно, приносом для использования в хозяйственных целях с бугров Анау.

В результате проведенного сбора подъемного материала можно было придти к следующим заключениям:

1. Места поселений парфянского периода очевидно были возле южного кургана — на его шлейфе и, может быть, на самой крепости Анау.

2. В последующие эпохи жизнь сосредоточилась на холме, где находятся остатки крепостных стен позднего периода и мечеть XV в. и ближайшей прилегающей к нему территории. Наиболее интенсивные периоды в жизни поселения падают на IX — X и на XIII — XV вв.

3. В период XVIII — XIX вв. жизнь переместилась за пределы холма и возле него раскинулся своеобразный город. Керамика этого периода сосредоточена на площади города и очень малочисленна в крепости, которая очевидно была уже только убежищем в дни осады и местом почитания находящихся там святынь в дни мира.

После предварительной рекогносцировки крепости и городища, сбора подъемного археологического материала, решено было заложить несколько шурфов на территории крепости, города, а в дальнейшем на шлейфе Южного кургана и на линии «вала», идущего от западной окраины крепости на Северный курган. Шурфы были заложены в местах, наиболее интересных с археологической и историко-топографической точки зрения. Все они имели одну задачу — выявить стратиграфию слоев с тем, чтобы положить начало отражению жизни крепости вплоть до ее запустения.

Шурф № 1 был заложен несколько северо-восточнее портала мечети на краю большой «впадины» — хауза, чтобы выяснить, не было ли двора у здания мечети, проследить стратиграфию слоев и сопоставить их с другими шурфами, более отдаленными от мечети.

Шурф № 2, заложенный в самой нижней части впадины, имел целью выяснить наличие здесь предполагаемого хауза и подтвердить или отвергнуть эту версию.

Место шурфа № 3 на северной окраине крепости у динга определилось повышением местности и наличием как бы улицы близ динга. Хотелось выявить жилой объект на территории крепости.

У мазара шейха Мауда на СВ крепости расположился шурф № 4. Здесь предполагалось проследить возможные остатки фундаментов более древних культовых сооружений. Для изучения крепостной стены была сделана расчистка ее на северной окраине недалеко от шурфа № 3. Отряд VII, работавший над историей и архитектурой мечети Анау, заложил 3 шурфа—один внутри мечети и два около ее портала.

Большой интерес для истории крепости представляло изучение сардобы, которая находилась почти в центре холма и ничем не выдавала своего наличия, — только входное отверстие зияло черной ямой. Решено было расчистить лестницу и заложить два шурфа внутри водохранилища с тем, чтобы выявить историю ее возникновения и периоды ремонтов.

Вне крепости с западной ее стороны был заложен шурф № 6 уже на территории города для исследования его культурных слоев. Наличие вала на территории между холмами и крепостью возбудило вопрос

о его происхождении, так как это имело отношение уже к исторической топографии района. Решено было сделать два разреза по валу.

При обследовании шлейфа Южного кургана в учебных окопах был найден интереснейший комплекс керамики, близкой по типу к керамике парфянских слоев на Новой Нисе. Такая находка побудила к закладке небольшого раскопа на этом месте.

Углубление шурфа № 1 дало ряд интересных наблюдений. Первый слой, мощностью в 2 м содержал керамический материал, очень перемешанный в хронологическом отношении и только находка медного фулюса XVII в. на глубине 1,5 м дала возможность датировать эти слои временем не ранее XVII в. Дальнейшее углубление дало чистый материал XV в. в слое двухметровой мощности. Это была керамика с черепком из мягкого кашина с синей подглазурной росписью по белому фону, большое количество кирпичного боя, кусков алебастра и несколько фрагментов закраинок кашинных изразцов. Такой материал дал основание предположить, что эти слои относятся к периоду строительства мечети, т. е. ко второй половине XV в.[32]). Ниже в шурфе № 1 шел полутораметровый слой с керамикой XIII — XIV вв. (красноглиняный черепок, роспись черными контурами по темноголубому и грязнобелому фону). При дальнейшем заглублении встречена керамика, характерная для периода IX — X вв. — чаши со стилизованными изображениями птиц с геометрическим орнаментом, выполненным черными контурами по желторозовому фону с вкраплениями желтых расплывшихся пятен. После этого периода, прослеживающегося четко в слое до 1,5—2 м глубины, идет слой с неполивной керамикой раннемусульманского типа, а на глубине 9,5—10 м встречены фрагменты красноглиняной плоскодонной керамики, относящиеся к периоду, предшествовавшему арабскому завоеванию (фрагментарность находок не позволяет датировать их более точно).

Шурф № 2, заложенный недалеко от шурфа № 1 на дне так называемого «хауза», подтвердил предположение о наличии водоема в этом месте. Верхние слои дали представление о периоде запустения его, когда водоем не чистился и постоянно засорялся. За это говорит огромное количество костей животных, булыжника, кирпичного боя и фрагментов толстостенных сосудов и крышек от них. Керамика эта позднего времени — XVIII — XIX вв., она характеризуется очень недоброкачественной поливой и тусклой гаммой сероватозеленых, серых, голубовато-серых, грязночерных тонов. Весь этот материал заключен в слой плотных глинистых отложений комковатой структуры. Местами эти отложения проработаны бесчисленными ходами насекомых, что дало повод предположить здесь наличие органических веществ.

Этот слой залегал до глубины 2—2,5 м. Под ним находится плотная супесь, в которой были найдены фрагменты керамики XII в., а небольшой сероглиняный кувшинчик XII в. с процарапанным геометрическим орнаментом лежал еще ниже в слое суглинка, который идет на глубину 3—3,5 м. Находки керамики в нем немногочисленны. Интересно, что в восточной стороне слой этот рассекала трещина, которая в наиболее широкой части достигала 2,5—3 см., а в длину тянулась на 2 м. По определению геолога В. И. Шумова, эта трещина образовалась во время землетрясения.

В нижней своей части суглинок лежал на поперечном разрезе дна протока, который характеризовался песчаной линзой и наличием мелкой окатанной гальки. Ниже этого русла лежит чистая супесь, которая по своей структуре совершенно отлична от вышележащих глинистых плотно слежавшихся напластований и заключает в себе очень небольшое количество неполивной керамики из красной глины VII—VIII вв.

Небезинтересно отметить, что вертикальные трещины в слоях имелись и в шурфе, заложенном внутри мечети[33]).

Шурф № 3, заложенный на северной окраине на глубину 3—3,5 м, как и предыдущие шурфы дал хронологически разновременный материал, где наряду с тяжелыми формами и тусклой гаммой поздней керамики встречались фрагменты с XII до XVII вв. включительно. Очень интересен фрагмент тарелки конца XV — начала XVI в. из твердого розоватого кашина с изображением китайских по характеру облаков и мчащегося среди них коня. Выразительный рисунок сделан черными контурами с заполнением кобальтовой краской на белом фоне. До глубины 1,5 м шла супесь, в верхней части превратившаяся в селитроносную пушонку.

В северо-западном углу шурфа была обнаружена кладка из сырцового кирпича размером 25 × 25 × 5 с бороздой посередине. Кладка состояла из 11 рядов и кончилась на глубине 0,9 м. Очевидно, это были остатки нижней части стены жилой или хозяйственной постройки. Ниже кладки следовал завал из булыжника, сырца и жженого кирпича.

Под слоем уплотненной супеси на глубине 3,30 м от дневной поверхности выявилась мусорная яма, заполненная очень рыхлой землей с селитрой, углями и золой. Эта яма дала очень интересный комплекс керамики, который хронологически определяется XIII в. Он легко датируется, так как характер этой керамики уже хорошо известен по материалам, выявленным ЮТАКЭ в 1946 г. на Новой Нисе. В этом же комплексе найден железный наконечник стрелы монгольского типа.

Керамика дополнена еще и предметами гончарного производства — конуса и сипая. Сипая или «трехножки» и конуса служили для отделения сосудов друг от друга при установке их штабелями в печи. Таким образом, шурф, очевидно, прорезал отвал ремесленника — гончара.

Посуда в основном неполивная, грубоватая по форме, толстостенная, из белой и желтокрасной глины. По преимуществу хозяйственного назначения — широкогорлые банки, хумы, кувшины. Дно плоское или с выемкой. Встречается и поливная: чаши, блюда, кувшины и тагара. Преобладает глухая полива в зеленой гамме, начиная от чернозеленого до более светлого. Изредка встречается голубая. Орнаментальное оформление разнообразно — типичны черные розетки и рыбки на темноголубом фоне, радиальные композиции. Часто встречается беловатый фон с расплывами фиолетовых пятен из-под черного орнамента. Донца на кольцевых поддонах.

Интересно наличие в этом комплексе фрагментов со стекловидной золотисто — и темнокоричневой поливой, грубоватой по качеству. Фрагменты с такой, но более совершенной по фактуре поливой встречены и в шурфах у мечети, где они датируются XV в. Кроме того, по находкам на Новой Нисе известно употребление коричневых полив уже для X в. (Сардова). Комплекс из шурфа № 3 указывает на распростра-

нение в XIII в. подобных желтокоричневых полив, видимо типичных именно для северно-хорасанской керамической группы.

Встречен ряд бронзовых и железных поделок — бубенчик, часть зеркала, ашичка, гвозди и болты, немного стекла. Яма шла вглубь на 2 м. Ниже лежал слой плотной супеси с включениями грубой неполивной керамики.

Чем ниже, тем плотнее были слои и реже встречалась керамика. На глубине 10 м встречены фрагменты плоскодонных красноглиняных сосудов с тщательно сделанным черепком периода первых веков нашей эры, их было немного, но все же они — свидетельство пребывания здесь человека и в те отдаленные времена.

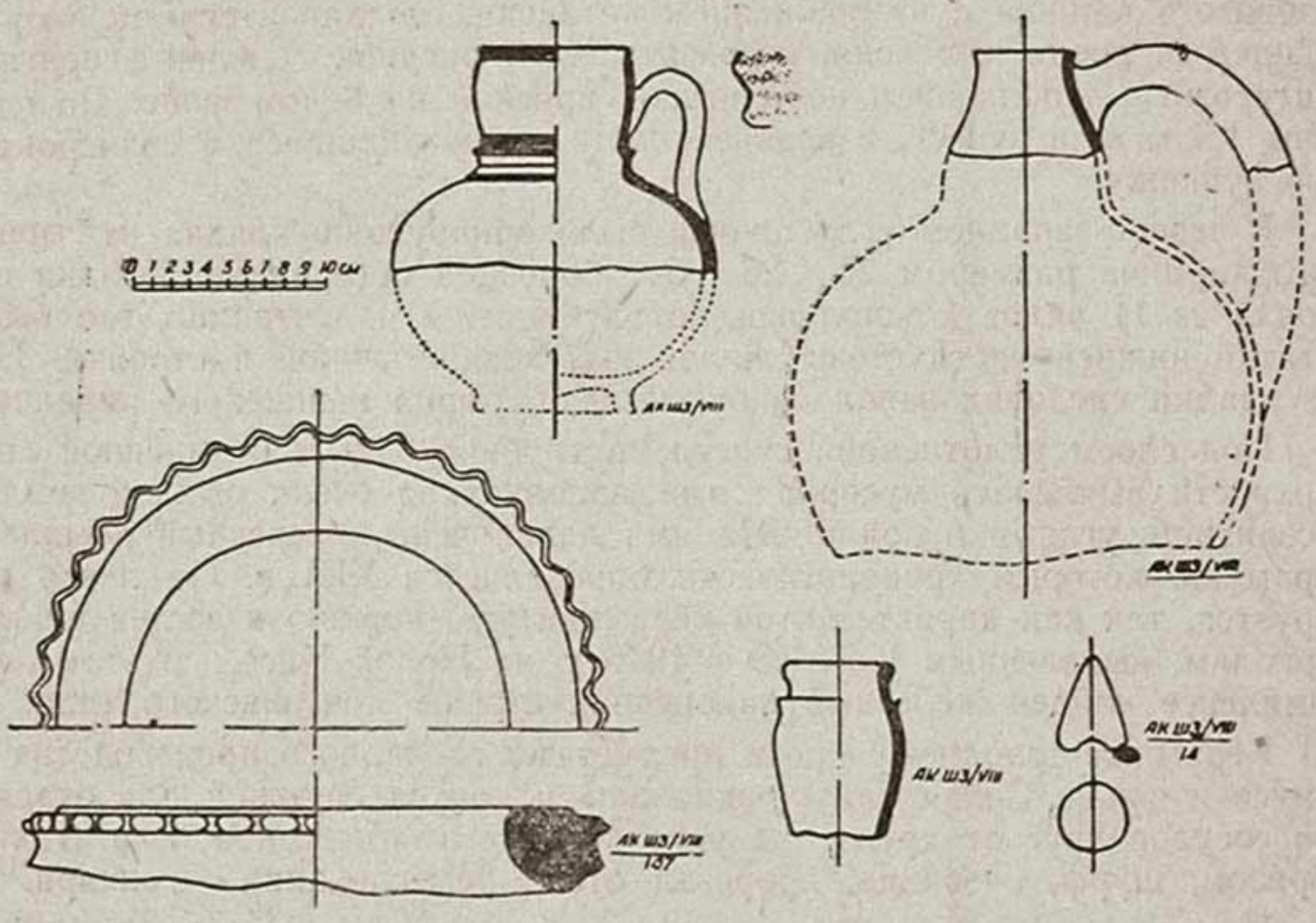


Рис. 12. Неполивная керамика из шурфа № 3

Комплекс керамики из ямы довольно грубый по качеству в своем большинстве, характеризует керамическое производство средневекового Анау, как провинциальное производство, рассчитанное на внутреннее потребление, на удовлетворение хозяйственных нужд маленького поселения, где нет широкого рынка и богатого потребителя.

Возможно, что потребности в художественной и богатой посуде удовлетворялись привозом из Нисы, бывшей, как это установлено ЮТАКЭ, крупным центром гончарного производства, а бытовую посуду не было смысла возить и ее изготовляли на месте.

Наличный состав посуды — тагара, хумы, хумча, пиалы, каса, кувшины, тарелки — не содержат изделий с тонким черепком и орнаментальной отделкой. Вся она, как видно, предназначена для обихода среднего обывателя, который не мог приобретать более роскошной посуды.

Расположенный у мазара Шейха-Мауда, в углублении перед его входсм, шурф № 4 прошел наполовину по дудке засыпанного колодца, причем слои вынимаемой земли были с большим количеством гальки: очевидно, когда-то вынутая с больших глубин земля осыпалась с откосов внутрь колодца.

После консультации геолога В. И. Шумова решено было приостановить углубление шурфа. Любопытно, что ряд лиц, посещавших Анау, отмечал наличие колодца на крепости; то же подтверждают и старожилы Анау[34]).

Этот шурф дал ряд интересных находок, — кувшин с темнозеленой стекловидной поливой внутри и снаружи. Сосуд этот по форме напоминает крынку, но более приземист по пропорциям, дно плоское. Тагара больших размеров: Д дна-30 см высота 12 см; полива темноголубого цвета; на дне сосуда геометризованная розетта, а на боковой плоскости мотив «ислими»; рисунок исполнен черными контурными линиями. Декоративная плитка со штампованным орнаментом и голубой поливой.

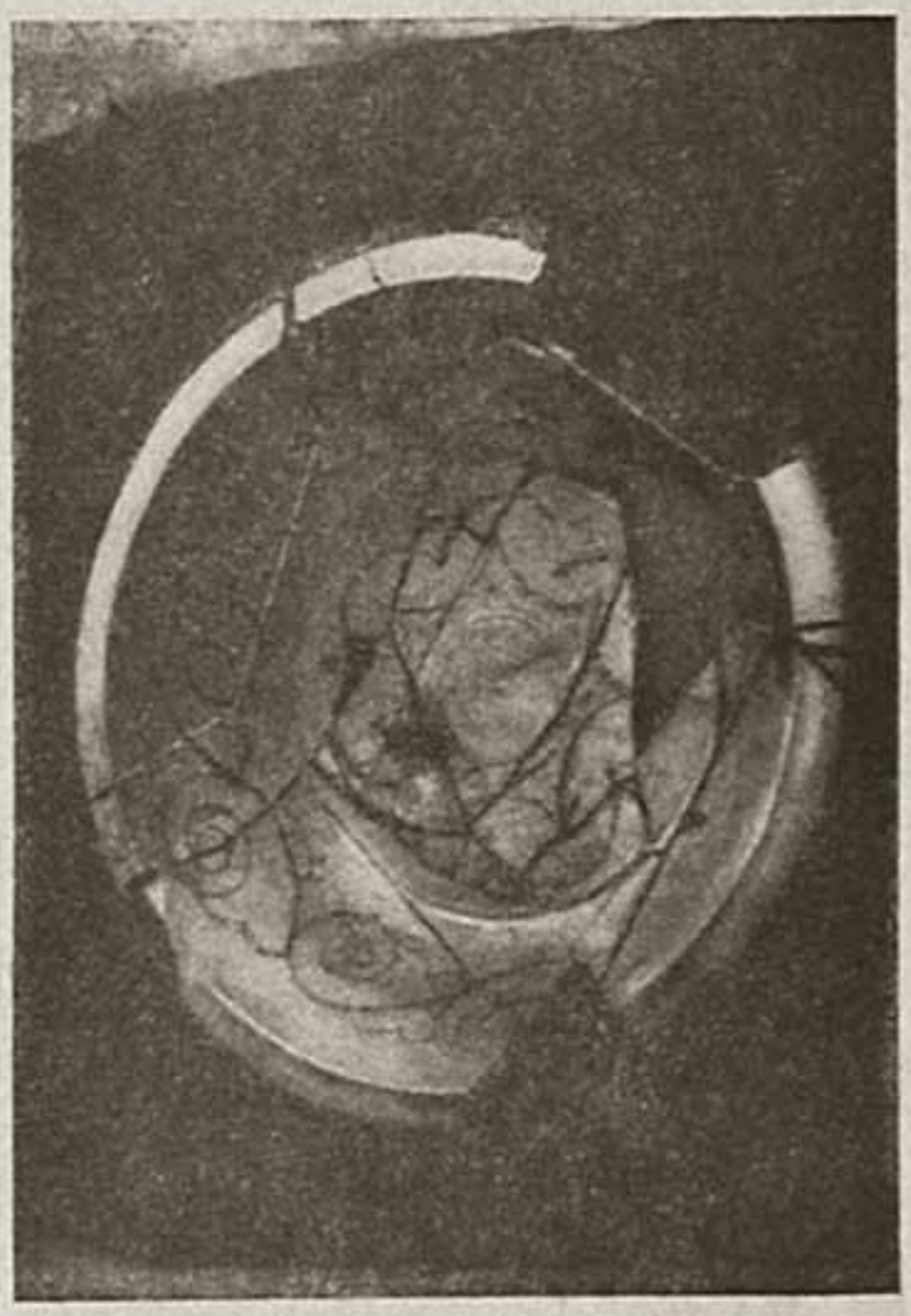


Рис. 13. Тагара XIV в.

Все эти предметы датируются XIV в. Весма вероятно, что колодец функционировал до этого времени, а потом иссяк и был засыпан. Колодец же, который упоминают авторы, может быть, следует еще поискать в других местах крепости.

Кроме этих четырех шурфов, заложенных в пределах крепости был заложен шурф на территории города под № 6. Шурф дал большую толщу культурно-ирригационного слоя с малыми включениями фрагментов керамики. Углубление на трехметровую глубину дало одну картину на всем протяжении— культурно-ирригационный слой, пронизанный вертикалями капилляров с небольшим количеством керамики в верхних слоях.

Это наблюдение дает основание предполагать наличие давней земледельческой культуры в данном районе и не такое тесное обживание, как на крепости.

Археологическому вскрытию была подвергнута и крепостная стена — площадка № 5. Сделана была расчистка от гребня оплыва до рва по наружному ее профилю. Расчистка показала, что стена в верхней ее части сложена из кирпича-сырца размерами 25×25×5 с бороздой посередине, того же типа, что и кирпич на городских постройках. Вскрыли стену на ширину 4,5 м. Остаток кирпичной кладки в цоколь-

ной части сохранился до 2 м, ниже идет булыжная кладка вперемежку с кирпичом. Кирпичная стена имеет в виде основания пахсовый монолит мощностью 3,40 м; очевидно, это остатки более древней стены. В нижней части пахсы имеется выступ, в котором нашли вмазанный хум. Над хумом пахса покрыта норками маленьких грызунов и насекомых.

Высота хума — 80 см, диаметр горла — 35 см, диаметр наиболее широкой части тулова — 55 см. Внутри он был заполнен землей и фрагментами грубой неполивной керамики, а на самом дне обнаружена беловатая сыпучая масса, очевидно, остатки переработанных насекомыми съедобных веществ. Он предназначался для хозяйственных целей. Наличие его в крепостной стене говорит за то, что в известные периоды, очевидно в XIII — XV вв. стена обживалась; на ней лепились жилища и хозяйственные постройки[35]). В ней не было необходимости как в оборонительном сооружении и площадь перед нею, да и она сама использовались рачительными хозяевами.

М. Е. Массон обратил внимание на большое значение этого факта, так как шурфы у мечети в противоположной стороне крепости показали тоже явление запустения стен и их разрушения. Таким образом, мечеть не нарушила целостность стен, не врезалась чужеродным телом в крепость, а расположилась на месте запустевших разрушенных стен, став архитектурной доминантой для поселения.

Оплывы, снятые при расчистке этого куска стены, состояли из уплотненных завалов, — внизу мелкого материала с включениями булыг и обломков кирпичей в средней части и над ней слой уплотненного завала, чередующийся со слоем, содержащим целый и обломочный кирпич-сырец.

Рис. 18. Хум в раскопе № 5.

Можно проследить два периода крупных разрушений, когда падали отдельные части стен, и три этапа постепенного накопления разрушенного материала. Стена за период своего существования до окончательного запустения города, очевидно, не раз ремонтировалась и надстраивалась в своей верхней части, так что верхние слои стратиграфического разреза дают нам картину последнего периода разрушения стен.

Нижняя часть стены обработана в виде ступеней в 1 м и 1,75 м высотой. Все эти выступы одеты булыжником на глиняном растворе. Последняя ступень ведет в ров. Глубина рва установлена примерно около 6 м, считая от современного уровня местности. Высота сохранившейся части стены равна 10 м до рва; учитывая, что верхняя часть стены, т. е. собственно стена, сохранилась только в своей цокольной части,

нужно еще прибавить 3—4 м и тогда мы получим внушительную цифру в 14 м.

Отсюда очевидно, что эта небольшая крепость была достаточно серьезным препятствием для врагов. Она доминировала над окружающей местностью, имела запасы воды и могла долго держаться в случае осады.

Находки на шлейфе южного бугра Анау и в котловине близ него представили большой интерес и вызвали предположение о поселении или стоянке парфянского периода в этом районе. Вскрытие, проведенные М. С. Мерщиевым на небольшой территории в 3,5 м², захватило учебные окопы и отвалы земли от них.

Изучение отвалов и выем земли с археологической площадки дали очень интересный комплекс керамики, где наряду с парфянской встречалась и керамика типа Анау-IV. Удалось собрать несколько сосудов, которые отличаются разнообразием форм.

Керамика характеризуется прекрасным, хорошо обожженным черепком из тонко-отмученной глины красного или кремового цвета. Все сосуды, за исключением кухонных, сделаны на гончарном круге с хорошей отделкой. Поверхность их иногда покрыта ангобом белого цвета или лощением по основному фону черепка. Все находки были заключены в слое плотного суглинка и сконцентрированы вместе, что напоминало мусорную яму. По окончании выборки всего материала раскоп был приостановлен.

Одновременно с этим раскопом было проведено и археологическое вскрытие впервые отмеченного ЮТАКЭ вала, тянущегося на северо-восток от Южного кургана к крепости. Разрезы по валу были сделаны в двух местах: 1) в 250 м на северо-восток от Южного кургана, 2) в 400 м на северо-восток от Южного кургана. Вал этот тянется невысокой расплывчатой грядой с несколькими перерывами. Яснее он читается на местности близ курганов и теряется не доходя крепости.

Первый разрез показал, что гребень вала возвышается над местностью на 1,5 м. Верхние слои в 0,5 м толщиной дали дерновый слой и суглинок, сильно проработанный корнями растений. Под ним лежал очень уплотненный суглинок, прорезанный вертикальными трещинами с промежутками в 70—80 см между ними, что наводило на мысль о пахсовых блоках. Разрез дал очень небольшое количество грубой красноглиняной керамики, причем она была найдена преимущественно в поверхностном слое.

Второй разрез по валу был сделан в его наиболее возвышенной части на 130 м восточнее первого, причем повторил ту же картину — керамика только в поверхностном слое, а ниже идет чистый суглинок также прорезанный вертикальными трещинами, которые могли быть вызваны действием воды или деятельностью насекомых, мелких грызунов и растений. Геолог В. И. Шумов, вызванный по окончании вскрытия, высказал предположение о естественном происхождении вала, но весьма возможно, что он был создан человеком в пору применения здесь лиманного орошения.

На основании материала, полученного в результате археологических вскрытий на территории крепости и собранного подъемного материала можно утвердительно говорить о длительном периоде обживания территории крепости. Культурные наслоения здесь прослежены до глу-

бины 10—11 м. По техническим условиям было невозможно дальнейшее углубление, но несомненно, что культурные остатки были и ниже. Из этого следует закономерный вывод, что весь холм является результатом деятельности человека.

Период до арабского завоевания представлен пока очень фрагментарным материалом из шурфов, который не дает возможности более точного хронологического определения. Для этого необходимо было бы более широкое вскрытие площади. Правда, сам крепостной холм своим планом достаточно красноречиво говорит о большой древности поселения. В. Чепелев указывает, что круглые планы как зданий, так и городов восходят к архитектурной форме кромлеха[36]). Немало древних поселений Средней Азии и городов Востока имеют круглые или овальные планы[37]). Однако такой план часто встречается и в средние века, но здесь он вызван или утилитарной необходимостью, или условиями местности, а иногда продиктован более древней подосновой, лежащей под ним. Для городища же Анау мы имеем не просто овальный план, а, как указывалось выше, многогранник.

А. А. Марущенко отождествлял Гатар с крепостным холмом Анау, указывая что «археологическое изучение района не дает ни одной точки, кроме указанной, которую мы могли бы учесть при анализе данных дорожника»[38]). Не располагая хронологически четко определившейся парфянской керамикой с Нисы, он проектировал керамический материал раскопок на холме на керамику с городища Гяур-Кала Старого Мерва.ЮТАКЭ в настоящее время располагает достаточным материалом с Нисы, чтобы не обращаться к дальним аналогиям, а рассмотреть этот вопрос в свете новейших данных с места.

Богатейший материал предпарфянского периода дало вскрытие на шлейфе Южного кургана. Этот факт, дает основание полагать, что именно здесь было расположено поселение, предшествовавшее аршакидскому времени. На шлейфе Южного кургана встречается керамика культуры Анау-IV, которую Р. Пампелли относил к 450 г. до н. э.—170 г. н. э., а А. А. Марущенко (Анау—IV у него А—XII) к VII—VI вв. до н. э.

Учитывая большую близость керамических комплексов Анау IV с раннепарфянской керамикой встает возможность передатировки этой керамики в сторону замоложения, а для этого необходимо поставить вопрос о больших археологических работах на Южном бугре, чтобы обосновать это принципиально важное положение, выяснить окончательно характер его культур и их положение в хронологической шкале.

Период первых веков после арабского завоевания на городище Анау дает по преимуществу неполивную красноглиняную керамику иногда с белым ангобом. Мощность этого слоя — 1,5—2 м.

Хорошо представлен и в подъемном материале и в материале с археологических площадок № 1 и № 2 период IX — X вв. Мощность слоя доходит до 1,5 м. Но возможно, что жизнь в этот период концентрировалась на южной окраине крепости, так как в шурфе № 3 и № 4 этот период не дает определенного слоя, а представлен небольшим количеством фрагментов. Это смещение селитьбы подтверждается подъемным материалом этой эпохи, который был сосредоточен по преимуществу в районе мечети.

Слабо представлен археологическими данными период XI—XII вв. Фрагментарный материал этого времени пока дали шурфы № 1 и 3. Выпадение XI — XII в. из стратиграфических разрезов в шурфах не является случайным. Ту же картину дает нам и подъемный материал. На Новой Нисе XI—XII вв. представлены прекрасными комплексами керамики, следовательно, для Новой Нисы этот период был периодом достаточно выраженной жизни на ее территории. Однако, для Анау он вероятно не явился временем расцвета. Самую обильную по количеству керамику и самые мощные слои дал период с конца XIII до XVI вв. XIII — XIV вв. представлены в шурфах № 1, 3, 4; мощность слоев достигает 1,5—2 м. Керамика представлена как поливными, так и неполивными образцами. В это время Ниса оправилась от последствий монгольского нашествия. Общий расцвет области коснулся и Анау, который живет в это время полной жизнью провинциального городка, имея даже и свои очаги ремесленного производства.

XV столетие явилось временем расцвета для Анау, что подтверждается не только обильным керамическим материалом, как подъемным, так и полученным в результате археологических вскрытий, но и наличием памятников архитектуры и инженерного искусства на территории крепости. Городок процветал, хотя стены его крепости не восстанавливались и находились в состоянии заброшенности. За это говорят результаты наблюдений за разрезом стены и шурфы у мечети, которая была построена на месте разрушенных стен.

Почти напротив мечети, в 150—170 м от нее на северной стороне хауза находится водохранилище, которое сейчас скрыто под 2—3-метровой толщей завала, состоящего из сырцового кирпича, булыг и продуктов разрушения. Такой же завал находится и внутри. Он заполнил нижнюю часть помещения вплоть до лестничных ступеней. Стены сардоба и купол выложены из плиточного жженого кирпича размером $23 \times 23 \times 4$, 5—5; $24 \times 24 \times 5$; $23 \times 22{,}5 \times 4$ см^3, что совпадает, как указывалось выше, с размерами кирпича в здании мечети. Сардоба в плане представляет собой круг $Д = 6{,}90$ м. Перекрытие купольное, причем высота от пола до замковой части купола равна 6 м. Емкость этого водохранилища 61 м^3.

Керамический материал из завала внутри помещения очень разнообразен, но в основной массе относится к позднему периоду XVII—XVIII вв. Это свидетельствует о том, что сардоба не могла быть построена в это время, а сооружена в более ранний период.

Черепок XIV в., заключенный в кладке стены сардоба, дает нам ясное указание, что здание построено не ранее этого времени, а скорее всего позднее. Можно утвердительно говорить о сооружении здания в XV в., когда расцвет поселения и увеличение числа жителей вызвали необходимость в обеспечении водой на засушливые периоды года более совершенным способом, чем колодцы. Возвышенное-же положение холма не позволяло воспользоваться ирригационной водой.

Постройка такого значительного сооружения, как сардоба, в XVI—XVII вв. исключается ввиду того, что этот период в стратиграфических разрезах отражен очень слабо. То же можно сказать и о более позднем времени XVIII—XIX вв., так как жизнь с территории крепости переместилась в город и была здесь менее интенсивной, потому что кре-

пость использовалась только в периоды осады и была местом средоточия святынь. Имя шейха Джемаль-ед-дина пользовалось большой известностью, что известно из поздних источников по словам Мунис Агехи. Мухаммед Рахим хан (1806—1825) пощадил город от разрушения только из уважения к этой святыне[39]).

Стены крепости на этом последнем этапе ее жизни были восстановлены и мечеть была включена в цепь обороны. Несколько ранее, может быть, в XVII в. по углам ее заднего фасада были пристроены башни [размер кирпича из стен 27 × 25 × 6 см.], но они так и не были достроены, а защитники крепости сделали дополнительно глинобитные стенки, которые в виде оплывов сохранились до сего времени.

Что касается позднего города Анау, то характеристика подъемного материала дает возможность установить период его интенсивной жизни, падающий на XVIII—XIX вв. Более ранние эпохи — XV—XVI вв.— выявлены очень слабо и по преимуществу вблизи от крепости.

В итоге археологических работ мы получили картину жизни города, которая никакими письменными источниками не была зафиксирована. Перед нами проходят периоды зарождения, подъема, спада, нового расцвета и нового затухания. Даже если бы была возможность отождествить город с каким-либо из известных нам по названию населенных пунктов античности и средневековья[40]), то и в этом случае мы не имели бы такой стройной хронологической последовательности в жизни города[41]), которую раскрыло изучение его археологических остатков и культурных напластований.

Несомненно, что и форма крепости, и материал, добытый с больших глубин, и данные этнографического характера свидетельствуют о большой давности обживания и уводят в среднеазиатскую «античность». Возможно, что поселение существовало и в эпоху сасанидов, но археологическим материалом это еще недостаточно выявлено. Дальнейшая жизнь города в период после арабского завоевания предстает в стратиграфических разрезах; значительная толща культурных слоев для IX—X вв. — свидетельство ее интенсивности. К этому времени поселение уже вышло за пределы холма.

Некоторый спад намечается в XI—XII вв., но это еще необходимо уточнить более широкими раскопочными данными. Дальнейшие периоды существования города конца XIII—XIV вв. говорят о его некотором подъеме. Городское пятно занимает все большую территорию, окружив кольцом с запада, юга и востока свое ядро — крепость.

Мощный культурный слой XV — начала XVI вв., как и возведенная в этот период мечеть, говорят о значительных переменах в жизни города. Но и на этот раз источники молчат о городе, памятнике и личности шейха Джемаль-ед-дина. Поиски в этом направлении привели к следующим результатам: А. А. Семенов, приводя сообщение Молла Дурды, склонен думать, что город XV — XVI вв. это и есть «Аби Нау», возникший на развалинах предшествующего периода[42]). Если допустить это толкование, то мы должны найти подтверждение и в источниках. Однако, в перечне городов и селений булюка Нисы, приведенных Хафизи Абру, подобное название не встречается[43]).

Выше указывалось, что в стратиграфическом разрезе нет хронологического перерыва, который говорил бы о предшествовавшем запусте-

нии города; напротив, мы видим, что слои XIII—XIV вв. представлены обильным керамическим материалом.

Д. Д. Букинич, проводя большое исследование в отношении орошаемого первобытного земледелия, останавливался на Анау, отмечая здесь благоприятные условия для лиманного земледелия первобытного человека[44]). Конус выноса ручья Кельтечинар—свидетель многих культур, сменявшихся вплоть до наших дней. Не стремясь определить название города, Д. Д. Букинич полагал, что в силу зафиксированных им природных условий здесь не могла сложиться крупная культура. Искусственное заселение, говорил он, как это имело место в XV в., привело к гибели города[45]). Он полагал, очевидно, что в XV в. город имел те же пределы, в которых мы видим современные развалины. Однако, работы ЮТАКЭ 1947 г. показали, что город XV в., хотя и вышел за стены, все же не достиг размеров города XIX в.

Если оставить в стороне вопрос о размерах, то все же нельзя согласиться с Д. Д. Букиничем в его основном положении, что город погиб из-за невозможности расширить ирригационную систему, вскоре после своего будто бы насильственного возникновения, т. е. в XV в. Вместе с тем, добытые археологические факты и данные исторических источников начала XIX в. говорят о существовании города и его сельскохозяйственных угодий вплоть до XIX в., только в разных объемах для разных эпох.

Археолог А. А. Марущенко отождествлял безыменный город с Багабадом — населенным пунктом, отмечаемым в XVI в. в числе городов, находившихся под управлением Нур-Мухаммеда при шахе Аббасе (1587—1628)[46]).

Багабад несколько раз упоминается в связи с военными столкновениями шаха Аббаса с туркменами[47]). В последний раз это название встречается в правление Надир-шаха (1736—1747)[48]).

Дешифровка А. А. Марушенко дает указание к раскрытию некоторых эпизодов из истории города-крепости в связи с военными замирениями непокорных туркменских племен. Однако, по настоящему «ожить» история Анау может только в свете комплексного изучения вопроса с привлечением археологии, истории и этнографии.

Отождествление А. А. Марущенко спорно, но не невозможно. Но как бы ни назывался этот город, несомненно одно, что поддержание его благосостояния и укрепление его авторитета являлось государственным мероприятием, которое вызывалось политической и экономической необходимостью иметь достаточно сильную опору на границе степей с их неспокойным воинственным населением, чтобы обезопасить свой тыл. В этом аспекте строительство в XV в. мечети являлось одним из приемов усиления значения местности в глазах окрестного населения[49]). Вспомним мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, построенный Тимуром в Туркестане[50]).

Город XVII в. не выражен четко археологическим материалом. Очевидно эпоха кризисов, подготовленная борьбой сефевидов и шейбанидов, захватила его и он был в состоянии упадка. Население южной окраины Хорасана в эту пору было смешанным. Еще в 1958 г. наряду с другими туркменскими племенами источники упоминают и племя али-эли, которое имело свои юрты в областях Дуруна, Нисы и Багабада[51]).

В 1646 г. Абуль-Гази, при проведении реформы, присоединяет джеланров и али-эли к кыятам, которые жили очевидно в районе Мерва[52]). Племя али-эли в период XVII—XIX вв. пополнилось посторонними этническими элементами, в частности, иранскими[53]). Видимо, в этот период происходит и процесс оседания кочевых племен и их приобщения к жизни городского населения.

В правление Надир-шаха (1736—1747) намечается укрепление туркменских племен, в их числе и али-эли, на территории южной Туркмении. Эти племена были, конечно, не только соседями[54]), но и насельниками этих мест и принимали участие в экономической жизни городов и селений. Очевидно, к этому времени относится возрождение поселения в Анау и его экономический подъем. Территория города значительно расширяется в южном направлении[55]).

В отношении племенной принадлежности насельников города трудно высказаться определенно за али-эли, так как имеется ряд сведений, которые говорят об анаули, как о самостоятельной группе, не принадлежащей к этому племени. Наряду с мехинли, мурчали, представители анаули считаются аборигенами страны, осевшими ранее али-элинцев[56]).

Г. И. Карпов, который изучал племя али-эли и посвятил этому специальную работу, в качестве соседей али-элинцев Каахкинского района упоминает анаулинцев, выселенных из Анау[57]). Очевидно он тоже считал их самостоятельной группой. Чтобы решить эту задачу положительно, необходимо в последующем изучить родоплеменной состав анаули.

В начале XIX в. Анау уже отмечается в письменных источниках. Из этих коротких упоминаний можно составить представление об Анау, как о городе сельскохозяйственного типа с торговыми интересами, что подтверждается результатами исследования планировки города и его топографии, изложенными выше. Любопытно, что привилегированная верхушка Анау вела себя с завоевателями очень покорно, высылая представителей с дарами, чтобы умилостивить их и оградить себя от разорения. Такое поведение свидетельствует о том, что знать, обладавшая, очевидно, большим количеством земель, опасалась потерять свое добро. Их богатство не в скоте и пастбищах, а в тех полях и садах, которые они имели и не хотели подвергать превратностям войны.

Из стихотворения уроженки Анау, поэтессы Саиб, «Слезы» мы узнаем, что «это тот Анау, который лежит на месте пересечения семи дорог»[58]); и действительно Анау расположен на скрещении дорог, которые связывают всю подгорную полосу, северный Хорасан и Хиву.

В его жизни был, очевидно, период процветания, когда
«Анау не имел себе равного в мире.
Он, убаюканный свободой, не платил дани никому;
Было время, когда 40000 теке умоляли его о пощаде».

Саиб вспоминает о роскоши злата и серебра, о садах и цветниках, о тысяче дел и искусств своей любимой родины, с которыми она разлучена теперь. Здесь перед нами встает живой город, может быть несколько опоэтизированный, но тем не менее дающий представление о его состоянии к моменту захвата.

Изучение города, его усадьбы и жилой ячейки выявило ряд локальных особенностей как в его планировке, так и в жилье.

Пятно города развивалось, вопреки той схеме, которую наметил В. В. Бартольд, для городов Персии и Туркестана—«тип города... с базарными улицами, пересекавшими город в направлении с запада на восток и с юга на север, с базарной площадью и центральным куполом в месте их пересечения»[59]).

Композиция Анау, как уже отмечено выше, лучевая, а центр его размещается в южном конце города.

Изучение жилища дало возможность констатировать относительно высокое развитие строительного искусства у осевшего племени, применяющего различные конструктивные приемы, правда, еще довольно примитивные. Сочетание жилья и башни на усадьбе — прием оригинальный для Ахала, выделяющий Анау из числа других поселений.

Начало завоевания Ахала связано с именем Кеймир Кера — современника Надир-шаха (1736—1747)[60]). Волна текинцев, которые были вытеснены с Мангышлака и в течение ста лет завоевывали мечом право на земли Ахала[61]), захлестнула и Анау. Из воспоминании жителей современного Анау видно, что анаулинцы дрались с храбростью отчаяния, защищая каждый дом, который был приспособлен к целям обороны. Только полная невозможность отстоять свои земли вынудила их обратиться к последнему оплоту — крепости, где они и выдерживали осаду теке (1860—1861)[62]).

Поэтесса Саиб отмечает героизм осажденных, бившихся двенадцать месяцев с 40 000 теке «...но не сдались многотысячным врагам, пали с честью в неравном бою...»

Беспримерна картина героического поведения осажденных в крепости, которые долгое время выдерживали осаду, будучи отрезанными как от самого города, так и от источника водоснабжения, пользуясь, очевидно, колодцами и сардобой. Ожесточенная борьба закончилась выселением основной массы анаулинцев, которые ушли в котловину Кельтечинар и заключили соглашение с ханом Дерегеза, что они будут заслоном против набегов теке за разрешение жить в этих землях[63]).

Из рассказов же старожилов Анау следует, что завоеванный город был оставлен и теке поселились еще южнее[64]).

Источники второй половины XIX в. отмечают уже наличие туркмен-теке в крепости Анау[65]) в связи с попыткой Персии в 1862 г. захватить крепость.

Процесс оседания теке, начавшийся в XIX—XX вв. вызван был целым рядом политических и экономических причин, из которых немаловажными были — вытеснение текинцев с Мангышлака, недостаток земель для перекочевок, большие потери скота в период завоевания Ахала. Часть населения оседала, превращалась в чомур, т. е. полуоседлых. Переходы из состояния оседлости к кочевому образу жизни были часты. Юрта, чатма и «шамо» являлись основными типами жилищ — они сосуществовали в период перехода к оседлости[66]).

Туркмены-теке, поселившиеся в Анау в XIX в., в советское время представляют вполне оседлое население, занимающееся земледелием (зерновые и огородные культуры). Площади их посевов заходят и за курганы Анау и за крепостной холм (богарная пшеница). Жилище их, несложное по плану, имеет некоторые элементы бытового комфорта — большие окна, печи. Наблюдаются попытки украсить фасад. Широкие предпосылки к росту Анау, как крупного поселения, вновь возникли

лишь в советское время, когда были созданы невиданные прежде условия для экономического развития Туркмении. Расширяются посевные площади; проект Каракумского канала предусматривает орошение безводных до этого территорий; облесняются пустыни, чтобы остановить наступление песков.

Село Анау является, таким образом, лишь одним из участков той гигантской планомерной повсеместной работы, которая проводится в республике за годы Сталинских пятилеток.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мунис Агехи, Фирдаус ул Икбаль. Перевод П: П: Иванова., МИТТ; т. II. стр. 409.

2. Мунис Агехи, Гульмен и Девлет. Перевод П. П. Иванова. МИТТ, т. II, стр. 605.

3. Лессар П. М., Поездка в Серакс. Из Известий ИРГО, т. XVIII, стр. 3—4. Кажется, Лессар имеет в виду какой-то очевидно, уже засыпанный колодец возле мечети.

4. W. S., Закаспийская область в археологическом отношении. Газета «Туркестанские ведомости», 1888, № 25.

5. Марков Е. Россия в Средней Азии, т. 1 СПб., 1901, стр. 242.

6. Гейер И. И., Путеводитель по Туркестану, изд. 1, Ташкент, 1901, стр. 98.

7. Семенов А. А., Варвар в «доме красоты». Газета «Русское слово», 1905, № 167.

8. Семенов А. А., Развалины мечети близ селения Анау в Ахал-текинском оазисе. Оттиск из журнала «Средняя Азия», 1910.

9. Литвинов Б. Л:, О старине в Закаспии: Газета «Туркестанские ведомости», № 186. 1912.

10. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр: 43:

11. Семенов А. А., Некоторые данные к истории мечети в Анау. Оттиск из Известий ТОРГО, т. XVII, Т., 1924.

12. Дата захвата Нисы текинцами не совпадает с данными письменных источников, которые сообщают более позднее время — конец второго десятилетия XIX в. Массон М. Е., Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. 1, стр. 91 и след.

13. Семенов А. А., Некоторые данные к истории мечети в Аннау. Известия ТОРГО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 212—215.

14. Тейле Э. Э., Список развалин, пещер, курганов и других памятников древности, находящихся в Закаспийской области. Протоколы Закаспийского Кружка любителей археологии вып. 1, Асхабад, 1915.

15. Спутник Туркестан-Персия 1915—1916 гг. под редакцией Плеханова, Асхабад. Семенов А. А., Некоторые данные:, цит: соч., стр. 212.

16. Pumpelly R., Exploration in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilisations of Anau, v. I and II. Washington, 1908. Кобранов Е., Историческое и культурное значение Анау. Асхабад-Полторацк, 1927.

17. Бартольд В. В., Анау. Туркменоведение, 1928, № 9, стр. 50.

18. Семенов А. А., По Закаспийским развалинам. Ташкент, 1928, стр. 9.

19. Букинич Д. Д., История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, 1924, № 3—4, стр. 112,—121. Букинич Д. Д., Некоторые новые данные об Анау и Намазга-тепе. Туркменоведение, 1929, № 5, стр. 32—33.

20. Скляревский [С.], Мечеть в Анау (из блокнота архитектора). Туркменоведение, 1929, № 2—3, стр. 41.

21. Марущенко А. А., Существенные поправки. Туркменоведение, 1930, № 12, стр. 14—15.

22. Марущенко А. А., Анау. Из книги Архитектурные памятники Туркмении. Москва — Ашхабад, 1939, стр. 97.

23. Кузьмин-Короваев Г. Ш. Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном. Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XL, СПб., 1889, стр. 67.

24. Шурфы, заложенные Туркменводхозом в 1926 г. в пределах выноса и на курганах, показали, что культурные слои на курганах залегают на глубине свыше 7 м. Букинич Д. Д., Некоторые новые... цит. соч., стр. 32—33.

25. Толстов С. П., Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, № 1 (2), 1938, стр. 181.

26. В более сохранном состоянии въезд и фланкирующие его башни можно видеть в книге Е. Кобранова «Историческое и культурное значение Анау». Асхабад — Полторацк, 1927, стр. 9, рис. 5.

27. Массон М. Е., Проблема изучения цистерн-сардоба. Материалы Узкомстариса, вып. 8. Ташкент, 1935, стр. 18, рис. 3; стр. 25, рис. 4; стр. 29, стр. 5; стр. 32, рис. 7.

28. Устное сообщение С. А. Ершова.

29. Массон М. Е., Лекции по исторической топографии городов Средней Азии, читанные в САГУ. Ташкент, 1945.

30. Склады колхоза занимают помещение мечети, медресе и дома имама. Жилой дом представляет собой сочетание жилья и башни, что имеет место и на территории близ крепости.

31. Семенов А. А., По Закаспийским развалинам. Ташкент, 1928, стр. 9.

32. Интересно, что в результате вскрытия фундаментов возле портала обнажены слои периода строительства мечети, которые дали большое количество кирпичного боя, закраинок кашинны изразцов, т. е. тот же материал, что и в шурфе № 1. Слои эти, относящиеся к периоду строительства, залегали на 60 см. ниже современного пола мечети и имели мощность в 1,1 м.

33. Данные вскрытий у мечети, осуществленных Г. А. Пугаченковой.

34. Лессар П. М., Цит. соч., стр. 3—4. Овезов Д. М., Опросы населения 1947.

35. При обследовании на этом же фасе стены найден был толстый слой сухого слежавшегося навоза.

36. Чепелев В., Об античной стадии в истории искусства народов СССР. М. — Л., 1941.

37. Толстов С. П., Древне-хорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 180. Всеобщая история архитектуры, т. 1, М., 1944, табл. 5, 77, 80, 92. Толстов С. П., Новые материалы по истории Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 91.

38. Марущенко А. А., Анау. Историческая справка. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, Москва — Ашхабад, 1939, стр. 99.

39. Мунис Агехи, Фирдаус уль Икбаль. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 404—405.

40. Изучение списка городов округа Нисы не дает пока никаких возможностей для дешифровки этого поселения. У нас нет пока индикатора. Ал Макдиси, Аксам ат такасим-фи ма'рифат ал-акалим. Перев. С. Волина, МИТТ, т. I, стр. 184—185. Хафизи Абру, Извлечения из географического сочинения Пер. С. Волина. МИТТ, т. I, М. — Л., 1939, стр. 528—529.

41. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 43: Семенов А. А., Некоторые данные к истории мечети в Анау. Оттиск из Известий ТОРГО, т. XVII.

42. Семенов А. А., Некоторые данные... цит. соч., стр. 212.

43. Хафизи Абру, Извлечение из географического сочинения. МИТТ, т. I, М. — Л., 1939, стр. 528—529.

44. Букинич Д. Д., История... цит. соч., стр. 112—113, 121, 130.

45. Букинич Д. Д., Некоторые новые данные... цит. соч., стр. 32—33.

46. Искандер Мунши, Тарихи алям-ара-и Аббаси. Перевод под редакцией А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 75. Ср. Марущенко А. А., Анау... цит. соч., стр. 97.

47. Искандер Мунши, Цит. соч., стр. 95, 99.

48. Мехди Хан Астрабадский, Тарихи — Надири. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 123—124.

49. Мечеть, как установлено археологическими данными 1947 г., построена на месте разрушенной очевидно еще монголами и не восстанавливавшейся стены. Следовательно, город существовал в этот период, не имея стен.

50. Массон М. Е., Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1927, стр. 4:

51. Хасан бек Румлю, Ахсан ут таварих. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 60, 92, 99. Карпов Г. И., К истории туркмен али-эли (Аль-эль). Советская этнография, № 3, М. — Л., 1947, стр. 148.

52. Мунис Агехи, Фирдаус ул Икбаль. МИТТ, т. II. М. — Л., 1938, стр. 328.
53. Карпов Г. И., К истории... цит. соч., стр. 149.
54. Марущенко А. А., Анау.. цит. соч., стр. 99.
55. Увеличение площади и увеличение городского пятна идет против воды.
56. Кузьмин-Кораваев, Цит. соч., стр. 67. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890, изд. II, Асхабад, 1897, стр. 18. Туманович О., Туркменистан и туркмены. Асхабад — Полторацк, 1926, стр. 87. Сборник решений чрезвычайного суда народных судей Закаспийской области за 1903 г., стр. 93. Иомудский Карашхан Оглы. Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР, а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенное и родовое деление. Известия Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 193, 195.
57. Карпов Г. И., Цит. соч., стр. 149.
58. Семенов А. А., Некоторые данные..., цит. соч., стр. 214. Эта строфа зафиксирована у А. А. Семенова; в Спутнике Туркестан — Персия за 1915—1916 г., ее нет.
59. Бартольд В. В., История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 77.
60. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г., Изучение Така-Языра-Дуруна. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949.
61. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г., цит. соч.
62. Мошкова В. Г., Устное сообщение (опрос стариков в 1928 г.). Овезов Д. М., Опросы населения Анау в 1947 г.
63. Кузьмин-Кораваев Г. Ш., цит. соч., стр. 67.
64. Мошкова В. Г., Устное сообщение (опросы 1928 г.). Овезов Д. М., Опросы местного населения в 1947 г.
65. Мухаммед Риза Мираб Агехи. Гульмен и Девлет. МИТТ, т. II, М.—Л., 1938, стр. 605.
66. Алиханов, Мервский оазис и дороги ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 38; Куропаткин А. Н., Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-теке в 1880—1881 г. с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 гг. СПб., 1899, стр. 82; Иванов, П. [П:]: Основные типы жилища туркмен в переходный период. Туркменоведение, 1930, № 11, стр. 7—8; Мошкова В. Г:, Дехканское жилище в низовьях Мургаба: Ташкент, 1939, [рукопись].

В. А. ЛЕВИНА

ЖИЛИЩЕ АНАУ

Комплексы бугров Анау и цитадели с мечетью давно привлекали внимание исследователей. Холмы Анау с их древней культурой вызывали специальный интерес[1]). Мечеть Анау неоднократно описывалась и фотографировались исследователями. Многие из них обращали внимание также и на город, расположившийся возле цитадели, и отдавали дань восхищения прекрасной панораме его, открывающейся с мечети и из ворот цитадели. Нельзя было не заметить и «злого посева Ареса» — башен, напоминающих о грозном беспокойном времени[2]) .

Поднимались вопросы истории этого города, так как источники ранее XIX в. не упоминают об Анау, а наличие прекрасной мечети второй половины XV в. указывало на то, что поселение жило на холме интенсивной жизнью и, следовательно, город имел немаловажное значение, если здесь был построен такой первоклассный памятник архитектуры[3]).

Однако, поздним городом XVIII—XIX вв., который, будучи покинут жителями, постепенно разрушался, его постройками и планировкой, взаимосвязью его с цитаделью никто не занимался. Важны и интересны вопросы исторической топографии, городов Средней Азии, их планировки, обороны и водоснабжения. Постановка их необходима, чтобы выяснить значение этих городов в экономической и политической жизни страны. Выяснение же типа жилищ представляет большой интерес, так как позволяет установить этапы развития жилья в Туркмении в связи с оседанием племен, его специфику и племенные особенности.

Все это побудило начальника экспедиции М. Е. Массона создать VI отряд для изучения планировки города, его усадеб и жилья. Освещению результатов работы и посвящен этот очерк.

При изучении городища Анау XVIII—XIX вв. его территория была разбита на условные квадраты, с которых и был проведен сбор подъемного материала. В результате его было выявлено, что на территории города, прилегающей к крепости и лежащей дальше на юг преобладающей керамикой является относящаяся к двум предшествующим нашему времени столетиям.

Для изучения топографии города, сетки его улиц, ирригационной системы был предпринят последовательный обход территории с выверкой данных по аэрофотоплану городища. Кроме того, был обследован ряд усадеб с проведением обмеров как планов зданий, так и участков. Архитектор Б. В. Дмитровский сделал ряд зарисовок с жилых зданий, башен, особо интересных конструктивных и архитектурных деталей. Фиксация всего этого была настоятельно необходима, так как город и

его постройки разрушаются оврагами, запашкой его территорий и с течением времени исчезнут совсем.

Принцип планировки города

Городище Анау своей конфигурацией и характером усадеб свидетельствует о первостепенном значении ирригации в образовании городской планировки. Город расположен на краю конуса выноса; его пятно определяется направлением питающих его арыков.

Основные магистрали города идут вдоль главных арыков, здесь же концентрируются и усадебные участки. Таким образом, естественно получается как бы веер магистралей, расходящихся у крепости и ограниченных там дорогой, идущей с северо-запада на юго-восток. Исходная точка этого веера на юге у ручья Кельте-Чаинар или Анау-Су, как его называют в равнине, откуда берут начало и питающие город арыки.

Основное ядро города располагается на территории между крепостью и современным селением Анау, населенным туркменами-теке, и имеет вид сильно вытянутой трапеции, примыкающей верхним основанием (на юге) к кишлаку Анау, а нижним (на севере) к крепости. Площадь этой трапеции относительно густо застроена и пересекается тремя магистральными арыками. Два из них сильно размыты ливневыми потоками и в настоящее время представляют собой довольно глубокие овраги, обрывы которых поглотили уже часть улиц и усадеб, находящихся возле них.

Вся поверхность городища покрыта руинами небольших глиняных построек жилого и хозяйственного назначения и большим числом башен как круглых, так и прямоугольных в плане из того же материала, что и жилье.

Эти постройки составляют элементы усадебных участков самых различных конфигураций, но все же преобладающим является прямоугольный полигон. Площади усадеб тоже сильно варьируют, причем интересно отметить, что по мере удаления от центральных магистралей на окраинах города размеры усадебных участков увеличиваются.

Площади усадеб колеблются в пределах 0,3—0,6 га. Плотность застройки их очень невелика, она не превышает 2%. Расположение объектов на участке по преимуществу периметральное, что, очевидно, диктовалось желанием освободить большой массив земли под посадки и посевы. Жилые постройки ориентированы на запад, юго-запад, северо-запад и юг. Из этого ряда примеров можно видеть, что ориентация не являлась решающим фактором при размещении жилья на участке. Усадьбы примыкают одна к другой, имея калитки для внутреннего сообщения, и отделены друг от друга высокими пахсовыми или сложенными из гуваляков заборами. Таким образом мы имеем замкнутые, совершенно изолированные от улицы, самодовлеющие ячейки.

Не все усадьбы лежат у магистралей и связаны с городом непосредственно; некоторые из них находятся в глубине массивов, и возможность подхода и подъезда к ним осуществляется при помощи тупичковых уличек, отходящих от главных. К таким тупичкам примыкают от 3 до 5 участков. Усадьбы Анау носят явно сельскохозяй-

ственный характер. Их сравнительно большие размеры позволяют тут же в городской черте осуществлять разведение садов и огородов. О наличии виноградников в Анау и его окрестностях говорят и источники. Мунис-Агехи, описывая поход Мухаммед Рахима в 1818 г., упоминает о том, что ему привозили свежий виноград из Анау, а его воины забирались в сады в окрестностях Анау[4]). То же подтверждается и стариками жителями современного Анау, которые помнят, что в их детские годы виноградники Анау тянулись далеко за курганы. Не менее красноречивым свидетельством являются стихи поэтессы Саиб, которая, оплакивая гибель Анау, восклицает:

«О, горе! Я разлучилась с родными садами и цветниками!»

Обследование территории городища выявило ряд участков с высокими грядами, которые применяются для посадки виноградных лоз в Туркмении и Персии (и в настоящее время)[5]). Лоза лежит на гряде 1,5—2-метровой высоты, а корневая система находится в междурядье, таким образом не нужен лес для поддержки плетей. Очевидно, были и бахчевые культуры, так как археологическое вскрытие на тепе дало ряд семян бахчевых культур в слоях.

В настоящее время на землях, когда-то занятых садами, сеют богарную пшеницу, да и то не на всей территории, а там, где есть возможность дать воду для полива. Селитебное пятно переместилось дальше на юг к истокам ручья, так как дебет воды сократился и орошение большой территории стало невозможным. Огороды современного аула сконцентрировались возле него, а посевы тянутся вдоль ручья, стремясь ближе к его истокам.

Город имел и производственные кварталы, так он обеспечивал себя керамикой, имея на северо-западной окраине города у цитадели ряд производственных очагов, а на северо-востоке печь для обжига кирпича. О наличии ремесленных производств говорят нам и последние строфы стихотворения поэтессы Саиб может быть с некоторой долей преувеличения, но, очевидно, имеющих реальное основание. Вот они:

«Я отделена от тысяч дел, тысяч искусств милой отчизны моей!»[6]).

Немаловажным компонентом городского пятна являются базар и культовые комплексы. Базар—это целый квартал в юго-восточной части города, лежащей на одной из его главных магистралей. Он состоит из пяти частей, сообщающихся друг с другом; его четыре участка застроены по периметру помещениями гостиничного типа и рядом хозяйственных застроек. Площади комнат примерно 15—25 м^2; стены их как продольные, так и торцовые, снабжены нишами; в каждой комнате имеется камин. Двор достаточно обширен, чтобы вместить некоторое количество вьючных животных.

Участок, смежный с ним (юго-западная сторона), был наверное хозяйственным — ряд кладовок по периметру, огороженные загончики указывают на его назначение.

Участки третий и четвертый застроены объектами, меньшими по площади и имеют ряд хозяйственных помещений. Возможно, что здесь располагались мастерские и лавки ремесленников. К ним примыкает большой участок площадью примерно около 1 гектара, совершенно свободный от застройки; вероятно это был скотный базар. Входы на его территорию — южный со стороны большой магистрали и восточный с окраины города. Расположение скотного базара на окраине города

обычный прием в городах, где часто и ремесла, требующие большого места или неприятные чем-либо для жителей города, перемещались на окраины.

Культовые сооружения города сконцентрированы в северо-восточной и северо-западной его части. На северо-востоке это комплекс из двух мазаров и нескольких полуразрушившихся худжр. Один мазар шестигранный из сырцового кирпича, другой — Музаффар-Ходжа — квадратный в плане из жженого; оба они недавнего происхождения.

В северо-западной части у цитадели мазар разрушен, но кладбище, тянущееся за ним на восток, вдоль дороги, ведущей на Ашхабад, еще действовало недавно (встречаются намогильные камни с датами 1915 и 1935 г.). За цитаделью, ближе к линии железной дороги находится более древнее кладбище.

В самой цитадели есть два мазара из сырцового кирпича. Один мазар шейха Мауда, на северо-восточной окраине, другой безыменный у ворот недалеко от мечети с юго-восточной стороны. Интересно то обстоятельство, что все эти мазары расположились вблизи от мечети, которая имела большое значение, как местная святыня, и привлекала к себе массу почитателей. Ее своеобразный декор породил немало народных преданий о происхождении как мозаичных изображений драконов, так и ее самой. Она являлась и архитектурной доминатой в общем силуэте города.

Жилище

Большой интерес представляет изучение элементов застройки анауской усадьбы с целью выяснения племенной принадлежности этих

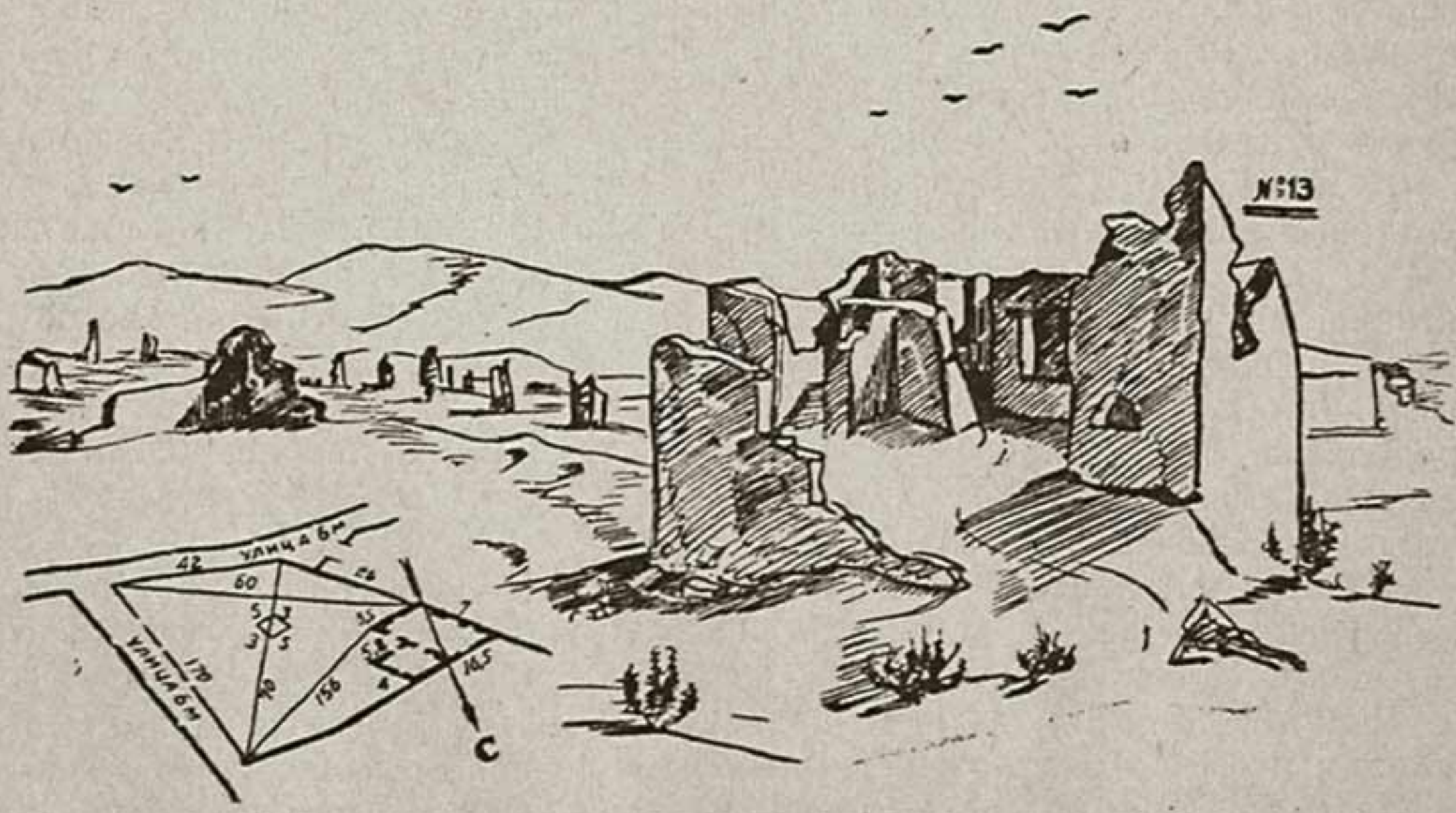


Рис. 1. Усадьба № 13.

построек, стадии развития, строительной техники, особенностей планировки жилья, устройства и назначения башен.

В период полевых работ 1947 г. удалось обследовать ряд объектов сравнительно хорошей сохранности. Эти объекты по их функциональному назначению можно разделить на: 1) жилые дома; 2) башни — жилье; 3) башни чисто оборонительного характера; 4) хозяйственные постройки.

В первую группу входят усадьбы № 2, 12, 13, 15[7]). Как показало исследование (обмеры, зарисовки), такие помещения Анау отличались очень несложным, можно сказать, примитивным планом. Одна, реже 2—3 комнаты, нанизанные цепочкой друг за другом по периметру участка или под углом одна к другой. Размеры их колеблются в пределах от 10 до 20 м², причем размеры перекрываемых пролетов не превышают 3—3,5 м. Наиболее часто встречающийся пролет — 2,5—2,6 м. Бедность лесонасаждений в этих местах и отсутствие строевого лесоматериала диктовало определенные размеры[8]).

Мне кажется уместным также и здесь указание самаркандских мастеров, которые ширину пролета ставят в зависимости от тяжести земляного перекрытия. Балки потолка, — говорят они, — в состоянии нести нагрузку, если длина их не более 4,5 гязов, т. е. около 3,75 м[9]).

Эти обстоятельства вынуждали ограничивать размеры жилых комнат и хозяйственных построек. Ориентация жилья на участке, как указывалось выше, самая различная. Очевидно, это не было решающим фактором при постановке дома, так как значительная толщина стен и почти полное отсутствие световых проемов давали достаточную защиту от летнего зноя. Очень обычно в домах наличие очагов-каминов, с трубой, выведенной на крышу, непосредственно в жилой комнате в торцовой или продольной стене, но всегда вдали от двери, чтобы сохранить теплю. Вероятно, камин использовался только зимой для варки пищи и обогрева жилья, а летом готовили во дворе, как это практикуется и теперь в селах Туркмении, причем для выпечки лепешек существует специальная печь, иногда обслуживающая несколько домов.

Жилая комната городища Анау совмещает в себе функции передней, кухни, спальной комнаты, столовой, а может быть иногда и кладовой, несмотря на свои малые размеры.

Кроме собственно жилья, на городище есть башни, совмещенные с жильем (усадьба № 4), пристроенные к нему вплотную и имеющие вход в башню изнутри помещения, и просто жилые башни (усадьбы № 9, 10, 18), которые соединяют в себе и оборонительное сооружение и жилье[10]), причем жилье находится в первом этаже. Постоянных приспособлений для сообщения со вторым этажом не существует, сообщение осуществляется с помощью веревки по наружной стене, где были выдолблены и углубления для упора ног.

Только на участках 8 и 9 в толще стен башен сделаны лестнички, правда очень узкие и низкие, так что пробираться по ним можно только ползком.

Все жилые постройки имеют довольно толстые стены. Толщина их варьирует в пределах 0,6—0,9 м. Выложены они из кирпича-сырца размером 24,5 × 23,5 × 5 см³; 24,5 × 25 × 6 см³ 25 × 25 × 8 см³ квадратной формы с сантиметровой бороздой посредине. Борозда сделана, очевидно, для легкости разлома кирпича в случае надобности. Кладка выполнена на глиняном растворе с перевязкой вертикальных швов.

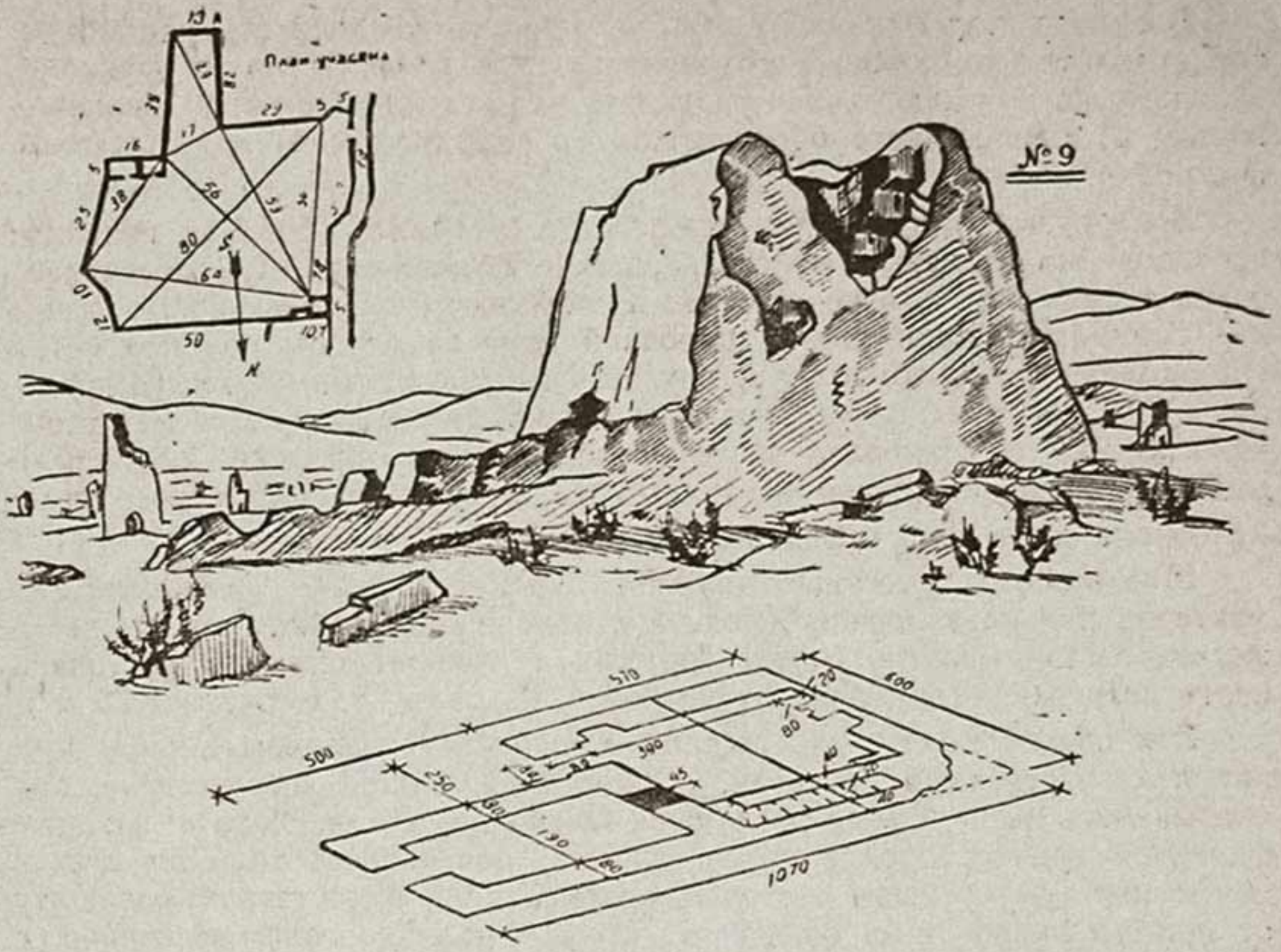


Рис. 2. Усадьба № 9.

Продольная борозда заполнялась раствором и создавала большое сцепление кладки, исключая возможность сдвига рядов.

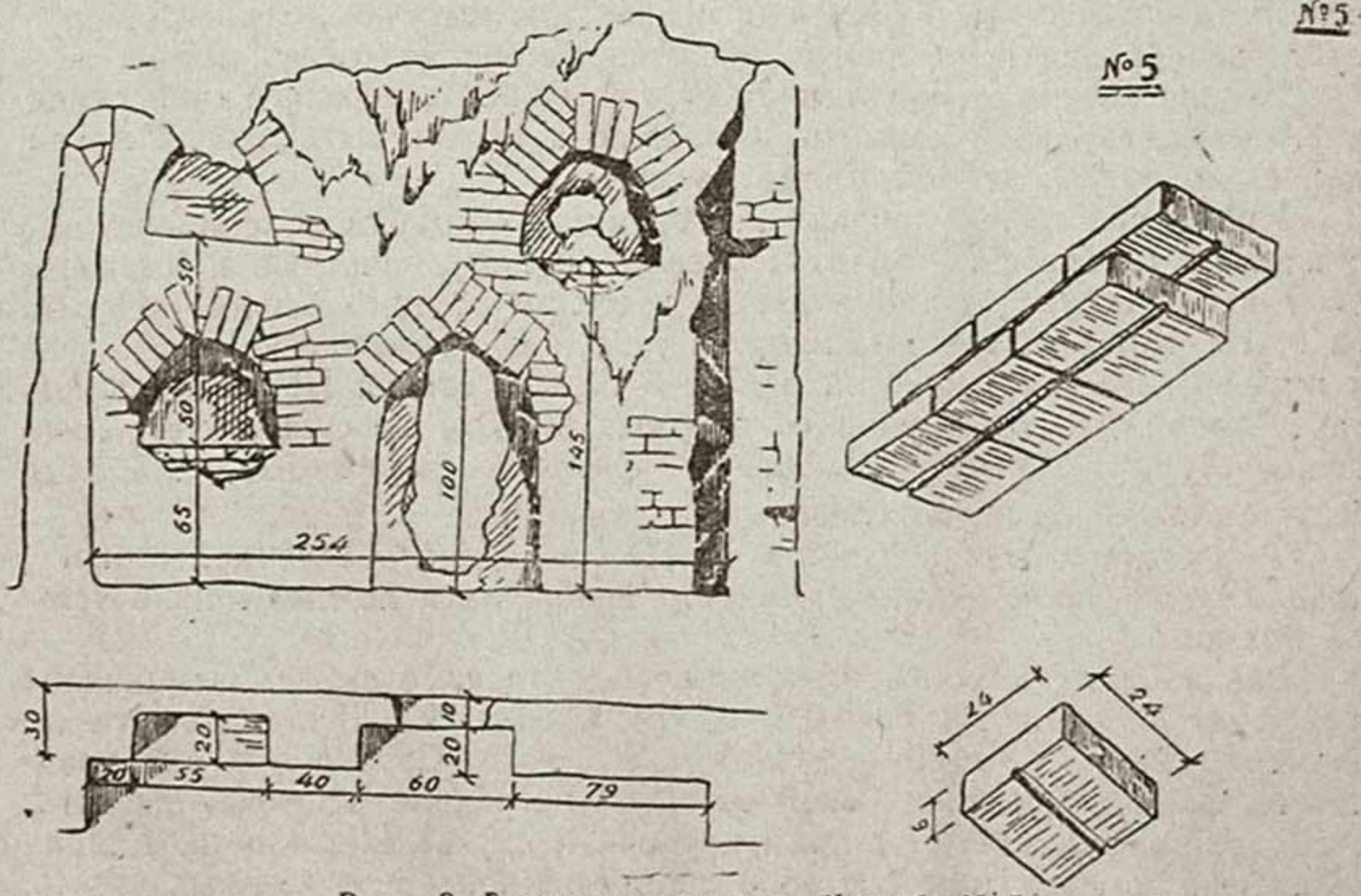


Рис. 3. Детали кладки стен. Усадьба № 5.

Ни в одном здании перекрытия не сохранились; очевидно, окружающее население воспользовалось балками и другими деревянными частями для своих построек, но по гнездам балок, по остаткам кое-где сохранившихся камышевых прослоек можно заключить, что перекрытие было плоским, обычным для этих районов, что неоднократно отмечается путешественниками и исследователями, проезжавшими по этим местам[11]). Правда, А. А. Семенов, описывая панораму города, упоминает о куполах[12]), но весьма возможно, что это купола культовых сооружений и башен, а не жилых построек.

Стены домов, как внутри, так и снаружи покрывались глиносаманной штукатуркой, поверх которой наносилась ганчевая. В интерьерах домов, на участках № 1, 2 при зачистках были обнаружены куски такой штукатурки.

Возможно, что интерьеры домов украшались росписью; следов такого декора обнаружено не было, так как дома достаточно уже подвергались воздействию атмосферных осадков и прочих разрушающих факторов, но М. Е. Массон сообщает, что при посещении в 1939 г. городища Анау он видел дом в западной его части со следами расписного фриза.

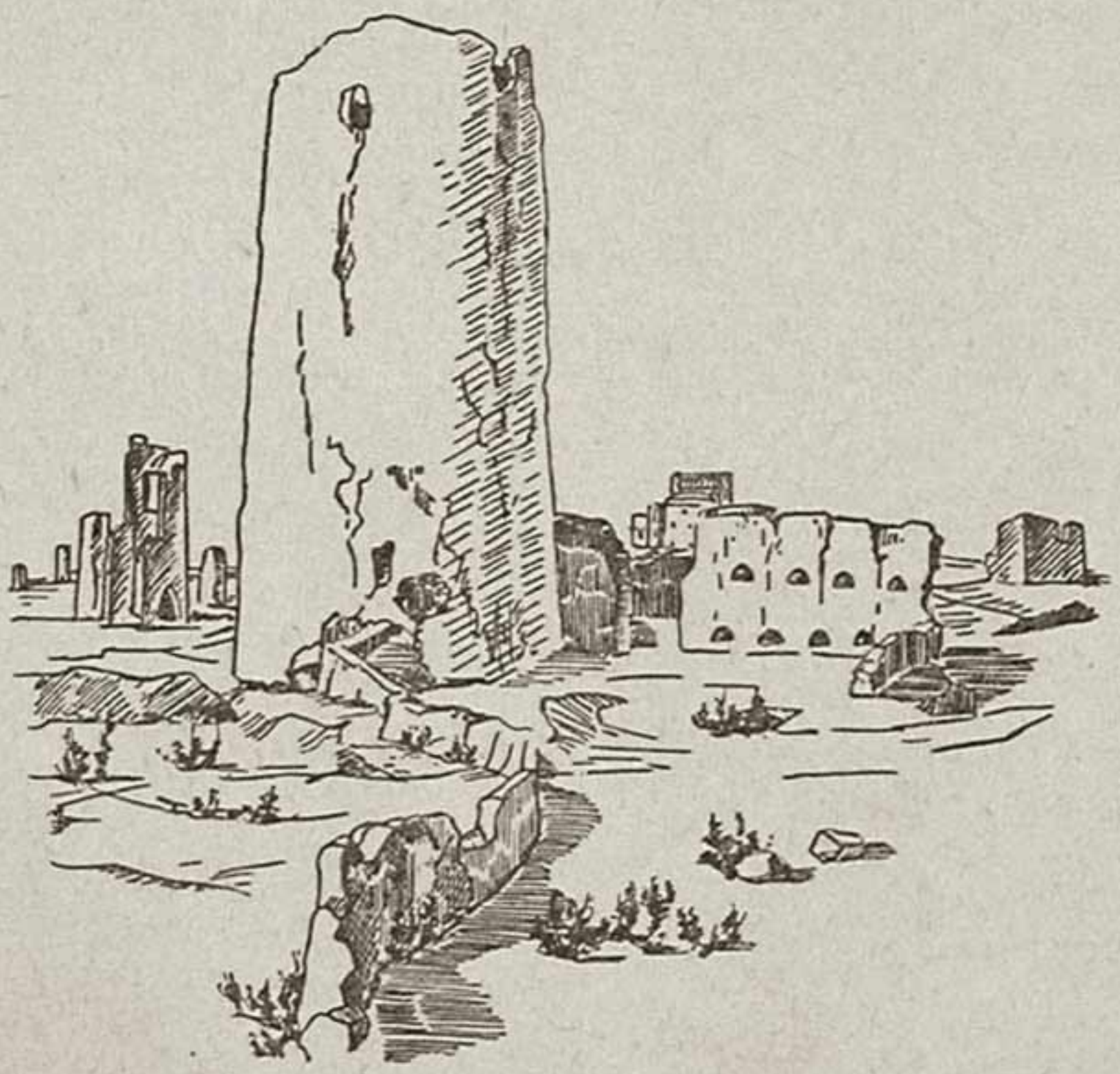


Рис. 4а. Усадьба № 12. Общий вид.

Единственным элементом декоративного оформления можно считать ниши, которые членят стены домов, имея часто утилитарное значение. Правда, нельзя забывать и о значении ковра, паласа в украшении интерьера. Этот прием существует издавна в странах Востока; ковроткачество является народным искусством Туркмении[13]), и ковер — существенная часть туркменского быта.

Ниши домов в Анау не выдержаны по размерам и форме почти ни в одном объекте, особенно если они имеют криволинейные очертания. Иногда ряд малых ниш перебивается большей по размерам и даже иной по форме (участок № 5). Не выдержаны размеры ниш в ряду (участок № 2). Очертания арок самые различные — эллипсоидальные, округлые, стрельчатые, прямоугольные, трапециевидные и просто треугольные, образованные двумя наклонными кирпичами. Величина ниш тоже очень разнообразна, начиная от 1,50 × 1,00 и кончая крохотными нишками, в которые можно только просунуть руку. Маленькие нишки предназначались для хранения хозяйственных мелочей, часто их можно видеть у камина.

Только назначение нишек в здании на участке № 12, которые рядами покрывают его стены, затруднительно объяснить одним утилитарным назначением. С. П. Толстов, обнаружив подобные нишки в каждой крестьянской усадьбе и феодальном замке Коват-кала, на основании археологического вскрытия усадьбы приходит к выводу, что

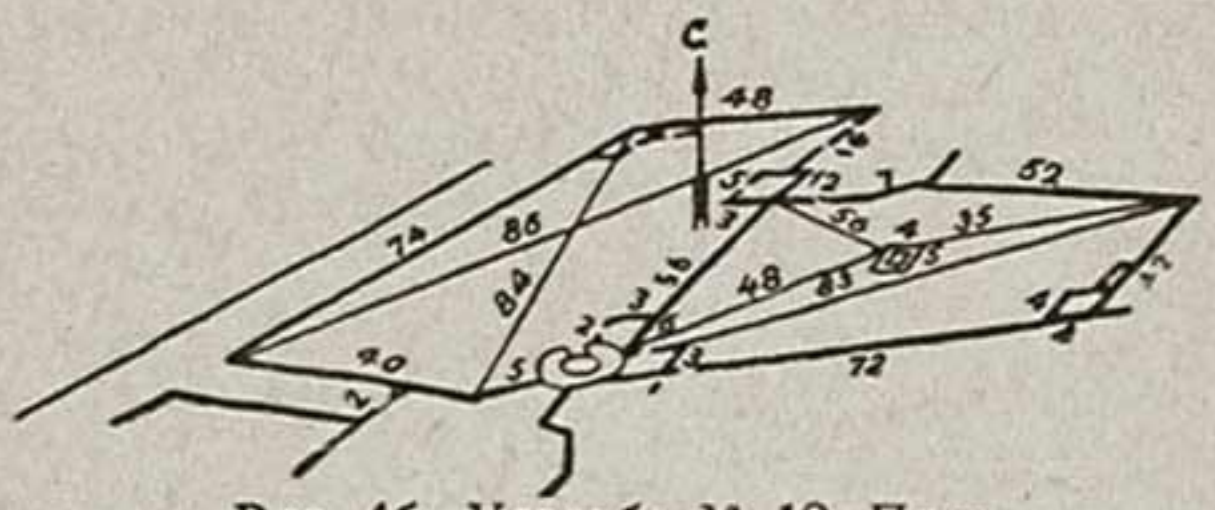


Рис. 46. Усадьба № 12. План.

старая гипотеза о каптар-хана неосновательна. Эти здания, утверждает он, совмещают в себе функции михман-хана и хозяйственного хранилища[14]). Со вторым нельзя не согласится, но трудно представить себе совмещение кладовой и гостиной в одном помещении. Вряд-ли радушный хозяин будет принимать гостя в кладовой, где у него вкопаны хумы для зерна, хранятся всякие припасы и скарб. Скорее

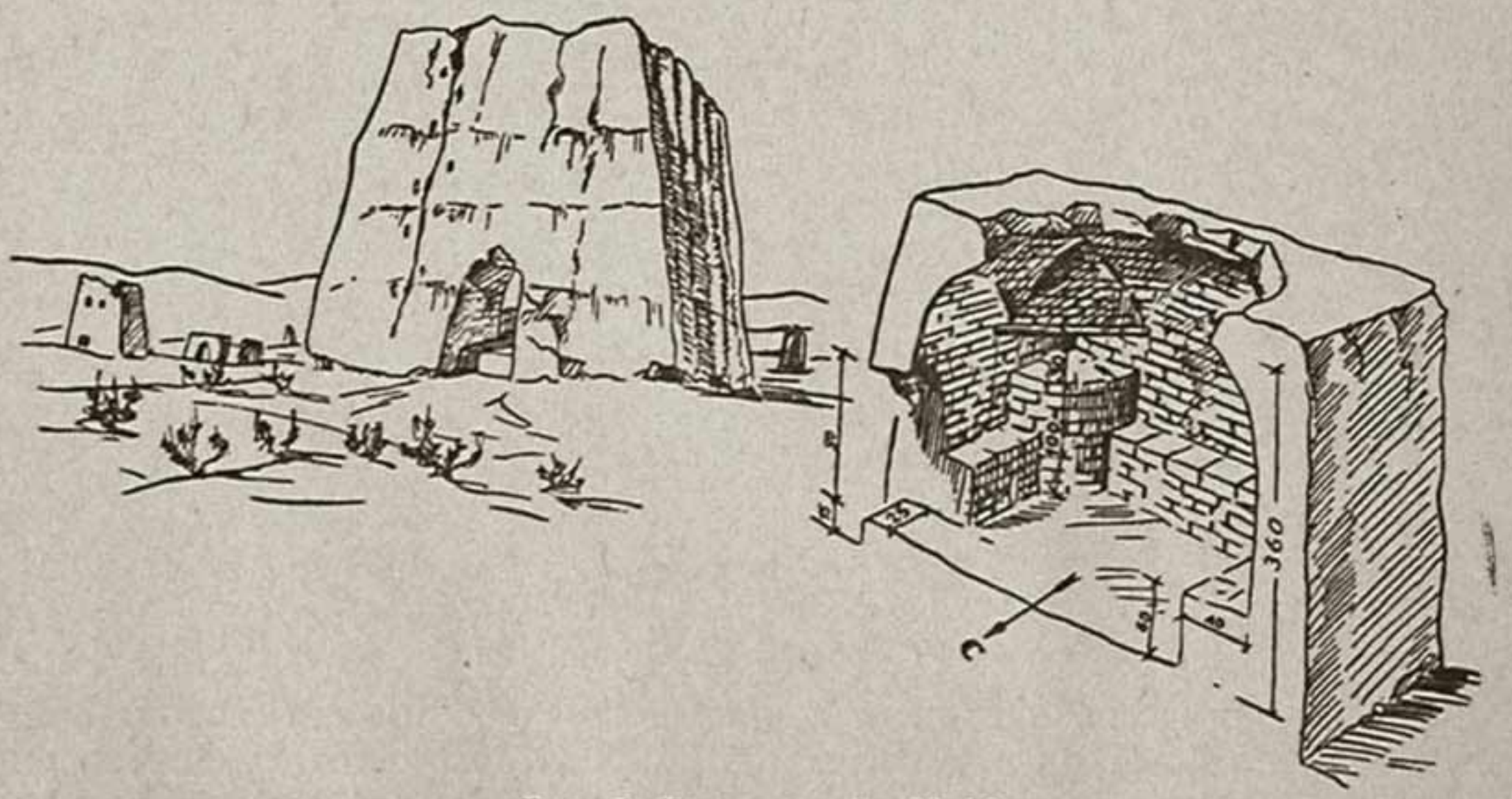


Рис. 5. Дом усадьбы № 18.

всего это были только кладовые, где трапезы могли иметь эпизодический характер с участием лишь членов семьи. Очевидно и наше помещение играло такую роль.

Формы арок в жилье довольно примитивны и свидетельствуют о стремлении обойтись без леса, что хорошо видно в интерьерах на участках № 1, 2, 5, 23. Приемы выкладки кривых очень упрощены, и хотя в идее кладка клинчатая, но ряды лежат нерегулярно, а потому очертания получаются аморфными, — недостаточно выявлено, где пята арки, где замок.

Кроме ниш, которые играют роль складочных мест для домашней утвари, иногда встречается «встроенная» мебель. Это небольшие суфы, сделанные из глины или сырцового кирпича и даже нечто вроде столов.

Жилая постройка на усадебном участке всегда сопровождается башней[15]). Местные жители, потомки теке—завоевателей Анау, не помнят ничего о назначении башен и утверждают, что они делались для охраны виноградников от птиц в то время, как для охраны садов и огородов и по сей день ставят глиняные тумбы высотой 1,5—2 м. На этих-то тумбах вооруженные пращей стоят туркмены и наблюдают, чтобы птицы не портили посевов[16]).

В полосе Ахала и Атека башни являются очень обычным элементом. Их наличие вызвано было не стремлением к архитектурным эффектам, хотя эти башни и придают очень колоритный вид городу, а условиями беспокойной жизни в предгорьях Копет-Дага. Частые войны, неожиданные набеги врагов, грабежи и увод в плен оседлого населения, усобицы между родами и племенами были обычным явлением. Стремительность и неожиданность этих набегов исключала возможность какого-либо организованного сопротивления, почему и возникла необходимость в таких индивидуальных убежищах, которые могли бы дать временный, но безопасный приют земледельцу или его семье. Они имели возможность наблюдать за врагом через смотровые щели, а в случае необходимости и отстреливаться[17]).

Жители Анау опасались повседневных нападений аламанщиков, и потому устройство их башен не рассчитано на активное ведение обороны, как например, в башнях Сванетии, первый этаж которых высоко поднят над землей и имеет только воздушный переход к жилью, разрушаемый при нападении врага. Верхняя часть сванской башни, так называемая «коронка», имеет бойницы для навесного боя; кроме того, они имеются на каждом этаже башни со стороны входа. Анауские башни не имеют подобных устройств, так как осажденные в них жители не оборонялись, а отсиживались, выжидая ухода врагов, которые в свою очередь преследовали цели захвата пленных и имущества, а потому долго не задерживались, чтобы не организовался отпор со стороны населения[18]).

Бесполезно было бы искать какую-то оборонительную систему в расположении башен на территории города, как это пытались делать некоторые исследователи, обнаружив даже несколько рядов былых крепостных твердынь, которые окружали город [19]). Башни эти были средством пассивной обороны на каждом участке.

Рассредоточенность города из-за его сельского характера не дала бы возможности малочисленному населению вести активную оборону на протяжении всего полигона. На случай организованных и длительных наступлений местом убежища населения, вероятно, была крепость. За это говорят результаты обследований и археологического вскрытия.

На территории крепости сохранилась башня того же типа, что и городище, и следы сырцовых построек возле сардоба; кроме того, у главных ворот сохранилась кладка от упавшей предвратной башни.

Археологическое вскрытие стены на северо-западной окраине городища показало, что в верхней части своей стена одновременна с городом — сырцовый кирпич имеет тот же характер и размеры, что и в городских постройках.

При обследовании башен города удалось установить наличие нескольких типов, несмотря на присущее им деление на 2 камеры и

Рис. 6. Квадратная башня-динг на усадьбе № 20.

общий слегка утоняющийся сверху силуэт обусловленный строительным материалом глиной (заложение 1 : 10).

Типы эти следующие:

1) по плану: а) круглые, б) квадратные;

2) по принципу планировки: а) оборонительные, б) башни-жилье;

3) по конструктивным приемам: а) с плоским перекрытием 10, 24; б) с купольной камерой 1—4, 11, 14, 16, 17; в) с внутренней лестницей 8, 9; г) с цокольным этажом 19, 20, 22.

Для возведения башен применялся тот же сырцовый кирпич, что и для жилья, но наряду с ним и гуваляки из глины, размеры которых следующие: диаметр — 23 см, высота — 16 см. Как кирпичи, так и гуваляки укладываются горизонтальными рядами с перевязкой вертикальных швов. Вяжущий раствор та же глина. Толщина стен 1,30—0,90 м. Поверхность стен покрыта глино-саманной штукатуркой: во внутренней нижней камере—на высоту человеческого роста, в верхнем помещении — полностью, снаружи—тоже.

Небезинтересно отметить, что башни, круглые в плане, имеют купол, образованный напуском кирпичей, так называемый ложный

свод (см. рис. 7). В случаях перехода от квадратного плана к куполу применена кладка типа «балхи»[20]) в сочетании с кладкой напуском или

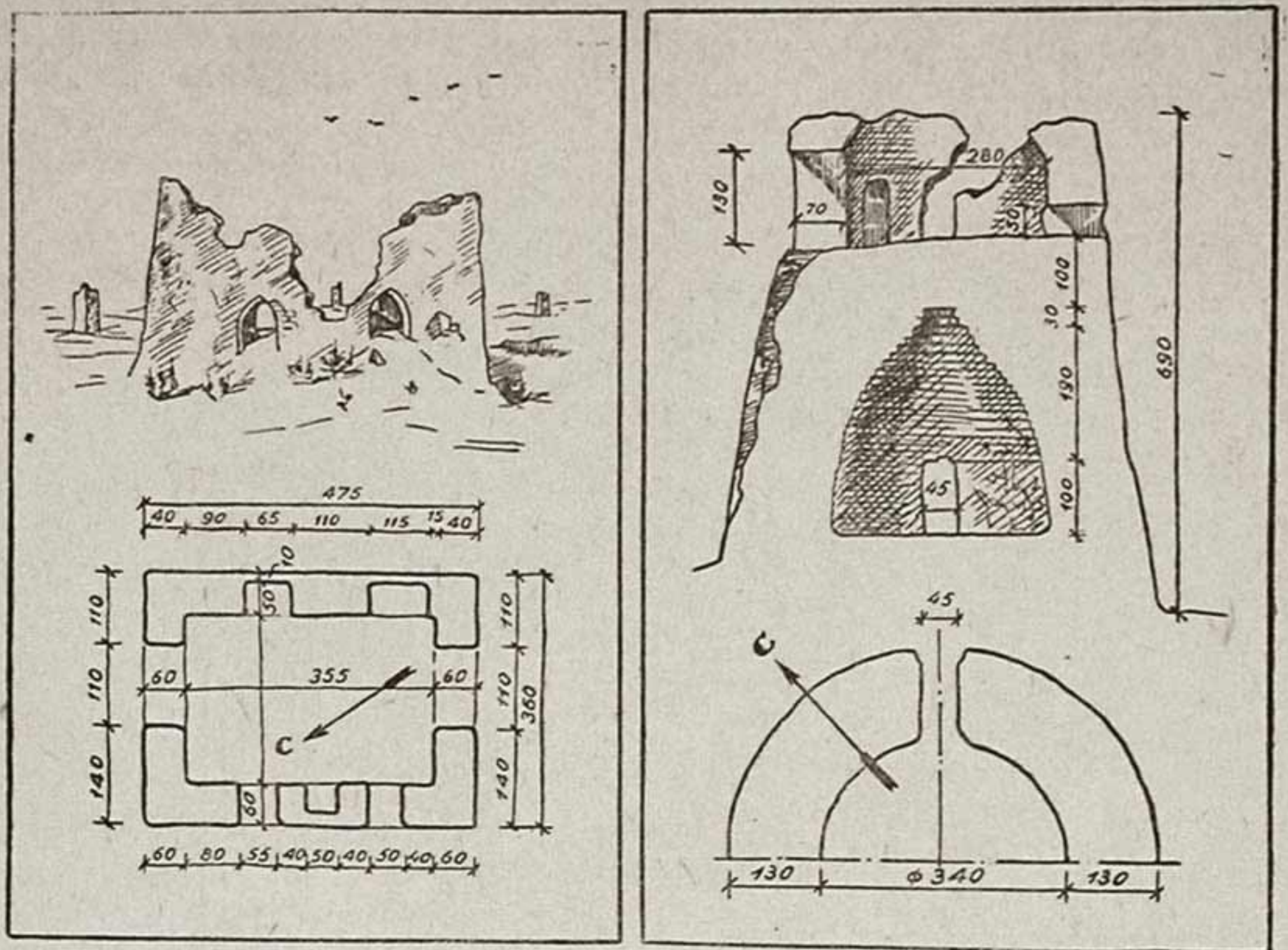


Рис. 7. Руины дома и динга на усадьбе № 2.

балочные паруса, когда при переходе от квадрата к восьмиграннику в углах укладываются деревянные балки, на которых и ведется кладка купола (см. рис. 8).

В башне на участке № 21 зафиксировано перекрытие, совмещающее в себе элементы «дарбази»[21]) и балочные паруса.

Встречающееся в башнях плоское перекрытие является типом, обычным для бедных лесом районов Средней Азии. Это балочное перекрытие из арчевых балок d — 11 см с обрешеткой из жердей d — 3 см длиной 0,9 м, камышевой прокладкой в 3 слоя и глиняной смазкой поверх всего[22]).

Входные проемы в башнях очень невелики: [1,10 × 0,70 м² 1,00 × 0,45 м² 1,00 × 0,75 м² 1,25 × 0,90 м² и т. д.] и никаких следов дверной коробки не имеют, очевидно они заваливались камнями, как указывает П. М. Лессар[23]) или глиняными комьями, если камней под руками не было.

Внутренние нижние камеры башен в большинстве своем никаких элементов благоустройства не имеют. На стенах, часто даже не оштукатуренных, отсутствуют ниши, нет каминов. Поверхность стен сильно закопчена; очевидно, дым костра выходил через дверь или через верхнее отверстие. Иногда на высоте 0,75—0,80 м от пола сделаны смотровые щели по 2 с каждой стороны. Чаще же камеры совершенно глухие, если не считать входа; может быть эти нижние камеры

использовались для хранения скарба, как это отмечают А. К. Писарчик для Самарканда, а И. П. Яворский для Афганистана[24]). Верхние камеры снабжены нишами, смотровыми щелями и каминами. Попасть в эти верхние камеры можно было, как указывалось выше, по веревке, но может быть использовались и приставные лесенки, как

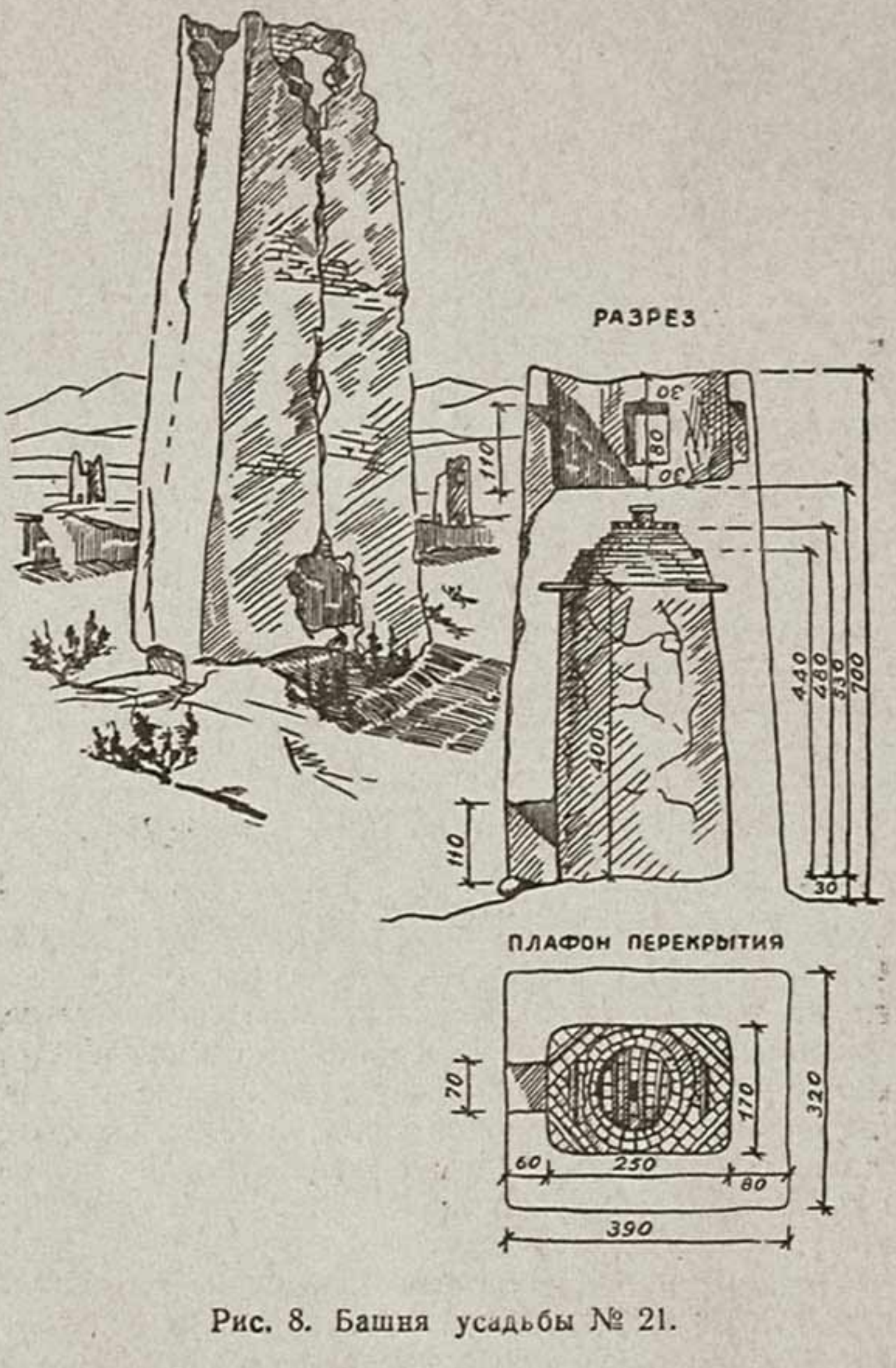


Рис. 8. Башня усадьбы № 21.

это имело место в Самарканде, Сванетии и Персии[25]). Верхние помещения, очевидно, перекрывались, так как в динге на участке № 1 обнаружены следы плоского перекрытия, а на участке № 2 купольного. Площадь помещений в башнях очень невелика от 2 м² до 6 м².

Башни располагаются или посередине участка или у одной из его сторон, но так, что весь участок лежит перед башней. В некоторых случаях одна башня обслуживает 2—3 участка, так как на соседних участках башен нет, но есть проходы-калитки для сообщения (участки №№ 2 и 15). На территории участка № 7 заснята башня с проемами

на всех четырех сторонах; может быть это было сделано с целью получить сквозное проветривание, так как невозможно представить оборонительную башню с таким количеством дверей[26]).

Кроме жилья и башен, на территории усадеб имеются хозяйственные постройки, кладовые, загоны и помещения для скота. Они по внешнему виду ничем не отличаются от жилых построек, разве только не покрыты штукатуркой.

Строительный материал, размеры и тип перекрытия идентичны. Разница только в том, что эти помещения не снабжены каминами и нишами. Иногда только в какой-нибудь стене есть маленькая нишка для светильника.

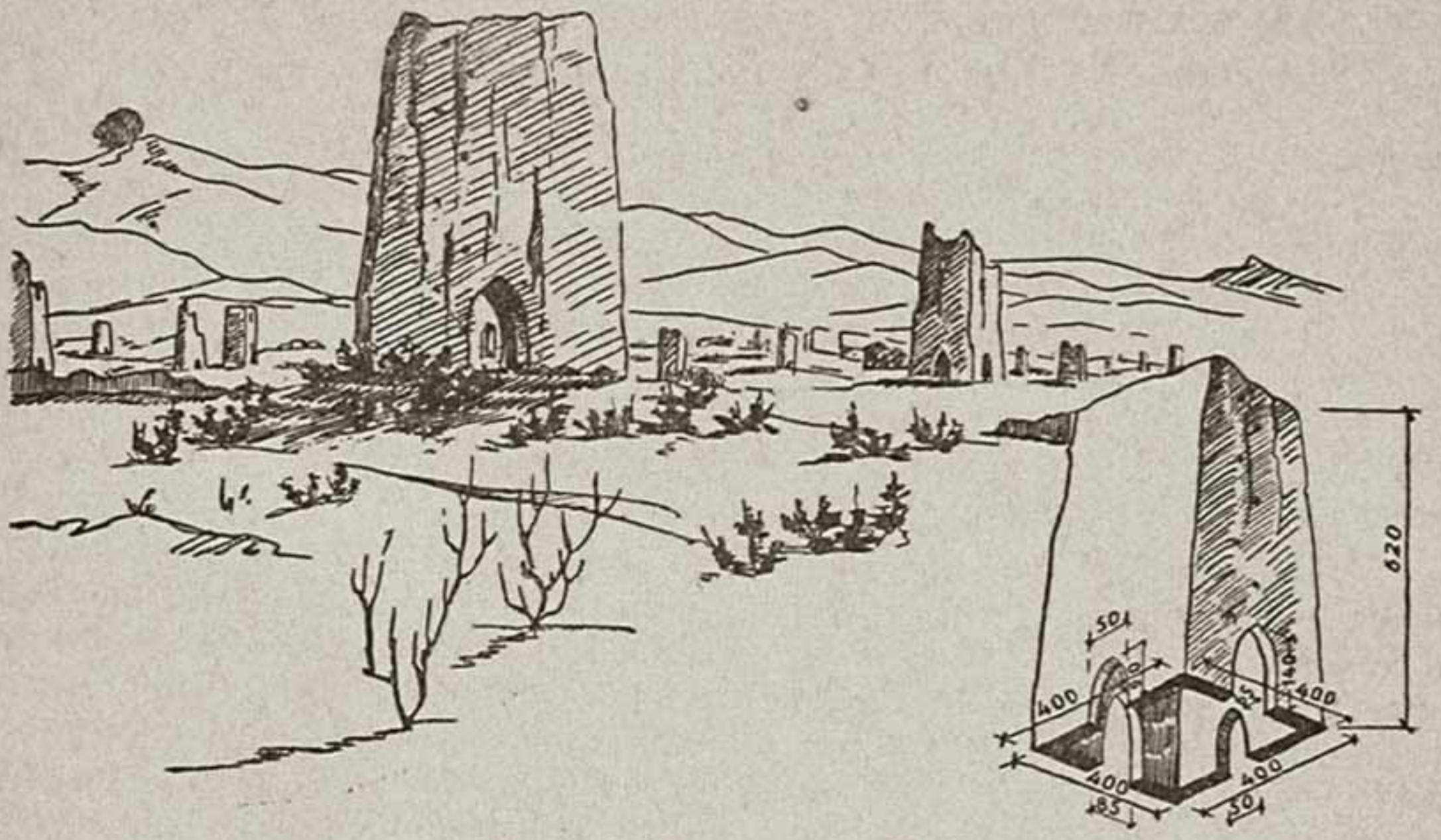


Рис. 9. Башня усадьбы № 7.

Несомненно, что, кроме фундаментальных, если можно так выразиться, построек, были и сооружения временного типа — навесы для скота, айваны, конюшни. Айваны или нечто подобное должны были быть, так как большую часть года житель Средней Азии проводит во дворе. Планировка жилых зданий не дает нам возможности говорить об айванах как об органической части здания, но известно из описания Н. Муравьева, что хивинские туркмены спасались от жары в крытых галлереях, построенных возле дома[27]); а уж если у полукочевых племен есть устройства такого рода, то от давно осевшего племени мы вправе ожидать того же. Может быть, эту роль дополнительно играла и юрта, которая долго не выходила из быта даже и осевших племен[28]). В. Г. Мошкова указывала, что оседающие мургабские теке строили дома, но для гостей (михман-хона), сами же жили в юртах[29]).

Если рассматривать усадьбу и жилье Анау в сопоставлении с подобными же ячейками других районов Средней Азии, становится очевидной разница в их планировке и характере построек. Крупные

города, как Бухара, Самарканд и Ташкент, дают тип усадьбы и жилья издавна оседлого населения с расчленением городских и загородных участков, которые разнятся по своей планировке и назначению.

Городской участок является основной жилой единицей, где семья проводит свое время, участвуя в повседневной жизни города (ремесло, торговля). Он делится на внешнюю и внутреннюю части, что зависит не только от функционального их назначения, но и от замкнутого образа жизни женщин, предписанного исламом. Городской участок изолирован от улицы высокими заборами, имеет коленчатый выход, чтобы скрыть внутреннюю часть от любопытных глаз. Но внешнее оформление жилья и окружающих его стен самое мирное.

Загородные усадьбы выполняют функции сада и огорода, куда семья выезжает на лето. Планировка его более свободна, хотя и сохраняется деление на внешнюю и внутреннюю половины. Есть примеры, когда участок не делится, но это у менее состоятельных людей.

Загородные усадьбы («кургоны», «равот», как их называют в Самарканде[30]), или «хаули» — в Хорезме) располагаются как хутора довольно далеко и изолированно друг от друга. Здесь мы видим уже иной подход. Каждая усадьба — это крепость, что сказывается и на оформлении ее стен, которые делаются высокими и толстыми, поверхность их членится башенками крепостного типа. Углы тоже закреплены башенками. Массивные ворота[31]). Правда, это уже пережиточный момент, сохранившийся только в декоре. Башенки превратились в декоративные налепы, почти полуколонны на глади стен, но их происхождение нетрудно угадать по бойницам, иногда встречающимся на них, по характеру их расположения, по форме.

Элементы, слагающие городскую и загородную усадьбы, одинаковы — это внешний и внутренний дворы (бирун и дарун или ичкари и ташкари), жилые помещения, довольно многочисленные, хозяйственные постройки, михман-хана, помещения для скота и обязательный айван, который в городских постройках Хивы даже перекрывает двор, делясь на онг-айван и терс-айван. Наличие айванов, которые органически входят в планировку дома, разнообразие их типов, говорит о большой роли их в жизни населения. Отделка интерьеров, колонн айванов, планировка участков, все говорит о давней оседлой жизни, культуре и богатстве строительных и декоративных приемов, о сложившихся традициях в укладе жизни феодального среднеазиатского города. И конечно, жилье Анау выглядит более примитивно. Оно является как бы этапом перехода от кочевого образа жизни к оседлому, от юрты к постоянному комфортабельному жилью[32]).

Города Ферганской долины стоят несколько особняком, так как они в себе соединяют и городской участок и усадьбу. Город по своей планировке сближается с сельским поселением и в этом отношении он аналогичен Анау. Но опять таки, участок делится на 2 половины, — жилая ячейка состоит из трех частей с айваном перед зданием. Кроме жилья, на участке имеется помещение для скота и михман-хана[33]).

Таким образом, беглый обзор жилища и усадеб Узбекистана, Хорезма и Ферганы не дает нам права говорить о каком-либо сходстве. Далеки от сравнения городские участки с их высокой плотностью застройки и сложившимся обликом жилища. «Курганча» и «хаули» же

как хутора, лишены связи и являются совершенно самодовлеющими единицами, тогда как усадьба Анау при всем ее стремлении к изолированности (высокие заборы, ворота и т. д.) является клеточкой единого организма. Жители города были членами одного рода и, будучи связаны общностью интересов, необходимостью защиты, подчинялись обычному праву, которое регламентировало их жизнь и налагало на каждого определенные обязанности. Правда, территориальная общность часто уже перекрывала родоплеменную, но общее пользование землей, пастбищами, а главное водой, ставило каждого жителя в полную зависимость от коллектива, от общины.

При анализе жилья туркмен-теке XIX в. ясно выступает его полукочевой характер. Туркмены—теке предпочитали жить в юртах и раньше этот вид жилья являлся преобладающим, и то свидетельствуется целым рядом упоминаний[34]). Только несостоятельные жители делали себе некоторое подобие жилищ — это или шалаши летом и ямы, перекрытые хворостом зимой, или сакли из глины «тамо» слепок, как их называют[35]).

Такие жилища, как и сопроводающие их хозяйственные постройки, навесы для скота мелкого и крупного, навесы — террассы носят временный характер — это шалаши, щиты из хвороста на кольях или плетеные мазанки, обмазанные глиной[36]). Они группируются в стенах калы, которая имеет внутри цитадель с небольшим гарнизоном. Часть жителей размещается и возле крепости на своих полях[37]). Участки полей перерезаны арыками и окружены невысокими стенками. Дворы как указывала В. Г. Мошкова, не всегда бывают.

Временный характер жилья, группировка его в кала, отсутствие индивидуальных средств защиты (может быть потому, что теке чаще всего являлись нападающей стороной), создают облик текинского селения, который говорит за то, что их привязывала к земле только необходимость снять урожай. Нередки случаи, когда туркмены засевали участки, а сами продолжали кочевать, посевы же сторожили специально поставленные люди.

Интересно, что туркмены-теке, завоевавшие Анау в 1861—62 гг., почти не воспользовались постройками покинутого жителями города. Они сели несколько выше и вначале жили в юртах, а потом стали строить сакли. Их поселок раскинулся по течению ручья. Маленькие здания свободно разместились на его территории. Редкие из них имели огражденные участки-дворы. Чаще всего дом совершенно не изолирован, и жизнь семьи протекала на глазах всего селения. Варка пищи, приготовление муки и некоторые другие трудовые процессы происходили на улице. Интерьер дома очень несложен: стены гладкие, пробиты окна и двери, ниш нет, а для хозяйственных мелочей употребляются мешочки, развешанные на вбитых в стену колышках. Очаг находится во дворе. Есть немногие жилища, расположенные ближе к мертвому городу, которые имеют камины и ниши, но это вероятно окраинные дома старого Анау, использованные вновь под жилье. Хозяйственных построек в селении почти нет. Фураж и дрова хранятся на улице. Скот, за исключением верблюдов, находится в крытых помещениях. Отсутствуют какие бы то ни было оборонительные сооружения.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что Анау XVIII—XIX вв. город с планировкой полусельского типа, слагающийся из определившихся территориально единиц — усадеб, которые имеют постоянные жилища с некоторыми попытками декоративного убранства интерьера (ниши, роспись, ковры), хозяйственные постройки, привязаны к месту многолетней и трудоемкой культурой винограда. Их участки распадаются на две части—хозяйственно-жилую и сад, но это не выражено еще четко в планировке. Это уже не кочевье и не кишлак, а скорее город полусельского типа; его сельское хозяйство находится в пределах обжитой территории, а не вытеснено за пределы, как это наблюдается в давно сложившихся городах.

Жилье Анау тоже отражает процесс оседания на землю. Еще несовершенны строительные приемы, неуверенны конструкции, но это уже ступень к овладению более высокой строительной культурой, к выделению специалистов — строителей из общего числа строющих.

Большое своеобразие вносят в усадьбы Анау вертикали башен, вздымающиеся среди низеньких сакель и глинянных заборов, придавая некоторую суровость общему облику и перебивая впечатление от его распластанности. Если же представить себе еще и зелень тех садов и виноградников, которые располагались на его территории, зелень, являющуюся важным элементом среди слагающих архитектуру этого города, то перед нами встает облик усадьбы туркмена-землепашца со всеми местными особенностями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комаров А. В., Туркестанские ведомости, 1888, № 24—25.

2. Марков Е., Россия в Средней Азии, т. 1, СПб., 1901, стр. 242; Семенов А. А., Развалины мечети близ селения Аннау в Ахал-Текинском оазисе. Оттиск из ж. «Средняя Азия», Ташкент, 1910; Его же, По Закаспийским развалинам. Ташкент, 1928, стр. 9; Скляровский С., Мечеть в Анау. Туркменоведение, 1929, № 2—3, стр. 41.

3. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 43; Семенов А. А., Некоторые данные к истории мечети в Аннау. Оттиск из XVII т. Известий ТОРГО; Бартольд В. В., Анау. Туркменоведение 1928, № 9. Ашхабад, стр. 53; Марущенко А. А., Существенные поправки. Туркменоведение 1930; № 11, Ашхабад; Букинич Д., Некоторые данные об Анау и Намазга тепе. Туркменоведение 1929, № 5. Ашхабад, стр. 33.

4. Мунис-Агехи, Фирдаус уль Икбаль. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 409.

5. Огородников П., Страна солнца. СПб., 1881, стр. 257.

6. Спутник Туркестан — Персия. 1915—1916, Асхабад.

7. Подробного описания усадеб здесь не приводим.

8. Мошкова В. Г., Дехканское жилье в низовьях Мургаба. (Рукопись), Ташкент, стр. 17.

9. Писарчик А. К., Самаркандские жилые дома и квартальные мечети XIX и XX вв. Ташкент, 1945. Рукопись диссертации, пранящаяся в Фундаментальной библиотеке САГУ № 233381. Самаркандский гяз = 0,85 м.

10. Это несколько напоминает собой дома-крепости сванской деревни Геба в верохвьях р. Рион. Лежава Г. И. и Джандиери М. И., Архитектура Сванетии, М., 1938, стр. 7.

11. Туган-Мирза-Барановский В. А., Русские в Ахал-теке. СПб., 1881, стр. 61, 351; Марков Е., Россия в Средней Азии. Очерки путешествия, т. СПб., 1901, стр. 195.

12. Семенов А. А., По Закаспийским развалинам... цит. соч., стр. 8.

13. Мошкова В. Г., Племенные голи в туркменских коврах. Советская этнография 1946, №3, стр. 145—148. Туган-Мирза-Барановский В. А., Цит. соч., стр. 61.

14. Толстов С. П., Новые материалы по истории Хорезма. ВДИ 1946, № 1, стр. 81, рис. 17, стр. 84—87.

15. См. Альбом усадеб Анау, (Фонд ЮТАКЭ).

16. Дмитриев-Кавказский Л. Е., По Средней Азии. СПб., 1894, стр. 88, 100.

17. Дмитриев-Кавказский Л. Е., Цит. соч., стр. 5. Лессар П. М., Поездка от Асхабада до Серакса. Известия ИРГО, 1882, вып. II, стр. 6; Марков Е., цит. соч. стр. 196.

18. Лежава Г. И., Джандиери М. И., Цит. соч: стр: 9—10.

19. Марков Е., Цит. соч., стр. 242; Скляревский С., Цит. соч., стр. 41.

20. Кладка типа «балхи» осуществляется без лесов и заключается в следующем — кирпичи кладутся наклонными рядами в углах помещения в виде лежачей стрельчатой арки. На гранях смыкания встречных рядов получается «ёлка». Таким образом осуществляется переход от квадратного основания к куполу.

21. О дарбази см. Ильина М. И., Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 5, М., 1946, стр. 4—6.

22. Остатки перекрытия на динге № 3.

23. Лессар П. М., Цит. соч., стр. 6.

24. Писарчик А. К., Цит. соч., стр. 34, рис. 21 и 22. Яворский И. П, Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 гг., т. II, СПб., 1882, стр. 220.

25. Писарчик А. К., Цит. соч., стр. 34; Лежава Г. И., Джандиери М. И., Цит. соч., стр. 9. Чарыков. Описание поездки по берегам р. Теджена Герируд. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XIII—XV, СПб., 1884, стр. 141.

26. Мошкова В. Г., сообщает, что в Бахарденском районе она имела случай наблюдать довольно высокую купольную постройку с проемами для сквозного проветривания по четырем сторонам. Постройка эта недавнего происхождения. Ей объяснили местные жители, что она сделана как убежище от жары.

27. Муравьев Н., Путешествие в Хиву и Туркмению в 1819 и 1820 гг., ч. II, М., 1822, стр. 130: «Они имеют при домах своих крытые сквозные галлереи, в которых укрываются от несносного летнего жара».

28. Дмитриев-Кавказский Л. Е., Цит. соч., стр. 72.

29. Мошкова В. Г., Устное сообщение.

30. Писарчик А. К., Цит. соч., стр. 32.

31. Калмыков А., ТКЛА, 1907—1908, год 12-й, стр. 50. Хорошхин А. К., Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876 г., стр. 32; Страмцова Т. С., Фермы и детали феодальной архитектуры Узбекистана. Труды САИИ, вып. 4, Ташкент, 1939, стр. 7—8; Писарчик А. К., Цит соч. стр. 32; Дмитриев-Кавказский Л. Е., Цит. соч., стр. 5 и 14.

32. Его можно сравнить с жильем Самарканда в период упадка XVIII в., когда от развитого типа каркасного здания перешли к глинобитным очень простым в плане, с минимальной затратой дерева, с совмещением всех бытовых процессов в одной комнате. А. К. Писарчик приводит слова старика рождения 1881 г., который помнит таким дом своего детства. Писарчик А. К., Цит. соч., стр. 11.

33. Воронина В. Л., Старые жилые дома в Фергане. Архитектура СССР 1940, №3, стр. 59.

34. Алиханов [М.], Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 35; Лессар П. М., Цит. соч. стр. 3; Стебницкий И. И., Отчет о путешествии в Закаспийский край в 1872 г., т. II, Известия Кавказского РГО, Тифлис, 1872—1873, стр. 11; Куропаткин А. Н., Завоевание Туркмении (поход в Ахалтеке в 1880—1881 г.), СПб., 1899, стр. 92.

35. Гладышев К., Заметки об Атеке и Кара Куле (поездка 1881—32 г.). Известия Кавказского РГО, т. VII—VIII, 1882—1883, стр. 117; Алиханов Цит. соч., стр. 38.

36. Мошкова В. Г., Дехканское жилище в низовьях Мургаба. Рукопись. Ташкент, 1939, стр. 29—31, 39—40.

37. Туган-Мирза-Барановский, Цит. соч., стр. 59—60; Алиханов [М.], Цит. соч., стр. 33.

М. С. МЕРЩИЕВ

САРДОБА ГОРОДИЩА АНАУ

Изучение сардобы на городище Анау, проведенное 1947 г. VI отрядом ЮТАКЭ, выдвигалось целым рядом причин: во-первых, она представляла значительный интерес как один из сохранившихся памятников средневековья на территории Анау; во-вторых, изучение могло дать материалы для решения некоторых вопросов по истории городища, а, в-третьих, и тем, что до сих пор никто детально не занимался изучением подобного рода памятников в Туркмении. О данной сардобе в существующих публикациях сведений содержится очень немного. Первое письменное известие относится к 1928 г. — это сообщение Т. Мачнева[1]), составившего план городища Анау и упоминающего о каком-то «входе в подземелье», отмеченном им на этом плане. Более подробные данные содержатся в рукописном труде Н. М. Бачинского[2]), который в 1936 г. частично вскрыл этот памятник и дал краткое, далеко не полное его описание.

Высокая техника выкладки сводов дала возможность хорошо сохраниться до настоящего времени таким инженерным сооружениям, как сардобы и ледохранилища, даже несмотря на употребление в последних простейшего строительного материала — сырцового кирпича. Однако сведения об этого рода постройках в Туркмении очень скудны; критический материал для сравнений и установления аналогий дает специальная работа М. Е. Массона о сардобах Узбекистана).

Тип купольных сардоб возник не сразу, а имеет свою длительную историю развития, начиная от приспособления естественных ям («каки») для сохранения воды. В дальнейшем процессе усовершенствования яма все больше углублялась, причем для закрепления стенок стали применять облицовку из жженого кирпича. Так создалась сначала открытая цистерна, а затем, при перекрытии ее куполом, получилось уже более или менее законченное техническое сооружение— «сардоба», т. е. крытое водохранилище.

Практичность и несложность конструкции сардоб позволяет допустить, по мнению М. Е. Массона, что они давно вошли в среднеазиатскую строительную практику, хотя на это нет прямых ранних письменных указаний. Судя по тому, что подземные кяризы, широко распространенные в Средней Азии, в частности в Туркмении, до наших дней, существовали еще в эпоху Ахеменидов (VI—IV в.в. до н. э.), не исключена возможность появления сардоб также уже в отдаленном прошлом.

Число сардоб увеличивалось с ростом городов и торговли, с формированием новых общественных отношений с эпохи, когда Средняя Азия вошла в состав арабского халифата. В средневековых арабских источниках есть указание о наличии в Мавераннахре «цистерны

Сеида». Если до X в. можно было априорно говорить о существовании сардоб, то уже с X в. имеются прямые указания в арабской географической литературе. Макдиси упоминает, что в конце X в. в Мерве имелись открытые и крытые водоемы с лестницами и дверцами, которые в них открывались со стороны канала, и что они открывались по мере надобности — следовательно, питались водой из арыков.

Для XI—XIV вв. пока не выявлено прямых указаний на сооружение сардоб, но расцвет торговли и городской жизни не мог не вызвать улучшения дорог, мостов, водоснабжения — в частности, сардоб.

XV в. является периодом бурного строительства различных монументальных зданий, великолепных и грандиозных по размерам дворцов, мечетей, медресе с изящным убранством. Наряду с этим проводили широкое строительство инженерных сооружений — мостов, рабатов, сардоб и т. д.

Что касается XVI столетия, то большинство сохранившихся в Средней Азии сардоб, как будто, связано с именем шейбанида Абдулла хана (1593—1598), который якобы отстроил и восстановил 400, а по другому варианту 1000 сардоб, караван-сараев и других гражданских зданий. В XVIII в., в связи с общим регрессом, набегами кочевников и непрерывной междоусобной борьбой, процесс разрушения сардоб усилился. С XIX в., отмеченного относительным экономическим подъемом отдельных областей Средней Азии, наблюдается забота о поддержании и улучшении путей сообщения и некоторые меры к поддержанию сардоб.

С проведением железных дорог в жизни сардоб наступает новый период забвения и разрушения. Это объясняется тем, что древние торговые дороги, где сардобы чаще всего и строились, если не полностью, то в значительной степени потеряли свое былое значение.

Некоторые современные устные предания архитекторами этих сооружений в Туркмении называют персов, повидимому, потому, что строителями различных местных гидротехнических сооружений, например, «кяризов», бывали иногда выходцы из Хорасана.

Несомненно, что на создание сардоб был затрачен значительный труд, особенно если учесть возможности средневековой техники производства и транспорта. Материал заготовлялся в культурных оазисах, а затем перебрасывался вьючным путем к месту постройки.

По источнику питания сардобы делятся на несколько групп. Одни рассчитаны только на талые и дождевые воды. Другие, в местах, где это возможно, получают сверх того воду с помощью каналов, выведенных из реки арыка, иногда из кяриза. По рассказам участников Отечественной войны, бывших в Иране, там очень часто сардобы строятся у выхода воды из кяриза (особенно много таких сардоб в Мешхеде). Иногда, когда благоприятных естественных условий бывает недостаточно, для подвода к цистерне воды строятся углубленные русла. Часто одним водосбросом пользуются стоящие рядом две или больше сардоб. Примером парных сардоб являются, например, Кошсардоба и сардоба Бузучи.

Большинство теперь бездействующих сардоб питались талыми и дождевыми водами; когда их было недостаточно, к цистернам прово-

няли воду по специальным арыкам, а там, где это было сделать невозможно в силу естественных условий, цистерны с зимы набивались снегом. Некоторые цистерны дважды в год наполнялись водой—весной и осенью, другие только весной; все это зависело от условий и значения. Вода в некоторых сардобах, по показаниям местных жителей, якобы оставалась годной для питья в течение трех лет. Сохранность, конечно, зависела в значительной степени от ухода за цистерной; если она содержалась неопрятно, то значительно скорее вода портилась. Сардобы нуждались в чистке от оседающих частиц и от пыли, которая приносится во время пыльных ветров, что является неизбежным фактором пустыни.

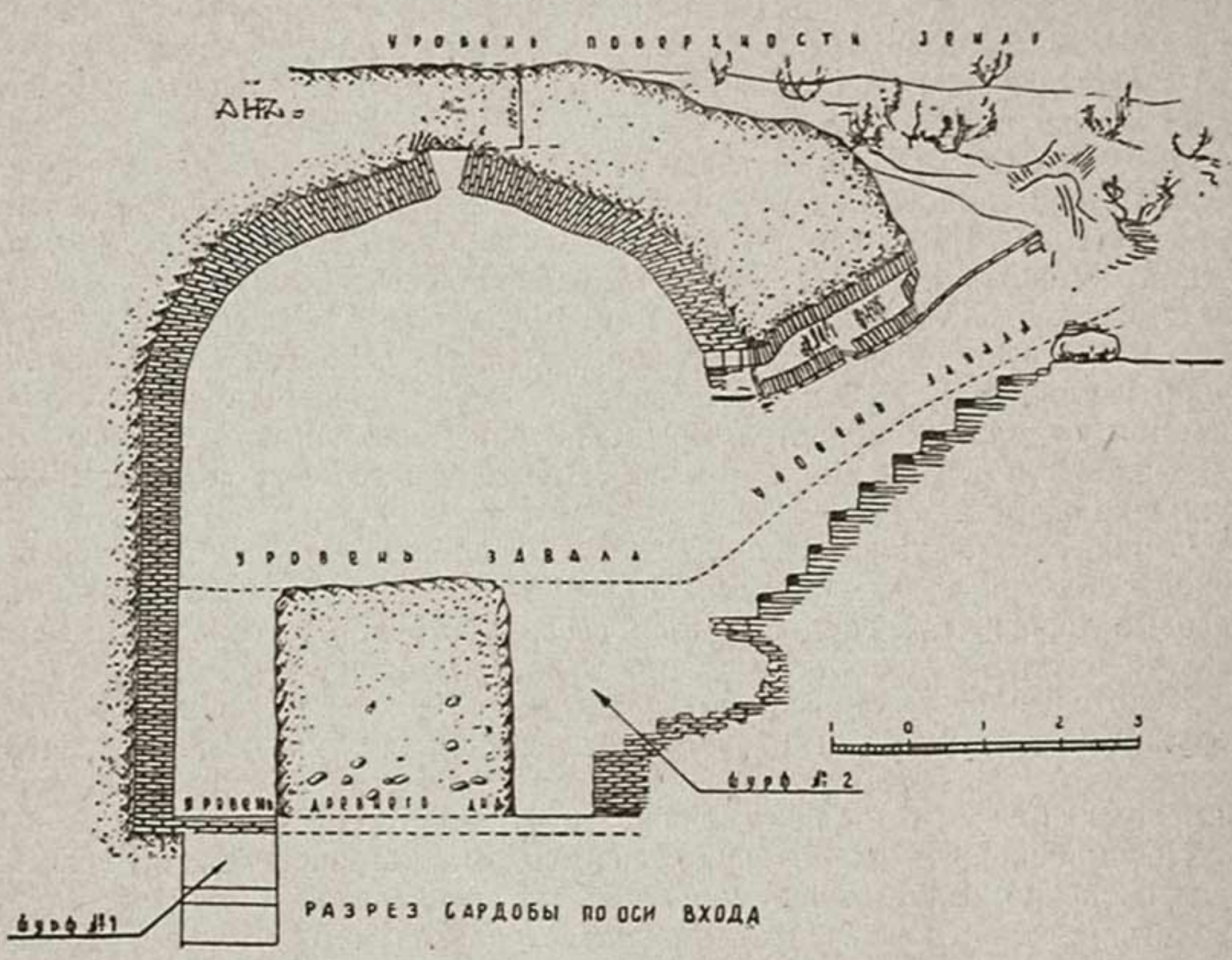


Рис. 1. Разрез сардобы по оси входа.

Основным строительным материалом для сардоб служит плоский квадратный жженый кирпич, за исключением редких случаев, когда в основании закладывается камень. Сардоба Анау также построена из жженого кирпича. На сооружение же ледохранилищ, сохранившихся, например, в Старом Мерве[4]) применяется сырцовый кирпич.

По назначению сардобы можно разделить на сардобы построенные на торговых путях, иногда при караван-сараях, и сардобы городские, предназначенные для водоснабжения населения города. К типу городских относится и сардоба, расположенная на городище Анау.

Изучение памятника производилось по принятым ЮТАКЭ приемам методики археологических работ. После предварительного исследования крепости и территории вокруг нее и уяснения значения

объектов, находящихся непосредственно вблизи сардобы и примыкавшего к ней хауза, было приступлено к изучению самой сардобы. Прежде всего был произведен выбор абсолютной точки репера, контрольной точки, к которой привязывались все необходимые отметки при работах отряда № 6 ЮТАКЭ. Такой репер был взяг на одном из камней, дверной пяте, употребленной здесь, повидимому, в качестве намогильника и находящейся в 20 метрах от сардобы. Была произведена нивелировка площадка разбита на квадраты (квадрат 1 × 1 м). Археологическое вскрытие производилось по квадратам и ярусам (ярус 50 см). Весь добытый материал фиксировался поквадратно, с указанием яруса. В процессе работы выяснилась необходимость отбивки вспомогательных горизонтальных линий внутри сардобы. Отбивка линий горизонта производилась при помощи уровня. Обмеры при составлении плана и разреза сардобы велись способом засечек, обеспечивающим необходимую точность. При окончательных замерах различных мелких деталей внутри сардобы для удобства отсчет велся от дна сардобы, принятого за нулевую точку. Дно же находится на 9, 72 м ниже реперной точки.

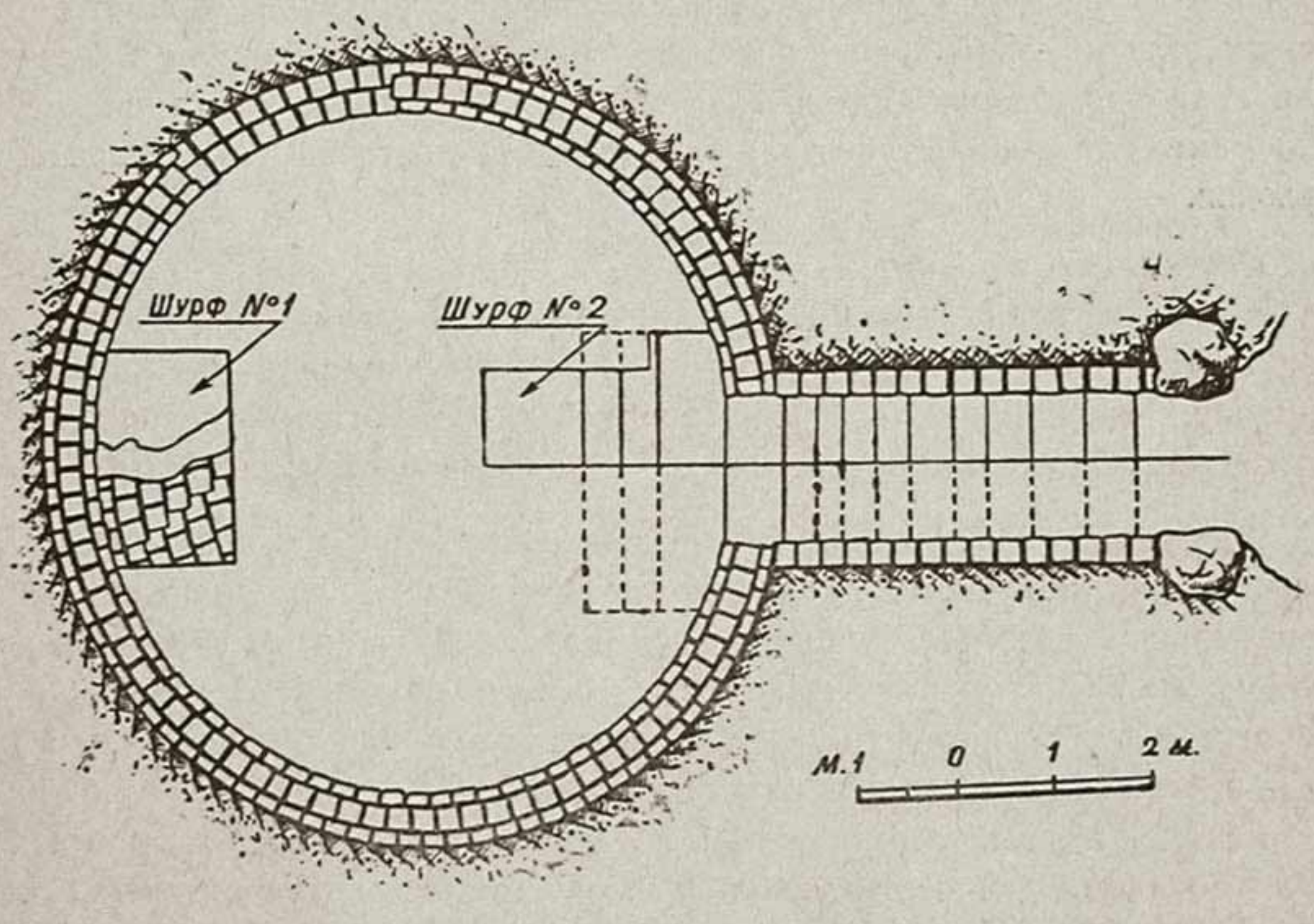


Рис. 2. План сардобы.

Была произведена расчистка лестницы внутри коридора и заложены два шурфа: шурф № 1 у южной стены сардобы и шурф № 2 у северной стены сардобы. Работа производилась с двумя рабочими с 16 по 23 сентября 1947 г. Объем земляных работ равнялся 15 м³.

Сардоба расположена на территории крепости Анау в ста метрах на северо-восток от мечети. С южной стороны к ней примыкал прежде хауз, в который, очевидно, собирались дождевые и талые воды, по трубам поступавшие в сардобу.

Из-за накопления снаружи мощных культурных наслоений постройка сейчас находится под землей. На первый взгляд она кажется действительно подземной и только изучение культурных слоев над сардобой показывает, что они образовались в период запустения города.

Сардоба сложена из жженого плиточного кирпича (размер кирпича 24 × 25 × 5, 25 × 25 × 5, 25 × 26 × 6 см.). Вход в сардобу осуществлен в виде длинного, круто спускающегося коридора, перекрытого арочным сводом. Нами была произведена расчистка половины завала по всей длине оплыва. На глубине от 40 до 100 см были обнаружены ступеньки лестницы. Ступеньки выложены из жженого кирпича того же размера, что и кирпич стен и скреплены алебастровым раствором. Каждая ступенька заканчивалась балочкой, заделанной концами в толщу кладки стен. Судя по хорошо сохранившимся гнездам в стенках коридора, балочки были диаметром 12—14 см. В одном из гнезд (на самой нижней ступеньке) сохранились остатки такой арчевой балочки.

В стенах почти на одном уровне — 5,56—5,62 м. от пола — находится семь отверстий, вероятно, служивших для вентиляции. Имеются также две гончарных трубы, по которым поступала вода из хауза в сардобу. Одна из них в северо-западной стороне стены расположена на высоте 5,12 м от пола, другая в юго-западной стороне стены.

Кладка купола кольцевыми рядами начинается с уровня гнезд, с постепенным напуском кладки во внутрь. Замок купола имеет вид шестигранного камня. Купол в северо-западной части дал значительный прогиб. Наклон стен на высоте 5 м от пола равен 20 см. Сардоба не строго центрична, но представляет кривую, как бы описанную из трех центров. Видимо, это результат некоторой неточности выкладки стен по кругу. Диаметр сардобы в среднем равен 6,65 м. Высота от пола до замковой части равна 8 м. Объем резервуара, считая до уровня первой ступеньки лестницы коридора, равнялся примерно 61 м³.

Толщина стен на уровне 5,56 м от пола (где возможно было осуществление замера) равна 53 см. Вполне возможно, что у основания стены были сравнительно толще. Кладка стен идет вперемежку—один ряд из двух цельных кирпичей, второй из целого и двух полукирпичей по краям.

Входная арка значительно деформировалась; щековые стороны проема идут не по вертикали, а со значительным наклоном во внутрь. Это вызвано позднейшим ремонтом, специально так сделанным, чтобы придать упорам большую устойчивость и прочность.

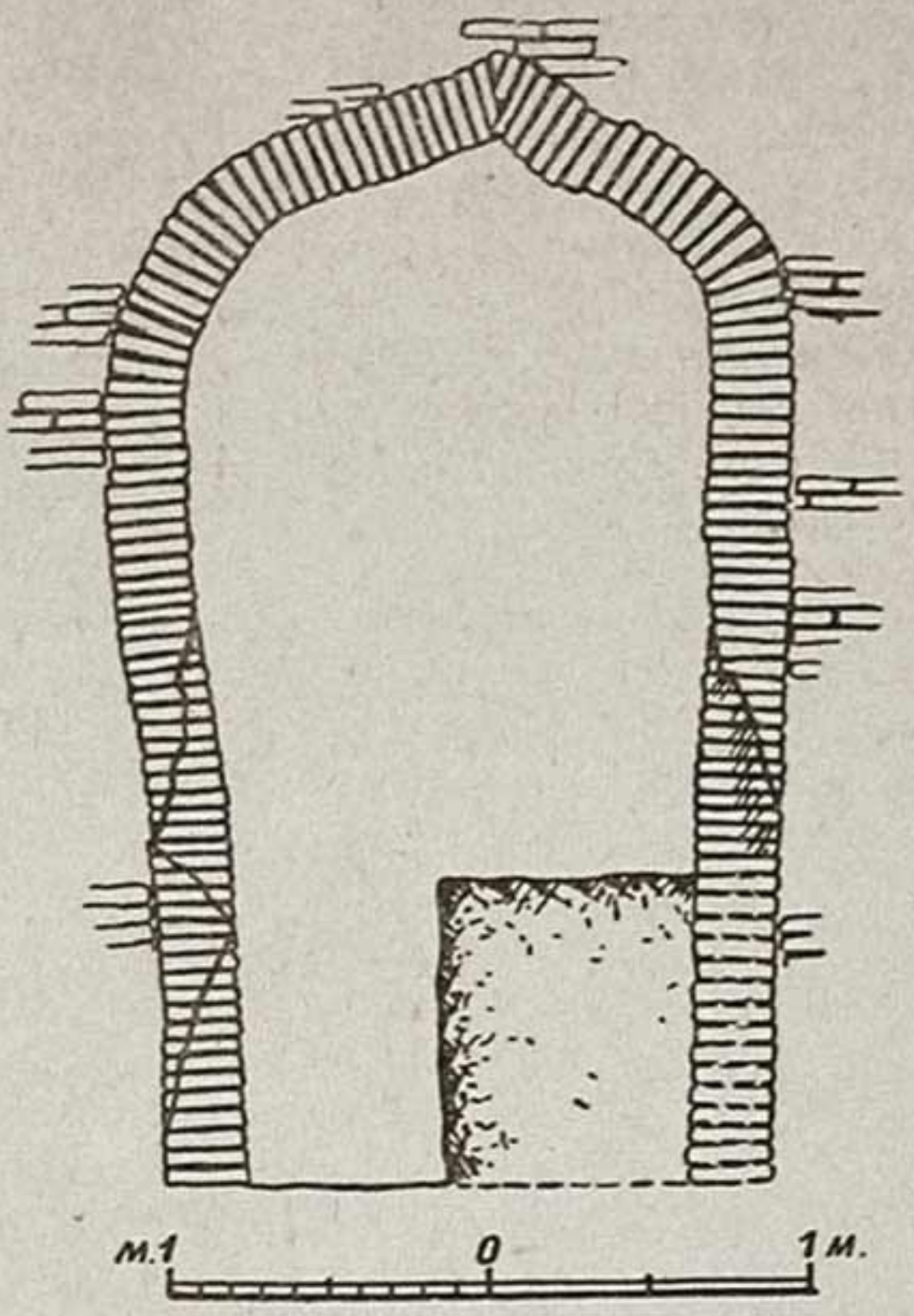


Рис. 3. Деформированная арка входа (вид изнутри)

На поверхности пола никаких камней, которые якобы служили в качестве фильтров коагуляции воды, как утверждается в отчете Н. М. Бачинского, обнаружено не было — ни в шурфе у южной стены, ни в шурфе у северной стены сардобы. В действительности, как показало вскрытие, пол сардобы обмазан алебастром (видимо, Н. М. Бачинский при раскопках до этого уровня не дошел). Пол лежит на 9,72 м ниже реперной точки, состоит из двух слоев алебастровой обмазки: верхний толщиной 1 см, второй толщиной 3 см. Ниже лежат два ряда жженых кирпичей, скрепленных алебастровым раствором, который, заполняя швы, образует крепкую основу. Характерно, что если верхний ряд кирпичей выстилки основания состоял из цельных, плиток то второй также и из обломков. Кирпичи уложены по возможности с таким расчетом, чтобы швы верхнего ряда не совпадали со швами нижнего. Толщина двух рядов кирпичей равна 12—14 см. На этом же уровне заканчивается и кирпичная кладка стен сардобы. Размер кирпичей 24 × 24 × 5, 25 × 25 × 5 см. Ниже уровня кирпичной кладки пола находится слой суглинка, очевидно, являвшийся подушкой, на которой возводилась сардоба, толщиной 60 см. В этом слое были обнаружены 4 фрагмента стенок сосудов неполивной керамики. Ниже залегает слой глины толщиной 20 см, образовавшийся в процессе отстаивания воды еще до сооружения сардобы.

Можно полагать, что здесь была котловина, в которой собирались воды, что подтверждается данными, полученными из шурфов, заложенных вне сардобы. Примерно на том же уровне обнаружен слой глины в шурфе № 1 в 30—35 м вне сардобы. На метр ниже уровня пола начинается слой супеси.

Предварительный анализ растворов из пола сардобы, произведенный в лаборатории строительных материалов САНИИРИ Н. С. Гражданкиной, показал следующее:

«Слои раствора, покрывающие пол сардобы: верхний толщиной 1 см и нижний, толщиной около 4 см могут быть названы известково-пуццолановыми цементами (кыр), приготовленными из растительной золы (камыш, верблюжья колючка) и извести с небольшим количеством песка. Оба раствора водостойки; первый (1 см. толщины) — хорошо выдерживает воздушный режим; второй — на воздухе теряет в весе и, очевидно, снижает прочность. Воздушная прочность второго слоя 18 кг/см². Водная должна быть выше. Слой раствора, лежащий под кирпичным полом сардобы, толщиной в 60 см, выполнен на зеленоватой глине; очевидно является подушкой и водоизоляционным слоем под полом. Совершенно не водостоек, с увлажнением быстро размягчается».

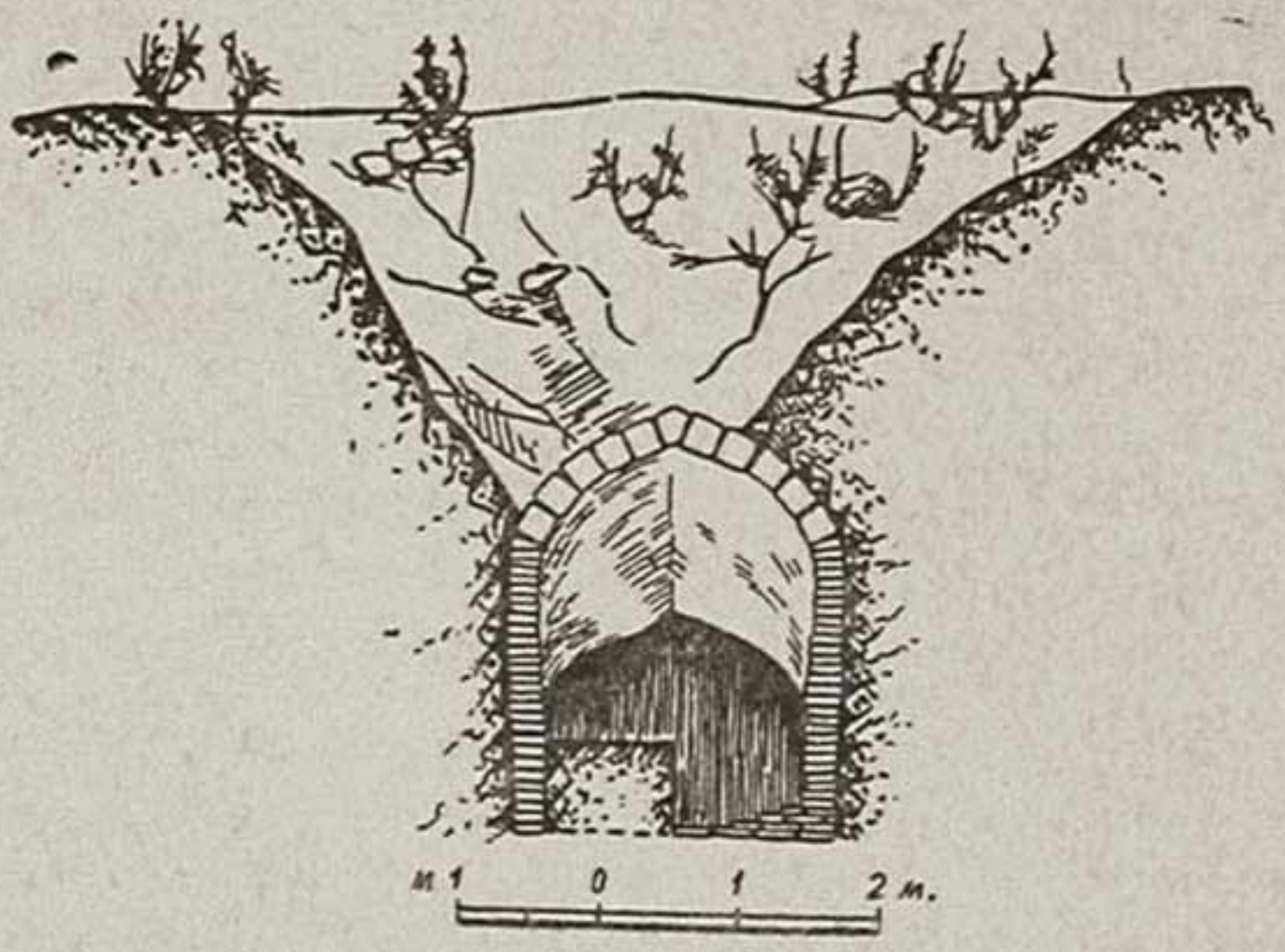


Рис. 4. Спуск в сардобу снаружи.

После зачистки лестницы в коридоре необходимо было установить, чем заканчивается лестница внутри сардобы, для чего в северной ее стороне у стены был заложен шурф. В результате археологического вскрытия выяснилось, что лестница продолжается и насчитывает еще три ступеньки, от последней непосредственно начинается резервуар. Пол, как и в шурфе (№ 1) у южной стены, находится на 9,72 м от репера. На полу никаких камней встречено не было.

Несмотря на то, что по найденной керамике в оплыве невозможно точно латировать время возведения, однако, поскольку в оплыве у пола доминирует толстостенная с грязно-коричневой или голубоватой поливой керамика XVII—XVIII вв., это дает некоторую датировку, указывающую на время запустения сардобы.

Находка в кирпиче стены сардобы фрагмента конца XIII—XIV столетий (голубая полива с черным отвлеченным орнаментом) дает нижнюю границу времени, раньше которого здание не могло появиться. Сравнение размера кирпичей и всего строительного материала сардобы со строительным материалом и кирпичами мечети (1455/6 г.), изучение культурных слоев над сардобой, которые также дают позднейшую керамику—все это позволяет считать, что сардоба могла возникнуть

в промежутке времени между XIV—XVI вв. Раскопки на крепости показали, что здесь наличествуют очень значительные (до 3—4 м) археологические толщи XV столетия. При Тимуридах территория крепости Анау была обжита, о чем красноречиво говорит наличие такого великолепного архитектурного памятника, как мечеть и значительного количества фрагментов инвентаря этого времени. Думается, что и городская сардоба могла здесь скорее всего появиться именно в XV столетии.

Сардобы представляют собой чрезвычайно интересную категорию памятников материальной культуры. Сооружение их в прошлом было связано с развитием городской жизни с одной стороны, с ростом караванных путей в те или иные эпохи — с другой. Однако, помимо историко-археологического, изучение сардоб неизбежно должно итти и по линии решения некоторых прикладных задач, составляющих специфическую черту советской среднеазиатской археологии.

Сардобы дают много поучительного как древние инженерные сооружения Средней Азии. Бескружальные системы сводов и куполов, применение гидроизолирующих местных растворов — все эти факты могут быть с успехом использованы в местной строительной практике, особенно в условиях острого дефицита в Средней Азии дерева и цемента. Не приходится говорить и о важном функциональном назначении сардоб — как обширных водохранилищ, разбросанных в пустынных местах.

Туркмения, издавна страдавшая от безводья, за последние десятилетия претерпевает период изменения водного режима, связанного с какими-то, пока еще не вполне ясными естественными процессами. Это обстоятельство породило в инженерно-ирригационных организациях ТССР специальный интерес к сардобам. На 1948 г. Главводхозом Туркмении намечалась даже особая экспедиция по изучению этих сооружений, а в перспективе—возможное, восстановление некоторых старых сардоб и сооружение новых. Решению этих практических задач должно предшествовать изучение приемов местной старой техники, опыта многовековой практики предыдущих поколений с последующим использованием всех полученных результатов при разработке нового, более рационального типа сардоб, отвечающих требованиям социалистического освоения среднеазиатских пустынь.

Такие задачи диктуются требованиями сегодняшнего дня. Естественно, что в первую очередь с наименьшей затратой средств целесообразно было бы использовать все имеющиеся, частью полузасыпанные, частью полуразрушенные цистерны.

Сардоба Анау — первая в Туркмении, затронутая научным исследованием. Детальное изучение других сохранившихся древних сардоб ТССР должно стать в плане задач последующих работ, которые должны вестись комплексно—с участием инженера-гидрогеолога, архитектора и археолога.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Чертеж плана городища Анау. «Туркменоведение». 1929, № 2—3, стр. 40.

2. Бачинский Н. М., Отчет о ремонтно-консервационных работах Института истории Туркмении в 1936 г. Рукопись. Ашхабад, 1938, Архив ТССР, стр. 31.

З. А. АЛЬХАМОВА

ПОЛЕВОЙ ОТЧЕТ VIII ОТРЯДА ЮТАКЭ ПО ИЗУЧЕНИЮ РАБАДА ГОРОДИЩА СТАРОГО МЕРВА В 1947 г.*)

Отряд состоял из двух человек — начальника отряда археолога З. А. Альхамовой и коллектора Д. Ахрарова. Руководство работами осуществлял начальник экспедиции профессор М. Е. Массон.

По плану ЮТАКЭ отряду было поручено:

1. Проследить распространение керамики парфяно-кушанского типа на территории городищ Старого Мерва.
2. Проследить территорию рабада XI—XII вв.
3. Определить, являлся ли вал Гилякин-Чильбурдж границей рабада XI—XII вв.

Отряд выехал в Байрам-Али 13 сентября и 14 приступил к работе. На рекогносцировочные работы ушло 22 дня.

Вся территория Мервских городищ была разделена на участки с условными обозначениями для фиксации археологических находок. Была обойдена площадь Мервских городищ и рабада в пределах вала Гилякин-Чильбурдж и вне его. Археологические находки, преимущественно керамика парфяно-кушанского типа и XI—XII вв., регистрировались как для поквадратной описи; наиболее характерная керамика описывалась на карточках. Места распространения керамики определенного периода регистрировались на плане 19 дней проводились небольшие разведочные раскопки. Было использовано 19 человекодней; вынуто 36 кубометров земли.

Раскопы, разделенные на квадраты в 1 м в стороне, при величине яруса в 1 м., были заложены в двух точках по валу (в северо-западной части вала—раскоп $Ч_1$ и в северной части—раскоп $Ч_2$), а также в трех пунктах на территории мервских керамических мастерских X—XI вв., расположенной к западу от Султан-кала и восточнее мавзолея Мухаммада Ханапья.

В процессе раскопок велась поквадратная опись. Материал раскопов вала описывался и регистрировался весь; из раскопов в районе мервских керамических мастерских отбирался характерный материал и описывался на карточках. 12 дней были заняты обмерами раскопов, вычерчиванием планов и разрезов, фиксацией и описанием археологических материалов.

---

* В связи с трагической гибелью археолога З. А. Альхамовой обработка полученных VIII отрядом ЮТАКЭ материалов и наблюдений автором завершена не была, почему в настоящем томе публикуется ее полевой отчет, представленный по окончании полевых работ (Прим. ред.).

Территория распространения парфяно-кушанской керамики, в результате рекогносцировочных работ, представляется следующей: наибольшее количество керамики парфяно-кушанского времени встречается в Эрке-тепе; восточная и центральная часть городища Гяур-кала и вал севернее этого городища дают меньшее количество такой керамики. В пределах вала Гилякин-Чильбурдж она в небольшом количестве встречается преимущественно в северной, северо-восточной, восточной и южной частях пригорода Гяур-кала; она встречается и на самом вале — у подножий и на гребне. На всем этом пространстве, особенно в западной части, керамика парфяно-кушанского времени перекрыта материалами более поздних эпох. Таким образом устанавливается, что территория распространения археологических материалов парфяно-кушанской поры располагается примерно в пределах вала Гилякин-Чильбурдж.

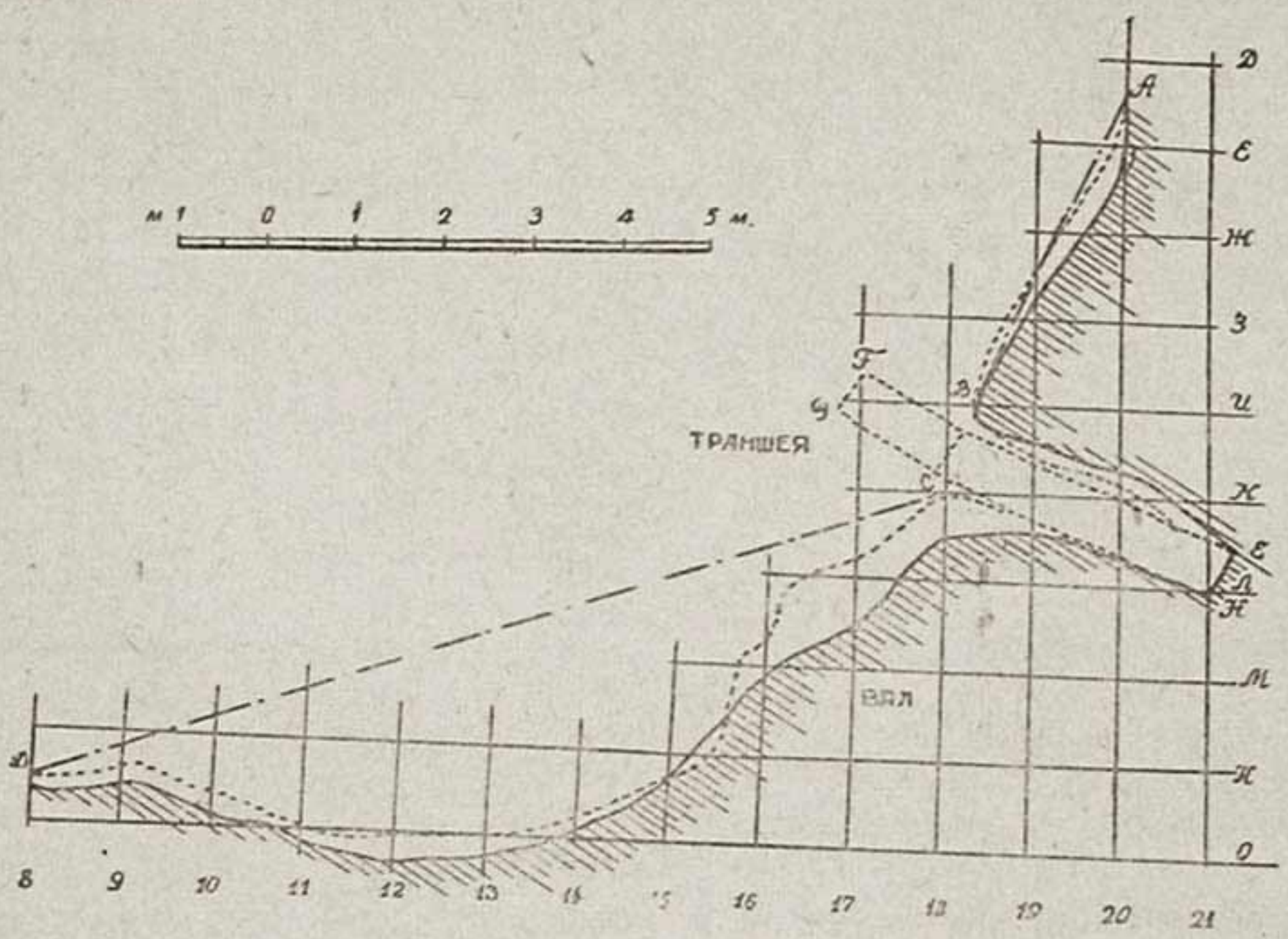


Рис. 1. План расчистки у вала Гилякин-Чильбурдж.

Вал Гилякин-Чильбурдж возник как стена, окружавшая пригородную округу Гяур-кала, и охватывает собой площадь примерно в 40 км². Он был обойден на всем его протяжении по гребню и подножию с проведением сбора встречающейся на валу керамики. Последняя была зафиксирована и описана на карточках. В двух пунктах вала было заложено два раскопа. Раскопами устанавливается, что он был сооружен из пахсы (высота блоков 70—80 см) и выведен прямо на поверхности земли. Первоначальная ширина его была, видимо, 6—7 м; местами, может быть, и шире. В настоящее же время в оплыве он имеет ширину свыше 20 м и возвышается над современным уровнем земли не более, чем на 3 м. Время постройки «вала» точно не устанавливается. Возможно, он был сооружен в парфяно-кушанскую эпоху. Существование его в последующие столетия с несомненностью устанавливается как данными раскопа, так и подъемным материалом. О том, что Гилякин-Чиль-

бурдж существовал и функционировал как стена пригорода в III — VI вв. н. э., свидетельствует распространение керамики этой эпохи в пределах вала и на нем самом. Об этом же говорит и скопление в одном пункте большого количества (свыше 130) глиняных обожженных ядер (глина характерного для керамики Мерва этого периода серо-зеленого цвета), диаметром примерно в 10 см. Скопление ядер, видимо, говорит о том, что здесь располагались ворота, которым придавалось и оборонительное значение.

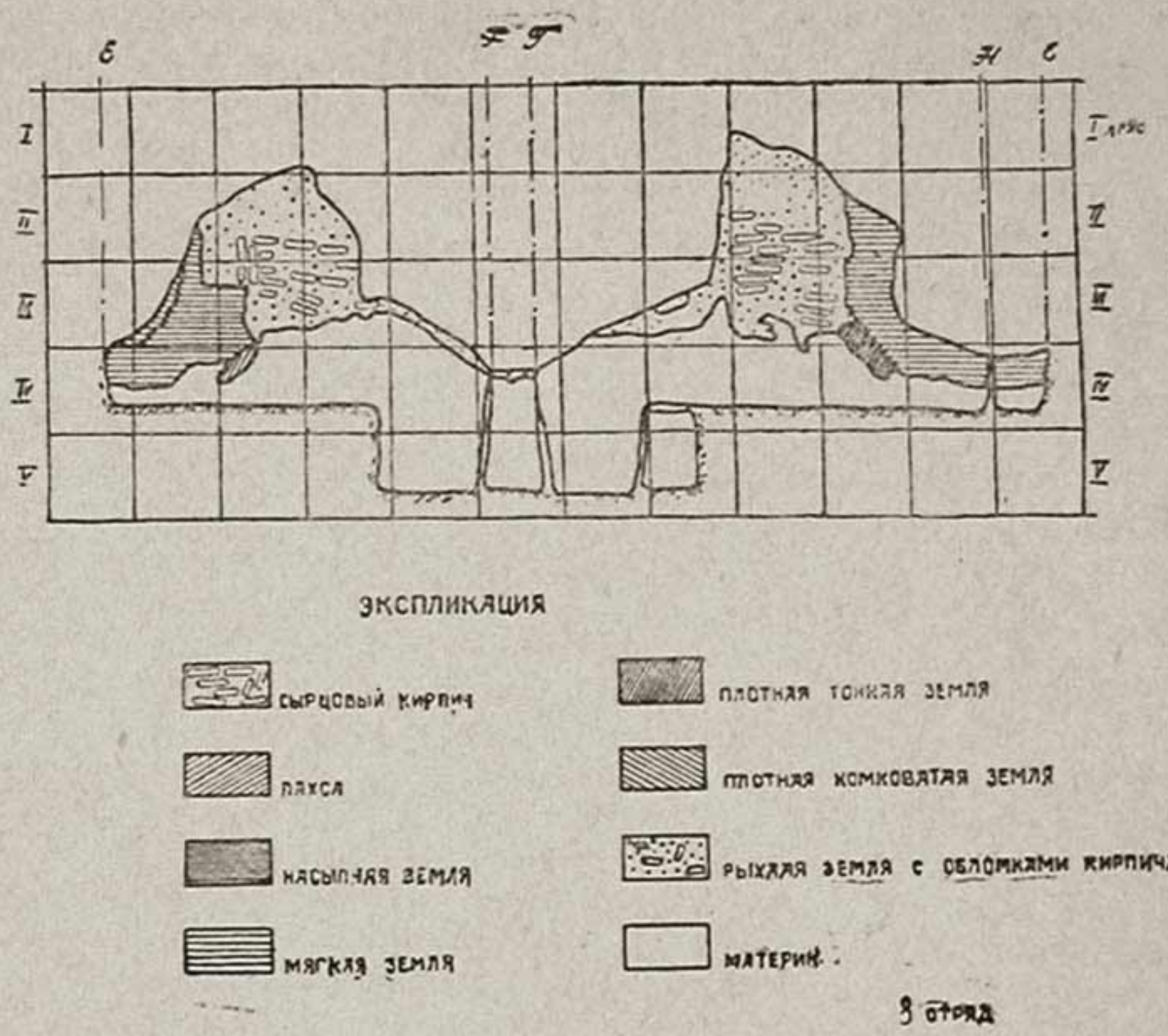


Рис. 2. Развертка траншеи.

К эпохе, непосредственно предшествовавшей арабскому завоеванию, по нашему мнению, следует отнести и ремонт стен. Так, участок ремонта был обнаружен в раскопе $Ч_1$ (в верхней части квадратов 0—13, Н — 14, Н — 15 и М — 16). Видимо, вал в этом месте или оплыл или из него была вынута земля и пришлось укреплять его сырцовым кирпичом. Кирпичи (размерами $39 \times 39 \times 9$ см^3) были положены наклонно с запада на восток. Представляется возможность связать этот ремонт со временем производства крупных фортификационных работ на городище Гяур-кала. Там стены местами сложены, местами одеты облицовкой из кирпича таких же размеров. А более ранней стеной надо считать ту, что сложена из кирпича размерами $42 \times 42 \times 12$—14 см^3, характерного для парфяно-кушанского периода. Вполне возможно, что при укреплении одних стен городища ремонтировали и другие. Может быть об этих крупных фортификационных работах и говорит средневековое предание, приведенное у Ибн-ал-Факиха и Якута, что некая Хумай, дочь Ардешира, сына Исфендияра, когда пришла ее очередь править Мервом, приказала соорудить стены вокруг города.

Никаких данных о Гилякин-Чильбурдж в период VII—IX вв. собрать не удалось. Судя по керамическим материалам, жизнь города этого времени далеко не достигала границ, окаймленных изучавшимся валом.

Согласно свидетельству Истахри (первая половина X в.), город в обширном смысле этого слова (т. е. снабжаемый водой 4-х каналов) был окружен стеной. Это свидетельство может относиться только к Гилякин-Чильбурджу. Имел ли тогда вал какое-нибудь оборонительное значение, сказать трудно.

Археологическими наблюдениями устанавливается, что в период X—XI вв. он такового уже не имел и в некоторых местах был перерезан сооружениями той эпохи. Так, ряд бугров—остатков былых сооружений на берегу Маджана, пересекает вал и тянется дальше на север. Речь идет о холмах, отмеченных на плане В. А. Жуковского, как сплошной вал, и идущих от северного выступа стен северного обвода Султан-калы на северо-северо-запад.

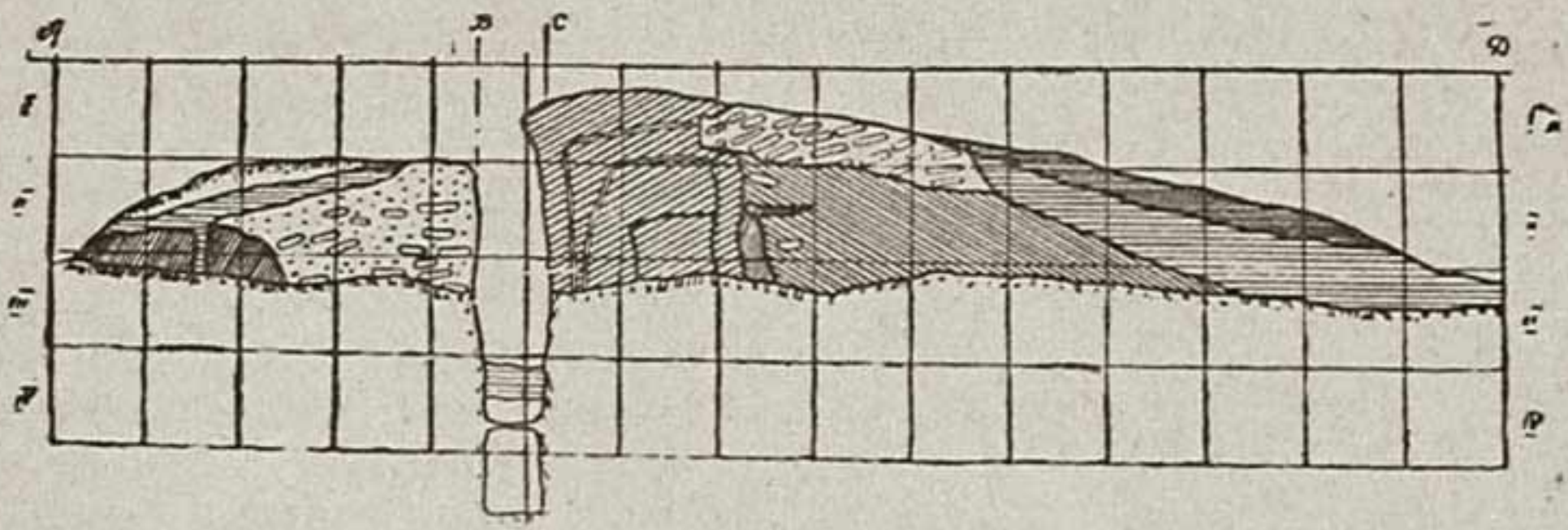


Рис. 3. Развертка расчистки.

Таким образом, дается отрицательный ответ на вопрос о том, был ли вал Гилякин-Чильбурдж стеной рабада Мерва в период X—XI вв. Видимо, и в первую половину XII в. вал не имел уже оборонительного значения. Жизнь рабада в эту пору простиралась далеко за пределы Гилякина-Чильбурджа (об этом ниже).

Последний период жизни вала, как некоего оборонительного сооружения, можно отнести к концу XII — началу XIII вв. В раскопе $Ч_1$ (квадраты К — 18, К — 19) обнаружен след ремонта вала в его восточной части. Он отличен от ремонта при сасанидах, который проводился с западной, (т. е. внешней от города) стороны стены. Ремонт конца XII — начала XIII вв. состоит в насыпке комковатой земли с беспорядочно положенными обломками сырцовых кирпичей. В засыпке было найдено дно сосуда серой глины с кольцевым поддоном и спускающимся вниз мысиком в центре дна. Видимо, это был последний период жизни вала в качестве оборонительного сооружения.

В настоящее время Гилякин-Чильбурдж представляет собой на северо-востоке широкий оплывший вал, местами от него сохранился лишь ряд бугров, а в восточной и северо-западной частях вал совершенно сходит на нет. Южная часть вала (южный отрезок стены, указанный на плане, приложенном к труду В. А. Жуковского) не сохранилась совершенно и снесена, видимо, при подготовке площадок для посадок Байрам-Алийского шелкосовхоза.

В северо-западной части отряду удалось проследить вал дальше, чем он указан на упомянутом плане. Западный отрезок вала, отмеченный там примерно в километре от Султан-кала, на самом деле находится еще на полкилометра западнее и прослеживается против указанного на север и юг метров на 800—900 далее.

Подъемная керамика вала, кроме керамики парфяно-кушанского времени IV—VII вв. и X—XIII вв., дает ограниченный материал XIV—XV вв. и более поздний материал, который можно отнести ко времени XVIII—XIX вв. Возникновение рабада на исследуемом месте относится еще к VII—VIII вв. н. э., когда постепенно передвигавшаяся с востока на запад жизнь с территории Гяур-кала перехлестнула за стены городища. Арабы, захватившие город в VII в., способствовали передвижению жизни города на запад перенесением базаров на канал Маджан и сооружением там же мечети.

Западный пригород постепенно становится важнейшей частью Мерва, и это обстоятельство получает свое выражение в том, что наиболее густо населенная часть пригорода была окружена стеной, сложенной из пахсы.

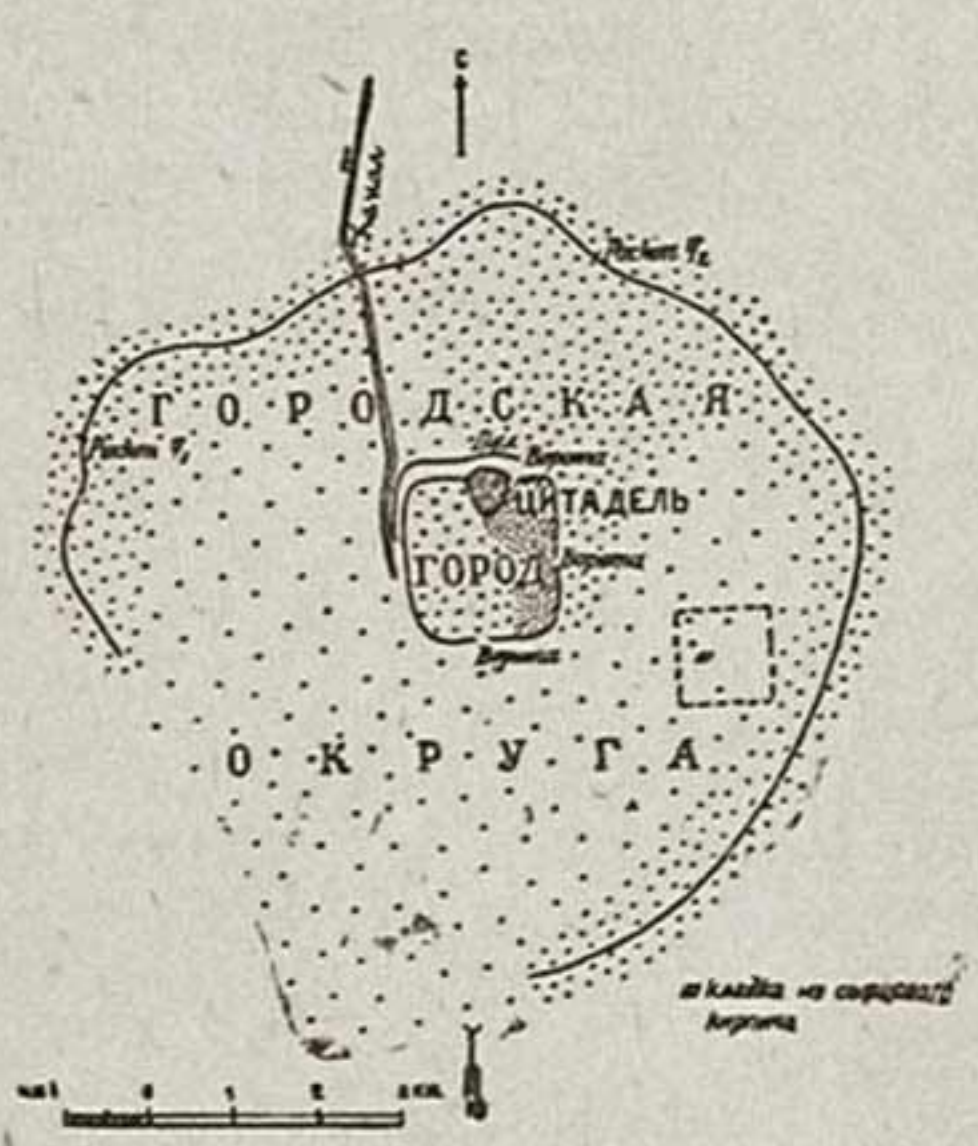


Рис. 4. Схема распространения археологических материалов IV—VII вв.

Возникновение пахсовых стен относится, видимо, к концу IX—началу X вв. В. А. Жуковский (Развалины Старого Мерва, стр. 26) говорит (со ссылкой на Ибн-ал-Асира), что сооружение стен приписывается наместнику саффарида Амр-ибн-Лейса, Ахмеду ибн Сахлю, ведшему борьбу с саманидом Насром бен Ахмедом. Но собственно городом продолжали считать Гяур-калу, хотя и называли ее (по Мукаддаси) „Старым городом". И так как, видимо, в пределах пахсовых стен не было крепости, то, говоря о крепости Мерва в X в., историки и географы рассказывают об Эрке-депе, использовавшуюся в то время под бахчи.

В перепитиях борьбы между среднеазиатскими династиями за обладание областями Хорасана Мерв сильно пострадал, так что Мелик-шах (1072—1092), согласно свидетельству Якута, в целях укрепления города укрепил стены длиной в 12 300 шагов, что, по расчетам В. А. Жуковского, соответствует квадрату Султан-калы. При этом южная и северная части города остались за пределами новой стены. В. А. Жуковский эти части называет северным и южным обводами Султан-калы.

Новая стена городища была сложена из сырцового кирпича (27—29 см в стороне × 6 см). Тогда же, видимо, была сооружена и цитадель Султан-калы, так называемый Шахрияр-арк (треугольная площадь в северо-восточном углу городища, отделенная кирпичной стеной с башнями, выходившими в город). Но вскоре после смерти Мелик-шаха,

в 1093 и 1095 гг. Аргун Арслан дважды разрушал стены и ворота города. Очевидно, султану Санджару по вступлении на престол пришлось заняться ремонтом стены. Стены были обнесены полуметровой толщины кирпичной облицовкой (кирпич 27×27×5 см³), ясно прослеживаемой в настоящее время в некоторых местах северной и восточной стен городища.

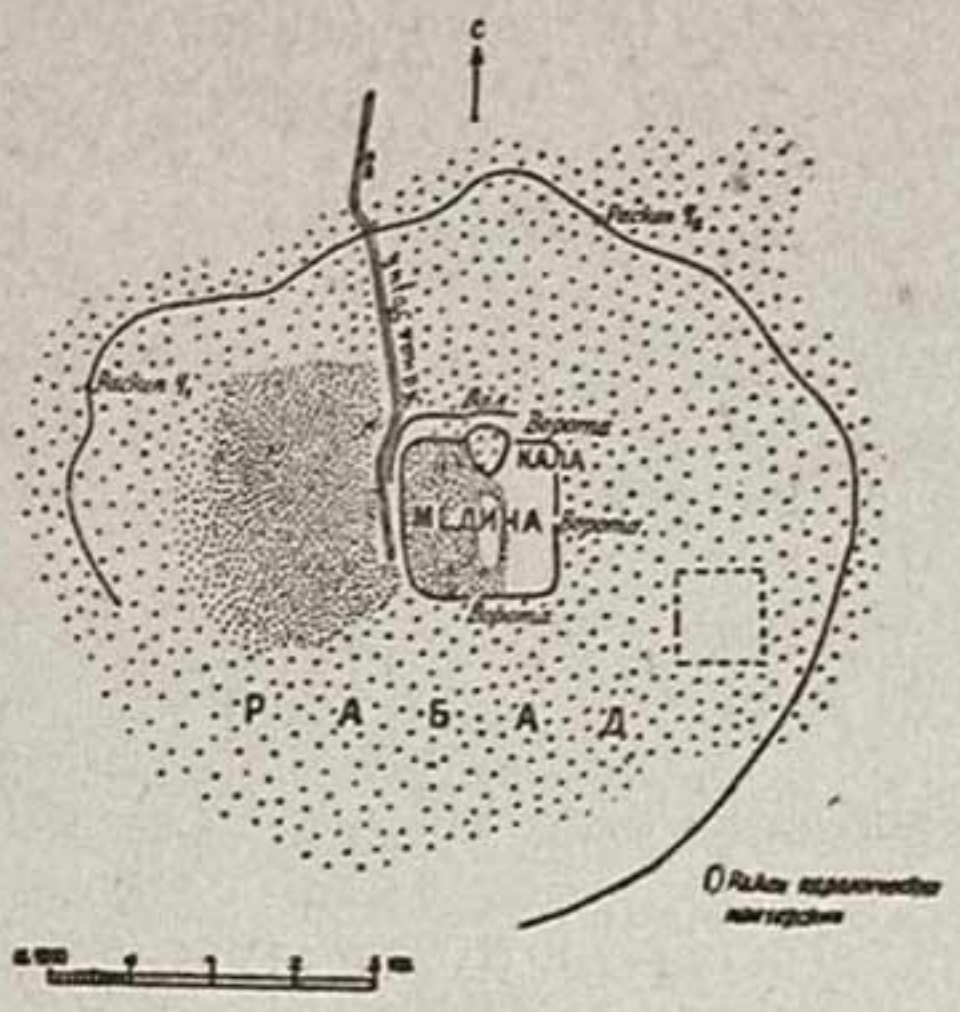


Рис. 5. Схема распространения археологических материалов VII—IX вв.

В X—XI вв. город достигает наибольшего расцвета и распространяется далеко за пределы Гилякин-Чильбурджа. В это время он, видимо, не имел значения стен рабада, судя, во-первых, по тому, что, как упоминалось выше, ряд построек перерезает вал; во-вторых—потому что по археологическим данным город распространялся далеко за пределы вала, и до сих пор сохранились сырцовые крупные сооружения далеко от вала (одно такое здание частично уцелело километрах в 3 от западной части Гилякин-Чильбурджа). Значительные сооружения, от которых в настоящее время сохранились следы в виде бугров по берегам старых каналов, тянутся довольно далеко от стен Гилякин-Чильбурджа. Рекогносцировками VIII отряда было прослежено 4 старых русла канала (дающие материал X—XII вв.) на западе и 3—на севере, за пределами Гилякин-Чильбурджа.

Керамика X—XII вв. добыта раскопками VIII отряда из двух заброшенных керамических печей и бугра керамических отбросов, расположенных к западу от стен Султан-калы и к востоку от мавзолея Мухаммада Ханапья. Характерными для Мерва типами керамики этого времени являются:

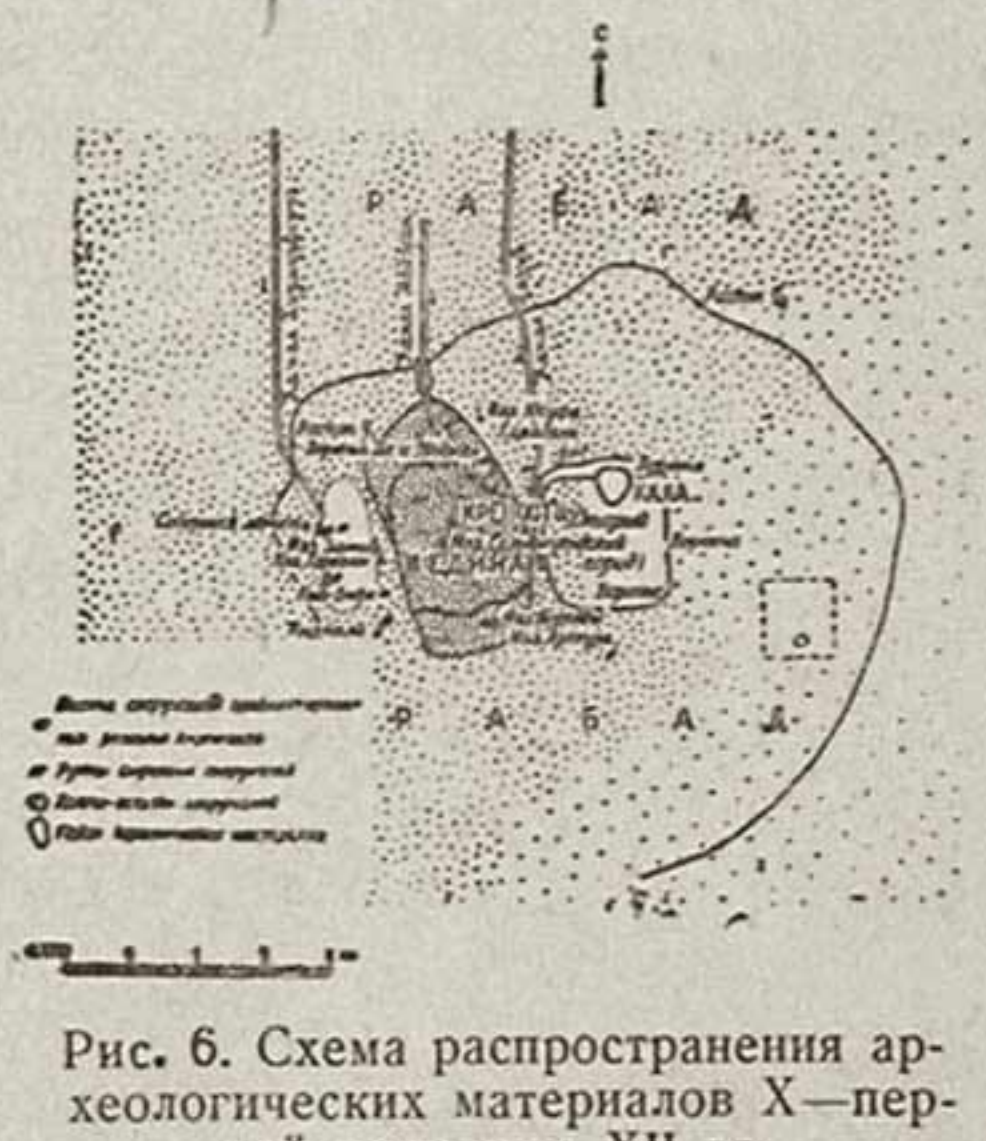


Рис. 6. Схема распространения археологических материалов X—первой половины XII вв.

1. Блюда с плоскими донышками на невысоких поддонах с белой двусторонней поливой фона и коричневой с красной поливой, эпиграфического и геометрического орнамента. Маленькие сосуды (пиалы) тех же расцветок со слегка отогнутыми наружу венчиками. Кувшины той же группы с прямыми ручками.

2. Сосуды — чаще всего блюда с пологими стенками и поднятыми вверх венчиками, белой двусторонней поливой фона, «мраморовидными»

полихромными (зеленой, желтой, коричневатой, темной поливы) орнаментами на внутренней поверхности сосуда. Предварительно на эту керамику наносился процарапанный орнамент. Затеки поливы в эти углубления дают более интенсивный цвет. Пятна полихромного орнамента располагаются совершенно независимо от процарапанного (линейного)

3. Группа чаш с круглыми стенками и чашечек-пиал красной и коричневой поливы, имеющих красный фон и орнамент белой и черной поливы или красно-коричневый фон с орнаментом желтого цвета и обводкой контуров орнамента черными линиями.

4. Группа блюд и чаш с двусторонней темнокоричневого цвета поливой и геометрическим и эпиграфическим орнаментом белой поливы.

5. Группа сосудов с прозрачной бесцветной поливой фона и орнаментом зеленого и коричневого цветов.

Из поливной керамики следует упомянуть еще кувшины с двусторонней зеленой поливой и широкогорлые кувшинообразные плоские сосуды с двумя прямыми ручками.

Неполивная посуда разных форм изготовлена из красной, кремовой и серой глины.

В середине XII в., после разграбления Мерва гузами в 1153 г., судя по археологическим материалам, город сильно сократился в размерах. Собственно «городом» продолжал оставаться квадрат Султан-калы, а рабадом — территория северного обвода (тогда, видимо, чинили стены северного обвода, а территория южного обвода оставалась пустой и там попрежнему было кладбище). На этой площади встречается характерная для XII в. и начала XIII в. керамика с голубой поливой и ажурным орнаментом.

Некоторые следы жизни в XII — начале XIII вв. прослеживаются в северо-западной части Гяур-калы и на холмах, расположенных на севере между двумя стенами мервских городищ. Другие части обширного рабада X—XI вв. были заброшены (в том числе кварталы керамистов) к западу от Султан-калы.

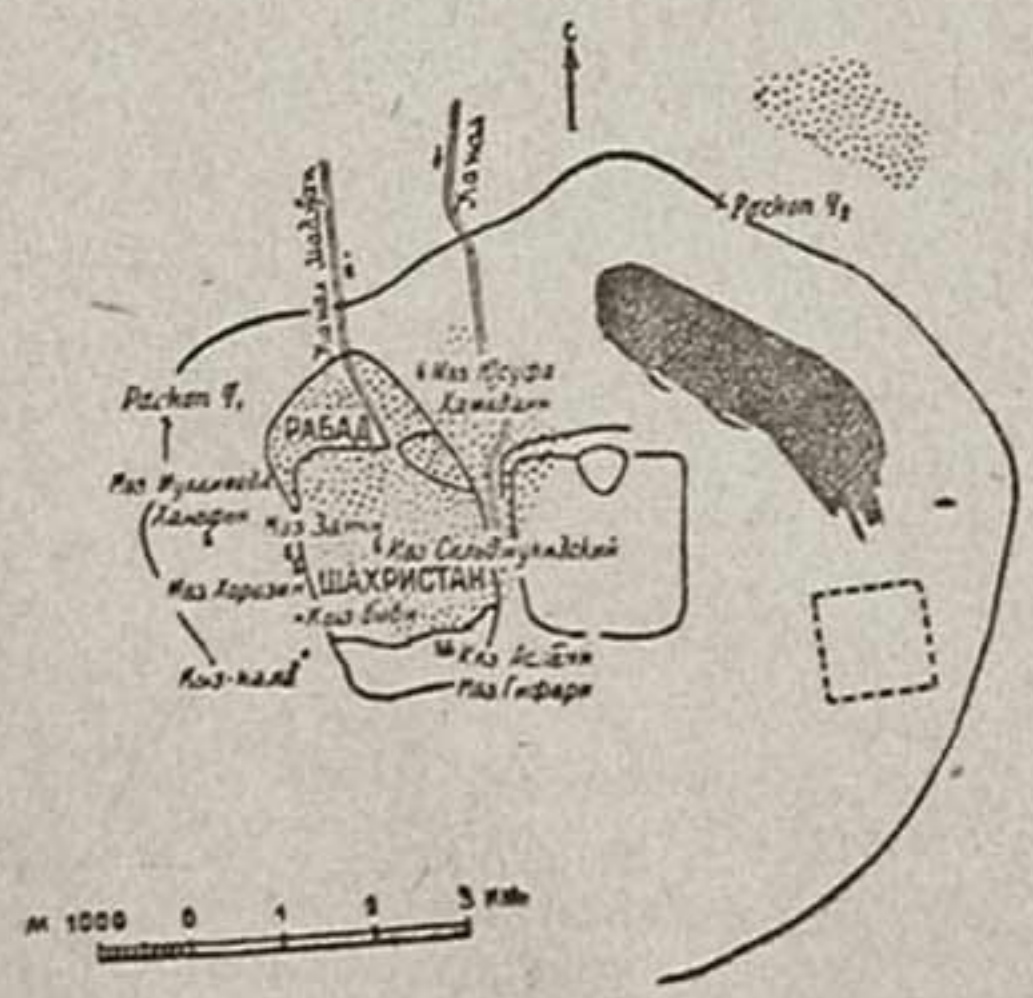
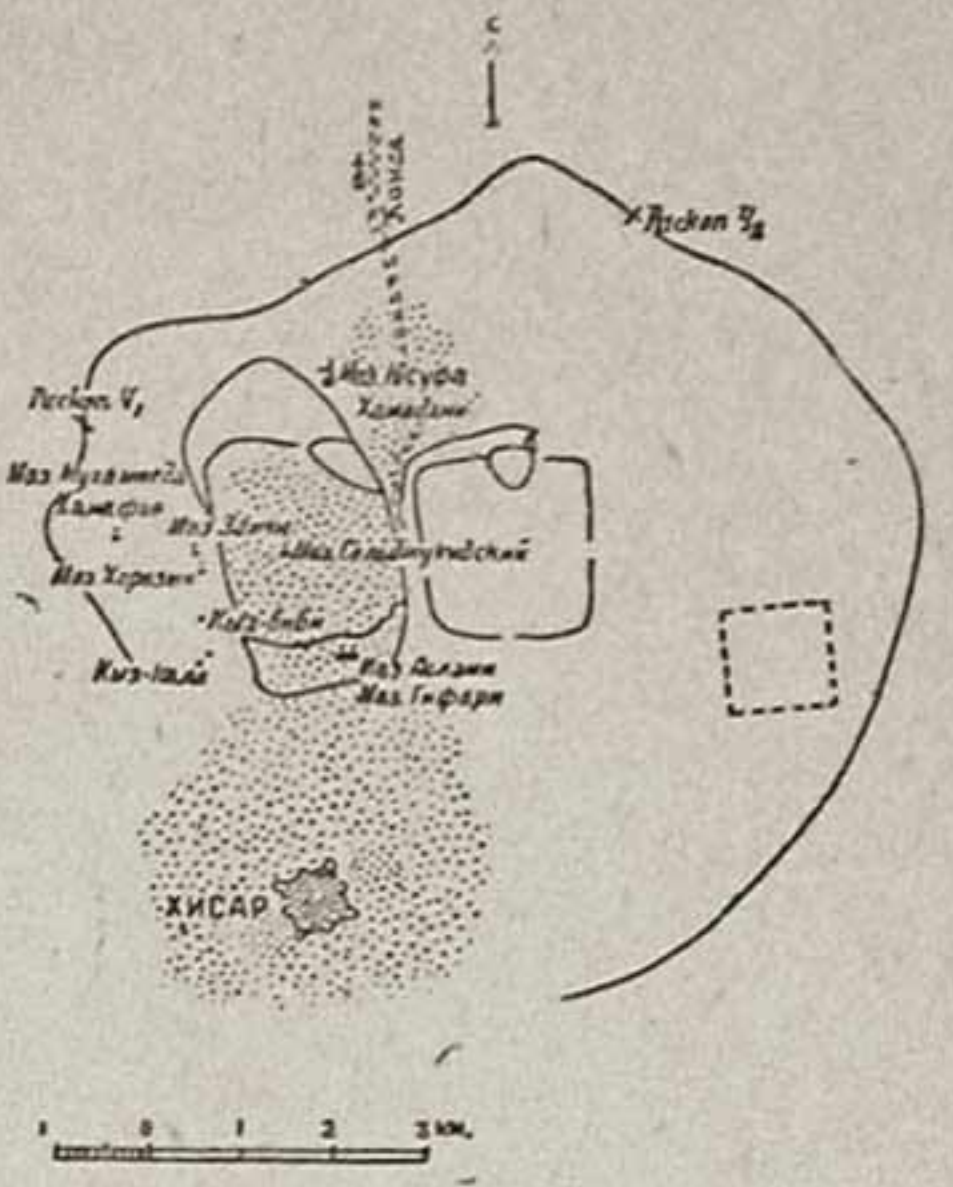


Рис. 7. Схема распространения археологических материалов второй половины XII—начала XIII вв.

Таким образом, рекогносцировками VIII отряда устанавливается, что город не сумел оправиться после событий 1153 г., и во время правления хорезмшахов не достиг расцвета, о котором говорит В. А. Жуковский. Рост города на запад и на север, начавшийся вскоре после арабского завоевания, приостановился во второй половине XII в.

Разгром Мерва монголами прекратил жизнь города, но не на сотни лет, как говорят об этом исторические сведения, потому что

на территории Султан-калы встречается керамика типа минаи, селадоновые сосуды и местная посуда, характерная для XIV в.—голубая с черным орнаментом. Однако город не был распространен на большом пространстве. Жизнь города на территории прежних городищ продолжалась еще долго, хотя едва текла. Так, в Султан-кала встречается керамический материал, датируемый XV—XVII вв., хотя основной городской организм сложился в XV в. значительно южнее.



8. Схема распространения археологических материалов XV в.

В результате работ VIII отряда сделан еще ряд наблюдений.

Выяснено местоположение трех ворот Гяур-калы. Северные ворота располагались под северо-восточным углом Эрке-депе; примерно в середине восточной стены расположены еще одни ворота, и третьи ворота находились в середине южной стены городища (примерно по одной линии с южным холмом Эркетепе); четвертые ворота Гяур-калы, так называемые „пригородные", были, согласно данным письменных источников, в западной стене городища (их местоположение определить не удалось). Отличительным признаком наличия ворот служит большое скопление возле них обожженных глиняных ядер различного диаметра, начиная с 8 см и до 20 см. На территории городища ядра встречаются значительно реже.

Удалось проследить постепенно передвижение площади густой городской застройки с востока на запад на самой территории Гяур-калы. Так, восточная часть городища, которую жители начали оставлять в VI—VII вв. или в VII—VIII вв., дает преимущественно керамику до VIII в. н. э. Центральная часть городища (где удалось отметить несколько керамических холмов) дает материал IV—VII вв., над которым превалирует керамика VIII—IX вв.

Западная часть городища дает материал вплоть до начала XIII в. (особенно в северной части).

Отряд дважды посетил Шаим-калу. Удалось проследить, что в IV—VII вв. на территории городища были здания из сырцового кирпича $39 \times 39 \times 9$ см^3 (одна траншея прорезала такое здание) и что в период X—XI вв. в южной части Шаим-калы было значительное по размерам сооружение (судя по величине холма). Там же видели и четырехугольные в плане (примерно 5×6 м) печи для обжига, видимо, кирпичей или, может быть, ядер (В. А. Жуковский).

На территории рабада X—XI вв. прослежено несколько русел каналов. Один из них протекал в западной части пригорода, возле строений Кыз-Кала, продолжался дальше на север и проходил восточнее „замка“ (?), расположенного возле мавзолея Мухаммада Ханапья. Может быть, это и есть канал Хурмузфарра. Именно он и снабжал водой керамистов, чьи мастерские занимают довольно большое пространство.

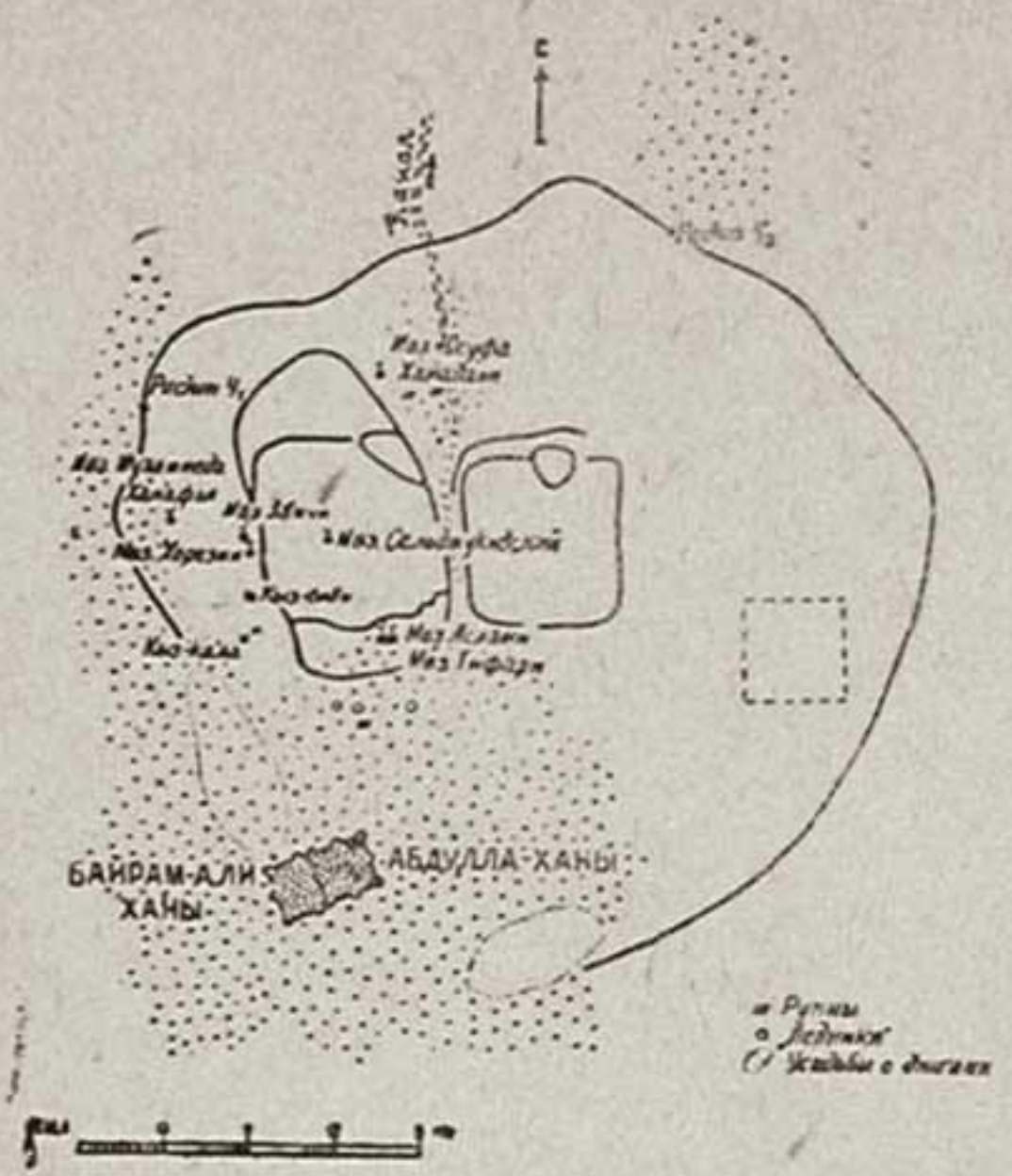


Рис. 9. Схема распространения археологических материалов XVIII—XIX вв.

Сделано наблюдение, что ряды холмов, остатков былых зданий, располагаются обычно в непосредственной близости от русел каналов.

Был также осмотрен заброшенный кишлак XVIII—XIX вв., расположенный к северу от крепости Байрам-Али-Хана.

Из отдельных находок следует отметить следующие:

1. На территории Эрке-депе, в восточной части Гяур-калы и к северу от этого городища, были найдены терракотовые человеческие фигурки кушано-сасанидского времени.

2. В Гяур-кала найдена нижняя полива, сердоликовой геммы с изображением человеческого профиля.

3. В Гяур-кала и на территории мервских керамических мастерских найдено 4 фрагмента калыпов для нанесения штампованного керамического орнамента.

4. В Шахрияр-арке был найден фрагмент керамики с кремовым ангобом и черной росписью: изображены два человеческих лица и с надписью на внешней стороне сосуда — типа коптской керамики VIII—IX вв.

5. На территории западного рабада найден фрагмент сосуда светлосерой глины со штампованными изображениями голубков, напоминающими таковые же на предметах так называемого «сасанидского металла».

Кроме всего прочего, отрядом проводилась политико-просветительная работа. 9 октября для школьных учителей города Байрам-Али была прочитана лекция по истории древнего Мерва, а 12 октября проведена экскурсия по Султан-кале с учениками 6-й Байрамалийской средней туркменской школы.

14 ноября в отряд приехал Л. И. Ремпель. 16 ноября прибыл XI отряд ЮТАКЭ во главе с начальником экспедиции М. Е. Массоном. 18 ноября работы отряда были свернуты и сотрудники ЮТАКЭ выехали в Байрам-Али.

В. М. МАССОН

ХУМЫ НИСЫ

(О некоторых формах неполивной керамики)

Известные с глубокой древности большие глиняные сосуды для хранения жидкостей и сыпучих продуктов—хумы—и по сегодняшний день широко распространены в быту местного населения Средней Азии, хотя их производство, в результате внедрения в хозяйство иных форм тары и способов хранения, значительно сократилось. Хумы встречаются почти при всех археологических работах в Средней Азии, но отражение этого факта в литературе в большинстве случаев ограничивается простым упоминанием. Иногда слово хум[1]) ставилось через дефис со словами корчага и пифос, иногда же проводилось прямое сопоставление с этими сосудами русской и древнегреческой керамики.

Б. А. Рыбаков, устанавливая чтение надписи, сделанной на одном сосуде до его обжига, приходит к выводу, что корчагой в Киевской Руси именовался остродонный амфорообразный сосуд, каковое представление о корчаге, по его мнению, сохранилось в украинском языке до последнего времени. Широкое распространение корчаг-амфор Б. А. Рыбаков считает подтвержденным письменными источниками и археологическим материалом. «После татар амфоровидные сосуды исчезают повсеместно».[2])

Совершенно иные формы корчаг в виде большого яйцеобразного сосуда, по форме и как будто по назначению близкого к среднеазиатским хумам, дают XV—XVI вв.[3]). В Курском музее датировка сосуда сходной формы отнесена к домонгольскому периоду[4]). В этой связи представляется более желательным сближение среднеазиатских хумов с греческими пифосами, а при сопоставлении же с русскими корчагами надо будет конкретно указывать, какого именно периода имеется в виду данный тип сосудов.

В советской литературе греческие пифосы подробно рассматривались проф. Б. Н. Граковым в исследовании о таре классической Греции, построенном в значительной части на материале письменных источников и иконографии.[5])

В Средней Азии при наличии весьма ограниченной литературы о керамике вообще, хумы за некоторые исторические периоды специально рассматривались, наряду с прочими формами керамики, для Термеза М. И. Вязьмитиной и для Хорезма А. И. Терножкиным.[6]) Описания хумов в качестве предварительной характеристики материала имеются в работах ряда исследователей советского периода. Особо следует в этом отношении отметить публикации С. П. Толстова о

Хорезме, где в схемах периодизации рассматривается также и изменение форм хумов в основном, правда, по их венчикам.

Южная Туркмения в смысле археологической изученности, отраженной соответствующими научными публикациями, значительно отставала от других областей Средней Азии. Немногочисленные упоминания находок хумов в дореволюционной литературе характеризуются неточностью описания и отсутствием датировок. Наибольший интерес представляет вскрытие А. В. Комаровым «плоского кургана» около Иолотани, где под верхним слоем, занятым мусульманскими могилами, «на глубине 2-х сажень были найдены глиняные кадки огромных размеров и с крышками. Внутри этих сосудов оказались скелеты людей, помещавшихся там в сидячем положении».[7]) К. А. Иностранцев высказался за отнесение этих захоронений к зороастрийскому культу и сделал предположение о таком же назначении аналогичных «кадок», находимых подле оссуариев в других частях Туркестана.[8]) В настоящее время зороастрийские захоронения в хумах известны для Хорезма, Ташкента, Самарканда и Семиречья, т. е. для районов распространения захоронений и в специальных гробиках. Такие захоронения более позднего времени (XI—XII вв.) были вызваны, видимо, недостатком или отсутствием (по причине прекращения изготовления — Фринкент) специальных оссуариев. Вместе с тем, М. Е. Массоном были встречены в Самарканде, Таразе и Той-Тюбе вместе с гробиками-оссуариями хумы как будто специально предназначенные для захоронений. Об «оссуарных хумах» на Калалы-гыр сообщает С. П. Толстов.[9]).

Едва ли, однако, на основании работ А. В. Комарова можно утверждать наличие зороастрийских захоронений в Мервском оазисе. Зороастрийское захоронение является хранилищем костей, очищенных от мяса и жил и разобщенных между собой, тогда как в Иолотани, согласно описанию, были найдены «скелеты», да еще «в сидячем положении». Быть может, тут должны иметь место сопоставления иного характера. Обычай «кувшинных погребений» был широко распространен в Грузии. Б. А. Куфтин исследовал целый могильник таких погребений в Колхиде, датированный V—IV вв. до н. э. «Покойники погребались в скорченных позах в огромных, своеобразно орнаментированных глиняных урнах, положенных то на бок, то, чаще всего, вверх дном».[10]) Если же покойник не влезал через горло внутрь сосуда, то последний разламывался пополам, и, положив труп в одну половинку, закрывали его сверху другой. Б. А. Куфтин указывает, с одной стороны, на кобаньские традиции такого способа захоронений, с другой — на его широкое распространение для более поздней римской эпохи, когда в отличие от слабообожженных черных урн Колхиды вошли в употребление высококачественные сосуды, близкие к современным грузинским «квеври»[11]) (сосуды, аналогичные среднеазиатским хумам). Однако окончательная расшифровка вскрытых В. А. Комаровым захоронений в Иолотани затрудняется отсутствием уверенности в правильном опознании характера этих захоронений при низкой технике раскопочных работ.

Добытый американской экспедицией Пампелли на курганах Анау и в Мервском оазисе материал по хумам почти не получил соответствующего освещения в специальных разборах керамики, а была дана лишь общая характеристика некоторых сосудов этого типа в описании хода раскопок.

Работы, проделанные в области археологии Южной Туркмении за советский период в 30-х годах, слабо отражены в печати. Упоминаемая А. А. Марущенко «культурно-историческая классификация керамики доисторической и мусульманской эпохи»[12]) отсутствует в публикациях и архивных материалах. В целом изучение хумов Южной Туркмении можно охарактеризовать словами Б. Н. Гракова, констатировавшего для греческой тары то печальное положение, когда «пренебрежение этого вида памятниками со стороны полевых археологов приводит к тому, что в музейных собраниях число тары очень невелико, а отсутствие интереса к этому обыденному и серому предмету дает возможность воспользоваться только случайными публикациями»[13]).

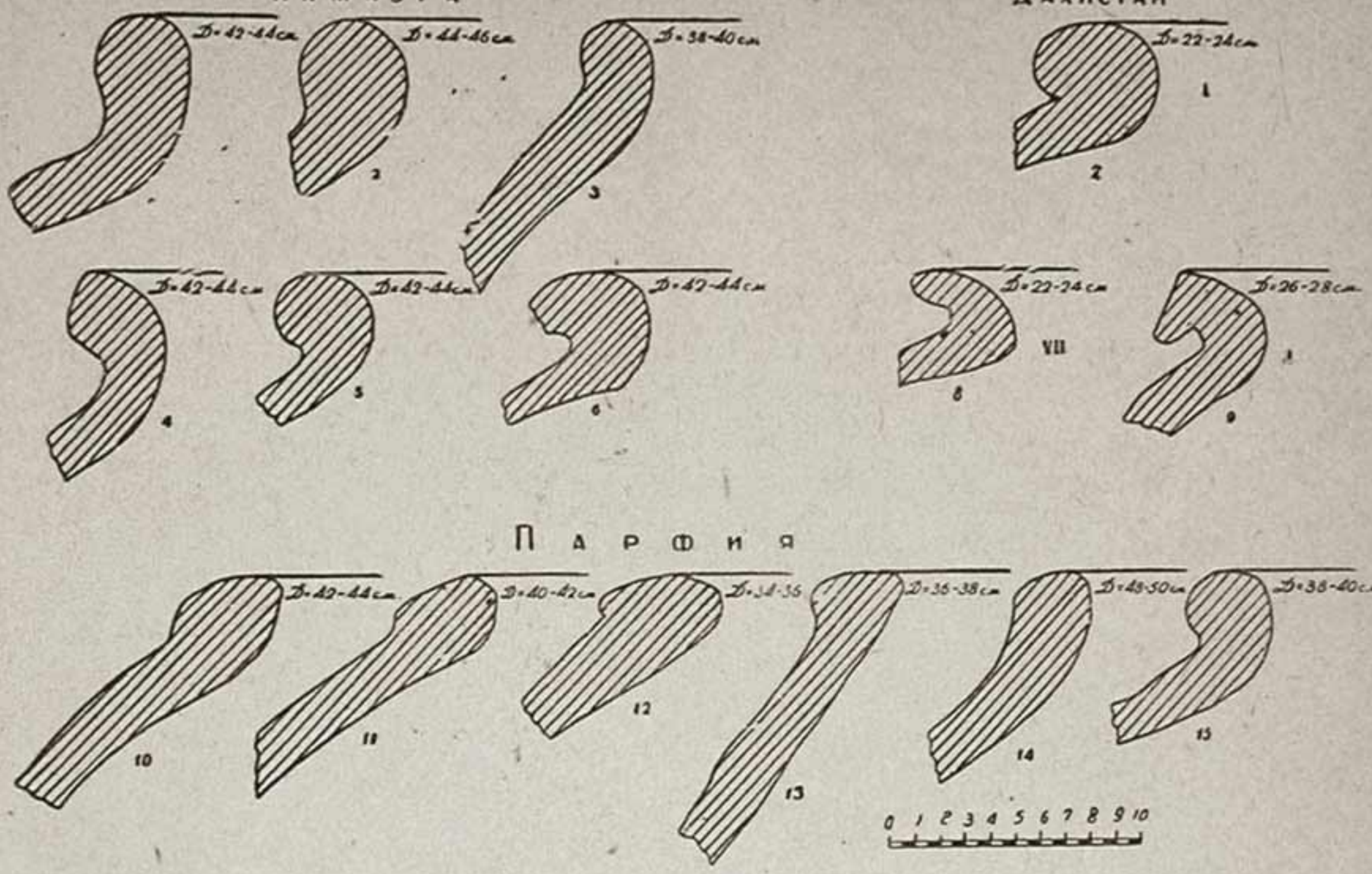
Работы ЮТАКЭ 1946 и 1947 гг., выявив ряд керамических комплексов, позволили поставить вопрос о специальном рассмотрении хумов Южного Туркменистана. Настоящая работа построена в основном на материале Нисы с привлечением, когда к этому представлялась возможность, материалов из других районов Южной Туркмении.

Хумы архаического и парфянского периодов

Тип больших глиняных сосудов с функциональной специализацией на хранение для Южной Туркмении может быть намечен, начиная с культуры Анау III, которая в советской литературе ориентировочно датируется II тысячелетием до н. э.

Венчики хумов имеются в числе прочей керамики этого периода, собранной в 1947 г. во время работ XI отряда на Намазгар-депе, близ Каахка. Намечается как бы два варианта профилировок венчиков. В одном случае это, в схематичном описании, отворот утолщенных стенок сосуда наружу с образованием в разрезе как бы «крючка». Диаметр горла — 40—44 см, толщина стенок 1,0—1,8—2,4 см, в тесто замешан мелкорубленный саман. Следы гончарного круга не прослеживаются. Венчики второй группы также образованы утолщением стенок, но лишь с частичным изломом их направления, без резкого отворота наружу. Диаметр горла в одном случае 38—40 см, в других — 44—46 см; есть фрагменты без следов самана в тесте; все сработаны на гончарном кругу. Тесто венчиков обоих вариантов бледных тонов: зеленовато-и желтовато-белое, как и основная масса керамики с этого поселения, что объясняется свойствами употребленной для керамики глины. Представление о целых хумах могут дать материалы из южного холма Анау. Большинство сосудов, именуемых Пампелли «пифосами», — незначительной величины. Лишь один достигает высоты 92 см. Для «пифосов» Анау III характерна форма усеченной донной части, когда стенки тулова сантиметрах в 20 от дна делают излом на сужение. Хумы с Намазгар-депе — крупные сосуды, видимо, около 1—1,5 м высоты.

Несомненный интерес представляет широкое распространение гончарного круга в керамическом производстве Намазгар-депе. Гончарный круг и стандартизированные формы керамики сигнализируют о выделении ремесла. Распространение гончарного круга в керамическом производстве неотделимо от индивидов, в большей или меньшей степени совершенства овладевших этим кругом. Объективно гончарный круг явился одним из тех факторов, которые привели к тому положению, когда,



Профили венчиков хумов.

по словам Ф. Энгельса, «столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом».[14]) Роль и место гончарного производства в развитии производительных сил четко определены т. Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме»: «дальнейшее улучшение металлических орудий обработки материалов, переход к кузнечному меху, переход к гончарному производству и, соответственно с этим, развитие ремесла, отделение ремесла от земледелия, развитие самостоятельного ремесленного и потом мануфактурного производства».[15]) Таким образом гончарное производство явилось одним из решающих факторов, предопределивших второе крупное общественное разделение труда. На основе такого разделения, на основе коренных изменений в материальном базисе общества возникают «возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих».[16]) Через посредство человеческой практики эти возможности перерастают в действительность. Первобытно-общинный строй гибнет, его сменяет первая антагонистическая общественная формация — рабовладельческий строй.

Видимо, синхронизирующейся Анау III следует считать керамику архаических поселений района Кзыл-Атрека — Мешеди-Мисриана из материалов, собранных во время работ X отряда в 1947 г. Для интересующих нас форм могут быть отмечены несколько венчиков хумча (т. е. малых хумов) и, предположительно, один венчик небольшого хума (диаметр горла—20—24 см, толщина стенок—1,4—1,8 см, без Г. К.*). Из венчиков хумча два дают профилировку «крючком» наружу; моделировка двух других более упрощенная. Диаметры горла — 20 — 22—28 см, толщина стенок 0,9—1,5 см до 1,8 см. Диаметр венчика из Иланлы (Дахистан-3) — 40 см, по наружной стороне на переходе стенок в венчик идет волнистая линия, процарапанная, видимо, деревянной палочкой. Часть венчиков хумча сформована на гончарном кругу. Все упомянутые фрагменты имеют тесто красного цвета хорошей отмучки. В наиболее утолщенных местах черепка, в середине его наличествует спек серого цвета, обусловленный несовершенством обжига, когда жар не проникал на значительную глубину с достаточной силой. Вместе с тем высокое качество ровного обжига без пятен едва ли позволяет допустить какое-либо другое его производство, кроме как в специальных печах. Один фрагмент венчика «крючкообразной» профилировки, бледнозеленого теста (Дахистан-1) позволяет провести аналогии с материалами Намазгар-депе. Диаметр горла 26—28 см. Толщина стенок — 1,6—1,8 см.

Хумы парфянского периода были выделены по находкам в условиях архитектурного комплекса Старой Нисы и на основании стратиграфических данных раскопа парфянского некрополя на Новой Нисе, где относительная хронология археологических слоев и строительных этапов увязывается с абсолютной датирующей один такой этап монетой Орода 1 (56—37 гг. до н. э.) и архитектурно-археологическим материалом. Глина, употреблявшаяся для изготовления хумов, хорошо отмучена. Посторонние примеси почти отсутствуют. Цвет в основном яркокрасный. Иногда встречаются фрагменты слабых тонов: беднокоричневого и почти палевого. Качество обжига явно указывает на существование специальных

*) Шифр „Г.К". обозначает гончарный круг.

печей. Техника изготовления хумов была комбинированной. Донная часть (высотою до 35—40 см по перпендикуляру к продолжению горизонта дна) изготовлялась на гончарном кругу, следы которого четко прослеживаются на внутренней и внешней поверхности в виде концентрических, правильно чередующихся ложбинок и выпуклостей шириной 1,0—1,5 см, в результате чего керамика приобретает как бы ребристую поверхность. Отдельно от тулова изготовлялся обруч венчика с прилежащей частью стенок (в длину по наклону стенок до 6,5 см), в большинстве случаев без применения гончарного круга. На фрагментах, выполненных на станке, следы гончарного круга прослеживаются в виде еле заметных концентрических линий в резком контрасте с рубчатой поверхностью донной части. Тулово или срединная (по вертикали) часть хумов изготовлялась без применения гончарного круга. Поскольку следы, свидетельствовавшие бы об изготовлении этой части способом налепа жгута по спирали, проследить не удается, следует предположить ее изготовление способом, указываемым М. В. Воеводским для современной Средней Азии.[17]) К изготовленному дну приставлялись две широкие глиняные полосы, образующие скреплением своих концов цилиндрический сектор тела сосуда. М. В. Воеводский наблюдал изготовление двух таких секторов: до наибольшего диаметра хума и выше его. В местах соединения секторов шов снаружи заглаживался деревянной лопаточкой, а с внутренней стороны во время заглаживания стенки поддерживались «грибком» из обожженной глины.

Интересен вопрос о характере гончарного круга, на котором изготовлялись парфянские хумы. М. В. Воеводский, указывая на изготовление донной части хумов на гончарном кругу, ставит это в связь с распространением именно ножного круга.[18]) Между тем на ручном гончарном кругу изготовлялись предметы и более значительные, чем донная часть хумов. Б. Н. Граков приводит описание клейма с изображением большой амфоры на ручном гончарном кругу, причем ввиду тяжести амфоры один рабочий держит ее, а другой вращает круг. Б. Н. Граков допускает возможность изготовления таким же способом пифосов от 1,5 до 2 м высоты.[19]) С другой стороны, едва ли «ясность» «параллельных, в ширину пальца» полос от «вращения на круге»[20]) будет безоговорочно свидетельствовать для крупных сосудов применение именно круга ручного. Четкость таких полос объясняется медленностью вращения круга, на котором формовался сосуд. При ручном круге эта медленность вызывалась применением для вращения станка руки. Введением ножного круга эта причина была устранена. В этих условиях медленность вращения, т. е. ясность полос, могла обуславливаться тяжестью формуемого предмета. В таком положении вещей убеждает нас рассмотрение парфянских хумов с изготовленными на кругу донной частью и обручем венчика, когда в первом случае следы гончарного круга отмечаются в виде рубчатой поверхности, а во втором — еле заметны. Ничем неоправданным и совершенно исключающимся представляется изготовление донной части хумов на ручном кругу, а обруча венчика на ножном. Учитывая массу донной части, в несколько раз превосходящую массу обруча венчика, скорее следовало бы ожидать обратного. Следовательно, разница в четкости следов гончарного круга на донной части и на обруче венчика целиком пойдет за счет скоростей вращения круга в обоих случаях, обуславливаемых раз-

ностью масс формуемых предметов. Таким образом, рубчатая поверхность донной части парфянских хумов не позволяет еще говорить о применении именно ручного круга, как бы это было допустимо для сосудов менее значительных размеров, а характер следов формирования на гончарном кругу на обруче венчика заставляет думать, что этот круг скорее всего был ножным.

Парфянские хумы имеют форму яйца со срезанными концами, более заостренной частью вниз. Характерной чертой является совпадение венчика с горлом сосуда. Сам венчик слабо проработан и в большинстве случаев встречается как поставленный на продолжение стенок сосуда сплюснутый валик с подчеркнутым переходом в этот валик по внешней стороне в виде скругленного уступа. Реже встречается еще более примитивная форма в виде простого утолщения стенок с легким отворотом наружу. Иногда этот отворот развит до значительного загиба, когда профиль венчика напоминает «крючкообразные» профили венчиков хумов Намазгар-депе. Диаметр горла наиболее распространен в пределах от 38 до 44 см. Выше встречаются до 50 см, ниже — до 30 см. Толщина стенок колеблется от 1,4 до 2,6 см с почти закономерным утолщением к венчику. Высота целого хума со Старой Нисы — 109 см. Судя по находимым фрагментам, можно предполагать, что отдельные хумы достигали в высоту 1,5 м и больше. Наибольший диаметр того же хума — 46 см. Диаметр дна хумов на Старой Нисе колеблется от 23 до 31 см. Диаметр дна нижней части хума с Новой Нисы — 25 см.

Парфянские хумы, как правило, специальному украшению не подвергались. Определенную роль в этом отношении должен был играть прослеживающийся в верхних частях хумов белый ангоб. На вскрытом в 1946 г. на Старой Нисе хуме, в верхней его части оказалась пехлевийская надпись, нанесенная черной краской (тушью?) по белому ангобу. Однако она не играет никакой орнаментальной роли. Судя по имеющимся аналогиям, надо предполагать ее практическое назначение и от расшифровки ожидать или магическую формулу — оберег или обозначение объема и содержимого сосуда. В экспозиции Ашхабадского музея, в отделе Старой Нисы, имеются два фрагмента венчиков хумов с украшениями. Оба дают характерный профиль со сплюснутым валиком венчика. Один изготовлен на гончарном кругу и несет несколько ниже венчика снаружи полосу глубоких косых насечек, сделанных по чуть просохшей глине острым металлическим орудием. Второй изготовлен без гончарного круга и на его стенке помещен налеп головы быка с высокими рогами.

Сопоставления с периодом, предшествующим парфянскому, затрудняются незначительностью материала по хумам этого периода. Переживания «крючкообразного» профиля Намазгар-депе были отмечены выше. Так же, судя по публикациям Пампелли и находкам на Намазгар-депе, не представляет ничего нового прием изготовления на гончарном кругу донной части и обруча венчика.[21]) Резкие изменения происходят в форме хумов. Излом дна в парфянских хумах отсутствует. Общие очертания сравнительно с Анау III, приобретают более законченные, четкие и даже, пожалуй, более стройные формы. Венчики хумов (пифосов), приводимые Пампелли для Анау IV, полностью совпадают с профилями венчиков парфянских хумов.[22])

Близкую венчикам парфянских хумов профилировку, правда, несколько иного пространственного положения, дает айртамская керамика кушанской эпохи (I-III вв. н. э.).[23])

Хумы описанного типа территориально не ограничиваются Нисой. Аналогичной профилировки венчики были обнаружены на небольшом тепе к западу от Бахардена. Характерную профилировку венчиков со сплющенным валиком дают Кара-депе в районе Артыка (МИХ. 9/19), тепе к юго-западу от ст. Каушут (МИХ. 15/48) и Элькен-депе (МИХ. 17/441). В последнем случае диаметр горла очень незначителен, верх венчика значительно уплощен, видимо, для удобства закрывания.

В заключение о парфянских хумах следует сказать, что имеющийся материал не позволяет пока установить какое-либо членение их внутри столь значительного отрезка времени (III в. до — III в. н. э.) и даже вызывает сомнение в возможности такового для столь грубой и инертной формы керамики. Хумы Старой Нисы можно условно считать позднепарфянскими — после н. э.

Некоторый интерес представляет нахождение хумов на Старой Нисе в условиях архитектурного комплекса. Работами 1935 г. в так называемом «дворце» было вскрыто помещение с хумами. Оно рассматривалось производителями работ, как комплекс двух комнат и в таком виде с измененными в сторону большей симметрии некоторыми размерами фигурирует на плане—реконструкции архитектурных сооружений Старой Нисы, выставленном в Ашхабадском музее. В комнате № 1 «были найдены стоящими вдоль северной и восточной стен девять хумов, из которых три целых и в «комнате № 2» один в юго-западном углу.[24]) Извлеченный в 1946 г., хум оказался несущим пехлевийские надписи. Между тем, при обследовании этого помещения на месте удалось установить, что едва ли южная стена «комнаты № 1» действительно является таковой. В ней расчистились большие обломки хума и косолежащий завальный сырцовый кирпич. Не исключена возможность, что в действительности была лишь одна продолговатая (8,85 × 3,90 м²) комната с хумами, или, во всяком случае, стена, разделяющая «комнаты № 1 и № 2» значительно тоньше, чем оставленный раскопками 1935 г. останец.

Отсутствие документальных данных о раскопках прежних лет значительно затрудняет воссоздание, по археологическим данным, функционального назначения этого помещения. В вышеупомянутой работе С. А. Ершова указывается, что на полу «комнаты № 1 было обнаружено большое количество, костей домашних животных, главным образом коровы, бараны и козы». Однако, судя по стратиграфии хума, вскрытого в 1946 г., едва ли эти остатки соответствуют действительному назначению помещения. В этом хуме слой непосредственно над дном, мощностью до 8 см , был сложен глинистыми натеками с включением кусочков белой алебастровой штукатурки, а слой с большим количеством костей, соответствующий, надо полагать, вышеописанным находкам на полу «комнаты № 1», следовал непосредственно за ним, т. е. ему предшествовал некоторый период опустения и размыва помещения и заброса хума. Скорее всего данное помещение следует рассматривать как кладовую — хранилище, где сохранялись вино, масло и сыпучие продукты. Такие кладовые, расположенные рядом с кухней, известны по Айртаму.[25]) Включение в систему дворцовых построек хранилищ с большими глиняными сосудами хорошо известно древнему миру. Там

хранилища представлены продолговатыми комнатами, расположенными по одной (Кносс) или по обе (Мари) стороны общего коридора. Использование больших глиняных сосудов для хранения особенно широко применялось в Кноссе, где найдено более ста пифосов. Хранилище с хумами так же, как и на Старой Нисе, в виде одной продолговатой комнаты можно указать во дворце в Алалахе (сиро-хеттская архитектура, XVI—XIV вв. до н. э.)[26]).

В 1935—1936 гг. вскрывался комплекс сооружений в северо-восточной части Старой Нисы. Однако траншейный метод проводившихся там работ затрудняет в настоящее время произведение каких-либо выводов без дальнейшего археологического вскрытия. С. А. Ершов сообщает, что помещения этого комплекса однотипны, дверные и оконные проемы отсутствуют. В ряде помещений были найдены хумы, раздавленные рухнувшим перекрытием, а также «фрагменты кожи, золотых плиток, следы от истлевшей ткани».[27]) Производителями работ было высказано предположение, что данные помещения являются кладовыми-сейфами, доступ в которые был возможен лишь по переносным лесенкам. Такое употребление хумов можно указать в Урарту. На Топрак-кале раскопками Лемман-Гаупта в числе многочисленных иных карасов (армянское наименование сосудов, аналогичных среднеазиатским хумам) было найдено два с оружием и изделиями из золота и серебра[28]).

Хумы VI—VIII вв.

Во время работ 1936 г. в Мерве на цитадели Гяур-калы, где среди прочих находок было обнаружено 6 медных фельсов VIII в., были найдены фрагменты венчиков крупных сосудов и один целый экземпляр, экспонируемые в настоящее время в Ашхабадском музее. В 1947 г. работами XI отряда ЮТАКЭ выявлен яркий комплекс поселений сасанидского периода, на пути между Ашхабадом и Каахка.

Большой сосуд из Гяур-калы (высота 72 см) характерен незначительным превышением наибольшего диаметра относительно диаметра горла. Сужение к дну несколько больше сужения к горлу, но тоже незначительно. Такой тип сосудов, видимо, следует именовать ямами. Принадлежащими к аналогичной формы сосудам оказались крупные венчики из материалов, собранных XI отрядом на Ак-депе в 3 км к востоку от Баба-Дурмаса (МИХ—6), Ак-депе в 2,5—3 км к северо-западу от Артыка (МИХ — 8), Дозлыхан-депе (МИХ — 10), Кош-депе в 4 км к югу от станции Каушут (МИХ — 16). Профили венчиков образованы утолщением стенок (без их изгиба) с выступом по наружной стороне, подчеркивающим границу стенок и венчика. Утолщение образовано налепом в обхват горла дополнительной глиняной полосы в большинстве случаев снаружи, а в одном случае — изнутри. Все фрагменты сработаны от руки. На некоторых прослеживаются следы белого ангоба. Диаметр горла — 38—40 см и с Ак-депе около Артыка — 32—34 см. Толщина стенок — 1,6—1,8 см и 2,2—2,5 см с утолщением к венчику. Тесто красноватых тонов, иногда яркокрасное. Орнамент двух типов: вертикальные или наклонные неглубокие насечки, отстоящие друг от друга на 1—1,3 см, техника которых не вполне ясна, и орнамент, выполненный чикычем. К последнему типу орнаментально примы-

кает и фрагмент венчика крупного сосуда, приближающегося к описанным по форме, но без подчеркивания венчика утолщением (Кош-депе). В первом случае чикыч был трехзубчатый, во втором — пятизубчатый. Рабочая часть зубцов широка, след, оставленный каждым,—до 0,5 см шириной. Орнамент фрагмента с Ак-депе около Артыка следующей композиции: по внешней стороне идет ниже венчика в обхват сосуда волнистая полоса. К ней вершинами примыкают треугольные фигуры, образованные волнистой полосой, процарапанной тем же трехзубчатым чикычем. Нижняя часть треугольных фигур не сохранилась.

Таким образом вырисовывается довольно четкая группа крупных сосудов, отличных от парфянских хумов формой и наличием развитой орнаментации. Предлагаемая для этой группы датировка дается, исходя из следующих соображений: наличие таких сосудов в комплексах неполивной керамики сасанидских поселений (Ак-депе около Баба-Дурмаса, Ак-депе около Артыка); данные работ 1936 г. на Гяур-кале; данные по смежным районам Средней Азии, показывающие, что арабское завоевание не было резкой гранью смены культур, а наличествовало продолжение традиций культуры старой (например, афригидская культура Хорезма V—IX вв.). Все это приводит к датировке описанной группы VI—VIII вв. н. э.

Относительно работ на цитадели Гяур-калы есть упоминание, что во время их проведения были найдены «большие глиняные сосуды (хумы), исписанные согдийской скорописью начала VIII столетия».[29]) В экспозиции Ашхабадского музея в шкафу, посвященном Гяур-кале, имеется несколько венчиков крупных сосудов, примыкающих к описанному выше типу, покрытых надписями. Надписи сделаны по белому ангобу черной краской. Аналогичные находки были известны и до 1936 г. В 1904 г. в цитадели Гяур-калы, на том же холме, где А. А. Марущенко позднее вскрывался предполагаемый комплекс дворца, были обнаружены венчики «толстостенных сосудов для запасов», покрытые надписями, причем опубликованный фрагмент[30]) полностью соответствует формой и орнаментацией (косые насечки неясной техники) фрагментам из материалов работ XI отряда ЮТАКЭ в 1947 г. В раскопе, названном производителями работ «верхним» (upper digging), на глубине 66 см были вскрыты остатки кирпичной вымостки из жженого кирпича $33 \times 33 \times 7$ см^3. Здесь же были найдены два фрагмента вышеупомянутых венчиков толстостенных сосудов, один — тонкостенного и несколько костей, все покрытые курсивным письмом черного цвета. На этом уровне, как и глубже, были найдены медные монеты. Определение их было сделано А. К. Марковым. Между 0,7 и 1,5 м были найдены аббасидская монета VIII в. и, возможно, сасанидская III в. Ниже, с 2,60 м, шли уже только сасанидские монеты. В этом раскопе, достигшем глубины 12,2 м, было намечено 4 периода построек (считая с отмеченной выше вымосткой), но характер керамики, не дающей резкого противопоставления верхних слоев нижним, привел к тезису о принадлежности всех четырех к одной культурной эпохе.[31])

Надписи были изучены В. В. Радловым и К. Г. Залеманом. Первый отметил наличие на одном фрагменте кости уйгурской надписи. Надписи на двух фрагментах керамики и двух обломках костей (шифры экспедиции—Г. К. 10а, Г. К. 10б, Г. К. 11, Г. К. 13) были определены К. Г. Залеманом, как пехлевийские. Чтение надписей было

признано невозможным даже приблизительное. Четко читаемые отдельные буквы не давали возможности оформления их в слова. Относительно эпиграфической датировки Г. К. Залеман указал, что надписи «можно отнести к периоду ранее X—XII вв., но нельзя более окончательно датировать». Относительно черепков, на которых выполнены надписи, вопрос датировки более или менее ясен. Но уже Г. Шмидт отмечает два возможных варианта: произведение надписей на целом сосуде или на черепках сосуда, уже разбитого, в каковом варианте они встают в параллель к надписям на костях. Второй случай кажется более вероятным и по характеру самой надписи, идущей наискось через венчик, в каком положении читать и писать на стоящем сосуде было явно неудобно (надпись на хуме Старой Нисы параллельна горизонту дна), и по нахождению их с надписями, выполненными на костях, что свидетельствует об использовании для надписей разного материала, а не о приложении надписей к целым сосудам.

Тип сосудов с незначительной разницей диаметра горла и диаметра наибольшего был встречен при работах американской экспедиции на Гяур-кале во внешнем (от цитадели) раскопе II (outer digging II). Раскоп вел и описывал Г. Х. Киддер.[32]) Работы вскрыли 9 крупных сосудов, из которых многие были плохой сохранности, затруднившей взятие необходимых размеров. Все сосуды были значительной высоты — от 119 до 124 см — и, насколько можно судить по приведенным измерениям, в известной мере приближались к почти цилиндрической форме. Так, для наибольшего диаметра приведены 101,6 и 99 см, для диаметра горла, взятого, как указано для сосуда 1 «с середины венчика», — 78; 81,5; 84; 86 см и для диаметра дна 76—78 см, а для сосуда IX, у которого других измерений нет — 34,29 см. Орнамент заключался в параллельных вертикальных или диагональных (относительно основания сосуда) рядах из коротких дуг. Фрагменты со сходной орнаментацией встречались и в подъемном материале. Донья сосудов были выпуклыми и покоились на клиновидных жженых кирпичах. Хумы Хорезма V—VII вв. из замка № 4 Баркут-калинского оазиса также имели выпуклое дно и подбивались для устойчивости с боков землей и комьями.[33])

Во внешнем раскопе II были найдены монеты Ардашира 1 (226—240) и Шапура 1 (240—270). Однако описание Г. Х. Киддера отличается от описаний других раскопов на Гяур-кале, отнюдь не характеризующихся четкой стратиграфией находок, отсутствием вообще каких бы то ни было указаний глубин. Для вышеупомянутых монет тоже не было сделано исключения.

Крупные сосуды с незначительной разницей диаметров горла и наибольшего встречаются в Атеке и Мерве и, быть может, составляют характерную особенность хумов не только для сасанидского но и раннемусульманского периодов. Два хума, обнаруженные Б. Б. Пиотровским в 1937 г. на Гяур-кале и предварительно отнесенные им к первым векам нашей эры, своей почти цилиндрической с некоторым сужением к горлу формой, с неустойчивым округлым дном являют прямую противоположность стройным парфянским хумам Старой Нисы.[34])

Интересная группа венчиков хумов была собрана в 1947 г., наряду с прочей керамикой, на тепе в ауле Кеши под Ашхабадом. Тесто красного цвета, хорошей отмучки, обжиг ровный. Обруч венчика изготовлен

на гончарном кругу. Диаметр горла 38—40 и 44—46 см. Толщина стенок 1,7—2,0 см. По профилю венчиков один фрагмент дает полную аналогию с венчиками парфянских хумов, а остальные характеризует тот же принцип, т. е. совпадение горла с венчиком, моделировка венчика в виде валика на идущих после наибольшего диаметра вверх на сужение стенках. Однако отличие этих хумов от парфянских хумов Старой и Новой Нисы — в наличии орнаментации, которая для последних не характерна. Один из фрагментов орнаментирован продолговатыми вдавлениями палочки по наружному краю венчика. Другой сохранил следы более оригинальной орнаментации, реконструировать которую удалось благодаря сопоставлению с венчиком хума с Афрасиаба, хранящегося в археологическом кабинете САГУ. С наружной стороны хума, выделяя его венчик, шла налепная глиняная пластинка в обхват хума, прикрепленная к его стенкам верхним и нижним краями, так что в середине между пластинкой и стенками хума оставалось пустое пространство. Судя по указанной аналогии, пластинка, на рассматриваемом фрагменте не сохранившаяся, несла орнаментацию сквозной прорезью, в результате чего получалась как бы ажурная решетка, охватывающая снаружи верхнюю часть хума. Учитывая указанные выше сходства и отличия венчиков этой группы от хумов парфянских и распространение в Атеке в V—VIII вв. крупных сосудов для хранения принципиально иной формы, в качестве предварительной датировки для хумов с тепе в ауле Кеши выдвигается середина I тысячелетия н. э.

Хумы IX—XV вв.

На Новой Нисе по подъемному материалу довольно определено выделилась группа венчиков небольших хумов или хумча, характеризующихся значительным количеством гравия и песка, как преобладающего компонента теста черепка. Это обстоятельство, наряду с сильной пористостью, исключает возможность хранения в этих сосудах жидкостей. Такие фрагменты найдены в арке, шахристане и рабаде Новой Нисы. Тесто беднокрасное с толстой полосой серочерного спека в середине черепка. Отдельные фрагменты имеют следы гончарного круга. Наиболее часто встречаются венчики с верхней горизонтальной (относительно дна) площадкой, по наружному краю которой идет налепная полоса с вдавлениями пальцем, имитирующая жгут. Венчики этого типа имеют диаметр горла 20—22 см, иногда до 26 см. Диаметр горла прочих венчиков этого же теста черепка — 24—30 см. Орнаментация пальцевыми вдавлениями в виде овальных ямок или продолговатых вертикальных ложбин встречается и по наружной стороне венчика или на плечиках сосуда. Сосуды подобного состава теста распространены в Южной Туркмении довольно широко. Так, они были встречены во время работ XI отряда на сасанидских и раннемусульманских городищах. К ранним периодам принадлежит и венчик хумчи из подъемного материала с Кош-депе Безмеинского района, хранящийся в фондах Ашхабадского музея (опись 146, № 6). Тесто беднокрасное с серочерным спеком в середине черепка, прослеживаются следы гончарного круга. Диаметр горла — 24 см. На плечиках — изображение свастики, сделанное по непросохшей глине насечками острым металлическим орудием.

Датировка этой группы керамики Новой Нисы затруднительна. Быть может верхней границей явятся XII—XIII вв.

Видимо, к периоду IX—XI вв. следует отнести хум с изображением креста, как предшествующий по форме и орнаментации хумам XII—XIII вв. Высота хума — 93 см, диаметры: горла — 22 см, наибольший — 59 см и дна — 24 см. Нижняя часть хума (38 см по перпендикуляру к продолжению горизонта дна) сделана на гончарном кругу. Горло, как самостоятельный конструктивный элемент, не получило еще четкого выражения, но в отличие от хумов парфянских уже намечается это отделение. Увеличение отношения диаметра наибольшего к диаметру горла приводит к большему сравнительно с парфянскими хумами закруглению в верхней части тулова стенок сосуда, идущих к горлу на суже-ние. По плечикам хума в обхват его дана налепная полоса с вдавлениями через определенные промежутки пальцами, имитирующая жгут. Выше идет выполненная в той же технике волнообразная линия с остроугольно подчеркнутыми переходами составляющих «дуг», взаимосоединенных в нижних своих частях. В одном случае вместо «дуги» дан в аналогичной технике круг с изображением внутри него креста.

Хумы XII—XIII вв. были выделены по комплексу мусорной ямы из раскопа $Н_3$ и по стратиграфическим данным раскопа $Н_1$ 1946 г. (те и другие имеют датировки, уточненные нумизматическими данными).

Тесто черепка красноватых тонов, но более бледно, чем хумов парфянских. Значительный процент составляют тона розоватые. В подавляющем большинстве случаев в черепке прослеживаются многочисленные следы сгоревшего самана, в основном крупнопорубленного. Это — разрешение проблемы скрепления стенок больших сосудов. При изготовлении в XX в. хумов в Самарканде и тандыров в Чимкенте в глину с этими же целями подмешивали шерсть.[35]) Насколько можно судить по неоднородности цвета черепка, особенно его срединных слоев, обжиг хумов не отличался высоким качеством.

Сравнительно с парфянским периодом техника изготовления хумов не претерпела значительных изменений. В качестве таковых можно указать лишь несколько более широкое распространение изготовления обруча венчика на гончарном круге и вызванный усложнением профилировки самого венчика налеп для подчеркивания его специальной глиняной полосы.

Для профилей верхних частей крупных хумов характерно наличие горла, как самостоятельного конструктивного элемента, отдельного от венчика. Завершающий обычно вертикальные (относительно горизонта дна) стенки горла сплющенный валик этого венчика, значительно превосходя по ширине толщину стенок горла, выступает относительно этих стенок как внутрь, так и наружу от хума, образуя в разрезе вместе со стенками горла молоткообразный профиль. Однако такое обособление горла встречается в разной степени отработанности, вплоть до венчика, образованного простым отворотом наружу утолщенных стенок. Венчики хумов небольших размеров дают сходную молоткообразную профилировку, но со сглаженным переходом стенок к более широкому валику венчика. Встречается намечающаяся дифференцированность проработки внутреннего и наружного перехода стенок к венчику с сглаживанием этого перехода внутри хума и большим подчеркиванием его снаружи. Среди больших и малых хумов наблюдаются случаи оформления

устья хума лишь простым заглаживанием углов завершения стенок, где венчик не выделен даже большей сравнительно со стенками толщиной. Представление о форме крупных хумов дает хум со штампом («S-образным») по плечикам. Корпус, венчающийся прямым высоким горлом, приближается к форме шара, поставленного на основание усеченного конуса донной части. Высота хума — 82 см, диаметры: горла — 15 см, наибольший — 55 см, дна — 19 см. Крупные хумы наиболее распространены с диаметром горла 20—24 см. Такие хумы наиболее разнообразно орнаментированы. Встречаются широкогорлые сосуды с диаметром горла до 40—42 см с орнаментацией горизонтальной площадки венчика чаще всего процарапанным волнистым орнаментом. Малые хумы (хумча) имеют диаметр горла — 20—24—26 до 30 см. Высота маленького хума с S-образным штампом — 55 см, диаметры: горла — 19 см, дна — 15 см, наибольший 40 см.

Хумы XII—XIII вв. довольно часто подвергались орнаментальной обработке, которую в сопоставлении с хумами как предыдущих, так и последующего периодов можно назвать богатой и разнообразной. Технически это — штамп, процарапывание и налеп, с частичной инкрустацией вставками фрагментов поливной керамики. Часто встречающийся плотный белый ангоб, судя по его толщине и качеству покрываемого черепка, служил для усиления водонепроницаемости стенок хума. Он не всегда удачно комбинировался по технологическим данным с черепком, в результате чего часто отслаивается. Штамп и процарапывание производились после покрытия ангобом.

Наиболее распространенной формой налепа является налеп, имитирующий жгут, идущий в обхват плечиков или горла хума. Этот, широко распространенный вследствие своей простоты, прием украшения неполивной керамики в применении к хумам в Нисе возникает, видимо, раньше XII—XIII вв. Выше и ниже этого жгута, а иногда и в обрамлении двух таких жгутов, располагаются орнаментальные пояса верхней части хума, выполненные преимущественно в технике штампа. Наиболее распространенным и в известном смысле характеризующим период XII—XIII вв. является штамп, могущий быть рассмотренным в своем выражении на керамике как латинская буква S с частым продолжением концов ее до образования спирали внутри каждого из двух ее полуокружий. Концы линии, складывающей штамп, иногда подчеркиваются углублением в виде большой точки. Аналогичные углубления встречаются и по бокам штампа. Преобладающее расположение штампа относительно горизонта дна вертикальное,[36]) в четком виде встречающееся редко ввиду небрежности нанесения штампа. Есть S-образный штамп и в горизонтальном положении. Интересно отметить как бы варианты этого штампа. В одном случае верхние и нижние завитки трансформировались в окружности с точкой — углублением посередине, соединенные прямой линией. В другом случае спаренный штамп дает направление обоих завитков в одну сторону с образованием двух окружностей на общей исходной линии типа печатной русской буквы В. Прочие штампы объединяются общим овальным очертанием. Распространено деление этих овалов на части линиями, проходящими через центр, с нанесением в образовавшиеся треугольные сегменты окружности по одной выпуклости — точке. Этот штамп, как бы схематическое изображение колеса со спицами, встречается в вариантах двух или четырех

делящих линий (иначе — четырех или восьми «спиц»), иногда с выпуклостью в виде большой точки на пересечении этих линий в центре окружности. Встречается также деление овала — окружности на четыре сегмента, образованных заполнением каждого такого сегмента увеличивающимися в размерах от края окружности к ее середине уголками, расположенными вершиной к центру. В одном случае встречены большие (Д — 1,6 см) овалы — окружности с орнаментальным заполнением в виде тамгообразного знака. Имеются штампы в виде небольшой окружности с выпуклой точкой в центре. Судя по глубине отпечатка, S-образный штамп в некоторых случаях мог иметь металлический калып. Калыпы прочих штампов были деревянными или, скорее всего, из обожженной глины. К описанию орнамента, выполненного в технике штампа, следует, видимо, присоединить полосы шириной 3—4 мм от прокатывания по слегка подсохшей глине зубчатого колесика.

Процарапывание производилось гребенчатым инструментом (чикыч) с количеством зубцов от 3 до 8. Следует отметить нанесение таким инструментом с одной стороны прямых линий (без учета кривизны плоскости стенок), идущих в обхват хума, с другой стороны линий волнообразных в виде сплошной полосы, охватывающей весь сосуд. В последнем варианте встречается понижение «волн» в виде не плавного перехода, а угольного образования. Иногда наблюдается как бы разрыв «волн» с образованием самостоятельных «дуг» с пересекающимися концами, но не представляющих образования единых линий без отрыва инструмента от керамики.

Налеп встречается также в виде розеток шести-или восьмилепестковых, или в виде конусов с внешней поверхностью, оформленной штампом, развертка которого на плоскости дала бы вышеописанный тип штампа «колесо со спицами». Инкрустация фрагментами поливной керамики (голубая полива, черепок кашинный) наблюдается как просто во вставках в стенки хума, разумеется, с учетом определенной композиционной системы, так и в центре налепных розеток.

Теперь надо остановиться на некоторых орнаментальных композициях, складывающихся из описанных элементов. Наиболее распространен орнамент, выполненный чикычем. Он или составляет самостоятельные орнаментальные композиции, или входит составляющим элементом в композиции более сложные. Первый вид распространен на нижних частях хумов, где орнаментация иными техническими приемами не встречается. Типичной можно считать следующую композицию. Сверху идет волнообразная полоса из 8 параллельных линий. Ее основанием служит прямая полоса в обхват хума из стольких же линий. Тремя-четырьмя сантиметрами ниже идет аналогичная полоса. В образованную таким образом рамку вписаны, на расстоянии 3—4 см друг от друга, наклонные отрезки из четырех параллельных линий, причем их слегка загнутые концы частично перекрывают верхнюю и нижнюю обрамляющие полосы. Ниже идет опять волнообразная полоса. Но здесь трактовка «волн» не симметрична, как на полосе верхней. Одно плечо «волны» дано более пологим, а другое более крутым.

В верхних частях хумов простейшим видом орнаментации служит налепной жгут (иногда два), вокруг которого в большинстве случаев группируются орнаментальные композиции. Иногда этот налепной жгут заменяет в вышеописанной композиции верхнюю полосу. Выше его

дается не волнообразная полоса, а наклонные отрезки того же характера, что и под ним. Встречается нанесение процарапыванием (одно острие) системы косых квадратов. В другом случае под жгутом идут пересекающиеся процарапанные дуги из параллельных линий, а выше его распюложена полоса налепных восьмилепестковых розеток диаметром 1,0—1,2 см. В орнаментации, выполненной в технике штампа, кроме поясного расположения, следует отметить композицию треугольником, где вершина представлена одним штампом, а расширение к основанию, примыкающему снизу к налепному жгуту, достигается увеличением числа штампов в горизонтальном ряду. Наиболее распространена такая композиция при употреблении S-образного штампа, но встречается и выполненная при помощи штампа «колесо со спицами». Такая

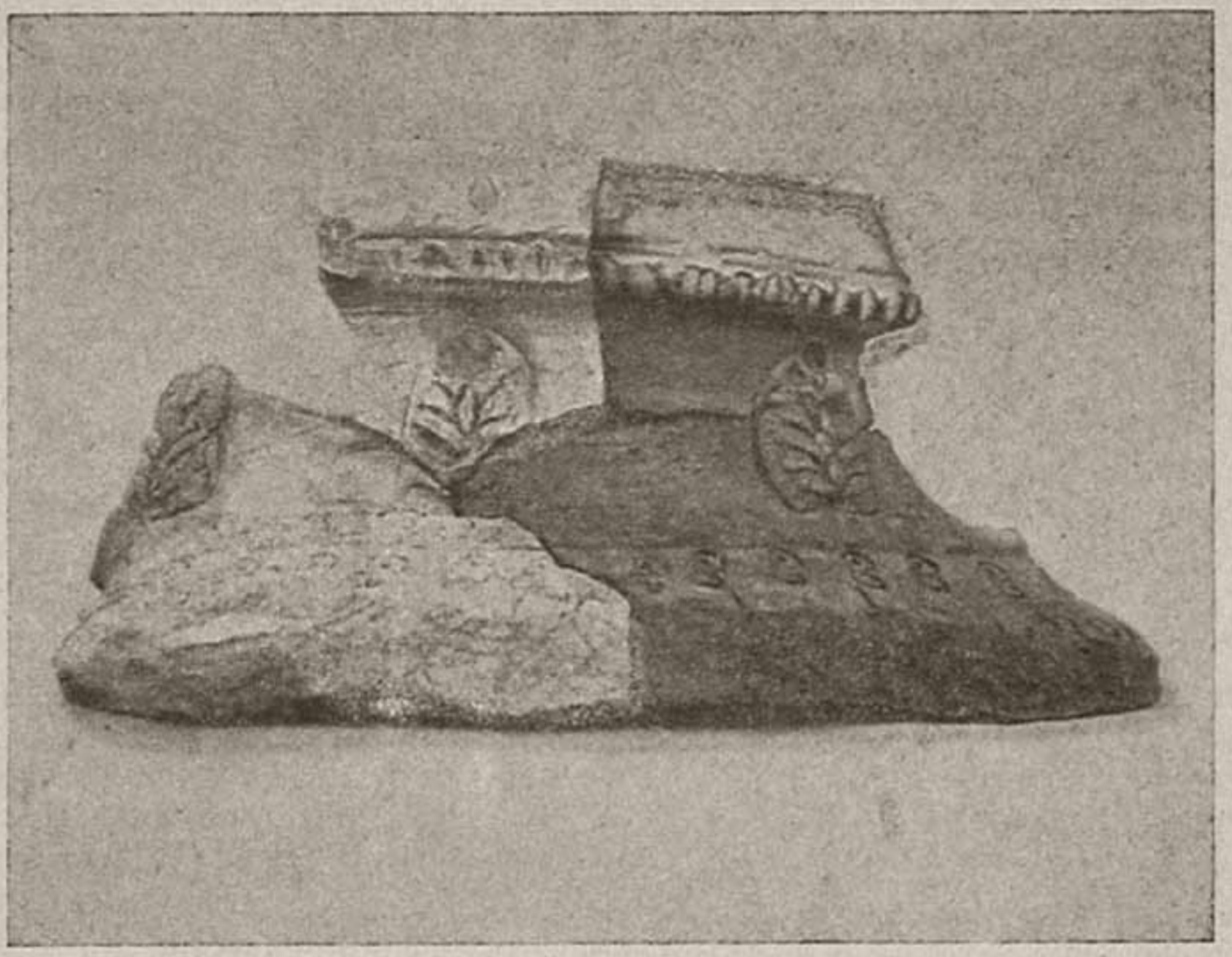


Рис. 3. Горловина хума XI—XII вв. из Нисы.

комбинация треугольником встречается в других, кроме отмеченного, пространственных положениях. Так, на одном фрагменте венчика по наружной стороне нижний край валика венчика подчеркнут вертикальными продавливаниями пальцем. Ниже, непосредственно по самому горлу, идет пояс из штампов «колесо с четырьмя спицами». Отстоя друг от друга на 8 см, примыкают к ней снизу вершины треугольников, образованных тем же штампом. Другой, усложненный, вариант: начало перехода от горла к плечикам подчеркнуто налепным жгутом; выше жгута дана линия S-образных штампов в горизонтальном положении. Ниже жгута — линия того же штампа, но относительно горизонта дна — вертикального. К этой полосе примыкает основанием треугольник из штампов S в горизонтальном положении. Рядом расположен большой штамп круга с выпуклой точкой посередине, обрамленной снаружи ма-

ленькими овальными вдавлениями. Далее в том же горизонтальном поясе треугольно расположены (два сверху, один снизу) три штампованных конусообразных налепа, развертка которых дала бы «колесо с восьмью спицами». После этих налепов опять идет штамп большого круга за которым следовал, видимо, треугольник из S-образных штампов. Надо полагать, что описанная схема повторялась несколько раз, образуя полный обхват орнаментальным поясом плечиков хума.

Наконец, следует указать на композиции с применением всех видов орнаментации. Выше жгута, идущего по плечикам хума, даны налепные розетки с изображением восьмилепестковых цветков с сердцевиной из вставки черепка керамики голубой поливы, чередующиеся с вертикальным S-образным штампом с двумя точками по бокам его наискось и двумя в центре завитков. Ниже жгута даны пересекающиеся концами процарапанные чикычем «дуги» из 6 параллельных линий. На вершине «дуг» — S-образный штамп того же характера, что и выше жгута. Между жгутом и «дугами» сдвинуто относительно вершин «дуг» расположены штампованные конусообразные налепы уже описывавшегося выше типа. В этой горизонтальной полосе, вертикально соответствуя пересечению концов «дуг», через два налепа — конуса, даны вставки керамики голубой поливы. Интересно массивное горло богато орнаментированного хума, найденное в 1946 г. в рабаде. По внешнему краю венчика, низ которого оформлен защипами, идут вставки черепков голубой поливы. Переход от горла к плечикам подчеркнут налепным жгутом. Ниже идет полоса вертикальных S-образных штампов. Само горло украшено вытянуто-овальными листообразными налепами с прорисовкой внутри каждого из них цветущего куста.

Указание аналогий для хумов Нисы XII—XIII вв., ввиду незначительности публикаций по неполивной керамике Средней Азии, представляется затруднительным. Крупнорубленный саман замешан в тесте хумов, изготовленных в 20-х годах XX в. в Ташкенте. На Нисе же отмечается употребление мелкорубленного самана для неполивной керамики (не хумы) XII—XIII вв. Там же встречается применение S-образного штампа не на хумах (раскоп бани в 1946 г., подъемный материал из Сардовы к северо-западу от Нисы). Разумеется, величина этого штампа уменьшена соответственно размеру посуды. Такой же как на хумах, с усложненными завитками и двумя точками-углублениями по бокам S-образный штамп встречен в системе орнаментации на круглой зеленой поливе плитке-дастархане XIII—XIV вв. с Новой Нисы, где этим штампом образована целая орнаментальная полоса. В несколько упрощенном виде этот штамп имеется на фрагменте керамики XII—XIII вв. зеленой поливы с городища (Парау) Ферава.

Штамп «колесо с четырьмя спицами» известен еще в кушанской керамике Айртама и по оссуариям из Той-Тюбе. Процарапанный орнамент может дать параллели начиная с культур Анау. Такое широкое его распространение, как и вообще рассмотренных приемов орнаментации керамики, объясняется простотой этих приемов. Наряду с этим надо указать на процарапанный орнамент неполивных кувшинов XIII в., сходный по целому ряду элементов с орнаментацией хумов. Верхняя часть такого кувшина найдена в 1947 г. в раскопе здания XIII века на Старой Нисе. Фрагменты сходных кувшинов имеются в подъемном материале той же эпохи из Мешеди-Мисриана. Близкий к ним кувшин,

датированный XII—XIII вв., известен по Термезу.[37]) Интересно отметить, что кувшин со Старой Нисы инкрустирован каплями голубой глазури, что нельзя не сопоставить с приемом орнаментации хумов вставками черепков керамики голубой поливы. Инкрустация каплями голубой поливы известна для кувшина из бадраба Новой Нисы второй половины XIV в. и для керамики Шекр-Ислама, где она удачно сочетается с процарапанным пышным растительным орнаментом. В обоих последних случаях фоном служил белый ангоб.

Рис, 4. Новая Ниса. Хум XV в.

Относительно назначения средневековых хумов Нису ориентируемся на этнографические данные. Несомненно использование хумов для хранения воды. В XX в. в медресе Ходжа Ахрар в Ташкенте во время его функционирования в каждой худжре стоял хум для воды; употребление хумов для таких целей можно наблюдать в отдельных чайханах вплоть до настоящего времени. Широко использовались хумы и для вина В Грузии и Аремении, в первой под названием «квеври», во второй под названием «карасы» соответствующие хумам сосуды употреблялись для

хранения вина, для чего зарывались в землю по плечики. Наряду с этим, хумы в Средней Азии употребляются и в настоящее время для хранения различных хозяйственных припасов. Археологически фиксируется «экстраординарное» употребление хумов: под тандыр (Хорезм), в качестве укромных помещений для содержавшихся в хаузе живых рыб (Термез), для ямы поглощателя (Термез, Бухара) и как будто для хранения деревянных палочек-рукописей (зимок Муг).

Некоторые хумы Нисы с большой примесью самана в тексте, ввиду значительной пористости черепка, едва ли служили для хранения жидкостей. Вместе с тем в большинстве своем орнаментированные хумы, надо полагать, в землю не зарывались. Скорее всего такие хумы употреблялись как тара для хранения зерна в небольших хозяйствах (в крупных рациональней зернохранилища) или иных сыпучих продуктов. В этой связи интересно отметить случай нахождения в 1947 г. в арке Новой Нисы фрагмента стенки хума теста хорошей отмучки яркокрасного цвета, без следов самана и обычного плотного белого ангоба, с S-образным штампом. Несомненная возможность использования хумов такого типа, как обладающих плотным черепком, для хранения жидкостей как будто указывает на технологическую специализацию выделки хумов в зависимости от их функционального назначения. В 1946 г. были вскрыты два хума в бане в арке Новой Нисы, где их назначение несомненно было как-то специализировано в соответствии с функциями всего сооружения. В разнообразии орнаментации хумы Нисы XII—XIII вв. рисуют расцвет производства неполивной керамики (также и богатая неполивная серая керамика того же времени). То же положение мы застаем в Хорезме этого периода, когда «неполивная посуда покрывается богатейшим лепным и резным орнаментом, превращающим некоторые хумы чуть ли не в архитектурные памятники»...[38])

Ареал распространения описанных типов хумов XII—XIII вв. не ограничивается Нисой. Во время работ археологической группы V отряда венчик хума с примесью в тесте крупнорубленного самана и с применением инкрустации черепками голубой поливы был встречен на Ясы-депе, около Безмеина. Фрагменты больших сосудов с примесью в тесте крупнорубленного (встречаются куски до 3 см длиной) самана имеются среди подъемного материала Геок-депе и Шехр-Ислама. На первом распространен тип крупных (предположительно до 0,5 м высоты) сосудов с примесью в тесте самана. Диаметр сосуда сохраняется, видимо, на всем его протяжении от дна до горла неизменным (26—30 см), а венчик образован постепенным утолщением стенок с 1,8 до 3,8 см.

Крупные сосуды Шехр-Ислама с указанной особенностью теста черепка как будто тоже примыкают к этому типу. У них профиль венчика образован квадратным валиком с рядом вариаций. Диаметр горла достигает значительных размеров (40, 46, 48 см). Характерным признаком для Шехр-Ислама можно считать подмешивание в тесто крупных сосудов битой керамики. Эта примесь встречается в вышеописанных сосудах наряду с саманом. Фрагменты венчиков, которые с большей уверенностью можно отнести к сосудам типа хумов, отличаются хорошей отмучкой теста и указанной примесью. Все встреченные фрагменты сработаны на гончарном кругу. Линия налепа обруча венчика на стенках указывает, что последние тоже изготовлялись на гончарном кругу и поз-

воляет предположить, что хумы Шехр-Ислама изготовлялись на стенке целиком во всех своих частях, хотя, видимо, и не сразу. Горло выделено не столь четко как на Нисе. Диаметры горла — 18—22 и 34—36 см. В орнаментации применены штамп, налеп и процарапывание чикычем. Среди штампов встречен S-образный тип, отличающийся от этого штампа на Нисе меньшей проработанностью завитков и общей вытянутостью. В применении процарапывания чикычем надо отметить прием, когда составляющие рисунок параллельные линии на одном плече-«волны» читаются полностью, а на другом слиты за счет поворота инструмента в единую толстую линию. Это применяется как при нанесении сплошных опоясывающих волнистых полос, так и для отдельно трактованных дуг. В последнем случае орнамент напоминает связанные пучки колосьев. Такой прием известен и по неполивной керамике Нисы.

Орнаментированные хумы Шехр-Ислама можно ориентировочно датировать XI—XIII вв. Следует также отметить, правда, немногочисленные случаи находок на Новой Нисе фрагментов хумов серо-черного цвета теста, могущих быть сопоставленными в этом отношении с хумами Хорезма XII—XIII вв. (фонды Ташкентского Исторического музея; коллекция 164 из Миздахкана; фрагмент венчика хума с «сталактитами»). Орнамент обильный, но очень простой. Выполнен в технике штампа, налепа и процарапывания чикычем. Все фрагменты без следов гончерного круга. Диаметр данного венчика — 24—26 см. Быть может, такой хум нашел в северной цитадели Шехр-Ислама Ф. А. Михайлов, пишущий о «корчаге из черной мастики».[39])

Типы хумов XIV в., как отличные от хумов других периодов, выявить пока не удалось. Учитывая большое разнообразие вариантов и широкое (в количественном смысле) распространение хумов с крупнорубленным саманом в тесте, можно высказать предположение, что хумы XIV в. как-то продолжали этот технический прием XII—XIII вв.

Хумы XV—XVI вв. были выявлены массовым сбором на так называемом «тимуридском квартале» Новой Нисы совершенно особой типологически и орнаментально группы, не похожей на все ранее известные.

Глина, употреблявшаяся для хумов этого периода, хорошо отмучена. Из посторонних включений наличествует только мелкорубленный саман, встречающийся в больших количествах в налепном обруче венчика, позволяя выделить границу налепа. Среди тонов теста преобладают палевый и бледножелтый. На гончарном кругу изготовлен обруч венчика и донная часть, причем на последней следы гончарного круга прослеживаются в виде концентрических ложбинок на внутренней поверхности, хотя и без правильного чередования этих ложбинок, как то мы имеем для хумов парфянских. Сработанную на гончарном кругу донную часть, при присоединении к ней остальных частей хума в полупросохшем состоянии, ставили на крупнорубленный саман. Судя по некоторым находкам, этот прием применялся и в более ранние периоды, быть может, даже в парфянскую эпоху.

Характерная черта венчиков хумов XV — XVI вв. — массивность. Высокое прямое горло хумов XII—XIII вв. стало ниже, а толщина его стенок увеличилась почти до толщины венчика. В итоге горло слилось с венчиком, обусловив тем самым его значительную мощность по вертикали.

В пределах этой общей характеристики венчиков наблюдается ряд вариантов. Фрагменты донных частей отмечаются слегка идущими на расширение стенками. По вертикали дно снаружи подчеркнуто небольшим валиком. Хумы были, видимо, небольшие — до 70—75 см высотой. Диаметр горла 15—16—18 см и 20—21 см. Один раз встречен венчик с диаметром горла 40—42 см. Диаметр дна — 20 см. Толщина стенок 1,0—1,8 см, преобладают же более тонкие.

Орнамент, по сравнению с XII—XIII вв., упрощен и однообразен. Хумы покрывались плотным белым ангобом высоких технических качеств. В верхней части хумы обработаны орнаментом, как бы имитирующим обработку каменной посуды и условно могущим быть представленным как отпечаток плетенки из прутьев, параллельных дну хума. Техника этого орнамента представляется затруднительной в ее объяснении. Сглаженность его линий предполагает скорее не насечки, а отпечаток какого-то штампа мягких очертаний. В донной части на высоте от 6,5 до 12 см (по стенке хума от дна) идет полоса из двух или трех зигзагообразных линий, процарапанных довольно толстым инструментом (до 3 мм ширины), быть может деревянной палочкой. Зигзаги могут давать очень резкие колебания за счет большей остроты углов — амплитуда до 8 см. На одном фрагменте стенки от верхних частей хума идет налепной жгут. Сходная с описанной орнаментация верхних частей хумов наблюдается на этнографических хумах Ташкента.

В «тимуридском квартале» были найдены фрагменты большого сосуда красного теста, без ангоба, с орнаментом «под камень» снаружи и черно-зеленой поливой внутри. Применение внутренней поливы для хумов с обеспечением таким образом большей непроницаемости стенок и последующим хранением обычно масла известно для домонгольского Афрасиаба и современного (XX в.) Ташкента. Однако указанные фрагменты с Новой Нисы едва ли принадлежат хумам. Фрагменты дна той же профилировки, что и фрагменты дна с внутренней черно-зеленой поливой, хотя и несут обычный для донной части хумов XV—XVI вв. зигзагообразный орнамент, но отличаются от них толщиной дна (3,5—4,3 см вместо 1,6—2,5 см) и значительно большим расширением стенок от донной части вверх.

Фрагменты хумов с орнаментом «под камень» встречены во время работ археологической группы V отряда на городище Эррик-депе.

Хумов более поздних периодов выделить пока не удалось. Судя по низкому качеству поливной керамики этого времени, керамическое производство претерпевало в своем развитии определенный спад. Может быть это как-то отразилось и на сужении круга форм выделываемой посуды и сложное технически производство крупных хумов значительно сократилось. Могли использоваться хумы прежних периодов как сохранившиеся в быту, так и находимые при земляных работах. Такое вторичное использование известно для долины Сумбара[40]) и было отмечено участниками ЮТАКЭ в 1946—47 гг. в Багире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно попытаться набросать некоторые общие положения. Уровень керамического производства Южной Туркмении за рассмотренные исторические периоды не мог обеспечить изготовления больших сосудов сразу целиком. Все имеющиеся хумы изготовлены по частям. Наряду с этим, начиная с середины 1 тысячелетия н. э., когда представляется возможность выделить сосуды типа хумов, донная часть их изготовляется на гончарном кругу.[41]) Частично применение круга распространяется и на изготовление обруча венчика. В средние века небольшие хумы складывались из двух половинок (по вертикали)— каждая на гончарном кругу. Согласно А. И. Тереножкину, хумы Хорезма в V—VIII вв. изготовлялись «без применения гончарного круга».[42]) Это, разумеется, не исключает возможности такого применения в периоды более ранние. В Фергане при изготовлении всей посуды на кругу, по наблюдениям Б. А. Латынина, ручном, хумы изготовлялись постепенным наращиванием спиральной ленты.[43])

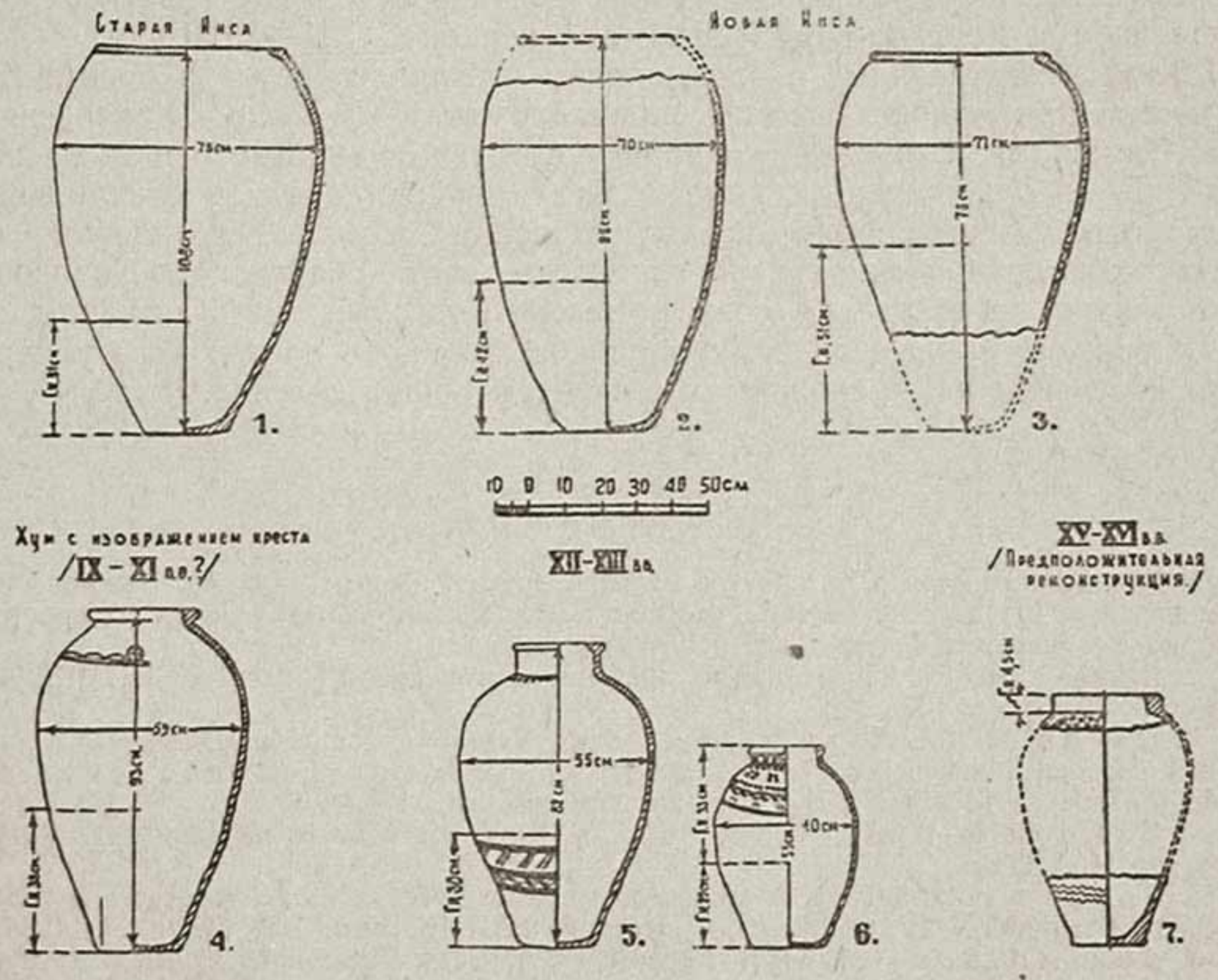


Рис. 5. Эволюция форм хумов Нисы (вверху—хумы парфянской эпохи).

В развитии формы, учитывая значительное разнообразие, могущее иметь и действительно имевшее место в один и тот же период, надо отметить характерную черту для хумов предпарфянских и парфянских — отсутствие горла, как самостоятельного конструктивного эелемента, совпадение его с венчиком. Для IV—VII вв. и первых столетий после арабского завоевания, особенно для Мервского оазиса, намечается род больших сосу-

дов типа ямов, характеризующихся незначительным сужением к горлу относительно наибольшего диаметра. Функционально эти сосуды, видимо, соответствуют хумам. Хумы XII—XIII вв. в значительной своей части имеют прямое высокое горло. В хумах XV—XVI вв. стенки горла утолщаются, оно сливается с закраиной сосуда, образуя массивный венчик.

В Хорезме такое обособление горла произошло раньше, чем в Нисе. Высокое горло наличествует уже у хумов афригидской культуры (III—IX вв.).[44])

Орнаментация хумов в хронологическом развитии идет по восходящей линии. Примитивной орнаментации процарапыванием подвергались хумы Анау III. Быть может в этот же период некоторые хумы раскрашивались.[45]) Хумы парфянские, как правило, неорнаментированные, покрывались белым ангобом, сохранившимся в верхних частях. Богатая и разнообразная орнаментация хумов Нисы XII—XIII вв. приобретает в отдельных случаях индивидуализированно-художественный характер и сменяется в XV—XVI вв. стереотипным орнаментом массового производства. Богатая орнаментация хумов Нисы может быть сопоставлена с орнаментированными хумами верхних слоев Афрасиаба и Хорезма хорезмшахского периода (XII—XIII вв.)

Хумы, изготвленные с применением гончарного круга и орнаментированные при помощи штампа, принадлежат к продукции ремесленников. Они могли изготовляться наряду с другими видами керамических изделий, но одновременно, надо полагать, существовали и специальные мастерские, изготовлявшие преимущественно хумы. Быть может об остатках подобной мастерской свидетельствует сообщение Назирова, встретившего в Мервском оазисе, между Кош-депе и Кишманом, по р. Джара, огромное количество черепков хумов, по поводу чего у местного населения даже сложилась соответствующая легенда.[46])

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Реже встречается в литературе вариант древней формы — хумб. Этнографическое название определенного типа сосудов в настоящей работе условно распространено на все рассматриваемые исторические периоды.

2. Рыбаков Б. А., Надпись киевского гончара XI века. КСИИМК, XII, М. — Л., 1946, стр. 137.

3. Попов А. А., Древний погреб близ Красной площади. В кн. По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936, стр. 49; Воеводский М., Глиняная посуда Москвы XVI—XVII вв. Там же, стр. 170.

4. Самсонов В. А., Старый Курск. В кн. Литературный альманах. Курск, 1939, стр. 180, фото.

5. Граков Б. Н., Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. Известия ГАИМК, вып. 108, М. — Л., 1935.

6. Вязьмитина М. И., Керамика Айртама времени кушанов. Труды АН УзССР, серия I, Термезская археологическая экспедиция, т. II. Ташкент, 1945.

Тереножкин А. И., О древнем гончарстве в Хорезме. Известия УзФАН, 1940, № 6.

7. Закаспийская область в археологическом отношении. «Туркестанские ведомости», № 25 от 28 июня 1888 г., стр. 98.

8. Иностранцев К. А., О древнеиранских погребальных обычаях. ЖМНП, Новая серия, XX, 1909, стр. 110, прим. 3 и стр. 111.

9. Толстов С. П., Городища с жилыми стенами. КСИИМК, XVII, М. — Л., 1947, стр. 6.

10. Куфтин Б. А., Некрополь в Колхиде. «Заря Востока» от 4 января 1939 г. № 4, стр. 4.

Куфтин Б. А., цит. соч., а также Археологические раскопки в Триалеты. I, Тбилиси, 1941, стр. 34.

12. Марущенко А. А., Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Известия ТГНИИ, 1935, № 1, стр. 6.

13. Граков Б. Н., цит. соч., стр. 148.

14. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства. В. кн. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 295.

15. Сталин И., О диалектическом и историческом материализме. ОГИЗ, 1945, стр. 26.

16. Сталин И., цит. соч., стр. 27.

17. Воеводский М. В., К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», 1930, № 4, стр. 65.

18. Воеводский М. В., цит. соч., стр. 65.

19. Граков Б. Н., цит. соч., стр. 180.

20. Граков Б. Н., цит. соч., стр. 180.

21. Рубчатая донная часть см. Pumpelly R , Explorations in Turkestan. Washingto 1908, v 1, plate 19, fig. 5.

22. Pumpelly R., цит. соч., fig 232;plate 19, fig. 8.

23. Вязьмитина М. И., Керамика Айртама... цит. соч. стр. 45, табл. IV, 2. Сходная с парфянской техника изготовления хумов: Воронец М. Э., Археологические исследования 1937—39 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 325. Близкую к нисийским, но более вытянутую яйцеобразную форму хума см. Массон М. Е., Городища Старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2. Ташкент, 1940 (1941), стр. 71, рис. 38.

24. Ершов С. А., Краткий отчет-альбом раскопок крепости «Старая Ниса». Ашхабад, 1946. рукопись, стр. 9—10.

25. Вязьмитина М. И., Раскопки на городище Айртам. Труды АН УзССР, серия 1, Термезская археологическая экспедиция, т. 2, Ташкент, 1945, стр. 26.

26. Всеобщая история архитектуры, т. 1, М. — Л., 1944, стр. 190, табл. 96, 1, к.

27. Ершов С. А., цит. соч., стр. 10—11.

28. Пиотровский Б. Б., Урарту. Еревань, 1944, стр. 151.

29. Фрейман А. А., Согдийская надпись из Старого Мерва. Записки Института востоковедения АН СССР. УП, М. — Л., 1939, стр. 296—302. История СССР, Макет ИИМК, М. — Л., 1939, ч. III, гл. 2, § 3, стр. 83. Параграф написан С. П. Толстовым.

30 Pumpelly R.. Explorations in Turkestan. Washington, 1908. v. 1, plate 52. См. также p 288 и 197—198.

31. Цит. соч., стр. 191.

32. Цит. соч., стр. 214—216.

33. Тереножкин А. И., О древнем гончарстве в Хорезме. Известия УзФАН, 1940, № 6, стр. 57, 58.

34. Пиотровский Б. Б., Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 37.

35. Вяткин В. Л., Городище Афросиаб. [Ташкент, 1927], стр. 32. Воеводский М. В., К истории гончарной техники, цит. соч., стр. 63.

36. Для упрощения описания вертикальность и горизонтальность композиции и отдельных элементов орнамента будут рассматриваться относительно поперечного разреза хума на данной высоте плоскостью параллельной дну, без учета изменений за счет той или иной профилировки стенок хума, несущих орнамент.

37. Шишкин В. А., «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. Труды АН УзССР, серия 1, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 121, рис. 24, 9.

38. Толстов С. П., Новые данные по истории Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 87.

39. Михайлов Ф., Развалины городища Шехр-Ислам. Ежемесячное художественно-литературное приложение газеты «Закаспийское обозрение». 1898, вып. 1, стр. 15.

40. Массон М. Е., Силуэты Сумбарского района. Туркменоведение, 1931, № 3—4, стр. 56.

41. См. Pumpelly R., Exoplorations in Turkestan, Washington, 1908, v. 1, plate 19, объяснение к фотографии и fig. 5 (Анау III), где ясно видны следы гончарного круга.

42. Тереножкин А. И., Археологические разведки в Хорезме. Советская археология VI, М. — Л., 1940, стр. 179.

43. Латынин Б. А., Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. В. кн. Археологические работы на новостройках. Известия ГАИМК, вып. 110, М. — Л., 1935, стр. 133.

44. Толстов С. П., Древний Хорезм. КСИИМК, XIII, М. — Л., 1946. Таблица, Раздел афригидской культуры: кушано-афригидская и собственно афригидская.

45. См. Древности Абивердского района. Труды САГУ, серия II, Orientalia, вып. 3. Ташкент, 1931, табл. VII, фото слева внизу. Керамика Намазгар-депе, где снят обруч венчика большого раскрашенного сосуда, быть может хума.

46. Назиров, Маршрутное описание пути: от г. Мешеда через перевал Муздеран, кале Коушут-хан, колодец Шегитли, Мерв, колодцы Сайраб и Эдиль, селение Докай в город Чарджуй. СПб., 1883, стр. 16.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЧЕКАН НИСЫ

Одной из важнейших задач первого (1946) года работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции было всестороннее изучение истории города Нисы, в частности, за время после арабского завоевания. В этой связи неизбежно встал вопрос о том, был ли в Нисе свой монетный двор и в какие периоды она чеканила монеты, поскольку чекан (более или менее интенсивный) свидетельствует о политической или экономической значимости города, так как за разные периоды далеко не все и даже не большинство городов, входивших в то или иное государственное объединение, выпускали монеты.

Однако в известной сводной работе O. Codrington, A Manual of musalman numismatics, выпущенной в Лондоне в 1904 г., где перечислены все монетные дворы мусульманского мира, которые автору удалось зафиксировать по нумизматической литературе, чекан Нисы фигурирует только однажды, в связи с Хорезмом (стр. 193).

Это показалось довольно странным на общеисторическом фоне, который позволял ожидать в Нисе собственный монетный чекан, для разных периодов, тем более, что в нумизматической литературе довольно часто встречаются публикации разновременных монет других южнотуркменистанских городов, например, таких, как Абиверд и Серахс (не говоря уже о Мерве), которые и в экономическом и в политическом отношении стояли примерно на одном уровне с Нисой, а иногда Ниса с ее областью считалась, видимо, даже более значительной. Во всяком случае, показательно, что, по свидетельству ибн Хордадбеха, сумма хараджа, взыскивавшаяся с Нисы (893 400 дирхемов) была много больше той, которая причиталась с Серахса (307 440 дирхемов), Абиверда (700 000 дирхемов) и даже Туса (740 860 дирхемов).[1]) А Истахри, например, Нису, Абиверд, Серахс и др. относит к округам одинакового разряда.[2]) И вообще восточные исторические источники свидетельствуют, что Ниса считалась богатым городом с крупной округой, начиная с первых веков ислама, когда она включала в себя территорию на западе вплоть до Ферявы, и до XVIII в., когда, по образному выражению Мехди-хана Астрабадского, красавица Ниса «каждый день была в объятиях чьего-либо желания».[3])

Археологические работы на городище Новой Нисы в 1946—1947 гг. вскрыли яркую картину развитой городской жизни. Первоклассные постройки, облицованные люстровыми плитками, великолепные резные каменные намогильники, прекрасная и разнообразная керамика всех времен, пригород, раскинувшийся на большой территории и ставший еще в домонгольское время подлинным городом (так что сравнительно небольшая площадь бывшего шахристана считалась уже просто кре-

постью) — все это и многое другое свидетельствует об интенсивной и ширившейся городской жизни, которую не привело в упадок даже монгольское завоевание.

А после того, как в 1946 г. во время работ на Новой Нисе мусорная яма, устроенная в стене города и заполненная керамикой и стеклом, дала медную монетку, которую М. Е. Массон, определил, как чеканенную именно в Нисе в период владычества Мухаммеда ибн Текеша, автору было поручено попытаться найти в литературе, а также в доступных нумизматических собраниях и суммировать данные о чекане Нисы. Предполагалось, что подобная сводка, как бы ни оказались отрывочными ее данные, даст определенные дополнительные штрихи к характеристике соответствующих периодов в истории средневековой Нисы. В процессе работы в различных музеях удалось выявить еще три неопубликованные монеты чекана Нисы—две медные и одну серебряную, а также собрать некоторый материал из русской и иностранной нумизматической литературы. Просмотрены были не все, но во всяком случае главнейшие издания и каталоги с восточными монетами, причем с наибольшей полнотой для XV—XVI вв. именно в связи с упомянутыми интересными неопубликованными экземплярами чекана Нисы. Полученные и суммированные данные сразу показали очень интересную картину: монетный двор и соответственно чекан в Нисе существовал при двух династиях Хорезмшахов (Мамунидов и Ануштегинидов), при Хулагуидах, Тимуридах, Сефевидах и, возможно, Шейбанидах. Хотя во всех этих случаях чекан зафиксирован пока лишь единичными моментами,, однако, сам перечень династий, при которых он засвидетельствован, намекает на то, что монетный двор в Нисе существовал, возможно, постоянно и на нем производился более или менее регулярный и систематический чекан как меди, так и серебра. Но, вместе с тем, обращает внимание тот любопытный факт, что сами монеты Нисы, относящиеся к столь разным периодам, в количественном отношении представлены единицами. Объясняется ли это тем, что чекан в Нисе не был интенсивен, или какими-либо другими причинами — остается пока невыясненным.

Ниже приводится сводка монет по династиям.

1. Хорезмшахи Мамуниды

Чекан этой династии в Нисе представлен двумя серебряными монетами, битыми от имени Али б. Мамуна в 39... г. х.[4])

Отсутствие единиц в дате не позволяет установить точное время выпуска этих монет, однако, чекан того же государя в других городах дает возможность выявить хронологические пределы, в которые должны быть поставлены эти монеты, и вместе с тем, уточняет дату смерти Али ибн Мамуна, относительно каковой в востоковедческой литературе нет согласованности.

Начало его правления относится к 997 г. н. э., когда он наследовал своему отцу Мамуну, еще до того объединившему Хорезм.[5]) Но в отношении конца нет такой ясности. Захау считал, что он умер между 396 и 404 г. х. (1005/6—1013/14 г. н. э.). Н. И. Веселовский на основании слов Бируни о том, что тот 7 лет, с 400 по 407 г. х., находился при хорезмшахе Мамуне, преемнике Али, полагает дату смерти Абул-Хасана ибн Мамуна где-то между 396 г. х. и 401/1010—11 г., что во

второй части может быть подтверждено хорезмийской свинцовой плитой, найденной в развалинах Куня-Ургенча, в надписи на которой говорится о постройке минарета по приказу Хорезмшаха Абу-ль-Аббаса Мамуна (брата Али, вступившего на престол после смерти последнего).

В. В. Бартольд в дополнении к переводу «Мусульманские династии» Лэн-Пуля дату смерти Али ибн Мамуна помещал около 1015 г., но позже в «Туркестане в эпоху монгольского нашествия» и в статье о Хорезме в «Энциклопедии ислама» уже не приводит ни этого, ни другого года. Вместе с тем, он упоминает Али ибн Мамуна еще под 396/1006 г. в связи с отправлением к нему обоза военачальником Караханидов Сюбаши-тегином.[7])

E. Zambaur приводит в своих хронологических таблицах обе даты — и начала и конца правления Али ибн Мамуна — 387—390 г. х. (997—999/1000 г. н. э.), причем дата смерти у него дает самый ранний вариант.[8]) Она была безоговорочно принята составителями примечаний к 1 тому «Материалов по истории туркмен и Туркмении» (М. — Л. 1939, стр. 188, прим. 2 и стр. 227, прим. 3), что вызвало при комментировании «Китаб ал-Йамини» Утби хронологическую неувязку: в двух примечаниях к тому месту, где сообщается о походе Сюбши-тегина, приводятся две исключающие друг друга даты: датой конца его правления называется 1000 г. н. э., а датой отправки к Али ибн Мамуну обоза Сюбаши-тегином — 1006 г. н. э.[9])

А. К. Марков в инвентарном каталоге мусульманских монет Эрмитажа привел для правления Али ибн Мамуна вполне определенные даты — 387—400 г. х. (997—1009 г. н. э.),[10]) которые ближе к датам Захау и Веселовского и игнорировались последующими исследователями, хотя находили себе подтверждение в нумизматических данных, ставших известными несколько позже. В 4 добавлении к каталогу А. К. Маркова опубликованы монеты Али ибн Мамуна, чеканенные в Фераве в 392/1001—2 г., 396/1005—6 г. и 397/1006—7 г., в Хорезме в 395/1004—5, в Джурджане в 395/1004—5 и в 396/1005—6 г. Возможно (из текста не совсем ясно), что и монета 399/1008—9 г. без города также принадлежит его чекану.[11])

Во всяком случае, монеты 397/1006—7 г., несомненно битые от его имени, совершенно исключают дату конца его правления, взятую Э. Цамбауром и составителями 1 тома МИТТ и сужают те границы, в которых поместили Захау и Веселовский дату его смерти, которая имела место, следовательно, уже после 397/1006—7 г., вероятно, даже после 399/1008—9 г., но до 401/1010—11 г. Соответственно этому и упомянутые серебряные монеты Нисы могли быть выпущены в пределах годов его царствования или, скорее, в пределах годов чекана по другим городам.

Годы правления Абул-Хасана Али ибн Мамуна были временем напряженной политической борьбы в восточной части мусульманского мира: под ударами Караханидов пала саманидская династия, победителям пришлось столкнуться с еще более сильными Газневидами. Хорезмийская династия Мамунидов не обладала, видимо, достаточными средствами, чтобы выступить самостоятельно. По мнению В. В. Бартольда, Абул-Хасан Али сначала был в некоторой зависимости от Караханидов, но потом стал придерживаться газневидской ориентации.[12]) Ниса принадлежала Мамунидам еще до объединения ими Хорезма, с

992 г. н. э., когда саманид Нух бен Мансур, после занятия в мае этого года Богра-ханом Бухары, вынужден был покинуть свою столицу и собирать войска в Амуле, где ему оказали содействие, в частности, эмир Гурганджа и хорезмшах. Именно за это, после своего возвращения в Бухару, а также для ослабления непокорного и могущественного наместника Хорасана, Нух бен Мансур дал в удел эмиру Гурганджа город Нису, а хорезмшаху — Абиверд.[13])

С тех пор и до завоевания Хорасана Газневидами Ниса принадлежала Хорезмшахам Мамунидам, хотя последний представитель династии Саманидов, Мунтасир, собравший войска не без содействия Али ибн Мамуна, впоследствии попытался захватить Нису и Абиверд (1004 г. н. э.), причем в Нисе его сторонник Абу-Наср ибн Махмуд Хаджиб даже ввел хутбу на его имя, но подоспевший отряд хорезмшаха разбил войска Мунтасира и тот вынужден был бежать.[14])

Преемник и брат Али ибн Мамуна, Абу-л-Аббас Мамун ибн Мамун, под давлением Махмуда Газневида в 1017 г. н. э. ввел в Нисе и Фераве хутбу на имя султана. После завоевания в том же году Хорезма Махмудом все хорасанские владения Хорезмшахов стали частью газневидского государства. Таковы политические события этого периода.

Чекан же серебра в Нисе говорит, во-первых, о сравнительно большом политическом и экономическом значении этого города в государстве Хорезмшахов Мамунидов; во-вторых, он должен был, видимо, подчеркивать во враждебной или потенциально враждебной политической среде принадлежность города именно Хорезму. Интересный факт чекана серебра в это время не только в Нисе, но и в Фераве в 392/1000—1 г., 396/1005—6 г. и 397/1006—7 г. свидетельствует о том, что и последняя принадлежала Хорезмшахам. Трудно судить, отошла ли она к Хорезму «автоматически» вместе с Нисой на основании того, что она, по словам Макдиси, относилась к округу Нисы, считаясь ее рабатом, или же была захвачена несколько позже. Но ясно одно, что этот пункт не был просто только рабатом, как можно было бы считать, следуя за географами X в., а важным военнополитическим и, возможно, даже экономическим центром, который имел большое значение в событиях конца X — первой половины XI вв. Иначе нельзя объяснить выпуск в Фераве серебряных монет, причем любопытна даже статистика: в 4 добавлении в каталогу А. К. Маркова опубликовано всего две монеты Нисы и за один год чекана, тогда как Ферава показала три года, представленные одиннадцатью монетами. Если это даже простой случай, то такое количество серебра Феравы на общем фоне относительной редкости монет Мамунидов показательно.

II. Хорезмшахи Ануштегиниды

Представлены четырьмя однотипными медными монетами Мухаммеда ибн Текеша, битыми в Нисе.

2 экземпляра опубликованы у В. Г. Тизенгаузена,[15]) который описывает их следующими словами: «Фельс того же султана Мухаммеда, чек. в Нисе и содержащий на одной стороне, в круге, слово السلطان со звездочкой сверху и снизу, а на другой, в круге, обставленном точками محمد/نسا. в = 2,46 и 2,92 г, д — 16 и 18 мм.

Другие два аналогичные экземпляра приведены у А. К. Маркова.[16]) У них также на одной стороне в поле السلطان («ас-султан») со звездочками снизу и сверху, а на другой стороне — محمد («Мухаммед») и внизу — نسا («Ниса»). Обе монеты разных матриц.

С временем хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша (1200—1220) связаны важные события в политической истории и исторической топографии города Нисы, о которых довольно подробно рассказывает ее уроженец Несеви. По его словам, в конце правления еще Текеша в Нисе сидел на правах вассального владетеля зависимый от Хорезма Имад-дин Мухаммед ибн Омар ибн Хамза. Он скончался вскоре после Текеша, а его старший сын умер через 6 месяцев после отца. Воспользовавшись этим, хорезмшах Мухаммед перевез младших наследников в Хорезм, попутно захватив сокровища своего вассала. Это событие произошло, очевидно, в первые годы (1202 или 1203) XIII в. А для того, чтобы подорвать возможные сепаратистские тенденции, было приказано разрушить крепость Нисы.[17])

Недатированные медные монеты чекана Нисы скорее всего выпускались уже после захвата города Мухаммедом ибн Текешем, хотя не исключена возможность, что монеты с его именем чеканились в вассальном нисийском владении, когда оно на короткий срок было еще формально самостоятельно.

III. Хулагуиды

Представлены пока лишь одной серебряной монетой достоинством в два дирхема, чеканенной в Нисе от имени Газан-Мухмуда в 703/1303—4 г., т. е. в последний год его правления.[18]) Монета эта особенно ценна благодаря незначительности письменных известий о Нисе в хулагуидскую эпоху. Собственный серебряный чекан начала XIV в. подтверждает данные археологии, полученные во время работ ЮТАКЭ 1946 г. о том, что Ниса в эту эпоху была населенным и достаточно цветущим городом.

Наряду с собственным чеканом серебра, об этом свидетельствует обращение в Нисе серебряных хулагуидских монет чекана других весьма отдаленных городов, что говорит об определенных торговых связях и интересах Нисы. В частности, в 1946 г. З. А. Альхамова зарегистрировала найденный на Нисе клад хулагуидских серебряных монет, чеканенных в Нишапуре, Исфераине и Дарабе от имени Мухаммеда Худабенде. Читаемые на некоторых монетах даты показывают 714/1314—1315 г.

IV. Тимуриды

Тимуридский чекан Нисы представлен одной впервые публикуемой медной монетой 906/1500—1501 г., которая принадлежит большому кладу медных монет, обнаруженному в 1925 г. в Самарканде и хранящемуся ныне в Музее истории культуры Узбекистана (Самарканд).

Av. В квадратном картуше с орнаментом—обозначение места чекана и дата цифрами ضرب نسا ٩٠٦ («зэрб Ниса 906»). Rv. стерт.

Ниса в 906/1500—1501 г. и позже, до завоевания Хорасана Мухаммед-Шейбани-ханом, входила в состав владений Султан-Хусейна-мирзы, который отдавал ее в управление вместе с другими областями то одному, то другому из своих сыновей.[19])

Монета Нисы, следовательно, принадлежит чекану Султан-Хусейна-мирзы и представляет поэтому двоякий интерес: во-первых, для истории самого города Нисы за этот период, а, во-вторых, — вообще для характеристики позднетимуридского медного чекана, т. к. в просмотренной большой литературе по нумизматике на русском и иностранном языках, включая сюда каталоги восточных монет разных музеев и даже некоторые аукционные каталоги, чекан Нисы позднетимуридского времени нигде не был отмечен. Таким образом, монета эта прибавляет новый пункт к числу тех, где в конце XV и начале XVI в. чеканились медные деньги, и, вместе с тем, объективно свидетельствует, что и в этот период Ниса была в экономическом отношении достаточно крупным городом с развитой внутригородской денежной торговлей, потребностям которой отвечал местный чекан. Так как в позднетимуридское время далеко не все города имели собственный медный чекан и в Мавераннахре, например, выпускали медь лишь такие крупные центры, как Бухара, Самарканд, Кеш, Карши и некоторые другие, то фиксируемый теперь чекан Нисы свидетельствует именно об удельном весе и экономической значимости этого города. Так как нисийская монета оказалась в составе самаркандского клада, естественно, встает вопрос, когда она могла попасть в Мавераннахр и, в частности, в обращение столичного Самарканда.

В кладе, кроме этой монеты Нисы, представлен чекан и других хорасанских городов, также из числа принадлежавших Султан-Хусейну-мирзе. Часть из них имеет даты, другие принадлежат недатированным типам. Большинство этих монет относится еще к собственно тимуридскому чекану, как, например, монеты Герата 912 г. х., Мерва 912 г. х. и основная масса типов без означения года их выпуска в Герате, Мерве и Балхе. Состав самаркандского клада, в основной массе состоящего из монет Самарканда за 917—919 гг. х. и Бухары за 917—918 гг. х., говорит о том, что он был накоплен именно в эти или ближайшие годы, и поэтому в нем могли оказаться только те монеты других более ранних лет, которые были все же именно в эти годы в обращении на рынке. Поэтому естественно предположить, что и хорасанские позднетимуридские монеты вне зависимости от года их выпуска (в 906 г. х., как монета Нисы, или в 912—913 гг. х., как монеты Герата и Мерва) попали в Самарканд примерно в одно время, причем уже после завоевания Хорасана Мухаммед-Шейбани-ханом. Это подтверждается еще двумя моментами. Во-первых, в кладе есть и более поздний хорасанский чекан, например, Герата 913 г. х., который уже может считаться формально шейбанидским, а также монеты Мерва и Нисы 916 г. х. (о них ниже). Во-вторых, хорасанские монеты апробированы в Мавераннахре самыми поздними надчеканами Самарканда, Бухары и Карши, относящимися уже ко времени не ранее 918 г. х. Более ранние надчеканы (например, большая группа разнообразных надчеканов, произведенных вскоре после 910 г. х.) на них совершенно отсутствуют, хотя на монетах не хорасанского чекана в составе этого же клада их достаточно.

Таким образом, кажется несомненным, что массовое проникновение хорасанских монет в Мавераннахр связано с политическим присоединением Хорасана к последнему. Прочное вхождение их в оборот междугородской торговли (не касаясь здесь вопроса курса в обращении) ясно свидетельствуется тем, что они успели побывать, судя по надчеканам, в Карши, в Бухаре, в Самарканде, причем в большом количестве. Во всяком случае, в самаркандском кладе после чекана Бухары и Самарканда среди всех других городов хорасанские монеты (особенно Герат и Мерв) явно количественно преобладают. Проникают хорасанские монеты даже в Ташкент. В этом отношении очень показателен маленький клад медных монет, также накопленный в период 917—919 гг. х. и найденный в Ташкенте (хранится на кафедре археологии Средней Азии САГУ). Он содержит всего 74 монеты, причем только на 38 можно было прочесть обозначение города, и даже из этих 38 монет одна балхская.

С другой стороны, более ранние клады меди, накопленные и отложенные в период до завоевания Хорасана Шейбанидами, не содержат монет хорасанских городов. В этом отношении показателен большой клад (свыше 700 кружков), найденный в долине реки Ангрен (хранится на кафедре археологии Средней Азии САГУ), поздние монеты которого датированы 910 г. х., но который был отложен несколько даже позднее, так как в нем имеются еще и надчеканы разных городов, сделанные уже после 910 г. х. Однако в этом кладе нет ни одной хорасанской монеты. Ту же картину показывают еще четыре небольших клада примерно этого же времени, также хранящиеся на кафедре археологии Средней Азии САГУ.

Таким образом, несомненным кажется тот факт, что если позднетимуридские медные монеты, чеканенные во владениях Султан-Хусейна Байкары, и попадали в Мавераннахр, то это были частные случаи. Судя по составу кладов, массового и систематического проникновения хорасанского медного чекана в Мавераннахр в период до завоевания Хорасана Шейбанидами не было. А это весьма показательно, так как медная монета XV—XVI в. участвовала не только во внутригородской торговле, но, благодаря достаточно высокой покупной способности, выходила далеко за пределы выпустившего ее города. И, например, внутри Мавераннахра между его городами, а также между городами Мавераннахра, с одной стороны, Хисаром, Ташкентом, Андижаном и т. д., с другой стороны, медные монеты имели взаимное обращение, и иногда по надчеканам видно, какой длинный путь проделала по разным городам какая-нибудь медная монета. Города же Хорасана, с одной стороны, и Мавераннахра с некоторыми северо-восточными областями — с другой, не показывают такого постоянного взаимообращения медных монет.

V. Шейбаниды

Сюда относится медная монета 916 г. х. чекана Нисы.

Av = в фигурном четырехугольном картуше, обрамленном орнаментом — легенда, включающая наименование города и дату цифрами ضرب نيسا ٩١٤ (зэрб Ниса 916»).

Rv = геометрический орнамент на основе шестиконечной звезды.

Монета, как и предшествующая тимуридская, публикуется впервые и принадлежит тому же большому кладу медных монет, найденному в Самарканде. Ниса, как и прочие города Хорасана, входила до 916 г. х. в состав владений Шейбанидов. Однако, именно в 916/1510 г. произошла знаменитая мервская битва, погиб основатель династии Шейбанидов, и недавно завоеванные им хорасанские владения отошли к Сефевидам, в частности, также и Ниса. Поэтому медная монета 916 г. х. в равной мере пока может считаться формально и шейбанидской и сефевидской. По типу, однако, эта монета 916 г. х. является преемницей и продолжательницей позднетимуридских традиций в оформлении медного чекана.

И это характерно не только для Нисы. По всему медному чекану, в частности Шейбанидов, в городах Мавераннахра, Ферганы и в Ташкенте наблюдается та же преемственность. Раннешейбанидский чекан и в типовом и даже в весовом отношении не порывает с позднетимуридским, хотя некоторые новые явления чекана постепенно получают силу. То же наблюдается и на собственно шейбанидском чекане в городах Хорасана. Однако, вместе с тем, медный чекан хорасанских городов, с одной стороны, и мавераннахрских и прочих с ним связанных, с другой, в типовом отношении явно различаются, причем различие это сложилось еще при Тимуридах и преемственно сохранилось при Мухаммед-Шейбани-хане.

В этом отношении интересно поэтому выявить, какое место в типовом отношении занимает медный чекан Нисы среди типов Хорасана и Мавераннахра (с прилегающими областями).

По политической принадлежности Нисы, территориально входившей во владения Султан-Хусейна-мирзы, следовало бы ожидать, что она покажет все черты сходства с хорасанскими типами и наоборот — резкое отличие от характерных мавераннахрских типов. Но оказалось, что и эта монета Нисы, и первая, позднетимуридская медная 906 г. х. одинаково занимают промежуточное положение среди обеих групп типов.

Для большинства типов Мавераннахра за ранний период (до 919/1513—14 г.), несмотря на известные отклонения и исключения, характерна группа признаков, объединяющих весь чекан Мавераннахра, Ферганы и Ташкента, причем лучше всего они выявляются на монетах Бухары и Самарканда, дающих более 50 типов, но чекан остальных городов в типовом отношении лишь подтверждает эти показатели. К числу этих признаков относятся следующие главные:

1. Обозначение города проставляется обычно самостоятельно лишь в составе самой простой вспомогательной легенды. Значение обозначения города подчеркивается тем, что оно заключается обычно в специальный центральный картуш, чаще всего обрамленный орнаментом.

2. Дата, как правило, передается словами с начальной формулой «بتاريخ سنه» или ...فى التاريخ سنه и помещается обычно на Rv без картуша прямо в поле. Цифровое обозначение даты не играет большой роли, употребляется чаще лишь вместе со словесной датировкой, а случаи самостоятельного проставления даты цифрами—единичны (несмотря на большое количество дошедших типов медных монет по разным городам).

Из хорасанских монет по кладам известен для этого раннего периода, кроме Нисы, еще чекан Балха, Мерва и Герата. Часть типов да-

тирована и по датам относится или к позднетимуридскому или раннешейбанидскому чекану; большая же группа не имеет в легенде года выпуска их, но принадлежность их к рассматриваемому периоду не вызывает сомнения, так как они оказались в обращении вместе с датированными монетами самых разнообразных городов именно этого периода и в достаточно большом количестве, тогда как ранние монеты в составе кладов представлены обычно единичными экземплярами.

Уже обозначение города по чекану Мерва, Герата и Балха отличается от принятого на мавераннахрских и прочих примыкающих к ним типах. Здесь только в редких случаях город стоит самостоятельно, в составе простой вспомогательной легенды. Обычно же вместе с наименованием города помещается еще и другая легенда, имеющая самостоятельный смысл, как например термины فلوس («фулюс») دانگی («данги») فلوس دانگی вместе („фулюс-и-данги“) или دینارفلوس («динар-и-фулюс»). Причем город в этих случаях никак не выделен, и обе самостоятельные части легенды помещаются вместе прямо в поле. Таким образом, обозначение города на хорасанских монетах обычно так не подчеркивается и не выделяется, как на мавераннахрских, где даже в тех единичных случаях, когда есть еще какая-либо добавочная легенда, она не сливается в одно с обозначением города. Резко подчеркнутый картуш на хорасанских монетах также употребляется не часто.

В части обозначения даты различия неменьшие. На большинстве известных датированных хорасанских монет год проставляется именно цифрами (что, наоборот, — исключение для Мавераннахра) вместе с обозначением города в поле или самостоятельно на Rv после вводной формулы (فی‌سنه или فی‌التاریخ).

Третий момент, выделяющий хорасанские монеты — частое изображение живых существ (птиц, рыб, четвероногих), тогда как в Мавераннахре и других к северо-востоку расположенных областях, несмотря на большое количество выявленных типов, пока только на двух самаркандских встречены изображения.

Обе медные монеты Нисы (906 и 916 гг. х.) характеризуются обозначением города в картуше вместе с датой цифрами, причем — так как обе монеты разделяет большой промежуток времени (10 лет), а характер их, однако, прочно сохраняется, можно предположить, что в чекане Нисы такого рода типы были устойчивы. Обозначение даты цифрами сближает нисийский чекан с чеканом других хорасанских городов. Этому сближению в целом не противоречит также наличие картуша и простой легенды с обозначением города, хотя этот момент особенно характерен для мавераннахрских типов. Вместе с тем, нельзя не отметить, что сам картуш, особенно на монете 906 г. х. (квадратный с орнаментом) именно такой, как например, бухарские и самаркандские картуши 899—901 гг. х. (а для Бухары еще и 910 г. х.), кроме того, он весьма близок картушу Кеша за 906 г. х. и т. д.

Таким образом, из четырех городов Хорасана, монеты которых, судя по составу кладов, в период господства Мухаммеда Шейбани-хана попали в оборот Мавераннахра, чекан Герата, Балха и Мерва показывает наибольшие типовые отличия, а монеты Нисы, насколько можно судить по известным экземплярам, тяготея к Хорасану, ближе всех прочих хорасанских городов подходят к мавераннахрским типам.

VI. Сефевиды

Представлены тремя серебряными монетами (теньгами по весу) Исмаила, битыми в Нисе. Одна из них неопубликована и хранится в Государственном Историческом музее (Москва), две приведены в соответствующей нумизматической литературе.

1. Ниса (без обозначения даты).

   Av=В фигурном картуше ضرب نیسا. Кругом имя шаха с титулами السلطان العادل الکامل الهدی آلوا[لی] ابو المظفر شاه (нижняя часть поля монеты стерта). ...[ا] سمعیل بهادر خان

   Rv = В картуше шиитский символ:
   لا اله آلا آلله محمد رسول الله علی ولی الله.
   Кругом—имена двенадцати шиитских имамов (монета ГИМ"а).

2. Ниса (также без обозначения даты) — как № 1. На одной стороне (обозначенной автором как Rv в центре ضرب نیسا. Кругом имя шаха с титулами в том же порядке расположения, что и у № 1. На другой стороне—шиитский символ в картуше, а кругом—имена двенадцати имамов[20]).

3. Ниса 916 г. х. Эта монета особенно интересна тем, что имеет дату чекана, обозначенную на Rv (на Av, над именами шиитских имамов, согласно автору). Другая сторона, как обычно, содержит наименование города и имя шаха с титулом.[21])

В 916 г. х. шах Исмаил завоевал Хорасан. Поэтому серебряный чекан этого года отнюдь не является случайным. Чекан серебряных монет на Востоке (особенно при денежном хозяйстве, основанном на серебре) от имени какого-либо государя считался знаком признания законности его власти. Вступая на престол, новый государь с этой точки зрения (особенно в условиях удельной системы владения) был заинтересован, чтобы во всех подчиненных городах сразу были выбиты монеты от его имени (это великолепно иллюстрируется, например, шейбанидским чеканом XVI в.). Так, и шах Ислам приказал, видимо выбить в том же году монеты именно от своего имени, что подтверждается также чеканом Герата 916 г. х. — другого, в этом же году завоеванного города.[22])

Поскольку сефевидский чекан серебра в 916 г. х. имел именно такое символическое значение, Ниса выделяется как одно из важных в политическом отношении владений во вновь завоеванных землях, если приказ шаха Исмаила распространялся и на нее. Что в Нисе этого времени был монетный двор, видно из всего предшествующего чекана, особенно позднетимуридского. Но чеканилось ли после Хулагуидов серебро, или при Тимуридах и Мухаммед-Шейбани-хане Ниса выпускала только медную монету — пока неизвестно. Из хорасанских городов при Мухаммед-Шейбани-хане (насколько сейчас известно по опубликованным и еще больше неопубликованным монетам) чеканили серебро, как будто, более крупные, чем Ниса, города, такие как Герат, Нишапур, Мешхед, Мерв и Балх. Если же Ниса в это время действительно не выпускала своего серебра монеты Исмаила особенно подчеркивают то значение, которое придавалось этой области новым завоевателем.

В заключение нужно отметить, что и вновь выявленные монеты, подтверждают выясненное М. Е. Массоном на основании анализа греческих, латинских и восточных, в том числе нумизматически, источников правильное написание самого наименования города, именно через «и», как «Ниса», а не через «е» (Неса), как наиболее часто встречается в научной литературе[23].) В трех случаях (на двух серебряных монетах шаха Исмаила и на одной медной монете 916/1510—1511 г.), когда обозначение города поставлено со всеми диакритическими знаками, после первой буквы «Н» следует «и», так что четко читается именно «Ниса» (نیسا).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ибн Хордадбех. «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик». Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, М. — Л., 1939, стр. 145.

2. Ал-Истахри. «Китаб месалик ал-мемалик». Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, стр. 170, 176.

3. Мехди-хан Астрабадский, «Тарих-и-Надири». Перев. под ред. А. А. Ромаскевича, МИТТ, т. II. М. — Л., 1938, стр. 121.

4. Марков А. [К], Инвентарный каталог мусульманских монет. Имп. Эрмитажа, СПб., 1896. 4-ое добавление, № 13, стр. 976.

5. Бартольд В. В., дает две даты этого объединения: в «Туркестане в эпоху монгольского нашествия» (ч. II, Исследование. СПб., 1900, стр. 275) он приводит 996 г. н. э., а в своей статье, посвященной Хорезму в «Энциклопедии ислама»—995 г. н. э. (Bartold W. Khawarism. Enzyklopaedie des Islam. Leiden—Leipzig, 1927, стр. 975).

6. Веселовский Н. [И], Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. СПб., стр. 45 и прим 2 к стр. 45.; Катанов Н., Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня-Ургенча. ЗВО, т. XIV, в. IV. СПб., 1902, стр. 107.

7. Лэн-Пуль, Ст. Мусульманские династии. Перев: В: Бартольда. СПб. 1899, стр. 297-дополнение В. Бэртольда; Бартольд В. В., Туркестан... цит. соч., стр. 287. В «Энциклопедии ислама» (цит. статья) просто говорится, без приведения дат, о последовательном наследовании Мамуну двух его сыновей, Али и Мамуна.

8. Zambaur E. Manuel de genealogie et de Chronologie pour 1‘ histoire de 1‘ Islam. Hanower, 1927, стр. 208.

9. МИТТ, т. 1, стр. 227, примеч. 3—4.

10. Марков А. [К.], Инвентарный каталог... стр. 296.

11. Марков А. [К.] Инвентарный каталог... 4-ое добавление, стр. 976.

12. Бартольд В. В. Туркестан.:: стр. 287, 289.

13. Бартольд В. В., Туркестан... стр. 271—274. В 1-ом томе МИТТ (стр. 225, прим. 1) датой пожалования эмиру Гурганджа Нисы неправильно назван 977 г. н. э. У В. В. Бартольда, на которого ссылаются составители примечания, этот год на соответствующей странице относится лишь к провозглашению Себук-Тегина эмиром Газны и никакого отношения к описываемому ниже, на той же странице событию, не имеет.

14. Бартольд В. В., Туркестан... стр. 282—283. Ал-Утби. Китаб ал-Йамини. Перев. С. Волина, МИТТ, т. 1, 223—225.

15. Тизенгаузен В. [Г.] Новое собрание восточных монет А. В. Комарова, ЗВО, т. III. СПб., 1889, стр. 65, № 26, табл. II, № 12.

16. Марков А. [К.], Инвентарный каталог..., стр. 300, № 53 и стр. 301, № 54.

17. Мухаммед ан-Несеви. Сират ас-солтан Джелал-ад-дин Менкуберти. Перев. С. Болина, МИТТ, т. 1, стр. 472.

18. Марков А. [К.], Инвентарный каталог... 2-ое добавление, стр. 895, № 190-а.

19. Бартольд В. В., Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения, Л., 1928, стр. 155—157. Хондемир. Хабиб-ус-сияр. Перев. под ред. А. А. Ромаскевича., МИТТ, т. II, М. — Л., 1938, стр. 39—40.

20. Codrington O. Some rare and inedited arabic and persian coins. Hertford, 1889, № 27.
21. Rabino H. L. Coins of the shahs of Persia. Parts III andl V. Reprinted from Numismati, chronicle. Ser. VI, vol XV, стр, 199, № 3.
22. Codrington O. Some rare... стр. 8, Марков А. К. Инвентарный каталог..., стр. 709, № № 3—5.
23. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 17 и 98, прим. 5.

СОДЕРЖАНИЕ

Массон М. Е. — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. 7

Окладников А. П. — Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова (отчет о полевых исследованиях в 1947 г.) . . . 73

Ершов С. А. — Полевой отчет о раскопочных работах отряда № 1 ЮТАКЭ на крепости Старая Ниса в 1947 г. 105

Давидович Е. А. — Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы 108

Пугаченкова Г. А. — Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы 143

Вязьмитина М. И. — Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. 147

Ремпель Л. И. — Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении 169

Пугаченкова Г. А. — Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса 192

Литвинский Б. А. — Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. 253

Мошкова В. Г. — Отчет о работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ 1947 г. в Бахарденском районе ТССР 315

Левина В. А. — Позднее городище Анау 344

Левина В. А. — Жилище Анау 379

Мерщиев М. С. — Сардоба городища Анау 396

Альхамова З. А. — Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению раскопа городища Старого Мерва в 1947 г. 404

Массон В. М.—Хумы Нисы (О некоторых формах неполивной керамики) 413

Давидович Е. А. — Средневековый чекан Нисы 437

Ред. издательства *Н. Е. Булгакова*
Тех. редактор *А. О. Васильев*

Сдано в набор 3/X-1952 г. Подписано к печати 16/XI-1953 г. Формат бумаги 84x108 1/16
Печатных листов 46. Учетно-издательских листов 34,7. Цена 25 руб. 80 коп.
Зак. 1642. Тираж 1000 экз. И-08244.

г. Ашхабад, Энгельса, 90. Типография Академии наук Туркменской ССР

ЦЕНА 25 р. 80 к.